7СМ2
Б-43
43

Белинский

письма
т. I

1

~~70177~~.
60998

БѢЛИНСКІЙ

89р(09)
Б-43

ПИСЬМА

ТРИ ТОМА

РЕДАКЦІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ
Е. А. Ляцкаго

Томъ I
[1829—1839]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28.
1914

Фундаментальная
Библиотека

IPz 94
пр62
8
Б-43

Книгоиздательство Огни.

Пр60998
87г
...орького
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У.
44 ~~118~~36

Отъ редактора.

Въ основу настоящаго изданія положено собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго, составленное покойнымъ академикомъ А. Н. Пыпинымъ. Эти письма собирались имъ, главнымъ образомъ, въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, во время его работы надъ изслѣдованіемъ „Бѣлинскій, его жизнь и переписка", печатавшимся первоначально въ „Вѣстникѣ Европы" и вышедшимъ, затѣмъ, отдѣльной книгой въ 1876 году.

Приступая къ своему труду, Пыпинъ обратился къ роднымъ Бѣлинскаго, а также къ его друзьямъ и знакомымъ, хранившимъ живую память объ этой замѣчательной личности, съ просьбой сообщить ему, наряду съ воспоминаніями, и имѣвшіяся у нихъ письма Виссаріона Григорьевича.

Обращеніе Пыпина, въ связи съ его мыслью написать опытъ біографіи Бѣлинскаго, встрѣтило сочувственный [illegible] и сравнительно въ короткое время дало ему возможность располагать, частью въ подлинникахъ, частью въ точныхъ [illegible] письмами Бѣлинскаго къ слѣдующимъ лицамъ: [illegible]сандрѣ Михайловнѣ (отъ М. И. Семевскаго), [illegible]кову (отъ П. В. Анненкова), къ М. А. Бакунинѣ (отъ А. А. Бакунина, В. А. Крылова и [illegible]), къ В. П. Боткину (отъ В. А. Крылова, [illegible]кова и А. В. Станкевича), къ К. Г. Бѣлинскому (отъ [illegible] Иванова), къ А. И. Герцену (отъ К. Т.

Краевскому („Русская Старина“, 1904, авг.), кн. В. Ѳ. Одоевскому („Русская Старина“, 1904, авг.), М. В. Орловой (сборникъ „Помощь Голодающимъ“, М. 1892), И. И. Панаеву („Воспоминанія“ А. Я. Головачевой-Панаевой, Спб., 1890), М. М. Попову („Былое“, 1906, окт.), роднымъ („Русская Старина“, 1876, янв. и февр.), Н. С. Селивановскому (сборникъ „Помощь Голодающимъ“, М. 1892), И. С. Тургеневу („Стихотворенія И. С. Тургенева“ подъ ред. С. Н. Кривенко, Спб., 1891, „Русское Обозрѣніе“, 1894), И. И. Ханенкѣ („Русскій Архивъ“, 1876, т. II, кн. 7).

Письма, собранныя Пыпинымъ, печатаются по тексту его собранія. Разночтенія съ печатными варіантами указаны въ примѣчаніяхъ.

Въ отношеніи писемъ, отсутствующихъ въ собраніи Пыпина и взятыхъ изъ печатныхъ изданій, руководящее значеніе признано за текстомъ того изданія, гдѣ данное письмо появилось впервые.

При всемъ стремленіи напечатать приводимыя письма Бѣлинскаго во всей полнотѣ, редакторъ счелъ необходимымъ подвергнуть исключенію нѣкоторыя строки и отдѣльныя слова и фразы, заключавшія въ себѣ выраженія слишкомъ рѣзкія, допустимыя при извѣстныхъ условіяхъ дружеской переписки, но въ печати невоспроизводимыя. Весьма немногія исключенія сдѣланы, затѣмъ, въ тѣхъ мѣстахъ писемъ, гдѣ Бѣлинскій касался особенностей современнаго ему политическаго состоянія Россіи; эти исключенія, относящіяся лишь къ отдѣльнымъ сло вамъ и выраженіямъ, нигдѣ не измѣняютъ, впрочемъ, суще высказанныхъ имъ мыслей. Всѣ исключаемыя слова и замѣнены точками.

Помѣщаемыя въ настоящемъ изданіи письма рас въ хронологическомъ порядкѣ.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ письма, об сковскій періодъ жизни Бѣлинскаго, до его пе тербургъ, съ 1829 по октябрь 1839 года.

Во второй томъ входятъ письма, обнимающія первую часть петербургскаго періода жизни Бѣлинскаго, закончившуюся лѣтомъ 1843 г. его поѣздкой въ Москву, которая привела его къ сближенію съ М. В. Орловой, т. е., за періодъ времени съ ноября 1839 г. по августъ 1843 года.

Третій томъ начинается перепиской съ М. В. Орловой и содержитъ въ себѣ письма, написанныя Бѣлинскимъ съ сентября 1843 г. до его смерти, т. е. по 1848 г.

Орѳографія и разстановка знаковъ препинанія отличается у Бѣлинскаго историческимъ своеобразіемъ и нѣкоторой непослѣдовательностью на протяженіи всей переписки; въ текстѣ писемъ встрѣчаются, кромѣ того, неизбѣжныя ошибки и описки. Съ цѣлью избѣжать внѣшней, чисто зрительной пестроты въ этомъ отношеніи, редакторъ призналъ возможнымъ придать орѳографіи и пунктуаціи нѣкоторое однообразіе въ духѣ современнаго написанія, оговоривъ въ то же время, какъ въ соотвѣтственныхъ *примѣчаніяхъ*, такъ и отдѣльно, типичныя особенности орѳографіи *Бѣлинскаго*. Слова и собственныя имена, писавшіяся Бѣлинскимъ то сокращенно, то полностью, въ настоящемъ изданіи печатаются полностью, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, которые могли бы вызвать какія-либо сомнѣнія въ значеніи этихъ сокращеній.

Замѣчанія А. Н. Пыпина, дѣлавшіяся имъ на поляхъ его собранія и относившіяся къ тексту писемъ Бѣлинскаго, печатаются подстрочно съ помѣтками всякій разъ инициаловъ *П.*

Въ концѣ 3-го тома приложенъ общій указатель именъ ко всѣмъ тремъ томамъ.

Нельзя не отмѣтить въ заключеніе, что, несмотря на то, настоящее изданіе содержитъ въ себѣ около 300 писемъ оно не можетъ считаться исчерпывающимъ. Изъ писемъ Бѣлинскаго видно, что, кромѣ извѣстныхъ писемъ его не сохранилось, или по крайней мѣрѣ не отыскано. Такъ, мы не знаемъ ни одного

письма Бѣлинскаго къ Т. Н. Грановскому, къ М. Н. Каткову, къ И. П. Клюшникову, къ А. В. Кольцову, къ И. И. Лажечникову и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, съ которыми Бѣлинскій состоялъ въ перепискѣ, иногда весьма дѣятельной. Изъ нѣсколькихъ десятковъ писемъ къ А. И. Герцену сохранилось всего десять. Неизвѣстны также нѣкоторыя письма къ А. М. Бакунину, В. П. Боткину, Н. В. Станкевичу и др.

Дѣятельнымъ помощникомъ редактора по подготовкѣ настоящаго изданія къ печати былъ Ю. М. Лазаревъ.

Отрывокъ изъ письма къ родителямъ. 1 сентября, 1829.

Теперь я не знаю, что мнѣ и дѣлать. Завтра опять хочу просить его превосходительство Андрея Зиновьича Дурасова; если онъ откажется помочь, то я лишусь всякой надежды поступить нынѣшнимъ годомъ въ Московскій университетъ, и всему этому причиною вы. Безъ свидѣтельства, которое мнѣ такъ нужно, какъ мужику паспортъ, и самое мое пребываніе въ Москвѣ опасно. Еслибъ на заставѣ я не сказался лакеемъ Ивана Николаевича, меня бы остановили... Бога самого ради прошу васъ: пришлите какъ наивозможно скорѣе свидѣтельство. Я безъ него погибъ.

Отрывки изъ письма къ родителямъ. Начало сентября, 1829.

Мои обстоятельства въ самомъ худомъ положеніи... Пріемъ просьбъ и экзамены кончились, и уже выдали табели. Надежда потеряна совершенно. Но я въ Чембаръ не поѣду по слѣдующимъ причинамъ: меня, яко неимѣющаго никакого вида и свидѣтельства, задержатъ на заставѣ. Во-вторыхъ, я не хочу быть предметомъ посмѣянія и насмѣшекъ всего города, и посему лучше соглашусь умереть съ холода и голода среди московскихъ улицъ, или просить милостыню подъ окнами, нежели ѣхать къ вамъ въ Чембаръ. Опять, если я пріѣду въ Чембаръ, то не буду имѣть случая вторично ѣхать въ Москву: ибо и сей разъ съ большимъ грѣхомъ удалось мнѣ съѣхать.

Я могу пріискать квартиру рублей по 15-ти въ мѣсяцъ на хозяйскомъ содержаніи у какого-нибудь дьячка или пономаря, которые въ Москвѣ живутъ не хуже нашихъ поповъ. Буду заниматься языками, науками. Постараюсь найти кондиціи, и

другія средства къ содержанію буду испытывать. Между тѣмъ, надѣюсь, что и вы меня не совсѣмъ оставите. На будущій годъ я всѣхъ прежде подамъ просьбу и навѣрное буду принятъ.

Безъ сего свидѣтельства меня никто и на квартиру не пуститъ, ибо надобно заявить въ части. Теперь я все равно, какъ бѣглый, и нахожусь въ великой опасности: ибо Москва—не Чембаръ.

Отрывокъ изъ письма къ родителямъ. Конецъ сентября, 1829.

Съ живѣйшею радостію и нетерпѣніемъ спѣшу увѣдомить васъ, что я принятъ въ число студентовъ императорскаго Московскаго университета. Меня не столько радуетъ то, что я студентъ, сколько то, что симъ могу доставить вамъ удовольствіе. Я съ своей стороны сдѣлалъ все, что только могъ сдѣлать: я передъ вами оправдался. Тѣмъ болѣе меня радуетъ и восхищаетъ принятіе въ университетъ, что я оному обязанъ не покровительству и стараніямъ кого-нибудь, но собственно самому себѣ. Хотя Лажечниковъ и просилъ обо мнѣ двухъ профессоровъ, но его просьба потому осталась недѣйствительна, что въ то время, когда я держалъ экзаменъ, вмѣсто ихъ другіе были назначены экзаменаторами. Генералъ Дурасовъ тоже въ семъ случаѣ мнѣ нимало не помогъ. Впрочемъ, онъ тѣмъ сдѣлалъ мнѣ большую пользу, что собственноручною роспискою поручился въ томъ, что я буду всегда ходить въ форменной одеждѣ и поведеніемъ своимъ не нанесу никакого начальству безпокойства. По уставу, каждый студентъ долженъ найти себѣ поручителя; поручаться же можетъ отецъ, родственникъ и всякій чиновный человѣкъ. Я получилъ отъ васъ свидѣтельство о рожденіи 11-го числа, въ среду; просьбу подалъ 12-го числа, экзаменъ держалъ 19-го, табель получилъ 21-го. Итакъ, я теперь студентъ и состою въ XIV-мъ классѣ, имѣю право носить шпагу и треугольную шляпу.

Отрывки изъ письма къ отцу. 2 октября, 1829.

Папенька, я получилъ ваше письмо 30-го сентября. Сдѣланные вами мимоходомъ въ семъ краткомъ письмѣ упреки, сколько для меня горестны, столько, къ несчастью, и справедливы. Такъ

запираться не для чего. Я во всемъ признаюсь: признаніе есть исправленіе половины вины. Я издержалъ всѣ деньги до копѣйки. Впрочемъ, сіе мотовство произошло не отъ безпорядочнаго поведенія или чего-нибудь подобнаго, но единственно отъ вѣтренности и неосторожности, отъ незнанія цѣнъ и безстыдства московскихъ продавцовъ. Напримѣръ, еще дорогою наслышался я отъ Ивана Николаевича и его честныхъ служителей, что сапоги въ Москвѣ чрезвычайно дороги. По пріѣздѣ въ оную, чрезъ два дня... прошу Евфима, чтобы онъ привелъ ко мнѣ сапожника и съ нимъ при мнѣ сладился о цѣнѣ. Онъ говоритъ, что у него есть знакомый сапожникъ, который цѣлый годъ шилъ сапоги на Ивана Николаевича и на него, и что онъ беретъ крайне дешево. На другой день приводитъ ко мнѣ дешеваго сапожника. Спрашиваю, что стоятъ хорошіе опойковые полусапожки?—«Не дороги, сударь, только 18 руб.». Я изумился, смѣшался и не зналъ, что и подать. Честный Евфимъ съ сапожникомъ взапуски увѣряютъ меня, что дешевле невозможно заказать; и я, увѣренный, или, лучше сказать, обманутый сими плутами, согласился за 14 руб. Правда, онъ сшилъ, по наружности, прекрасные полусапожки, но они не болѣе двухъ дней были крѣпки. Шельма, взявши съ меня такую цѣну, не постыдился употребить на мои сапоги товару съ изъяномъ. Искусно затертыя, замазанныя и зачищенныя дыры скоро открылись. Послѣ я узналъ, что въ Москвѣ за очень хорошіе опойковые полусапожки не болѣе 6-ти или 8-ми руб. берутъ... Такимъ же образомъ, по рекомендаціи Евфима, я купилъ чемоданъ за 10 руб., а онъ стоитъ не болѣе 6-ти руб. Вотъ, видите ли, по неопытности и незнанію, я за двѣ покупки передалъ 10 руб. Такимъ же образомъ я промахивался и въ другихъ покупкахъ. Впрочемъ, много истратилъ денегъ на книги, и, что всего самому досаднѣй, на разные пустяки. Пріѣхавши въ такой городъ, гдѣ всѣ роды обольщеній какъ бы стараются выманивать деньги у неопытныхъ провинціаловъ...

У насъ наистрожайшимъ образомъ студентамъ запрещается ходить на лекціи въ партикулярной одеждѣ. Однажды пришелъ въ нашу аудиторію профессоръ математическаго отдѣленія, инспекторъ своекоштныхъ студентовъ, Чумаковъ. Самымъ грубымъ образомъ погналъ всѣхъ фрачниковъ и сюртучниковъ на заднія лавки и сказалъ: «Ежели кто-нибудь черезъ недѣлю не будетъ имѣть форменной одежды, то я выключу изъ университета».

Конечно, онъ выключить не можетъ, ибо въ семъ случаѣ одинъ не имѣетъ никакой силы, однако можетъ запретить ходить на лекціи, а чрезъ упущеніе очень много можно потерять. При томъ не имѣющій форменной одежды можетъ быть замѣченъ и навлечь негодованіе начальства. Посему мнѣ непремѣнно должно имѣть на первый случай хотя вицъ-мундиръ, форменную жилетку и картузъ.

Но изъ сей суммы выгадаю и на картузъ. Конечно, 54 руб. сумма для васъ не маловажная, но дѣлать нечего: нужда не знаетъ законовъ.

Отрывки изъ письма къ родителямъ. 9 октября, 1829.

Я думаю, что въ вашемъ пресловутомъ Чембарѣ очень удивляются, что я принятъ въ императорскій Московскій университетъ студентомъ. Впрочемъ, я очень мало дорожу мнѣніемъ чембарцевъ. Ежели меня не умѣли оцѣнить въ Чембарѣ, то оцѣнили въ Москвѣ. Я думаю всѣмъ вѣстимо, что между Чембаромъ и Москвою есть небольшая разница, и что между чембарскими жителями и московскими профессорами есть маленькое разстояньице. О, Чембаръ, пресловутый Чембаръ!!!

Я былъ четыре раза въ театрѣ; онъ сооруженъ въ 1824 г. и есть прекраснѣйшее и огромнѣйшее зданіе, одно изъ единственнѣйшихъ произведеній зодчества и одинъ изъ первѣйшихъ театровъ Европы. Видѣлъ въ роляхъ Отелло и Карла Моора знаменитаго Мочалова, перваго, лучшаго трагическаго московскаго актера, единственнаго соперника Каратыгина. Геній мой слишкомъ слабъ, слишкомъ ничтоженъ, недостаточенъ, чтобы достойно описать игру сего неподражаемаго актера, сего необыкновеннаго генія, сего великаго артиста драматическаго искусства. Впрочемъ, другіе драматическіе актеры, за исключеніемъ двухъ или трехъ, очень худо играютъ; напримѣръ: роль Едельмоны и Амаліи играла Рыкалова по пензенскому худо, а по московскому скверно. Вообще многіе актеры подгаживаютъ и, вообще, представленіе трагедій восхищаетъ въ частяхъ, а не въ цѣломъ. Что же касается до комедіи и оперъ, то я не знаю, можетъ ли что-нибудь быть во всей нравственной и физической природѣ совершеннѣй представленій оныхъ. Лучшій комическій актеръ здѣсь

Щепкинъ: это не человѣкъ, а дьяволъ, вотъ лучшая и справедливѣйшая похвала его. Красота декорацій, сходство ихъ съ натурою неописанны: мнѣ кажется, что въ семъ случаѣ искусство превзошло природу. Но довольно о театрѣ. Если вамъ будетъ пріятно сіе слабое описаніе Московскаго театра, то я буду вамъ писать о семъ подробнѣе.

Отрывки изъ разныхъ писемъ къ родителямъ. Конецъ 1829.

Рѣшеніе на мою просьбу выйдетъ около Р. Х., а не прежде, и до тѣхъ поръ я долженъ жить на своемъ коштѣ.

Это по-московски чрезвычайно дешево, и дешевле этого найти невозможно... Такъ какъ я себя очень хорошо веду, тихъ, ласковъ, вѣжливъ и услужливъ, то ей и не хочется, чтобы я сошелъ.

Вы не можете себѣ представить, что вышло на разныя мелочи, напримѣръ: я купилъ пару ваксенныхъ щетокъ, ваксы, помады, гребень, гребенку, рейсфедеръ, бумаги, перьевъ, чернилъ и прочихъ необходимыхъ мелочей, на которыя довольно вышло денегъ. При томъ же, пріѣхавши въ Москву, надобно было нанимать ямщиковъ до тѣхъ поръ, пока не узналъ хорошо улицъ. Бывало, когда пойду пѣшкомъ, то плутаю до тѣхъ поръ, что зайду отъ цѣли версты за три. При томъ же я купилъ себѣ довольно необходимыхъ книгъ, напримѣръ ариѳметику Войтяховскаго, за которую заплатилъ два рубля, и нѣсколько другихъ учебныхъ и французскихъ нужныхъ книгъ. Рублей съ пять издержалъ дорогой. При томъ же вы знаете, что Москва не Чембаръ, а я—не монахъ, отчужденный отъ міра. По всѣмъ симъ причинамъ у меня очень немного осталось денегъ...

Впрочемъ, я надѣюсь непремѣнно получить обѣщанныя вами деньги вскорѣ; ибо, я думаю, что вы, несмотря на мои ошибки, все еще мнѣ отецъ и не допустите сына своего умереть съ голоду.

Папенька, вы на меня очень сердитесь и браните меня; это для меня чрезвычайно прискорбно. Признаюсь, я этого никакъ не ожидалъ. Часто случалось, въ бытность мою въ Пензѣ,

переносить мнѣ подобные съ вашей стороны со мною поступки; они раздирали мою душу, приводили меня въ отчаяніе. Я молчалъ, былъ спокоенъ; но это молчаніе, это спокойствіе были ужасны. Надѣюсь, что впередъ вы будете ко мнѣ справедливѣе и подобными поступками не будете убивать вашего сына, чувствующаго къ вамъ истинную любовь и почтеніе,—сына, который почти одинъ умѣетъ понимать и цѣнить васъ. Можетъ быть, я не буду имѣть необходимости безпокоить васъ болѣе своими просьбами, равно какъ и одолжаться Николаемъ Михайловичемъ и Лукерьею Савельевною. Если успѣхъ одного предпріятія, которымъ занимается Н. Л. Григорьевъ съ однимъ студентомъ и въ которомъ и я имѣю участіе, не обманетъ нашего ожиданія, то я надѣюсь получить около 500 руб., а можетъ быть и втрое больше.

Я былъ въ музеумѣ императорскаго Московскаго университета. Что сказать о немъ? Это есть небольшое царство очарованій. Почти все, что есть удивительнаго и достойнаго вниманія въ природѣ, все тамъ находится. Всѣхъ же богатѣе собраніе минераловъ и птицъ. Видѣлъ университетскую библіотеку: она занимаетъ четыре пространныя комнаты; тамъ стоятъ алебастровые бюсты великихъ геніевъ: Ломоносова, Державина, Карамзина. Тамъ же стоятъ бюсты: императора Александра I и Шувалова. Жалко, что между помянутыми бюстами великихъ писателей стоятъ бюсты—площаднаго Сумарокова, холоднаго, напыщеннаго и сухого Хераскова. Зала публичныхъ экзаменовъ прекрасна: красота, убранство и великолѣпіе оной неописанны. Былъ въ анатомическомъ кабинетѣ... въ кабинетѣ физико-математическаго отдѣленія.

Къ А. И. и Е. И. Ивановымъ. 20 декабря, 1829.

Москва. 1829. Декабря 20 дня.

Любезные друзья мои,

Алексѣй Петровичъ и Катерина Петровна!

Какъ благодарить мнѣ васъ за безцѣнныя ваши письма отъ 15 ноября! Ахъ, они доставили мнѣ нѣсколько минутъ сладостныхъ, пріятныхъ. Они перенесли меня подъ небо Чембара; они мнѣ живо представили то счастливое время, когда я жилъ съ вами вмѣстѣ; они мнѣ напомнили наши разговоры, сужденія и

споры; все ожило въ моей памяти. Какъ сладостны эти воспоминанія!..

Благодарю васъ, друзья мои, благодарю стократно: вы подарили меня нѣсколькими минутами блаженства. Я читалъ, перечитывалъ, пряталъ и опять читалъ ваши письма. Я пожиралъ ихъ моими взорами. Но къ моему ужаснѣйшему мученію они написаны связно и неразборчиво; нетерпѣливость моя еще болѣе замедляла чтеніе оныхъ. Это препятствіе часто выводило меня изъ самого себя. Но довольно объ этомъ.

Признаюсь, я очень былъ сердитъ на васъ; но ваши письма примирили меня съ вами. Я зналъ, что причиною вашего молчанія, которое причинило мнѣ много горести, была похвальная лѣнь трудолюбиваго Алексѣя Петровича, и потому только на одного его и сердился. Но теперь все забыто!

Алексѣй Петровичъ, очень радуюсь, что ты имѣешь у себя безсмертныя творенія Жуковскаго: они есть самое лучшее украшеніе твоего шкапчика. Желаю, чтобы чтеніе оныхъ было одною изъ первѣйшихъ потребностей души твоей; чтобы они были пищею твоего ума, сердца и воображенія; чтобы они доставляли тебѣ тѣ чистыя, небесныя удовольствія, тѣ возвышенныя, благородныя впечатлѣнія, которыя только можетъ доставлять душѣ образованнаго человѣка все высокое, все изящное! Умножай свою библіотеку,— но не для того только, чтобы имѣть много книгъ, но чтобы просвѣщать свой разумъ, образовывать сердце, чтобы творческими произведеніями великихъ геніевъ возвышать свою душу. Опять повторяю: плѣняйся всѣмъ благороднымъ, люби все изящное! Но я думаю, что надоѣлъ уже тебѣ сими важными и неумѣстными совѣтами.

Любезный другъ, твое описаніе Ѳедосьи Степановны и Катерины Петровны, пишущихъ ко мнѣ письма, чрезвычайно забавно: оно доставило мнѣ много удовольствія. Читая оное, я не могъ удержаться отъ смѣха и хохоталъ, какъ безумный. Чрезвычайно меня обрадовало твое обѣщаніе писать ко мнѣ на слѣдующей почтѣ. Но тщетно ожидая нѣсколько недѣль исполненія онаго, къ жесточайшему и живѣйшему моему огорченію, я увидѣлъ, что слишкомъ надѣяться на тебя... есть глупость. Извини меня за этотъ упрекъ: онъ невольно вырвался.

Что еще писать къ тебѣ? не знаю. Душа такъ полна чувствъ, что самый избытокъ оныхъ приводитъ меня въ замѣшательство. Ты говоришь о прежнемъ своемъ письмѣ (котораго я не полу-

чилъ): «оно писано было такъ плодовито, что ты, я думаю, скучился, читая оное, впрочемъ таковыя глупости, можетъ быть, заставили тебя улыбнуться въ минуту грусти, и я, можетъ быть, достигъ моей цѣли». Такъ, другъ мой, если и въ послѣднемъ письмѣ твоемъ (отъ 15 ноября) твоею цѣлью было—доставить мнѣ удовольствіе, сорвать съ устъ моихъ улыбку радости, привести меня въ восторгъ—то ты достигъ оной. И теперь еще я читаю и перечитываю ваши письма съ такимъ же живымъ удовольствіемъ, какъ и въ первый разъ. Счастливъ тотъ, кого любятъ, и кто способенъ любить! Я это только теперь узналъ. Ахъ! мысль, что за нѣсколько сотъ верстъ живутъ люди, которыхъ судьба моя занимаетъ, которые меня любятъ, обо мнѣ думаютъ и, что всего важнѣе, жалѣютъ о разлукѣ со мною, эта пріятная мысль, эта сладостная увѣренность дѣлаетъ меня счастливымъ: она очаровываетъ жизнь мою. Горе тому, кто лишится этой увѣренности, горе тому, кто съ мрачнымъ взоромъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, съ ожесточенною, отчаянною душою произнесетъ сіи роковыя слова:

Всѣмъ постылый, чужой,
Никого не любя,
Въ мірѣ странствуя я,
Какъ Вампиръ гробовой.

Ты говоришь, что съ человѣкомъ Щетинина послалъ ко мнѣ письмо, но я онаго не получилъ и помянутаго человѣка и въ глаза не видалъ. Ты заплатилъ за сочиненія В. А. Жуковскаго 20 р.: дорого, очень дорого: они и у Ширяева не дороже. Если бы ты прислалъ мнѣ денегъ, то бы я могъ купить эти четыре части рублей за восемь. Въ Москвѣ на сто рублей можно купить такое число книгъ, которое по настоящей цѣнѣ стоитъ 500 руб.

Катерина Петровна, вы очень меня обрадовали извѣстіемъ, что прекратили всѣ сношенія съ.....ми. Признаюсь: я этого не ожидалъ и, читая о семъ, почти не вѣрилъ глазамъ своимъ. Вы сдѣлали самое лучшее дѣло въ своей жизни, прервавъ всѣ связи съ этими людьми. Надобно имѣть большую разборчивость въ выборѣ даже знакомыхъ, не только друзей: ибо мы всегда непримѣтно, нечувствительно и притомъ невольно перенимаемъ у людей, съ которыми имѣемъ частое обращеніе, ухватки, привычки и даже самый образъ мыслей. Я гдѣ-то читалъ, что одинъ мудрецъ древности (не могу упомнить его имени, кажется,

Сократъ) говорилъ молодому человѣку: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты друженъ, и я узнаю и образъ твоихъ мыслей и образъ твоего поведенія. Вотъ какъ важны дружескія связи! Удовольствія истинно благороднаго человѣка должны быть благородны. Свиданіе съ друзьями есть одно изъ пріятнѣйшихъ удовольствій. Слѣдовательно, если друзья ваши хороши, то и бесѣды съ ними таковы же, равно какъ и удовольствія, получаемыя отъ оныхъ. Время драгоцѣнно, тратить его въ пустыхъ занятіяхъ или въ праздности есть непростительное преступленіе. Мы должны безпрестанно учиться, изо всего извлекать полезные уроки. Самыя удовольствія и забавы наши должны быть соединены съ пользою. Если вы проводите время съ умными, добрыми друзьями, разсуждая съ ними о чемъ-нибудь хорошемъ, то вы доставляете себѣ и удовольствіе и пользу.

Кстати скажу вамъ, что я подружился съ П. Я. Петровымъ, пріятелемъ Н. Л. Григорьева. Мы часто бываемъ вмѣстѣ; судимъ о литературѣ, наукахъ и другихъ благородныхъ предметахъ и всегда разстаемся съ новыми идеями и новыми мыслями. Вотъ дружба, которою я могу по справедливости хвалиться! Впрочемъ и васъ, Катерина Петровна, я поздравляю отъ сердца съ новою дружбою: при мысли объ оной я не смѣю хвалиться своею. Тѣсная связь съ такими умными, образованными, благородными барышнями, каковы А. П. и Л. М., можетъ быть для васъ очень полезна, если вы только будете умѣть пользоваться ею.

Съ П. Я. Петровымъ я въ первое свиданіе не говорилъ ни слова, во второе поспорилъ, а въ третье подружился. Что это за человѣкъ! Какія познанія! Какія способности! Онъ превосходно знаетъ по французски; можетъ читать германскихъ и итальянскихъ писателей и отчасти говорить на ихъ языкахъ. Знаетъ нѣсколько по англійски; хорошо по арабски и персидски. Пишетъ прекрасные стихи. Въ занятіяхъ языками и науками неутомимъ, какъ Тредьяковскій. Онъ еще хорошо знаетъ по латыни и порядочно по гречески. Жажда къ познанію языковъ въ немъ удивительна: хочетъ учиться еще по санскритски и турецки. Особенно любитъ восточные языки.

Хотя я свою благодарность за письмо ваше изъявилъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Петровичемъ, однако не могу удержаться, чтобы вторично не поблагодарить васъ за оное. Такъ я радъ вашимъ письмамъ! Теперь надѣюсь, что буду получать каждую почту какъ отъ васъ, такъ и отъ дѣятельнаго и трудолюбиваго

вашего братца. Если ему по какимъ-нибудь обстоятельствамъ нельзя будетъ писать ко мнѣ, то онъ все можетъ отправить на почту хотя ваше письмо. Да скажите и Дмитрію Петровичу, что и ему не грѣхъ бы было хотя изрѣдка писать ко мнѣ, когда лѣнится писать часто или, лучше сказать, совсѣмъ не пишетъ. Онъ меня совершенно позабылъ: я этого не ожидалъ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе всѣмъ, которые меня знаютъ и помнятъ. Особливо той особѣ, которая, какъ вы пишете, болѣе всѣхъ мнѣ кланяется, и скажите ей, что ея образъ не выходитъ изъ моей памяти, и что

Повсюду онъ за мною бродитъ
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

Авдотьѣ Александровнѣ также прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе. Поцѣлуйте за меня Вѣрочку и Петиньку. Такъ какъ я, при отъѣздѣ, обѣщался вамъ описывать мое путешествіе, то теперь исполняю свое обѣщаніе. Въ видѣ повѣсти или, лучше сказать, разсказа, я вамъ опишу все мое пребываніе въ Москвѣ со дня моего въѣзда и до сего времени. Прощайте! Желаю вамъ здоровья и счастія, а больше ничего. И тебѣ того же, первостатейный лѣнтяй, Алексѣй Петровичъ, да еще побольше лѣности.

Виссаріонъ Бѣлинскій.

Къ А. П. и Е. П. Ивановымъ. Конецъ 1829.

Журналъ моей поѣздки въ Москву и пребываніе въ оной.

Я разстался съ вами съ чувствомъ совершенной холодности и спокойствія: мнѣ казалось, что я ѣду не далѣе Владыкина. Разговаривая, шутя и смѣясь съ Иваномъ Николаевичемъ, мы непримѣтно доѣхали до онаго. Я тотчасъ пошелъ къ Степану Михайловичу. Изъ его словъ и изъ послѣдующихъ обстоятельствъ я очень ясно увидѣлъ, что если бы не онъ, то не ѣхать бы мнѣ въ Москву съ Иваномъ Николаевичемъ. Николай Михайловичъ, весьма преизобильно нагруженный дарами щедраго Бахуса, узнавши, что я ѣду съ его сыномъ, ужасно разсвирѣпѣлъ. Несмотря на присутствіе Степана Михайловича, онъ то кричалъ, то говорилъ мнѣ въ глаза, что я ничего не могу описать вамъ, а только скажу, что никакое

перо не въ состояніи описать тѣхъ чувствъ, которыя возбудило во мнѣ его плѣнительное, очаровательное краснорѣчіе. Окруженный его придворнымъ штатомъ, я ничего не помнилъ и ничего не чувствовалъ, только въ умѣ моемъ невольнымъ образомъ вертѣлся стихъ Долгорукова: О бѣдность, горько жить съ тобою! И хотя я и вспомнилъ другой стихъ сего же писателя: терпи — и будешь атаманъ! однако, онъ меня очень мало утѣшалъ. На другой день, часовъ въ девять, мы выѣхали изъ Владыкина и ночью часовъ въ одиннадцать пріѣхали въ Ломовъ, до котораго провожала насъ съ дѣтьми Лукерья Савельевна. На другой день по утру, простившись со всѣми, мы отправились на Спасскъ, въ который и пріѣхали ночью. Увидѣвши Ломовъ, такъ сказать, мелькомъ, я подумалъ, что нѣтъ въ Россіи города хуже Чембара по строенію; увидѣвши же Спасскъ, я узналъ всю несправедливость и неосновательность моего заключенія. Этотъ городишко не стоитъ и того, чтобы объ немъ говорить: представьте себѣ, онъ не имѣетъ казеннаго дома для присутственныхъ мѣстъ, которыя размѣщены по разнымъ лачугамъ; нѣтъ ни одного каменнаго дома, только домовъ десятокъ, крытыхъ тесомъ; одна только церковь; словомъ, Спасскъ есть не что иное, какъ довольно хорошее село и довольно гнусный городишко. Впрочемъ, я это говорю-то о наружномъ, а не внутреннемъ его достоинствѣ. Постоялые дворы въ немъ превосходны. Отъ Ломова до Спасска 50 верстъ. Отъ Спасска пойдетъ дорога песчаная, и земля принимаетъ цвѣтъ свѣтло-сѣрый. Чѣмъ далѣе ѣдешь, тѣмъ болѣе песчаность умножается. На дорогѣ отъ Спасска до Старой Рязани мы переправлялись на паромѣ черезъ Цну. Вы не можете себѣ представить, въ какомъ я былъ восхищеніи, но оное еще болѣе усугубилось, когда мнѣ сказали, что будемъ еще два раза переправляться чрезъ Оку. Цна довольно быстра и широка: по ней ходятъ барки, которыя я въ первый разъ увидѣлъ. Отъ Цны дорога такъ песчана, что въ иныхъ мѣстахъ колеса увязали почти по ступицу. Чѣмъ земля песчанѣе, тѣмъ лѣсистѣе. Однимъ лѣсомъ мы ѣхали около 15 верстъ, и весь этотъ лѣсъ состоитъ по большей части изъ строевого сосняку. По сему изобилію въ лѣсѣ въ деревняхъ, чрезъ которыя мы проѣзжали, не только избы построены изъ прекраснаго сосноваго лѣса и покрыты тесомъ, но и самые сараи и амбары построены изъ онаго.

Не могу упомнить, во сколько дней мы доѣхали до Старой Рязани. Не доѣзжая до оной за полверсты, я увидѣлъ два зем-

ляные вала въ очень близкомъ другъ отъ друга разстояніи, изъ коихъ ближайшій къ Старой Рязани гораздо выше. Впрочемъ, оба довольно поразвалились, и на нихъ пасутся стада. Старая Рязань есть не что иное, какъ деревня, едва-ли состоящая дворовъ изъ пятидесяти, но селеніе, достопримѣчательное своею древностію. Это былъ прежде большой пограничный городъ. Прежде владѣнія Россіи, отъ сердца ея—Москвы, простирались на востокъ только до Старой Рязани. А теперь?..

Всѣмъ извѣстно происшествіе, назадъ тому около семи лѣтъ случившееся въ Старой Рязани: одинъ мужикъ, копая въ валу землю, нашелъ нѣкоторое количество драгоцѣнныхъ камней, золота и серебра. Все сіе онъ представилъ правительству, отъ котораго и получилъ 10,000 р. награжденія. Хозяинъ постоялаго двора, на которомъ мы остановились, сказывалъ намъ, что часто, копая землю, находятъ здѣсь огромные своды. Изъ этого должно заключить, что здѣсь былъ нѣкогда большой городъ. Какіе плѣнительные и, можно сказать, единственные виды представляетъ Старая Рязань съ своими окрестностями. Представьте себѣ высокую равнину, которая оканчивается такою крутою, неприступною горою, что пѣшій человѣкъ едва можетъ, и то въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ, взобраться на оную. Въ лѣвой сторонѣ на покатой горѣ, и какъ бы въ ямѣ, стоитъ Рязань, а при подошвѣ течетъ широкая Ока, которая, раздѣляясь на двѣ части, дѣлаетъ довольно большой островъ и одною своею частію омываетъ живописный берегъ стоящаго противу Старой Рязани городка Новоспасска. Ежели станете на горѣ лицомъ къ Окѣ, то какое величественное и восхитительное зрѣлище представится изумленнымъ очамъ вашимъ: у подошвы крутизны, подъ ногами вашими гордо разстилается быстрая Ока, покрытая барками; низкій, почти равный съ Окою противоположный берегъ, желтый, песчаный, какъ необозримое море, теряется въ своемъ пространствѣ и граничитъ съ горизонтомъ въ лѣвой сторонѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, которое, однакожъ, гораздо ниже крутизны, на которой вы стоите, стоитъ Новоспасскъ. О, съ какимъ восторгомъ, съ какою гордостію, стоя на помянутой крутизнѣ, я обозрѣвалъ сіи восхитительные виды! Эти мѣста достойны, чтобы на нихъ стоялъ столичный городъ. Еслибы хотя уѣздный хорошо выстроенный городокъ стоялъ на горѣ, то бы и тогда былъ видъ, превосходящій всякое описаніе! Новоспасскъ строеніемъ хуже нашего Чембара, но лучше Спасска: въ немъ довольно каменныхъ до-

мовъ. Сей городъ стоитъ почти весь въ лѣсу, и изъ-за деревъ виднѣются бѣлые домишки съ красными крышами, и потому онъ представляетъ прелестнѣйшій ландшафтъ, чѣмъ самымъ болѣе возвышаетъ прелесть и плѣнительную красоту сихъ мѣстъ. Отъ Старой Рязани до него не болѣе полуверсты. Мы въ Старой Рязани останавливались кормить лошадей, и потому я имѣлъ довольно времени для осмотрѣнія сихъ окрестностей. День былъ прекраснѣйшій, солнце было на полуднѣ. Отъ Спасска до Старой Рязани 150 верстъ.

Отъ Старой Рязани до губернскаго города Рязани ничего достопримѣчательнаго я не замѣтилъ, кромѣ того, что въ селахъ и деревняхъ избы построены изъ прекраснаго сосноваго лѣса и крыты тесомъ, что въ оныхъ много есть двухъ-этажныхъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ, особенно въ первыхъ, въ которыхъ видна вся прелесть русской деревенской архитектуры. Ворота, окошки и крыши изукрашены рѣзьбою. Постоялые дома почти всѣ безъ исключенія двухъ-этажные. Таковы села и деревни почти до самой Москвы. Въ одной изъ комнатъ постоялаго дома, между площадными, мазанными картинами, коими обита была вся комната, я увидѣлъ портреты: Паскевича Эриванскаго и Конари одного изъ полководцевъ новой Греціи. Отъ старой Рязани до новой 50 верстъ.

На сей дорогѣ случилось со мною небольшое приключеніе, которое стоитъ того, чтобъ разсказать вамъ его. Однажды въ полдень, уснувши въ своей кибиткѣ, я былъ пробужденъ громкимъ разговоромъ Ивана Николаевича съ кѣмъ-то незнакомымъ. Встаю, гляжу и вижу ѣдущую позади насъ цыганку. Взглянувши на меня, она сказала, что уменъ, доброе лицо, что (признаюсь въ слабости) мнѣ было непріятно. По обыкновенію, она предложила мнѣ извѣстную услугу: поворожить. Отъ скуки и для смѣха я согласился на ея предложеніе и подалъ ей руку. Между многими глупостями, которыя обыкновенно врутъ сіи пророчицы, меня чрезвычайно удивили слѣдующія слова: «Люди почитаютъ и уважаютъ тебя за разумъ, только языкомъ не сшибайся. Ты ѣдешь получить и получишь, хотя и сверхъ чаянія». Неудача моя въ разсужденіи поступленія въ университетъ заставила меня смѣяться надъ послѣдними словами сей пиѳіи, но принятіе въ оный привело мнѣ на память ея слова, довольно удивительныя. Наконецъ, мы пріѣхали въ Рязань. Не буду много хвалить сей городъ, только скажу, какъ Чембаръ хуже Пензы,

такъ Пенза хуже Рязани. Но пока довольно; въ слѣдующій разъ буду писать пространно объ Рязани и продолжать мой журналъ.

Рязань есть первый истинно хорошій городъ, который я увидѣлъ. Правильное расположеніе улицъ, ихъ чистота, прекрасныя строенія, гостиные ряды, лавки—все это привело меня въ крайнюю степень восторга и удивленія. Я тутъ въ первый разъ собственнымъ своимъ опытомъ узналъ, что въ Россіи есть прекрасные города. Въ Рязани улицы часто пересѣкаются глубокими оврагами, но черезъ эти овраги, во всю ширину ихъ, проведены прекрасные мосты, столь длинные, что улицы чрезъ нихъ дѣлаются совершенно ровными. Изъ великаго числа прекрасныхъ строеній мнѣ особенно понравилась губернская гимназія, которая наружнымъ видомъ гораздо лучше московской. По пріѣздѣ на постоялый дворъ, я первымъ долгомъ поставилъ побродить по улицамъ Рязани для осмотрѣнія оной. Едва отошелъ отъ своей квартиры на десять шаговъ, какъ увидѣлъ подходящую ко мнѣ духовную особу. Служитель алтарей, поровнявшись со мною, снялъ шляпу, какъ со стариннымъ знакомымъ лицомъ, раскланялся и, пожелавъ добраго здоровья, козлинымъ голосомъ проблеялъ: «Милостивый государь! Пожалуйте отцу Ивану на бѣдность двѣ копѣечки». Я догадался, что въ карманѣ достопочтеннѣйшаго отца Ивана обрѣтается только шесть копѣекъ и слѣдовательно недостаетъ двухъ. Молча подалъ я ему два гроша. Тронутый и удивленный такою необычайною щедростію, онъ осыпалъ меня благословеніями, благодареніями и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать... куда же? Въ кабакъ, который находился отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Пожелавъ мысленно святому отцу повеселиться въ храмѣ Бахуса, я пошелъ далѣе. Не могу вамъ описать всѣхъ достопримѣчательностей Рязани, всѣхъ впечатлѣній, которыя она на меня произвела... Скажу вамъ только, что я почиталъ себя перенесеннымъ невидимою силою въ прелестное царство очарованій и такъ разгулялся по этому царству-государству, что съ большимъ трудомъ могъ найти свою квартиру и то уже случайно. Петръ увидѣлъ меня въ окно, идущаго по противоположной сторонѣ, и кликнулъ. Измученный усталостію и голодомъ, я вошелъ въ нашу комнату, гдѣ увидѣлъ сопутниковъ моихъ, расположившихся обѣдать, и, не заставляя себя долго просить, бросился на лавку, схватилъ ложку и началъ очень прилежно работать. Долго смѣялись насчетъ моей прогулки и того, что я запутался. Наконецъ, мы выѣхали и черезъ

день или два пріѣхали въ Коломну (уѣздный городъ Московской губерніи).

Коломна хуже Рязани, но лучше Пензы, и вся состоитъ изъ двухъ и трехъ-этажныхъ домовъ. Въ ней живетъ по большой части купечество. Мы только проѣзжали чрезъ этотъ городъ. Онъ имѣетъ порядочную крѣпость, но услужливые господа французы разорили оную, и теперь она находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Отъ Коломны до Бронницъ 50 верстъ.

Бронницы довольно плохой городишко, однако, лучше Чембара. Онъ почти весь состоитъ изъ каменныхъ строеній, но главный его недостатокъ состоитъ въ томъ, что въ оныхъ виденъ мѣщанскій вкусъ. Присутственныя мѣста онаго построены по плану нашихъ чембарскихъ, только менѣе оныхъ. Впрочемъ, я очень доволенъ остался этимъ городкомъ, ибо нашелъ въ немъ прекрасный трактиръ. Закусивши въ ономъ, мы пошли походить по городу. Онъ стоитъ при рѣкѣ Москвѣ. Долго мы ходили около новопостроенной церкви и отъ скуки читали надгробныя надписи, которыхъ нашли очень много. Почти всѣ эти эпитафіи написаны стихами, по красотѣ и изяществу коихъ не трудно было догадаться, что онѣ сочинены записнымъ сего города риѳмачемъ (и достойнымъ соперникомъ двухъ чембарскихъ).

Вотъ вамъ двѣ изъ нихъ:

1.

О другъ! Твой милый прахъ
Давно въ сырой землѣ лежитъ;
Но огонь любви въ сердцахъ
Всегда у насъ къ тебѣ горитъ.

2.

Здѣсь два птенца, съ сестрою братъ, положены,
Одна свѣтъ видѣла не многи дни,
Другъ едва взглянулъ—
Заснулъ.

Отъ сего города до Москвы, кажется, 50 верстъ. Выѣхавши изъ онаго, мы ночевали въ одномъ селѣ. Поутру, часовъ въ 8-мь, мы пріѣхали въ Москву. Еще вечеромъ наканунѣ нашего въ нее въѣзда, за нѣсколько до нея верстъ, какъ въ туманѣ, виднѣлась колокольня Ивана Великаго.

Мы въѣхали въ заставу. Сильно билось у меня ретивое, когда мы тащились по звонкой мостовой. Смѣшеніе всѣхъ чувствъ

волновало мою душу. Утро было ясное. Я протиралъ глаза, старался увидѣть Москву, и не видѣлъ ее, ибо мы ѣхали по самой средственной улицѣ. Наконецъ, приблизились къ Москвѣ-рѣкѣ, запруженной баркасами. Неисчислимое множество народа толпилось по обѣимъ сторонамъ набережной и на Москворѣцкомъ мосту. Одна сторона Кремля открылась предъ нами. Шумные клики, говоръ народа, трескъ экипажей, высокій и частый лѣсъ мачтъ съ развѣвающимися разноцвѣтными флагами, бѣлокаменныя стѣны Кремля, его высокія башни, — все это вмѣстѣ поражало меня, возбуждало въ душѣ удивленіе и темное смѣшанное чувство удовольствія. Я почувствовалъ, что нахожусь въ первопрестольномъ градѣ,—въ сердцѣ царства русскаго.

Долго мы стояли на набережной, ибо Петръ ходилъ къ Владиміру Ѳедоровичу и Надеждѣ Матвѣевнѣ для испрошенія у нихъ позволенія остановиться на время въ ихъ домѣ. Получивши оное, Петръ пришелъ къ намъ; мы поворотили направо и черезъ ворота каменной стѣны, окружающей Китай-городъ въѣхали въ Зарядье. Такъ называются нѣсколько улицъ, составляющихъ часть Китая-города. Сіи улицы такъ худы, что и въ самой Пензѣ считались бы посредственными, и такъ узки, что двѣ кареты никоимъ образомъ не могутъ въ нихъ разъѣхаться. При самомъ въѣздѣ въ оныя мое обоняніе было поражено такимъ гнуснымъ запахомъ, что и говорить очень гнусно... Наконецъ, мы доѣхали до цѣли и въѣхали на дворъ. Я съ Иваномъ Николаевичемъ взошелъ въ комнаты, гдѣ увидѣлъ хозяйку дома, очень обрадованную пріѣздомъ Ивана Николаевича, который отрекомендовалъ ей меня, какъ своего родственника, пріѣхавшаго въ Москву для поступленія въ университетъ. Она очень ласково обошлась со мною. Подали самоваръ, и мы напились чаю. Едва-ли успѣли переодѣться, какъ пришелъ и хозяинъ дома, который равнымъ образомъ обошелся со мною какъ нельзя лучше. Потомъ мы пошли въ книжныя лавки. Иванъ Николаевичъ имѣлъ порученіе отъ Алексѣя Михайловича купить книгъ рублей на 60. Коммиссію эту онъ исполнилъ въ одной изъ лавокъ Глазунова. Сидѣльцами оной мы увидѣли двухъ молодыхъ людей, довольно образованныхъ, какъ видно, начитанностію. Ихъ вѣжливость, ихъ разговоры о литературѣ плѣнили меня. Взявши одну книгу и разогнувши оную, я увидѣлъ, что это есть томъ сочиненій пресловутаго Хвостова. «Расходятся ли у васъ толстотомныя творенія сего великаго лирика?»—спросилъ я.—«О, милостивый государь, от-

вѣчалъ одинъ изъ нихъ съ насмѣшливой улыбкой, мы отъ нихъ никогда въ накладѣ не бываемъ, ибо имѣемъ самаго усерднѣйшаго покупателя оныхъ, и этотъ покупатель есть самъ Хвостовъ!!»

Такимъ образомъ, во время нашего трехдневнаго пребыванія въ домѣ Владиміра Ѳедоровича, мы безпрестанно бродили по Москвѣ. На третій день къ Надеждѣ Матвѣевнѣ пришла сестра ея Ольга Матвѣевна. Иванъ Николаевичъ сказалъ ей о затрудненіи, въ которомъ я находился въ разсужденіи квартиры. Такъ какъ въ домѣ ея есть маленькая свѣтелка, то она и согласилась принять меня къ себѣ. Свѣтелка мнѣ чрезвычайно понравилась; она довольно просторна для помѣщенія одного человѣка и имѣетъ большое венеціанское окно. Поблагодаривъ Владиміра Ѳедоровича и Надежду Матвѣевну за хлѣбъ за соль и ласки, я на другой же день перебрался на свою квартиру. Тутъ-то я началъ смотрѣть на Москву, какъ говорится, въ оба глаза. Священный Кремль, набережная Москвы, каменный мостъ, монументы Минина и Пожарскаго, воспитательный домъ, Петровскій театръ, университетъ, экзерциргаузъ,—вотъ что удивляло меня. Какъ такъ? А Успенскій соборъ, а колокольня Ивана Великаго? говорите вы. Погодите, друзья мои, до всего дойдетъ очередь. Всѣ прекрасныя достопримѣчательныя мѣста въ Москвѣ разбросаны, а потому она не можетъ при первомъ на нее взглядѣ производить сильнаго впечатлѣнія даже на такого человѣка, который не видывалъ города лучше Пензы. Иногда идешь большою извѣстною улицею и забываешь, что она московская, а думаешь, что находишься въ какомъ-нибудь уѣздномъ городѣ. Часто въ этихъ улицахъ встрѣчаешь превосходныя по красотѣ и огромности строенія, а между ними такія, какія и въ самомъ Чембарѣ почитались бы плохими и которыя своею гнусностію умножаютъ красоту зданія, возлѣ котораго стоятъ. Глядя на подобное зрѣлище, приводишь на память стихи Долгорукаго:

Иной въ огромнѣйшей палатѣ
Даетъ вседневный пиръ друзьямъ,
А рядомъ съ нимъ, въ подземной хатѣ,
Другой не ѣстъ по цѣлымъ днямъ.

Часто улицы бываютъ такъ узки, что двое саней съ трудомъ могутъ разъѣхаться. Вообще, во всей Москвѣ улицы узки. Самая широкая едва-ли можетъ равняться съ чембарскою. Часто попадаются переулки, такіе гнусные, что и въ самыхъ концахъ

им. Горького
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У.
Библиотека

Пензы невозможно такихъ найти. Вся Москва состоитъ изъ камня и желѣза. Улицы выложены камнемъ, тротуары кирпичные, дома кирпичные, крыши и заборы по большей части желѣзные. Хотя Москва сначала и не нравится, но чѣмъ болѣе въ ней живешь, тѣмъ болѣе ее узнаешь, тѣмъ болѣе ею плѣняешься. Изо всѣхъ россійскихъ городовъ Москва есть истинный русскій городъ, сохранившій свою національную физіогномію, богатый историческими воспоминаніями, ознаменованный печатью священной древности, и за то нигдѣ сердце русскаго не бьется такъ сильно, такъ радостно, какъ въ Москвѣ. Ничто не можетъ быть справедливѣе этихъ словъ, сказанныхъ великимъ нашимъ поэтомъ:

Москва! какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!

Какія сильныя, живыя, благородныя впечатлѣнія возбуждаетъ одинъ Кремль! Надъ его священными стѣнами, надъ его высокими башнями пролетѣло нѣсколько вѣковъ. Я не могу истолковать себѣ тѣхъ чувствъ, которыя возбуждаются во мнѣ при взглядѣ на Кремль. Видъ ихъ погружаетъ меня въ сладкую задумчивость и возбуждаетъ во мнѣ чувство благоговѣнія. Съ почтеніемъ смотрю я на ихъ старинную архитектуру. Видъ ихъ переноситъ меня въ священную древность, въ милую русскую старину. Часто случалось мнѣ мимоходомъ видѣть древній дворецъ русскихъ царей. Онъ не очень великъ, окошки сдѣланы и украшены тоже такимъ образомъ, какимъ украшаются наши сельскія строенія. На праздникъ Пасхи пускаютъ любопытныхъ во всѣ извѣстныя кремлевскія зданія, какъ-то: въ Грановитую палату, арсеналъ, дворецъ и проч., и тогда я подробно опишу вамъ все, что достойно особеннаго вниманія.

Монументъ Минина и Пожарскаго стоитъ на Красной площади, противъ Кремля. Пьедесталъ онаго сдѣланъ изъ цѣльнаго гранита и вышиною будетъ не менѣе четырехъ аршинъ. Статуи вылиты изъ бронзы. Пожарскій сидитъ, опершись на щитъ, а Мининъ передъ нимъ стоитъ и рукою показываетъ на Кремль. На передней сторонѣ пьедестала вылито изъ бронзы изображеніе людей обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, приносящихъ на жертву отечеству свои имущества. Вверху сего изображенія находится слѣдующая краткая, но выразительная надпись: Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія.

Когда я прохожу мимо этого монумента, когда я разсматриваю его, друзья мои, что со мною тогда дѣлается! Какія священныя минуты доставляетъ мнѣ это изваяніе. Волосы дыбомъ подымаются на головѣ моей, кровь быстро стремится по жиламъ, священнымъ трепетомъ исполняется все существо мое, и холодъ пробѣгаетъ по тѣлу. «Вотъ, думаю я, вотъ два вѣчно сонныхъ исполина вѣковъ, обезсмертившіе имена свои пламенною любовію къ милой родинѣ. Они всѣмъ жертвовали ей: имѣніемъ, жизнію, кровію. Когда отечество ихъ находилось на краю пропасти, когда поляки овладѣли матушкой Москвой, когда вѣроломный король ихъ бралъ города русскіе,—они одни рѣшились спасти ее, одни вспомнили, что въ ихъ жилахъ текла кровь русская. Въ сіи священныя минуты забыли всѣ выгоды честолюбія, всѣ разсчеты подлой корысти—и спасли погибающую отчизну. Можетъ быть, время сокрушитъ эту бронзу, но священныя имена ихъ не исчезнутъ въ океанѣ вѣчности. Поэтъ сохранитъ оныя въ вдохновенныхъ пѣсняхъ своихъ, скульпторъ въ произведеніяхъ волшебнаго рѣзца своего. Имена ихъ безсмертны, какъ дѣла ихъ. Они всегда будутъ воспламенять любовь къ родинѣ въ сердцахъ своихъ потомковъ. Завидный удѣлъ! Счастливая участь!»

Друзья мои, не почитайте эти строки слѣдствіемъ холоднаго низкаго желанія...

Отрывокъ изъ письма къ матери. Январь, 1830.

Маменька, вы уже въ другомъ письмѣ увѣщеваете меня ходить по церквамъ: право, подобныя увѣщанія для меня не всегда пріятны и могутъ мнѣ наскучить. Если бы вы совѣтовали мнѣ быть добрымъ человѣкомъ, не измѣнять правиламъ добраго поведенія, то бы, хотя и самъ все сіе очень хорошо знаю, принялъ бы съ благодарностію подобные совѣты. Я почелъ бы ихъ за опасеніе матери, которая любитъ своего сына и страшится потерять его. И въ такомъ случаѣ, если бы я пошелъ по пути порока, увлекаемый пылкостію характера и огнемъ страстей, то, взглянувъ на ваши строки, вспомнилъ бы, что я имѣю отца и мать, что я своимъ поведеніемъ могу причинить имъ много горестей и заставить стыдиться, что они имѣютъ такого сына — вспомнилъ бы—и, можетъ быть, удержался бы на краю про-

пасти, въ которую готовъ былъ низвергнуться. Но вы хотите изъ меня сдѣлать благочестиваго, странствующаго пилигримма и заставить меня предпринять благопохвальное путешествіе по московскимъ церквамъ, которымъ и счета нѣтъ. Шататься мнѣ по онымъ некогда, ибо чрезвычайно много другихъ, гораздо важнѣйшихъ дѣлъ, которыми должно заниматься.

Вы меня, еще въ прежнемъ письмѣ, по этому поводу упрекали въ томъ, что я былъ въ театрѣ, а не былъ во всѣхъ соборныхъ и приходскихъ церквахъ. Театръ мнѣ необходимо должно посѣщать для образованія своего вкуса и для того, чтобы, видя игру великихъ артистовъ, имѣть толкъ въ этомъ божественномъ искусствѣ. Я пошелъ по такому отдѣленію, которое требуетъ, чтобы имѣть познаніе и толкъ во всѣхъ изящныхъ искусствахъ. И потому я прошу васъ уволить меня отъ нравоученій такого рода: увѣряю васъ, что они будутъ безполезны.

Отрывки изъ писемъ къ родителямъ. Начало 1830.

Комнаты, занимаемыя студентами, называются нумерами, которыхъ 16, изъ нихъ въ двухъ живутъ два суб-инспектора. Всѣхъ казенныхъ студентовъ 150 человѣкъ. Въ каждомъ нумерѣ находится отъ 8-ми до 12-ти студентовъ. У каждаго студента своя кровать, свой столъ и своя табуретка. Кровати всѣ желѣзныя, очень аккуратно сдѣланныя... Номера наши, можно сказать, отлично хороши: карнизы стѣнъ украшены алебастровыми барельефами, полы крашеные, окна большія, чистота и опрятность необыкновенныя. Для каждаго номера опредѣленъ солдатъ, который мететъ полъ, прибираетъ постели и прислуживаетъ студентамъ. По уставу, вставать должно въ 6 часовъ, впрочемъ, спать можно и до $8^1/_2$. Въ 7 часовъ бываетъ завтракъ, который состоитъ изъ булки и стакана молока... По буднямъ обѣдъ бываетъ въ 2 часа, а по праздникамъ въ 12. Столъ по буднямъ состоитъ изъ трехъ блюдъ... Хлѣбъ всегда бываетъ сытный и вкусный, и кушанья вообще приготовлены весьма хорошо. По воскресеньямъ и прочимъ праздникамъ, сверхъ обыкновеннаго, бываютъ пироги, жаркое и какое-нибудь пирожное. Столы всегда накрываются скатертями, и для всякаго студента особенный приборъ, состоящій, какъ обыкновенно бываетъ, изъ тарелки, покрытой сложенной салфеткой, серебряной ложки, ножа и вилки. У каждаго стола, коихъ всѣхъ 14,

прислуживаетъ солдатъ... Порядокъ въ столовой чрезвычайно хорошъ. Увидя столы, накрытые снѣговыми скатертями, на которыхъ поставлены миски, блюда, графины съ квасомъ, приборы въ величайшемъ порядкѣ, можно подумать, что это приготовленъ обѣдъ для гостей какого-нибудь богача по случаю праздника, бала или чего-нибудь подобнаго... Миски и блюда блестятъ, какъ серебряныя. Такая чистота во всѣхъ отношеніяхъ наблюдается.

Нашъ инспекторъ, Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ, человѣкъ весьма извѣстный въ ученомъ свѣтѣ. Онъ строгъ, любитъ порядокъ, и мы спокойствіемъ, порядкомъ и устройствомъ нашего казеннаго быта бо́льшею частію одолжены ему. Помощники его въ должности называются суб-инспекторами, ихъ четверо: одинъ докторъ медицины, два—лекаря, готовящіеся быть докторами, и одинъ кандидатъ словесности... Они ни малѣйшей власти не имѣютъ надъ нами: если кто имъ нагрубитъ или сдѣлаетъ что нибудь слишкомъ молодецкое, то они должны только донести инспектору. Въ разсужденіи свободы у насъ очень хорошо: по буднямъ отъ двухъ до десяти часовъ ночи я имѣю право быть внѣ университета; ежели хочу ночевать внѣ онаго, то долженъ для проформы спроситься у дежурнаго суб-инспектора... Вотъ вамъ краткое описаніе казеннаго быта. Покуда все хорошо... Впрочемъ эти постановленія, а особливо въ разсужденіи свободы нашей зависятъ отъ воли инспектора, и потому, если инспекторъ хорошъ, то и казенное житье хорошо.

Вы сами знаете, какъ я ходилъ до сего времени; пора уже одѣться хотя мало-мальски получше, чтобы не стыдно было показаться добрымъ людямъ. Если бы я не имѣлъ въ семъ необходимой нужды, то бы не осмѣлился безпокоить васъ сими просьбами.

—

Къ М. М. Попову. 30 апрѣля, 1830.

Москва. 1830 года, апрѣля 30 дня.

Милостивый государь
Михаилъ Максимовичъ!

Въ чрезвычайное затрудненіе привело меня письмо моего родственника: «Михаилъ Максимовичъ, пишетъ онъ, издаетъ съ И. И. Лажечниковымъ альманахъ и черезъ меня просилъ васъ прислать ему вашихъ стихотвореній, самыхъ лучшихъ». Не

могу вамъ описать, какое дѣйствіе произвели на меня эти строки: мысль, что вы меня еще не забыли, что вы еще такъ же ко мнѣ благосклонны, какъ и прежде; ваше желаніе, котораго я, несмотря на пламенное усердіе, не могу исполнить,—все это привело меня въ необыкновенное состояніе радости, горести и замѣшательства. Бывши во второмъ классѣ гимназіи, я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго; но времена перемѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: чему онъ вѣрилъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти на перекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія не обыкновенныя, душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя—хочу ихъ выразить стихами—и не могу! Тщетно трудясь, съ досадою бросаю перо. Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выразить свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Риѳма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не уламываются въ стопы и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу. Есть довольно много начатаго—и ничего оконченнаго и обработаннаго, даже такого, что бы могло помѣститься не только въ альманахѣ, гдѣ собирается все отличное, но даже и въ Дамскомъ журналѣ! Въ первый еще разъ я съ горестію проклинаю свою неспособность писать стихами и лѣность писать прозою.

Мнѣ давно нужно было писать къ вамъ; но я не могу самъ понять, что меня отъ сего удерживало, и въ семъ случаѣ столько передъ вами виноватъ, что не смѣю и оправдываться.

Вы писали обо мнѣ И. И. Лажечникову, я это какъ бы предчувствовалъ въ то время, какъ вы вручали мнѣ письмо. Благородный человѣкъ, скажите: чѣмъ я могу вамъ заслужить за это? Столько ласкъ, столько вниманія и наконецъ такое одолженіе! Ищу словъ для моей признательности и не нахожу ни одного, которое бы могло выразить оную. Вы доставили мнѣ случай видѣть человѣка, котораго я всегда любилъ, уважалъ, видѣть и говорить съ нимъ. Онъ принялъ меня очень ласково и, исполняя ваше желаніе, просилъ обо мнѣ нѣкоторыхъ изъ гг. профессоровъ, но просьбы его и намѣреніе оказать мнѣ одолженіе не имѣли успѣха: ибо я по стеченію нѣкоторыхъ неблаго-

пріятныхъ для меня обстоятельствъ; не могъ ими пользоваться.

Я не изъ числа тѣхъ низкихъ людей, которые тогда только чувствуютъ благодарность за прилагаемыя объ нихъ старанія, когда оныя бываютъ не тщетны. Хотя моимъ поступленіемъ въ университетъ я никому не обязанъ, однако навсегда останусь благодарнымъ вамъ и Ивану Ивановичу. Если ваше желаніе споспѣшествовать устроенію моего счастія не имѣло успѣха, то этому причиною не вы, а постороннія обстоятельства. Такъ, милостивый государь, если моя къ вамъ признательность, мое безпредѣльное уваженіе, искреннее чувство любви имѣетъ въ глазахъ вашихъ хотя нѣкоторую цѣну, то позвольте увѣрить васъ, что я оныя буду вѣчно хранить въ душѣ моей, буду ими гордиться. Умѣть цѣнить и уважать такого человѣка, какъ вы— есть достоинство; заслужить отъ васъ вниманіе—есть счастіе.

Но, можетъ быть, я утомилъ васъ изъясненіемъ моей благодарности. Извините меня: строки сіи не суть слѣдствіе лести; нѣтъ: это изліяніе души тронутой, сердца, исполненнаго благодарности, чувства мои неподдѣльныя: они чисты и благородны, какъ мысль о томъ, кому посвящаются. Для меня нѣтъ ничего тягостнѣе, ужаснѣе, какъ быть обязаннымъ кому-либо: вы дѣлаете изъ сего исключеніе, и для меня ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ изъявлять вамъ мою благодарность.

Извините меня, если я продолжительнымъ письмомъ моимъ отвлекъ васъ отъ вашихъ занятій и похитилъ у нихъ нѣсколько минутъ. Итакъ, вторично прося у васъ извиненія за то, что я не засвидѣтельствовалъ прежде вамъ моей благодарности, остаюсь съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и готовностію къ услугамъ вашимъ,

ученикъ вашъ

Виссаріонъ Бѣлинскій.

Отрывокъ изъ письма къ родителямъ. 7 мая, 1830.

Ученый академическій годъ оканчивается, и къ первому іюня или еще и гораздо прежде мы будемъ свободны отъ всѣхъ заботъ, сопряженныхъ съ ученьемъ... наймемъ нѣсколько кибитокъ и поѣдемъ обозомъ; Ломовъ будетъ мѣстомъ нашихъ разъѣздовъ: нѣкоторые останутся въ ономъ, другіе поворотятъ на Пензу, а я—на благословенный Чембаръ.

Отрывокъ изъ письма къ родителямъ. 4 іюня, 1830.

13-го числа сего мѣсяца я буду совершенно свободенъ и могу ѣхать домой; теперь же по причинамъ, описаннымъ мною вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, не могу. Товарищи всѣ уѣдутъ, и я принужденъ буду остаться въ Москвѣ и лишиться, не говорю удовольствія—этого мало—лишиться счастія видѣться съ вами, съ родными и знакомыми, слишкомъ три мѣсяца проводить въ несноснѣйшей тоскѣ, тогда какъ бы я могъ провести сіе время въ радости. Если вамъ непріятно меня видѣть въ своемъ домѣ, то напишите ко мнѣ объ этомъ: по крайней мѣрѣ, я не буду напрасно надѣяться. Ваше молчаніе для меня несноснѣе всего на свѣтѣ...

Отрывокъ изъ письма къ матери. Лѣто 1830.

Это превосходно!.. Я вижу, что оставленъ, брошенъ, презрѣнъ, что обо мнѣ не хотятъ и знать...

Отрывокъ изъ письма къ родителямъ. 24 сентября, 1830.

Я теперь нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что лучше бы согласился быть подъячимъ въ чембарскомъ земскомъ судѣ, нежели жить на этомъ каторжномъ, проклятомъ казенномъ коштѣ. Если бы я прежде зналъ, каковъ онъ, то лучше бы согласился наняться кому-нибудь въ лакеи, и чищеніемъ сапогъ и платья содержать себя, нежели жить на немъ.

Къ П. П. и О. С. Ивановымъ. 13 января, 1831.

Москва. 1831 года, генваря 13 дня.

Слава Богу! вскричите вы, получивъ мои письма, молчалъ, молчалъ, молчалъ—и наконецъ заговорилъ! Вы, я думаю, уже кушали жирные блины за упокой моей окаянной души, которая, какъ, можетъ быть, думаете вы, разсталась съ своимъ многогрѣшнымъ тѣломъ за многая злая, содѣянная ею въ семъ грѣшномъ мірѣ, чрезъ посредство услужливой Госпожи Холеры,—этой неутомимой перевозчицы православныхъ съ сего свѣта на

другой. Но нѣтъ! она пощадила меня. Да правду сказать: я не только не трусилъ ея, но даже и не думалъ о ней. Заговорятъ бывало при мнѣ про ея милость—я закурю трубку, затянусь покрѣпче, да и въ усъ себѣ не дую, думая съ глупою гордостію, что холера не осмѣлится истребить такого великаго мужа, между тѣмъ какъ она, можетъ быть, изъ одного презрѣнія не подходила ко мнѣ. Хотя подобная мысль и нерѣдко приходила мнѣ въ голову, однакожъ не мѣшала мнѣ представлять холеру большою, косматою собакою, привязанною на цѣпь, и дразнить ее чубукомъ.

Холера прекратилась. Въ продолженіе оной я былъ два раза въ больницѣ; въ первый разъ по причинѣ такой болѣзни, которая хотя и съ удивительною силою продолжалась цѣлую недѣлю, но въ обыкновенное время почитается не только неважною, но и полезною, но по случаю проклятой холеры очень опасною, ибо почитается первымъ періодомъ оной!!!... Замѣчательно то, что въ это время больница безпрерывно была наполнена большею частію страждущихъ сею болѣзнію. Два казеннокоштныхъ студента, изъ коихъ одинъ жилъ въ одномъ со мною номерѣ, захворали оною—и имѣли неосторожность скрывать это отъ нашего начальства—слѣдствіемъ ихъ неблагоразумія была ихъ погибель. Во второй разъ я принужденъ былъ пролежать въ больницѣ цѣлыя двѣ безконечныя недѣли по причинѣ жестокаго кашля. Изо всѣхъ казенныхъ студентовъ только три человѣка сдѣлались жертвою холеры. Но объ ней будетъ—и такъ проклятая надоѣла всѣмъ, какъ горькая рѣдька!

Я кончилъ свою трагедію—и вы скоро будете имѣть удовольствіе читать ее въ печати. Въ продолженіе холеры (опять-таки проклятая ввернулась!) насъ заперли, и я только посредствомъ партикулярнаго платья могъ уходить изъ Университета подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, если бы былъ уличенъ. Для разсѣянія отъ скуки я и еще человѣкъ съ пять затворниковъ составили маленькое литературное общество. Еженедѣльно было у насъ собраніе, въ которомъ каждый изъ членовъ читалъ свое сочиненіе. Это общество, кончившееся седьмымъ засѣданіемъ, принесло мнѣ ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедію, которая безъ этого едва ли бы когда-нибудь была написана. Если я разживусь черезъ нее казною, то употреблю оную на то, чтобы сорваться съ казеннаго кошта, который такъ сладокъ, что при одномъ воспоминаніи объ ономъ текутъ

изъ глазъ не водяныя, а кровавыя слезы! По случаю холеры (и опять таки подвернулась каналья!) насъ заставляли говѣть. То-то говѣнье-то было!!!... Но я разскажу вамъ о немъ лично, если буду имѣть счастіе видѣться съ вами. У насъ въ номерахъ заведенъ былъ театръ; каждое представленіе было посѣщаемо графомъ Паниным̀ъ и множествомъ профессоровъ. Всѣ чрезвычайно были довольны нашимъ театромъ.

Александръ Ефремовичъ ужасно образовался въ Москвѣ и творитъ чудеса. Напримѣръ: утверждаетъ, что Шекспировъ Отелло написанъ Озеровымъ; кто бы что ни сдѣлалъ или ни сказалъ, онъ важно восклицаетъ: о, невѣжество! А ему на это отвѣчаютъ: о, просвѣщеніе!!!... Скажу вамъ, что такого лѣнтяя, какъ онъ, нельзя найти въ цѣломъ свѣтѣ. Представьте себѣ: я присовѣтывалъ ему приготовиться нынѣшній годъ къ поступленію въ университетъ. Вы, я думаю, удивитесь подобному съ моей стороны предложенію: но повѣрьте, что тутъ никакого дива нѣтъ. Чтобы пріобрѣсть такія познанія, съ какими поступилъ въ университетъ я, вашъ братъ, и поступаютъ множество другихъ, потребно не болѣе трехъ мѣсяцевъ посредственнаго прилежанія. Петровъ взялся учить его латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ; но, безъ толку побившись и помучившись съ нимъ недѣли съ двѣ, принужденъ былъ его бросить. Каково покажется вамъ: онъ въ цѣлыя сутки не можетъ сдѣлать того, что можетъ сдѣлать вашъ Петинька въ три часа!!! Я и говорилъ и уговаривалъ, и увѣщевалъ и умолялъ, и бранился и ссорился—но тщетно! Ничто не помогло, и онъ рѣшительно сказалъ мнѣ, что онъ способенъ учиться только изъ-подъ палки, а не изъ доброй воли и что онъ устремилъ бѣги пылкихъ мыслей къ подъячеству! —Что же онъ дѣлаетъ? Чѣмъ занимается съ утра ранняго до вечера поздняго?— спросите вы.—Рѣшительно ничѣмъ, — отвѣчаю я. А сколько бы онъ могъ сдѣлать! Если бы онъ училъ хотя по пятнадцати словъ каждый день; т.-е. по пяти латинскихъ и по стольку же нѣмецкихъ и французскихъ, то бы онъ теперь зналъ болѣе, нежели по 600 словъ каждаго языка. А это вѣдь не шутка! А сколько бы узналъ онъ ихъ изъ упражненія переводами! Однимъ словомъ, онъ былъ бы вѣрный студентъ на слѣдующій академическій годъ! Пребываніе въ Москвѣ дѣлаетъ его часъ отъ часу глупѣе. Впрочемъ, онъ нынче очень не дурно сочиняетъ письма; чтобы увѣриться въ этомъ, потрудитесь сравнить приложенные при семъ письмѣ лоскутки съ письмомъ, ко-

торое давно уже написано мною, но по разнымъ обстоятельствамъ, а болѣе всего по расторопности А. Петрова не переслано къ вамъ. Жаль парня! А дѣлать нечего: самъ виноватъ!

Въ разсужденіи Дмитрія Петровича скажу вамъ, что онъ ведетъ себя очень хорошо и весьма прилеженъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Въ продолженіе холеры неутомимо занимался списываніемъ лекцій и французскимъ языкомъ подъ руководствомъ Петрова. Онъ хочетъ слушать лекціи Куртенера, преподающаго начальныя правила французскаго языка: это дѣло зѣло доброе и благое. Смѣло говорю, что онъ вполнѣ оправдаетъ ваши надежды и никогда не доведетъ ни своего брата, ни меня до необходимости упрекнуть его въ нерадивомъ исполненіи своихъ обязанностей.

Алексѣй Петровичъ подаетъ несомнѣнныя надежды въ своемъ перерожденіи. Неутомимо помогаетъ своему брату въ списываніи лекцій, читаетъ книги и вмѣстѣ съ нимъ занимается подъ руководствомъ Петрова французскимъ языкомъ. Это занятіе было прервано по причинѣ жестокой размолвки, произошедшей между мною и Петровымъ и продолжавшейся съ мѣсяцъ, а болѣе отъ скверности ихъ квартиры, въ которой угаръ, холодъ, дымъ, сырость, темнота оспариваютъ другъ у друга побѣду. Но ежели они перемѣнятъ квартиру, то это ученіе опять возобновится. Мой Алеша ощутительно перерождается и уже начинаетъ поговаривать о такихъ предметахъ, которые ему въ Чембарѣ казались темнымъ лѣсомъ. Надѣюсь, что вы, при свиданіи съ нимъ и не узнаете его!

Объ себѣ скажу, что я нынѣшній годъ живу лучше, нежели прошлый; ибо прервалъ всѣ связи съ подлецами, бездѣльниками и дураками и вообще веду себя благоразумнѣе. Петровымъ, Протопоповымъ, Каширинымъ и вашими молодцами, съ которыми стоитъ Поповъ, ограничивается кругъ моего короткаго знакомства. Петровъ занимается переводомъ Потеряннаго Рая на русскій, стихами — и переводитъ — лихо! Ежели моя трагедія будетъ имѣть успѣхъ, то вырученныя за оную деньги употреблю на освобожденіе себя отъ проклятаго, адскаго казеннаго кошта и на свиданіе съ Чембаромъ. Ежели первая моя надежда не сбудется, — то я погибъ безъ возврата! Отчаяніе и распутство помогутъ мнѣ попасть или въ Сибирь или въ военную службу. Лучше соглашусь живой провалиться въ адъ и достаться на завтракъ чертямъ, нежели страдать на казенномъ коштѣ.

Вотъ вамъ безпорядочное письмо, писанное наскоро! Теперь я занятъ многимъ множествомъ важныхъ дѣлъ и потому, не имѣя времени писать къ вамъ обстоятельнѣе, отлагаю сіе удовольствіе до другого случая. Увѣдомляю васъ, что Ольга Матвѣевна, сестра Парасковьи Матвѣевны Маматовой, умерла отъ холеры. Холера губила не однихъ людей; по милости ея прекратилось изданіе слѣдующихъ журналовъ: Московскаго Вѣстника, Атенея, Вѣстника Европы, Галатеи! Миръ праху ихъ! Теперь въ Москвѣ издаются два журнала: Телеграфъ и Телескопъ.

Кланяйтесь отъ меня нашимъ и скажите брату, чтобы онъ, вмѣсто того, чтобы пенять мнѣ за мое молчаніе, самъ ко мнѣ писалъ почаще. Увѣдомьте меня о Никанорѣ, каково онъ поживаетъ. Ему пора бы самому писать ко мнѣ письма, какъ дѣлаетъ вашъ Петинька, которому я за это привезу гостинца. Скажите Никанору, чтобы и онъ учился писать: я ему еще болѣе привезу гостинцевъ.

Остаюсь любящій васъ
Виссаріонъ Бѣлинскій.

Скажите брату, чтобы онъ постарался при первомъ случаѣ переслать ко мнѣ двѣ книги: Россійскую Вивліотеку и Journal des Débats; онѣ мнѣ весьма нужны.

Еще разъ и безо всякихъ шутокъ скажу вамъ, что Алексѣй съ часу на часъ болѣе и болѣе образовывается и живетъ въ Москвѣ не зря.

Отрывокъ изъ письма къ отцу. 22 января, 1831.

Скажу вамъ о себѣ, что я пускаюсь въ море треволненное, въ море великое и пространное, въ немъ же гади нѣсть числа. Можетъ быть, вы скоро увидите имя мое въ печати и будете читать обо мнѣ разные толки и сужденія, какъ въ худую, такъ и въ хорошую сторону. Не могу рѣшительно опредѣлить достоинство моего сочиненія, но скажу, что оно много надѣлаетъ шуму. Вы въ немъ увидите многія лица, довольно вамъ извѣстныя. Но впередъ говорить нечего: когда напечатается, тогда имѣющіе уши слышать, да слышатъ.

Отрывки изъ письма къ родителямъ. 17 февраля, 1831.

У насъ съ іюня 1830 г. воцарился новый инспекторъ. До окончанія вакаціи и до начала открытія лекцій онъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій: оныя послѣдовали черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ Москву. У насъ прежде столы и кровати были вмѣстѣ, и мы въ одномъ и томъ же номерѣ и занимались, и спали. Это имѣло для насъ ту выгоду, что мы могли иногда и полежать, если надоѣстъ сидѣть, и каждый изъ насъ имѣлъ свой особенный уголокъ. Щепкинъ уничтожилъ эти выгоды, перенесши кровати въ другую половину этажа, занимаемаго нами. Бывало, въ номерѣ жило не болѣе, какъ по 10-ти или много-много по 11-ти человѣкъ, а теперь по 15-ти, 17-ти и 19-ти. Сами посудите, можно-ли при такомъ многолюдствѣ заниматься дѣломъ? Столики стоятъ въ такомъ близкомъ одинъ отъ другого разстояніи, что каждому даже можно читать книгу, лежащую на столѣ своего сосѣда, а не только видѣть, чѣмъ онъ занимается. Тѣснота, толкотня, крикъ, шумъ, споры; одинъ ходитъ, другой играетъ на гитарѣ, третій на скрипкѣ, четвертый читаетъ вслухъ — словомъ: кто во что горазъ. Извольте тутъ заниматься! Сидя часовъ пять сряду на лекціяхъ, должно и остальное время вертѣться на стулѣ. Бывало, я и понятія не имѣлъ о боли въ спинѣ и поясницѣ, а теперь хожу весь какъ разломанный. Часы ударятъ 10, должно итти спать черезъ четыре длинныхъ корридора и нѣсколько площадокъ; поутру, если забудешь взять съ собою полотенце, мыло, или что-нибудь подобное, надобно опять два раза пройти безконечную цѣпь корридоровъ. Пища въ столовой такъ мерзка, такъ гнусна, что невозможно ѣсть. Я удивляюсь, какимъ образомъ мы уцѣлѣли отъ холеры, питаясь пакостною падалью, стервятиной и супомъ съ червями. Обращаются съ нами какъ нельзя хуже. Невозможно исчислить всѣхъ неудобствъ казеннаго кошта. Какая разница между жизнію казеннаго и жизнію своекоштнаго студента! Первый всегда находится въ глазахъ начальства; самые ничтожные проступки его берутся на замѣчаніе. Второй же почти не знаетъ своего начальства, которое имѣетъ на него самое слабое вліяніе. Живетъ онъ одинъ или много — съ двумя товарищами на квартирѣ. Ему никто не мѣшаетъ въ его занятіяхъ; онъ можетъ сидѣть цѣлую ночь и спать цѣлый день; никто не потребуетъ

у него отчета въ образѣ его жизни. Сердце обливается кровью, какъ поглядишь—какъ живутъ своекоштные!

Какъ только я пріѣхалъ, то ректоръ призвалъ меня въ правленіе и началъ бранить за то, что я поздно пріѣхалъ. Этимъ я обязанъ Перевощикову, который тогда очень помнилъ меня и отрекомендовалъ ректору и Щепкину. Когда ректоръ говорилъ со мною, то онъ (Перевощиковъ) безпрестанно кричалъ, что меня надобно выгнать изъ университета. Наконецъ, ректоръ въ заключеніе спектакля сказалъ: «замѣтьте этого молодца; при первомъ случаѣ его надобно выгнать». Многіе казенные же пріѣзжали гораздо послѣ меня, и имъ за это ни слова не сказали. Передъ окончаніемъ холеры я не ночевалъ ночи двѣ или три дома. Прихожу къ Щепкину за однимъ дѣломъ, и онъ начинаетъ меня ругать: говоритъ, что меня за это онъ отдастъ, какъ какого-нибудь каналью, въ солдаты и, наконецъ, съ презрѣніемъ началъ выгонять изъ своихъ комнатъ. Разумѣется, что... за такой пустой проступокъ ничего не можетъ сдѣлать, какъ только наказать выговоромъ, или у себя въ домѣ, или въ номерѣ, или въ правленіи, и много-много посадить въ карцеръ, и что его нелѣпыя угрозы не могутъ никогда выполниться; но каково терпѣть-то?... Надѣясь сорваться съ казеннаго кошта, я далъ себѣ клятву все терпѣть и сносить, и потому ничего ему не сказалъ...

Сообразивши всѣ обстоятельства моей жизни, я вправѣ назвать себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ... Въ моей груди сильно пылаетъ пламя тѣхъ чувствъ высокихъ и благородныхъ, которыя бываютъ удѣломъ немногихъ избранныхъ—и при всемъ томъ, меня очень рѣдкіе могутъ цѣнить и понимать... ...Всѣ мои желанія, намѣренія и предпріятія самыя благородныя, какъ въ разсужденіи самого себя, такъ и другихъ, оканчивались или неудачами, или ко вреду мнѣ же, и, что всего хуже, навлекали на меня нареканіе и подозрѣніе въ дурныхъ умыслахъ. Доказательства передъ глазами. Вы сами знаете, какъ сладки были лѣта моего младенчества... Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности, скитался, по своей волѣ, по скернымъ квартиришкамъ, находился въ кругу людей презрѣнныхъ, имѣлъ право лѣниться и проч. Поѣхалъ въ Москву съ пламеннымъ желаніемъ опредѣлиться въ университетъ; мое желаніе сбылось. По вѣтренности, а болѣе по неопытности, истратилъ данную мнѣ сумму денегъ, которая въ моихъ глазахъ казалась огромною, неистощимою. Потомъ

поступилъ на казенный коштъ... о, да будетъ проклятъ этотъ несчастный день!.. Любя своего брата, видя, что онъ въ дому своихъ родителей живетъ на казенномъ коштѣ, сострадая его слишкомъ жалкому состоянію и вмѣстѣ желая облегчить участь Александра Ефремовича, я убѣдилъ васъ отправить ихъ обоихъ въ Москву. Цѣль благородная, безкорыстная: ибо я, для того, чтобы способствовать сколько-нибудь, по мѣрѣ моихъ силъ и возможности, ихъ счастію, бралъ на себя большую обузу и большую отвѣтственность. И что же вышло?.. Чрезъ это я ввелъ васъ въ излишнія издержки и хлопоты, чрезъ это напрасно измучены лошади, оставлена на дорогѣ бричка и, что всего важнѣе, чрезъ это я навлекъ на себя ваше неудовольствіе! Осужденный страдать на казенномъ коштѣ, я вознамѣрился избавиться отъ него и для этого написалъ книгу, которая могла скоро разойтись и доставить мнѣ не малыя выгоды. Въ этомъ сочиненіи, со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ довольно живой и вѣрной представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ. Герой моей драмы есть человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бѣшены,—и слѣдствіемъ ихъ была его гибель. Вообще скажу, что мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности, и что цѣль его есть самая нравственная. Подаю его въ цензуру—и что же вышло?.. Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный кабинетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензоровалъ Л. А. Цвѣтаевъ (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола и вскричалъ: «Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!» Не буду много распространяться, скажу только, что, несмотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ — это дѣло уничтожено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подаваться особенныя донесенія...

Каково это?.. Я надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ и хорошенько экипироваться—и

всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную. Я могъ бы найти кондицію, завести хорошія и полезныя для меня знакомства, но въ форменной одеждѣ, кромѣ аудиторіи, нигдѣ нельзя показаться, ибо она въ крайнемъ пренебреженіи; а я не только не имѣю необходимой для всякаго молодого человѣка хорошей фрачной или сюртучной пары, но даже и хорошей форменной одежды; теперь третье (исподнее платье) совершенно отказывается служить, а новаго платья, по случаю холеры, и не думаютъ шить...

Лестная, сладостная мечта о пріобрѣтеніи извѣстности, объ освобожденіи отъ казеннаго кошта для того только ласкала и тѣшила меня, довѣрчиваго къ ея дѣтскому, легкомысленному лепету, чтобы только усугубить мои горести... ...Теперь, лишившись всѣхъ надеждъ моихъ, я совершенно опустился; все равно—вотъ девизъ мой...

Изъ письма Катерины Петровны, а болѣе чрезъ Лукерью Савельевну, я узналъ, что вы сильно на меня негодуете. Эти непріятныя извѣстія сколько опечалили меня, столько и привели въ большое недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что я ихъ совсѣмъ не ожидалъ. Правда, я давно не писалъ къ вамъ; но позвольте спросить васъ: о чемъ и какъ мнѣ было писать къ вамъ? Увѣрять васъ въ своей почтительности, любви, преданности, осыпать васъ нѣжными названіями—я не могу, ибо почитаю это не чѣмъ инымъ, какъ подлымъ ласкательствомъ, какъ низкимъ средствомъ выманивать у васъ деньги. Я не умѣю нѣжничать, но умѣю чувствовать и думаю, что священное чувство любви и уваженія къ родителямъ состоитъ не въ словахъ, а въ поступкахъ; заключается не въ мертвой бумагѣ, но въ душѣ пламенной, доступной для благородныхъ и возвышенныхъ впечатлѣній. Писать же къ вамъ такимъ образомъ: «при сей вѣрной оказіи я не могъ преминовать, чтобы не засвидѣтельствовать вамъ моего всенижайшаго почтенія и увѣдомить васъ, что я, слава Богу, живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю, — а впрочемъ уповаю на благость Всевышняго», я не могу и не смѣю: ибо это значило бы надсмѣхаться надъ вами. Не подумайте, что я для того пишу, чтобы загладить мой проступокъ, вымолить у васъ прощеніе, подластиться къ вамъ и заставить васъ этимъ прислать мнѣ денегъ. Нѣтъ! Я слишкомъ гордъ, слишкомъ благороденъ, чтобы извиваться передъ вами ужомъ и жабою изъ такого низкаго и подлаго побужденія...

Цѣль моего письма есть — оправдаться передъ вами не какъ передъ людьми, отъ которыхъ я могу получить нѣсколько денегъ, но какъ передъ людьми, которымъ я обязанъ моимъ существованіемъ. Къ моему величайшему прискорбію, я вижу, что вы почитаете меня мальчишкою, который потому только забываетъ васъ, что не зависитъ отъ васъ въ разсужденіи содержанія и свободенъ отъ вашего вліянія тѣмъ разстояніемъ, которое раздѣляетъ его съ вами. Однимъ словомъ: вы почитаете меня мальчишкой, который вышелъ изъ училища и, встрѣтившись на улицѣ съ прежнимъ своимъ учителемъ, дразнитъ его языкомъ, зная, что онъ не можетъ уже высѣчь его розгами. Повѣрьте, что сынъ вашъ заслуживаетъ лучшаго о себѣ мнѣнія, нежели какое вы о немъ имѣете. Гдѣ бы я ни жилъ, чѣмъ бы я ни былъ— я всегда буду почитать священнѣйшею обязанностью быть добрымъ сыномъ, любить и уважать своихъ родителей и признавать надъ собою ихъ власть, которая есть важнѣе, законнѣе и священнѣе всѣхъ властей въ мірѣ. Я не хочу философски изслѣдовать, есть ли любовь и уваженіе къ родителемъ чувство, внушенное природою, или оно есть слѣдствіе внушенныхъ съ младенчества правилъ, или что-нибудь другое. Я способенъ питать это чувство, почитаю его святымъ, возвышеннымъ: этого для меня довольно. Вы... не должны подозрѣвать меня въ низости чувствъ и подлости образа мыслей. Опять повторяю вамъ, что я не мальчишка, котораго должно сѣчь, чтобы заставить хорошо вести себя, не грубый мужикъ, котораго должно бить дубиною, чтобы заставить что-нибудь почувствовать. Вы, маменька, просили Лукерью Савельевну обругать меня вашимъ именемъ: радуйтесь и веселитесь! Она съ дипломатическою точностію повторила мнѣ ваши ласковыя и благородныя слова. Я не хочу говорить вамъ о неприличности этихъ словъ, о крайнемъ неблагородствѣ и низости выраженій; замѣчу только мимоходомъ, что это уже слишкомъ, слишкомъ... Но мнѣ уже не привыкать къ подобнымъ поступкамъ со стороны моихъ родителей... Не хочу договаривать: можетъ быть и сами поймете...

Отрывокъ изъ письма къ родителямъ. 3 марта, 1831.

Вы уже знаете, какимъ горестнымъ событіемъ ознаменовалась моя попытка напечатать первое произведеніе пера моего. Это событіе для меня тѣмъ горестнѣе, тѣмъ убійственнѣе, что

я черезъ него слишкомъ, слишкомъ многаго лишился. Смѣло могу сказать, что мое произведеніе было бы расхвачено въ мѣсяцъ и доставило бы мнѣ, по крайней мѣрѣ, тысячъ шесть. Сами посудите: чего бы въ такомъ случаѣ стоило мнѣ пожертвовать какихъ-нибудь триста, или много-много шестьсотъ рублей на то, чтобы вырваться изъ пакостной, проклятой бурсы... ...Въ надеждѣ вырваться изъ нея, я полагалъ все счастіе моей жизни, на ней основывалъ все зданіе моего настоящаго и будущаго благополучія. Уже эта сладостная надежда исполнялась, — но судьба улыбнулась насмѣшливо — и ея не стало!...

Отрывокъ изъ письма къ родителямъ. 24 мая, 1831.

Невзгода на меня, кажется, проходитъ, и я начинаю дышать свободнѣе. Начальство обо мнѣ забыло и думать; правда, при первомъ случаѣ оно не умедлитъ напомнить мнѣ, что знаетъ меня. Но и этого я скоро не буду опасаться: ректоръ и Щепкинъ подали въ отставку. Да, правду, я ихъ очень мало боялся и боюсь, только одна мысль, что я не одинъ, удерживала меня поговорить съ ними пообстоятельнѣе...

Отрывокъ изъ письма къ отцу. Конецъ мая, 1831.

...буду пересылать брату журналъ «Листокъ». Отъ скуки и вы прочтете; въ немъ и я буду выставлять свои издѣлія.

Отрывокъ изъ письма къ родителямъ. 29 сентября, 1831.

Съ чего начать мнѣ письмо мое къ вамъ? О чемъ говорить прежде всего? Начну съ благодарности, а кончу... просьбою. И такъ, благодарю васъ чувствительно за ваше неоставленіе, а болѣе всего за ваше вниманіе къ моей болѣзни, — вниманіе, о которомъ свидѣтельствуетъ поспѣшная присылка денегъ,—и прошу васъ, ради самого Бога, еще прислать мнѣ... по крайней мѣрѣ столько же денегъ. На что? спросите вы. Я могъ бы исчислить вамъ тысячи нуждъ, и справедливыхъ и несправедливыхъ, но теперь скажу только то, что онѣ мнѣ крайне нужны:

я весь обносился; шинелишка развалилась, и мнѣ нечѣмъ защититься отъ холода, а новой никогда не дадутъ,—да и, кромѣ того, у меня очень многаго недостаетъ. Присланныя вами деньги я истратилъ на уплату долговъ, на покупку лекарствъ и на разныя необходимыя мелочи. Мнѣ непремѣнно нужно запастись какимъ-нибудь сюртучишкомъ и прочимъ принадлежащимъ къ нему платьемъ. Однимъ словомъ: если бы я не имѣлъ крайней нужды, то никогда бы не сталъ тревожить васъ моими просьбами. Вы не можете представить себѣ, какихъ ужасныхъ усилій стоило мнѣ преодолѣть мою нерѣшимость и написать эти строки! Для меня нѣтъ ничего ужаснѣе, убійственнѣе, какъ быть кому-нибудь въ тягость. Итакъ, прошу васъ: или исполните мою просьбу безъ укоризнъ, ежели она покажется вамъ слишкомъ непріятною, или... мнѣ ничего не нужно!..

Отрывокъ изъ письма къ брату Никанору. 29 сентября, 1831.

Любезный братишко Никанорочка. Ко мнѣ пишетъ Константинъ Григорьевичъ, что ты прилежно учишься въ училищѣ.. Благодарю тебя за это, мой маленькій дружище; это меня очень радуетъ. Все хорошо, да вотъ бѣда: говорятъ, что ты нимало не исправляешься въ своей нравственности, не уважаешь маменьку, не слушаешься ея; также и старшаго твоего брата, котораго даже и я люблю и уважаю, нимало не почитаешь, и даже осмѣливаешься ругать его. Тоже и сестру свою. Смотри, братъ! Исправься, а не то, по моемъ пріѣздѣ, быть худу! Я ни на кого не посмотрю: отдеру при папенькѣ. Прошу тебя: не доводи себя до бѣды. Я скоро добьюсь хорошихъ книгъ съ картинками и отдамъ ихъ Константину въ полное распоряженіе; ежели будешь вести себя такъ же хорошо, какъ учиться, то онъ подаритъ тебѣ ихъ, а если нѣтъ, то какъ хочешь. Такому маленькому мальчику, какъ ты, и чужихъ людей стыдно не только обижать, но и обходиться съ ними невѣжливо; а каково же не уважать и не слушаться родной матери, брата и сестры. За это тебя и Богъ накажетъ. Пожалуйста, другъ мой, исправься. Пиши ко мнѣ письма и живи со мною въ ладу во избѣжаніе всякаго зла.

Отрывки изъ письма къ брату Константину. 29 сентября, 1831.

Не безпокойся о немъ. Многострадальный юноша кончилъ свою жизнь; великій мужъ помре вмалѣ... Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу...

Дома старайся избѣгать всѣми мѣрами неудовольствій; гдѣ смолчи, какъ будто не разслушалъ, гдѣ отойди, какъ будто нужно итти куда, а когда не избѣгнешь, то терпи, помня, что все къ лучшему!.. Прими эти наставленія съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ я писалъ ихъ...

Совѣтую продолжать твою службу, до полученія офицерскаго чина, въ Чембарѣ, а тамъ, гдѣ Богъ велитъ. Тебѣ всего необходимѣе такой человѣкъ, который былъ бы твоимъ начальникомъ и вмѣстѣ покровителемъ; кромѣ Петра Петровича, ты нигдѣ не найдешь себѣ такого человѣка. Въ Чембарѣ тебя всѣ знаютъ и ты всѣхъ знаешь; въ другомъ же мѣстѣ ты долженъ будешь привыкать къ людямъ, чужимъ и незнакомымъ: вспомни Пензу! Въ Чембарѣ для твоихъ успѣховъ по службѣ нужно одно прилежаніе и хорошее поведеніе; въ другихъ же мѣстахъ нужно имѣть ту особенную гибкость характера, а особливо спины, то хитрое искусство поддѣлываться подъ тонъ всѣхъ и каждаго, ту проницательность, ловкость, смѣлость, смѣтливость, догадливость, то проворство, которыхъ ты не имѣешь и безъ которыхъ нельзя ни въ чемъ успѣть. Чужіе люди о тебѣ никогда не станутъ такъ стараться, какъ свои. Нѣтъ, братъ, служи-ка въ Чембарѣ; будь прилеженъ, веди себя хорошенько, да помни русскую пословицу: «не сули журавля въ небѣ, давай синицу въ руки». Уважай своихъ начальниковъ, но не унижайся предъ ними, исполняй ихъ приказанія ревностно, не разсуждая, хороши ли, худы ли они: это не твое дѣло; старайся въ точности исполнять возложенныя на тебя обязанности, и больше ни о чемъ не думай. Плохой тотъ солдатъ, который разсуждаетъ вмѣсто того, чтобы слѣпо повиноваться. Ежели всякій подчиненный будетъ только судить, да рядить и дѣлать только то, что ему кажется нужнымъ, а не то, что велятъ, тогда не будетъ никакого порядка и все превратится въ хаосъ. Конечно, способность мыслить есть первая принадлежность и достоинство разумныхъ существъ; мысли, разсуждай, вникай въ начала

и причины всего, испытывай, сравнивай, взвѣшивай все на вѣсахъ разсудка, но только тихонько, про себя, чтобы никто не слышалъ; гдѣ не поймешь—спроси, кто больше тебя знаетъ,—а самъ дѣлай, что велятъ! Старайся вникать въ порядокъ, въ сущность службы, чтобы нѣкогда быть способнымъ занять должности, высшія той, которую теперь занимаешь. Больше думай, меньше говори; ни о комъ не отзывайся въ худую сторону; ежели совѣсть запрещаетъ тебѣ хвалить человѣка, то и не хули; знай про себя, кто худъ и кто хорошъ. Чрезъ это ты избѣгнешь многихъ неудовольствій. Помни, что Петръ Петровичъ твой родственникъ, но не забывай, что онъ также и начальникъ твой, и что онъ по всѣмъ отношеніямъ имѣетъ право на твое уваженіе.

Ты опять принялся за стихи—это мнѣ не нравится. Ты просишь разобрать ихъ; скажу тебѣ просто (не погнѣвайся на мою откровенность), что они такъ плохи, что ниже всякой критики. Что за метроманія такая напала на тебя? Какая въ этомъ польза? Къ чему зря время терять? Чтобы быть поэтомъ, надобно имѣть отличныя дарованія, творческое воображеніе, творческую душу, чувства пламенныя, темпераментъ горячій, характеръ раздражительный, пылкій; надобно умѣть и мыслить и чувствовать особеннымъ образомъ, видѣть тамъ много, гдѣ другіе ничего не видятъ. Спроси себя: узналъ ли ты себя въ этомъ портретѣ? Ежели нѣтъ, то разбей свой нестройный гудокъ, изорви скрыпучія струны, и забудь писать стихи. Ежели въ иныя минуты тебѣ захочется покинуть скучный міръ дѣйствительности и устремиться въ очаровательную страну воображенія, чтобы созерцать тамъ вѣчную, безпокровную красоту идеальнаго изящества, то разверни какое-нибудь твореніе какого-нибудь художника и наслаждайся чистымъ, святымъ и безмятежнымъ восторгомъ... А самъ лучше учись писать прозой и для того упражняйся въ прозаическихъ сочиненіяхъ: я охотно берусь поправлять ихъ. Умѣнье писать прозою необходимо въ дѣйствительной жизни. Жалокъ и вмѣстѣ достоинъ презрѣнія тотъ, кто не умѣетъ нѣсколькихъ строкъ написать правильно и съ толкомъ. И для того учись грамматикѣ, читай хорошія прозаическія сочиненія, вникай въ ихъ духъ и, руководствуясь сими образцами, учись самъ писать такъ же легко, свободно и пріятно.

Учиться нѣтъ стыда—невѣждой стыдно быть.

Отрывокъ изъ письма къ брату Константину. 15 октября, 1831.

Будь къ отцу почтителенъ, вѣжливъ, услужливъ, старайся предупреждать всѣ его желанія; ежели онъ обидитъ тебя словомъ или дѣломъ, не ропщи, не жалуйся, не помни зла, сноси терпѣливо и помни, что онъ твой отецъ и что ему судья одинъ Богъ и собственная его совѣсть.

Отрывки изъ письма къ родителямъ. 25 декабря, 1831.

...одно небольшое обстоятельство, а именно неимѣніе платья, не только приличнаго, но и никакого. Я не знаю, что мнѣ и дѣлать. Деньги нужны, а итти за ними страхъ какъ не хочется... Если теперь пойти, то надобно будетъ и впередъ ходить, а на всякій разъ не напросишься у товарищей фраковъ.

...въ деньгахъ крайняя, смертельная надобность, и въ самомъ скорѣйшемъ времени.

Отрывокъ изъ письма къ брату Константину. 27 января, 1832.

Вы съ маменькой, съ своею г-жею Горнъ и съ 4 руб. ввели меня въ величайшія хлопоты и неудовольствія. Итти мнѣ никакъ не хотѣлось, ибо для этого мнѣ нужно было со всего міра собирать одежду; но нужда въ деньгахъ заставила меня рѣшиться на это. Итакъ, я взялъ у г. Ишутина панталоны и жилетъ, а у Дмитрія Петровича фракъ и проч., да еще калоши, а у Алексѣя Петровича шинель и картузъ. Это было на второй день праздника Р. Х., день былъ морозный, холодный до крайности. Я хотѣлъ занять денегъ на извощика, ибо итти мнѣ нужно было, по крайней мѣрѣ, версты три. Къ счастію, что ни у кого не было ихъ, и мнѣ никто не далъ. Являюсь къ Горнъ, и хотя чужое платье было и не совсѣмъ по мнѣ, однако же я не уронилъ себя. Сынъ ея расцѣловался со мною, какъ со стариннымъ знакомымъ, и повелъ меня въ гостиную къ своей матери, которая сначала меня не узнала. Я говорилъ съ нею и о томъ, и о семъ, а объ деньгахъ не рѣшался упомянуть, ибо ждалъ, чтобы она сама мнѣ ихъ вручила. Наконецъ, я увидѣлъ, что уже пора убираться во свояси, вручилъ ей письмо, простился и ушелъ. Она оста-

вляла меня обѣдать, но я не остался, ибо мнѣ нужны были деньги, а не обѣдъ ея. Вышедши, позабылъ калоши. На другой день я пишу записку къ ея сыну, въ которой прошу его напомнить своей маменькѣ о моихъ деньгахъ и чтобы онъ велѣлъ отдать калоши, и записку сію послалъ съ сапожникомъ, который стоитъ на квартирѣ у Алексѣя Петровича. Какой же я отвѣтъ получилъ? Сына ея не было дома, и потому записку прочла она сама и сказала, что цѣлковый она возвратила моей маменькѣ, и что если бы деньги были у ней, то она бы и безъ записки сама отдала бы мнѣ. Потомъ стали искать калоши, но онѣ сплыли, и слѣдъ пропалъ. Не прикажете ли теперь еще сходить къ г-жѣ Горнъ за цѣлковымъ?

Отрывокъ изъ письма къ отцу. 21 мая, 1832.

Моя послѣдняя къ вамъ мольба, мой единственный къ вамъ завѣтъ: водворите миръ и тишину въ своемъ семействѣ, прекратите эти вѣчныя, и ни къ чему не ведущія несогласія. Прошедшаго воротить нельзя, и вамъ уже поздно теперь считаться между собою. Ваша жена—намъ мать, а это слово не пустой, безсмысленный звукъ!... Смерть каждаго изъ васъ будетъ равно гибельна для вашихъ дѣтей: такъ берегите же себя взаимно, если не для самихъ себя, то для насъ. И такъ на землѣ много горя, много бѣдствій: для чего же усугублять ихъ по своему произволу? У васъ дочь невѣста; кто захочетъ избавить васъ отъ этого бремени, если общественное мнѣніе изречетъ неблагопріятный приговоръ вашему семейству? Я никогда не повѣрю, чтобы вы, по своей душѣ и сердцу, желали быть виновникомъ вѣчнаго несчастія своей дочери; да и не дай Боже когда-нибудь увѣриться мнѣ въ подобной мысли! А бѣдный, несчастный Никаноръ! Какъ жаль, что я не могу его взять съ собою, что я не могу сдѣлать для него всего того, что бы могъ для него сдѣлать! А отъ этого парня, право, былъ бы прокъ. Кровь стынетъ въ моихъ жилахъ, когда я только подумаю о томъ, что мнѣ пишутъ объ немъ и говорятъ всѣ чембарскіе... Не сердитесь на меня за то, что, говоря съ вами, я люблю пускаться въ мораль: у кого что болитъ, тотъ о томъ и твердитъ. Не сомнѣвайтесь, что истинная любовь и усердіе какъ къ благу всего нашего семейства, такъ и вашего собственнаго,—водитъ перомъ моимъ...

Отрывокъ изъ письма къ брату Константину. 21 іюня, 1832 или 1833.

Съ каждымъ письмомъ твоимъ ты вливаешь въ мою душу по капелькѣ яду. Маменька безпрестанно плачетъ, сама не зная о чемъ и не думая, что она этими слезами можетъ безвременно убить себя и лишить несчастное семейство матери. Хотя о папенькѣ ты ничего не пишешь (что весьма странно), но я слышалъ объ немъ ужасную исторію, которая чрезвычайно непріятное сдѣлала на меня впечатлѣніе, хотя и не удивила. Я давно предвидѣлъ, что рано или поздно, а ужъ должно было случиться съ папенькой что-нибудь подобное. При всей откровенности и благородствѣ характера, при добромъ сердцѣ, онъ страждетъ ужаснымъ недугомъ—подозрительностію.... разумѣется, пустою и неосновательною. Ему кажется, что его жена, его дѣти, его родные всѣ стоятъ около него съ поднятыми ножами, готовые пронзить его вдругъ и только ждущіе благопріятнаго мгновенія... Ему мнится, что весь міръ противъ него въ заговорѣ, тогда какъ міръ и не думаетъ дѣлать ему зло, ибо всѣ люди заняты самими собой и дѣлаютъ зло другимъ людямъ изъ выгодъ, а что за выгоды и за пользы дѣлать зло папенькѣ?... Отчего происходитъ такая ужасная недовѣрчивость къ людямъ? Оттого, что онъ имѣетъ самое дурное мнѣніе о людяхъ: они ему кажутся или подлецами, или дураками. Онъ не вѣритъ ни честности женщинъ, ни добросовѣстности мужчинъ и, между тѣмъ, о себѣ, вѣрно, самаго лучшаго понятія, какъ-будто бы на цѣломъ земномъ шарѣ онъ одинъ истинно благородный человѣкъ. Подозрительными людей дѣлаютъ обыкновенно великія несчастія, а какія несчастія претерпѣлъ отъ людей папенька? Если онъ страдалъ и теперь страдаетъ,—это отъ самого себя; онъ есть лютѣйшій врагъ, мучитель и тиранъ самого себя: не люди, а самъ онъ виноватъ въ своихъ несчастіяхъ... конечно, онъ имѣлъ и имѣетъ враговъ, но какихъ враговъ! Да и кто ихъ не имѣетъ?.. Я предвижу ужасныя слѣдствія, ужасныя несчастія, угрожающія и безъ того несчастному нашему семейству, если папенька, внявъ голосу разсудка, не перемѣнитъ своего несчастнаго характера! Сохрани Господи, ежели... что будетъ съ вами!.. О себѣ я не безпокоюсь; я живу, живу, сношу терпѣливо мою судьбу, берегу себя, удаляюсь отъ всего, что можетъ сдѣлать меня несчастнымъ, не для себя, а для своего семейства; для него только желаю я себѣ и

долголѣтія, и счастія, и здоровья, и богатства; для него единственно я сохраняю бодрость, стараюсь не упасть духомъ и выпутаться изъ оковъ, меня обременяющихъ! Для чего вы всѣ того же не дѣлаете? Сколько разъ просилъ я маменьку, чтобы она старалась укрощать свой пылкій до дикости и неистовства характеръ, сносила бы съ терпѣніемъ и кротостію, приличными всякой истинно благородной женщинѣ и доброй женѣ и матери семейства, всѣ несправедливости папеньки, старалась бы избѣгать съ нимъ всякихъ безполезныхъ ссоръ и тушить пламя въ самомъ его началѣ, старалась бы сохранять спокойствіе духа и твердость характера, отъ которыхъ зависитъ и тѣлесное и душевное здоровье, а слѣдовательно, и счастіе; берегла бы себя для своихъ дѣтей, для своего семейства, исполняла бы всѣ обязанности, предписываемыя женамъ божественными и человѣческими законами! И все тщетно! Мое усердіе и мои благіе совѣты она назвала грубостію и непочтеніемъ къ матери. Сколько разъ, такъ же тщетно, я просилъ и говорилъ папенькѣ... Такъ, люби и почитай родителей,—я это всегда тебѣ совѣтую; но, несмотря на то, я имѣю право сказать, что наши несчастія зависятъ отъ нихъ, что они и себя, и насъ губятъ. Они не знаютъ своихъ обязанностей, они не знаютъ, что они принадлежатъ не самимъ себѣ, а отечеству и дѣтямъ, что они должны дышать для дѣтей своихъ, стараться образовать изъ нихъ добрыхъ гражданъ для отечества,— это законъ природы, законъ Бога и самихъ людей. Они нимало не щадятъ самихъ себя, гонятъ другъ друга къ гробу, разстраиваютъ свое здоровье и душевное спокойствіе...

Къ И. И. и О. С. Ивановымъ. 10 сентября, 1832.

Москва. 1832 года, Сентября 10 дня.

Милостивые Государи,

Петръ Петровичъ и Ѳедосья Степановна!

Сколько лѣтъ, сколько зимъ прошло съ того времени, какъ я имѣлъ сладостное для меня удовольствіе быть вмѣстѣ съ Вами! Это время, это незабвенное время представляется моему воображенію въ какомъ-то туманномъ отдаленіи и какъ бы въ какомъ-то пріятномъ снѣ. Сколько перемѣнъ случилось въ мое отсутствіе! Не тѣ уже обстоятельства—но люди—надѣюсь—все

тѣ же. Надѣюсь и вѣрю, что Ваше ко мнѣ расположеніе нисколько не измѣнилось, что оно такъ же постоянно и твердо, какъ и тѣ чувства любви и привязанности, которыя я съ давняго времени привыкъ питать къ Вамъ, и которыя погаснутъ вмѣстѣ съ огнемъ моей жизни. Ничѣмъ такъ не красится бѣдное бытіе человѣка, какъ этими сладостными узами, которыми вѣчная Любовь связываетъ его съ подобными ему существами. На зарѣ жизни, полный пріятныхъ надеждъ на будущность—я только и живу и хочу жить и люблю жить для тѣхъ, съ которыми природа и судьба связала меня неразрывными узами. Раздѣленный съ ними значительнымъ пространствомъ времени и мѣста, я всегда нахожусь съ ними моею мыслію, для которой не существуетъ времени и мѣста! Но довольно объ этомъ; Вамъ, надѣюсь, извѣстны мои чувства, а я не сомнѣваюсь въ Вашихъ.

Благодарю Васъ, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, за Вашъ поступокъ съ Петинькою, поступокъ, доказывающій ваше истинно отеческое попеченіе о Вашихъ дѣтяхъ. Ваши дѣти счастливцы: они имѣютъ рѣдкаго отца, и я въ этомъ, признаюсь вамъ, очень имъ завидую. Алексѣй еще прежде говорилъ, что надобно бы перетащить Петю въ Москву, да старикъ не отпуститъ; я увѣрялъ его, что Вы напротивъ будете очень рады—и я не ошибся—да! Я знаю Васъ! Бѣдные мы! Сердце мое обливается кровью, когда я вспоминаю объ Никанорѣ и о томъ прекрасномъ воспитаніи, которое ему дается его попечительнымъ родителемъ! Увы! Обстоятельства не позволяютъ мнѣ быть Ментором моего несчастнаго брата. Такія способности, такая пылкая душа—и все это должно погибнуть, завянуть на сухомъ, безплодномъ полѣ нерадиваго воспитанія и при тѣхъ бѣдственныхъ примѣрахъ, которые онъ каждый день видитъ. Чего не могу я сдѣлать для моего брата, для этого единственнаго любимца моей души и сердца, наполняющаго всѣ мои думы, то сдѣлаю для вашего сына. Всѣ мои познанія, которыя имѣю, я буду сообщать ему, а особенно займу его изученіемъ французскаго языка, въ которомъ я пріобрѣлъ довольно достаточныя свѣдѣнія, и нѣмецкимъ, который теперь занимаетъ всѣ мои досуги.

Ѳедосья Степановна! прошу Васъ сказать маменькѣ, что я потому не пишу къ ней, что готовлю большія письма, въ которыхъ буду благодарить ее за ея материнскія ласки ко мнѣ и буду говорить посурьезнѣе кое о-чемъ и кое-о-комъ, кажется, что пора уже; ибо моего терпѣнія болѣе недостаетъ, какъ сынъ,

я въ правѣ потребовать кое-какихъ объясненій,—отъ кого, вы догадаетесь.

Прощайте, мои почтеннѣйшіе и любезнѣйшіе, наслаждайтесь тѣмъ счастіемъ, которое Вы заслуживаете своими добродѣтелями, и не забывайте преданнаго Вамъ Вашего друга и родственника.

В. Бѣлинскаю.

P.S. Кланяйтесь и поцѣлуйте за меня Вѣрочку и скажите ей, чтобы она ко мнѣ хотя по нѣскольку строчекъ въ годъ писала; это для меня будетъ очень пріятно.

Отрывки изъ письма къ брату Константину. 15 октября, 1832.

Ты меня привелъ въ чрезвычайное удивленіе, открывъ мнѣ свое необдуманное и безразсудное намѣреніе оставить Чембаръ и ѣхать въ Саратовъ для службы. Правда, это намѣреніе съ перваго взгляда кажется довольно основательнымъ... но, по зрѣломъ разсужденіи, оно окажется очень вреднымъ. Его одобряютъ и маменька и папенька. Конечно, маменька никогда не посовѣтуетъ тебѣ, какъ своему сыну, ничего безполезнаго или опаснаго для твоего счастія, дорогого для ея материнскаго чувства; но она, какъ женщина, объ многихъ вещахъ не можетъ имѣть надлежащихъ свѣдѣній, и потому ей извинительно судить неосновательно объ оныхъ. Что же касается до папеньки, то если бы ты вздумалъ ѣхать въ Камчатку или Китай, то и тогда бы, повѣрь, онъ не сталъ тебя удерживать. Коротко знакомый съ его характеромъ и горестными обстоятельствами нашего несчастнаго семейства, ты, безъ сомнѣнія, поймешь, почему я такъ говорю и на какихъ причинахъ основываю мое мнѣніе, хотя и непріятное для меня самого столько же, какъ и для тебя, но тѣмъ не менѣе справедливое. Что же касается до тебя самого, то я не сомнѣваюсь, что тебѣ очень бы хотѣлось исполнить свое намѣреніе; я и не удивляюсь сему, ибо я знаю, что ты не послѣдній рыцарь печальнаго образа и любишь подонкихотствовать. Но обязанность старшаго брата, по собственному твоему признанію, заслуживающаго твою довѣренность, заставляетъ меня вывести тебя изъ твоего пріятнаго заблужденія и разсѣять волшебный туманъ мечтаній, въ которомъ такъ сладостно, такъ раздольно разгуливать твоему шаловливому воображенію. Цѣною

многихъ жестокихъ и горестныхъ опытовъ, имѣющихъ самое неблагопріятное вліяніе какъ на мою настоящую, такъ и послѣдующую жизнь, я пріобрѣлъ нѣкоторую опытность и покороче познакомился съ скользкимъ путемъ жизни, а потому и могу лучше тебя понимать многія вещи. Дорого бы заплатилъ я за возможность воротить, по крайней мѣрѣ, три года моей прошедшей жизни, чтобы снова начать ихъ, испытанному судьбою и наученному опытомъ! Есть въ жизни такіе случаи, отъ коихъ зависитъ счастіе или несчастіе цѣлой нашей жизни; люди замышляютъ иногда такія намѣренія, которыя, несмотря на ихъ наружную незначительность, требуютъ крайней осторожности.

Ты жалуешься на ничтожность получаемаго за службу жалованья и называешь его нищенскимъ, что-жъ дѣлать? Деньги никому не даются даромъ, и достаточное, независимое содержаніе пріобрѣтается потомъ и кровью. Твоя же служба очень не важна и не трудна... Ты думаешь, что въ Саратовѣ будешь получать тысячи; не горячись, братъ: тамъ, какъ и во всѣхъ губернскихъ городахъ, для такихъ служивыхъ, какъ ты, 120 руб. составляютъ самое большое жалованье. На эти 120 руб. ты долженъ будешь и нанимать квартиру, и имѣть столъ, и одѣваться. А на доходы, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, надежда плохая, особенно тебѣ. Правда, въ Саратовѣ содержаніе гораздо дешевле, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, ибо Саратовская губернія принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ и изобильнѣйшихъ естественными произведеніями русскихъ губерній; это я все знаю, но гдѣ дешево все, тамъ дороги деньги. При томъ же, въ такихъ мѣстахъ выгодно служить семейнымъ чиновникамъ, занимающимъ должности поважнѣе должностей канцелярскихъ писакъ; ибо если они мало получаютъ доходовъ деньгами, то, взамѣнъ того, много берутъ естественными произведеніями, какъ-то: хлѣбомъ, скотомъ, рыбою, икрою, медомъ, овощами и тому подобнымъ, чѣмъ они обезпечиваютъ содержаніе своихъ семействъ, а деньги, которыя бы должны были употребить на сіи необходимости, кладутъ въ сундукъ,—и такимъ образомъ не остаются въ накладѣ. Тебѣ же, какъ молодому безсемейному человѣку, нужны будутъ однѣ деньги, а ихъ-то ты и не будешь имѣть. Наконецъ, главное препятствіе (для поступленія на службу въ Саратовѣ) состоитъ въ томъ, что ты не имѣешь офицерскаго чина; а безъ него служить не такъ-то выгодно. Къ тому же,

въ Саратовъ изо всѣхъ близкихъ окрестныхъ губерній пріѣзжаетъ премножество молодыхъ людей всякаго званія, а особливо изъ духовнаго, для пріисканія въ ономъ себѣ мѣстъ, — почему ты будешь имѣть соперниковъ, а особливо когда потеряешь свое мѣсто и будешь искать другого...

«Такъ неужели же мнѣ цѣлую жизнь служить въ Чембарскомъ земскомъ судѣ?» скажешь ты съ огорченіемъ. Нѣтъ, я первый противъ этого. По моему мнѣнію, молодому человѣку стыдно и даже безчестно проводить всю жизнь свою на отцовскомъ содержаніи и служить въ какомъ-нибудь мелкомъ городишкѣ. Всякій долженъ помыкать по бѣлому свѣту, понатерпѣться нужды и горя и понасмотрѣться добра и худа, и уже обогатившись опытами жизни, помышлять объ основаніи себѣ постояннаго мѣстопребыванія, о пріобрѣтеніи порядочнаго мѣста по службѣ, хотя и въ уѣздномъ городкѣ, ибо не всѣмъ же жить въ столицахъ и губернскихъ городахъ.

Ты же старайся пріобрѣсть необходимыя по статской службѣ свѣдѣнія, вникай въ ходъ и производство судебныхъ дѣлъ, читай уложенія, законы, указы, учись сочинять просьбы, узнавай формы судебныхъ бумагъ всякаго рода, обязанности и преимущества всѣхъ сословій и государственныхъ чиновниковъ... заботься также и о чистописаніи, и о грамматикѣ, чтобы сколько-нибудь сдѣлаться достойнымъ служить въ такомъ мѣстѣ, какъ сенатъ; а о большомъ жалованьи, о доходахъ, щегольствѣ и вообще пріобрѣтеніи денегъ забудь до времени и думать, какъ о дѣлѣ несбыточномъ и смѣшномъ...

Отрывокъ изъ письма къ матери. 20 февраля, 1833.

Письмо ваше, отъ декабря 10-го прошедшаго года, я получилъ, равно какъ и приложенный при ономъ гостинецъ, за который и благодарю васъ; онъ показался мнѣ гораздо вкуснѣе и пріятнѣе вашего письма, которое я никакъ не могъ проглотить, ибо оно остановилось у меня въ самомъ горлѣ, да и теперь еще стоитъ въ немъ. Ну, маменька, подлинно, что лакомый кусъ! Впрочемъ, я уже привыкъ къ подобнымъ домашнимъ гостинцамъ; только мнѣ кажется, что они, что ни далѣе, все становятся солонѣе, а это не къ добру. Мною не на шутку начи-

наютъ овладѣвать какія-то зловѣщія предчувствія. Папенька съ нѣкотораго времени началъ разыгрывать драму, которой развязка меня ужасаетъ. Я увѣренъ, что онъ или находится на высочайшей точкѣ отчаянія, похожаго на какое-то сатанинское ожесточеніе противъ всего существующаго, или уже близокъ къ совершенному сумасшествію. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать: смѣяться или плакать, когда узналъ о его прекрасномъ намѣреніи бросить, на старости лѣтъ, домъ, жену, дѣтей и опредѣлиться въ армію, чтобы, подобно извѣстному герою Донъ-Кихоту, пуститься въ свѣтъ для отыскиванія рыцарскихъ приключеній. Вы догадаетесь, что подобная увѣренность въ помѣшательствѣ ума моего отца нимало меня не радуетъ. Будущее представляется мнѣ въ какой-то ужасной перспективѣ, а въ настоящемъ я также не слишкомъ много нахожу для себя утѣшительнаго... Но, несмотря на все это, я скорѣе соглашусь приклеить себѣ ослиныя уши и написать на своемъ лбу, что я дуракъ, нежели предаваться безвременному отчаянію. Если бы всѣ мои старанія—дать благопріятный оборотъ своимъ худымъ обстоятельствамъ—оказались тщетными, то и тогда бы я не сталъ ни плакать, ни жаловаться, но, напротивъ, скрѣпивъ свое обливающееся кровію сердце, съ насильственною на лицѣ улыбкою, принималъ бы удары судьбы. Совѣтую и вамъ поступать такъ же. Смѣйтесь, хохочите, когда сердце ваше разрывается на милліоны частей; пойте, когда душа ваша желала бы вылиться рыданіями и воплями; пляшите, когда судороги отчаянія начали бы сводить ваши члены. Поступайте такъ, и я буду гордиться тѣмъ, что я вашъ сынъ. Вы молитесь Богу, оказываете самое ревностное усердіе къ религіи; но религія не въ постахъ и молитвахъ: она въ душѣ, въ сердцѣ, въ дѣлахъ человѣка. Вы питаете надежду, что ваши горести, ваши страданія вспомнятся у Бога; но, маменька, вѣдь мученическій-то вѣнецъ достается цѣною терпѣнія покорнаго, безропотнаго. Эти святые отцы, эти мученики, вами почитаемые, вами обожаемые, терпѣли, и какъ же еще терпѣли-то! подъ ударами бичей, мучимые раскаленными щипцами, разрывавшими ихъ тѣло; въ огнѣ, въ желѣзахъ, въ пыткахъ, они молили Бога за своихъ палачей и благодарили Его за то, что онъ удостоилъ ихъ вкусить мученія за Его славу. Вы, можетъ быть, удивитесь, что съ нѣкотораго времени я пишу къ вамъ въ своихъ письмахъ проповѣди, все на одинъ и тотъ же ладъ. Я потому это дѣлаю, что, по моему мнѣнію, съ каждымъ днемъ вы имѣете бо́льшую и

бо́льшую нужду въ той добродѣтели, которой я совѣтую вамъ придерживаться, т. е. въ терпѣніи... Есть еще другая причина, побуждающая насъ къ терпѣнію: это—надежда... Было время, когда вы неутѣшно сокрушались о моей болѣзни и въ горькихъ слезахъ выливали свое здоровье и укорачивали тѣмъ нить своей жизни, но болѣзнь моя миновалась, я сталъ еще здоровѣе прежняго, и даже совершенно забылъ о тѣхъ страданіяхъ, на которыя имѣлъ неблагоразуміе вамъ жаловаться въ своихъ письмахъ. Ваша же горесть, можетъ быть, нѣкогда отзовется дурными послѣдствіями...

Отрывки изъ письма къ отцу. 20 февраля, 1833.

Не мѣшало бы вамъ также обратить свое особенное вниманіе и на нравственность Никанора; она у него находится въ самомъ разстроенномъ состояніи. Если бы вы и успѣли отдать его въ какое-нибудь хорошее учебное заведеніе на казенный коштъ съ такою нравственностью, то вы бы совершенно его погубили. Въ такихъ заведеніяхъ для исправленія испорченной нравственности прибѣгаютъ иногда и къ такимъ мѣрамъ, къ которымъ Никаноръ совсѣмъ не привыкъ, и которыя, потому, должны будутъ показаться ему ужасными. Въ самомъ дѣлѣ, привыкши не имѣть надъ собою старшаго, привыкши въ такихъ лѣтахъ повелѣвать, а не повиноваться, не имѣя ни малѣйшаго уваженія даже къ матери,—каково ему будетъ увидѣть себя въ необходимости слушаться и уважать иногда даже какого-нибудь сторожа-солдата и видѣть надъ собою безконечный рядъ начальниковъ, а подъ собою ни одного подчиненнаго? При его счастливыхъ дарованіяхъ, онъ могъ бы льститься на прекрасную будущность; но я вижу съ горестію, что эти небесные дары отъ небрежнаго за ними ухода начинаютъ заростать и заглушаться крапивою и чертополохомъ низкихъ привычекъ и худыхъ склонностей...

Ради Бога, папенька, обратите на Никанора все свое вниманіе. Изъ этого мальчика, право, можно сдѣлать все, что угодно: и ангела, и дьявола. Я очень хорошо понимаю, къ какому разряду людей онъ принадлежитъ. Въ его характерѣ не можетъ быть середины: или все, или ничего, или слишкомъ хорошъ, или совсѣмъ негодяй; а съ этакими людьми шутить не должно, а то недолго до грѣха...

Отрывокъ изъ письма къ брату Константину. Начало 1833.

О намѣреніи папеньки лишить Никанора всякаго образованія, всякаго просвѣщенія и сдѣлать изъ него нѣчто похожее... скажу тебѣ, что сему не бывать, пока я дышу. Я знаю, что все это значитъ. Мнѣ не удалось получить ученаго диплома, такъ зачѣмъ и Никанору учиться, тѣмъ болѣе, что оставить его невѣждою и негодяемъ гораздо дешевле, ибо деньги, которыя бы нужно было употребить на его воспитаніе, можно отложить на сладкую водку, на перцовку, да еще кое на что...

Отрывки изъ писемъ къ родителямъ. Начало 1833.

У насъ есть нѣкто графъ Панинъ, служащій при университетѣ въ качествѣ помощника попечителя. Эта личность вздумала насильственнымъ образомъ стричь на солдатскій манеръ своекоштныхъ студентовъ. Русаки всѣ дались. Нѣмцы, обругавъ и одурачивъ его, вышли изъ университета.

Можно безо всякой вины, иногда за проступокъ другого, улетѣть въ солдаты. Прелесть, да и только...

О себѣ до времени ничего не хочу писать, хотя и имѣю очень много кое-чего сказать...

Отрывокъ изъ письма къ родителямъ. 20 апрѣля, 1833.

Университетъ нашъ переворотился вверхъ дномъ. Князь Голицынъ уѣзжаетъ за границу. Государь императоръ далъ его помощнику Голохвастову (то есть помощнику князя) неограниченную власть. Уставъ покойнаго императора также успокоивается. За одно слово, за одинъ малѣйшій проступокъ Голохвастовъ выключаетъ изъ университета и казенныхъ и своекоштныхъ студентовъ; казенныхъ же имѣетъ право, безъ всякаго суда, отдавать въ солдаты за всякій сколько-нибудь предосудительный поступокъ, за который прежде посадили бы дня на три въ карцеръ. Уже многіе изъ казенныхъ выключены; одного онъ принудилъ поступить въ полкъ. Купленъ домъ для своекоштныхъ; такъ какъ этотъ домъ находится противъ университета, то его

и соединятъ съ онымъ посредствомъ арки. Всѣ ворота будутъ заперты: ни казенному, ни своекоштному нельзя будетъ выдти изъ университета. Своекоштные будутъ поступать въ купленный для нихъ казною домъ на слѣдующихъ основаніяхъ: всякій своекоштный, не имѣющій въ Москвѣ родственника, у котораго бы онъ могъ жить на квартирѣ, долженъ внести единовременно 50 р. и каждый годъ вносить за квартиру и столъ по 300 р.; сверхъ того, одежду, бѣлье и учебныя книги имѣть свои. Всѣ же, немогущіе, по бѣдности, внести помянутой суммы, будутъ немедленно выключаемы. Теперь разсудите: не варварство ли это? У насъ бо̀льшая часть студентовъ кормятся и одѣваются кондиціями; другіе живутъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ имѣютъ кондицію; многіе не только содержатся сами оными, но даже помогаютъ своимъ семействамъ. Лишенные единственнаго способа ихъ пропитанія, гдѣ возьмутъ эти несчастные денегъ для взноса въ казну? Ихъ безъ всякаго сожалѣнія выключатъ изъ университета, не позволятъ окончить курса и впредь будутъ принимать только такихъ, которые въ состояніи внести деньги. Будутъ принимать молоденькихъ, которыхъ бы можно было сѣчь розгами, и потому всѣхъ старыхъ и взрослыхъ вытѣсняютъ. Однимъ словомъ, Московскій университетъ скоро уподобится Казанскому. Чтобы жить безопасно, надобно даже уряднику-унтеру льстить, надѣть на себя постную харю, скорчиться въ три погибели, безпрестанно творить молитвы, всѣмъ и каждому кланяться и передъ каждымъ подличать. Нѣтъ ничего грубѣе, подлѣе обхожденія Голохвастова съ студентами: ругается, какъ извощикъ, обходится съ нами хуже, нежели съ своими лакеями. Бѣда да и только. Если выключитъ меня, что очень можетъ случиться, ибо выключать для него составляетъ пріятнѣйшее наслажденіе—что̀ тогда дѣлать? Куда сунуться? Въ военную службу я не гожусь, по слабости здоровья и по ненависти къ сей службѣ, о приказной части и говорить нечего. Остается тогда одна дорога: въ Сибирь, на Кавказъ или въ Сѣверо-Американскія россійскія владѣнія...

Отрывокъ изъ письма къ матери. 21 мая, 1833.

Давно уже не писалъ я къ вамъ; не знаю, въ хорошую ли или въ дурную сторону толкуете вы мое молчаніе. Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ я желалъ бы не умѣть ни читать

ни писать, ни даже чувствовать, понимать и жить! Каковымъ вамъ кажется это вступленіе? Но погодите, не торопитесь: это еще цвѣтики, а вотъ скоро поподчую васъ и плодами... Не радостны были всѣ мои письма съ самаго проклятаго холернаго года; но теперь я не могу безъ ужаса и подумать о томъ ударѣ, которымъ готовлюсь поразить васъ, мою мать...

Девять мѣсяцевъ таилъ я отъ васъ свое несчастіе, обманывалъ всѣхъ чембарскихъ, бывшихъ въ Москвѣ, лгалъ и лицемѣрилъ, скрѣпя сердце... но теперь не могу болѣе. Вѣдь когда-нибудь надобно же узнать вамъ. Можетъ быть даже, что вы уже знаете, можетъ быть, вамъ сообщено это съ преувеличеніями, а вы — женщина и мать... Чего не надумаетесь вы? При одной мысли объ этомъ сердце мое обливается кровію. Я потому такъ долго молчалъ, что еще надѣялся хотя сколько-нибудь поправить свои обстоятельства, чтобы вы могли узнать объ этомъ хладнокровнѣе... Я не щадилъ себя, употреблялъ всѣ усилія къ достиженію своей цѣли, ничего не упускалъ, хватался за каждую соломенку и, претерпѣвая неудачи, не унывалъ и не приходилъ въ отчаяніе—для васъ, только для васъ. Я всегда живо помнилъ и хорошо понималъ мои къ вамъ отношенія и обязанности, терпѣлъ все, боролся съ обстоятельствами сколько доставало силъ, трудился и, кажется, не безъ успѣха. Вотъ въ чемъ дѣло. Вы знаете, что проходитъ уже четвертый годъ, какъ я поступилъ въ университетъ; вы, можетъ быть, считаете по пальцамъ мѣсяцы, недѣли, дни, часы, минуты, насъ раздѣляющіе; думаете съ восхищеніемъ о томъ времени, о той блаженной минутѣ, когда, нежданный и незванный, я, какъ снѣгъ на голову, упаду въ объятія семейства кандидатомъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣйствительнымъ студентомъ!.. Мечта очаровательная! И меня обольщала она нѣкогда! Но, увы! въ сентябрѣ исполнится годъ, какъ я выключенъ изъ университета!!!... Предчувствую, что это будетъ вамъ стоить большихъ слезъ, тоски и даже отчаянія,—и это-то самое меня и сокрушаетъ.. Но, маменька, все-таки умоляю васъ не отчаяваться и не убивать себя безплодною горестію. Есть счастіе и въ несчастіи, есть утѣшеніе и въ горести, есть благо и въ самомъ злѣ. Я видѣлъ людей въ тысячу-тысячъ разъ несчастнѣе себя и потому смѣюсь надъ своимъ несчастіемъ...

Теперь въ короткихъ словахъ разскажу вамъ мою печальную исторію. Вышедши изъ больницы, я просилъ Голохвастова, чтобы

онъ, изъ уваженія къ моей долговременной болѣзни, позволилъ мнѣ въ концѣ августа или въ началѣ сентября держать особенный экзаменъ. Онъ, хотя и не обѣщалъ исполнить моей просьбы, но и не отказалъ, а сказалъ: «хорошо, посмотримъ». Я остался въ надеждѣ, и съ половины мая до самаго сентября, несмотря на чрезвычайно худое состояніе моего здоровья, работалъ и трудился, какъ чортъ, готовясь къ экзамену. Но экзамена не дали, а вмѣсто него увѣдомили меня о всемилостивѣйшемъ увольненіи отъ университета...

Я не буду говорить вамъ о причинахъ моего выключенія изъ университета: отчасти собственные промахи и нерадѣніе, а болѣе всего долговременная болѣзнь и подлость одного толстаго превосходительства. Нынѣ времена мудреныя и тяжелыя: подобныя происшествія очень нерѣдки...

Къ брату Константину. 21 мая, 1833.

Москва, 1833 года, мая 21 дня.

Любезный братъ,
Константинъ Григорьевичъ!

Прощай еще на годъ!—Каково привѣтствіе? Да, прощай! и не гужи: хотѣлось было и мнѣ съ тобою повидаться, очень хотѣлось—но что дѣлать! Дѣлай не все, что хочется, а какъ судьба прикажетъ. Что станешь дѣлать съ этою злою, брюзгливою старухою? Она помыкаетъ людьми какъ шашками, и, подобно сильному, могучему богатырю Еруслану Лазаревичу, хватитъ за голову — голова прочь, за руку — рука прочь! Но не тужи, потерпи еще годъ: буду трудиться до упаду, буду проводить безъ сна ночи, къ чему я уже довольно попривыкъ, буду доставать и копить любезныя денежки, чтобы на тотъ годъ хоть плыть да быть въ Чембарѣ и обнять всѣхъ любезныхъ сердцу. Ты съ своей стороны также копи и собирай денежку: когда я пріѣду, то ты непремѣнно вмѣстѣ со мною пріѣдешь въ Москву и тогда поступишь въ Сенатъ. Москва для меня городъ незабвенный, родной моему сердцу, и любимѣйшая мечта моя лѣтъ черезъ пять навсегда основать въ ней мое жительство. Слѣдовательно на тотъ годъ я непремѣнно поѣду сперва въ Москву, а уже изъ нея отправлюсь въ Чембаръ, изъ котораго опять въ Москву, а изъ

нея уже въ Бѣлоруссію. Ты же между тѣмъ получишь офицерскій чинъ, проведешь мѣсяца два со мною въ Чембарѣ и навсегда оставишь его вмѣстѣ со мною. Что ты не пишешь ко мнѣ: твое молчаніе убиваетъ меня. Ужъ не уѣхали ли вы въ Воронежъ, не увѣдомивъ меня о своемъ отъѣздѣ? если такъ, то худо ты сдѣлалъ. Я не писалъ къ тебѣ такъ долго по той причинѣ, что ожидалъ рѣшенія своей участи: да и къ тому же дѣла чертовская пропасть. Магдалины отпечатаны двѣ части, теперь печатается третья; я держу корректуру, и чтобы хотя чѣмъ-нибудь порадовать тебя, посылаю тебѣ корректурные листки. Я знаю, что тебя восхищаетъ все мое и кажется тебѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Итакъ — восхищайся. Стиховъ прислать не могу — ибо скоро ѣду. Пиши скорѣе: можетъ быть твое письмо еще и застанетъ меня. Пиши на имя г-дъ Иванозыхъ съ передачею мнѣ. Ты увѣдомляешь меня, что ты ведешь свой дневникъ — это доброе дѣло! Продолжай его. Утѣшай маменьку, и самъ не печалься. Облака для того покрываютъ небо, чтобы съ большимъ великолѣпіемъ явилось солнце, такъ и горести: стерпится — слюбится. У васъ тамъ все свадьбы — это доброе дѣло. Я познакомился недавно съ Сергѣемъ Васильевичемъ Великопольскимъ — онъ очень неглупый и особенно добрый человѣкъ. Кланяйся всѣмъ, всѣмъ меня знающимъ и помнящимъ, и нашимъ домашнимъ: Акулинѣ, Василью, Авдотьѣ и Марьѣ и Ивану; первымъ тремъ скажи, что я ихъ люблю и помню, а послѣднимъ, что я ихъ не знаю, но люблю, потому что они наши домашніе. О себѣ скажу тебѣ, что я никогда такъ не былъ здоровъ, какъ нынѣ: дышу свободно, не знаю кашля, головной боли, коликъ, и прочихъ неизмѣнныхъ доселѣ спутниковъ моей жизни. А все отъ того, что бросилъ трубку. Я знакомъ съ Надеждинымъ: перевожу въ Молву и Телескопъ; вотъ тебѣ перечень моихъ переводовъ: Лейпцигская битва, Изобрѣтеніе азбуки, Нѣкоторыя черты изъ жизни Доктора Свифта, Послѣднія минуты библіомана, День въ Калькутѣ (5 д. и 60 №), въ Телескопѣ будутъ помѣщены: Письмо о Музыкѣ и о Богемской эпопеѣ. Сверхъ того еще не напечатаны: Воспитаніе женщинъ (Карла Кодье), Графъ и Альдерманъ, и Воздушные замки молодой дѣвушки (Юлія Жанена). Перевожу я болѣе изъ Revue Etrangére, нѣсколько изъ Courrier du beau Monde, Revue de Paris, и разную мелочь для Молвы изъ Miroire. Вотъ и это для тебя радость. Засвидѣтельствуй искреннѣйшее почтеніе

бабушкѣ Дарьѣ Евсеевнѣ и Ивану Осиповичу; попроси у него извиненія, что я не отвѣчалъ на его письмо; изъ Бѣлоруссіи непремѣнно буду къ нему писать. Также и Варварѣ Савельевнѣ и перецѣлуй всѣхъ ихъ дѣтей. Равнымъ образомъ кланяйся отъ меня почтеннѣйшему и любезнѣйшему Авениру Ивановичу и скажи ему, что воспоминаніе объ немъ всегда будетъ для меня пріятно, и что я почту для себя пріятнѣйшею обязанностію, какъ только осмотрюсь въ Бѣлоруссіи, писать къ нему. Александрѣ Николаевнѣ также поклонъ въ поясъ и всему ихъ семейству свидѣтельствую мое почтеніе. Скажи бабушкѣ, что мнѣ очень досадно, что не могу написать къ ней ничего: ты знаешь, что громъ не грянетъ, Русакъ не перекрестится: за письма я принялся вечеромъ наканунѣ отъѣзда Татарина и едва-едва успѣлъ написать и это, рука едва движется, я усталъ, измучился. Впрочемъ и безъ моихъ писемъ бабушка можетъ быть увѣрена въ моемъ къ ней расположеніи: любовь не въ словахъ и письмахъ, а въ душѣ и сердцѣ. О Никанорѣ и говорить не хочу: малый пропащій. Если бы я могъ побывать передъ отъѣздомъ хотя на недѣлю у васъ, то бы увезъ его съ собою, если бы не отпустилъ папенька, то бы укралъ. Но дѣлать нечего. Какъ скоро Карташевскій пришлетъ рѣшеніе, то получивши прогоны, надобно будетъ дня черезъ два ѣхать въ Бѣлоруссію. Итакъ, прости! Пиши поскорѣе. Буду съ нетерпѣніемъ ждать отвѣта. Изъ Бѣлоруссіи аккуратно черезъ каждую недѣлю буду писать къ вамъ съ маменькой. Будь здоровъ и счастливъ! Остаюсь любящій тебя братъ твой

Виссаріонъ Бѣлинскій.

Сашеньку цѣлую—и прощаюсь съ нею до слѣдующаго письма.

Отрывки изъ письма къ отцу. 21 мая, 1833.

Если это васъ огорчитъ, то одна моя мольба къ вамъ: ни слова въ упрекъ. Если я, болѣе или менѣе, былъ самъ причиною сего моего несчастія, то, повѣрьте, я съ лихвою наказанъ за это самимъ собою. Надѣюсь, что вы поймете меня. Я уже не мальчикъ, и свой собственный судъ для меня всего страшнѣе. Но счастливъ тотъ, кто еще можетъ остановиться во-время и употребить себѣ въ пользу собственныя ошибки и суровые уроки судьбы!

Я еще только выѣхалъ на своемъ челнѣ въ это открытое море свѣта, а до сего времени держался у береговъ; слѣдовательно, еще не все потеряно. Конецъ вѣнчаетъ дѣло, говорятъ умные люди. Только тогда при плескахъ вызываютъ или освистываютъ актера, когда совсѣмъ разыграетъ свою роль; только тогда можно произнести судъ человѣку, когда онъ совсѣмъ окончилъ свое поприще. Впрочемъ, какія бы ни были обстоятельства, навлекшія на меня мое несчастіе, вы можете быть всегда твердо увѣренными, что ничѣмъ предосудительнымъ не обезчестилъ имени своего отца. Я живу не для себя, помню, что я крѣпкими узами связанъ съ кровными — и вотъ только поэтому-то и огорчаюсь. Итакъ, простите!..

Къ Рождеству съ великими трудами, просиживая иногда напролетъ цѣлыя ночи, а во время дня не слѣзая съ мѣста, перевелъ его, въ надеждѣ пріобрѣсти рублей 300. Но фортуна и тутъ прежестоко подшутила надо мной: въ газетахъ было объявлено о другомъ переводѣ сего самаго сочиненія, и потому я едва-едва могу получить 100 р. асс.

Познакомился съ профессоромъ Надеждинымъ и началъ переводить въ его журналъ «Телескопъ».

На страстной недѣлѣ пріѣхалъ въ Москву попечитель Бѣлорусскаго учебнаго округа дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Григорій Ивановичъ Карташевскій, и издатель «Телескопа» попросилъ его, чтобы онъ далъ мнѣ мѣсто учителя въ Бѣлоруссіи. Я представлялся ему и, по его назначенію, подалъ ему разсужденіе, и онъ, наконецъ, сказалъ мнѣ, что такъ какъ всѣ бѣлорусскія училища состоятъ на правахъ гимназій, то прямо принять меня въ какое-нибудь изъ нихъ нельзя, но что онъ въ скоромъ времени долженъ открыть нѣсколько уѣздныхъ училищъ; а что до сего времени я долженъ пробыть въ какомъ-нибудь изъ приходскихъ на 400 р. жалованья... Итакъ, 27-го апрѣля я подалъ ему просьбу, и онъ хотѣлъ было черезъ два дня отправить меня въ Бѣлоруссію... Этою поспѣшностію онъ хотѣлъ доставить мнѣ рублей 40 денегъ на дорогу... Но послѣ увидѣвъ, что у меня нѣтъ ни копѣйки своихъ денегъ, для того, чтобы запастись одеждою и другими необходимыми вещами, онъ сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ и тамъ постарается выхло-

потать мнѣ рублей 150 награжденія и уже оттуда пришлетъ мнѣ свое рѣшеніе..

Вотъ вамъ моя исторія; она неполна, ибо я умалчиваю здѣсь о многомъ, многомъ, перенесенномъ мною въ продолженіе этого года. Теперь же только одна мысль, что все это можетъ сильно огорчить васъ—убиваетъ меня, а особенно то, что я передъ отъѣздомъ не могу повидаться съ вами. О прочемъ же ни мало не безпокоюсь; исключеніе же изъ университета даже нѣкоторымъ образомъ радуетъ меня, ибо я теперь увѣренъ, что не попаду безъ всякаго суда въ солдаты за какую-нибудь бездѣлицу; притомъ же если я съ годъ прослужу хорошо въ уѣздномъ училищѣ, то непремѣнно буду въ гимназіи лѣтомъ, а на эти мѣста много охотниковъ даже изъ своекоштныхъ кандидатовъ...

У меня и по сю пору голова идетъ кругомъ, и я не могу опомниться. Въ иной день придется обѣгать по Москвѣ верстъ 20; дѣлъ пропасть. Безпрестанно пишу, перевожу, держу корректуру «Магдалины», словомъ, не знаю, куда и сунуться...

Отрывки изъ письма къ брату Константину. 19 іюля, 1833.

Я очень знаю, какъ горько тебѣ жить въ родительскомъ домѣ,—да что же дѣлать-то? Я и самъ пью горькую чашу, которая съ каждымъ днемъ переполняется черезъ края новыми ядовитѣйшими зельями, однако-жъ терплю, ибо надежда въ будущемъ подкрѣпляетъ меня. Кто знаетъ? Можетъ быть, всѣ настоящія несчастія есть не что иное, какъ зерна, изъ коихъ должны нѣкогда вырасти и расцвѣсти благоухающіе цвѣты счастія? Все къ лучшему! думаю я, и не тужу. Совѣтую и тебѣ послѣдовать моему примѣру. Конечно, горестно, убійственно слышать отъ своего отца попреки за каждый его кусокъ... и гдѣ же? Въ Чембарѣ, гдѣ эти куски такъ дешево обходятся даже и самому послѣднему мѣщанину, а не только что штабъ-лекарю, да еще къ тому же и коллежскому ассесору!.. Послѣ этого толкуй себѣ о какихъ-то будто бы священныхъ, неразрывныхъ узахъ природы!.. Но... на здѣшнемъ свѣтѣ часто совершаются большія чудеса, часто людей постигаетъ такая участь, какой они совсѣмъ

не ожидали: какой-нибудь ничтожный бѣднякъ иногда даетъ кусокъ и уголъ человѣку, который нѣкогда думалъ о немъ хуже, нежели о какой-нибудь собакѣ... Смотри, не считай же и ты своихъ кусковъ, если судьба когда-нибудь доведетъ твоего отца до необходимости питаться ими...

Какъ ни много претерпѣлъ я ударовъ судьбы, но еще ни одна слеза не выкатывалась изъ моихъ глазъ: въ этотъ же разъ нѣсколько горькихъ слезинокъ украдкою скатились въ кулакъ съ моихъ рѣсницъ, нимало не облегчивъ ни стѣсненной груди, ни растерзаннаго сердца... Бѣдный мой братъ!.. Какая участь ожидаетъ его!..

Отрывки изъ письма къ матери. 20 сентября, 1833.

Завтра я посылаю отъ себя самое настоятельное письмо къ его превосходительству, въ коемъ рѣшительно прошу его или прислать свое рѣшеніе въ самомъ скоромъ времени, или прислать мнѣ назадъ мои документы.

Я нигдѣ и никогда не пропаду. Несмотря на всѣ гоненія жестокой судьбы—чистая совѣсть, увѣренность въ незаслуженности несчастій, нѣсколько ума, порядочный запасъ опытности, а болѣе всего нѣкоторая твердость въ характерѣ—не дадутъ мнѣ погибнуть. Не только не жалуюсь на мои несчастія, но еще радуюсь имъ: собственнымъ опытомъ узналъ я, что школа несчастія есть самая лучшая школа. Будущее не страшитъ меня. Перебираю мысленно всю жизнь мою и хотя съ какимъ-то горестнымъ чувствомъ вижу, что я ничего не сдѣлалъ хорошаго, замѣчательнаго, зато не могу упрекнуть себя ни въ какой низости, ни въ какой подлости, ни въ какомъ поступкѣ, клонящемся ко вреду ближняго...

Отрывокъ изъ письма къ брату Константину. 20 сентября, 1833.

О себѣ скажу тебѣ, что я живу довольно хорошо для своихъ обстоятельствъ. Связь съ моимъ любезнымъ Петровымъ и многими другими, можно сказать, отборными по уму, образованности, талантамъ и благородству чувствъ молодыми людьми,

заставляетъ меня иногда забывать о моихъ несчастіяхъ. Въ семействѣ Петрова я принятъ, какъ родной. Его мать, добрая, умная и любезная старушка, для меня истинно вторая мать. Также я знакомъ съ одною изъ его сестеръ (которыя всѣ очень воспитанныя дѣвицы); она недавно уѣхала въ Тулу, въ гувернантки въ одинъ домъ. Черезъ Петровыхъ я познакомился съ домомъ одного помѣщика Зыкова, гдѣ тоже очень хорошо принятъ и обласканъ. Въ этомъ домѣ много барышенъ: ты догадаешься, что по этой причинѣ я съ большимъ удовольствіемъ провожу тамъ время. 17-го сентября я былъ у нихъ на именинахъ, немного танцовалъ, немного былъ пьянъ, ужиналъ, волочился, куртизанилъ... и былъ счастливъ. Скажу тебѣ, что московскій свѣтъ рѣзко отличается отъ чембарскаго простотою, большею свободою въ обращеніи и отсутствіемъ глупыхъ церемоній, какъ-то подхожденія къ рукѣ и прочаго. Вообще, тамъ менѣе можно конфузиться, нежели у васъ. Тамъ лучше умѣютъ цѣнить достоинства, и лучше вашего умѣютъ наслаждаться удовольствіями. А барышни? О, какая разница съ вашими! Мнѣ казалось, что я былъ перенесенъ въ какой-то другой, доселѣ безвѣстный мнѣ міръ. Сверхъ сего, я еще имѣю хорошихъ знакомыхъ въ томъ домѣ, гдѣ живетъ Григорьевъ (Н. Львовичъ). Хозяинъ онаго управляетъ имѣніемъ Зыкова. Жена его и дѣти предобрѣйшіе люди и принимаютъ меня совершенно, какъ родного... Видишь ли, сколько у меня въ Москвѣ знакомствъ и связей? О, Москва, Москва! жить и умереть въ тебѣ, бѣлокаменная—есть верхъ моихъ желаній. Признаться, братъ, разстаться съ Москвою для меня все равно, что разстаться съ раемъ...

Къ Александрѣ Михайловнѣ. 7 декабря, 1833.

Москва. 1833 года, декабря 7 дня.

Милостивая государыня
Александра Михайловна!

Тысячу и тысячу разъ виноватъ передъ Вами!—Не стыдно ли вамъ?—Очень, очень стыдно—все знаю, чувствую, но недосуги, дѣла, дѣлишки, посѣщенія, а болѣе всего лѣнь не дозволили мнѣ имѣть пріятнаго удовольствія писать къ Вамъ. По крайней мѣрѣ, хоть за откровенность мою извините и простите за несдержанное обѣщаніе.

Благодарю Васъ за извѣстіе о малюткѣ. Вы пишете, что онъ очень милъ, уменъ и смышленъ: дай Богъ! Это главное. Судьба этого невиннаго существа очень занимаетъ меня; мнѣ кажется, что оно мнѣ родное, я вижу его, говорю съ нимъ; оно не выходитъ изъ моихъ мыслей и такъ вольно хозяйничаетъ въ моемъ сердцѣ, какъ будто у себя дома à son aise. Горю нетерпѣніемъ увидѣть, обнять и расцѣловать это дитя моей души и моего сердца, а болѣе всего дать ему въ своемъ лицѣ отца, друга, брата, руководителя, наставника. Эта минута будетъ для меня сладостною и священною.

О себѣ скажу Вамъ, что я продолжаю брать уроки, но очень плохо подвигаюсь впередъ. О лѣнь! для чего, проклятая, родилась она прежде меня!...

Почему Вы такъ долго не ѣдете въ Москву. Я пересталъ и ждать Васъ: мнѣ кажется, что я уже и не увижусь съ Вами болѣе. Бога ради, не будьте такъ жестоки къ людямъ, которыхъ расположеніе и уваженіе къ Вамъ безпредѣльны. Не примите этого за комплиментъ: я лгу безсовѣстно (иногда), но только барышнямъ, а этотъ народъ не грѣхъ обманывать, потому что онѣ сами любятъ это дѣлать съ нами. Но Вы для меня другое дѣло; мнѣ кажется, что я понялъ, разгадалъ Васъ,—дай Богъ, чтобы я не обманулся! Я ошибался въ Васъ, когда мѣрилъ Васъ общимъ аршиномъ, но вскорѣ увидѣлъ, что Вы не подходите подъ общую мѣру обыкновенныхъ женщинъ— повторяю, дай Богъ, чтобы я не обманулся въ этой сладостной для меня увѣренности! О, много, много желалъ бы я Вамъ высказать; но я оставляю это удовольствіе до свиданія съ Вами. Бога ради, поскорѣе пріѣзжайте: я горю нетерпѣніемъ видѣть Васъ. Прощайте! Будьте здоровы и счастливы и не забывайте искренно преданнаго Вамъ и глубоко уважающаго Васъ

Виссаріона Бѣлинскаго.

Извините, что такъ худо и на такой дурной бумагѣ писано: въ послѣднемъ виноватъ Вашъ любимецъ Яковъ Іоновичъ. Пишу на скорую руку. Свидѣтельствую мое почтеніе Мазепѣ—адъ и проклятіе! Да здравствуетъ онъ и да процвѣтаетъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ его адская удаль!..

Отрывокъ изъ письма къ брату Константину. Январь, 1834.

Черезъ мѣсяцъ, много-много черезъ два, участь моя рѣшится.

Отрывокъ изъ письма къ брату Константину. Начало 1834.

Вообще мои дѣла идутъ съ каждымъ днемъ лучше: будущность представляется мнѣ въ самой пріятной перспективѣ...

Отрывки изъ письма къ матери. 25 мая, 1834.

Какъ бы достать мѣсяца на полтора работки ста на три...

Я внѣ себя отъ восхищенія, что нанялъ квартиру, гдѣ тишина и уединеніе даютъ мнѣ совершенную возможность заниматься науками... Теперь я начинаю дышать посвободнѣе, начинаю отдыхать отъ тяжелой ноши горестей и безпрерывныхъ бѣдъ, подъ тяжестію которыхъ чуть было не утратилъ совершенно и душевнаго, и тѣлеснаго здоровья.

Отрывокъ изъ письма къ матери. Іюль, 1834.

Бога ради, постарайтесь отпустить ее на волю, иначе на вашей душѣ будетъ тяжкій грѣхъ. Можно ли сосать кровь изъ живого человѣка? Это прилично однимъ вампирамъ. Скажите папенькѣ, что мѣсяца черезъ три или четыре я уплачу ему за Авдотью не только 50, пожалуй и 100 р. и, если хочетъ, пришлю ему вексель въ 100 рубляхъ.

Отрывокъ изъ письма къ брату Константину. 17 августа, 1834.

Я перебрался къ Надеждину и живу у него уже двѣ недѣли. Жить мнѣ очень недурно; у меня особенная комната... и такъ я совершенно обезпеченъ со стороны содержанія. 9-го числа нынѣшняго мѣсяца (въ четвертокъ) подалъ я просьбу о поступленіи въ службу на корректорское мѣсто. Ректоръ ее принялъ, и

по всему видно, что дѣло недѣли черезъ три-четыре кончится въ мою пользу, и я буду пользоваться казенною квартирою, 1,000 руб. жалованья (о чинахъ не хлопочу; это въ моихъ глазахъ сущій вздоръ: деньги лучше). Вотъ видишь ли, и на моей улицѣ настаетъ праздникъ; терпѣлъ, терпѣлъ, да и вытерпѣлъ. Теперь Надеждинъ уѣхалъ (14-го числа) ревизовать Тульскую и Рязанскую губерніи, и поручилъ мнѣ журналъ и домъ, гдѣ я теперь полный хозяинъ... пользуюсь его библіотекою, и живу припѣваючи...

Надеждинъ, тотчасъ по возвращеніи изъ своего вояжа, переѣдетъ въ домъ Сухово-Кобылина, а если къ тому времени я не получу казенной квартиры, то и я съ нимъ. Этотъ домъ извѣстенъ въ Москвѣ своею образованностію, и мнѣ очень бы хотѣлось пожить тамъ немножко, чтобы приглядѣться на beau-monde. Теперь я, по рекомендаціи Надеждина, приготовляю къ университету изъ исторіи князя Волконскаго; у него отца нѣту, а мать предобрая старушка и очень ласкаетъ меня.

Къ И. И. и О. С. Ивановымъ. 5 февраля, 1835.

Москва. 1835, [1]) *февраля 5 дня.*

Милостивый государь,
Петръ Петровичъ!

Бога самого ради, перестаньте величать меня «Милостивымъ Государемъ» и разсыпаться передо мною въ комплиментахъ, просьбахъ и благодарности. Къ чему эти вычуры? Или Вы еще не догадались, что я не совсѣмъ похожъ на всѣхъ людей и принадлежу къ числу чудаковъ? Вѣдь мы съ Вами не бабы! Пишите ко мнѣ такъ, какъ долженъ писать отецъ къ сыну, не просите меня, но приказывайте, не благодарите, а говорите, что Вы меня любите. Экой старикъ — бѣситъ меня, да и только. Или вы не понимаете, что не Вы, а я у Васъ въ долгу, и въ долгу неоплатномъ. О, ради всего святого въ мірѣ, позвольте мнѣ быть Вашимъ должникомъ, считать Васъ моимъ благодѣтелемъ, отцомъ. И развѣ я одинъ могу Васъ называть такимъ образомъ? Дѣлать добро—это ваша страсть. О Петѣ не безпокойтесь. Я водилъ его къ инспектору, просилъ его именемъ Надеждина; инспекторъ велѣлъ привести

[1]) Послѣдняя цифра года стерта. *Прим. А. П.*

его черезъ недѣлю въ гимназію для экзамена. Но въ это время онъ захворалъ нервическою горячкою, которая была захвачена въ самомъ началѣ и вылѣчена самыми простыми средствами, сообразно съ совѣтами Авенира Ивановича Красовскаго. Въ это же время и Алексѣй попался подъ арестъ, въ это же время (проклятое время!) я узналъ отъ П. Г. Давыдова о смерти родной. Петя выздоровѣлъ, но время было уже потеряно; учениковъ набрано было такъ много, что не знали, куда и дѣваться съ ними. На будущій годъ онъ будетъ въ гимназіи (въ 3-мъ классѣ)— за это ручаюсь я. Я примусь за него снова и подготовлю его на славу. Теперь съ Никаноромъ ему веселѣе учиться будетъ. Прощайте, до свиданія (вѣдь Вы сбираетесь къ намъ — дай-то Богъ—фунтовую свѣчу (изъ желтаго впрочемъ воска) поставлю Николѣ). Вашъ—что вамъ угодно

В. Бѣлинскій.

Милостивая государыня,
и любезнѣйшая сестрица, Ѳедосья Степановна!

Всѣ ко мнѣ по строчкѣ (даже и Катерина Петровна!!!), а Вы ни полъ-слова—благодарю за неоставленіе! Впрочемъ, я сказалъ это такъ, для шутки, ибо я безъ писемъ не сомнѣваюсь въ Вашемъ ко мнѣ расположеніи. Вы что не сбираетесь къ намъ въ Москву? Хоть бы однимъ глазкомъ поглядѣлъ на Васъ. Можетъ быть, нынѣшнимъ лѣтомъ заверну и я въ Вашъ уголокъ, если позволятъ дѣла. Хочется вздохнуть воздухомъ родины, взглянуть на мѣста, гдѣ провелъ дѣтство, гдѣ

Много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,

хочется побесѣдовать съ вами, милыми сердцу, хочется выронить слезу на могилѣ родной...

Страшно, жестоко играетъ судьба мною! Сколько разъ сердце просилось, душа рвалась туда, туда! Но... грустная мысль!

Зачѣмъ вы такъ долго продержали у себя долгоносаго — я чуть не проклялъ его! Вѣдь грѣхъ остался бы на вашей душѣ, и трудновато было бы Вамъ отмолиться отъ него! Прощайте и не забывайте вашего чудака

В. Бѣлинскаго.

Къ И. А. Полевому. 26 апрѣля, 1835.

Милостивый государь,
Николай Алексѣевичъ!

Я принимаюсь за изданіе журнала; принимаюсь не изъ корыстныхъ видовъ, не изъ дѣтскаго тщеславія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не по сознанію въ своихъ силахъ и своемъ назначеніи, а изъ увѣренности, что теперь всякій можетъ сдѣлать что-нибудь, если имѣетъ хоть искру способности и добра... Какъ бы то ни было, но мнѣ было бы пріятно имѣть читателемъ того человѣка, который съ такимъ благороднымъ и безпримѣрнымъ самоотверженіемъ старался водрузить на родной землѣ хоругвь вѣка, который воспиталъ своимъ журналомъ нѣсколько юныхъ поколѣній и сдѣлался вѣчнымъ образцомъ журналиста... Да, мнѣ пріятно и лестно думать, что Вы будете иногда перелистывать книгу, мною составленную, хотя, можетъ быть, для васъ это будетъ ни пріятно и ни лестно... но Ваше вниманіе ко всякому благородному порыву, Ваше расположеніе и ласковость къ молодымъ людямъ, сколько нибудь принимающимъ участіе въ дѣлахъ книжнаго міра, Ваша снисходительность къ слабости силъ при честныхъ намѣреніяхъ, въ чемъ я имѣлъ удовольствіе увѣриться собственнымъ опытомъ, заставляютъ меня надѣяться, что Вы не откажетесь принять моего приношенія. Николаю Ивановичу было очень пріятно исполнить мое желаніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь пребыть Вашимъ, Милостивый Государь, покорнымъ слугою

Виссаріонъ Бѣлинскій.

1835. Апрѣля 26 дня.

Къ И. А. Полевому. 19 сентября, 1835.

Милостивый государь,
Николай Алексѣевичъ!

Я такъ много виноватъ передъ Вами, что не смѣю и оправдываться; нельзя больше употреблять во зло Вашу снисходительность: вмѣсто четырехъ дней Мольеръ продержалъ четырнадцать дней. Благоволите увѣдомить меня, касательно Вашего намѣренія на счетъ Чаттертона, я бы и распорядился сообразно съ Вашимъ

рѣшеніемъ. Также нѣтъ ли какихъ слуховъ на счетъ Энциклопедическаго Словаря. Не почтите моихъ словъ за докучливость: мнѣ нужно только узнать, а я во всякомъ случаѣ Вашъ должникъ, вполнѣ чувствующій всю важность Вашихъ одолженій, всю великость Вашей снисходительности.

Вашъ, Милостивый Государь, покорный слуга

В. Бѣлинскій.

1835. Сент. 19 дня.

Къ Н. С. Селивановскому. 27 октября, 1835.

1835. Октября 27 дня.

Николай Семеновичъ!

Находясь въ совершенной крайности, до какой только можетъ дойти нерасчетливый человѣкъ, я рѣшаюсь попытаться своего счастія около васъ. Коротко и ясно: не можете ли вы ссудить меня довольно значительною суммою на довольно значительный срокъ? Только вслѣдствіе того инстинктуальнаго чувства, которое заставляетъ ограничивать просьбу изъ боязни отказа, прошу у васъ не менѣе трехъ сотъ рублей—и не менѣе, какъ на пять мѣсяцевъ. Если вы будете имѣть столько великодушія или столько безразсудности, чтобы повѣрить такую сумму человѣку, для котораго такая сумма хотя еще и не Богъ знаетъ что, но котораго всѣ источники заключаются въ трудѣ и потѣ лица, и котораго завтра такъ же не надежно, какъ московская погода, то — дружеское спасибо вамъ. Если же, по какимъ бы то ни было причинамъ, вы не захотите или не будете въ состояніи исполнить моей просьбы, то черкните, на этой же запискѣ, короткое нѣтъ. Вашъ отказъ ни мало не уменьшитъ моего къ вамъ уваженія и расположенія, ибо я думаю, что всякій человѣкъ имѣетъ полное право быть господиномъ своихъ денегъ, какъ и господиномъ своихъ поступковъ, да при томъ же мои съ вами отношенія еще не такъ тѣсны, чтобы я имѣлъ право требовать отъ васъ подобныхъ одолженій и сердиться на васъ въ случаѣ отказа. Въ такомъ случаѣ прошу объ одномъ: не напоминать мнѣ объ этомъ дѣлѣ ни словомъ, ни взглядомъ; я буду умѣть уважить ваши причины, не зная ихъ, умѣйте же и вы пощадить мое чувство, которое, вѣрно, вамъ будетъ понятно. Я вчера разъ десять заикался заговорить объ этомъ, но рѣшился

писать, потому что epistolia non rubescit, а я всегда имѣлъ дурную привычку краснѣть, когда просилъ о какомъ-нибудь одолженіи даже своего отца. Итакъ—короткое и немедленное да или нѣтъ? и чтобъ и въ томъ и другомъ случаѣ о дѣлѣ не было помину.

Вашъ Бѣлинскій.

Къ К. С. Аксакову. Конецъ 1836 или начало 1837.

Не знаю, почему ты такъ медлишь присылкою обѣщанныхъ книгъ? Вѣрно не знаешь квартиры? Пришли мнѣ съ моимъ же мальчикомъ: 1) Беранже, 2) Père Horiot, 3) мои статьи (я начинаю чувствовать потребность употребить ихъ въ дѣло, т. е. передѣлать). Нѣтъ ли чего интереснаго для прочтенія? Знаешь ли ты новость: Погодинъ затѣваетъ журналъ и предлагаетъ мнѣ участіе. Это пока тайна.

Если не состоится то, извѣстное тебѣ, журнальное дѣло, то, чортъ возьми, можетъ быть я и рѣшусь. Но въ такомъ случаѣ, сперва выторгую себѣ полную конституцію—понимаешь?

Составляю синтаксисъ. Думалъ о грамматикѣ—и опять съ тобой не согласенъ.

Выраженіе пространства, или времени глаголъ: хорошо. Опредѣлительное—оно что̀ выражаетъ—пространство, или время?

Мнѣ кажется, что было бы слишкомъ произвольно заставить его выражать то или другое, тогда какъ оно не выражаетъ ни того, ни другого. А числительныя (пять, три, десять, третій, пятый, десятый), они что̀ выражаютъ? Оно, видишь, такъ, да не такъ, потому что, кромѣ категоріи пространства и времени, есть еще категорія качества, количества, принадлежности и пр. У меня есть объ этомъ поговорить съ тобою. Я вполнѣ согласенъ съ тобою, что предлоги и союзъ не частицы, а неизмѣняемыя части рѣчи, а частицы суть измѣняемыя части рѣчи, таковы нѣтъ (не есть) было, бы, не. Напр., почему нѣтъ и не нарѣчія? вздоръ, они частицы.

Къ М. А. Бакунину. 3 января, 1837.

1837. Понедѣльникъ 3 генваря.

Что-то ты дѣлаешь, Мишель? Скоро ли узнаю я объ этомъ что-нибудь? Боткинъ нынѣшній день будетъ въ Харьковѣ; вчера

провелъ съ нимъ послѣдній вечеръ. Статья моя подвигается, хоть и медленно. Впрочемъ, о первомъ представленіи все кончилъ.

Сейчасъ пью кофій и читаю книгу, лежа на кушеткѣ, а собака моя, лежа подлѣ меня, ворчитъ и лаетъ на портретъ Пушкина. Вотъ все, что пока могъ написать къ тебѣ. Прощай.

Твой В. Б.

Къ А. А. Краевскому. 14 января, 1837.

Милостивый государь
Андрей Александровичъ!

Благодарю васъ за лестное ваше ко мнѣ вниманіе, которое вы оказали мнѣ приглашеніемъ меня участвовать въ вашемъ журналѣ. Со всею охотою готовъ вамъ помогать въ изданіи и принять на свою отвѣтственность разборы всѣхъ литературныхъ произведеній; только почитаю долгомъ объясниться съ вами насчетъ одного пункта, очень для меня важнаго, чтобъ послѣ между мною и вами не могло быть никакихъ недоразумѣній, а слѣдовательно, и неудовольствій. Я отъ души готовъ принять участіе во всякомъ благородномъ предпріятіи и содѣйствовать, сколько позволяютъ мнѣ мои слабыя силы, успѣхамъ отечественной литературы; но я желаю сохранить вполнѣ свободу моихъ мнѣній и ни за что въ свѣтѣ не рѣшусь стѣснять себя какими бы то ни было личными или житейскими отношеніями. Поэтому, я готовъ, по вашему совѣту, дѣлать всевозможныя измѣненія въ моихъ статьяхъ, когда дѣло будетъ касаться до безопасности вашего изданія со стороны цензуры; но что касается до авторитетныхъ и разныхъ личныхъ отношеній къ литераторамъ, участвующимъ дѣломъ или желаніемъ въ вашемъ журналѣ, то я думаю и увѣренъ, что я въ этомъ отношеніи останусь совершенно свободенъ. Но такъ какъ у васъ участвуютъ нѣкоторые литераторы, какъ-то князь Вяземскій, баронъ Розенъ и Викторъ Тепляковъ, о которыхъ я по совѣсти не могу напечатать добраго слова, и вообще не могу говорить умѣренно и хладнокровно, то буду стараться совсѣмъ не говорить о нихъ, а если бы вышло какое-нибудь сочиненіе или собраніе сочиненій кого-нибудь изъ

нихъ, то также почту себя вправѣ или говорить, что̀ думаю, или совсѣмъ ничего не говорить. Если же случится такая статья, гдѣ мнѣ нельзя будетъ не упоминать о комъ-нибудь изъ нихъ, а вамъ нельзя будетъ напечатать моего упоминовенія, то я беру ее назадъ и имѣю право помѣстить въ какомъ-нибудь другомъ журналѣ, хотя бы то было (чего избави Боже!) въ «Сѣверной Пчелѣ». Это главное; о матеріальныхъ условіяхъ г. Невѣровъ обѣщалъ мнѣ переговорить съ вами. Всѣ статьи, которыя бы не касались критики, но которыя могли бы помѣститься въ вашемъ листкѣ, я со всѣмъ удовольствіемъ отдаю вамъ безъ всякихъ особенныхъ условій и вообще буду дѣйствовать не какъ работникъ по найму, а какъ человѣкъ, принимающій живѣйшее участіе въ журналѣ, въ которомъ онъ участвуетъ. Если меня пригласятъ въ Энциклопедическій Словарь, то готовъ стараться и взялъ бы на себя статьи о дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ лицахъ русской литературы, съ полною увѣренностію, что въ этомъ могъ бы быть полезенъ, по крайней мѣрѣ, болѣе Греча, который въ статейкѣ объ Ломоносовѣ показалъ образчикъ своего критицизма; также и о другихъ литературныхъ предметахъ могъ бы взяться писать. Но Энциклопедическій Словарь — статья особая отъ «Литературныхъ Прибавленій». Если я тамъ нуженъ, то готовъ; если нѣтъ—напрашиваться не буду. Условія г. Плюшара я почитаю для себя довольно выгодными; а о моихъ онъ можетъ узнать подробнѣе отъ Яннуарія Михайловича.

Посылаю вамъ статейку—не знаю, какъ вамъ покажется: писалъ кое-какъ, наскоро. Если я вашъ сотрудникъ, то погодите писать о Булгаринѣ (онъ, кажется, издалъ еще нѣсколько частей своихъ твореній): это моя законная пожива. Не замедлите вашимъ отвѣтомъ. Такъ какъ я, по обстоятельствамъ, можетъ быть, не буду въ состояніи выѣхать изъ Москвы раньше половины или даже конца февраля, то назначьте книги для разборовъ: я или перешлю къ вамъ эти разборы, или привезу, чтобъ прибыть къ вамъ не съ пустыми руками и чтобъ время даромъ не шло. 22 генваря будутъ давать въ Москвѣ Гамлета, переведеннаго Полевымъ; если представленіе, въ какомъ бы то ни было отношеніи будетъ примѣчательно, то напишу объ немъ къ вамъ письмо для помѣщенія въ журналѣ. Давно не писалъ, руки чешутся, и статей въ головѣ много шевелится, такъ что радъ ко всему привязаться, чтобъ только поговорить печатно. Извините за нескладицу моего письма: ужъ два часа ночи, спать хо-

чется, а Невѣровъ ѣдетъ завтра. Въ ожиданіи скораго отвѣта, честь имѣю остаться вашимъ, милостивый государь, готовымъ къ услугамъ.

Виссаріонъ Бѣлинскій.

1837. Генваря 14 дня.

Адресъ мой: Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому, на Петровкѣ, въ Рахмановскомъ переулкѣ, въ домѣ князя Касаткина-Ростовскаго, № 22.

Къ И. А. Полевому. 25 января, 1837.

Милостивый государь,
Николай Алексѣевичъ!

Ожидаю отъ Васъ обѣщанной Вами рукописи Гамлета; не забудьте приложить къ ней и переводъ Вронченки. Сверхъ того, прошу Васъ покорнѣйше одолжить мнѣ «Живописнаго Обозрѣнія» за второй годъ: кромѣ того, что я самъ почти не видѣлъ его, у меня есть юноши—братъ и племянникъ—которые жаждутъ и алчутъ прочесть второй годъ того изданія, первый годъ котораго доставлялъ имъ столько наслажденія. Исполненіемъ всѣхъ этихъ просьбъ Вы крайне обяжете преданнаго Вамъ всею душою,

В. Бѣлинскаго.

1837. Генваря 25 дня.

Къ А. А. Краевскому. 4 февраля, 1837.

Милостивый Государь,
Андрей Александровичъ!

Если вамъ угодно имѣть меня своимъ сотрудникомъ, то это мое письмо должно рѣшительно опредѣлить мои отношенія къ вашему журналу. Я готовъ со всею охотою писать вамъ за объявленную мнѣ вами плату; и, такъ, вотъ вамъ условія:

1) Я никакъ не могу согласиться не подписывать своего имени, или не означать моихъ статей какою бы то ни было

фирмою,—нолемъ, зетомъ или чѣмъ вамъ угодно,—потому что, не любя присвоивать себѣ ничего чужого, ни худого, ни хорошаго, я не уступаю никому моихъ мнѣній, справедливы они или ложны, хорошо или дурно изложены. Другое дѣло, если бы я исключительно завѣдывалъ у васъ литературною критикою, такъ, какъ Н. И. Надеждинъ философическою; но это невозможно при значительной разности нашихъ мнѣній касательно достоинства многихъ русскихъ литераторовъ. Если вы можете согласиться на это условіе, въ такомъ случаѣ,

2) Я пишу вамъ рецензіи на всѣ петербургскія и московскія произведенія, во мнѣніи о которыхъ у насъ не можетъ быть разности, и въ этомъ случаѣ я никогда не ошибусь и безъ всякой предварительной переписки съ вами. Осуждая же меня на управу съ одними московскими издѣліями, вы осуждаете меня на рѣшительное бездѣйствіе, потому что въ Москвѣ выходитъ бездна книгъ, но какихъ?—о какихъ и нечего, и стыдно много толковать, какія вы сами хотите проходить презрительнымъ молчаніемъ, въ чемъ я съ вами почти согласенъ. Книгъ примѣчательныхъ въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ въ Москвѣ еще менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Если вамъ угодно будетъ принять мои условія, я въ скоромъ времени пришлю вамъ разборы: Гамлета, переводъ Полевого, и одной нелѣпой трагедіи, которая на дняхъ должна выйти, одного нелѣпаго человѣка—Ивельева, что̀ Великопольскій, авторъ Сатиры на игроковъ. Трагедь издана очень красиво, съ большими затѣями, а написана еще съ бо̀льшею бездарностію.

Если же вамъ не угодно будетъ принять моего условія насчетъ подписки статей или именемъ, или какимъ-нибудь значкомъ, въ такомъ случаѣ мое рецензентство у васъ кончено, и я буду вамъ присылать (если вамъ это будетъ пріятно) такія статьи, подъ которыми можно будетъ подписывать имя, не нарушая условій программы.

Еще одно: если я буду вашимъ рецензентомъ, я готовъ преслѣдовать, при каждомъ удобномъ случаѣ Сенковскаго, Греча и Булгарина, но только, какъ людей вредныхъ для успѣховъ образованія нашего отечества, а не какъ литературную партію; короче, такъ, какъ я преслѣдовалъ въ «Телескопѣ» и «Молвѣ» г-дъ Наблюдателей, какъ людей ограниченныхъ и недобросовѣстныхъ. Впрочемъ, подъ словомъ людей я разумѣю не людей собственно, а литераторовъ, и, хотя держусь правила:

По моему такъ пей,
Да дѣло разумѣй;

но уважаю и это извиненіе—

Они немного и дерутъ,
Зато ужъ въ ротъ хмельного не берутъ.

Впрочемъ, это мое мнѣніе, которое важно только для меня и, кромѣ людей, о которыхъ я тутъ говорю, никого оскорбить не можетъ.

Вскорѣ пришлю вамъ статью о Гамлетѣ на московской сценѣ: ее вы можете помѣстить всю отъ слова до слова. Предметъ ея очень любопытенъ: мы видѣли чудо—Мочалова въ роли Гамлета, которую онъ выполнилъ превосходно. Публика была въ восторгѣ: два раза театръ былъ полонъ, и послѣ каждаго представленія Мочаловъ былъ вызываемъ по два раза.

Насчетъ моего переѣзда въ Петербургъ я очень сомнѣваюсь, даже и въ такомъ случаѣ, если бы мы сошлись совершенно на всѣхъ спорныхъ пунктахъ касательно мнѣній, потому что,—извините мою откровенность,—судя по первымъ №№ «Литературныхъ Прибавленій» и по впечатлѣнію, которое они произвели на Москву, г-ну Плюшару нельзя ожидать и тысячи подписчиковъ. Въ журналѣ главное дѣло направленіе, а направленіе вашего журнала можетъ быть совершенно справедливо, но публика требуетъ совсѣмъ не того, и мнѣ очень прискорбно видѣть, что «Библіотекѣ» опять оставляется широкое раздолье, что эта литературная чума, зловонная зараза еще съ бо́льшею силою будетъ распространяться по Россіи. И мнѣ кажется, что я совершенно понимаю причину ея успѣха.

Благодарю васъ за ваше обо мнѣ стараніе насчетъ Энциклопедическаго Лексикона. Чрезвычайно бы одолжили вы меня, если бы сказали г. редактору о моемъ желаніи какъ можно скорѣе имѣть слова, на которыя я долженъ писать. Кромѣ того, что я имѣлъ бы болѣе времени подумать, справиться, обработать, словомъ, сдѣлать свое дѣло какъ можно лучше, добросовѣстнѣе—и мои внѣшнія обстоятельства громко требуютъ какой-нибудь опоры, не говорю уже о необходимости высказываться и дѣлать. Вы не можете себѣ представить, что такое Москва: въ ней негдѣ строки помѣстить и нельзя копѣйки выработать перомъ.

Теперь о моей рецензіи на книгу Мухина. Говоря о томъ, что посредственность печатается у Семена, я не думалъ этимъ

сдѣлать ни малѣйшаго намека на «Наблюдателя»; впрочемъ, это выраженіе—такая малость, что я не былъ бы на васъ въ претензіи и тогда, если бы вы вычеркнули его безъ моего вѣдома. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ переписываться о такихъ мелочахъ, то для васъ и вашего журнала игра свѣчъ не будетъ стоить. Что же касается до моего мнѣнія насчетъ повѣстей Н. Ф. Павлова—это другое дѣло. Я могу смягчить выраженіе: «самые проблески чувства замираютъ подъ лоскомъ щегольской отдѣлки, а блестящая фраза отзывается трудомъ и изысканностію», такъ: «самые проблески чувства какъ-будто ослаблены излишнимъ стараніемъ объ изящной отдѣлкѣ, а блестящій слогъ отзывается какъ-то трудомъ и изысканностію»; остальное же все должно остаться безъ перемѣны,—или бросьте всю статью въ огонь. Впрочемъ я не понимаю, почему вамъ не помѣстить ее; вѣдь вы допускаете же чужія мнѣнія, противорѣчащія вашимъ, и вы сами писали ко мнѣ, что для васъ всякое честное убѣжденіе свято. Кромѣ того, вы можете сдѣлать примѣчаніе, выноску, гдѣ скажете, что вы не согласны съ этимъ мнѣніемъ. Во всякомъ случаѣ, я нисколько не почту себя обиженнымъ, если моя статья будетъ брошена подъ столъ: дорожа своими мнѣніями, я умѣю уважать и чужія, и вы будете совершенно правы, поступивъ, какъ велитъ вамъ ваше убѣжденіе.

Вотъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, мои послѣднія условія и объясненія. Мы можемъ не сойтись и въ то же время взаимно уважить причины одинъ другого. Извините меня, можетъ быть, за излишнюю рѣзкость въ словахъ: я не умѣю объясняться тонко и вообще не мастеръ писать письма. Мнѣ будетъ очень грустно, если вашъ отвѣтъ покажетъ мнѣ, что я не сотрудникъ вашего журнала, потому что Богъ наказалъ меня самою задорною охотою высказывать свои мнѣнія о литературныхъ явленіяхъ и вопросахъ, да и внѣшнія мои обстоятельства очень плохи во всѣхъ отношеніяхъ..., но, по моему мнѣнію, не только лучше молчать и нуждаться, но даже и сгинуть со свѣту, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свое убѣжденіе.

Бѣдный Пушкинъ! вотъ чѣмъ кончилось его поприще! Смерть Ленскаго въ Онѣгинѣ была пророчествомъ. Какъ не хотѣлось вѣрить, что онъ раненъ смертельно, но «Пчела» увѣрила всѣхъ. Одинъ истинный поэтъ былъ на Руси, и тотъ не совершилъ вполнѣ своего призванія. Худо понимали его при жизни, поймутъ ли теперь?..

Прошу васъ отвѣчать мнѣ скорѣе; я съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего письма. Оно рѣшитъ—приняться ли мнѣ снова за работу, или замолчать совсѣмъ до времени. Хоть это и въ смѣшномъ родѣ, но для меня похоже немного на Гамлетовское «Быть или не быть?» Да, грустно молчать, когда хочется говорить и иногда есть что сказать. Прошу васъ поклониться Невѣрову, если увидитесь съ нимъ.

Имѣю честь остаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Виссаріонъ Бѣлинскій.

4 февраля 1837. Москва.

При семъ прилагаю статейку о романахъ и повѣстяхъ Нарѣжнаго.

Къ К. С. Аксакову. 21 іюня, 1837.

Пятигорскъ. 1837, 21 іюня.

Любезный другъ Константинъ, вчера я получилъ извѣстіе, что дѣла мои, на счетъ сбыта грамматики, идутъ гадко. Что̀ дѣлать? Впрочемъ, я привыкъ къ такому счастію и, еслибы своими дурными обстоятельствами не портилъ обстоятельствъ людей, привязанныхъ ко мнѣ, то безъ всякаго огорченія почиталъ бы себя пасынкомъ судьбы. Честная бѣдность не есть несчастіе, можетъ быть, для меня она даже счастіе; но нищета, но необходимость жить на чужой счетъ—слуга покорный—или конецъ такой жизни, или чортъ возьми все, пожалуй, и меня самого съ руками и ногами! Если грамматика рѣшительно не пойдетъ, то обращаюсь къ чорту, какъ Громобой, и продаю мою душу съ аукціона Сенковскому, Гречу или Плюшару, что̀ все равно, кто больше дастъ. Буду писать по совѣсти, но предоставлю покупщику души моей марать и править мою статью какъ угодно. Можетъ быть найду работу и почестнѣе, но во всякомъ случаѣ ѣду въ Петербургъ, потому что въ Москвѣ, кромѣ голодной смерти и безчестія, ожидать нечего. Служить рѣшительно отказываюсь: какія выгоды дастъ мнѣ служба взамѣнъ потери моей драгоцѣнной свободы и независимости? Ровно никакихъ, даже средства жить, потому что, прежде всего, мнѣ надо выплатить мои долги, а ихъ на мнѣ много, очень много.

Мысль, что Николай Степановичъ безпокоится на счетъ уплаты, что Сергѣй Тимоѳеевичъ, можетъ быть, упрекаетъ себя за это безпокойство,—эта мысль легла на мою душу тяжелою горою и давитъ ее. Но что̀ бы ни было, а надо, наконецъ, не шутя подумать о совершенномъ прекращеніи всѣхъ такихъ непріятныхъ мыслей. Итакъ, прости Москва, здравствуй Петербургъ! Съ Москвою у меня соединено все прекрасное жизни; я прикованъ къ ней; но и въ Петербургѣ можно найти жизнь человѣческую: затвориться отъ людей, быть человѣкомъ только наединѣ съ собою и въ заочныхъ бесѣдахъ съ московскими друзьями, а въ остальное время, внѣ своей комнаты, играть роль спекулянта, искателя фортуны, охать по деньгамъ. Отчужденіе заставитъ глубже войти въ себя и въ самомъ себѣ искать замѣны утраты всего, что̀ было мило, а это милое—вы, друзья мои. Но, можетъ быть, обстоятельства перемѣнятся. Я увѣренъ, что Полевой напишетъ о моей книгѣ въ «Библіотекѣ для Чтенія», что «Пчела» ее разругаетъ, а то и другое равно важно: хуже всего молчаніе—оно убиваетъ книгу, тогда какъ брань и ругательства часто возвышаютъ ее. Но мнѣ пишутъ, что ты хотѣлъ гдѣ-то и что-то написать объ ней: Бога ради, братъ, поспѣши. Это не будетъ пріятельскою продѣлкою: ты можешь говорить по совѣсти, что̀ думаешь, хвалить, что̀ найдешь достойнымъ хвалы, бранить, что̀ найдешь дурнымъ. О тонѣ нечего и говорить: даже и въ случаѣ рѣшительнаго охужденія—чѣмъ рѣзче, тѣмъ лучше.

Въ Воронежѣ я встрѣтился съ М. С. Щепкинымъ. Чудный человѣкъ! Съ четверть часа поговорилъ я съ нимъ о томъ и о семъ, и еще болѣе полюбилъ его. Какъ понимаетъ онъ искусство, какъ горяча душа его—истинный художникъ, и художникъ нашего времени. Вечеромъ пошли мы въ театръ; дочь его играла (очень мило) Кетли. Въ антрактахъ онъ морилъ насъ своими шутками и остротами. Въ театрѣ, гдѣ другой бы на его мѣстѣ походилъ на потѣшника толпы, смиреннаго актера, онъ казался толстымъ, богатымъ и беззаботнымъ бариномъ, который пришелъ отъ скуки взглянуть, что̀ тутъ дѣлается. Дочь его была принята воронежскою публикою съ восторгомъ; черезъ день объявленъ былъ «Ревизоръ», и мы съ сожалѣніемъ выѣхали изъ Воронежа. Воронежскіе актеры чудо изъ чудесъ: они доказали мнѣ, что область бездарности такъ же безконечна, какъ и область таланта и генія. Куда передъ ними уроды московской

сцены! Впрочемъ, одна актриса съ талантомъ, недурна собою, даже съ граціею, играетъ мило и непринужденно; жаль только, что эта непринужденность часто переходитъ въ тривіальность. Есть также тамъ одинъ актеръ (кажется, Орловъ), если не съ талантомъ, то не безъ таланта.

Я взялъ съ собою двѣ части «Вѣстника Европы» и перечелъ тамъ нѣсколько критикъ Надеждина. Боже мой, что это за человѣкъ! Изъ этихъ критикъ видно, что г. критикъ даже и не подозрѣвалъ, чтобы на свѣтѣ существовала добросовѣстность и убѣжденіе, любовь къ истинѣ, къ искусству. Онъ извивается, какъ змѣя, хитритъ, клевещетъ, по временамъ притворяется дуракомъ, и все это плоско, безвкусно, трактирно, кабацки. Что онъ написалъ о Полтавѣ! Повѣришь ли, что въ этой критикѣ онъ превзошелъ въ недобросовѣстности самого Сенковскаго. А его перебранки съ «Сыномъ Отечества», его остроты, что твой Александръ Анѳимовичъ Орловъ! Я читалъ и бѣсился. Его можно опозорить, заклеймить, и только глупое состояніе нашей журналистики до 31 года помогло этому человѣку составить себѣ какой-то авторитетъ. Чтобы ты не приписалъ моихъ словъ вліянію послѣдняго поступка со мною со стороны этого человѣка, то вотъ тебѣ честное слово, что я ни мало не сержусь на него, что я иногда съ удовольствіемъ вспоминаю о немъ и презираю и ненавижу его только тогда, когда читаю его гадкія и подлыя «недоумочныя» гаерства. Прошу тебя, любезный Константинъ, прочти всѣ его статьи, прошу тебя объ этомъ, какъ объ одолженіи: если ты не почувствуешь того же, что почувствовалъ я отъ нихъ, то крѣпка твоя натура.

Кажется, что я ничего путнаго не сдѣлаю на Кавказѣ. Но это не бѣда: я собираюсь съ силами, думаю безпрестанно, развиваю мои мысли, составляю планы статей и прочаго. Только бы выздоровѣть, только бы избавиться отъ этого лимфознаго наводненія, которое связываетъ душу, притупляетъ способности, убиваетъ дѣятельность и уничтожаетъ воспріимчивость. Я жилъ доселѣ отрицательно: вспышки, негодованія были единственными источниками моей дѣятельности. Чтобъ заставить меня почувствовать истину и заняться ею, надо, чтобы какой-нибудь идіотъ, вродѣ Шевырева, или подлецъ, вродѣ Сенковскаго, исказилъ ее, но я надѣюсь, что Кавказъ поможетъ мнѣ. Вчера я только началъ пить воду, и отъ одной дороги, діэты, перемѣны мѣста, ранняго вставанія поутру чувствую себя несравненно

лучше. Кавказская природа такъ прекрасна, что не удивительно, что Пушкинъ такъ любилъ ее и такъ часто вдохновлялся ею. Горы, братецъ, выше Мишки Бакунина и толще Ефремова. Кстати, онъ тебѣ кланяется. Ты не повѣришь, какъ онъ успѣлъ въ такое короткое время поглупѣть. Кто бы могъ подумать, чтобы этотъ человѣкъ лимфѣ и болѣзни былъ обязанъ тѣмъ, что казался не глупымъ человѣкомъ! Если онъ пріѣдетъ въ Москву совершенно излѣченный, то Говорецкій и Сверчковъ будутъ казаться передъ нимъ геніями.

Часто читаю Пушкина, котораго имѣю при себѣ всего, до послѣдней строчки. «Кавказскій плѣнникъ» его здѣсь, на Кавказѣ, получаетъ новое значеніе. Я часто повторяю эти дивные стихи:

Великолѣпныя картины,
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу орелъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Какая вѣрная картина, какая смѣлая, широкая, размашистая кисть! Что за поэтъ этотъ Пушкинъ! я съ наслажденіемъ и нѣсколько разъ перечелъ его—что бы ты думалъ?—его «Графа Нулина». Не говоря о вѣрности изображеній, волшебной живости разсказа, удивительномъ остроуміи, онъ и въ этой шуткѣ, въ этой каррикатурѣ не измѣняетъ своему характеру, который составляетъ грустное чувство:

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальной
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалый,
Товарищъ юности удалой,
Ужъ не она ли... Боже мой!
Вотъ ближе, ближе... Сердце бьется,
Но мимо, мимо звукъ несется,
Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Прощай, будь счастливъ; храни миръ и гармонію души своей, потому что счастіе только въ этомъ. Мечтай, фантазируй, восхищайся, трогайся; только забудь о двухъ нелѣпыхъ вещахъ, которыя тебя губятъ—магнетизмѣ и фантастизмѣ. Это

глупыя вещи. Я сильно начинаю разочаровываться въ Гофманѣ, потому что никакъ не могу объяснить себѣ этой поэзіи, сумасшедшей и болѣзненной. Мое почтеніе Сергѣю Тимоѳеевичу...

Твой В. Б.

Къ Д. И. Иванову. 21 іюня, 1837.

Пятигорскъ. 1837, іюня 27 дня.

Любезный Дмитрій, итакъ, дѣла мои гадки. Что дѣлать? Всему причиною то, что о книгѣ не было объявлено даже въ газетахъ, не только что ничего не говорено въ журналахъ. Посуди самъ: кто же купитъ книгу, о существованіи которой не знаетъ. Но все это ни мало меня не огорчаетъ: книга пойдетъ и пойдетъ хорошо, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но худо то, что домъ мой опять остался безъ поддержки, и вся тяжесть снова упала на бѣдную Дарью Титовну. Это меня такъ ошеломило, что я повѣсилъ носъ. Я знаю, что Полевой напишетъ въ «Библіотекѣ» и безъ просьбы Боткина, и напишетъ очень скоро, если ужъ не написалъ. Въ «Пчелѣ», вѣроятно, разругаютъ. Но то и другое хорошо: хуже всего молчаніе—оно убиваетъ книгу, тогда какъ брань и ругательства часто даютъ ей ходъ. Однимъ словомъ, въ будущемъ есть надежда, но настоящее ужъ слишкомъ гадко. Если же и будущее обманетъ, тогда прощайте—ѣду въ Питеръ. Въ Москвѣ нечего дѣлать, кромѣ какъ умирать съ голоду или итти по міру. Но я все еще надѣюсь поправиться, мимо Петербурга, который такъ же люблю, какъ Камчатку. Почитаю излишнимъ просить тебя о вниманіи и усердіи ко всему, что касается до меня: я знаю, какъ ты меня любишь. Прошу только заняться съ юношами грамматикою; это и тебѣ будетъ полезно. Никаноръ пишетъ ужасно: ни складу, ни знаковъ препинанія, ни правописанія, едва доберешься до смысла, словомъ, онъ пишетъ такъ дурно, какъ хорошо говоритъ. Одинъ беретъ языкомъ, другой перомъ—послѣднее лучше, потому что въ наше время нѣтъ ораторовъ, и перо составляетъ все. Задавай ему переводы и сочиненія и пріучай выражаться на бумагѣ складно и умно. Пройди съ нимъ и орѳографію. Этимъ ты окажешь и мнѣ и имъ величайшую услугу. Не дѣлай изъ своихъ уроковъ парада; пусть они будутъ походить на обыкновенные разговоры—это пуще

всего, потому что ничто такъ не отвращаетъ отъ ученія, какъ форма. Въ учебныхъ заведеніяхъ форма есть зло необходимое, но въ домашнемъ ученіи нуженъ только порядокъ. Итакъ, займись, пожалуйста.

Лѣчиться водами я началъ только вчера, а до сихъ поръ—ѣлъ меркурій. Сейчасъ пришелъ съ водъ, усталъ, какъ собака, въ Пятигорскѣ довольно весело; природа прекрасна; зрѣлище горъ—очаровательно, особливо въ ясный день, когда видны снѣговыя горы и между ними двуглавый Эльборусъ, который я каждое ясное утро вижу изъ окна моей комнатки. Бештау отъ Пятигорска въ 8 верстахъ, но кажется, что до него нѣтъ и 20 саженъ. Какая бездна ягодъ—клубники и земляники; носятъ ведрами. Идешь по горѣ и давишь ногами землянику, а ѣсть нельзя—такая досада! Несмотря на меркурій и прочія гадости, я чувствую себя лучше, отъ дороги, перемѣны мѣста, горнаго воздуха, движенія, ранняго вставанія (отъ 4 до 5 часовъ) и діеты. Надѣюсь пріѣхать къ вамъ здоровымъ. Ваня пьетъ воды и купается каждый день; лицо его уже значительно поочистилось, и вообще Кавказъ ему будетъ очень полезенъ. Пиши ко мнѣ чаще. Кланяюсь Алешѣ. Бѣдный Николай, всѣ несчастія на него—болѣзнь, трата денегъ, которыхъ у него такъ мало. Я думалъ, что по моемъ отъѣздѣ, дня черезъ два, онъ будетъ ходить, а онъ чуть не умеръ. Хорошъ-же Авениръ Ивановичъ — спасибо ему. Кланяйся Николаю, скажи ему, что я жалѣю о его несчастіи, а на счетъ его намѣренія переѣхать къ отцу, предоставляю ему поступить, какъ онъ найдетъ для себя лучшимъ и полезнѣйшимъ. Дарьѣ Титовнѣ велѣлъ бы поклониться, да стыдно и вспомнить о ней—такъ много я виноватъ передъ нею и такъ много одолженъ ею. Кланяйся всѣмъ знакомымъ. Скоро ли послѣ меня уѣхалъ Рувиль? Что новаго? Пиши обо всемъ. Алешу поцѣлуй за меня въ макушку, а онъ пусть поцѣлуетъ тебя за меня въ носъ. Прощай.

Твой В. Б.

Любезные друзья мои, Никаноръ и Петръ, благодарю васъ за память обо мнѣ: ваши письма порадовали меня. Только, пожалуйста не титулуйте меня въ нихъ «милостивымъ государемъ», потому что это смѣшно и глупо. Особенно ты, Никаноръ, отличился въ этомъ случаѣ. Пиши просто «любезный братъ Виссаріонъ», или «любезный другъ Виссаріонъ»; и ты, Петръ-Тель,

что прежде былъ Петръ..., и ты пиши такъ же и перемѣни свое глупое «вы» на ты. Вы оба меня не понимаете, или я не умѣю съ вами обращаться. Я требую отъ васъ довѣренности, дружбы, совершенной свободы обхожденія со мною, а вы передо мною вытягиваетесь во фрунтъ и дѣлаете мнѣ на караулъ. Будьте проще и свободнѣе, вы ужъ не дѣти. Ты, Никаноръ, напрасно носилъ къ Ратькову мое объявленіе: впрочемъ, можетъ-быть, я самъ говорилъ тебѣ объ этомъ. И не мудрено: у меня отъ сборовъ голова ходила кругомъ. Впрочемъ, благодарю тебя за исполненіе моихъ порученій. Ходи къ Аннѣ Максимовнѣ, но только не часто: не больше двухъ разъ въ недѣлю, и то тогда только, когда тебя будутъ просить или говорить тебѣ: «что вы къ намъ рѣдко ходите», а безъ того довольно и одного раза въ недѣлю. Иначе можно сдѣлаться въ тягость имъ, а это никуда не годится. Къ Станкевичу можно ходить чаще, раза два или три въ недѣлю. Постарайтесь съ нимъ сблизиться, это знакомство будетъ вамъ полезно, потому что онъ умный и образованный малый; вы дѣти въ сравненіи съ нимъ. Занимайтесь усерднѣе: только трудъ можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ, приводя его душу въ ясность, гармонію и довольство самимъ собою. Языки—главное, они дадутъ вамъ средство учиться и съ пользою и съ наслажденіемъ. А теперь хоть и скучно, да дѣлать-то нечего. Впрочемъ, кто привыкъ къ труду, тотъ найдетъ наслажденіе и въ занятіи языками. Постарайтесь своимъ прилежаніемъ и успѣхами оправдать то вниманіе, которымъ удостоиваютъ васъ мои друзья. Уроки такихъ людей, какъ Бакунинъ и Клюшниковъ, должны быть для васъ безцѣнны. Хорошо, Петенька, если бы Лангеръ занялся тобою: ты бы много успѣлъ съ нимъ. Дѣлайте, занимайтесь, трудитесь: трудъ облагораживаетъ человѣка. Живите мирно и дружелюбно. Ко мнѣ пишите чаще. За симъ прощайте.

Вашъ другъ В. Б.

Пятигорскъ. 1837. Іюня 21 дня.

Къ М. А. Бакунину. 28 іюня, 1837.

Пятигорскъ. 1837, іюня 28 дня.

Любезный Мишель, въ субботу, 26 числа, отправилъ я къ тебѣ письмо, а въ понедѣльникъ, 28 числа, пишу другое, ко-

торое ты, можетъ быть, получишь цѣлою недѣлею позже перваго, потому что оно пойдетъ съ тяжелою почтою, какъ всѣ письма, отправляемыя по понедѣльникамъ. Распространившись, въ прошломъ письмѣ, о необходимости быть честнымъ человѣкомъ, необходимости, которая для тебя болѣе, нежели для когонибудь, должна быть необходимостію, я забылъ сказать тебѣ кое-что нужное, а именно: Ефремовъ тебѣ кланяется и поручилъ мнѣ извѣстить тебя, что онъ настрочилъ своей матушкѣ очень трогательное посланіе, которое непремѣнно должно возымѣть свое дѣйствіе и которое она давно уже получила, потому что онъ отправилъ его на другой день послѣ полученія мною твоего письма. А если бы оное краснорѣчивое посланіе, сверхъ всякаго чаянія, не возымѣло своего дѣйствія, и матушка вздумала бы употребить твои письма къ Ефремову, какъ вексель, то ты объяви ей, что деньги тобою давно возвращены ему, и что онъ потратилъ ихъ на свои нужды. Ефремовъ рѣшился подтвердить это и словесно и письменно, въ случаѣ нужды. На счетъ же твоего съ нимъ соперничества по титулу И. А. Хлестакова, онъ заклинаетъ тебя всѣмъ святымъ въ мірѣ быть спокойнымъ и не ревновать къ нему, потому что, говоритъ онъ, ты Иванъ Александровичъ Хлестаковъ par excellence, такъ что, если бы собрать со всего свѣта Хлестаковыхъ, они были бы передъ тобою только Ванички и Ванюши Хлестаковы, а ты одинъ бы остался между ними Иваномъ Александровичемъ Хлестаковымъ (Ефремовъ поцѣловалъ у меня руку, когда сообщилъ я ему эту остроту: бѣдный малый такъ почитаетъ себя обиженнымъ тобою, что всякая удачная выходка противъ тебя наполняетъ восторгомъ его душу). Что же касается до его соперничества съ другимъ Иваномъ Александровичемъ (старикомъ), то онъ и отъ него отказывается, по причинѣ очень основательной: Иванъ Александровичъ, несмотря на свою старость, не перестаетъ быть кавалеромъ Венеры и каждый годъ получаетъ отъ нея по нѣскольку наградъ; а Александръ Павловичъ, увы! теперь рѣшительно сознялъ себя не могущимъ не только усподобиться такой высокой чести, но даже служить и простымъ рядовымъ подъ знаменемъ этой богини, развѣ только въ качествѣ оберегателя ея жрицъ, запертыхъ въ гаремахъ востока. Ефремовъ поправляется въ здоровьѣ видимо, но только жаль, что это на счетъ ума: его узнать нельзя—дуракъ дуракомъ. Страсть къ остроумію у него та же, но силы острить рѣшительно нѣтъ. Съ го-

сподами офицерами онъ вошелъ въ самыя тѣсныя отношенія, но и между ними считается послѣднимъ острякомъ. По своему къ тебѣ расположенію, онъ часто говоритъ о тебѣ господамъ офицерамъ и своими разсказами возбудилъ въ нихъ справедливое удивленіе къ твоимъ достоинствамъ и пламенное желаніе познакомиться съ тобою хоть черезъ переписку. Вслѣдствіе этого, лучшіе остряки изъ нихъ выбраны для сочиненія къ тебѣ, общими силами, шутливаго и остроумнаго посланія, пересыпаннаго энергическими россійскими выраженіями и остротами въ родѣ «je suis» и «сорокъ восемь». Смотри же, Мишель, не ударься лицомъ въ грязь и отвѣть имъ со свойственною тебѣ тонкостію и остроуміемъ, такъ чтобы каждая твоя острота была такъ же замысловата, какъ мѣтокъ каждый твой шарикъ изъ хлѣба, пускаемый тобою съ необыкновенною ловкостію и пріятностію. Чтобы лучше успѣть въ этомъ, отдай свое письмо посмотрѣть Пьеру Полторацкому, или даже попроси его и выправить: нисколько не обижая тебя, можно сказать, что онъ умнѣе тебя. Здорова ли Фіона Николаевна? Прошу тебя поцѣловать ее въ ручку и поклониться въ ножку, Ефремовъ проситъ тебя о томъ же. Сбрила ли свою бороду Марья Николаевна и здравствуютъ ли въ Прямухинѣ Варинька Имберъ и Урика? Обо всемъ семъ не умедли увѣдомить меня.

Но пора перестать говорить глупости. Я видимо поправляюсь, хотя началъ лечиться только съ 20 числа настоящаго мѣсяца. Въ тѣлѣ чувствую какую-то легкость, а въ душѣ ясность. Пью воды, беру ванны усердно и ревностно, хожу каждый день верстъ по десяти и взбираюсь ex-officio на ужасныя высоты. Смотрю на ясное небо, на фантастическія облака, на дикую и величественную природу Кавказа—и радуюсь, самъ не зная, чему. Даже у себя въ комнатѣ, чуть только лучъ солнца заиграетъ на стеклѣ окна, улыбаюсь и радостно потираю руками. Встаю въ 4 часа и скоро надѣюсь привыкнуть вставать въ 3 ровно, разумѣется, не дожидаясь, чтобы будили. Этому мѣшаетъ то, что, по милости блохъ, которыя дьявольски кусаются, не могу скоро засыпать и потому сплю иногда не болѣе 5 часовъ въ сутки. Читаю книги. Теперь оканчиваю Сервантесова Донъ-Кихота: геніальное произведеніе! За то «Хромоногій Бѣсъ» Лесажа такая мерзость, что насилу заставилъ я себя дочесть его, и то ex-officio, а между тѣмъ эта книжонка пользуется европейскимъ авторитетомъ. Доберусь я до нея когда-нибудь! На водахъ я увидѣлъ генерала

Свѣчина, хорошо тебѣ извѣстнаго: ахъ, старый чортъ! Впрочемъ, онъ очень тихъ и скроменъ, не такъ, какъ безрукій Скобелевъ, который ужасно ломается. Что̀ за лица, что̀ за рожи съѣхались въ Пятигорскъ; недостаетъ только Ивана Петровича, чтобъ наслаждаться ихъ созерцаніемъ. А господа офицеры! Боже мой, я теперь начинаю цѣнить ихъ настоящимъ образомъ. Каждый изъ нихъ катаетъ шарики изъ хлѣба не хуже твоего, Мишель.

Если Никола Тарагинскій въ Москвѣ, то скажи ему, что я жду отъ него письма на десяти листахъ и вели ему увѣдомить меня, бралъ ли онъ негодныя Николаевскія ванны, которыя болѣе жгутъ кожу, нежели помогаютъ здоровью. Дней черезъ шесть переѣду въ Александро-Николаевскія или Сабанѣевскія—и тогда начну выздоравливать не шутя. Въ самомъ дѣлѣ, судя по началу, я надѣюсь воскреснуть отъ сѣрной воды. Я такъ припился къ ней, что нахожу ее даже пріятною и жалѣю, что въ Москвѣ не буду ею лакомиться. Черкесовъ вижу много, но Черкешенки—увы!—еще ни одной не видѣлъ. Черкесы ужасно похожи на татаръ, но это, можетъ быть, потому, что они татары и есть (какая глубокая физіологическая догадка—сообщи ее Венелину: онъ напишетъ объ этомъ огромную книгу). Вообще Черкесы довольно благообразны, но главное ихъ достоинство—стройность. Охъ, Черкешенки!... Чтобъ видѣть ихъ, надо ѣхать въ аулъ, верстъ за 30, а это мнѣ не очень нравится: погода кавказская въ непостоянствѣ не уступаетъ московской, прекрасное утро здѣсь не есть ручательство за прекрасный день—можно простудиться. Къ тому же я питаю къ Черкесамъ такую же антипатію, какую къ Черкешенкамъ симпатію. Черкесъ, плѣнъ и мучительное рабство—для меня синонимы. Эти господа имѣютъ дурную привычку мучить своихъ плѣнниковъ и нагайками сообщать краснорѣчіе и убѣдительность ихъ письмамъ для разжалобленія родственниковъ и поощренія ихъ къ скорѣйшему и богатѣйшему выкупу. Чортъ съ ними! Это ужъ хуже господъ офицеровъ. А все-таки хочется посмотрѣть черноокихъ черкешенокъ!

Кланяйся Николаю Христофоровичу и скажи ему, что его знакомый на Кавказѣ, но я еще не успѣлъ выполнить моего порученія, но что непремѣнно его выполню. Миша, нѣтъ ли какихъ-нибудь новостей; нѣтъ ли литературныхъ сплетней? Пожалуйста, сообщи мнѣ ихъ. Душа умираетъ безъ нихъ. Прощай. Пиши чаще и больше.

Твой В. Б.

Къ Д. И. Иванову. 3 іюля, 1837.

Пятигорскъ, 1837, іюля 3 дня.

Вчера получилъ я письмо твое, любезный Дмитрій, и посылку, за что и благодарю тебя душевно. Жаль только, что дожидаясь находки логики, ты напрасно потратилъ много времени. Также и насчетъ грамматики ты сдѣлалъ ошибку: мнѣ нужна грамматика Греча большая, толстая, а не маленькая, которую ты прислалъ. Но какъ-бы то ни было, я тѣмъ не менѣе тебѣ благодаренъ. Логика Кизеветтера (на русскомъ — нѣмецкая совсѣмъ мнѣ не нужна) для меня необходима: безъ нея я какъ безъ рукъ. Хотя моя грамматика пошла дурно, но я увѣренъ, что это только пока, но что осенью, если еще не раньше, она пойдетъ хорошо. Но во всякомъ случаѣ, я пишу вторую часть и теперь обдумываю планъ большого сочиненія, подъ названіемъ: «Полный курсъ словесности для начинающихъ». Онъ будетъ состоять изъ нѣсколькихъ частей или отдѣленій: изданная мною Грамматика будетъ составлять первую часть, во второй будетъ заключаться низшій синтаксисъ, или теорія различныхъ родовъ предложеній, управленія и порядка словъ; третью часть составитъ высшій синтаксисъ—теорія соединенія предложеній въ періоды, какъ выраженія умозаключенія или силлогизма; о порядкѣ предложеній, ясности и пр.; четвертую часть составитъ риторика, или объясненіе языка украшеннаго (тропы, фигуры); различные роды прозаическихъ сочиненій. Въ особенной части изложится подробно просодія, куда войдетъ теорія стихосложенія вообще и русскаго въ особенности. Эстетика и хрестоматія займутъ нѣсколько частей. Еще будучи въ гимназіи, я мечталъ о сочиненіи этой книги: теперь настало время, потому что мысли мои объ этихъ предметахъ созрѣли, и я почитаю себя способнымъ на выполненіе такого важнаго дѣла. Мнѣ хотѣлось бы приняться за это поскорѣе и съ нынѣшняго дня я принимаюсь за низшій синтаксисъ; но безъ логики я какъ безъ рукъ. Бога ради, милый мой, достань гдѣ-нибудь поскорѣе, и, вмѣстѣ съ грамматикой Греча и еще тремя экземплярами моей собственной, перешли: это будетъ съ твоей стороны неоцѣненною услугою мнѣ. И такъ много потеряно времени. Я не знаю, по какой причинѣ Николай не хотѣлъ дать мнѣ своей логики? Для какого она ему чорта? Человѣкъ онъ больной, да и кромѣ того, безъ чуждой помощи, безъ

знающаго руководителя, онъ ни чорта не пойметъ въ ней. Пожалуйста, братъ, похлопочи объ этомъ.

Увѣреніе твое, что моя квартира продержится до моего пріѣзда, было истиннымъ бальзамомъ для меня, и очень поможетъ моему выздоровленію. Я надѣюсь на тебя, какъ на каменную гору, и ты напрасно увѣряешь меня въ твоемъ ко мнѣ расположеніи: я и безъ твоихъ увѣреній никогда въ немъ не сомнѣвался. Причина нашего разъединенія нисколько не заключается въ этомъ небываломъ сомнѣніи. Но объ этомъ когда-нибудь, послѣ. Насчетъ пущеннаго Дарьею Титовною (которой отдай отъ меня поклонъ въ поясъ) постояльца, я предоставляю ей дѣйствовать, какъ ей заблагоразсудится. Пусть пуститъ постояльца и въ залу, только кабинетъ и спальня должны остаться, какъ были; пусть пока юноши живутъ въ немъ. Кстати о нихъ: я радъ, что они прилежно занимаются дѣломъ, только мнѣ не нравится то, что одинъ изъ нихъ налегъ на нѣмецкій, а другой на французскій языкъ: надо, чтобы они занимались въ равной степени тѣмъ и другимъ. Снѣгу съ Эльборуса привезти тебѣ не могу, потому что, хотя и вижу его изъ моего окна, но до него 150 или 200 верстъ. Боже мой, что за громада! Машукъ, при подошвѣ котораго я живу и цѣлебными струями котораго пользуюсь, по крайней мѣрѣ вдвое выше колокольни Ивана Великаго; но въ сравненіи съ Эльборусомъ онъ—горка, потому что только треть Эльбруса, покрытая снѣгомъ, изъ за 150 верстъ, кажется больше Машука. Бештау, хотя и выше Машука, но предъ Эльборусомъ—горка. Здоровье мое видимо поправляется, хоть я только сейчасъ взялъ 17-ю ванну и еще не болѣе двухъ недѣль началъ пить воду. Ахъ, Дмитрій, какъ бы тебѣ удалось съѣздить на Кавказъ,—ты переродился бы. Ваню узнать нельзя: лицо его очистилось совершенно, и онъ пріѣдетъ въ Москву молодецъ—молодцомъ. Онъ каждый день купается въ такой водѣ, что опустишь ногу, да и вонъ—глядишь, не сошла ли кожа отъ этого кипятку. Воду онъ пьетъ такую, что боишься языкъ обварить, какъ отъ кипящаго чаю. Кланяйся Алешѣ и скажи ему, чтобы онъ заѣхалъ ко мнѣ на Кавказъ поохотиться—дичи бездна, все фазаны, кулики и перепелы. Послѣдніе ходятъ по улицѣ и подпускаютъ къ себѣ человѣка на два шага. Кланяйся кумѣ и крестницѣ моимъ. Прощай. Пожалуйста книги, книги, книги—перешли поскорѣе, если будешь имѣть возможность.

Твой В. Б.

Къ Д. И. Иванову. 7 августа, 1837.

Пятигорскъ. 1837, августа 7.

Не знаю, какъ и благодарить тебя, любезный Дмитрій, за твои неоцѣненныя одолженія мнѣ. Ты не можешь представить, какую радость доставляетъ мнѣ каждая строка изъ любезной Москвы, какъ разнообразитъ она мою однообразную жизнь, а между тѣмъ я такъ мало и такъ рѣдко получаю эти строки. Тѣмъ болѣе благодаренъ я тебѣ за твои. Бакунинъ пропалъ — ну да чортъ съ нимъ; если увидишь его, скажи ему, что онъ подлецъ, свинья, с. . . . . с. . . и прочее. Напрасно ты безпокоишься насчетъ распечатанія письма—это сущіе пустяки, только, Бога ради, перешли его къ нему поскорѣе. Адресъ его слѣдующій: «Повѣсѣ, сорванцу, офицеру, Ивану Александровичу Хлестакову, въ г. Торжокъ, село Прямухино». Нѣтъ ли о немъ какихъ нибудь слуховъ—сообщи мнѣ ихъ. Я рѣшительно не знаю, что онъ, какъ онъ и гдѣ онъ. Покажи ему это письмо и наплюй ему въ рожу, да разотри ногою. Но довольно о немъ — чортъ съ нимъ, обращаюсь къ тебѣ. Я очень радъ, что мой отъѣздъ на Кавказъ не только не раздѣлилъ насъ съ тобою, но еще сблизилъ. Впрочемъ, это сближеніе всегда зависѣло отъ тебя. Чтобы доказать тебѣ мою готовность и мое желаніе быть близкимъ къ тебѣ не по родству и привычкѣ, а по внутренней духовной связи, я рѣшаюсь теперь же высказать тебѣ нѣсколько непріятныхъ истинъ, частію уже говоренныхъ мною тебѣ; частію скрываемыхъ отъ тебя. Гдѣ нѣтъ полной откровенности, полной довѣренности, гдѣ скрывается хотя малость какая-нибудь, тамъ нѣтъ и не можетъ быть дружбы. Я съ своей стороны готовъ всегда услышать о себѣ мнѣніе другого, хотя бы оно было и невыгодно для меня. Если оно несправедливо—оно огорчитъ меня, но не разсердитъ и не возбудитъ во мнѣ неудовольствія или непріязни противъ того, кто мнѣ его высказалъ. Ты это знаешь. Итакъ, скажу тебѣ, что меня раздѣляла съ тобою одна причина—твоя мелочность. Я никогда не могъ понять тебя. Съ одной стороны я видѣлъ въ тебѣ природную доброту души, нерѣдко замѣчалъ даже вспышки благороднаго негодованія противъ подлости, замѣчалъ въ тебѣ здравое сужденіе и способность понимать даже такія вещи, которыя нисколько тебя не занимали и не интересовали; съ другой стороны я видѣлъ тебя всегда окру-

женнаго пустѣйшими, ничтожнѣйшими людьми, и, что всего хуже, я видѣлъ, что ты съ удовольствіемъ проводишь съ ними время. Этого мало, я видѣлъ, что ты умѣешь приноравливаться къ понятіямъ и языку всѣхъ и каждаго, даже купцовъ, купчихъ, мужиковъ, дѣвокъ и кухарокъ и что ты находишь особенное удовольствіе въ любезничаніи и компанствѣ этого люда. Еще и теперь не могу забыть того отвращенія, съ которымъ я смотрѣлъ на твои плоскія любезности на именинахъ Ивана Ивановича Вологжанинова и потомъ на именинахъ у Марьи Андреевны. Если ты дурачилъ этихъ людей — это не благородно; если ты дѣлалъ это для собственнаго удовольствія—это глупо и пошло. Равнымъ образомъ, мнѣ не нравились твои поддакиванія отцу Николая Ивановича Вологжанинова и согласіе съ его простодушнымъ образомъ мыслей насчетъ религіи и нравственности: если ты издѣвался надъ добрымъ и почтеннымъ старикомъ — это безнравственно; если ты хотѣлъ этимъ выиграть въ его расположеніи къ тебѣ—это подло; если ты въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ самъ, то ты глупъ—не правда ли? Я ненавижу притворство и не люблю ни подъ кого поддѣлываться, слѣдовательно, такіе поступки не могли мнѣ нравиться. Твой братъ, Алеша, скрытенъ, но тоже не любитъ никому пѣть лазаря, и я за это люблю его. Знаю, что ты никогда и ни передъ кѣмъ не подличалъ изъ выгодъ, что ты даже иногда терялъ отъ этого; но развѣ лучше подличать безъ выгодъ? Это такъ же подло и еще глупо сверхъ того. Знаю, что твой характеръ откровененъ и благороденъ, и что такого рода продѣлки съ твоей стороны показываютъ не подлость, а пустоту и мелочность; но развѣ это похвально? Не надо и въ шутку лгать и льстить. Пусть думаетъ о тебѣ всякій, что ему угодно, а ты будь тѣмъ, что ты есть. Еще возмущалъ меня въ тебѣ вашъ общій семейный порокъ — запанибратское обращеніе съ чернью. Повѣрь мнѣ, другъ мой, что равенства нѣтъ въ природѣ, потому что одинъ уменъ, а другой глупъ, одинъ благороденъ, а другой подлъ, и какъ въ умѣ, такъ и въ благородствѣ есть тысячи степеней. Я не признаю неравенства, основаннаго на правахъ рожденія, чиновности и богатства, но признаю неравенство, основанное на умѣ, чести и образованности. Я не посажу съ собой за столъ сапожника, не потому, что онъ не дворянинъ родомъ, не коллежскій регистраторъ, а потому, что онъ свинья, скотина по своимъ грубымъ понятіямъ, привычкамъ и поступкамъ. Будь онъ даже и добръ, и честенъ,

и уменъ, по своему состоянію, я все-таки буду держать его отъ себя на извѣстномъ разстояніи, потому что у него нѣтъ эстетическаго чувства, безъ котораго пошлы и умъ, и честность, и образованность, и безъ котораго человѣкъ и при умѣ, честности и образованности, все-таки скотина. Ты скажешь, что я самъ по необходимости знаюсь съ людьми, чуждыми эстетическаго чувства, слѣдовательно, скотами. Такъ—знаюсь, но не дружусь, и знаюсь потому, что чувство у нихъ замѣняется хотя приличіемъ, а это самое приличіе помогаетъ мнѣ не допускать ихъ до сближенія со мною, а ограничиваться обыкновенными свѣтскими отношеніями. Теперь, согласись же, что сапожнику такъ же чуждо и приличіе, какъ и чувство. Вспомни, сколько неудовольствій и оскорбленій потерпѣлъ ты отъ Павлова, потому только, что имѣлъ несчастіе быть имъ одолженнымъ. Послѣ этого, не постыдно ли входить въ какія-нибудь отношенія и допускать какую-нибудь короткость съ этою сволочью? Можно обходиться съ нею безъ гордости, безъ презрѣнія, ласково, уважая въ нихъ доброту и разсудительность и честность, а за отсутствіемъ всего этого, хотя образъ человѣческій, если не душу, которой у нихъ нѣтъ; но не дружиться, не допускать короткости, не сажать лакея или портного на стулъ; не говорить ему вы съ прибавленіемъ съ, какъ это дѣлаешь ты. Ты скажешь, что и изъ низкаго званія есть люди съ чувствомъ и даже призваніемъ. Правда, но развѣ они не братья, не друзья мнѣ, развѣ я съ ними не на короткой ногѣ? Я, не стыдясь, въ кругу знати, если угодно, назову моимъ другомъ какого-нибудь Кольцова. Объ этомъ нечего и говорить. Теперь перехожу къ самому смѣшному твоему пороку, который дѣлаетъ изъ тебя чуть не дурака—это ученичество. Ты всегда уважалъ рутину, школьный порядокъ, уважалъ людей, слѣдовавшихъ тому и другому; ты нѣсколько разъ переписывалъ глупыя лекціи московскихъ профессоровъ, лекціи, гдѣ невѣжество, запоздалость, мелкость, недобросовѣстность, явное искаженіе истины такъ ярко бросались въ глаза. Другое дѣло, если бы ты берегъ эти лекціи, какъ память о твоемъ пребываніи въ университетѣ, и въ такомъ случаѣ тебѣ всего бы лучше отослать ихъ въ Пачелмо подъ сохраненіе въ какомъ-нибудь старомъ сундукѣ въ темномъ чуланѣ; но ты ихъ перечитываешь, ты ихъ переписывалъ; терялъ на пустяки и мелочи драгоцѣнное время, которое съ пользою могъ бы употребить на настоящее занятіе наукою, или языками, какъ средствомъ для

науки. Ты заковалъ науку и ученье въ школьныя формы и отъ всей души думалъ, что студентъ словеснаго отдѣленія совсѣмъ не то, что студентъ политическаго, не понимая, что съ выходомъ изъ университета человѣкъ, посвятившій себя знанію, не принадлежитъ уже ни къ какому отдѣленію, если только онъ не скотина, что онъ даже совсѣмъ перестаетъ быть студентомъ, если только онъ не дуракъ. Не слишкомъ много ума и проницательности нужно для того, чтобы знать, что ни въ одномъ русскомъ университетѣ нельзя положить молодому человѣку прочнаго основанія для будущихъ его занятій наукою, и что для человѣка, посвящающаго всю жизнь свою знанію, время, проведенное имъ въ университетѣ есть потерянное, погубленное время. Исключеніе остается развѣ только за математическими факультетами, и то по части чистой математики, да развѣ еще можетъ онъ съ успѣхомъ заниматься медициною. Вообще, для такого человѣка важно только частное, домашнее, кабинетное занятіе, а въ аудиторіи онъ теряетъ понапрасну свое время и только глупѣетъ. Другое дѣло, кто хлопочетъ изъ аттестата, чтобы открыть себѣ дорогу по службѣ или пріобрѣсти себѣ средства къ обезпеченію своей внѣшней жизни, или для пріобрѣтенія званія— въ такомъ случаѣ его прилежаніе, его усердіе похвальны, потому что имѣютъ цѣль и смыслъ. Кто-же учится для самой науки, тотъ долженъ учиться у себя въ комнатѣ, а для университета заниматься не болѣе того, сколько нужно для полученія аттестата. Для меня всегда будетъ жалокъ человѣкъ, который изъ кожи лѣзетъ, чтобъ быть первымъ, вслѣдствіе добродушной увѣренности, что онъ черезъ это доберется до самаго дна въ этомъ кладезѣ мудрости; онъ или ребенокъ, дитя, хотя и умное и много обѣщающее, или просто человѣкъ бездарный, ограниченный. Это ученость тредьяковская, вагнеровская (Вагнеръ— лицо въ Фаустѣ Гете), для которой доступна буква, а не смыслъ, которая любитъ книгу для книги, а не какъ средство для знанія, которая сто разъ переписываетъ одну и ту же тетрадь только для удовольствія переписывать, а не по необходимости для знанія, словомъ, ученость, или, лучше сказать, ученичество или дѣтей, или дураковъ. Я такъ убѣжденъ во всемъ этомъ, что первымъ долгомъ своимъ почитаю внушить Никанору заранѣе презрѣніе къ университету и пріучить его смотрѣть на него, какъ на домъ, въ которомъ, за трехъ или четырехлѣтнее хожденіе, даютъ кандидатскіе аттестаты. Я никогда не забуду, какъ

я смѣялся, когда, разспрашивая Никанора о причинахъ его ненависти и презрѣнія къ Николаю Ивановичу, узналъ, что въ числѣ другихъ причинъ находится и та, что онъ былъ плохимъ студентомъ и долго не могъ выдержать экзамена. «А я такъ и просто былъ выгнанъ изъ университета за лѣность и неуспѣхи: такъ ты и меня долженъ презирать за это», сказалъ я ему. — Но ты,—отвѣчалъ онъ мнѣ очень важно и съ большою искренностію,—ты вознаградилъ это впослѣдствіи.—Ха! ха! ха! бѣдный малый отъ всей души былъ увѣренъ, что я впослѣдствіи занимался именно тѣмъ, чѣмъ не занимался въ университетѣ, ни мало не подозрѣвая, что, несмотря на мое позднѣйшее занятіе, еслибъ я сталъ держать экзаменъ на простого студента, и того не выдержалъ бы, не говоря ужъ о дѣйствительномъ студентѣ или кандидатѣ. Но такъ прилично думать ребенку, дитяти, а не взрослому человѣку, понимающему вещи, какъ должно. И къ несчастію, такой дѣтскій способъ сужденія не чуждъ тебя! Все это говорю я тебѣ для объясненія нашихъ взаимныхъ недоразумѣній и того разъединенія, которое, несмотря на нашу взаимную любовь другъ къ другу, существовало между нами. Такъ какъ я отъ всей души желаю прекращенія этихъ недоразумѣній, а вмѣсто разъединенія, полной дружбы, основанной не на родствѣ и привычкѣ, а на взаимной довѣренности и уваженіи, то и хочу уже заразъ высказать тебѣ все, что лежало у меня на душѣ. Если я въ чемъ-нибудь обвиняю тебя напрасно — оправдывайся; если имѣешь что-нибудь противъ меня—обвиняй: если я правъ, буду оправдываться передъ тобою, если виноватъ — признаюсь. По пріѣздѣ изъ Прямухина, я былъ къ тебѣ ближе, нежели когда-нибудь и надѣялся совершенно сойтись съ тобою, но ты ввязался въ глупую исторію, заступался за человѣка добраго и совсѣмъ не подлаго, но рѣшительно пустого, слабаго и ничтожнаго, обвиняль человѣка праваго и хотя грубаго, съ большими недостатками, но добраго, твердаго характеромъ и искренно любившаго и тебя и меня. Ты помнишь, какъ это развело насъ. И что-же? Не оказалось ли, что я былъ правъ, а ты виноватъ? Я давно уже не ошибался въ людяхъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ сошелся съ людьми, и теперь никогда не обманусь въ человѣкѣ и очень скоро пойму его вдоль и поперекъ. Не заступался ли ты за Алешу Владыкина, его мать и прочихъ, и послѣ не былъ ли принужденъ согласиться со мною? Повѣрь, что всѣ твои пріятели, бывшіе товарищи, люди,

конечно, не злые и не подлые, даже добрые и честные, но тѣмъ не менѣе пустые и ничтожные. Ты самъ опошлился, знаясь съ ними. Какъ мнѣ досадно было видѣть, что ты цѣлые дни проводишь съ ними или совершенно безъ дѣла, или въ пустыхъ дѣтскихъ спорахъ. Я молчалъ и рѣшился молчать всегда, потому что считалъ уже тебя только родственникомъ и навсегда хотѣлъ остаться твоимъ родственникомъ. Но твои письма ко мнѣ на Кавказъ снова возбудили во мнѣ надежду, что ты не совсѣмъ погибъ, и что изъ тебя можно еще сдѣлать человѣка. Не твое усердіе къ моимъ коммиссіямъ и моей квартирѣ подали мнѣ эту надежду, но какая-то грусть въ твоихъ письмахъ, какое-то безпокойство, съ которымъ ты смотришь на свою человѣческую, а не гражданскую, будущность. Я увидѣлъ изъ нихъ, что ты чувствуешь потребность дѣлать и жить; самая простота и небрежность твоего слога увѣрила меня въ этомъ, потому что кто говоритъ отъ души тотъ не гоняется за звонкою фразою или вычурнымъ выраженіемъ, но пишетъ, какъ говоритъ. А сказать правду, прежде я всегда замѣчалъ у тебя наклонность къ цвѣтистому слогу, какимъ отличаются письма Лопатина, мужа Катерины, и въ которыхъ такъ смѣшно высказывается претензія на умъ и краснорѣчіе. Короче сказать, я снова увѣрился, что еще не подавленъ въ тебѣ зародышъ жизни, и что онъ еще можетъ быть развитъ и расцвѣсти пышнымъ и прекраснымъ цвѣтомъ. Подай мнѣ руку, я не отворочусь отъ нея, но сожму ее со всѣмъ жаромъ души, жаждущей сочувствія; я подамъ тебѣ свою, какъ братъ потерянному и снова найденному имъ брату, я поддержу тебя моею рукою и самъ обопрусь на твою, и, какъ братья, пойдемъ мы по пути жизни, совокупно и дружно борясь съ ея невзгодами и противовѣчіями, совокупно и дружно наслаждаясь ея радостями и блаженствомъ. Не думай, чтобы дружба была такъ же ревнива, какъ любовь, не думай, чтобы многіе предметы любви истощали любовь; дружбы нѣтъ и не можетъ быть между людьми, но есть между ними братство, о которомъ проповѣдывалъ Христосъ, есть между ними родство, основанное на любви, и стремленіе къ Богу, а Богъ есть любовь и истина. Богъ не есть нѣчто отдѣльное отъ міра, но Богъ въ мірѣ, потому что онъ вездѣ. Да, его, какъ говоритъ великій Іоаннъ, любимѣйшій ученикъ Христа, никто не видалъ; но онъ во всякомъ благородномъ порывѣ человѣка, во всякой свѣтлой его мысли, во всякомъ святомъ движеніи его сердца. Міръ, или вселенная есть его храмъ, а душа и

сердце человѣка, или, лучше сказать, внутреннее Я человѣка, есть его алтарь, престолъ, его святая святыхъ. Итакъ, ищи Бога не въ храмахъ, созданныхъ людьми, но ищи въ сердцѣ своемъ, ищи его въ любви своей. Утони, исчезни въ наукѣ и искусствѣ, возлюби науку и искусство, возлюби ихъ, какъ цѣль и потребность твоей жизни, а не какъ средство къ образованію и успѣхамъ въ свѣтѣ—и ты будешь блаженъ, а кто достигъ блаженства, тотъ носитъ въ себѣ Бога, потому что цѣль жизни человѣка есть блаженство, а блаженство заключается въ Богѣ. Богъ есть истина, слѣдовательно, кто сдѣлался сосудомъ истины, тотъ есть и сосудъ Божій; кто знаетъ, тотъ уже и любитъ, потому что, не любя, невозможно познавать, а, познавая, невозможно не любить; Богъ есть вмѣстѣ и истина, и любовь, и разумъ, и чувство, такъ, какъ солнце есть вмѣстѣ и свѣтъ и теплота. Отвергнись, отрекись самого себя для истины, будь счастливъ истиною, а не своими успѣхами, будь счастливъ потому что ты знаешь истину, а не потому, что ты знаешь истину. Брось свою политическую экономію и статистику: всякое частное знаніе унижаетъ, опошливаетъ человѣка; мысль, или идея, въ ея безразличномъ, всемірномъ значеніи—вотъ что должно быть предметомъ изученія человѣка. Внѣ мысли все призракъ, мечта; одна мысль существенна и реальна. Что такое ты самъ? мысль, одѣтая тѣломъ; тѣло твое сгніетъ, но твое *я* останется, слѣдовательно, тѣло твое есть призракъ, мечта, но *я* твое существенно и вѣчно. Философія—вотъ что должно быть предметомъ твоей дѣятельности. Философія есть наука идеи чистой, отрѣшенной; исторія и естествознаніе суть науки идеи въ явленіи. Теперь, спрашиваю тебя: что̀ важнѣе—идея или явленіе, душа или тѣло? идея ли есть результатъ явленія, или явленіе есть результатъ идеи? Если такъ, то можешь ли ты понять результатъ, не зная его причины? Можетъ ли для тебя быть понятна исторія человѣчества, если ты не знаешь, что̀ такое человѣкъ, что̀ такое человѣчество? Вотъ почему философія есть начало и источникъ всякаго знанія, вотъ почему безъ философіи всякая наука мертва, непонятна и нелѣпа. Но тебѣ нельзя начать прямо съ философіи: тебѣ надо приготовиться къ ней путемъ искусства. Какъ къ душевному просвѣтленію черезъ причастіе христіанинъ готовится путемъ поста и покаянія, такъ искусствомъ долженъ ты очистить свою душу отъ проказы земной суеты, холоднаго себялюбія, отъ обольщеній внѣшней жизни, и приготовить къ

привитію чистой истины. Искусство укрѣпитъ и разовьетъ въ тебѣ любовь; оно дастъ тебѣ религію, или истину въ созерцаніи, потому что религія есть истина въ созерцаніи, тогда какъ философія есть истина въ сознаніи. Кто увѣренъ въ истинѣ по чувству и не можетъ вывести ее изъ разума собственною свободною самомыслительностію, для того истина существуетъ только въ созерцаніи. Но, не имѣя истины въ созерцаніи, невозможно имѣть ее и въ сознаніи. Ты былъ еще ребенкомъ, а уже умѣлъ отличать добро отъ зла, истину отъ лжи—значитъ, что истина въ созерцаніи всегда предшествуетъ истинѣ въ сознаніи. Но въ дѣтствѣ ты могъ чувствовать только житейскую, практическую истину, теперь ты долженъ пріобрѣсти созерцаніе истины отвлеченной, чистой, и это созерцаніе дается тебѣ искусствомъ.

Меня всегда огорчало въ тебѣ равнодушіе къ поэзіи; ты занимался ею очень мало, а если и занимался, то не для наслажденія, а какъ будто по обязанности, чтобы умѣть что-нибудь сказать о томъ или другомъ писателѣ, для образованности, чтобы не отстать отъ другихъ, слѣдовательно, по эгоизму, или для разсѣянія, для забавы. Нѣтъ, искусствомъ должно заниматься набожно, благоговѣйно, для высшаго наслажденія, наслажденія своейственнаго одному духу. Если ты понялъ созданіе великаго генія, то долженъ радоваться тому, что понялъ его, что отъ этого сталъ счастливѣе, а не тому, что ты понялъ, ты сталъ счастливѣе. Какое тебѣ дѣло до того, что тебя всѣ бы стали почитать неспособнымъ къ высшей истинѣ, къ высшему наслажденію, словомъ, человѣкомъ ограниченнымъ и бездушнымъ, какое тебѣ до этого дѣло? Ты долженъ быть равнодушенъ къ обидѣ твоей личности; ты долженъ быть неравнодушенъ только къ оскорбленію истины, которой ты служишь, потому что ты любишь истину, а не себя. Конечно, мы страдаемъ, когда оскорбляютъ наше самолюбіе, но это оттого, что въ насъ больше эгоизма и самолюбія, нежели любви къ Богу: въ комъ же много любви къ Богу, тому легко переносить оскорбленія своему самолюбію, или лучше сказать, ему даже и нельзя будетъ и получить такого оскорбленія, потому что у него нѣтъ самолюбія. Любовь есть сила, бо́льшая Сампсоновой. Но однимъ искусствомъ нельзя заниматься безпрестанно, потому что оно требуетъ занятія свободнаго, а не принужденнаго; душа же наша изнемогаетъ подъ тяжестію впечатлѣній; и умъ требуетъ тоже свободной дѣятельности. Ты

пишешь о желаніи прочесть Гегелеву энциклопедію философскихъ наукъ: это безполезно—ты тутъ ровно ничего не поймешь. Для того, чтобы понимать Гегеля, нужно познакомиться съ Кантомъ, Фихте и даже Шеллингомъ. Фихте написалъ двѣ книги для профановъ — читай ихъ. Ты ихъ поймешь, и онѣ заинтересуютъ и заохотятъ тебя къ философіи. Обратись на счетъ ихъ къ мерзавцу Бакунину. Достань себѣ Кизеветтера философію. Кизеветтеръ ученикъ и послѣдователь Канта, и яснѣе его. Для начала, этого будетъ довольно. Итакъ, ты принимаешься за философію! Доброе дѣло! Только въ ней ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей; только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастіемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ и какого внѣшняя жизнь не можетъ ни дать тебѣ, ни отнять у тебя. Ты будешь не въ мірѣ, но весь міръ будетъ въ тебѣ. Въ самомъ себѣ, въ сокровенномъ святилищѣ своего духа найдешь ты высшее счастіе, и тогда твоя маленькая комнатка, твой убогій и тѣсный кабинетъ будетъ истиннымъ храмомъ счастія. Ты будешь свободенъ, потому что не будешь ничего просить у міра, и міръ оставитъ тебя въ покоѣ, видя, что ты ничего у него не просишь. Пуще всего, оставь политику и бойся всякаго политическаго вліянія на свой образъ мыслей. Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься только пустыя головы. Люби добро, и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства, тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшею страною въ мірѣ. Просвѣщеніе—вотъ путь ея къ счастію. Для нея назначена совсѣмъ другая судьба, нежели для Франціи, гдѣ политическое направленіе и наукъ и искусства и характера жителей имѣетъ свой смыслъ, свою законность и свою хорошую сторону. Франція есть страна опыта, примѣненія идей къ жизни. Совсѣмъ другое назначеніе Россіи. Если хочешь понять ея назначеніе — прочти исторію Петра Великаго—онъ объяснитъ тебѣ все. Ни у какого народа не было такого государя. Всѣ великіе государи другихъ народовъ ниже Петра, всѣ они были выраженіемъ жизни своихъ народовъ и только выполняли волю своихъ народовъ, творя великое, словомъ, всѣ они были подъ вліяніемъ своихъ народовъ. Петръ, наоборотъ, былъ выскочкою изъ своего народа, онъ не воспиталъ его, но перевоспиталъ, не создалъ, но пересоздалъ.

Цари всѣхъ народовъ развивали свои народы, опираясь на прошедшее, на преданіе; Петръ оторвалъ Россію отъ прошедшаго, разрушивъ ея традицію, и теперь смѣшно и жалко смотрѣть на нашихъ пустоголовыхъ ученыхъ и поэтовъ, которые ищутъ народности для мышленія и искусства въ исторіи съ Рюрика до Алексѣя, въ этой допотопной исторіи Россіи. Петръ есть ясное доказательство, что Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получитъ то и другое отъ своихъ царей, такъ, какъ уже много получила отъ нихъ того и другого. Правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно, но это отъ того, что мы еще должны быть рабами. Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать дитяти полную свободу—значитъ погубить его. Дать Россіи въ теперешнемъ ея состояніи конституцію—значитъ погубить Россію. Въ понятіи нашего народа свобода есть воля, а воля—озорничество. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣжалъ бы онъ, пить вино, бить стекла и вѣшать дворянъ, которые брѣютъ бороду и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зипунахъ, хотя бы, впрочемъ, у большей части этихъ дворянъ не было ни дворянскихъ грамотъ, ни копѣйки денегъ. Вся надежда Россіи на просвѣщеніе, а не на перевороты, не на революціи и не на конституціи. Во Франціи были двѣ революціи и результатомъ ихъ конституція — и что же? въ этой конституціонной Франціи гораздо менѣе свободы мысли, нежели въ самодержавной Пруссіи. И это оттого, что свобода конституціонная есть свобода условная, а истинная, безусловная свобода настаетъ въ государствахъ съ успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи, на философіи умозрительной, а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла. Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода пріобрѣтается сознаніемъ. И такимъ-то прекраснымъ путемъ достигнетъ свободы наша Россія. Приведу тебѣ еще примѣръ: наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостного права, а между тѣмъ исподволь освобождаетъ крестьянъ. Посмотри, какъ благодаря тому, что у насъ нѣтъ майоратства, издыхаетъ наше дворянство само собою безъ всякихъ революцій и внутреннихъ потрясеній. И если у насъ будутъ дѣти, то, доживя до нашихъ

лѣтъ, они будутъ знать о крѣпостномъ правѣ, какъ о фактѣ историческомъ, какъ о дѣлѣ прошедшемъ. И все это сдѣлается безъ заговоровъ и бунтовъ и потому сдѣлается прочнѣе и лучше. Давно ли мы съ тобою живемъ на свѣтѣ, давно ли помнимъ себя, и уже посмотри, какъ перемѣнилось общественное мнѣніе: много ли теперь осталось тирановъ-помѣщиковъ, а которые и остались, не презираютъ ли ихъ самые помѣщики? Видишь ли, что и въ Россіи все идетъ къ лучшему? Давно ли паденіе при дворѣ сопровождалось ссылкою въ Сибирь? А теперь оно сопровождается много, много, если ссылкою въ свою деревню. Давно ли Минихъ, фельдмаршалъ, герой, былъ осужденъ на четвертованіе и только по милосердію императрицы былъ сосланъ на всю жизнь въ Сибирь, а теперь уже и насъ съ тобою, людей совершенно ничтожныхъ въ гражданскомъ отношеніи, не будутъ четвертовать даже и въ такомъ случаѣ, когда бы мы были достойны этого. Помнишь ли ты, какъ отличались, какъ мило вели себя господа военные, особенно кавалеристы, въ царствованіе Александра, котораго мы съ тобою видѣли собственными глазами за годъ или за два до его смерти? Помнишь ли ты, какъ они нахальствовали на постояхъ, увозили женъ отъ мужей, изъ одного удальства, были ужасомъ и страхомъ мирныхъ гражданъ и безнаказанно разбойничали? А теперь?.. теперь они тише воды, ниже травы. Ты уже не боишься ихъ, если имѣешь несчастіе быть фрачникомъ, или имѣть мать, сестру, жену, дочь. Не болѣе какъ года за два до нашего поступленія въ университетъ студенты были не лучше военныхъ, и еще при насъ академисты изрѣдка совершали подобные подвиги, а теперь? — Теперь студентъ, который въ состояніи выпить ведро вина и держаться на ногахъ, уже не заслужитъ, какъ прежде, благоговѣйнаго удивленія отъ своихъ товарищей, но возбудитъ къ себѣ презрѣніе и ненависть. А что всему этому причиною? Установленіе общественнаго мнѣнія, вслѣдствіе распространенія просвѣщенія, и, можетъ быть, еще болѣе того, самодержавная власть. Эта самодержавная власть даетъ намъ полную свободу думать и мыслить, но ограничиваетъ свободу громко говорить и вмѣшиваться въ ея дѣла. Она пропускаетъ къ намъ изъ-за границы такія книги, которыхъ никакъ не позволитъ перевести и издать. И что-жъ, все это хорошо и законно съ ея стороны, потому что то, что можешь знать ты, не долженъ знать мужикъ, потому что мысль, которая тебя можетъ сдѣлать лучше,

погубила бы мужика, который, естественно, понялъ бы ее ложно. Правительство позволяетъ намъ выписывать изъ-за границы все, что производитъ германская мыслительность, самая свободная, и не позволяетъ выписывать политическихъ книгъ, которыя послужили бы только ко вреду, кружа головы неосновательныхъ людей. Въ моихъ глазахъ эта мѣра превосходна и похвальна. Главное дѣло въ томъ, что граница Россіи со стороны Европы не есть граница мысли, потому что мысль свободно проходитъ чрезъ нее, но есть граница вреднаго для Россіи политическаго направленія, а въ этомъ я не вижу ни малѣйшаго стѣсненія мысли, но, напротивъ, самое благонамѣренное средство къ ея распространенію. Вино полезно для людей взрослыхъ и умѣющихъ имъ пользоваться, но гибельно для дѣтей, а политика есть вино, которое въ Россіи можетъ превратиться даже въ опіумъ. Есть книга, надѣлавшая въ Европѣ много шуму, сочиненіе аббата Lamennais—«Les paroles d'un croyant»: въ этой книгѣ Христосъ представленъ какимъ-то политическимъ заговорщикомъ, міробъемлющее его ученіе понято въ частномъ и ограниченномъ смыслѣ политики, все представлено ложно, противорѣчиво; я едва могъ прочесть страницъ 60 и бросилъ, потому что эта книга нагнала на меня скуку и досаду. А если бы ее позволили перевести и издать, то сколько бы молодыхъ головъ сошли отъ нея съ ума, обольщенные ея пышными и громкими фразами, ея трагическими кривляніями и пошлыми возгласами! Итакъ, оставимъ итти дѣламъ, какъ они идутъ, и будемъ вѣрить свято и непреложно, что все идетъ къ лучшему, что существуетъ одно добро, что зло есть понятіе отрицательное и существуетъ только для добра, а сами обратимъ вниманіе на себя, возлюбимъ добро и истину, путемъ науки будемъ стремиться къ тому и другому. Что за польза будетъ для тебя, если ты будешь знать дѣла всей Европы лучше самого Талейрана или Меттерниха, а самъ будешь столоначальникомъ въ Сенатѣ или секретаремъ въ Земскомъ Судѣ? Если же бы ты и сдѣлался министромъ, и тогда бы для тебя мало было выгоды: ты бы дѣйствовалъ по волѣ Государя, а не по своимъ идеямъ, слѣдовательно, былъ бы орудіемъ, а не дѣйствователемъ. Но когда ты возвысишься до той любви, которая полагаетъ душу свою за братіи, когда ты постигнешь ясно свое назначеніе и обнимешь умомъ своимъ міровыя истины, тогда ты всегда и вездѣ будешь полезенъ своему отечеству. Если тебѣ будетъ ввѣрена судьба твоихъ ближнихъ—эта судьба бу-

детъ вѣрна, потому что она предастся человѣку благородному и просвѣщенному, ревностному къ своей обязанности, а не подлецу, не взяточнику, не дураку и невѣждѣ; если ты будешь семьянином—ты будешь разливать въ своемъ маленькомъ кругу жизнь и радость, ты воспитаешь для общества души здоровыя, сильныя любовію къ добру; если тебѣ суждено провести жизнь въ одиночествѣ, у тебя опять не можетъ не быть своего круга, гдѣ если не прямое твое вліяніе, то хотя примѣръ твой будетъ благодѣтеленъ. Быть апостолами просвѣщенія—вотъ наше назначеніе. Итакъ, будемъ подражать апостоламъ Христа, которые не дѣлали заговоровъ и не основывали ни тайныхъ, ни явныхъ политическихъ обществъ, распространяя ученіе своего божественнаго Учителя, но которые не отрекались отъ него передъ царями и судіями и не боялись ни огня, ни меча. Не суйся въ дѣла, которыя до тебя не касаются, но будь вѣренъ своему дѣлу, а твое дѣло—любовь къ истинѣ; да, впрочемъ, тебѣ никто и не помѣшаетъ служить ей, если ты не будешь вмѣшиваться не въ свои дѣла. Итакъ, учиться, учиться и еще таки учиться! Къ чорту политику, да здравствуетъ наука! Во Франціи и наука, и искусство, и религія сдѣлались или, лучше сказать, всегда были орудіемъ политики, и потому тамъ нѣтъ ни науки, ни искусства, ни религіи, и потому, еще больше французской политики, бойся французской науки, въ особенности французской философіи. Право народное должно выходить изъ права человѣческаго, а право человѣческое должно выходить изъ вопроса о причинѣ и цѣли всего сущаго, а вопросъ этотъ есть задача философіи. Французы же все выводятъ изъ настоящаго положенія общества, и потому у нихъ нѣтъ вѣчныхъ истинъ, но истины дневныя, т. е. на каждый день новыя истины. Они все хотятъ вывести не изъ вѣчныхъ законовъ человѣческаго разума, а изъ опыта, изъ исторіи, и потому не удивительно, что они въ концѣ XVIII вѣка хотѣли возобновить римскую республику, забывъ, что одно и то же явленіе не повторяется дважды, и что римляне не примѣръ французамъ. Опытъ ведетъ не къ истинѣ, а къ заблужденію, потому что факты разнообразны до безконечности и противорѣчивы до такой степени, что истину, выведенную изъ одного факта, можно тотчасъ же пришибить другимъ фактомъ, найти же внутреннюю связь и единство въ этомъ разнообразіи и противорѣчіи фактовъ можно только въ духѣ человѣческомъ, слѣдовательно, философія, основанная на опытѣ, есть нелѣ-

пость. Новѣйшіе французы хватились за нѣмцевъ, но не поняли ихъ, потому что французъ никогда не можетъ возвыситься до всеобщности и, на зло самому себѣ, всегда остается французомъ, а въ области мышленія должны исчезать всѣ національныя различія, и долженъ оставаться одинъ человѣкъ. Итакъ, къ чорту французовъ, ихъ вліяніе, кромѣ вреда, никогда ничего не приносило намъ. Мы подражали ихъ литературѣ—и убили свою. Изо всей литературы ихъ заслуживаютъ бо́льшаго вниманія около десятка, можно сказать, превосходныхъ историческихъ сочиненій; а кромѣ этого, у нихъ много хорошаго по части естествознанія, но и тамъ господствуетъ эмпиризмъ. Германія—вотъ Іерусалимъ новѣйшаго человѣчества, вотъ куда съ надеждою и упованіемъ должны обращаться его взоры; вотъ откуда придетъ снова Христосъ, но уже не гонимый, не покрытый язвами мученія, не въ вѣнцѣ мученичества, но въ лучахъ славы. Доселѣ христіанство было истиною въ созерцаніи, словомъ, было вѣрою; теперь оно должно быть истиною въ сознаніи—философіею. Да, философія нѣмцевъ есть ясное и отчетливое, какъ математика, развитіе и объясненіе христіанскаго ученія, какъ ученія, основаннаго на идеѣ любви и идеѣ возвышенія человѣка до божества, путемъ сознанія. Мнѣ кажется, что юной и дѣвственной Россіи должна завѣщать Германія и свою семейственную жизнь, и свои общественныя добродѣтели, и свою міробъемлющую философію. У насъ много зла, много безалаберщины, много чуждыхъ вліяній, и худыхъ и хорошихъ, но этотъ-то безпорядокъ и ручается за наше прекрасное будущее, потому что еще никакое чуждое вліяніе, худое или хорошее, не взяло у насъ рѣшительнаго перевѣса. Мы по праву наслѣдники всей Европы. Итакъ, наше (т. е. насъ, молодыхъ людей) назначеніе уже и теперь ясно: мы должны начать этотъ союзъ съ Германіею, мы должны принимать вѣрно, честно и отчетливо сокровища ея умственной жизни и быть ихъ хранителями, но хранителями не скупыми, а готовыми дѣлиться своимъ сокровищемъ со всѣми, кто только пожелаетъ ихъ. Но мы должны выкинуть изъ головы всякую мысль быть полезными, потому что желаніе быть полезнымъ проистекаетъ изъ самолюбія и эгоизма. Человѣкъ свободенъ, долга не существуетъ для него; онъ долженъ быть добродѣтеленъ не по долгу, а по любви, онъ долженъ слѣдовать добру не потому, что оно полезно, а потому, что въ немъ заключается его счастіе. Истина не имѣетъ цѣли внѣ себя, такъ и наука и искус-

ство. Не изъ желанія распространить въ своемъ отечествѣ здравыя понятія долженъ ты учиться, а изъ безцѣльной любви къ знанію, а польза общественная будетъ и безъ твоего желанія. Кто любитъ добро, тотъ не упуститъ случая сдѣлать его, но не станетъ искать этого случая. Если я сдѣлалъ добро, которое ты готовъ былъ сдѣлать, ты долженъ не огорчаться, что упустилъ случай сдѣлать доброе дѣло, а долженъ радоваться, что оно сдѣлано—тобою или мною. Совершенствуя себя, ты необходимо будешь совершенствовать и все, что близко къ тебѣ. Человѣкъ обманывается, когда думаетъ давать обществу направленіе и вмѣшиваться въ дѣла міродержавнаго промысла. Не Петръ Великій преобразовалъ Россію, а Провидѣніе, въ рукахъ котораго Петръ былъ орудіемъ, можетъ быть, самъ не зная этого. Онъ только слѣдовалъ внутреннему безотчетному своему влеченію и слѣдовалъ ему такъ твердо, несмотря на всѣ опасности и препятствія, потому что находилъ свое блаженство въ томъ, чтобы слѣдовать ему: но отъ его ли воли зависѣло это внутреннее влеченіе? Всякій человѣкъ, который затѣетъ великое дѣло и, не сдѣлавъ его, погибнетъ—есть самозванецъ, который выдумалъ, наклеветалъ на себя подвигъ. Кто на что призванъ, тотъ свершитъ свое дѣло, а точно ли онъ призванъ—это узнаетъ онъ по своему внутреннему призванію. Сколько мы видимъ поэтовъ, которые мучатся, хлопочутъ, пишутъ, разстраиваютъ свое имѣніе, здоровье, спокойствіе, а потомъ, послѣ тщетныхъ усилій пріобрѣсти славу, перестаютъ писать, дѣлаются хозяевами и спокойно проводятъ свою жизнь въ житейскихъ разсчетахъ! Не ясно ли, что они наклеветали на себя поэтическое призваніе, и что они приняли движеніе мелочнаго самолюбія и тщеславія за поэтическое призваніе? Кто родился поэтомъ, то и умретъ имъ. Отнять у него возможность писать,—значитъ отнять у него возможность жить. Итакъ, Бога ради, не думай о томъ, гдѣ и какъ можешь ты быть полезенъ, но думай о томъ, чтобъ поддержать и возвысить свое человѣческое достоинство, а для этого одинъ путь—наука. Будешь ли ты ученымъ, расширишь ли ты кругъ знанія—это не твое дѣло; ученымъ можно быть только по призванію и призванію частному, но любить науку и изучать ее есть призваніе общее. Если бы ты вдругъ почувствовалъ въ себѣ непреодолимую любовь къ военному званію—бросай все и надѣвай мундиръ—ты погибъ, если не послушаешься своего внутренняго голоса; но надѣвши мундиръ, что ты будешь дѣлать?

Съ любовію заниматься своею должностію. Прекрасно! А въ свободное отъ нея время? Неужели играть въ карты? Нѣтъ — твои свободныя отъ должности минуты опять-таки должны быть посвящены наукѣ, если не хочешь сдѣлаться скотомъ. Еще разъ— забудь самое слово польза, но помни твердо слово любовь; а любовь существуетъ не для пользы, а для самой себя. Когда великій геній распространяетъ въ своемъ отечествѣ свѣтъ знанія—онъ не отечеству даетъ знаніе, но знанію даетъ отечество, потому что что̀ ты любишь въ своемъ ближнемъ? извѣстный образъ, извѣстное лицо, или сознаніе, котораго онъ есть о̀рганъ? Не любовь къ отечеству должна заставлять насъ дѣлать добро, но любовь къ добру, не польза отъ добра, но самое добро.

Итакъ, вотъ что прежде всего почиталъ я нужнымъ сказать тебѣ. Ты всегда жаловался на мою будто-бы холодность и несправедливость къ тебѣ: пусть это письмо разувѣритъ тебя въ этомъ, пусть оно покажетъ тебѣ, что если я, подобно Діогену, не ищу людей днемъ съ фонаремъ, то и не чуждаюсь ихъ, когда они попадаются мнѣ. Родство и пріязнь — вздоры; свято братство духовное, основа котораго есть любовь къ добру. Я высказалъ тебѣ все, что лежало у меня на сердцѣ противъ тебя, самая многоплодность и говорливость письма моего покажетъ тебѣ, что оно писалось отъ полноты души. Теперь наши будущія отношенія зависятъ совершенно отъ тебя.

Занимаясь наукою, какъ высшею цѣлію жизни, какъ потребностію внутренней твоей жизни, не оставляй безъ вниманія и внѣшней жизни. Можно сдѣлаться рабомъ, слишкомъ презирая ее. Умѣй ограничить себя въ своихъ желаніяхъ, но умѣй и удовлетворять необходимому. Пуще всего бойся долговъ. Мой примѣръ передъ тобою. Ты упрекаешь меня, что я понапрасну безпокоюсь о моей квартирѣ: душа моя, положимъ, что у васъ и безъ меня все идетъ хорошо, но каково-то пойдутъ дѣла, когда я пріѣду? Ильѣ и лавочнику я долженъ, по крайней-мѣрѣ, пятьсотъ рублей — гдѣ я ихъ возьму? Я уѣзжалъ съ твердою увѣренностію, что грамматика меня выручитъ, но ты знаешь, какъ оправдалась эта увѣренность. Вслѣдствіе этой же увѣренности, я взялъ на честное слово до августа 500 р. у Боткина, который ихъ занялъ у кого-то. Кавказъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ, душа рвется въ Москву, и между тѣмъ духъ замираетъ у меня отъ ужаса при одной мысли о Москвѣ. Я знаю, что грамматика моя разойдется, и что единственная причина ея неуспѣха заклю-

чается въ томъ, что она существуетъ incognito; но могу ли я ждать? Я такъ былъ вскруженъ своимъ отъѣздомъ, что забылъ сдѣлать много нужнаго для успѣха моей книги, какъ напр., послать экземпляръ Краевскому, который уже давно бы написалъ о ней въ своемъ журналѣ и написалъ бы съ похвалою. Горе мнѣ, горе! Чортъ возьми и съ жизнью и съ здоровьемъ! Я жертва моей вѣры въ судьбу, моей довѣрчивости къ обстоятельствамъ, жертва моего ложнаго положенія въ обществѣ. Мнѣ давно надо было свести концы съ концами, по гривнамъ и копѣйкамъ разложить мѣсяцы и дни, уравнять приходъ съ расходомъ, а я все полагался на благопріятную перемѣну обстоятельствъ, то чрезъ журнальную работу, то черезъ отдѣльные литературные труды. Это письмо къ тебѣ послѣднее; если ты получишь его числа 13—15, то на другой же день отвѣчай, хотя коротенько, потому что перваго или второго сентября мы выѣзжаемъ. Но если что случится для меня радостнаго, то, Бога ради, увѣдомь поскорѣе; къ 12 числу мы вѣрно будемъ въ Воронежѣ, такъ адресуй на имя Алексѣя Васильевича Кольцова, въ Дворянской улицѣ, въ собств. домъ; къ 15-му мы будемъ въ Тулѣ, такъ адресуй туда на имя младшаго учителя гимназіи Павла Петровича Матюшенки, съ передачею мнѣ. Это только въ такомъ случаѣ, когда, сверхъ всякаго чаянія, дѣла мои поправятся хоть такъ, чтобы мнѣ можно было безъ мученія и душевной пытки приближаться къ Москвѣ. Кавказъ меня не излѣчилъ, но много поправилъ. Живой и здоровый цвѣтъ лица, чистый языкъ (чего ужъ не было лѣтъ пять) и сильный аппетитъ (чего тоже ужъ года два не было, потому что я ѣдою не удовлетворялъ аппетитъ, а избавлялся отъ изнеможенія)—вотъ результатъ моего лѣченія. Сверхъ того, я уже увѣренъ, что во мнѣ нѣтъ ни остатковъ сифилиса, ни меркурія, а это не шутка. Нынче вечеромъ (7 авг.) я беру 88-ю ванну, завтра кончу Сабанѣевскія и возьму 20 Елизаветинскихъ, кислыхъ, которыя возстановятъ мои истощенныя силы; 19 числа я ѣду на желѣзныя воды, верстъ за 15 отъ Пятигорска; возьму 20 ваннъ и 30-го возвращусь въ Пятигорскъ. Итакъ, всѣхъ ваннъ я возьму 130—20 Николаевскихъ, 20 Александровскихъ, 50 Сабанѣевскихъ, 20 Елизаветинскихъ и 20 желѣзныхъ. Изъ этого числа должно исключить 5 Сабанѣевскихъ, которыя пропустилъ, потому что сдѣлался болѣнъ, объѣвшись арбузомъ. Со вчерашняго дня снова началъ. Сколько отъ арбуза, столько и отъ самыхъ ваннъ у меня сдѣлалась легкая лихорадка, а собственно

отъ арбуза рѣзь въ животѣ и мучительный поносъ. Но теперь поправляюсь. Ослабъ я ужасно, едва держусь на ногахъ, и между тѣмъ никогда не чувствовалъ я себя такъ легко, никогда не былъ въ состояніи ходить такъ много и на такія высоты. Вообще, отъ ваннъ у большей части больныхъ болитъ грудь, а чахоточный можетъ умереть отъ 5 ваннъ, чему и бывали примѣры; но у меня съ ваннами рѣшительно прекратилась боль въ груди. Мой лѣкарь говоритъ, это оттого, что геморрой ушелъ въ свое мѣсто—. . . . . Итакъ, я пріѣду къ вамъ не излѣченный, но поправленный, для совершеннаго же излѣченія нуженъ еще курсъ и совершенная перемѣна жизни, т.-е. душевное спокойствіе, діета, ходьба, верховая ѣзда; надо оставить сидячую жизнь, чего мнѣ нельзя сдѣлать. Но дѣлать нечего, хорошо и то, что уже пріобрѣтено водами, а будущее такъ мало льститъ мнѣ, что, право, не для чего больше и заботиться о здоровьѣ. Кавказскій климатъ—гадость. Іюнь былъ порядочный, но къ концу изгадился, и до 20 іюля погода стояла пасмурная и холодная; потомъ дней 6 были жары, доходившіе до 48 градусовъ; пыль несносная и зловредная — известковый порошокъ, мелко истолченный. Теперь опять гадкая погода. Осень и начало весны (съ марта до іюня) бываютъ превосходны; зима умѣренная, снѣгъ продолжается не болѣе мѣсяца, въ мартѣ все покрывается зеленью и показываются цвѣты. Верстъ за 60 влѣво отъ Пятигорска и снѣгу не бываетъ, а лѣтомъ трава выгораетъ. Горы мнѣ надоѣли, ванны и воды опротивѣли; скучно, грустно; считаемъ дни и часы, ждемъ выѣзда, какъ выпуска изъ ада въ рай. На Кавказѣ хорошо пожить съ мѣсяцъ здоровому, а лѣчиться и въ раю скучно. Жизнь постоянная въ Пятигорскѣ ужасна—нѣтъ людей. Зато хороша природа и все дешево: пара куръ и пара куропатокъ стоятъ гривенникъ; десять перепелокъ 30 к.; фунтъ славнаго бѣлаго хлѣба 4 к.; арбузы и дыни ни почемъ,—и какія дыни—я и въ Чембарѣ такихъ не видывалъ.

Попечительность твоя о продажѣ моей грамматики мнѣ очень не понравилась: не чисто и не честно. Грамматику Греча прислалъ ты мнѣ не ту, о которой я писалъ: я говорилъ о своей, въ переплетѣ; я оставилъ ее на столѣ или въ шкапу—не помню. За Логику спасибо. Алешѣ низко кланяюсь за его длинное и многословное посланіе и благодарю. Прощай.—*Твой В. Б.*

Кланяйся Николаю; скажи ему, чтобы онъ поскорѣе выздоравливалъ и уже больше-бъ не дурачился, а занимался бы дѣ-

ломъ. Ивану Ивановичу мое почтеніе и повтореніе той благодарности за его безцѣнныя одолженія, которую я никогда не перестану питать къ нему.

Кумѣ опять кланяйся, а о дочери больше не пиши: ты такъ хвалишь ее, что я боюсь влюбиться и страдать, Богъ знаетъ изъ чего.

Ваня лѣчится; служить ему двоимъ и лѣчиться самому очень трудновато, да что-жъ дѣлать. По крайней-мѣрѣ его труды не пропадутъ даромъ: онъ за нихъ будетъ здоровъ и избавится отъ будущихъ болѣзней, которымъ могъ бы быть подверженнымъ.

Къ К. С. Аксакову. 14 августа, 1837.

Пятигорскъ. 1837 года, 14 Августа.

Не ожидалъ я получить письма отъ тебя, любезный Константинъ,—и получилъ. О дивное диво и чудное чудо! повторялъ я, получивъ твое письмо. Отъ кого ожидалъ, не дождался; отъ кого не ожидалъ—получилъ. Ты написалъ письмо! Я думаю, ты ужаснулся великости своего подвига, тебѣ показалось, что ты сдвинулъ съ мѣста огромную гору, думая откатить камушекъ. Конечно, это письмо писано не буквами, а гіероглифами, и при томъ самыми неразборчивыми; но для твоей медвѣжьей лѣности и это подвигъ. Итакъ, благодарю тебя вдвойнѣ. Теперь я вполнѣ увѣрился, что ты меня любишь: послѣ такого доказательства странно было бы сомнѣваться въ этомъ.

Все, что̀ я писалъ тебѣ о моемъ намѣреніи переѣхать въ Питеръ, все это было плодомъ минуты отчанія и ожесточенія. Теперь, когда я нѣсколько спокойнѣе, теперь я не почитаю этого переѣзда неизбѣжнымъ, не хочу продавать себя съ аукціона, но все-таки думаю, что мнѣ придется ѣхать въ Петербургъ и предложить мои услуги хоть Энциклопедическому Лексикону. Радъ бы писать и въ «Библіотеку для Чтенія»; но не рѣшусь ни за что̀ въ мірѣ, ни за какія блага, видѣть мои статьи искаженными и передѣланными не только рукою какого-нибудь негодяя Сенковскаго, но и самого почтеннаго и добраго Жуковскаго, или, сказать яснѣе, никого въ мірѣ. Пойми хорошенько мое положеніе! Ты предлагаешь мнѣ писать для дѣтей—очень хорошо. Но вѣдь тотчасъ по моемъ входѣ, такъ сказать, на квартиру, я долженъ буду заплатить за квартиру рублей около 300, да въ лавочку около этой же суммы, да имѣть средства жить до тѣхъ поръ,

пока что-нибудь напишу, напечатаю и продамъ. Кредиторы и желудки (мой, брата и племянника) не согласятся ждать нѣсколько мѣсяцевъ. Кромѣ того, я рѣшительно не способенъ къ спекуляціямъ и компиляціямъ, и рѣшусь издать только добросовѣстный трудъ, а для такого труда нужно время и время, потому что я работаю тяжело и медленно. И при томъ, какъ много нужно условій для дѣтской книжки! Цѣлью ея должно быть— возбудить въ дѣтяхъ истину не въ поученіяхъ, не сознательную, но истину въ представленіи, въ ощущеніи, и для этого нужно то спокойствіе, та гармонія духа, которая дается человѣку только любовью. Во мнѣ теперь мало любви; я весь въ моихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, весь внѣ себя и чуждъ всякой сосредоточенности. Сверхъ того, писать книгу, имѣющую благую цѣль, для денегъ, для поправки обстоятельствъ... Выручка денегъ за книгу не есть дурное дѣло, даже очень хорошее; но надо, чтобы эти деньги были, такъ сказать, необходимымъ результатомъ книги, а не книга необходимымъ результатомъ денегъ. Ты это знаешь очень хорошо. Писать повѣстей я не могу, потому что для этого требуется творчество, потому что дѣтская повѣсть должна отличаться художественною истиною созданія. Но читая дѣтскія книжки, я находилъ нѣкоторыя изъ нихъ не дурными сами по себѣ, но искаженными пошлою нравственностію, и думалъ, что передѣлка такихъ книгъ была бы очень полезна. Это я думаю и теперь. Хотя такія передѣланныя повѣсти все-таки не были бы художественными, но по крайней мѣрѣ я не насиловалъ бы моей фантазіи, не грѣшилъ бы самъ, а только поправлялъ бы грѣхи другихъ. Впрочемъ, кромѣ повѣстей есть что писать для дѣтей: одна исторія представила бы такъ много матеріаловъ. Но для этого нужны знанія, которыхъ у меня нѣтъ, и недостатокъ которыхъ могло бы замѣнить знаніе языковъ. Сколько вертѣлось и вертится еще у меня въ головѣ славныхъ предпріятій—и всѣ они уничтожаются самою собою незнаніемъ языковъ, особенно нѣмецкаго. Видишь ли, что прежде всего мнѣ надо приняться за это, а чтобы приняться за это, надо быть спокойнымъ со стороны внѣшней жизни, а это спокойствіе могутъ дать только деньги, которыхъ у меня нѣтъ и которыхъ мнѣ рѣшительно негдѣ взять. О, грамматика, ты сразила меня! Вотъ что значитъ не имѣть журнальныхъ благопріятелей и нѣкоторой оборотливости; я былъ такъ необоротливъ, что даже не послалъ экземпляра Краевскому, съ кото-

рымъ знакомъ, и который вѣрно уже давно написалъ бы объ ней и пропечаталъ бы извѣстіе аршинными буквами. Бѣда да и только! Нѣтъ никакого выхода. Или продай свое убѣжденіе, сдѣлай изъ себя пишущую машину—или умирай съ голоду. Москва самый глупый городъ въ литературно-промышленномъ отношеніи: нѣтъ ни журналовъ, ни книгопродавцевъ. Скучно, братъ, этакъ жить на свѣтѣ. Я пишу письмо къ тебѣ, одному изъ моихъ друзей,—и что же въ этомъ письмѣ?—Не мечты и мысли о благѣ, о любви, о цѣли жизни, но какія-то пошлыя, коммерческія разсужденія о гадости жизни. И таковыя-то, по большей части, всѣ письма мои къ друзьямъ и разговоры съ ними... Это становится невыносимо. Я боюсь или сойти съ ума или сдѣлаться пошлымъ человѣкомъ, пріобщиться къ этой толпѣ, которую такъ презираю и ненавижу. Горькая будущность, тѣмъ болѣе горькая, что я самъ приготовилъ ее своею безпорядочною жизнію!

Слова два о Надеждинѣ. Я не сержусь на него нимало, не ненавижу его, даже люблю по какому-то воспоминанію о моихъ прежнихъ съ нимъ отношеніяхъ. Онъ человѣкъ добрый, но рѣшительно пустой и ничтожный. Жаль только, что онъ пустотою и ничтожностью своего характера можетъ дѣлать много зла людямъ, находящимся съ нимъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ. Это я еще недавно испыталъ на себѣ. На Кавказѣ лѣчился генералъ Скобелевъ, котораго обругалъ въ «Молвѣ» 1835 года Селивановскій въ безымянной статейкѣ, какъ онъ это всегда дѣлаетъ по свойственному ему благоразумію. Скобелевъ одинъ разъ, столкнувшись со мною на водахъ, спросилъ меня: «Вы г. Бѣлинскій?»—Я.—«Очень радъ, я давно желалъ познакомиться съ вами». Наговорилъ мнѣ тьму комплиментовъ и потомъ спросилъ меня, за что я его разругалъ? Я ему сказалъ очень рѣзко, что я не люблю отказываться отъ моихъ литературныхъ дѣлъ, хороши ли они, дурны ли; что, высказывая рѣзкое мнѣніе о томъ и о семъ, я никогда изъ чувства страха не отказывался отъ нихъ; но что объ немъ писалъ не я, а Селивановскій.—«Какъ не вы? да Надеждинъ самъ былъ у меня, просилъ извиненія и сказалъ мнѣ, что это написали вы, и хорошо, что онъ извинился передо мною, а то ему было бы худо: я хотѣлъ жаловаться Императору. Не хорошо, братецъ, быть такъ заносчивымъ: Гречъ мнѣ именно сказалъ о тебѣ, что ты голова рѣдкая, умъ свѣтлый, перо отличное, но что дерзокъ и ругаешься на чемъ свѣтъ стоитъ». — Въ этомъ духѣ продолжался нашъ раз-

говоръ. Онъ продолжалъ осыпать меня комплиментами и, въ то же время, ругалъ Надеждина съ такимъ остервенѣніемъ и такимъ тономъ, что я не могъ не замѣтить, что всѣ эти ругательства относились—ко мнѣ, а не къ Надеждину, который, поклонившись его превосходительству повинною головою, получилъ полное его прощеніе. Разстались мы дружески: онъ пожалъ мнѣ руку и пригласилъ къ себѣ. Каковъ Николай Ивановичъ? Не говоря уже о томъ, что онъ не знаетъ, кто и что у него пишетъ, онъ еще выдаетъ головою сильному человѣку своего сотрудника, который могъ безвозвратно погибнуть отъ одного слова этого сильнаго человѣка! Если бы и я написалъ эту статейку, и въ такомъ случаѣ, такъ какъ дѣло уже обошлось безъ бѣды, ему слѣдовало бы прикрыть меня, а не выдавать. Хорошъ! Впрочемъ, Богъ съ нимъ; желаю ему всякаго счастія отъ всей души; готовъ сдѣлать ему всякое добро, еслибы нашелъ для этого случай; но также не упустилъ бы случая вывести наружу все его литературное поведеніе, отъ статей въ «Вѣстникѣ Европы» противъ Пушкина до статей въ «Библіотекѣ для Чтенія». Думаю, что послѣ такой моей статьи слава Булгарина и Греча померкла бы передъ этимъ новымъ свѣтиломъ на поприщѣ литературной безсовѣстности. Кстати, здѣсь въ Пятигорскѣ служитъ братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ: долженъ быть пустѣйшій человѣкъ. Здѣсь познакомился я съ очень интереснымъ человѣкомъ — казакомъ Сухоруковымъ. Но обо всемъ этомъ поговоримъ при свиданіи. Это письмо—послѣднее: 1-го или 2-го сентября мы выѣзжаемъ въ Москву, къ которой рвется душа, и при одной мысли о которой замираетъ у меня сердце и кружится голова: такъ страшно мнѣ въѣхать въ нее. Этотъ въѣздъ представляется мнѣ какою-то ужасною катастрофою въ моей жизни. Одна надежда еще осталась, и та слабая; не тронется ли моя грамматика къ моему пріѣзду; безъ этого я погибъ. Ты что-то и гдѣ-то сбирался написать объ ней, что же медлишь? Вѣдь о ея выходѣ, кромѣ моихъ знакомыхъ, никто не знаетъ—какъ же итти ей? Въ Петербургѣ рѣшительно никто о ней и не слышалъ. Въ газетахъ было объявленіе только одинъ разъ.

Прощай, мой милый, желаю тебѣ по прежнему хорошаго аппетита. Кстати, у меня теперь свой не уступитъ твоему. Свидѣтельствую мое почтеніе Сергѣю Тимоѳеевичу. Прости.

Твой В. Б.

Къ М. А. Бакунину. 16 августа, 1837.

Пятигорскъ. 1837 года, августа 16 дня.

Вчера получилъ я, совсѣмъ неожиданно, твое письмо, любезный Мишель. Оно меня очень удивило и, если не огорчило, то и не доставило никакого удовольствія. Вмѣстѣ съ этимъ, оно нисколько не достигло той цѣли, которую ты предполагалъ, когда писалъ его. И все это оттого, что съ нѣкотораго времени ты не понимаешь ни себя самого, ни меня, и цѣль моего теперешняго письма есть—вывести тебя изъ этого двойного заблужденія. Начну съ того, что все, что ты говоришь мнѣ о моемъ паденіи, совершенно справедливо; сравненіе меня съ свиньею, которая, валяясь въ грязи, ругаетъ эту грязь—очень вѣрно, и я почелъ бы себя еще гораздо хуже свиньи, еслибы обидѣлся истиною, высказанною прямо и безъ околичностей. Это мой любимый способъ говорить правду: лишь было бы вѣрно, а до словъ и выраженій мнѣ нѣтъ дѣла. Скажу еще болѣе: ты гораздо снисходительнѣе ко мнѣ, нежели я заслуживаю того въ самомъ дѣлѣ, и я самъ гораздо строже къ себѣ, можетъ быть, потому, что лучше знаю самъ себя, нежели ты знаешь меня. И несмотря на все это, повторяю тебѣ, что ты, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, не понялъ меня. Но прежде я долженъ сказать тебѣ, почему ты не понимаешь себя. Ты говоришь, что въ послѣднее время мы всѣ ужасно пали, и что наши отношенія, поэтому, опошлились: это правда. Потомъ ты говоришь, что ты теперь всталъ и всталъ такъ, чтобы уже никогда не пасть, всталъ навѣки. Поздравляю тебя съ этимъ возстаніемъ отъ всей души и желаю, чтобы тебѣ въ самомъ дѣлѣ не пришлось никогда возвѣстить мнѣ—о своемъ новомъ возстаніи; но, признаюсь, сомнѣваюсь въ этомъ, потому что еще не вполнѣ вѣрю и теперешнему твоему возстанію. Я уже сказалъ тебѣ, что въ письмѣ твоемъ ко мнѣ не заключается рѣшительно ничего оскорбительнаго для меня; да и притомъ ты и прежде почиталъ себя вправѣ говорить истину безъ всякихъ уловокъ, и это право было всегда между нами общее и служило основою нашей дружбы. Теперь спрашиваю тебя: что же значитъ твоя приписка, въ которой ты просишь меня не сердиться на тебя за рѣзкость твоихъ выраженій, и увѣряешь, что они вырвались изъ души, любящей меня. Судя по этой припискѣ, можно подумать, что

или мы съ тобою еще недавно подружились, или что ты меня ужъ слишкомъ глубоко презираешь, или, наконецъ, что (и это всего справедливѣе) ты не могъ не замѣтить слишкомъ замѣтной рѣзкости своихъ выраженій на свой счетъ и безсознательно перенесъ ее къ выраженіямъ на мой счетъ. Да, Мишель, ты говоришь рѣзко не обо мнѣ, а о себѣ, и эта-то рѣзкость невольно бросилась тебѣ самому въ глаза; только ты не понялъ ее. И вотъ почему я говорю, что ты не понимаешь себя, и вотъ почему я не совсѣмъ вѣрю тому, чтобы ты жилъ теперь въ царствѣ любви, въ царствѣ божіемъ. Въ любви нѣтъ гордости, и человѣкъ, живущій въ любви, счастливъ тѣмъ, что онъ живетъ въ любви, а не тѣмъ, что онъ живетъ въ любви. Не съ чувствомъ умиленія и кроткой радости извѣщаешь ты страждущаго друга о своемъ возстаніи, а трубишь о немъ съ какою-то гордостію и жесткостію, съ какою обыкновенно выскочка извѣщаетъ о повышеніи въ новый чинъ. Ты похожъ на человѣка, которому удалось взобраться на высокую гору и который, вмѣсто того, чтобы именемъ любви и счастія убѣждать своихъ дальнихъ братій побѣдить трудности и съ долины взойти на гору, съ которой видна пристань спасенія,—ругаетъ ихъ и бросаетъ въ нихъ грязью и каменьями. Нѣтъ, не таковъ голосъ любви. Любовь не презираетъ падшими, но плачетъ о нихъ, и ея голосъ успокаиваетъ страждущую душу, а не возмущаетъ ее какимъ-то непріятнымъ, отталкивающимъ чувствомъ. Тебѣ извѣстны мои понятія о людяхъ; ты знаешь, что я раздѣляю ихъ на два класса—на людей съ зародышемъ любви и людей, лишенныхъ этого зародыша. Послѣдніе для меня — скоты, и я почитаю слабостію всякое снисхожденіе къ нимъ. Но когда я вижу человѣка съ зародышемъ чувства, то какъ бы глубоко ни палъ онъ, но если, въ самомъ паденіи, онъ сохранилъ инстинктъ истины и сознаніе своего паденія—онъ братъ мой, и я не могу презирать его. Вотъ о какой снисходительности говорю я и какой не вижу въ тебѣ. Повторяю, что не выраженія собственно на мой счетъ въ твоемъ письмѣ, но твои выраженія на свой собственный счетъ заставляютъ меня такъ думать, и, къ чести твоей, увѣренъ, что ты согласишься со мною, если уже и теперь не думаешь того же. Посмотри на своихъ сестеръ: онѣ въ тысячу разъ лучше тебя, въ тысячу разъ совершеннѣе тебя; онѣ давно уже живутъ въ царствѣ любви, въ царствѣ божіемъ, къ которому ты пріобщился навсегда такъ недавно; для нихъ паденіе трудно, хотя

и не невозможно (какъ для тебя); онѣ давно уже наслаждаются этимъ миромъ и гармоніею души, этимъ счастіемъ, тихимъ, кроткимъ и яснымъ, но глубокимъ и вѣрнымъ, этою ясностію и спокойствіемъ духа, которыя даетъ человѣку только одна любовь и которыя одни составляютъ на землѣ Царствіе Божіе. И что же? онѣ-то именно тѣ, которыя менѣе всѣхъ цѣнятъ себя и менѣе всѣхъ думаютъ о себѣ. И это потому, что онѣ видятъ впереди себя совершенство, котораго онѣ еще не достигли, и измѣряютъ свое достоинство не своимъ прошедшимъ или настоящимъ совершенствомъ, а будущимъ, и только его почитаютъ совершенствомъ; настоящее же ихъ достоинство кажется имъ обыкновеннымъ естественнымъ состояніемъ человѣка, и онѣ никакъ не могутъ понять, чтобы можно было человѣку жить внѣ этого состоянія. И потому-то, будучи строгими къ себѣ, онѣ снисходительны къ другимъ. И если бы которая-нибудь изъ твоихъ сестеръ писала письмо къ подругѣ, впадшей въ душевное уныніе и бездѣйствіе, то вѣрно бы нашла для ея ободренія другіе способы, а не стала бы показывать съ торжествомъ на себя. Всѣ онѣ простираютъ свою снисходительность къ другимъ до слабости; но въ нихъ это не есть слабость, а любовь, потому что, слава Богу, онѣ еще не знаютъ такъ хорошо людей, какъ мы съ тобою, и не могутъ понять, чтобы могли существовать люди безъ зародыша благодати Божіей. Повторяю: истинное совершенство измѣряетъ себя не тѣмъ достоинствомъ, которое оно уже пріобрѣло, но тѣмъ, которое остается еще пріобрѣсть ему. А кто можетъ сказать себѣ, что ему уже ничего не остается пріобрѣтать въ этомъ отношеніи? Никто, потому что если кто сказалъ это — тотъ хуже палъ. Человѣкъ, освободившійся отъ оковъ ничтожества и ощутившій въ себѣ Царство Божіе, плачетъ отъ умиленія и умоляетъ своихъ братій, какъ о милости, раздѣлить съ нимъ его блаженство. А ты похожъ на человѣка, который отчаянною храбростью вскочилъ на непріятельскую баттарею, взялъ ее, выхватилъ знамя и, въ гордомъ упоеніи побѣды, закричалъ: — «ура! наша взяла!» Это ли возстаніе?... Судя по твоему письму, можно подумать, что презрѣніе уже побѣдило въ тебѣ любовь ко мнѣ, и что ты написалъ ко мнѣ не по движенію любви, а по побужденію долга, чтобы, въ случаѣ совершеннаго и безвозвратнаго моего паденія, имѣть право сказать самому себѣ: «ну, что-жъ дѣлать? Я сдѣлалъ все, что могъ—его вина». Да, Миша, такое-то впечатлѣніе произвело на

меня твое письмо: оно заставило меня не обратиться на самого себя, а пожалѣть о тебѣ, потому что, какъ мнѣ кажется, ты находишься не въ состояніи любви, но въ состояніи напряженія, какое свойственно человѣку, готовящемуся мужественно встрѣтить ужасную бурю,—бурю, которая должна или разрѣшиться въ гармонію или повлечь за собою паденіе. Можетъ быть, я ошибаюсь; можетъ быть, мое паденіе такъ глубоко, что я не въ состояніи видѣть истины; но какъ бы то ни было, а вотъ какое впечатлѣніе произвело на меня твое письмо, вотъ что заставило оно меня думать о тебѣ и, наконецъ, вотъ что почелъ я моимъ святымъ долгомъ высказать тебѣ со всею откровенностію, на которую даетъ право дружба. Впрочемъ, это еще не все: ниже я буду еще обращаться къ нѣкоторымъ пунктамъ письма твоего. Еще разъ говорю тебѣ, можетъ быть, я не правъ; но не оскорбленное самолюбіе скрываетъ отъ меня истину. Я гордъ, самолюбивъ, тщеславенъ до того, что всякая похвала, даже иногда не совсѣмъ заслуженная, даже со стороны глупца, вызываетъ краску удовольствія на мое лицо и ускоряетъ обращеніе крови; но никогда горькая правда, высказанная другомъ съ участіемъ, въ какихъ бы то ни было рѣзкихъ или, если угодно, ругательныхъ выраженіяхъ, не возбуждала во мнѣ охлажденія къ другу или малѣйшаго неудовольствія. Похвала скорѣе можетъ повредить мнѣ, нежели горькая истина, и нигдѣ и ни въ чемъ я не бываю такъ свято добросовѣстенъ, и нигдѣ и ни въ чемъ я не возвышаюсь до такого совершеннаго самоотверженія, какъ въ сознаніи своего ничтожества, когда мнѣ на него указываютъ. Это я всегда могу сказать о себѣ смѣло и утвердительно, это есть моя лучшая сторона. Въ самомъ глубочайшемъ моемъ паденіи я всегда сохранялъ уваженіе къ истинѣ и теперь особенно мнѣ чуждо всякое сомнѣніе въ ней, тогда какъ сомнѣніе въ самомъ себѣ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе терзаетъ меня и лишаетъ послѣднихъ силъ.

Чтобы избѣжать повтореній, теперь же выскажу тебѣ и все остальное о духѣ и тонѣ твоего письма. Я и вы, говоришь ты безпрестанно: стало-быть ты уже не заключаешься болѣе въ мы? Говоря объ общемъ нашемъ оничтоженіи, ты какъ будто выгораживаешь себя изъ вины и всю ее складываешь на насъ. Мы уѣхали—и ты возсталъ, именно потому, что мы уѣхали. Послѣ этого, намъ опасно увидѣться съ тобою: ты можешь снова пасть. Ахъ, Миша, Миша! Какой злой духъ овладѣлъ тобою? Твой ли

это языкъ, твоя ли душа въ немъ? | Не въ насъ заключается причина нашего паденія: ударъ судьбы поразилъ насъ, а мы виноваты въ томъ, что допустили его оглушить себя. Очарованіе нашего круга исчезло, мы стали смотрѣть другъ на друга, какъ на больныхъ, и, сходясь вмѣстѣ, боялись расшевелить раны одинъ другого. По крайней мѣрѣ ты согласишься, что ты по необходимости былъ связанъ въ присутствіи Станкевича, такъ же, какъ онъ въ твоемъ, и я въ его. Мы сходились по прежнему, но уже не было прежняго очарованія, уже чего-то недоставало. | Обрати вниманіе только на то, какъ мы отдалились всѣ отъ Ивана Петровича: а что насъ отдалило отъ него? — несчастная тайна, намъ троимъ извѣстная. Я уже не говорю о себѣ: я даже самъ начинаю увѣряться, что нѣтъ ничего мизернѣе и скучнѣе, какъ человѣкъ, который, утопая въ грязи, понимаетъ всю гадость своего положенія, а не имѣетъ силы вырваться изъ него, который имѣетъ прямыя и свѣтлыя идеи о цѣли жизни и не можетъ перенести ихъ въ свою жизнь, который безпрестанно раскаивается, жалуется на себя друзьямъ своимъ, обвиняетъ себя въ животности, слабодушіи, пошлости и ограничивается только однимъ раскаяніемъ, самообвиненіями и жалобами. Да, Мишель, я чувствую, что долженъ казаться слишкомъ пошлымъ всякому, кто знаетъ меня вблизи, а не издали. Я увѣренъ, что Боткинъ лучше обо мнѣ думаетъ, нежели ты, и это именно потому, что онъ менѣе знаетъ меня, нежели ты, и поэтому его уваженіе болѣе тяготитъ меня, нежели твое презрѣніе. Итакъ, ни слова обо мнѣ: на мой счетъ ты, можетъ быть, и очень правъ. Но я не могу понять этого презрительнаго сожалѣнія, этого обиднаго состраданія, съ которымъ ты смотришь на паденіе Станкевича. Дай Богъ, чтобы онъ возсталъ скорѣе, чтобы онъ скорѣе вышелъ изъ этой ужасной борьбы; но я бы первый презрѣлъ его, какъ подлеца и эгоиста, если бы онъ не палъ, не палъ ужасно. Перебирая въ умѣ всевозможныя несчастія: непризнанную любовь, лишеніе всего милаго въ жизни, ссылку, заточеніе, пытку, я еще въ иныя минуты вижу духъ мой наравнѣ или еще и выше этихъ несчастій; но пусть они всѣ обрушатся на мою голову, только избавь меня Боже отъ такого несчастія. Какъ! быть виною несчастія цѣлой жизни совершеннѣйшаго и прекраснѣйшаго Божьяго созданія; посулить ему рай на землѣ, осуществить его святѣйшія мечты о жизни и потомъ сказать: я обманулся въ моемъ чувствѣ, прощайте! Этого мало: не смѣть даже и этого сказать, но

играть роль лжеца, обманщика, увѣрять въ... Боже мой!.. Да ты пошлый человѣкъ, Мишель, если не понимаешь необходимости его паденія! Твое положеніе къ извѣстнымъ лицамъ есть счастіе, блаженство, въ сравненіи съ его положеніемъ къ нимъ, а твое положеніе все-таки ужасно, и уже одно то, что ты еще держишься, свидѣтельствуетъ о желѣзной силѣ твоего духа. Нѣтъ, Мишель, я лучше тебя понимаю этого человѣка: онъ не нашъ, и его нельзя мѣрить на нашу мѣрку. Я и теперь такъ же, какъ и прежде, объясняю странный феноменъ, который такъ непонятенъ. Этотъ человѣкъ любилъ истинно, и когда она узнаетъ все, и онъ послѣ этого оживетъ, то онъ снова будетъ любить ее, но уже никому не скажетъ объ этомъ. Всякое личное счастіе онъ почитаетъ похищеніемъ у его назначенія, на всякія человѣческія оковы онъ смотритъ, какъ на задержку въ своемъ ходѣ. Идеалъ его жизни—блаженство въ отреченіи отъ себя, блаженство въ страданіи. Онъ не сознаетъ, но чувствуетъ, что не принадлежитъ самому себѣ и не имѣетъ права располагать собою. Я знаю его давно, и никогда, самъ не знаю почему, никогда не могъ примириться съ мыслію о возможности для него того счастія, которое такъ свойственно, такъ естественно человѣку, и въ которомъ ему завидуютъ сами ангелы. Знаю, что онъ разсердился бы, еслибъ я это сказалъ ему въ глаза, но я увѣренъ, что понимаю его лучше, нежели онъ самъ себя. Мнѣ понятно, отчего онъ не можетъ примириться съ мыслію о безсмертіи, котораго впрочемъ жаждетъ душа его: въ безсмертіи онъ видитъ конецъ страданію, видитъ награду... И этого-то человѣка ты обвиняешь за паденіе, не зная того, что если ему суждено встать, то намъ надо будетъ смотрѣть на него, высоко поднявъ голову: иначе мы не разсмотримъ и не узнаемъ его. Теперь объ Иванѣ Петровичѣ: неужели и онъ записанъ въ твоемъ поминальникѣ, какъ усопшій? Неужели между павшимъ и возставшимъ уже нѣтъ связи? Нѣтъ, Мишель, есть: эта связь — скорбь, страданіе по погибающемъ. И какая разница между имъ и тобою: онъ ревматикъ, онъ разслабленный, а ты здоровъ и крѣпокъ — другой разницы нѣтъ между вами, кромѣ развѣ той, что у тебя есть воспоминаніе о прекрасныхъ дняхъ дѣтства и живая связь съ четырьмя созданіями, изъ которыхъ для тебя и одного было бы достаточно для вѣры въ жизнь и ея блаженство. Здѣсь я спять обращаюсь къ себѣ, чтобы сказать, что въ моемъ паденіи виноватъ я самъ, моя безпорядочная жизнь, и что, въ этомъ отно-

шеніи, между мною и Ключниковымъ большая разница. Этотъ человѣкъ всегда боленъ, теперь онъ слегъ отъ болѣзни—и уже не видитъ ничего подлѣ своей постели, не встрѣчаетъ ничьего взора, полнаго участія и состраданія. Что же послѣ этого дружба? Что же послѣ этого слова Апостола: Другъ другу тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ? Нѣтъ, Мишель, не упрекать, не презирать долженъ ты падшаго друга, а убѣдить его въ любви силою любви, своимъ примѣромъ. Ты тогда только свободенъ отъ прежнихъ узъ дружбы, когда бывшій твой другъ помирится съ жизнію и признаетъ мечтами свои прежнія идеи, и, смотря на человѣка, кипящаго избыткомъ высшей жизни, будетъ говорить подобно какому-нибудь Михайлу Дмитріеву или Николаю Павлову—«Я самъ то же думалъ, самъ тому же вѣрилъ, но теперь вижу, что обманывался». Вотъ уже послѣ этого паденія скажи ему—вѣчное прости. Но до тѣхъ поръ—ты еще связанъ. Ты намекаешь, или, лучше сказать, прямо говоришь, что оставишь насъ (т. е. меня и Николая!!!), если мы не встанемъ. Ахъ, Мишель, Мишель... Я увѣренъ, что тебѣ уже давно совѣстно этихъ словъ, и что ты желалъ бы воротить ихъ. Я хорошо знаю тебя; знаю, что въ минуту вдохновенія, ты въ состояніи прервать навсегда связь самую тѣсную, но при первомъ откровенномъ разговорѣ, при первомъ изъ тѣхъ разговоровъ, когда души разговаривающихъ настроиваются гармонически, ты снова другъ и братъ, снова прежній, добрый Мишель. Сколько разъ ты топталъ въ грязь Ефремова, произносилъ съ омерзѣніемъ самое имя его, и сколько разъ послѣ того ты снова дѣлался къ нему снисходителенъ, т. е. снова любилъ его? Это оттого, что твое самочувствіе истины, въ этомъ отношеніи, вѣрнѣе ея сознанія. Добро всегда добро, блеститъ ли оно, какъ солнце или какъ ночной червякъ—разница въ объемѣ, но основа одна и та же. И этого-то добра ты никогда не можешь не уважить даже и въ Ефремовѣ, въ которомъ оно высказывается такъ слабо, какъ блескъ ночного червяка. Всякому есть свое назначеніе, дальше котораго онъ не можетъ итти; итакъ, заслуга не въ томъ, чтобъ быть больше себя, но въ томъ, чтобъ не быть ниже себя. Ефремовъ—дитя, ребенокъ, и у него абсолютной жизни нѣтъ даже и въ представленіи. Онъ созданъ тепленькимъ, добрымъ, благороднымъ человѣкомъ, съ умомъ практическимъ, съ способностями не ограниченными, но и не обширными. Пусть же онъ, наконецъ, насладится своею жизнію, пусть трудомъ полезнымъ и пріят-

нымъ уничтожитъ свою пустоту, а нѣсколькими или и многими (чѣмъ больше, тѣмъ лучше) полезными для общества трудами пріобрѣтетъ уваженіе и довѣренность къ самому себѣ—и довольно; тогда нельзя будетъ не любить его. И онъ уже успѣваетъ въ этомъ: онъ менѣе предается апатіи, и если не можетъ избавиться отъ нея, то ищетъ спасенія уже не въ ругательствахъ на жизнь и самого себя (какъ прежде), а въ трудѣ—и находитъ. Онъ надѣлалъ бездну глупостей, пошлостей, вслѣдствіе своей пустоты и ложныхъ понятій о средствахъ наполнить ее; онъ притворялся, комедіантствовалъ, обманывалъ другихъ и еще болѣе себя самого; наконецъ эта роль стала для него тяжела, онъ убѣдился въ ея пошлости и безплодности, рѣшился все прервать однимъ разомъ и навсегда: что-жъ тутъ худого находишь ты? Не понимаю. Человѣкъ дѣлаетъ глупости—его презираютъ; онъ оставляетъ ихъ, дѣлая надъ собою большое усиліе — его опять презираютъ. Живя съ нимъ такъ долго, можно сказать, въ одной комнатѣ, я узналъ его совершенно. Отношенія наши иногда становились довольно тяжелы, особенно когда истощились шутки и воспоминанія о знакомыхъ, и когда душа требовала перехода къ бесѣдѣ о предметахъ высшихъ; но никогда его видъ, его присутствіе не убивали, не мучили моей души. А я на этотъ счетъ очень чувствителенъ: для меня дышать однимъ воздухомъ съ пошлякомъ и бездушникомъ все равно, что лежать съ связанными руками и ногами. И теперь, неужели я долженъ оставить этого человѣка, которому моя пріязнь служитъ послѣднею опорою и поддерживаетъ въ благородныхъ рѣшеніяхъ? А между тѣмъ, онъ самъ видитъ, что между нами есть какая-то разница, потому что я никогда не говорю съ нимъ о томъ, о чемъ говорилъ каждый день съ тобою, живя въ Прямухинѣ 4 мѣсяца. Съ меня довольно и того, что мнѣ не тяжко въ его присутствіи ни думать, ни говорить ни о чемъ человѣческомъ, а и это есть признакъ достоинства. Кромѣ того, я могу всегда сообщить ему всякое мое человѣческое горе и человѣческую радость и увидѣть въ немъ человѣческое участіе; люблю его еще и за то, что онъ очень деликатенъ, и деликатенъ не по приличію, а по чувству. Желаю отъ всеи души, чтобы на бѣломъ свѣтѣ было побольше такихъ людей: право, тогда на людей можно бы было смотрѣть поласковѣе и повеселѣе. И до тѣхъ поръ, пока Ефремовъ не заслужитъ въ обществѣ титла солиднаго и почтеннаго человѣка, до тѣхъ поръ я не буду ему чужой, хотя бы онъ и по

прежнему оставался боленъ душой. Конечно, я не признаю долга, и если, напримѣръ, ты не можешь сносить вида малонадежныхъ или даже и безнадежныхъ больныхъ,—ты правъ, оставивъ ихъ. По крайней мѣрѣ, что касается до меня — повѣрь, что я не въ состояніи поддерживать ложныхъ отношеній внѣшней дружбы, и что самолюбіе во мнѣ есть такое чувство, которое переживетъ самую жизнь мою.

Еще разъ, Мишель,—ты не хорошо понимаешь себя; если же я ошибаюсь въ этомъ—то, признаюсь, ты совершенно правъ, что я палъ совсѣмъ; скажу болѣе: въ такомъ случаѣ у меня уже не осталось ни ума, ни чувства... Какъ бы то ни было, но я писалъ къ тебѣ эти строки безъ малѣйшаго чувства неудовольствія, какое возбуждается самолюбіемъ, писалъ ихъ отъ полноты души, не придумывая доводовъ, не гоняясь за выраженіями. Слова толпятся, и я затрудняюсь только излишествомъ ихъ.

Теперь докажу тебѣ, что ты не понимаешь меня, или, по крайней мѣрѣ, не понялъ моего письма, которое совсѣмъ понапрасну возбудило въ тебѣ такое негодованіе. Я готовъ его напечатать и защищать публично, съ каѳедры; я не отступлюсь ни отъ одного въ немъ слова, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе убѣждаюсь, что минута, въ которую родилась во мнѣ идея, выраженная въ немъ, была началомъ возстанія, а не паденія. Неужели ты могъ подумать, что я, безсильный вырваться изъ моего ничтожества, хочу прибѣгнуть подъ защиту честности, аккуратности, пуританизма и здраваго смысла? Какъ же ты мало и худо меня знаешь! Я презираю и ненавижу добродѣтель безъ любви, я скорѣе рѣшусь стремглавъ броситься въ бездну порока и разврата, съ ножомъ въ рукахъ на большихъ дорогахъ добывать свой насущный кусокъ хлѣба, нежели, затоптавъ свое чувство и разумъ ногами въ грязь, быть добрымъ квакеромъ, пошлымъ резонеромъ, пуританиномъ, раскольникомъ, добрымъ по расчету, честнымъ по эгоизму, не воровать у другихъ, чтобъ другимъ не дать права воровать у себя, не рѣзать ближняго, чтобъ ближній не зарѣзалъ меня. Ты знаешь, что въ моихъ глазахъ женщина, принадлежавшая многимъ по побужденію чувственности, есть женщина развратная, ... но гораздо менѣе развратная, ... нежели женщина, которая одному отдала себя на всю жизнь, по расчету или по чувству долга, или женщина, которая, любивъ одного, вышла за другого изъ уваженія къ родительской волѣ и общественному

мнѣнію, боролась съ своимъ чувствомъ, какъ съ преступленіемъ, и, побѣдивъ его, ... убила въ себѣ всѣ человѣческія искры и потомъ воспитала свою дочь на здравомъ смыслѣ и понятіи о долгѣ, а послѣ сосводничала ей хорошую партію. Живя въ Пятигорскѣ, я перечелъ множество романовъ и между ними нѣсколько Куперовыхъ, изъ которыхъ вполнѣ понялъ стихіи сѣверо-американскихъ обществъ: моя застоявшаяся, сгустившаяся отъ тины и паутины, но еще не охладѣвшая, кровь кипѣла отъ негодованія на это гнусно-добродѣтельное и честное общество торгашей, новыхъ жидовъ, отвергшихся отъ Евангелія и признавшихъ старый Завѣтъ. Нѣтъ, лучше Турція, нежели Америка; нѣтъ—лучше быть падшимъ ангеломъ, т. е. дьяволомъ, нежели невинною, безгрѣшною, но холодною и слизистою лягушкою! Лучше вѣчно валяться въ грязи и болотѣ, нежели опрятно одѣться, причесаться и думать, что въ этомъ-то состоитъ все совершенство человѣческое. Нѣтъ, Мишель, ты не понялъ меня; совсѣмъ не о томъ я говорилъ тебѣ. Слушай—благодать Божія не дается намъ свыше, но лежитъ, какъ зародышъ, въ насъ самихъ; но не въ нашей волѣ вызывать ея дѣйствіе, и, въ этомъ отношеніи, она намъ дается. Человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать для своего совершенства, дѣйствуя своею волею положительно, но много можетъ для него сдѣлать, дѣйствуя ею отрицательно. Я не могу возбудить въ себѣ чувства, когда оно замерло во мнѣ, не могу наполнить блаженствомъ мою душу, убитую и истощенную порокомъ, словомъ, я не могу взять себѣ добродѣтель, но могу бросить порокъ. Тогда во мнѣ не останется ничего, потому что не быть порочнымъ еще не значитъ быть добродѣтельнымъ, я буду пустъ совершенно. Но для человѣка съ потребностію жизни нельзя долго оставаться въ состояніи пустоты: сильнѣйшее начало его натуры скоро должно взять верхъ, если только онъ не вздумаетъ удовольствоваться отрицательнымъ совершенствомъ; но такъ какъ для послѣдняго случая надо родиться подлецомъ, пошлякомъ, квакеромъ, сектантомъ, и не имѣть никакого зародыша человѣческой жизни, то, повторяю, добро должно въ немъ восторжествовать. Противъ этого нельзя спорить.

Теперь изслѣдуемъ основательнѣе и глубже причины моего ничтожества при обильномъ началѣ души. Въ то время, какъ я получилъ твое письмо, я оканчивалъ письмо къ Станкевичу, въ которомъ обвинялъ себя въ такихъ грѣхахъ, что лучше бы не

родиться на свѣтъ, какъ говоритъ Гамлетъ. Во мнѣ два главныхъ недостатка: самолюбіе и чувственность. Остановимся на первомъ, потому что второй совершенно ничтоженъ, какъ покажутъ тебѣ результаты моихъ доводовъ. Ты знаешь, что я имѣю похвальную привычку краснѣть безъ всякой причины, какъ думаютъ всѣ, но въ самомъ-то дѣлѣ очень не безъ причины. Эта похвальная привычка составляетъ несчастіе моей жизни, и если бы ты могъ хотя нѣсколько догадаться, какъ дорого она мнѣ обходится, то, вѣрно, никогда бы не захотѣлъ воспользоваться ею для своей потѣхи, во всякомъ случаѣ, очень пошлой и недостойной порядочнаго человѣка. Самолюбіе—вотъ причина этого явленія. Конечно, здѣсь принимаетъ большое участіе какая-то природная робость характера и еще одно обстоятельство въ моемъ воспитаніи, о чемъ теперь мнѣ некогда распространяться, но главная причина все-таки самолюбіе. Я краснѣю оттого, что мнѣ не отдали должной справедливости, слѣдовательно, отъ оскорбленнаго самолюбія; я краснѣю оттого, что мнѣ отдали справедливость, слѣдовательно, отъ удовлетвореннаго самолюбія; къ чести своей скажу, что еще чаще краснѣю я вслѣдствіе сознанія своего недостоинства, отъ того вниманія, которое оказываютъ мнѣ хорошіе люди, знающіе меня издалека. Я понимаю самое малѣйшее движеніе моего самолюбія—и все-таки не могу убить въ себѣ этого пошлаго чувства. Оно овладѣло мною совершенно, сдѣлало меня своимъ рабомъ. Я никогда не забуду, какъ ты въ первый разъ засталъ меня у Бееровъ за фортепьяно: что мнѣ должно было дѣлать? смѣяться вмѣстѣ съ тобою надъ моею неспособностію, своимъ неумѣніемъ? кажется, что на моемъ мѣстѣ всякій поступилъ бы такъ; но я вспыхнулъ, вспотѣлъ, почти задрожалъ, какъ виртуозъ, который даетъ первый концертъ свой собранію строгихъ знатоковъ. Я не написалъ ни одной статьи съ полнымъ самозабвеніемъ въ своей идеѣ: безсознательное предчувствіе неуспѣха и еще болѣе того успѣха всегда волновало мою кровь, усиливало и напрягало мои умственныя силы, какъ пріемъ опіуму. И между тѣмъ, я унизился бы до самаго пошлаго смиренія, оклеветалъ бы себя самымъ фарисейскимъ образомъ, если бы сталъ отрицать въ себѣ живое и плодотворное зерно любви къ истинѣ; всѣ мои статьи были плодомъ этой любви, только самолюбіе всегда тутъ вмѣшивалось и играло бо́льшую или меньшую роль. Даже въ дружескомъ кругу, разсуждая о чемъ-нибудь, я вдругъ краснѣлъ оттого, что нехорошо выра-

зилъ мою мысль, или, что̀ бывало всего чаще, неловко сострилъ, или отъ противной причины, т.-е. отъ успѣха въ томъ и другомъ (Боже мой, какая мелочность!), но какъ скоро дѣло касается до моихъ задушевныхъ убѣжденій, я тотчасъ забываю себя, выхожу изъ себя, и тутъ давай мнѣ каѳедру и толпу народа: я ощущу въ себѣ присутствіе Божіе, мое маленькое я исчезнетъ, и слова, полныя жара и силы, рѣкою польются съ языка моего. Даже и теперь, какъ и всегда, я выхожу, просыпаюсь отъ самой тяжелой апатіи, какъ скоро слышу, что искажаютъ истину, ложно толкуя назначеніе человѣка, долгъ, чувство, разумъ. Итакъ, во мнѣ есть зародышъ жизни. Я понялъ и усвоилъ себѣ многія высокія истины: значитъ, истина въ представленіи дана мнѣ природою. Отчего же все это безплодно? По законамъ разума, зародышъ долженъ или развиваться и развиться, или сгнить и погибнуть. Со мною нѣтъ ни того, ни другого. Неужели мнѣ мѣшаетъ чувственность? Пустяки—я давно созналъ ея гадость, а сознаніе недостатка убиваетъ недостатокъ. Да и можетъ ли быть, чтобы человѣкъ, который такъ вѣрно понимаетъ назначеніе женщины, какъ я, который питаетъ ко всякой достойной женщинѣ такое святое, такое робкое чувство благоговѣнія; душа котораго такъ жаждетъ любви чистой и высокой и, можетъ быть, уже не разъ трепетала и замирала отъ предчувствія этого блаженства, можетъ ли быть, чтобы такой человѣкъ не имѣлъ силы побѣдить низкія, чувственныя побужденія и возгнушаться ими? Что же, спрашиваю я тебя, что же причиною безплодности моихъ порывовъ, моего душевнаго жару и моихъ прекрасныхъ даровъ, въ которыхъ не отказала мнѣ природа? — Вотъ вопросъ, который я окончательно рѣшилъ во время моего пребыванія на Кавказѣ. Внѣшняя жизнь или, лучше сказать, дисгармонія внѣшней жизни съ внутреннею. Какая причина этой дисгармоніи? Безпорядокъ жизни и гривенники, которыми ты такъ презираешь, что не велишь даже писать тебѣ о нихъ, чтобы не разрушить твоего блаженства. Бѣдный Мишель, какъ не твердо, какъ не прочно твое блаженство! Но я оставляю тебя въ сторонѣ, и буду говорить только о себѣ. Съ моей стороны подло не оправдаться передъ тобою, а съ твоей подло не выслушать меня. Но я долженъ говорить и о тебѣ, можетъ быть, слишкомъ непріятныя для тебя вещи; но чтожъ дѣлать?—это необходимо для моего оправданія. Ты въ долгахъ по уши; надежныхъ средствъ къ жизни у тебя нѣтъ никакихъ; ты взялся для графа переводить книгу,

книгу, назначаемую для учебныхъ заведеній, слѣдовательно, требующую труда честнаго, добросовѣстнаго, отчетливаго, труда собственнаго, безъ всякаго вмѣшательства и помощи со стороны другихъ, словомъ, труда съ любовію. А ты, какъ ты поступилъ съ нимъ? Ты зналъ, что такого рода труды не твое дѣло — и взялся за нихъ. Взялся же ты изъ расчета, хотя и очень благороднаго. Потомъ ты роздалъ эту книгу своимъ друзьямъ, сестрамъ, братьямъ, изъ чего долженъ былъ выйти переводъ самый разнохарактерный и потому самый безхарактерный: благородно ли это? Не значитъ ли это подражать Погодину и подобнымъ ему спекулянтамъ? Если графъ подлецъ, это не даетъ тебѣ права быть подлецомъ; притомъ же, хорошее ли дѣло подавать о себѣ дурное мнѣніе человѣку сильному, могущему сдѣлать тебѣ много зла, помѣшать твоему благородному пути и сверхъ того человѣку, и такъ уже предубѣжденному противъ тебя? Ты ничего не дѣлалъ съ Шмитомъ, а между тѣмъ онъ тебя безпокоилъ, мучилъ, отнималъ у тебя время, ввергалъ тебя въ апатію, тревожилъ твою совѣсть. Наконецъ, графъ призываетъ тебя къ себѣ и требуетъ рѣшительнаго отвѣта насчетъ перевода: ты просишь у него отсрочки и получаешь. Тотчасъ отдаешь Шмита Боткину и Каткову и, говоря, что ты въ нихъ нисколько не сомнѣваешься, ѣдешь съ Лангеромъ и Полемъ въ Прямухино, гдѣ и остаешься. Кстати: уѣзжая въ Прямухино вслѣдствіе самой святой потребности своей души (какъ то особенно было предъ Пасхою), ты бросаешься то къ тому, то къ другому, чтобы достать нужную для поѣздки сумму; пріѣзжаешь оттуда также на заемъ, и эти займы растутъ, растутъ, растутъ... Теперь, Мишель, я прошу тебя быть добросовѣстнымъ (твое письмо ко мнѣ сдѣлало необходимою эту просьбу): неужели все это не имѣетъ никакого дурного вліянія на твой духъ и не мѣшаетъ нисколько твоей внутренней жизни? Если нѣтъ, то ты слишкомъ высокъ для меня, и я не въ состояніи понять тебя; если да, то ты напрасно увидѣлъ признаки конечнаго паденія въ моемъ письмѣ объ аккуратности и гривенникахъ. Ты пишешь ко мнѣ, что ужъ болѣе не тратишь по пяти и болѣе рублей въ день для переѣздовъ, на которые достаточно трехъ гривенниковъ, что ты уже не лакомишься у Печкина вареньями и сладенькими водицами: вѣрно—въ Прямухинѣ нѣтъ ни извощиковъ, ни Печкина. Ты не хочешь и слышать о гривенникахъ, но хочешь имѣть ихъ—это безсмысленно. Ты говоришь объ одной внутренней жизни — а

самъ платишь значительную дань внѣшней: это не логически. Ты не надѣнешь сюртука съ разорванными локтями, ты не одѣнешься такъ, чтобы какой-нибудь квартальный могъ принять тебя за простолюдина и дать тебѣ толчекъ или оплеуху. Не только квартальному, ты дорого заплатишь за пощечину генералу. Ты не скажешь ему съ кротостью, какъ Христосъ воину, ударившему Его по щекѣ: «Если я сдѣлалъ худо—скажи мнѣ это, если хорошее—то за что же ты меня бьешь?» О нѣтъ, за такую обиду ты потребуешь крови своего обидчика, его предсмертныхъ содроганій, его предсмертныхъ стоновъ; чтобы отмстить ему, ты поставишь на лотерею рѣзни свою жизнь, свою будущность, свое человѣческое назначеніе. И за что же все это?—за пощечину, которая безчеститъ не тебя, но обидчика. Видишь ли, какъ еще мало въ тебѣ любви, какъ еще велика зависимость твоя отъ внѣшней жизни и отъ гривенниковъ, которыми ты столько презираешь. Но довольно о тебѣ—обращаюсь къ себѣ. Я не только потонулъ въ долгахъ — я живу на чужой счетъ, вспоможеніями друзей, подаяніями людей, презираемыхъ мною, благодѣяніями кухарки. Какой-нибудь Н. Ф. Павловъ кричитъ во всеуслышаніе, что я не имѣю права хулить его литературныхъ заслугъ, ибо-де онъ одолжилъ меня деньгами. Какой-нибудь Селивановскій можетъ, если захочетъ, заставить меня и покраснѣть и поблѣднѣть однимъ намекомъ объ извѣстныхъ ему и мнѣ 250 рубляхъ. Я взялъ къ себѣ брата, котораго отъ души люблю, который много обѣщаетъ въ будущемъ, чтобы передать ему все, что̀ есть во мнѣ хорошаго, и предохранить его отъ всего, что̀ есть во мнѣ дурного, чтобы развить въ немъ его прекрасные элементы, словомъ, чтобы создать человѣка по духу и истинѣ. Чтобы ему было не скучно, чтобы онъ съ юныхъ лѣтъ имѣлъ друга, я взялъ къ себѣ племянника, котораго, впрочемъ, люблю для самого него и для котораго хотѣлъ сдѣлать по возможности все то же, что и для брата. А сдѣлать все это я могъ не иначе, какъ любовію, какъ пріобрѣтя ихъ довѣренность, сдружившись съ ними, занимаясь съ ними и наукою и бесѣдами. И что же? Я не успѣлъ ни въ чемъ. Видя ихъ дурно накормленными, еще хуже одѣтыми, мучимый моими нуждами, сознаніемъ своего паденія, я одичалъ въ семействѣ и, вмѣсто дружбы и откровенности, возбудилъ въ нихъ къ себѣ что-то въ родѣ боязливаго уваженія. Вмѣсто того, чтобы съ любовію и кротостію исправлять недостатки брата, происходящіе отъ его пылкаго характера

и дурного воспитанія, въ которомъ онъ нисколько не виноватъ, я ругалъ его, какъ пьяный сапожникъ; доводимый до ожесточенія моими неудачами, не зная языковъ, недалекій въ наукѣ, я не могъ и такъ много сдѣлать для нихъ; но занятый то своими безплодными дѣлами, то бѣдственностію своего положенія, я жилъ бо́льшею частію внѣ своего дома, и, приходя домой, запирался въ кабинетѣ, и, бѣдные, они даже не ждали меня и за столомъ, потому что я обѣдалъ особенно. Учителей дать имъ я былъ не въ состояніи. Племянника я только отвратилъ безполезно отъ бѣднаго, но вѣрнаго пути, который ему былъ назначенъ родными его. И что всему этому причиною? Неаккуратность, безпорядокъ жизни, неосновательныя надежды на будущее. И вотъ я бросился въ развратъ и искалъ въ немъ забвенія, какъ пьяница ищетъ его въ винѣ—и вотъ причина моей чувственности—опять та же безпорядочная жизнь, та же неаккуратность, то же презрѣніе не только къ гривенникамъ, но къ ассигнаціямъ и золоту. И между тѣмъ, я всегда могъ бы жить безбѣдно, если не богато, и тѣмъ избавиться отъ лютыхъ душевныхъ мукъ и бездны паденія. Великій Боже, до чего я дошелъ! Грамматика, моя послѣдняя и твердая надежда—рухнула. Тотчасъ по пріѣздѣ я долженъ буду заплатить за квартиру и въ лавочку не менѣе шестисотъ рублей, экипировать брата и племянника, которые обносились, и сверхъ того имѣть деньги для дальнѣйшаго физическаго существованія. Гдѣ я ихъ возьму? Всѣ источники прекратились, просить болѣе нѣтъ силъ. Да я и такъ уже сдѣлался попрошайкою—больше быть ею не могу—лучше смерть, лучше отчаяніе, ожесточеніе, ненависть къ себѣ, къ людямъ, къ добру, чѣмъ такая жизнь! Что остается дѣлать въ такомъ положеніи? Надѣяться. Но какое право имѣю надѣяться я, котораго бѣдность есть заслуженное несчастіе? И притомъ, какъ можно надѣяться послѣ такихъ опытовъ? Если бы еще (послѣдняя надежда!) къ моему пріѣзду тронулась грамматика, если бы я кое-какъ уладилъ мои внѣшнія дѣла—что̀ я долженъ дѣлать? Вотъ что: уничтожить причину зла, а все мое зло въ неаккуратности, въ безпорядкѣ жизни, въ презрѣнныхъ гривенникахъ. Какому любимому занятію могу я посвятить себя? Чѣмъ долженъ я заниматься? Искусствомъ?—но для этого нужно знаніе нѣмецкаго и англійскаго языка. Философіею?—но для этого нужно знать по нѣмецки. Исторіею?—опять то же. Итакъ, мнѣ надо думать не о томъ, чтобы наслаждаться внутреннею жизнію, жизнію

духа, идеи, а чтобы приготовить себя, чтобы сдѣлать для себя возможнымъ это наслажденіе. Итакъ, принимаюсь за языки, принимаюсь съ жаромъ, со всею силою воли. Занятіе скучное, прозаическое. Тутъ порядокъ въ занятіи и аккуратность не помѣшаютъ дѣлу, но еще помогутъ. Да и когда я буду знать по-нѣмецки и англійски, когда буду заниматься искусствомъ, философіею и исторіею, неужели моимъ занятіямъ помѣшаетъ то, что мои расходы будутъ уравнены съ приходами, что я уплачу мои старые долги, и не только не буду имѣть нужды дѣлать новыхъ, но еще приду въ состояніе одолжить другихъ; что вмѣсто того, чтобы тратиться на извощиковъ и лѣностію поддерживать свой геморрой, буду ходить пѣшкомъ; что, сообразно съ расположеніемъ моего духа, которое правильно измѣняется въ каждую часть дня, расположу и мои занятія, опредѣливъ на каждое изъ нихъ свое время; что буду ложиться въ 10 часовъ, а вставать въ 5; что откажусь отъ поздней, хотя и пріятной бесѣды въ кругу друзей, для того, чтобы поутру встать съ свѣжей головой, способной къ труду; что удержу въ себѣ порывъ къ высшему наслажденію, когда удовлетвореніе его заставитъ меня не устоять въ словѣ, не докончить важнаго дѣла? Конечно, тотъ скотина, кто бы назначалъ себѣ опредѣленный часъ для наслажденія искусствомъ, кто бы, чувствуя сильную потребность перечесть Гамлета или Фауста, задавилъ въ себѣ это стремленіе для занятія какими-нибудь склоненіями, которымъ отдано это время; тотъ скотина, кто бы, настроившись гармонически возвышенною бесѣдою съ другомъ, не пожертвовалъ этой бесѣдѣ часомъ—двумя, чтобы докончить двѣ страницы какого-нибудь перевода. Я никогда не думалъ сдѣлать изъ себя машины. Я смотрю на порядокъ, какъ на средство, а не какъ на цѣль. Да и не этотъ ли порядокъ, въ бо̀льшей или меньшей степени, существуетъ у васъ въ Прямухинѣ? Сколько я замѣтилъ, по утрамъ твои сестры занимаются преимущественно рукодѣльемъ, послѣ обѣда чтеніемъ. Что этотъ порядокъ не можетъ иногда, и даже часто, не измѣняться—объ этомъ нѣту спору. Итакъ, за что же ты на меня напалъ съ такимъ жаромъ, такимъ негодованіемъ? Гдѣ же признаки конечнаго паденія? Если ты и въ этомъ со мною не согласишься,—то, признаюсь, мы больше не понимаемъ другъ друга, и кто-нибудь изъ насъ точно палъ глубоко и безвозвратно.

Кстати о Прямухинѣ. Ты говоришь, что однажды тебѣ удалось пробудить меня отъ моего постыднаго усыпленія и указать

мнѣ на новый для меня міръ идеи: правда, я этого никогда не забуду—ты много, много сдѣлалъ для меня. Но не новыми утѣшительными идеями, а тѣмъ, что вызвалъ меня въ Прямухино—воскресилъ ты меня. Душа моя смягчилась, ея ожесточеніе миновало, и она сдѣлалась способною къ воспріятію благихъ впечатлѣній, благихъ истинъ. Прямухинская гармонія не помогла тебѣ въ моемъ пробужденіи, но была его главною причиною. Я ощутилъ себя въ новой сферѣ, увидѣлъ себя въ новомъ мірѣ; окрестъ меня все дышало гармоніей и блаженствомъ, и эта гармонія и блаженство частію проникли и въ мою душу. Я увидѣлъ осуществленіе моихъ понятій о женщинѣ; опытъ утвердилъ мою вѣру. Но, другъ мой, не смотря на все это, я уѣхалъ изъ Прямухина далеко не тѣмъ, чѣмъ почиталъ тогда себя: я былъ только взволнованъ, но еще не перерожденъ; благодать Божія стала только доступна мнѣ, но еще не сдѣлалась полнымъ моимъ достояніемъ. И потому мое пребываніе въ Прямухинѣ, не будучи совершенно безплоднымъ, все-таки не принесло тѣхъ плодовъ, которые я думалъ, что оно уже принесло. И этому опять та же причина: разстройство внѣшней жизни. Я хотѣлъ въ Прямухинѣ успокоиться, забыться—и до нѣкоторой степени успѣлъ въ этомъ; но грозный призракъ внѣшней жизни отравлялъ мои лучшія минуты. Я не хотѣлъ думать о будущемъ; отъѣздъ мой представлялся мнѣ въ какомъ-то туманѣ, какъ будто бы въ Прямухинѣ я долженъ былъ провести всю жизнь мою. Всѣ житейскія попеченія, всѣ тревоги внѣшней жизни я старался давить въ моей душѣ, и хотя, повидимому, успѣвалъ въ этомъ, но мое спокойствіе было обманчиво; въ душѣ моей была страшная борьба. Во-первыхъ, мысль о братѣ и племянникѣ, о томъ, что я для нихъ ничего не сдѣлалъ, что въ то время, когда я живу такою прекрасною жизнію, они оставлены безъ призора и борятся съ нуждою; потомъ мысль о томъ, что ожидаетъ меня по возвращеніи въ Москву, гдѣ всѣ мои способы были уже истощены, и гдѣ якоремъ спасенія оставался одинъ «Телескопъ», и тотъ ненадежный. Во-вторыхъ, мои недостатки нравственные терзали меня: сравнивая свои мгновенные порывы восторга съ этою жизнію, ровною, гармоническою, безъ пробѣловъ, безъ пустотъ, безъ паденія и возстанія, съ этимъ прогрессивнымъ ходомъ впередъ къ безконечному совершенству—я ужаснулся своего ничтожества. Иногда было истиннымъ бальзамомъ больной душѣ моей то уваженіе, которое доставляли мнѣ мои мгновенные, но энергическіе порывы въ любви

къ истинѣ, эти мои рѣдкія, но сильныя вспышки чувства; но иногда я видѣлъ во всемъ этомъ слишкомъ большое участіе самолюбія, видѣлъ во всемъ этомъ какую-то одежду блестящую, но безъ подкладки, какое-то зданіе великолѣпное, но безъ фундамента, какое-то дерево вѣтвистое и пышное, но безъ корня— и я становился гадокъ самому себѣ. Не видя твоихъ сестеръ, я чувствовалъ внутри себя пожирающую лихорадку и думалъ, что ихъ присутствіе успокоитъ мою душу; но когда сходилъ внизъ и снова видѣлъ ихъ, то снова увѣрялся, что видъ ангеловъ возбуждаетъ въ чертяхъ только сознаніе ихъ паденія. И такимъ образомъ случались цѣлые дни, когда я перебѣгалъ сверху внизъ и снизу вверхъ, искалъ общества и, находя его, бѣгалъ отъ него. И вотъ причина тѣхъ порывовъ отчаянія, съ которыми я бросался на кровать, что̀ тебѣ такъ не нравилось, на что̀ ты жаловался Ефремову и даже говорилъ мнѣ самому. Конечно, это были дни, но нерѣдкіе, хотя и смѣняемые прекрасными днями. Полною жизнію я жилъ только въ тѣ минуты, когда увлекался сильнымъ жаромъ въ спорахъ и, забывая себя, видѣлъ одну истину, которая меня занимала; еще тогда, когда всѣ собирались въ гостиной, толпились около рояля и пѣли хоромъ. Въ этихъ хорахъ я думалъ слышать гимнъ восторга и блаженства усовершенствованнаго человѣчества, и душа моя замирала, можно сказать, въ мукахъ блаженства, потому что въ моемъ блаженствѣ, отъ непривычки ли къ нему, отъ недостатка ли гармоніи въ душѣ, было что-то тяжкое, невыносимое, такъ что я боялся моими дикими движеніями обратить на себя общее вниманіе, и потому не могъ долго стоять или сидѣть на одномъ мѣстѣ. Еще были для меня минуты блаженства, уже вполнѣ чистаго и гармоническаго, когда, забывая вполнѣ самого себя, оставляя всѣ сравненія съ собою, я созерцалъ и постигалъ въ умиленіи все совершенство этихъ чистыхъ, высокихъ созданій; да, въ эти минуты, очень нерѣдкія, я былъ вполнѣ блаженъ тѣмъ, что вѣрилъ въ существованіе на землѣ безконечно прекраснаго и высокаго, потому что видѣлъ своими глазами, видѣлъ передъ собою то, что̀ доселѣ почиталъ мечтою, что̀ давно почиталъ долженствовавшимъ существовать, но къ чему доселѣ не имѣлъ живой и сильной вѣры. Жизнь идеальная и жизнь дѣйствительная всегда двоились въ моихъ понятіяхъ: прямухинская гармонія и знакомство съ идеями Фихте, благодаря тебѣ, въ первый разъ убѣдили меня, что

идеальная-то жизнь есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота. И я узналъ о существованіи этой конкретной жизни для того, чтобы узнать свое безсиліе усвоить ее себѣ; я узналъ рай, для того, чтобы удостовѣриться, что только приближеніе къ его воротамъ, не наслажденіе, но только предощущеніе его гармоніи и его ароматовъ—есть естественно-возможная моя жизнь. Но самыя лютыя мои минуты были, когда ты читалъ съ ними по-нѣмецки: тутъ уже не лихорадку, но цѣлый адъ ощущалъ я въ себѣ, особенно, когда ты имѣлъ армейскую неделикатность еще подтрунивать надо мною при всѣхъ, ни мало не догадываясь о состояніи моей души. Какая-то подлая злоба на всѣхъ и даже на невинный нѣмецкій языкъ давала мнѣ знать о моемъ глубокомъ униженіи, глубокомъ паденіи. И вслѣдъ за этимъ, я иногда долженъ былъ шутить или говорить о любви, которой во мнѣ не было, о блаженствѣ жизни, когда въ душѣ моей былъ одинъ холодъ, досада, ненависть къ жизни, презрѣніе къ себѣ... Я принялся было за нѣмецкій языкъ, и не успѣлъ, потому что, какъ и во всемъ, хотѣлъ усовершенствовать себя не для себя, а какъ будто для выставки къ извѣстному дню. Гнилое зерно не принесло плода. И вотъ въ какомъ состояніи борьбы и гармоніи, отчаянія и блаженства былъ я въ Прямухинѣ. Я видѣлъ, что ты обманывался на мой счетъ, что ты предполагалъ во мнѣ больше, нежели во мнѣ было, и не могъ, не имѣлъ силы открыться тебѣ. Твои неделикатные шутки и намеки довершали мое мученіе: я очень хорошо понималъ, на что ты намекаешь, и то, что́ бы должно было заставить меня гордиться собою, то унижало меня, какъ человѣка, который бы вздумалъ надѣть на себя царскую порфиру, тогда какъ настоящее и достойное его одѣяніе было — одинъ развѣ рогожечный куль. Вотъ причина, отчего и по пріѣздѣ въ Москву я такъ смущался, когда слышалъ извѣстное имъ: чувство моего недостоинства было слишкомъ глубоко во мнѣ, и мнѣ казалось, что смѣхъ и презрѣніе всѣхъ и каждаго ожидали меня за мою дерзость. Бееры безпрестанно шутили надо мною; увлекаемый невольнымъ очарованіемъ ихъ аллегорій и иносказаній, я не могъ не забываться, не могъ не болтать съ ними, это дѣлало меня счастливымъ; но послѣ мнѣ всегда становилось гадко. Я безпрестанно былъ у Бееровъ: видѣть женщинъ, быть въ ихъ кругу, сдѣлалось моею потребностію, сдѣлалось моею настоящею

жизнію. Во мнѣ никогда не было глубокаго, сильнаго чувства, но всегда было что-то, и даже теперь я не могу сказать, чтобы во мнѣ не было ничего. Часто я хотѣлъ увѣриться, что это—призракъ, обманъ, потому что не было прогресса въ развитіи чувства, не было блаженства въ его сознаніи, даже не было полной увѣренности въ его существованіи; но именно въ то-то время я и ощущалъ что-то въ себѣ, когда увѣрялся, что во мнѣ ничего не было. Притомъ же многіе факты были слишкомъ положительны: я отдалился отъ Ивана Петровича, мнѣ было тяжело и безсмысленно все, что̀ было чуждо Прямухина. Среди друзей, я былъ одинъ и искалъ уединенія; заговорить со мною—значило мучить меня, душить, давить. Грудь моя была больна какою-то отрадною болѣзнію, которая лучше всякаго здоровья. Наконецъ, я рѣшился ѣхать въ Петербургъ: это было лучшее время моей жизни. Я ощутилъ въ себѣ тройную силу, и возымѣлъ какую-то благородную рѣшимость похоронить въ сердцѣ всѣ надежды, жить жизнію страданія, оторваться отъ друзей, отъ всего, что мило, и строгою жизнію, тяжкимъ трудомъ, выкупить прошедшія заблужденія и помириться съ жизнію. Надежда получить отъ Плюшара впередъ сумму, достаточную для уплаты важнѣйшихъ долговъ, и удовлетворить необходимѣйшимъ нуждамъ избавила меня отъ всѣхъ безпокойствъ насчетъ внѣшней жизни. Я сталъ свободенъ, гордъ, несчастенъ,—и въ первый разъ узналъ счастіе, потому что моя рѣшимость родила во мнѣ довѣренность и уваженіе къ самому себѣ. Словомъ, я страдалъ,—но былъ счастливъ. Но вскорѣ увидѣлъ, что отъ меня требуютъ невозможнаго, и что, поэтому, поѣздка должна не состояться. Тутъ я упалъ совершенно—и лежу до сихъ поръ въ грязи. По пріѣздѣ изъ Прямухина, я взялъ 600 р. у Боткина; ихъ мнѣ стало не надолго, и меня поддерживала только надежда на Николая: тебѣ извѣстно, какъ сбылась эта надежда. Я увидѣлъ себя на краю бездны. Кое-какъ кончилъ свою грамматику, представилъ ее Строганову. Потомъ получилъ отказъ отъ него, но надежда на поправку чрезъ напечатаніе грамматики отъ себя все еще была якоремъ спасенія. Дома я жить не могъ, потому что видѣлъ тамъ нужду. Заниматься не могъ, потому что червь подтачивалъ во мнѣ корень жизни. Съ постепеннымъ ожесточеніемъ моей души, усиливалась во мнѣ чувственность: передъ отъѣздомъ на Кавказъ во мнѣ умеръ человѣкъ—остался самецъ. Передъ Пасхою я опять взялъ денегъ у Боткина; кромѣ того, Аксаковъ еще

помогъ мнѣ. Отъѣзжая на Кавказъ, я опять взялъ 500 р. у Боткина, 800 у Ефремова, да еще и поѣхалъ на его счетъ!.. Мишель, я былъ бы погибшій человѣкъ, еслибы всѣ эти займы не убили меня. Да, они должны убивать меня. Изъ перваго письма моего къ тебѣ ты знаешь, въ какомъ ужасномъ состояніи пріѣхалъ я на Кавказъ. Конечно, все это оказалось ложною тревогою, невинною простудою и проказами геморроидальной лимфы; но тогда я принималъ меркурій. Подъ вліяніемъ этихъ-то обстоятельствъ было написано къ тебѣ мое первое большое письмо (не знаю, получилъ ли ты его): всю вину моего паденія я видѣлъ въ чувственности. Но послѣ увидѣлъ, что это неправда, что есть причина глубже этой, причина, изъ которой вышла и самая чувственность. Что чувственность сдѣлала мнѣ много зла, что она много способствовала моему паденію—объ этомъ нѣтъ спору. Но и ея причина заключается въ безпорядкѣ моей жизни, которымъ я разстроилъ себя. Мучимый каждую минуту мыслію о долгахъ, о нищенствѣ, о попрошайствѣ, о моихъ лѣтахъ, въ которыя уже пора пріобрѣсти какую-нибудь нравственную самостоятельность, о погибшей безплодно юности, о бѣдности моихъ познаній, могъ ли я забыться въ чистой идеѣ? Прикованный желѣзными цѣпями къ внѣшней жизни, могъ ли я возвыситься до абсолютной! Я увидѣлъ себя безчестнымъ, подлымъ, лѣнивымъ, ни къ чему неспособнымъ, какимъ-то жалкимъ недоноскомъ, и только въ моей внѣшней жизни видѣлъ причину всего этого. Эта мысль обрадовала меня: я нашелъ причину болѣзни—лѣкарство было не трудно найти. Не спорю, что, можетъ быть, я невольно впалъ въ другую крайность: но тебѣ должно было только указать на преувеличенія, но согласиться въ главномъ. Но ты, Мишель, не хотѣлъ понять меня и, повторяю тебѣ, въ возстаніи увидѣлъ паденіе. Ты знаешь, что̀ меня ждетъ въ Москвѣ: грамматика должна мнѣ дать средства постепенно и понемногу раздѣлываться съ долгами и прожить хоть до Пасхи: иначе я погибъ безвозвратно. Если же эта надежда (послѣдняя, и притомъ слабая) сбудется, тогда я начинаю новый періодъ моей жизни. У меня не будетъ потеряна ни одна минута. Я учусь по нѣмецки и англійски мѣсяца два безпрерывно, каждый день. Всѣ другія занятія будутъ отдохновеніемъ и наслажденіемъ. Я давно откладывалъ—пора перестать. Возвращеніе съ Кавказа будетъ началомъ моей новой жизни, или никогда не будетъ этого начала. Чувственность мнѣ опротивѣла, и я теперь съ бо̀льшею живостію представляю себѣ гадкія послѣдствія

послѣ обмана чувствъ, нежели прелесть этого обмана чувствъ. Не ручаюсь въ твердости противъ соблазна, но ручаюсь, что уже не покупное наслажденіе, не продажная любовь будутъ для меня соблазномъ. Слишкомъ трехмѣсячнаго опыта достаточно для моего убѣжденія, что очень не трудно давить въ себѣ животныя побужденія прежде, нежели они возьмутъ свою силу. Несмотря на мое истощеніе отъ сѣрной воды и ваннъ, несмотря на скуку однообразной жизни, я никогда не замѣчалъ въ себѣ такой сильной воспріемлемости впечатлѣній изящнаго, какъ во время моей дороги на Кавказъ и пребыванія въ немъ. Все, что̀ ни читалъ я—отозвалось во мнѣ. Пушкинъ предсталъ мнѣ въ новомъ свѣтѣ, какъ будто я его прочелъ въ первый разъ. Никогда я такъ много не думалъ о себѣ въ отношеніи къ моей высшей цѣли, какъ опять на этомъ же Кавказѣ, и не посланіе Петра, какъ говоришь ты, но посланіе Іоанна читалъ и перечитывалъ я нѣсколько разъ. Словомъ, я бы выздоровѣлъ и душевно и тѣлесно, еслибы будущее не стояло передо мною въ грозномъ видѣ, еслибы пріѣздъ мой въ Москву былъ обезпеченъ. Вотъ, что меня убиваетъ и изсушаетъ во мнѣ источникъ жизни. Едва родится во мнѣ сознаніе силы, едва почувствую я теплоту вѣры, какъ квартира, авошная лавочка, сюртуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчасъ убиваютъ силу и вѣру, и тогда я могу только играть въ свои козыри или въ шашки. Эти пошлыя удовольствія доставляютъ мнѣ много пользы: они заставляютъ меня забываться въ какой-то пустотѣ, которая все-таки лучше отчаянія. Итакъ, Мишель, я сказалъ тебѣ все и о тебѣ и о себѣ: заплати и мнѣ тою же откровенностію. Я признался тебѣ во всемъ, въ чемъ только имѣлъ признаться; я показалъ себя тебѣ во всей наготѣ, во всемъ безобразіи паденія, открылъ тебѣ мои раны—измѣряй ихъ великость, но для того, чтобы исцѣлить, а не растравить; я коснулся такихъ задушевныхъ сторонъ моей жизни, о которыхъ никогда бы не заговорилъ съ тобою, если бы письмо твое не вызвало наружу всей моей души. Остаюсь въ увѣренности, что, при свиданіи нашемъ, эти стороны попрежнему останутся неприкосновенными. Источникъ деликатности по приличію есть—ничтожество; источникъ деликатности по чувству есть—любовь. Я не открылъ тебѣ новости, потому что это сдѣлалось уже не новостію для всѣхъ, не только для тебя одного, прежде нежели я могъ подозрѣвать, чтобы кто-нибудь зналъ объ этомъ; но я показалъ тебѣ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, не боясь

унизиться въ глазахъ твоихъ, потому что не хочу незаслуженнаго уваженія: оно тяжелѣе презрѣнія. Чтобы сказать все, не скрою отъ тебя (хотя это мнѣ и больно и тяжко), что много было и фарсовъ и глупостей, хотя и было что-то истинное. Я не питалъ никогда никакихъ надеждъ, сколько по сознанію своего недостоинства, столько и предубѣжденію къ себѣ на этотъ счетъ; я желалъ только чувства, хотя бы оно высказывалось въ одномъ страданіи; но имѣть что-то все равно, что ничего не имѣть. Это обнаружило мое безсиліе. Итакъ—ни слова больше объ этомъ. Одинъ только разъ, увлекаемый полнотою чувствованій, рѣшился я поговорить съ тобою объ этомъ; но ты никогда не забывай, что ты ничего отъ меня не слышалъ и что, въ моемъ присутствіи, ты ничего не знаешь.

Недавно получилъ я письмо отъ Станкевича: бѣдный тяжко страдаетъ; но привычка, такъ сказать, къ жизни идеи видна во всемъ. По прежнему, онъ пишетъ о томъ, что̀ такъ занимаетъ его душу, по прежнему даже паясничаетъ, и между выраженіями души убитой и растерзанной у него по прежнему вырываются шутки, отъ которыхъ нельзя не хохотать. Но эти шутки и фарсы вырываются у него сквозь слезы. Онъ пишетъ ко мнѣ, что ты все открылъ всѣмъ, кромѣ ея. Fiat voluntas tua!—вотъ все, что̀ онъ говоритъ объ этомъ. Впрочемъ, замѣтно, что онъ доволенъ твоимъ поступкомъ. Я, съ моей стороны, тоже доволенъ, что къ развязкѣ, какова бы она ни была, уже сдѣланъ одинъ шагъ. Роль ваша ужасна. Очень радуетъ его твое извѣстіе, что Варвара Александровна хочетъ писать къ нему. «Можетъ быть, это только утѣшеніе, говоритъ онъ, но спасибо ему—оно, ей-ей, утѣшило меня. Если Богъ вывезетъ меня изъ нравственнаго ничтожества, я опять буду не одинъ въ свѣтѣ—я такъ высоко цѣнилъ это семейство. О, тяжело жить безъ кумира! Если не любовь—сочувствіе необходимо въ этой жизни».

Очень радъ, что ты болѣе и болѣе сходишься съ Василіемъ Петровичемъ. Признаюсь въ грѣхѣ: меня радуетъ мысль, что я первый понялъ этого человѣка и понялъ такъ, что дальнѣйшее съ нимъ знакомство ничего не прибавило къ моему о немъ мнѣнію. Послѣ твоихъ сестеръ, это первый святой человѣкъ, котораго я знаю. Его безконечная доброта, его тихое упоеніе, съ какимъ онъ въ разговорѣ называетъ того, къ кому обращается, его ясное, гармоническое расположеніе души во всякое время, его всегдашняя готовность къ воспринятію впечатлѣній искусства,

его совершенное самозабвеніе, отрѣшеніе отъ своего я — даже не производятъ во мнѣ досады на самого себя: я забываюсь, смотря на него. Онъ шелъ по ложному пути; встрѣтилъ людей, которые лучше его понимали истину, и тотчасъ призналъ свои ошибки, не почитая себя нисколько чрезъ это униженнымъ. Меня особенно восхищаетъ въ немъ то, что у него внѣшняя жизнь не противорѣчитъ внутренней, что онъ столько же честный, сколько и благородный человѣкъ. Онъ не почитаетъ себя вправѣ воспользоваться самовольно копѣйкою отца своего и, по дѣламъ его торговли, онъ смотритъ на свои отношенія къ отцу, какъ на отношенія прикащика въ лавкѣ къ своему хозяину. Да, это единственный способъ быть независимымъ отъ внѣшней жизни и людей, быть вполнѣ свободнымъ. Гармонія внѣшней жизни человѣка съ его внутреннею жизнію есть идеалъ жизни, и только въ Васильѣ нашелъ я осуществленіе этого идеала. Онъ умѣетъ отказать себѣ во всемъ, исполненіе чего вовлекло бы его въ обязательство и зависимость отъ людей; онъ не займетъ денегъ для своихъ, даже похвальныхъ, прихотей — и входитъ въ долги для того, чтобы помочь негодяю, своему пріятелю. Да, братъ Миша, что ни говори, а аккуратность и самое скрупулезное отношеніе къ гривенникамъ, какъ средство, а не цѣль жизни, соединенныя съ стремленіемъ къ абсолютной жизни — есть истинное совершенство человѣка. Абсолютная жизнь есть безграничная свобода духа, а свободенъ ли тотъ, чьи человѣческія минуты зависятъ отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ? Такъ какъ Василій читалъ твое письмо ко мнѣ, то я бы очень желалъ, чтобы ты прочелъ ему изъ моего все, что относится къ предмету нашего несогласія, особливо, объ аккуратности и гривенникахъ. Я увѣренъ, что онъ возьметъ мою сторону.

Не почитаю нужнымъ, для соблюденія формы, свидѣтельствовать мое всенижайшее почтеніе твоимъ сестрамъ: это пошло, и если я дѣлывалъ въ моихъ къ тебѣ письмахъ такія приписки, то уже не буду впередъ. Ты и безъ того знаешь, какое благоговѣйное уваженіе питаю я къ нимъ. Не по случаю писемъ къ тебѣ, но каждый день вспоминаю и думаю я о нихъ, и это воспоминаніе — одно сокровище въ моей бѣдной жизни, одна свѣтлая и отрадная сторона туманной сферы, въ которой я живу. Но не нужно фразъ: ты и безъ нихъ повѣришь мнѣ въ этомъ. Александру Михайловичу и Варварѣ Александровнѣ прошу тебя засвидѣтельствовать мое почтеніе. Пожми

руки за меня братьямъ твоимъ и передай имъ мой дружескій привѣтъ.

Ефремовъ тебѣ кланяется. Мы оба съ нимъ не вылѣчились, но поправились. Хорошо и это, за неимѣніемъ лучшаго. Онъ непремѣнно опять пріѣдетъ на Кавказъ на будущую весну. Мнѣ надобно бы сдѣлать то же; но прежде вопроса о здоровьѣ, мнѣ еще должно рѣшить вопросъ о жизни. На Кавказѣ я ничего не сдѣлалъ, потому что ничего нельзя было сдѣлать. Перевелъ было страничекъ 20 съ нѣмецкаго, но болѣе не могъ. Зато кое-что обдумалъ—и не худое, лишь бы вопросъ быть или не быть рѣшился въ мою пользу. Много думалъ объ искусствѣ и, наконецъ, вполнѣ постигъ его значеніе, вопросъ о которомъ давно мучилъ меня. Лишь бы благодать Божія снова проникла въ мою завялую и засохшую душу, а то я составилъ планъ хорошаго сочиненія, гдѣ въ формѣ писемъ или переписки друзей хочу изложить всѣ истины, какъ постигъ я ихъ, о цѣли человѣческаго бытія, или счастіи. Я дамъ этимъ истинамъ практическій характеръ, доступный всякому, у кого есть въ груди простое и живое чувство бытія; обѣ мои статьи, написанныя въ Прямухинѣ, войдутъ сюда, передѣланныя въ своей формѣ, очищенныя отъ многословія и противорѣчій. Здѣсь я разовью, какъ можно подробнѣе и картиннѣе, идею творчества, которая у насъ такъ мало понята; словомъ, здѣсь я надѣюсь выразить всю основу нашей внутренней жизни. При свиданіи поговоримъ объ этомъ побольше, и о другихъ моихъ планахъ, если только гривенники позволятъ мнѣ думать и говорить о чемъ-нибудь человѣческомъ. Письмо это ты получишь черезъ Боткина. Я хотѣлъ его отослать 16 числа, но успѣлъ кончить только нынче (17); завтра еще остается написать два письма—къ Боткину и Ключникову, а послѣ завтра (19 августа) я буду въ Желѣзноводскѣ, верстахъ въ 15 отъ Пятигорска. Тамъ возьму я 20 желѣзныхъ ваннъ; эти ванны будутъ послѣдними. 1 или 2 сентября мы выѣзжаемъ въ Москву, и, когда ты получишь это письмо (которое Ефремовъ отправитъ къ тебѣ безъ меня 21 авг.), я, вѣроятно, буду уже въ Воронежѣ, гдѣ надѣюсь увидѣться съ Николаемъ, потому что писалъ къ нему объ этомъ. Отвѣчай мнѣ немедленно и посылай письмо на имя Боткина, чтобы я тотчасъ по пріѣздѣ могъ прочесть его. Прощай.

Твой Бѣлинскій.

Къ М. А. Бакунину. 21 сентября, 1837.

Москва. 1837, сентября 21 дня.

Наконецъ я въ Москвѣ, любезный Мишель! Кавказъ такъ надоѣлъ мнѣ, что теперь онъ какъ будто бы и не существуетъ на свѣтѣ для меня. Порою, пріятно вспомнить о красавцѣ Эльборусѣ и цѣпи снѣговыхъ горъ, идущихъ отъ него къ Каспію, но все прочее—пока еще только непріятное воспоминаніе. О дорогѣ не хочу и говорить: это адъ, или, вѣрнѣе сказать, это русская дорога, а одно другого стóитъ. Пріѣхали мы въ среду, 15 числа этого мѣсяца. Я тотчасъ поспѣшилъ увидѣться съ Иваномъ Петровичемъ и нашелъ его въ горестномъ положеніи: мысль о своей безплодной жизни въ прошедшемъ и скорой смерти въ будущемъ изсушила его до костей. Однакожъ мой пріѣздъ оживилъ его немного. Онъ исповѣдывался въ своихъ грѣхахъ передо мною, какъ передъ человѣкомъ чуть-чуть не святымъ, но ужъ, конечно, безгрѣшнымъ. Я хохоталъ, слушая его, и, сколько могъ, разувѣрилъ его нѣсколько въ его предубѣжденіяхъ. Впрочемъ, онъ не хочетъ вѣрить, чтобы я былъ хуже его; и не мудрено: теперь ему кажется, что никого нѣтъ хуже его. Онъ очень благодаренъ тебѣ за твои о немъ не безплодныя попеченія, но жалуется, что ты часто слишкомъ круто поворачивалъ его. Я этому вѣрю, потому что во многихъ отношеніяхъ онъ настоящій ребенокъ. Начинаю сходиться съ Катковымъ и цѣнить его — чудесный малый! На другой день вечеромъ, въ театрѣ [1]), увидѣлся съ Васильемъ и Христофорычемъ. На другой день вечеромъ былъ у Василья на музыкальномъ вечерѣ. Одно мѣсто изъ одной сонаты Бетховена произвело на меня такое же могущественное дѣйствіе, какъ многія мѣста изъ игры Мочалова въ роли Гамлета. Но несмотря на то, я не помню хорошо этого мѣста и едва ли узнаю эту сонату. Василій походилъ въ этотъ вечеръ на Пифію на треножникѣ и былъ на небѣ отъ одного адажіо, лучшаго, какъ говоритъ онъ, какое только написалъ Бетховенъ. На другой вечеръ я былъ у него. Мнѣ хотѣлось заговорить съ Лангеромъ о Прямухинѣ, но я боялся, что ему Прямухинская жизнь только

[1]) На Робертъ-Дьяволѣ, который нѣкоторыми мѣстами, которыя я, разумѣется, забылъ, и не узнаю впередъ, потрясъ меня, но вообще произвелъ тягостное впечатлѣніе скуки.—*Примѣчаніе Бѣлинскаго.*

понравилась, а не восхитила его до безумія или, по крайней мѣрѣ, до полоумія. Василій разувѣрилъ меня въ этомъ, и я заговорилъ съ Лангеромъ. Въ первый еще разъ въ жизни увидѣлъ я столько наивности, столько простодушія въ такой сильной и огромной душѣ, какою высказываетъ себя душа Лангера въ своихъ созданіяхъ. Онъ сказалъ мнѣ, что прямухинская жизнь была его перерожденіемъ, пробужденіемъ послѣ продолжительнаго сна души. Представь себѣ восторгъ, простодушно, дѣтски выражаемый, его безхитростность и самый дурной русскій языкъ и досаду на себя за неумѣнье выразиться. Съ этого вечера я всею душою полюбилъ Лангера; думаю, что и онъ также меня. Христофоровичъ все тотъ же: такъ же милъ и такъ же нелѣпъ. Жаль этого малаго: душа у него прекрасная, а между тѣмъ абсолютная истина недоступна для него. О себѣ скажу тебѣ что я кое-какъ, при помощи Ивана Петровича, не то, чтобы уладилъ мои дѣла, а отдалилъ, отсрочилъ еще на нѣкоторое время траги-комическую катастрофу, которой боялся. Впрочемъ, грамматика моя начинаетъ трогаться, хотя и все еще очень медленно. Но и безъ нея у меня надеждъ бездна. Николай Полевой издаетъ «Пчелу», и я уже, разумѣется, приглашенъ къ участію. Ксенофонтъ Полевой думаетъ купить у Андросова право на изданіе «Наблюдателя», и въ такомъ случаѣ намѣренъ поручить одному мнѣ библіографію и критику, для того, говоритъ онъ, чтобы въ его журналѣ былъ одинъ тонъ и одинъ голосъ. Не говоря уже о томъ, что это дастъ мнѣ тысячъ пять и шесть въ годъ денегъ, — это дастъ мнѣ мою настоящую жизнь, при одной мысли о которой я уже оживаю и чувствую въ себѣ новую силу. Дѣло это зависитъ отъ согласія Уварова и сговорчивости Андросова, и скоро должно рѣшиться, потому что Уваровъ на дняхъ долженъ быть въ Москвѣ. О, если бы это сбылось, пожилъ бы я! Тогда бы уже меня не стала мучить мысль о необходимости переѣхать въ Петербургъ.

Но это все моя внѣшность, которая только въ будущемъ можетъ обратиться въ мою внутреннюю жизнь, а тебѣ, вѣрно, хочется знать о теперешнемъ состояніи моего духа. Оно—ни хорошо, ни худо, но болѣе хорошо, чѣмъ худо, и я убѣжденъ, что съ перемѣною внѣшнихъ обстоятельствъ перемѣнятся и внутреннія. Я здоровѣе тѣломъ, слѣдовательно, бодрѣе и духомъ. Вижу въ себѣ много гадкаго, но это гадкое заключается во внѣшнихъ обстоятельствахъ и само собою уничтожится съ ихъ перемѣною. Лучше

и яснѣе созерцаю тайну абсолютной жизни, вижу себя далекимъ отъ нея, но не отчаиваюсь приблизиться къ ней. Одно страшитъ меня: это то, что при видѣ женщины или промелькнувшаго женскаго платья, я уже не краснѣю, какъ прежде, но блѣднѣю, дрожу и чувствую головокруженіе. Боюсь не то, чтобы пасть, но спотыкнуться на этомъ пунктѣ. Но—будь, что̀ будетъ! Жду тебя съ нетерпѣніемъ. Боюсь, чтобы ты не послалъ ко мнѣ письма на Кавказъ. Каждый день думаю получить отъ тебя отвѣтъ на мое послѣднее письмо. Я объяснилъ дѣло Боткину, и пока онъ оправдываетъ меня насчетъ гривенниковъ. Если ты упорствуешь въ своемъ — Богъ съ тобою — мнѣ жаль тебя; но остаюсь вѣренъ моей мысли, и осуществленіе ея есть для меня залогъ моего стремленія къ абсолютной жизни. Долго ли ты пробудешь въ Прямухинѣ? Какъ тамъ идутъ дѣла? Адресуй ко мнѣ письма на имя Василія или Ивана Петровичей, потому что я перемѣняю на дняхъ мою гадкую квартиру. Прощай.

Твой В. Бѣлинскій.

PS. Я очень радуюсь, что со дня на день болѣе и болѣе чувствую расположеніе къ К. Беeру: славный малый, а между тѣмъ меня радуетъ усиленіе моей способности любить людей: это счастіе, тогда какъ презирать и ненавидѣть ихъ есть истинное несчастіе.

Къ М. А. Бакунину. 15 октября, 1837.

Москва. 1837. Октября 15 дня.

Не знаю, что сдѣлалось съ тобою, любезный Мишель? Ты точно какъ будто умеръ для насъ, твоихъ друзей, которые начинаютъ сильно безпокоиться на твой счетъ. Боткинъ переслалъ къ тебѣ мое огромное письмо, почти тетрадь, написанное мною съ Кавказа. По пріѣздѣ въ Москву, я писалъ къ тебѣ—и что же?—ни на то, ни на другое письмо нѣтъ отвѣта. И еще это было бы сносно, когда бы я хоть что-нибудь зналъ о тебѣ, а то, повторяю, ты точно какъ умеръ для всѣхъ насъ. Бога ради, выведи насъ изъ этой томительной неизвѣстности. Я, Василій Петровичъ, Лангеръ и всѣ прочіе, т. е. Аксаковъ, Ключниковъ, Катковъ, безпрестанно спрашиваютъ другъ друга: что Мишель,

что съ нимъ, отчего онъ не пишетъ, здоровъ ли онъ, не сдѣлалось ли съ нимъ какого несчастія? Что касается до меня лично, то вотъ уже нѣсколько дней, какъ мною овладѣла какая-то тоска по тебѣ; какое-то тягостное предчувствіе на твой счетъ мучитъ меня. Въ иныя минуты я чувствую какіе-то сильные порывы пойти или поѣхать или перескочить однимъ прыжкомъ въ Прямухино — и это — говорю тебѣ добросовѣстно — собственно для тебя, собственно вслѣдствіе моего безпокойства о тебѣ. Боже мой, мы уже какъ будто чужды одинъ другому, какъ будто бы уже твои горести и страданія не есть мои горести и страданія, какъ будто бы уже твои мученія и безпокойства за тѣхъ, кто для тебя составляетъ все, не есть мои мученія и безпокойства? Отчего же ты не пишешь ко мнѣ? Ужъ не сердишься ли на меня за мое письмо? Боже мой — можно ли за это сердиться? А если такъ, я отрекаюсь отъ каждаго слова въ немъ, которое бы тебя огорчило или оскорбило, и прошу у тебя за него прощенія. Я лучше хочу признать себя неправымъ, нежели настойчивостію въ своей правотѣ произвести въ тебѣ охлажденіе ко мнѣ. Пиши, Мишель, ко мнѣ, пиши все: я хочу все знать, потому что хочу за все страдать, какъ страдаешь ты. Если послѣ этого отъ тебя не будетъ никакого отвѣта, я рѣшусь писать къ В. А. Дьяковой и буду просить ее дать мнѣ знать о твоемъ положеніи, потому что я не могу же болѣе оставаться въ неизвѣстности. *Твой В. Б.*

На случай, если ты не получилъ моего письма, посланнаго къ тебѣ уже по пріѣздѣ моемъ въ Москву, вотъ тебѣ адресъ моей новой квартиры: На Стоженкѣ, въ приходѣ Воскресенія, въ Савеловскомъ переулкѣ, въ домѣ полковницы Ефремовой.

Къ М. А. Бакунину. 1 ноября, 1837.

Москва. 1837. Ноября 1 дня.

Въ понедѣльникъ, 25 октября, прихожу я къ Василію Боткину—и онъ указываетъ мнѣ торжественно на тетрадь, писанную тобою. Не хочу говорить тебѣ, сколько радости доставило мнѣ твое письмо, сколькихъ безпокойствъ избавило оно меня. Я думалъ, что твои семейныя дѣла идутъ, какъ нельзя хуже, что ты развѣ только не перерѣзался съ Дьяковымъ, но, вѣрно, намѣ-

ренъ перерѣзаться съ нимъ, и пр. и пр. И что-жъ? Вмѣсто всего этого, твои семейныя дѣла идутъ, какъ нельзя лучше, Дьяковъ низложенъ безъ всякихъ несчастныхъ и ужасныхъ мѣръ, старикъ на твоей сторонѣ. Послѣднее меня нисколько не удивляетъ: Александръ Михайловичъ одинъ изъ тѣхъ людей, благословенныхъ Богомъ при ихъ рожденіи, которые родятся со всѣмъ, что составляетъ высшаго, духовнаго человѣка; несчастный вѣкъ, въ который онъ родился, и главное и важнѣйшее событіе въ его жизни—вотъ, что развило его такъ неестественно, такъ ложно, вопреки его прекрасной натурѣ. Онъ ошибочно, ложно мыслитъ, но вѣрно чувствуетъ и дѣлаетъ. Если, въ послѣднее время, особливо въ мое пребываніе въ Прямухинѣ, онъ уже и поступалъ ложно, то въ этомъ много виноваты и мы съ тобою: мы не разочли того, что этотъ человѣкъ уже прожилъ много, уже освоился со своими идеями и привычку къ нимъ счелъ за убѣжденіе, что, наконецъ, мы дѣйствовали не всегда, какъ проповѣдники истины, но часто въ духѣ полемическомъ, желчномъ, который ожесточаетъ противника, но не убѣждаетъ его. Я и теперь не могу безъ досады на самого себя вспомнить о томъ, что я рѣшился прочесть ему мою вторую статью, статью, въ которой много хорошаго, высказаннаго съ жаромъ и убѣжденіемъ, но которой полемическій тонъ былъ совершенно въ разладѣ съ обстоятельствами. Мало того, чтобы дѣйствовать истинно, по убѣжденію: надо еще дѣйствовать умно, разсудительно, если хочешь: обстоятельства для всѣхъ, даже великихъ людей, дѣлались правилами не для убѣжденія, но для дѣйствованія. Когда я кончилъ мою вторую статью, тогда обстоятельства требовали тишины, успокоенія, примиренія; тогда мы должны были окружить старика всѣмъ уваженіемъ, котораго заслуживала его старая, почтенная жизнь. Онъ былъ неправъ — это такъ; мы не должны были подлаживаться подъ его образъ мыслей — и это правда; но мы должны были показать ему, что, почитая ложнымъ его убѣжденіе, мы умѣемъ уважать всякое убѣжденіе, особливо, если оно оправдано цѣлою жизнію, добровольными лишеніями и страданіями. Да, каково бы ни было, но у твоего отца есть убѣжденія, есть правила, которыя онъ перенесъ въ жизнь, — а этого слишкомъ достаточно, чтобы высоко уважать его самого и щадить его образъ мыслей, даже опровергая его. Другое дѣло какой-нибудь Дьяковъ: если онъ безвреденъ, оставь его въ покоѣ, пожелай ему отъ всего сердца

всѣхъ тѣхъ жалкихъ благъ, которыхъ онъ жаждетъ, даже всевозможнаго усовершенствованія въ торговлѣ, потому что первымъ желаніемъ человѣка, проникнутаго любовью, Благодатію Божіею, должно быть: «да будетъ счастливо и блаженно по своему все въ безпредѣльномъ Божіемъ твореніи, все, отъ человѣка до червя и отъ червя до послѣдней былинки, для которой нужны лучъ солнечный и дождевая капля»; желаніе зла во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи любви; но если этотъ же Дьяковъ составляетъ несчастіе кого бы то ни было, особливо такого существа, какъ Варвара Александровна, мѣшаетъ его дальнѣйшему развитію, его внутреннему блаженству—тогда употреби всѣ средства къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ, умоляй, плачь, проси, заклинай, но если не помогутъ никакія миролюбивыя средства, тогда обремени его всѣмъ своимъ презрѣніемъ, всею своею ненавистію, сотри его съ лица земли, если это будетъ нужно. Такъ должно дѣйствовать съ людьми ничтожными, чуждыми всякаго убѣжденія; но совсѣмъ иначе надо поступать съ людьми убѣжденія. Надобно, чтобы они видѣли чистое желаніе обратить ихъ къ истинѣ, чистую радость въ случаѣ успѣха, и чистую горесть въ случаѣ неуспѣха, горесть за истину и за нихъ, а не раздражительность, не желчность. Александръ Михайловичъ, по многимъ фактамъ, имѣлъ полное право заключить, что мы больше горды своими убѣжденіями, нежели счастливы ими. Ты въ этомъ отношеніи былъ лучше меня, но ты худо дѣлалъ, что оправдывалъ мои мысли объ этомъ. Теперь я увѣренъ, что ты поступаешь съ нимъ такъ, какъ должно, и дѣйствуешь не одною логикою, но и впечатлѣніями, этимъ живымъ наитіемъ истины, которое даетъ одна любовь. Полемику къ чорту. Я даже надѣюсь, что Александръ Михайловичъ, не давая нисколько замѣтить перемѣны въ своемъ образѣ мыслей и даже поддерживая свой прежній, будетъ поступать, въ отношеніи къ своему семейству, совершенно въ духѣ твоихъ, а не своихъ убѣжденій. И это очень естественно: у стариковъ есть свое самолюбіе, очень понятное и очень извинительное; въ такія лѣта трудно сказать «я былъ неправъ», по крайней мѣрѣ, сказать это труднѣе, нежели показать на дѣлѣ. Я тогда этого не понималъ, потому что былъ нездоровъ и тѣлесно и душевно, болѣзнь же изгоняетъ любовь и родитъ ожесточеніе. Теперь я не лучше прежняго, но здоровѣе, и потому вижу и понимаю все яснѣе, и сознаю, что я жестоко ошибался, думая въ иныя минуты, что я

не люблю и не уважаю твоего отца: нѣтъ, его нельзя не любить и не уважать—объ немъ только можно иногда сожалѣть и скорбѣть. Да, Мишель, перемѣна здоровья перемѣнила меня во многомъ. Станкевичъ, видя мою желчность и остервенѣніе противъ всего не истиннаго, великодушно приписывалъ это тому, что я люблю истину, но что я только не эманципированъ. Онъ ошибался—во мнѣ не было любви, потому что что̀ за любовь, которая проявляется въ ненависти? Любовь плачетъ, скорбитъ о порокахъ и заблужденіяхъ своихъ ближнихъ, но не ненавидитъ, потому что жизнь въ добрѣ не даетъ мѣста къ безпрестанной мысли о злѣ и ненависти къ нему, да и притомъ же, какъ ты справедливо и прекрасно пишешь ко мнѣ, въ общей жизни духа нѣтъ зла, но все добро. Теперь во мнѣ такъ же мало любви, какъ и прежде, но больше спокойствія въ душѣ, вслѣдствіе облегченія тѣлесныхъ страданій, а потому и больше способности лучше и глубже понимать истину. Вслѣдствіе этой-то перемѣны, я понялъ, что всякая ненависть, хотя бы то и ко злу, есть жизнь отрицательная, а все отрицательное есть призракъ, небытіе, что мало любви къ добру гораздо выше, нежели много ненависти ко злу. Я долженъ тебѣ сказать, что я надѣюсь съ новаго года снова выступить на журнальное поприще, столь любезное для меня; Ксенофонтъ Полевой покупаетъ у Андросова право на изданіе «Наблюдателя» и приглашаетъ меня къ дѣятельнѣйшему участію, т.-е. поручаетъ мнѣ критику и библіографію. Если это состоится, то ты не узнаешь меня въ моихъ статьяхъ, именно потому, что я разувѣрился въ достоинствѣ отрицательной любви къ добру и чувствую въ себѣ больше снисходительности къ подлостямъ и глупостямъ литературной братіи, но зато и больше ревности противоположнымъ образомъ дѣйствованія доказывать истину. Не велика польза доказать, что Сенковскій подлецъ, а «Библіотека» гадкій журналъ: публика это давно знаетъ и подписывается на «Библіотеку» не за то, что она гадкій журналъ, а за то, что нѣтъ лучшаго журнала; такъ гораздо лучше дать ей хорошій журналъ, нежели бранить «Библіотеку». Поэтому полемика рѣшительно изгоняется изъ нашего журнала. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы и правда изгонялась изъ него, но дѣло въ манерѣ и тонѣ: помнишь ли ты, какъ мило уничтожаетъ Гегель противниковъ истинной философіи, Круга и ему подобныхъ?—онъ не сердится, не выходитъ изъ себя, не старается прибирать выразительнѣйшихъ браней,

энергическихъ выраженій; онъ поступаетъ съ ними, какъ съ мухами—махнетъ рукой, и этимъ движеніемъ убиваетъ ихъ гуртомъ, сотнями, нимало не гордясь своею побѣдою и нимало не жалѣя о неудачѣ. Но вотъ другой примѣръ, хоть гадкій, но идущій къ дѣлу—это Сенковскій; онъ не помѣщаетъ статей о другихъ журналахъ и разборовъ чужихъ мнѣній, но при случаѣ, къ слову, бьетъ ихъ славно. Это и мы возьмемъ за правило. Выходитъ книга, которая несправедливо разругана въ «Библіотекѣ»: мы ее похвалимъ, не браня «Библіотеки», которая ее разбранила. Я имѣлъ несчастіе обратить на себя вниманіе правительства не тѣмъ, чтобы въ моихъ статьяхъ было что-нибудь противное его видамъ, но единственно рѣзкимъ тономъ, и это очень глупо; впередъ буду умнѣе. Но это въ сторону, тѣмъ болѣе, что пока это еще литературная тайна, которую я могу довѣрить только друзьямъ моимъ, а больше никому. Теперь я началъ «Переписку двухъ друзей», большое сочиненіе, гдѣ въ формѣ переписки и въ формѣ какого-то полуромана будутъ высказаны всѣ тѣ идеи о жизни, которыя даютъ жизнь, и которыя, безъ полемики, должны разоблачить Шевыревыхъ и подобныхъ ему. Это будетъ, собственно, переписка прекрасной души съ духомъ; первое лицо, какъ разумѣется, будетъ моимъ субъективнымъ произведеніемъ, а второе—чисто объективнымъ. Въ лицѣ перваго я поражу прекраснодушіе, такъ что оно устыдится самого себя; впрочемъ, въ представителѣ прекраснодушія я выведу лицо не пошлое, но полное жизни истинной, кипучей, придамъ ему не фразы и возгласы, но слово живое, увлекательное, картинное и поэтическое; словомъ, я изображу въ немъ одного изъ тѣхъ людей, доступныхъ всему истинному, но лишенныхъ силы воли для полнаго достиженія высшей истины, одного изъ тѣхъ людей, которые понимаютъ истину, но хотятъ, чтобы она досталась имъ безъ труда, безъ пожертвованій, безъ борьбы и страданія; какъ цыгане, которые лучше хотятъ сносить всѣ неудобства непогоды, всѣ невыгоды бродяжнической жизни, нежели пожертвовать частію своей дикой свободы гражданскому порядку, такъ и эти люди хотятъ лучше всю жизнь свою жить рѣдкими и немногими минутами восторга, а остальную часть жизни валяться въ грязи, нежели путемъ труда и усилій перейти въ полную жизнь. Короче сказать, въ этой прекрасной душѣ я изображу себя и, надѣюсь, очень вѣрно; и въ этомъ портретѣ я наплюю на самого себя и оплачу самого себя. Я изображу себя въ двухъ эпохахъ жизни:

въ той, въ которую я жилъ въ одномъ чувствѣ и пряталъ свое чувство отъ разума, какъ цвѣтокъ отъ мороза; и въ той, въ которую я созналъ тождество чувства съ разумомъ, любви съ сознаніемъ, но пріобрѣлъ черезъ это не полное блаженство жизни, а только объективное сознаніе ея. Что же касается до представителя жизни духа, то это не будетъ ничей портретъ: это будутъ мои прямухинскія статьи, но только глубже перечувствованныя и лучше понятыя, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ написалъ, я немного подросъ въ моихъ понятіяхъ. Первое письмо почти уже написано: въ немъ прекрасная душа описываетъ свой отъѣздъ изъ Москвы, свои путевыя впечатлѣнія; жалуется на людей и жизнь, въ которыхъ онъ разочаровался; доказываетъ, что истинная жизнь въ чувствѣ, что разумѣніе есть смерть чувства; упрекаетъ своего друга за любовь къ философіи, за холодность сужденій и предрекаетъ ему конечную гибель за довѣренность къ холодному уму и пр. и пр. Отвѣтъ на это письмо будетъ содержать изложеніе понятія о разумѣ и чувствѣ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; объ истинѣ въ созерцаніи, какъ основѣ нашего сознанія; объ ошибочномъ понятіи, вслѣдствіе котораго чувство смѣшиваютъ съ истиною въ созерцаніи, почему и думаютъ несправедливо, что чувствомъ можно узнать какую бы то ни было истину, тогда какъ оно, по существу своему, не можетъ давать намъ никакихъ идей, но, такъ сказать, подкрѣпляетъ всякую истинную или почитаемую нами за истинную идею, пробуждаясь въ насъ, какъ стремленіе къ безконечному, или какъ любовь, что̀ одно и то же, потому что высшая степень любви есть ощущеніе безконечнаго; о достоинствѣ разума, живущаго въ природѣ, какъ явленіе, и въ человѣкѣ, какъ сознаніе; о достоинствѣ способа изслѣдованія истины a priori. Однимъ словомъ, это должно быть чѣмъ-то порядочнымъ, потому что я ни мало не сомнѣваюсь выразить всѣ эти идеи языкомъ увлекательнымъ, живописнымъ, пламеннымъ. Несмотря на мою апатическую жизнь, я еще ощущаю въ себѣ столько внутренняго жару, сколько нужно его для десяти такихъ сочиненій. Скоро примусь за статью о Пушкинѣ: это должно быть лучшею моею критическою статьею. Думаю для журнала составить библіографію всѣхъ литературныхъ произведеній за 1837 годъ: это дастъ мнѣ поводъ поговорить о Гамлетѣ и объ игрѣ Мочалова, о диссертаціи Шевырева и о прочемъ. Кстати: я познакомился съ Мочаловымъ на вечерѣ у Селивановскаго, гдѣ Полевой читалъ два

акта своей оригинальной драмы «Графъ Уголино»; за ужиномъ Мочаловъ и Щепкинъ, по просьбѣ Полевого, говорили послѣдніе монологи изъ «Горе отъ Ума»—славный былъ вечеръ, хотя и у Селивановскаго! А драма Полевого—что она такое?—спросишь ты; да славная вещь, отвѣчаю я. Нѣкоторые характеры обрисованы художнически, есть мѣста истинно поэтическія; остальное—фразы, но какія фразы! успѣхъ будетъ полный. Мочалову роль славная—кипучая, бѣшеная, страстная. Надо сказать, что самое нехудожественное лицо, но зато въ высшей степени эффектное и по мѣркѣ Мочалова сдѣланное. Полевой съ будущаго года издаетъ «Пчелу» и «Сынъ Отечества»; онъ уже въ Петербургѣ.

Катковъ читаетъ Эстетику Гегеля и въ восторгѣ отъ нея, хочетъ перевести для журнала все введеніе. Славный малый—онъ далеко пойдетъ, потому что уже и теперь у него убѣжденіе въ мирѣ съ жизнію. Голова свѣтлая, сердце чистое—вотъ Катковъ. Я недавно сталъ понимать его; до отъѣзда на Кавказъ, въ этотъ самый желчный періодъ моей жизни, я былъ нерасположенъ къ нему и съ какимъ-то подлымъ и гнуснымъ удовольствіемъ услышалъ бы что-нибудь противъ него. Ахъ, Мишель, дрянь, пошлъ я и теперь, но какъ лучше, какъ выше прежняго, а все оттого, что мои запоры разрѣшились, и пищевареніе улучшилось... Впрочемъ, есть и нравственныя причины. Боткинъ переводитъ Марбаха и въ упоеніи отъ него. Боткина я уже не люблю, какъ прежде, а просто влюбленъ въ него и недавно сдѣлалъ ему формальное объясненіе. Я часто у него ночую, хотя терпѣть не могу ночевать не у себя дома, потому что я съ младенчества ненавидѣлъ бродячую, цыганскую жизнь, для которой ты созданъ, и всегда любилъ свой уголъ и своихъ пенатовъ. «Послушай, Боткинъ,—сказалъ я ему шутя,—посмотри, какъ я тебя люблю: остался ли бы я у кого-нибудь другого ночевать?» И мой Боткинъ, въ отвѣтъ на это, началъ не шутя доказывать, самымъ наивнымъ и достолюбезнымъ образомъ, что онъ меня не меньше любитъ и чувствуетъ себя счастливымъ, когда бываетъ вмѣстѣ со мною. Я чуть не до слезъ хохоталъ. Иванъ Петровичъ поправляется и въ здоровьѣ и въ образѣ мыслей, но жизнію все такъ же бѣденъ, какъ прежде. Вотъ тебѣ кстати анекдотъ объ немъ. Самаринъ однажды утѣшалъ его, совѣтовалъ ему терпѣливо сносить несчастіе, какъ Божіе испытаніе, и присовокупилъ къ этому, что и самъ онъ много терпѣлъ. «Ваше превосходительство, отвѣчалъ я ему (говоритъ Ключниковъ), вы

страдали, опираясь на семь тысячъ душъ, вы сражались съ судьбою изъ-за фронта, а я шелъ противъ нея съ открытою грудью». Но шутки въ сторону. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что онъ уже не колобродитъ своими понятіями, что онъ мыслитъ, какъ должно, и это—большой шагъ; Богъ дастъ—и воскреснетъ вполнѣ для жизни высшей, начало которой онъ носитъ въ душѣ своей. Константина Аксакова я, чѣмъ болѣе узнаю, тѣмъ болѣе люблю: это одинъ изъ малолюдной семьи сыновъ божіихъ. Онъ еще дитя, еще мало развитъ, а главное дѣло, еще не искушенъ внѣшнею жизнію, внѣшнею борьбою, которыя потому необходимы человѣку, что, какъ толчки, пробуждаютъ въ немъ жизнь и борьбу внутреннюю. Самая бѣдность и нужда необходимы для полнаго развитія. Станкевичъ не зналъ бѣдности, но зналъ иногда нужду, и это, безъ сомнѣнія, было ему полезно.

Дружба!—вотъ чѣмъ улыбнулась мнѣ жизнь такъ привѣтливо, такъ тепло, и, вѣроятно, въ ней и только въ одной ней будетъ сознавать себя моя жизнь до конца своего. Быть такъ—спасибо и за то! И теперь, въ горестной и мертвой жизни моей одна мысль, какъ добрый геній, какъ ангелъ-хранитель, согрѣваетъ мой изнемогающій духъ, мысль, что какъ бы глубоко ни палъ я, мнѣ всегда есть пристанище въ минуты сознанія—сердце друзей моихъ, всегда готовое простить меня, оплакать мое заблужденіе и согрѣть меня своимъ огнемъ... А я?.. я могу утѣшать себя только вотъ чѣмъ:

Мой путь унылъ, сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
И вѣдаю: мнѣ будутъ утѣшенья
Межъ горестей, труда и треволненій.

Это голосъ не жизни духа; нѣтъ — это вопль прекрасной души, которая живетъ жизнію духа только въ минутахъ, только въ непрерывныхъ возстаніяхъ, послѣ безпрерывныхъ паденій. Жизнь въ минутахъ—она моя, и всегда будетъ моею, но это грустная жизнь и не она должна быть удѣломъ человѣка. Такъ жилъ Пушкинъ—и я понимаю его. Но онъ былъ геній — и въ его минутахъ жизни замыкались цѣлые вѣка; онъ былъ поэтъ—и способность высказывать себя и, какъ дани, требовать и получать сочувствіе отъ ближнихъ, вознаграждала его за минуты, внѣ вѣчнаго духа проведенныя. Въ немъ былъ неистощимый рудъ-

никъ любви, который не могъ изсякнуть ни отъ какихъ причинъ, и отъ колыбели до гроба ему улыбалась любовь. Я только понимаю такую жизнь, и если живу иногда подобною (какъ подобно отраженіе солнца въ рѣкѣ самому солнцу), то не въ дѣйствительности, а въ фантазіяхъ. Я прячусь въ фантазіи отъ дѣйствительной жизни, и мое возвращеніе къ дѣйствительной жизни изъ области фантазіи есть горькое пробужденіе. Въ этой жизни есть свое прекрасное, но я понимаю, что такая жизнь есть призракъ, потому что истинная жизнь конкретна съ дѣйствительностію. Иногда мнѣ становится досадно, зачѣмъ я знаю слишкомъ много, зачѣмъ слишкомъ хорошо понимаю значеніе и цѣль жизни; мнѣ кажется, что я былъ бы счастливѣе, если бы кругозоръ моего ума былъ ограниченнѣе, а требованія чувства умѣреннѣе; мнѣ кажется, что тогда бы я нашелъ все, чѣмъ могъ бы быть счастливъ; это такъ, Мишель, но не сердись и оставь въ покоѣ убѣжденія: я и безъ нихъ знаю, что это минуты борьбы, нравственной болѣзни, что такая мысль безбожна и недостойна просвѣтленнаго человѣка, что откровеніе истины есть единственное благо, за которое человѣкъ умиленно долженъ молиться вѣчному Духу жизни.

Всякая грусть есть страданіе; никакое блаженство не можетъ быть безконечно и высоко безъ этого страданія; но при полной гармоніи духа, при совершенномъ его блаженствѣ, грусть, или страданіе есть только характеръ, условіе необходимое, форма, такъ сказать, самого блаженства, но не самое блаженство: это понятно, и мы давно уже согласились съ тобою въ этомъ. Но страданіе, какъ единственная и исключительная форма жизни духа и какъ конечное и возможное его блаженство, есть тоже жизнь человѣческая и прекрасная, но низшая, неполная, ступень къ истинной жизни духа, но не истинная жизнь духа. Вотъ эта-то жизнь, это-то блаженство доступно мнѣ, и страданія, страданія, и еще-таки страданія, прошу и не допрошусь я себѣ у Провидѣнія. Это страданіе есть недугъ души, но недугъ сладкій, есть одна изъ священнѣйшихъ способностей нашего духа, есть признакъ присутствія высшей жизни, есть залогъ дальнѣйшаго и безконечнаго развитія, ручательство въ возможности (близкой или далекой—нѣтъ нужды) перехода въ полную жизнь духа. Какъ-то недавно ощутилъ я въ моей груди это сладостное болѣзненное стѣсненіе, этотъ божественный недугъ— и вмѣстѣ съ нимъ ощутилъ и вѣру, и силу, и жизнь. Дня три

страдалъ я такимъ образомъ, а на четвертый выздоровѣлъ, т. е. снова сдѣладся скотиною. Но по временамъ я живу этимъ страданіемъ и теперь, когда я пишу тебѣ эти строки, я чувствую въ груди моей это болѣзненное стѣсненіе, этотъ недугъ, выше всякаго здоровья, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую, что я живу, а не прозябаю, что я человѣкъ, а не животное. Да, Мишель, уже не счастія, не блаженства, какъ прежде, а страданія прошу, желаю и ищу я себѣ. Мыслить и страдать—вотъ грустная и неполная жизнь, до какой я только способенъ возвыситься. Но я вѣрю, что этою жизнію я выстрадаю себѣ полную и истинную жизнь духа. Боже мой, какъ бы громко я сталъ смѣяться, какъ бы горячо сталъ оспаривать, если бы года за два передъ симъ кто-нибудь сталъ меня увѣрять, что моя жизнь не въ свѣтломъ веселіи, не въ радостномъ ликованіи! Гадка моя жизнь, но не прогрессъ ли это? Спасибо тебѣ, Мишель: безъ тебя я не говорилъ бы теперь этого.

Ну, вотъ тебѣ все, собственно до меня касающееся, т. е. всѣ данныя, по которымъ ты можешь судить о состояніи моего духа. Теперь буду отвѣчать на твое письмо. Но прежде скажу тебѣ, что ты поступилъ болѣе, нежели дурно, не давая о себѣ никакого извѣстія. Мы всѣ думали, что съ тобою сдѣлалось и Богъ знаетъ что̀; что твои обстоятельства (семейныя) просто ужасны. Этому причиною твой ребяческій характеръ. А сверхъ того, ты многаго лишилъ собственно меня, потому что всякое письмо отъ друга даетъ мнѣ жизнь, пробуждаетъ во мнѣ грусть... Богъ тебѣ судья за это. Когда узнали, что я получилъ твое письмо, то всѣ любящіе тебя бросились ко мнѣ съ разспросами; Станкевичъ нарочно пріѣзжалъ ко мнѣ. Сѣчь тебя надо, Мишель, да приговаривать: не ребячься! Теперь приступаю къ отвѣту на твое письмо.

Я долженъ говорить съ тобою о предметѣ, который сообщилъ полемическій тонъ, слѣдовательно, о предметѣ щекотливомъ, но, несмотря на то, не буду слишкомъ распространяться, сколько потому, что этотъ споръ объ аккуратности и гривенникахъ мнѣ уже надоѣлъ, столько и потому, что хочу сказать тебѣ мое окончательное мнѣніе объ этомъ предметѣ, résumé всего, что̀ говорилъ объ немъ прежде. Въ твоемъ письмѣ нѣтъ любви — повторяю тебѣ это, и не одинъ, а вмѣстѣ съ Боткинымъ. Это письмо пуританское, котораго arrière pensée есть—наказаніе за грѣхи; это письмо отзывается религіею Ватикана, символъ которой есть—апостолъ Петръ съ мечемъ въ рукѣ. Беру назадъ

мое слово, что въ этомъ письмѣ видны съ твоей стороны гордость и тщеславіе: нѣтъ, въ немъ видно только ожесточеніе противъ прошедшаго твоего паденія, съ воспоминаніемъ о которомъ у тебя соединялось воспоминаніе обо мнѣ и Станкевичѣ, а слѣдовательно, и ожесточеніе противъ насъ, впрочемъ, понятное и совершенно извинительное. Отсутствіе же любви въ твоемъ письмѣ произошло, вѣроятно, отъ дурно избраннаго тобою способа поднять меня: ты для этого хотѣлъ расшевелить мое самолюбіе. Это тебѣ удалось одинъ разъ, въ томъ письмѣ, въ которомъ ты звалъ меня въ Прямухино и говорилъ о своей горести видѣть въ грязи человѣка, въ которомъ ты замѣтилъ начало великаго. Повторяю, тогда это на меня подѣйствовало; но въ бытность на Кавказѣ я жаждалъ сочувствія, состраданія, слезъ, моленій и прощенія отъ дружбы, а не упрековъ; мысль о томъ, что ты живешь истинною жизнію, могла скорѣе ожесточить еще болѣе меня, нежели порадовать. Болѣзнь подлая, гнусная, но, Мишель, только тотъ лекарь и хорошъ, который умѣетъ понять болѣзнь и дать противъ нея настоящее лекарство. Ты ошибся въ лекарствѣ, вотъ и все. Сверхъ того твое осужденіе Станкевича и твои мѣстоименія «я и вы» произвели на меня болѣе, нежели непріятное чувство. Ты и въ послѣднемъ своемъ письмѣ ко мнѣ, соглашаясь со мною, что Станкевичъ человѣкъ геніальный, что онъ всегда будетъ показывать намъ дорогу и пр., не говоришь мнѣ: правъ ли я, утверждая, что паденіе его было неизбѣжно, и что онъ былъ бы величайшій эгоистъ и подлецъ, если бы не палъ, не палъ глубоко, хотя и на время. Что же касается до моей будто бы ошибки на счетъ того, что назначеніе Станкевича есть страданіе—то ты не понялъ меня. Его цѣль, какъ и всѣхъ, есть блаженство, но только путемъ отреченія ото всякаго личнаго счастія, какъ похищенія у цѣли назначенія: вотъ какъ я понимаю Станкевича, можетъ быть, и ложно, по крайней мѣрѣ, безъ противорѣчія истинѣ. Возможность такого характера въ человѣкѣ геніальномъ, призванномъ на великое дѣло, для меня не непонятна, хотя въ самомъ себѣ, въ отношеніи къ самому себѣ, я ее и не понимаю. Напрасно ты говоришь, что будто я готовъ на каѳедрѣ обвинять тебя въ самолюбіи и тщеславіи: не въ этомъ, а въ справедливости моего мнѣнія объ аккуратности готовъ я защищаться на каѳедрѣ. Но въ этомъ отношеніи ты правъ, и я тебя болѣе не обвиняю, потому что понялъ причину, почему ты не можешь сойтись съ этою мыслію. Но не менѣе,

или еще болѣе, правъ и я, поддерживая эту мысль. Ты, вѣрно, помнишь, что, изложивъ всѣ дурныя обстоятельства, въ которыя ты ввергъ себя своею безалаберною жизнію, т. е. обязательствомъ перевести Шмита, безъ убѣжденія въ возможности исполненія, потомъ долгами, я спрашивалъ тебя: имѣетъ ли все это вліяніе на твою внутреннюю жизнь, и мысль о долгахъ, о своей несостоятельности всякаго рода угнетаетъ ли твою душу до апатіи, уничтожаетъ ли твои прекрасныя минуты? Повторяю теперь этотъ вопросъ; ты отвѣчаешь на него: «нѣтъ»! Хорошо! Это значитъ, что въ тебѣ избытокъ внутренней жизни такъ великъ, пламя чувства такъ ярко и сильно, что внѣшнія обстоятельства не могутъ мѣшать первой и гасить и второго. Любезный Мишель, я говорю это не шутя, потому что понимаю возможность этого, и именно въ тебѣ болѣе, нежели въ комъ-нибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, не исключая и Станкевича. Да, я тебя понимаю—пойми же и ты меня. Я погибаю отъ мысли о долгахъ, которая грызетъ, какъ червь, корень моей внутренней жизни, охлаждаетъ во мнѣ всѣ благородные порывы, производитъ тоску, апатію, отчаяніе и нерѣдко—подумай объ этомъ—желаніе въ развратѣ заглушить немолчный вопль нужды и обязательства. Знаешь ли ты, что иногда (теперь очень рѣдко, а прежде это бывало часто) хочется напиться вина до нельзя, чтобы забыться? Знаешь ли ты, что иногда, принимаясь съ жаромъ за какое-нибудь хорошее дѣло, за изученіе чего-нибудь, за сочиненіе, я бросаю его съ отчаяніемъ, когда мнѣ говорятъ о пришедшемъ кредиторѣ, или о томъ, что хлѣба нѣтъ, и бѣгу куда нибудь, какъ будто бы надѣясь убѣжать отъ самого себя? Знаешь ли ты, что пиша къ тебѣ эти строки, я безпрестанно бросаю перо, чтобы у печки отогрѣвать мои окоченѣвшія руки, потому что въ комнатѣ хоть волковъ морозь, а въ карманѣ хоть выспись? Что ты на это скажешь? Но это не все, а начавши говорить, я люблю все сказать. Сатинъ въ Пятигорскѣ далъ мнѣ 200 рублей на покупку ему книгъ, преимущественно философскихъ, съ тѣмъ, чтобы, по моему же совѣту, онъ могъ заняться философіею. Представь себѣ человѣка, убитаго обстоятельствами, проводящаго зиму въ Азіи, въ мерзкомъ городишкѣ, чуждомъ всякихъ удобствъ жизни, гдѣ нѣтъ ни одной живой души—что значитъ для него всякая книга, а тѣмъ болѣе много книгъ, которыя заставили бы мыслить, ввели бы въ жизнь высшую, абсолютную, заставили бы его сказать съ гордостію: «духъ выше

матеріи, человѣкъ выше обстоятельствъ, я блаженъ въ моемъ несчастіи». И что-жъ? Эти книги ему не посланы. Не подлый ли, не эгоистическій ли это поступокъ? Лишить человѣка средства къ просвѣтленію—не есть ли это болѣе, нежели смертоубійство? А между тѣмъ я ничего худого не сдѣлалъ: мнѣ приходилось до зарѣзу, и я надѣялся въ скоромъ времени достать эти деньги. Надѣялся—подлое слово! Да кто мнѣ далъ право надѣяться ни на что, на призракъ какой-то? Вотъ все это-то, Мишель, грызетъ, подтачиваетъ, какъ червь, корень, основу моей внутренней жизни и не только лишаетъ мою жизнь ея полноты и гармоніи, но даже и рѣдкія минуты ея отравляетъ и уничтожаетъ. Я сажусь за дѣло, перевожу съ нѣмецкаго или дѣлаю что-нибудь другое,—и что же? я дрожу отъ холода, руки мои не въ состояніи держать перо, животная сторона моя громко даетъ о себѣ знать. Я бросаю перо и иду—куда-нибудь, иногда въ лавку Глазунова, гдѣ часовъ 6 сряду болтаю чортъ знаетъ что. Въ другое время, только что раздѣлаюсь, т. е. разохочусь дѣлать, пользуясь гармоническимъ состояніемъ души—вдругъ получаю записку, гдѣ мнѣ напоминаютъ, что за взятыя мною 500 р. надо заплатить за мѣсяцъ 30 р. асс., а въ отвѣтъ пишу, нельзя ли этихъ денегъ за меня заплатить, да еще достать мнѣ сотъ восемь за такіе же проценты — и опять бѣгу куда-нибудь, чтобы убѣжать отъ самого себя, чтобы забыться во внѣшности—ужасное забвеніе! Ну, ясно ли теперь тебѣ, что аккуратность жизни для меня есть единственное условіе и возможность перехода въ абсолютную жизнь? Богъ и духъ не въ аккуратности—я это знаю не хуже тебя; пустой человѣкъ не можетъ жить въ духѣ, хотя бы онъ былъ образецъ аккуратности и честности—и это я понимаю не хуже тебя. Съ пріобрѣтеніемъ аккуратности я ровно ничего не пріобрѣту для своей высшей жизни, но отстраню нѣчто внѣшнее, что мѣшаетъ мнѣ жить въ себѣ, а не внѣ себя. Понятно ли? Представь себѣ человѣка, который имѣетъ всѣ элементы духовной жизни, понимаетъ ее и стремится къ ней, но который сдѣлалъ несчастную привычку, напр., пить, и эта привычка есть единственная причина, мѣшающая ему удовлетворить его святое стремленіе; вино отнимаетъ у него разумъ, даетъ ему мгновенную и то ложную и неестественную жизнь, за которою слѣдуетъ ужасная смерть; представь себѣ, что въ самомъ пьянствѣ, благодаря своей доброй организаціи, онъ понимаетъ высшую жизнь, даже

наслаждается ею минутами; представь себѣ, что онъ понимаетъ свое ужасное положеніе, видитъ свое униженіе, а между тѣмъ гибельная привычка уже обратилась ему въ природу, и болѣзненное состояніе сдѣлалось нормальнымъ состояніемъ. Мишель, что же погубило этого человѣка? Отсутствіе трезвости, а развѣ Богъ въ трезвости, развѣ только стоитъ бросить вино, чтобы жить абсолютною жизнію, развѣ нѣтъ на свѣтѣ тысячей, милліоновъ мерзавцевъ, скотовъ, которые въ ротъ не берутъ хмельного? Ну, ясно ли, понятно ли для тебя это? Ты скажешь, что жалокъ, бѣденъ внутреннею жизнію тотъ человѣкъ, котораго спасеніе зависитъ отъ пустой, призрачной внѣшности. Согласенъ, да что мнѣ дѣлать, если я такъ бѣденъ внутреннею жизнію, такъ слабъ волею? И неужели будетъ лучше, если я, сознавая свою бѣдность и слабость, свою зависимость отъ внѣшней жизни, не употреблю всѣхъ усилій освободиться отъ этой зависимости, нежели остаться въ ней? Если бы, по какому-то уродству организаціи, я, напр., не терпѣлъ бы зеленаго цвѣта и видѣлъ бы, что не могу заниматься въ комнатѣ этого цвѣта, то не лучше ли, вмѣсто того, чтобы, преодолѣвая мое отвращеніе, терять мои силы въ пустой борьбѣ, я велѣлъ бы перекрасить мою комнату, или перемѣнилъ бы квартиру? А въ природѣ есть такія странности, такія уродства, потому что природа человѣка искажена, вслѣдствіе его паденія. Ты знаешь, что организація, какъ форма духа, есть условіе нашего развитія. Темпераментовъ шесть: гармоническій, нервическій, сангвиническій, холерическій, меланхолическій и флегматическій, но нормальный, человѣческій только одинъ—гармоническій, а остальные пять суть бо́льшія или меньшія уклоненія отъ него, бо́льшее или меньшее отсутствіе нормальности. У тебя, напр., темпераментъ гармоническій—а отчего? оттого, что твой отецъ, женившійся сорока лѣтъ, не имѣлъ до женитьбы женщины, не былъ о . . . . . , не предавался сладострастнымъ мечтамъ, не былъ пьяницею, обжорою, не былъ злымъ, глупымъ, подлымъ человѣкомъ. Твоя ли это заслуга, или дѣло случая? А мой отецъ пилъ, велъ жизнь дурную, хотя отъ природы былъ прекраснѣйшій человѣкъ, и оттого я получилъ темпераментъ нервическій, вслѣдствіе котораго я столько же духъ, сколько и тѣло, столько же способенъ къ жизни абсолютной, сколько наклоненъ къ чувственности, сладострастію, нравственному о . . . . . ; я родился съ завалами въ желудкѣ. А ты? ты, воспитываясь въ корпусѣ, зная

всѣ мерзости чувственности, питалъ къ нимъ отвращеніе и никогда ими не увлекался: это потому, что сладострастіе чуждо нормальному темпераменту. Будучи въ Литвѣ, ты поддался-было обаянію чувственности, но отчего и какъ? Отъ неудовлетворенной потребности духа: попадись тебѣ тогда хорошая книга или хорошій человѣкъ—и твоя чувственность умолкла бы, потому что твоя чувственность возбудилась не сама собою, и не для себя, а вслѣдствіе пустоты внутренней. Я не таковъ: восьми или девяти лѣтъ, прежде, нежели я понялъ физическое отношеніе женщины къ мужчинѣ, видъ женщины уже производилъ во мнѣ страстныя чувственныя движенія, я a priori понималъ то, что̀ дитя можетъ узнать только a posteriori: въ чемъ же заключается разница между нами?—въ темпераментахъ. Мнѣ бы не хотѣлось примѣшивать къ подобнымъ разсужденіямъ твоихъ сестеръ, но дѣло идетъ объ истинѣ, а сверхъ того ты поймешь, что отъ этого мое благоговѣйное уваженіе къ нимъ нисколько не ослабѣваетъ: итакъ, проведи параллель между ними и Бееровыми—и ты увидишь повтореніе того же явленія. Бееровы могутъ быть святы, но путемъ борьбы и при условіи постороннихъ на нихъ вліяній; твои сестры родились святыми. Онѣ не чужды борьбы, но ихъ борьба чисто внутренняя, духовная, а борьба Бееровыхъ—но ты знаешь, что̀ я хочу сказать. Я бы унизилъ не твоихъ сестеръ (ихъ нельзя унизить), а самого себя, еслибы предполагалъ для нихъ возможность хотя безсознательныхъ нечистыхъ движеній, слѣдовательно, объ этомъ нечего и распространяться; нѣтъ, онѣ чужды всѣхъ грѣховъ тѣла, плоти, какъ-то: зависти, злости, ненависти, потому что всѣ такого рода движенія не въ духѣ, а въ плоти. И что-жъ? опять темпераментъ. Я не хочу и не думаю оправдывать этимъ чье бы то ни было паденіе и доказывать, что кто рожденъ не съ гармоническимъ темпераментомъ, тому нѣтъ полной жизни; нѣтъ: я увѣренъ и убѣжденъ, что духъ всегда долженъ торжествовать надъ матеріею, что онъ можетъ перемѣнить самый темпераментъ, на зло природѣ. Но это значитъ, что мнѣ труднѣе, нежели тебѣ, достиженіе совершенства: зачѣмъ же такъ, зачѣмъ же это неравенство даровъ природы? Я и этимъ опять-таки не думаю оправдывать свое паденіе, а хочу только доказать слѣдующее:

1) Чтобы, судя о ближнемъ, не отклониться отъ истины, должно брать въ соображеніе всѣ обстоятельства, органическія, природныя, воспитанія и внѣшней жизни: только въ такомъ слу-

чаѣ мы и можемъ быть ему полезны, когда хотимъ дѣйствовать на его совершенствованіе; исключительность въ этомъ случаѣ есть деспотизмъ, который скорѣе раздражитъ и ожесточитъ падшую душу, нежели умилитъ ее для воспринятія истины.

2) Всякій долженъ знать себя хорошо, основательно, долженъ смотрѣть на свои недостатки, какъ на болѣзни, потому что знаніе болѣзни даетъ знаніе нужнаго для нея леченія; чтобъ быть здоровымъ, надо сперва узнать, чѣмъ я именно боленъ, или что̀ мѣшаетъ моему здоровью, и потомъ или изгнать или отстранить это мѣшающее.

Я узналъ мою главную болѣзнь и сказалъ тебѣ, что до тѣхъ поръ, пока я не устрою моей внѣшней жизни, для меня нѣтъ внутренней, слѣдовательно, совсѣмъ не то, чтобы устройство внѣшней жизни дало мнѣ внутреннюю, но то, что устройство моей внѣшней жизни дастъ просторъ, не будетъ (не то, что помогать или прямо содѣйствовать) мѣшать ей. Понятно ли? Моя ошибка (и то повидимому только) состояла въ томъ, что я хотѣлъ лечить и тебя тѣмъ же лекарствомъ, не спросивъ тебя, та ли же у тебя болѣзнь. Я наконецъ понялъ тебя,—пойми же и ты меня. Я вижу теперь, что избытокъ внутренней жизни спасаетъ тебя отъ вліяній внѣшней, которая у тебя тоже очень гадка. Кажется, теперь я уже такъ ясно выразился, что ужъ болѣе не о чемъ и спорить, и я долженъ бы былъ кончить на этомъ. Но я не кончу. Я докажу тебѣ, что, будучи неправъ въ отношеніи ко мнѣ, ты неправъ и въ отношеніи къ себѣ самому, не потому, чтобы ты былъ недобросовѣстенъ въ этомъ случаѣ, но потому, что ты еще не созналъ моей истины и какъ будто боишься сознать ее, почему какъ будто избѣгаешь, въ письмѣ своемъ, всякаго прямого объясненія насчетъ твоихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Конечно, избытокъ внутренней жизни избавляетъ тебя отъ разрушительнаго вліянія внѣшней: повторяю тебѣ, что я это понимаю и вѣрю этому отъ всей души, но естественно ли это, и можетъ ли это продолжиться? Подумай объ этомъ. Потомъ, такъ ли ты свободенъ отъ внѣшности, какъ тебѣ это кажется? Наконецъ, не сдѣлалъ ли уже ты множества зла и себѣ, и ближнимъ, и истинѣ? Остановлюсь на послѣднемъ вопросѣ и разберу его подробнѣе, не для пустого спора и не для того, чтобы навести на тебя апатію, введя тебя въ грустное сознаніе твоихъ ошибокъ и ихъ дурныхъ слѣдствій; но для истины и по долгу дружбы. Во-первыхъ, обрати вниманіе

на твои отношенія къ отцу твоему: ты объявилъ ему, что не хочешь служить, но посвящаешь себя знанію, и уѣхалъ въ Москву. Все это было не въ его правилахъ, но, узнавши, что ты даешь уроки, онъ одобрилъ это, и ты этимъ выигралъ въ его мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Михайловичъ человѣкъ практическій, и его невозможно убѣдить въ истинѣ, которая не въ ладу съ жизнію убѣждающаго; но оправдай на дѣлѣ свое убѣжденіе, и онъ одобритъ его, хотя и не приметъ его. Еслибы онъ увидѣлъ, что знаніе не мѣшаетъ твоей внѣшней жизни, т. е. еслибы онъ увидѣлъ, что сумма твоихъ житейскихъ нуждъ не превышаетъ суммы твоихъ доходовъ, что ты, взявшись за дѣло, любишь его кончить; еслибъ онъ увидѣлъ, что ты переводомъ Шмита принесъ бы пользу отечественному просвѣщенію, пріобрѣлъ бы о себѣ хорошее мнѣніе со стороны графа и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ бы средства на выполненіе любимѣйшаго твоего желанія — путешествія въ Европу, — то повѣрь, что, несмотря на разность убѣжденій, онъ всегда былъ бы съ тобою въ ладу и не доходилъ бы до горестной необходимости кривить правдою и быть явно, сознательно недобросовѣстнымъ передъ своими дѣтьми. А его ожесточеніе за дѣтскій поступокъ тверскихъ юношей — что онъ значилъ? — ожесточеніе противъ тебя. Онъ не понималъ твоей высшей жизни и не понималъ, что ты передаешь ее своимъ братьямъ: онъ понималъ только, что передашь имъ свою безалаберную жизнь, и потому твое вліяніе на нихъ огорчало его до глубины души. Разумѣется, онъ былъ неправъ, но не ты ли заставилъ его быть неправымъ? Онъ видѣлъ, что ты живешь въ Москвѣ для того, чтобы дѣлать въ ней то, что ты могъ дѣлать въ Прямухинѣ; что ты отъ него не требуешь денегъ, но своихъ не имѣешь, а по его мнѣнію (не совсѣмъ несправедливому) тратить деньги, не имѣя ихъ, — не хорошо. Я уже не говорю о слѣдствіяхъ перевода Шмита въ отношеніи къ самому тебѣ: ты, вѣрно, знаешь, что̀ сказалъ о тебѣ графъ на этотъ счетъ, равно какъ и всѣ непріятности, которыми этотъ несчастный переводъ мучитъ тебя столько времени. Теперь о долгахъ. Взять денегъ у друга, хотя бы и съ стѣсненіемъ его, можно, но только при нуждѣ, въ которой ты не виноватъ; брать же деньги такъ, чтобы спутывать того, у кого берешь, вводить его въ обязательство съ пустыми людьми, — никуда не годится. Ты взялъ 600 р. у Ефремова на полгода назадъ тому два года; деньги не его, а отцовы. Ефремовъ, пріѣхавши съ Кав-

казу, много перемѣнился: лицо его свѣже, бодро, онъ уже не выражаетъ носомъ чувствъ, потому что онъ бросилъ всѣ свои глупости и безпрестанно занятъ дѣломъ. Сдѣлай одинъ шагъ къ добру, другой самъ сдѣлается: Ефремовъ чуждъ абсолютной жизни, но въ извѣстной степени для него доступна человѣческая жизнь, да и даже не въ извѣстной, потому что, какъ можно опредѣлить эту извѣстность! Итакъ, Ефремовъ поправляется видимо, но онъ человѣкъ слабый, и обстоятельства имѣютъ на него большое вліяніе. Пока его родители нагло требовали отъ тебя своихъ денегъ, онъ не безпокоился объ нихъ; но теперь, когда они слегка и вѣжливо напоминаютъ ему объ нихъ, и когда онъ знаетъ, что поѣздка на Кавказъ, болѣзнь матери и другія неблагопріятныя обстоятельства въ самомъ дѣлѣ произвели нужду въ деньгахъ—онъ безпокоится и просилъ меня написать къ тебѣ объ этомъ, но я, разумѣется, сказалъ ему, что еслибы у тебя были деньги, то ты прислалъ бы ихъ и безъ напоминанія. Какъ бы то ни было, только все это приводитъ Ефремова въ безпокойство и апатію, и я очень понимаю неизбѣжность этой апатіи. Потомъ (и это сообщаю тебѣ подъ тайною) я узналъ отъ Боткина, что Кетчеръ горько ему жаловался, что ты взялъ у него на мѣсяцъ сто рублей и, разумѣется, теперь еще не отдалъ. Онъ человѣкъ семейный, содержитъ мать и сестеръ, деньги достаетъ кровавымъ пóтомъ, а что̀ всего важнѣе—могъ дать тебѣ ту сумму только на мѣсяцъ. Ты знаешь, что онъ человѣкъ благородный, готовъ услужить всякому съ собственнымъ лишеніемъ, и если рѣшился обнаружить Боткину, хотя подъ тайною, свое противъ тебя неудовольствіе, такъ это не даромъ: можетъ быть, твоя неаккуратность обошлась ему дорого, тѣмъ болѣе, что о собственномъ лишеніи не сталъ бы хлопотать. Сверхъ того, отъ него же Боткинъ узналъ, что твои частыя просьбы денегъ, безъ отдачи старыхъ долговъ, такъ не нравятся Левашовымъ, что они въ послѣдній разъ отказали тебѣ совсѣмъ не по неимѣнію денегъ. Признаюсь, такого рода отзывъ отъ такихъ людей очень непріятенъ, да и самыя одолженія ихъ хуже всякой нужды. Я знаю, что твоя неаккуратность происходитъ изъ прекраснаго источника. Напиши я теперь къ тебѣ, что я въ крайней нуждѣ, что я погибаю,—ты бросишься, какъ угорѣлый, по всѣмъ твоимъ знакомымъ, чтобы выкупить изъ бѣды пріятеля. Это хорошо, но худо то, что ты это сочтешь дѣломъ легкимъ, не стоющимъ вниманія, тогда какъ заемная копѣйка должна казаться мил-

ліономъ. Это — прекраснодушіе, и я теперь понимаю, отчего Станкевичъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, сказалъ, что прекраснодушіе есть самая подлѣйшая вещь въ мірѣ. Твоя неаккуратность, или, вѣрнѣе, твоя дѣтская, вѣтренная довѣрчивость и къ обстоятельствамъ и къ людямъ, еще болѣе увѣрили меня въ справедливости словъ Станкевича. Дѣло вотъ въ чемъ: ты, зная, что Левашова добрая, но пустая женщина, никогда неспособная возвыситься до никакого ощущенія міровой истины, по своей дѣтской добротѣ оказывалъ ей больше довѣренности, нежели сколько было должно: ты читалъ ей письма В. А. Дьяковой, изъ которыхъ она вывела слѣдующее премудрое заключеніе: твоя сестра обожаетъ своего мужа, а ея разводъ съ нимъ есть одна изъ самыхъ смѣшныхъ и дѣтскихъ твоихъ фантазій, и что, наконецъ, ты дѣлаешь ее несчастною своимъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ. Кетчеръ, разумѣется, той же вѣры насчетъ этого дѣла, и ты не можешь вообразить, съ какимъ негодованіемъ на тебя, или, лучше сказать, на твое глупое прекраснодушіе, съ какимъ мучительнымъ чувствомъ слушалъ я его нелѣпыя разсужденія объ этомъ. Мишель, ты забылъ заповѣдь Спасителя: «не мечите бисера передъ свиньями», ты забылъ, что все святое жизни должно быть тайною для профановъ. Боткинъ не видалъ твоихъ сестеръ, но понимаетъ ихъ по описаніямъ твоимъ, моимъ, Лангера; Боткинъ горько жаловался мнѣ на тебя за это и говоритъ, что нелѣпыя сужденія Николая Христофоровича о твоей сестрѣ для него — ножъ вострый. Да, Мишель, по своимъ дѣйствіямъ ты истинно прекрасная душа, а это совсѣмъ не гармонируетъ съ твоими идеями, это значитъ, что ты еще не перенесъ въ жизнь своихъ убѣжденій, и Станкевичъ во время оно подѣломъ на тебя бѣсился. Смѣшно и грустно было мнѣ, когда я узналъ о твоихъ дѣтскихъ планахъ дѣйствованія на Дьякова посредствомъ Аксакова и Санички Станкевича — замѣть: не Александра, а Санички, т. е. ребенка. Все это я говорю для того, чтобы убѣдить тебя, что неаккуратность и ея слѣдствія, если не убиваютъ тебя теперь, вслѣдствіе большого избытка твоей внутренней жизни, то, рано или поздно, а заставятъ тебя сказать: «я былъ бы не то, еслибы не такъ жилъ». Слова, которыхъ всего ужаса ты не въ состояніи понять, потому что въ твоей жизни еще не сдѣлано ничего невозвратнаго, ничего, налагающаго шрамы на самый духъ. Пока есть время—подумай объ этомъ.

Больше я объ этомъ писать не буду. Все, что я ни писалъ—истина, но истина практическая и потому непріятная. Тяжело и больно мнѣ, что я измаралъ такъ много бумаги на то, чтобы доказать, что $2 \times 2 = 4$. Если ты и этимъ не убѣдишься—пиши, пожалуй, но я отвѣчать не стану, а лучше кончимъ нашъ странный споръ лично при свиданіи.

Въ обоихъ твоихъ письмахъ, все, что ты говоришь прямо противъ моей мысли объ аккуратности—только болѣе утвердило меня въ ея справедливости. Но чѣмъ ты меня задавилъ, уничтожилъ, втопталъ въ грязь, показавъ мнѣ всю мою пошлость—это твои идеи объ абсолютной жизни, которую ты такъ прекрасно преслѣдуешь въ религіозномъ развитіи народовъ. Изъ этихъ разсужденій я понялъ, какъ огроменъ запасъ твоей внутренней жизни, какъ занимаютъ тебя интересы духа, понялъ—и оглянулся на себя—и мнѣ стало грустно. Прекрасная душа, нерѣдко неразумное и легкомысленное дитя, часто совсѣмъ пустой малый въ своей внѣшней жизни, ты, Мишель, высокая душа, олицетворенная мощь въ своей внутренней жизни. И тѣмъ болѣе обязанъ ты хранить, беречь силы твоего духа и не подвергать ихъ пустой, но тѣмъ не менѣе изнурительной борьбѣ съ призраками внѣшности. Ты благородный не въ гражданскомъ, но въ этимологическомъ смыслѣ этого слова, потому что ты получилъ отъ природы благую организацію, цѣны которой ты не можешь знать хорошо, но я, я знаю ей цѣну. Все ваше семейство—феноменъ въ этомъ отношеніи, и хотя «его благородіе, ангелъ мой» немножко и срѣзался на этомъ, но и у него хотя горячая кровь и крѣпкое сложеніе есть.

Твое проклятое молчаніе (тоже—слѣдствіе прекраснодушія) свело-было меня съ ума, и я не шутя чувствовалъ минутами какіе-то дикіе порывы, бросивъ все, хоть пѣшкомъ итти къ тебѣ. Такъ какъ я предполагалъ, что твои отношенія съ Александромъ Михайловичемъ дурны до послѣдней степени, то и почиталъ за безполезное писать къ нему, и уже не шутя было рѣшался писать къ Варварѣ Александровнѣ, въ убѣжденіи, что безпокойство объ участи друга будетъ для нея достаточнымъ извиненіемъ въ моей смѣлости. Ты просто измучилъ меня, безалаберная голова. Но теперь я спокоенъ и только съ нетерпѣніемъ жду тебя. Твой возвратъ въ Москву будетъ для меня свѣтлымъ праздникомъ. Боже мой, сколько разговоровъ, новостей, подробностей, сколько жизни! Пріѣзжай поскорѣй, а

если еще не можешь скоро пріѣхать, то увѣдомь объ этомъ: я хочу писать къ тебѣ большое письмо о творчествѣ. Я было на Кавказѣ растолковалъ его себѣ удовлетворительно и окончательно, но—

О, коль судьба упруга!

подлый человѣкъ Катковъ, стакнувшись съ другимъ мерзавцемъ (именно съ Егоромъ Ѳедоровичемъ), разбилъ въ прахъ мою прекрасную теорію. Ту и другую (сколько ее понялъ) хочу изложить тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ, но не прежде, какъ получивъ отъ тебя извѣстіе, что ты еще не скоро пріѣдешь. Александръ Христофоровичъ переводитъ съ французскаго чью-то (забылъ имя автора) исторію философіи и читалъ мнѣ съ Боткинымъ отрывокъ о Декартѣ, Малебраншѣ и Спинозѣ—славная вещь! Спиноза—вотъ еще гигантъ-то! Если въ Прямухинѣ есть Энциклопедическій словарь, то прочти въ немъ статейку «Бруно»: ты увидишь изъ нея, что и Италія имѣла своего Спинозу.

Да еще вотъ что: возьми, пожалуйста, у кого-нибудь нѣсколько уроковъ въ каллиграфіи: твоихъ писемъ читать нельзя. Послѣднее письмо прочелъ мнѣ Боткинъ, да и то нѣкоторыя слова такъ и остались неразобранными. Читая твое письмо, мы больно похваливали тебя, а Боткинъ забылъ даже болѣзнь свою (у него сдѣлалась было костоѣда). Зато, и ругали, мошенникъ ты такой, ругали порядкомъ тебя, во первыхъ, за спорные пункты, противъ которыхъ я возражалъ въ этомъ письмѣ, а во вторыхъ, за неумѣніе писать такъ, чтобы можно было читать. Я еще нападалъ и за незнаніе грамматики: ну, не стыдно ли тебѣ не знать, гдѣ ставить *ъ*, гдѣ *е*. Ты пишешь: т-*е*-нь, гр-*е*-хъ, т-*е*-ло. Небось, по французски не ошибешься въ орѳографіи—на что же это похоже? Устыдись и покайся.

Боткинъ читалъ мнѣ свою неконченную статью о «Робертѣ-Дьяволѣ»—славная статья. Этотъ малый умѣетъ писать, и еслибы вздумалъ поучить Шевырева уму-разуму и принялся бы за это съ большимъ жаромъ, то не охладѣлъ бы на половинѣ, какъ иные-прочіе—понимаете? Засимъ, имѣю честь кланяться, хоть бумаги немного и остается, да ужъ нечего писать.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ М. А. Бакунину. 15 ноября, 1837.

Москва. 1837. Ноября 15 дня.

Чортъ бы тебя взялъ, любезный Мишель! У тебя престранные поступки: размахнешься цѣлою тетрадью, да и замолчишь на годъ. Ужъ сколько ты разъ писалъ, что пріѣдешь въ Москву въ ноябрѣ, а въ какихъ числахъ и даже въ какомъ ноябрѣ—37 или 38 года—не пишешь. Лангеръ получилъ отъ тебя большое письмо, но ты напрасно трудился для него—и до сихъ поръ еще не прочелъ онъ его, потому что нѣтъ никакой возможности. Право, хоть ужъ бы у какого-нибудь дьячка поучился ты чистописанію, или бы ужъ совсѣмъ пересталъ писать письма. О, если бы ты послушалъ, какъ мы тебя проклинаемъ за твою безграмотность! Но—пора о другомъ. Скажу тебѣ новость—я сбираюсь въ Питеръ, и не шутя. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отправилъ я на почту письмо къ Николаю Полевому. Ксенофонту Алексѣевичу отказали,—и мнѣ нечего дѣлать въ Москвѣ. Я хочу существовать и матеріально и нравственно, и почему-то, не знаю самъ, думаю, что только въ Петербургѣ могу жить тѣмъ и другимъ образомъ. Въ мысли о Петербургѣ для меня есть что-то горькое, сжимающее грудь тоскою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то дающее силу, возбуждающее дѣятельность и гордость духа. Сверхъ того, я нуждаюсь, для поддержанія моей дѣятельности, во внѣшнихъ возбужденіяхъ. Изъ подъ палки, нужды или необходимости, я могу написать живую статью, да и всѣ статьи мои не были бы написаны безъ понуканій типографскихъ наборщиковъ и разныхъ внѣшнихъ принужденій. Ѣду въ Петербургъ, буду тамъ безъ васъ, моихъ друзей, слѣдовательно, буду одинъ—при этой мысли мнѣ больно, грустно, но и отрадно въ то же время. Я знаю себя: мнѣ не надо спать, а московская жизнь, даря меня прекрасными минутами, усыпляетъ на остальное время. Мнѣ надоѣло это. Хочу страдать, но жить, т. е. сознавать себя хотя бы въ грустномъ чувствѣ добровольнаго лишенія того, что составляло мою жизнь. А притомъ же хочу и дѣлать, хотя могу и не дѣлать. Итакъ, Мишель, пріѣзжай скорѣе: не долго быть намъ вмѣстѣ. Конечно, и это дѣло можетъ не состояться, но я думаю, что оно скорѣе состоится, нежели не состоится.

Я познакомился съ Левашовыми; въ пятницу былъ у нихъ. Со вторника, т. е. съ завтрашняго дня, даю у нихъ уроки— младшей дочери и старшему (Валеру) сыну. Добрые люди, прекрасные люди, но ихъ міръ не нашъ міръ. Ахъ, братецъ, скажу тебѣ кстати славную новость: нашъ нелѣпый со дня на день перемѣняется къ лучшему и скоро будетъ благолѣпнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Чудесная душа, чистая, благородная душа этотъ господинъ нелѣпый! Добрѣйшій Василій Боткинъ съ каждымъ днемъ дѣлается добрѣе, хотя, повидимому, это и невозможно. О себѣ не хочу ничего говорить, потому что это самая гадкая и до смерти надоѣвшая мнѣ исторія. Человѣкъ имѣетъ право говорить о себѣ только въ отношеніи абсолютной жизни, которою онъ наслаждается, а повторять цѣлую жизнь— я неучъ, я дуракъ, я жалокъ, я смѣшонъ — глупо и пошло... Буду хорошъ и дуренъ молча. Петербургъ раздѣлитъ мою жизнь на двѣ половины, и если вторая будетъ не лучше первой, если она останется такимъ же призракомъ, то лучше молча, опять-таки молча, истаять и исчезнуть, подобно призраку. Подлецомъ я не могу быть, не могу деньгамъ, чинамъ или другимъ какимъ пошлостямъ внѣшней жизни жертвовать своимъ человѣческимъ достоинствомъ: съ этой стороны я спокоенъ, и потому увѣренъ, что, переѣхавши въ Петербургъ, или буду жить въ какой бы то ни было степени, но только конкретною жизнію, а не въ призракѣ, или разрушусь постепенно, какъ разрушаются всѣ призраки. Къ чорту жалобы, немощь, отчаяніе;—надежда, смѣлость, твердость, сила—вотъ что̀ долженъ я ощущать въ себѣ и, въ самомъ дѣлѣ, если я ихъ еще и не ощущаю въ себѣ теперь, то увѣренъ, что ощущу, а эта самая увѣренность за будущее есть уже признакъ улучшенія въ настоящемъ. Борьбы, страданія, слезъ, затаенныхъ мукъ сердца—вотъ чего я прошу теперь у судьбы и вотъ черезъ что надѣюсь я очиститься и перейти въ жизнь духа. Ахъ, Мишель, какъ бы я желалъ увидѣться съ тобою скорѣе. Присутствіе человѣка, сильнаго вѣрою, даетъ вѣру, а вѣра есть—все. Я теперь, во внѣшности моей, немного лучше прежняго, но начинаю яснѣе понимать многое. Бѣда только въ томъ, что идея не проникаетъ, не въѣдается, такъ сказать, въ сокровенные тайники моего бытія, не овладѣваетъ всѣмъ существомъ моимъ. Я все понимаю какъ-то объективно, какъ будто отдѣляя сознаніе отъ себя. Можетъ быть, это необходимый переходъ, можетъ быть, такъ оно нужно; но боюсь собственный

произволъ принять за необходимость и вліяніемъ судьбы оправдать свое безсиліе.

Нѣмецкій языкъ мой идетъ плохо. Чортъ возьми, необходимость знанія языковъ поставляетъ меня въ область долга, а это самая гадкая область въ царствѣ духа, но вѣдь надо же перейти ее, точно такъ же, какъ для того, чтобы достигнуть до мѣста, гдѣ намъ пріятно быть, надо переѣхать черезъ множество мѣстъ непріятныхъ и вытерпѣть всѣ неудобства дороги. Взялся я за «Разбойниковъ» Шиллера, но, кромѣ того, что эта пьеса не имѣетъ для меня прелести новости, она написана такимъ фразистымъ и вычурнымъ языкомъ, что и знающіе нѣмецкій языкъ не могутъ многихъ мѣстъ понять, а я, если не пойму одного мѣста, то теряю охоту итти дальше. Читать Фихте тоже не хочется, потому что философскій языкъ простъ и однообразенъ, а мнѣ знаніе нѣмецкаго языка нужнѣе знакомства съ Фихте, потому что послѣднее должно быть слѣдствіемъ перваго. Кромѣ же того, мнѣ нужно переводить что-нибудь поэтическое: ты знаешь, что я еще стою на степени прекраснодушія, и идея, соединенная съ трудностію понять ее, скорѣе охладитъ, нежели возбудитъ во мнѣ дѣятельность. Выборъ мой палъ на чудака Гофмана. Хочу приняться за него. Долго колебался между «Котомъ Муромъ» и «Серапіоновыми Братьями»: первое хорошо потому, что заключается въ одной книжкѣ, а второе тѣмъ, что переведено на русскій, и можно справляться съ переводомъ въ трудныхъ мѣстахъ. Къ тому же я прочелъ 3 томъ этого сочиненія и пришелъ въ восторгъ отъ «Мейстерзингеровъ», этого геніальнаго произведенія, въ которомъ высказано преимущество безконечнаго надъ конечнымъ въ искусствѣ. Вотъ истинная сторона Гофмана! Его фантастическое—болѣзнь духа, жизнь призрачная. Искусство, какъ предметъ искусства—здѣсь Гофманъ великъ, и его надо давать молодымъ людямъ для развитія въ нихъ чувства изящнаго. А его Аннунціата — о, какъ хороша! Рѣшено—читаю по-нѣмецки «Серапіоновыхъ Братьевъ.»

Прощай, Мишель. Желаю, чтобы «здравствуй» сказалъ я тебѣ не на письмѣ, а въ Москвѣ.

Твой В. Бѣлинскій.

Лангеръ взялся учить музыкѣ моего племянника.

Къ М. А. Бакунину. Между 15 и 21 ноября, 1837.

Москва. 1837. Ноября дня.

Любезный Мишель, письмо твое произвело на меня нѣсколько различныхъ и даже противоположныхъ впечатлѣній: во первыхъ, оно подавило меня удивленіемъ, какъ тяжелою горою; во вторыхъ, оно опечалило меня и вмѣстѣ обрадовало. Послѣднее впечатлѣніе очень сложно, такъ что я едва-едва могу отдать себѣ отчетъ въ немъ: тутъ есть радость, и эгоистическая, подлая, и человѣческая, благородная. Но я хочу, чтобы письмо мое было послѣдовательно, и потому начну съ начала. Ты былъ . . . . . ; ты ревновалъ ко мнѣ (кого же?) и питалъ ко мнѣ непріязненное, жгучее чувство. Когда я все это прочелъ, у меня руки опустились, и мое удивленіе было смѣшано съ какимъ-то ужасомъ. Но ты, Мишель, хорошо сдѣлалъ, что во всемъ мнѣ признался: полная откровенность есть первое условіе дружбы, и вотъ тебѣ тому доказательство: теперь я не только больше люблю тебя, но и больше уважаю. Я поставилъ тебя на ходули въ моемъ мнѣніи, я уважалъ тебя, какъ идеалъ, но мое уваженіе было холодно; теперь ты самъ сошелъ съ ходуль, ты показалъ себя въ видѣ жалкомъ, униженномъ, презрѣнномъ даже, но теперь-то я уважаю тебя горячо, энтузіастически, ты облекся въ моихъ глазахъ въ какое-то фантастическое величіе. Да, мой бѣдный и благородный Мишель, кто можетъ дѣлать такія признанія, тотъ—человѣкъ. Жалѣю, что ты не сдѣлалъ этого прежде: можетъ быть, ты тогда же бы прекратилъ свои страданія; но можетъ быть всегда только предположеніе и часто равняется не можетъ быть. Духъ развивается во времени и въ обстоятельствахъ: эти обстоятельства необходимы. Ты падалъ ужасно, но потому, что долженъ былъ падать, потому, что только такимъ путемъ могъ ты дойти до своего настоящаго развитія. Паденія твои теперь для тебя—призракъ, а существенно только то, что ты всталъ, и всталъ, для того—теперь я согласенъ съ этимъ,—чтобъ больше не падать. . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . ты теперь загладилъ этотъ проступокъ своею исповѣдью мнѣ, безчеловѣчною въ отношеніи къ тебѣ. Я тебя понимаю, и пусть самъ Богъ проститъ тебя такъ же полно, какъ чистосердечно и братски прощаю я тебя. Теперь—второе обстоятельство. Оно было мнѣ небезызвѣстно, потому что при отъѣздѣ твоемъ въ Прямухино ты намекнулъ мнѣ объ немъ, но но оно все-таки тѣмъ не меньшимъ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, поразило меня. Вспомни, Мишель, какъ дурно ты велъ себя въ отношеніи ко мнѣ во время моего пребыванія въ Прямухинѣ. О, ты вонзалъ мнѣ ножъ въ сердце и, вонзая, поворачивалъ его, какъ бы веселясь моими муками. Что это не фраза съ моей стороны—вотъ тебѣ доказательство: до послѣдняго твоего письма (которое перемѣнило мои отношенія къ тебѣ и положило начало истинной моей дружбы къ тебѣ) я любилъ и ненавидѣлъ тебя. Я любилъ тебя искренно, любилъ тебя для самого тебя, любилъ тебя за то, что одолженъ тебѣ моимъ развитіемъ столько же почти, какъ Станкевичу, любилъ тебя, потому что люблю всѣхъ твоихъ сестеръ такою любовію, которая облагораживаетъ меня и служитъ мнѣ залогомъ всего прекраснаго въ жизни, наконецъ, любилъ тебя за то, что одна изъ нихъ имѣетъ для меня доселѣ нѣсколько бо́льшее значеніе, нежели прочія: и въ то же время я ненавидѣлъ тебя минутами. Какое-то дьявольское наслажденіе находилъ я въ томъ, чтобы злословить тебя, разсуждать о твоемъ мальчишествѣ. По пріѣздѣ въ Москву, съ Кавказа, я разсказывалъ К. Беeру, Н. Станкевичу, даже Кетчеру (не говоря уже объ Аксаковѣ и Боткинѣ), о моемъ спорѣ съ тобою объ аккуратности, осуждалъ тебя за Шмита и прочее; этого мало: ты знаешь, что я по своему толкую исторію Станкевича, я вѣрю, что не любовь была его фантазіей, а напротивъ, увѣренность въ ложности этого чувства была фантазіею, вслѣдствіе спертой воли, чему причиною твое прекраснодушіе; я и теперь въ этомъ увѣренъ, но теперь я объ этомъ буду говорить, не осуждая тебя и не находя удовольствія осуждать тебя; но недавно—повѣришь ли?—я намекнулъ объ этомъ Николаю Христофоровичу, который, Богъ знаетъ, почему, знаетъ глав-

ное-то. Я чувствовалъ, что я гадокъ, и принимался хвалить тебя, но въ то же время чувствовалъ, что не отъ души. Твое предпослѣднее письмо значительно примирило меня съ тобою, но червь ненависти все еще оставался въ моемъ сердцѣ: послѣднее письмо твое совершенно задавило его, и я дышу свободнѣе. Чтобы яснѣе высказать мою мысль, я долженъ тебѣ напомнить кой-какіе случаи, гдѣ ты рѣзалъ меня. Когда у васъ было освященіе, вечеромъ, когда всѣ ужинали на разныхъ столикахъ и представляли собою отдѣльныя группы, сливавшіяся во что-то фантастическое цѣлое, я былъ веселъ, былъ счастливъ. Какъ-то подошелъ къ Татьянѣ Александровнѣ и началъ, отъ избытка сердца, болтать вздоры, которые были довольно пошлою формою истиннаго чувства. Подходишь ты, и—какъ вѣрно чувство симпатіи и антипатіи!—я смѣшался. «Что это такое?—говоришь ты,—новый способъ дѣлать комплименты, говоря дерзости» [1]). Я чувствовалъ, что по всему моему тѣлу, ото лба до пятокъ, запрыгали острыя иглы, что бѣлье взмокло на мнѣ и прилипло къ тѣлу, и понялъ, что есть оскорбленія, которыя могутъ засыпать, притаиваться, но не исчезать. Мнѣ было непонятно только то, что глупая шутка и кадетское мальчишество могли такъ сильно оскорблять меня, и я обвинилъ себя въ самомъ мелочномъ самолюбіи. Въ другое время, меня ужасно срѣзалъ за столомъ, по простотѣ своей, Илья; онъ срѣзалъ, а ты дорѣзалъ. Не буду говорить, какое дѣйствіе производило это на меня. Въ первое мгновеніе это всегда бывало страданіемъ, бѣшенствомъ, смѣшанными съ какимъ-то (почему не сказать правды?) удовольствіемъ, а за всѣмъ этимъ слѣдовала апатія, отупѣніе, отвращеніе отъ жизни и самого себя. И каждый разъ, когда ты унижалъ меня передъ всѣми нами своими грубыми выходками, я чувствовалъ къ тебѣ болѣе, нежели досаду, болѣе, нежели негодованіе, что-то похожее на ненависть. Я писалъ вторую мою статью, оканчивалъ ее, не могъ себѣ уяснить хорошо идеи любви къ женщинѣ, начало которой чувствовалъ въ самомъ себѣ, два дня жилъ я въ себѣ, сосредоточенный, съ сладкою болью въ груди, съ сладкимъ страданіемъ въ душѣ, я чувствовалъ, мыслилъ, я ощущалъ въ себѣ присутствіе внутренней жизни; два дня, Мишель, два дня, съ неохотою, съ досадою отрывался отъ пера даже для того, чтобы итти туда—

[1]) Я тогда же замѣтилъ, что Татьяна Александровна была какъ-то странно сконфужена этимъ; теперь я понимаю — это оттого, что она лучше знала причину твоего поступка.—*Примѣчаніе Бѣлинскаго.*

и что же, въ эти два дня ты нарочно преслѣдовалъ меня кощунствомъ, смѣхомъ, пошлыми шутками... По пріѣздѣ, какъ только я остался наединѣ съ Станкевичемъ, то, при всемъ моемъ желаніи утаить отъ него мое новое чувство, я, ничего не высказывая, высказалъ ему все; увлекшись моимъ негодованіемъ противъ тебя и жалобами на тебя, онъ принялъ мою сторону, осуждалъ тебя—и это было для меня цѣлебнымъ бальзамомъ. Помнишь ли, какъ у Бееровыхъ я назвалъ тебя Александромъ Ивановичемъ, а ты, чтобы отомстить мнѣ за это, сказалъ: «что? Александръ? нѣтъ, я не Александръ, а у меня сестра, такъ Александра» или подобную пошлость. Помнишь ли, какъ у Боткина я назвалъ тебя опять Хлестаковымъ, а ты мнѣ сказалъ, что ты знаешь кое-что за мною и можешь меня срѣзать еще хуже. Боже мой, думалъ я, что же такое этотъ человѣкъ? Зачѣмъ въ немъ такъ много добраго, прекраснаго, зачѣмъ его дружба такъ много сдѣлала для моего развитія, и зачѣмъ онъ въ то же время мальчишка, глупецъ пошлый, словомъ, Иванъ Александровичъ Хлестаковъ? Изъ этого ты можешь замѣтить, что я твою неделикатность со мною объяснялъ офицерствомъ, мальчишествомъ, и это-то меня бѣсило и оскорбляло больше всего. Для меня сноснѣе было бы думать, что твои такіе поступки со мною имѣютъ основаніемъ скрытую ненависть, зависть или что-нибудь подобное: для меня сноснѣе было думать (по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось), что ты подлецъ, нежели то, что ты мальчишка. Послѣднее письмо твое сняло гору съ души моей. Поступки твои со мною дурны, но источникъ ихъ—Мишель, тотъ подлецъ, негодяй, черствая душа, кто бы осудилъ тебя за нихъ. Ты ненавидѣлъ меня (и, разумѣется, любилъ въ то же время: въ твоемъ положеніи я понимаю возможность двухъ такихъ противоположныхъ чувствъ къ одному и тому же лицу); мои статьи были для тебя—ножъ вострый: о, Мишель, какъ я понимаю это, какъ я теперь сострадаю къ тебѣ въ прошедшемъ, какъ я теперь люблю тебя, какъ мнѣ хочется обнять тебя, плакать на груди твоей. Не могу рѣшить, естественно ли твое чувство: это могъ бы рѣшить только одинъ Гегель, а не мы, находящіеся подъ вліяніемъ внѣшности и даже преданія; какъ бы то ни было, только твое чувство меня пугаетъ, кажется мнѣ уродливымъ, чудовищнымъ; но оно есть въ тебѣ, Мишель, потому что ревность есть пробный и необманчивый признакъ этого чувства. Глупо было-бъ обвинять тебя въ немъ, но я понимаю, что ты долженъ былъ

ненавидѣть меня, что мои статьи должны были для тебя быть—ножъ вострый; и что въ то же время ты долженъ былъ ненавидѣть и себя, сознавать себя подлецомъ, эгоистомъ, желать смерти себѣ. Все это мнѣ понятно. Я помню, что, когда ты ходилъ обнявшись съ Александрой Александровной, мною всегда овладѣвало минутное бѣшенство, за которымъ слѣдовало нѣсколько часовъ апатіи, отвращеніе отъ жизни и самого себя, презрѣніе къ самому себѣ, а я—ты самъ это хорошо знаешь—не имѣлъ ни малѣйшей причины ревновать тебя. Потомъ, я помню, какое непріязненное чувство питалъ къ самому имени Вульфовъ, какую могучую ненависть ощутилъ я въ себѣ къ кн. Козловскому—а вѣдь оба были для меня совершенные призраки, люди невинные и не опасные. Наконецъ, я помню, что когда, будучи на Кавказѣ, я не питалъ не только любви, но даже и воспоминанія о ней, и когда Ефремовъ получилъ отъ Санички Станкевича письмо, въ которомъ тотъ ошибочно увѣдомлялъ, что въ Прямухино ѣдутъ и Поль, и Лангеръ, и Боткинъ, то меня покоробило при этомъ извѣстіи, и я впалъ въ самую гадкую апатію. Поля я не зналъ, и онъ не существовалъ для меня, Лангера—но съ Лангеромъ я впередъ зналъ, что должно было случиться—и не ошибся; слѣдовательно, Боткинъ—вотъ кто возмутилъ мою душу и отравилъ на нѣсколько времени жизнь. А я, Мишель, очень хорошо зналъ, что не имѣю никакого права ревновать; даже—скажу болѣе—я очен хорошо чувствовалъ, что мое чувство ложно или, по крайней мѣрѣ, такъ слабо и ничтожно, что недостойно ни меня, ни особенно того предмета, на который устремлено. Итакъ, Мишель, повторяю тебѣ, что я глубоко понимаю твое прошедшее положеніе въ отношеніи ко мнѣ, твою ненависть, зависть, желаніе оскорбить, внутреннюю борьбу и, наконецъ, то, что ты, вслѣдствіе всего этого, сталъ точно походить на Хлестакова. Твоя жизнь была призрачна, ложна, наши отношенія были таковы же. Между нами не было и не могло быть истинной дружбы. Теперь я понимаю, что ты правъ былъ съ своими мѣстоименіями «я» и «вы», что въ твоемъ письмѣ ко мнѣ не было гордости и пуританизма, но была истинная любовь: ты только не понялъ моего положенія,—и вотъ причина нашихъ недоразумѣній.

Обращусь опять назадъ. Твое чувство и его проявленія—я уважаю то и другое, не изслѣдуя ни ихъ причинъ, ни ихъ законности. Ты былъ страдальцемъ, и если бы въ этомъ положеніи, въ минуту паденія, ты оклеветалъ меня—и тогда бы я простилъ

тебя искренно. Но ты обнаруживалъ гигантскую силу духа въ самомъ паденіи. Мои статьи были для тебя—ножъ вострый, а ты хвалилъ ихъ, ты давалъ всѣ способы торжествовать мнѣ на твое мученіе. Ты подозрѣвалъ, что Татьяна Александровна меня любитъ, и, зная, что мои статьи есть лучшая, блестящая и самая сильная моя сторона, что только тутъ-то могу я высказать мой энтузіазмъ, мою прекрасную душу и что только этимъ я въ состояніи увлечь женщину—и ты, ты хвалилъ мои статьи, ты улаживалъ ихъ чтеніе. Ты, Мишель, просто—великъ. Не прими моихъ словъ за фразы, я пишу все это, что называется, сплеча, пишу тебѣ со слезами на глазахъ. Не самоотверженію твоему удивляюсь, не долгу: нѣтъ, то и другое есть призракъ, потому что только любовь реальна; но силѣ духа твоего дивлюсь я. Стоицизмъ—призракъ самъ по себѣ, но, какъ выраженіе великихъ элементовъ въ душѣ человѣка—онъ есть нѣчто высокое и реальное. Имъ-то ты подавляешь меня: я чувствую себя ничтожнымъ передъ тобою и, подъ ногами твоими, говорю тебѣ, что люблю и уважаю тебя теперь болѣе, нежели когда-нибудь. Помню я, что ты не присутствовалъ при второмъ чтеніи моей второй статьи (по случаю возвращенія изъ Москвы Любови Александровны и Татьяны Александровны), что ты сошелъ къ намъ къ концу чтенія, и сошелъ въ апатіи, которая обдала меня холодомъ. Помню, что ты не присутствовалъ съ нами, когда я читалъ поэмы Пушкина, и въ тоскѣ и апатіи сошелъ къ концу чтенія. Эту апатію ты приписывалъ отсутствію въ себѣ эстетическаго чувства—и я повѣрилъ тебѣ. Другъ Мишель, если теперь, въ рѣдкія минуты дисгармоніи, ты съ досадою на самого себя воспоминаешь о своемъ враждебномъ чувствѣ ко мнѣ и обвиняешь себя въ немъ,—брось это, какъ призракъ, а я прощаю и благословляю тебя, какъ человѣкъ, христіанинъ и твой другъ, я—повторяю тебѣ—еще болѣе люблю и уважаю тебя за твое непріязненное чувство ко мнѣ, и мнѣ отъ этого самому легче и лучше. Но довольно обо мнѣ, поговорю о тебѣ.

Ты еще и теперь не увѣренъ, оставило ли тебя твое странное чувство. Какъ бы то ни было, но если оно было въ тебѣ, то необходимо должно было быть—и, кто знаетъ?—можетъ быть, ты ему болѣе или менѣе обязанъ своимъ теперешнимъ переходомъ въ высшую жизнь. Оно, какъ всякое чувство, относится къ внутренней жизни, а во внутренней жизни нѣтъ случайностей и призраковъ: тамъ все необходимо и дѣйствительно. Духъ,

какъ въ человѣчествѣ, какъ въ народѣ, такъ и въ индивидѣ, развивается во времени и въ обстоятельствахъ, и каждое обстоятельство, хотя бы даже внѣшнее, но имѣющее вліяніе на внутренній міръ человѣка, есть необходимое средство къ развитію,—

Все въ жизни къ великому средство!

Другое дѣло—обстоятельства, накликанныя нами на себя; но ты не выкликалъ своего чувства, котораго ты, естественно, долженъ былъ страшиться. Итакъ, твое чувство было необходимо. но не истинно, т.-е. не конкретно, оно нужно было, какъ средство временное. Это можно рѣшить однимъ вопросомъ: замѣчалъ ли ты въ ней такое же къ себѣ чувство? Если нѣтъ, то твое было ложно. Да, Мишель, я опять возвращаюсь къ нашей прежней теоріи любви: факты, самые факты доказали мнѣ ея истинность. Любовь есть гармонія, а гармонія во взаимности. Кажется, я тебѣ уже и писалъ объ этомъ, примѣняя къ себѣ. Потребность любви выходитъ изъ потребности осуществленія обособленія, оконкретенія, такъ сказать, истины въ идеѣ въ истинѣ въ явленіи. Истина сама по себѣ есть нѣчто отвлеченное, есть Seyn, но не Dazeyn: нуженъ извѣстный образъ для осуществленія этой истины, а этотъ образъ долженъ быть человѣческій, потому что человѣкъ есть по преимуществу истина въ явленіи. Почему же нуженъ человѣкъ другого пола, это я объясняю моею теоріею гармоніи въ противоположности (вспомни мою вторую статью). Моментъ сознанія любви есть моментъ вдохновенія, а вдохновеніе, по Гегелю, есть внезапная способность оцѣнить истину. Истина (отношу сюда и благо и красоту) одна, но проявленія ея различны, точно такъ же, какъ поэзія одна, но есть поэзія Шекспира, есть поэзія Гете, есть поэзія Шиллера. Всякому нужна истина въ извѣстномъ образѣ. Вотъ почему изъ двадцати женщинъ равно прекрасныхъ и лицомъ и душою, можно не колеблясь полюбить и избрать одну. Родственность душъ, а слѣдовательно, и самыхъ организмовъ, рѣшаетъ выборъ. Итакъ, когда мужчина встрѣчаетъ въ женщинѣ свою истину, или, вѣрнѣе, свою форму истины, то онъ приходитъ въ состояніе вдохновенія, или находитъ въ себѣ внезапную силу сознать эту истину. Эта теорія вѣрна. Прежде наша ошибка состояла въ томъ, что мы думали, что для каждой души есть только одна родная ей душа, и потому сбились на фатализмъ. Нѣтъ, у міродержавнаго промысла нѣтъ лабораторій

для подобныхъ двойчатокъ, нѣтъ этой аккуратной и отчетливой экономіи. Для каждаго изъ насъ существуетъ множество родныхъ душъ, стоящихъ, въ отношеніи къ намъ, на бо̀льшей или меньшей степени родства; скажу болѣе, для каждаго изъ насъ можетъ существовать не одна душа въ равной степени родства. Первая встрѣча рѣшаетъ нашу судьбу, и счастливая, раздѣленная любовь есть встрѣча съ родною вполнѣ душой, а несчастная, не раздѣленная, съ душою, которая стоитъ, въ отношеніи къ нашей душѣ, только на нѣкоторой степени родства, и которая только тревожитъ насъ, но не удовлетворяетъ. Такого рода любовь продолжается только до встрѣчи съ вполнѣ родною душою, безъ этой же встрѣчи она можетъ не оставлять насъ во всю жизнь, давая намъ какое-то грустное и неполное блаженство. Меня всегда смущала любовь Татьяны къ Онѣгину, какъ любовь глубокая и возвышенная, но не раздѣленная: теперь я увѣрился, что она не была нераздѣленною. Онѣгинъ человѣкъ не пошлый, но опошленный, и потому не узналъ своей родной души; Татьяна же узнала въ немъ свою родную душу, не какъ въ полномъ ея проявленіи, но какъ въ возможности. Онѣгинъ презиралъ женщинъ; побѣда безъ борьбы для него не имѣла цѣны. Онъ полюбилъ Татьяну, какъ скоро для его чувства предстало препятствіе, борьба. И его любовь была глубока. Когда ты пріѣдешь въ Москву, то узнаешь одинъ весьма любопытный фактъ на этотъ предметъ, происшествіе, случившееся съ человѣкомъ, котораго если ты не знаешь хорошо, то знаешь хоть по имени и въ лицо. Пріятно, когда факты подтверждаютъ умозрѣніе!

Итакъ, Мишель, оставляя въ сторонѣ возможность, истинность, естественность и законность твоего чувства, я хочу только показать тебѣ его ложность и призрачность, если оно не раздѣлено. Не обвиняй себя за него—это тоже нелѣпость, потому что это явленіе для тебя еще неизъяснимо, а почитать преступленіемъ все необъясненное, значитъ подчинять себя преданію, а это подлѣе всего.

Не успѣлъ я еще дописать до сихъ поръ, какъ ко мнѣ пріѣхалъ Боткинъ, за которымъ я нарочно посылалъ, потому что твое письмо сильно поразило и взволновало меня. Я прочелъ ему главныя мѣста изъ него, также и свое; онъ тоже сказалъ, что теперь еще болѣе любитъ и уважаетъ тебя, и что онъ желалъ бы видѣть тебя, чтобы говорить и плакать съ тобою. Но стран-

нѣе всего то, что, привезши ко мнѣ третьяго дня письмо и не прочтя еще его (потому что у меня было много гостей), когда онъ поѣхалъ домой, то ему выпало на мысль, что ты любишь одну изъ сестеръ. Я не хочу распространяться о томъ, какъ онъ принялъ все это къ сердцу. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что будто я недавно съ тобою познакомился и пріобрѣлъ въ тебѣ новаго друга. Твоя искренность потрясла меня, и я хочу тебѣ заплатить такою же, сколько потому, что истинная дружба можетъ существовать только при условіи безконечной довѣренности и совершенной откровенности, столько и потому, что теперь меня ужасаетъ мысль, что ты думаешь обо мнѣ лучше, нежели я заслуживаю. Теперь моя неоткровенность была бы подлостію, желаніемъ имѣть надъ тобою какую-то поверхность. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . я полонъ однимъ чувствомъ—какою-то грустною любовію къ тебѣ. Впрочемъ, я и не виню ни тебя, ни себя за подобную скрытность: въ этомъ тяжело признаваться, и если бы ты не сдѣлалъ этого первый, то никогда не услышалъ бы отъ меня. Но—повторяю тебѣ—благородство твоего поступка, какъ будто насильно, заставило и меня быть благороднымъ въ отношеніи къ тебѣ. Съ сихъ поръ — ничего не скрывать — да будетъ нашею священнѣйшею обязанностію. Будемъ знать и любить другъ друга такими, каковы мы въ самомъ дѣлѣ. Тяжело было мнѣ написать эти строки, но стало легче, когда ихъ написалъ.

Но одного ли этого ты не зналъ во мнѣ? Боже мой! Сколько еще остается узнать! Одни порывы мелочнаго самолюбія чего стоятъ! Конечно, всякая претензія есть признакъ внутренней пустоты, отсутствія положительнаго достоинства, но когда же это достоинство смѣнитъ претензіи на достоинство? Но нѣтъ, буду къ себѣ справедливъ: я лучше, и если бы я теперь былъ въ Прямухинѣ, то лучше захотѣлъ бы уронить себя въ глазахъ твоихъ сестеръ, показаться имъ падшимъ, охладѣвшимъ, сухимъ, апатическимъ, безъ души и чувства, нежели говорить (иногда—увы! съ поддѣльнымъ или напряженнымъ жаромъ), говорить о истинѣ, объ искусствѣ, о любви, словомъ, обо всемъ, чего нѣтъ въ душѣ, по крайней мѣрѣ на эту минуту, и что̀ хочется показать, какъ присутствующее, чтобы не уронить себя во мнѣніи. Да, Мишель, я никогда не забуду Прямухина—оно было моимъ крещеніемъ, перерожденіемъ, но все-таки не было тѣмъ, чѣмъ могло бы быть, и все это оттого, что между мною и тобою былъ только призракъ дружбы, а не дружба, были ложныя отношенія. Боже мой, какъ вѣрно внутреннее-то чувство, которое мы называемъ симпатіею и антипатіею: повидимому, между нами все было хорошо, а между тѣмъ все какъ-то не клеилось и не ладилось. Я еще удивляюсь, какъ все совершенно не разладилось, и приписываю это только несокрушимой силѣ твоего духа.

Вѣроятно, любезный Мишель, тебя нѣсколько удивляетъ, и удивляетъ непріятно, то, что я рѣшился говорить съ тобою о такомъ предметѣ, который тебѣ и такъ былъ хорошо извѣстенъ, и о которомъ мнѣ не слѣдовало бы говорить съ тобою именно,

болѣе, нежели съ кѣмъ-нибудь другимъ? Въ первый разъ я написалъ тебѣ объ этомъ съ Кавказа, написалъ отъ избытка чувства, потому что твое письмо (которое показалось мнѣ пуританскимъ) сильно взволновало меня. Когда письмо было отправлено, мнѣ стало стыдно и досадно на самого себя, но дѣлать было нечего. Не было ли тутъ какой-нибудь посторонней причины, какой-нибудь arrière pensée? Было, другъ мой: я хоть и запрещалъ тебѣ говорить и писать ко мнѣ объ этомъ, но безсознательно надѣялся, что ты меня не послушаешься. Что-жъ за польза была бы мнѣ, если бы ты сталъ со мною говорить объ этомъ, и говорить тогда, когда я самъ назвалъ мое чувство немного пошленькимъ, и когда, слѣдовательно, напоминать мнѣ объ немъ значило бы оскорблять мое самолюбіе? Пользы никакой: тутъ была цѣль безъ цѣли—я не шучу, это правда. Можетъ быть, не было ли тутъ какой-нибудь темной надежды узнать что-нибудь благопріятное и поддержать этимъ чувство, разлука съ которымъ такъ непріятна? — Можетъ быть. Но теперь мнѣ нечего узнавать, я все знаю, и хочу говорить съ тобою объ этомъ для продолженія признаній, для того, что между нами ничего не должно быть скрываемаго, затаиваемаго. Прошлаго года, въ незабвенное время моего пріѣзда изъ Прямухина въ Москву, я вѣрилъ моему чувству, потому что оно давало мнѣ прекрасную жизнь. Тогда мнѣ не для чего было говорить съ тобою объ этомъ: я долженъ былъ ожидать, что мое чувство возрастетъ, укрѣпится, освѣтитъ и просвѣтлитъ все бытіе мое, дастъ мнѣ силу и волю, жизнь и блаженство, вытѣснитъ изъ меня все призрачное, что, словомъ, оно не будетъ стоять на одномъ мѣстѣ, но будетъ итти впередъ и, идя, пріобрѣтать новыя силы; или, если мнѣ не суждено блаженство любви раздѣленной, то дастъ высокое страданіе, въ которомъ духъ долженъ перегорѣть, какъ въ горнилѣ, и приготовиться къ той же цѣли, но только другимъ путемъ — къ абсолютному блаженству. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мнѣ не для чего было вступать съ тобою въ какія бы то ни было объясненія по этому предмету: въ первомъ случаѣ, рано или поздно, но ты прервалъ бы свое молчаніе, во второмъ, оно было бы для меня краснорѣчиво и понятно. Но теперь, Мишель, теперь, когда должно разстаться съ прекрасною мечтою, хотя это и больно для моего прекраснодушія, теперь молчаніе съ моей стороны было бы слѣдствіемъ ложнаго стыда и выраженіемъ оскорбленнаго самолюбія. Конечно, я срѣ-

зался, и срѣзался жестоко, не столько передъ другими, сколько предъ самимъ собою, и самолюбіе мое очень страждетъ; но ошибка, какъ ошибка, оскорбленное самолюбіе, разныя глупости, фарсы и претензіи (а ихъ было довольно) пройдутъ и изгладятся изъ памяти, какъ все призрачное; но всегда останутся со мною прекрасные порывы прекраснаго чувства, и святая грусть и святая радость, и все, что̀ было тутъ истиннаго и потому прекраснаго (а его было тоже довольно). Я никогда не забуду, что этотъ случай открылъ мнѣ глаза для созерцанія истины, для которой я прежде былъ слѣпъ, и если я теперь замѣчаю въ себѣ отъ времени до времени значительные прогрессы, то ими обязанъ все этому же событію въ моей жизни. Иногда наводитъ на меня апатію мысль, что я, можетъ быть, уронилъ себя во мнѣніи Александры Александровны, но если это такъ, то въ этомъ виноватъ я же, и надобно стать выше своего самолюбія, чтобъ не страдать за прошлыя ошибки. Я знаю, что ты всегда уважалъ мое чувство, и это обстоятельство особенно понуждаетъ меня высказать тебѣ всю правду, чтобы соiйти съ ходулей, на которыя ты меня поставилъ, точно такъ же, какъ ты сошелъ съ тѣхъ, на которыя я тебя ставилъ. Однажды, я остался ночевать у Боткина. «Послушай, Бѣлинскій, давно хотѣлъ я тебѣ сказать: Мишель мнѣ сказывалъ, что ты любишь его сестру, но что, по несчастію, она тебя не любитъ; не это ли причина твоего безсилія перейти въ полную жизнь духа?» Послушай, Мишель: никогда не слыхалъ я отъ тебя ничего положительнаго, что̀ бы могло дать мнѣ надежду; даже кой-какія твои выраженія (если ты забылъ ихъ, я напомню тебѣ объ нихъ при свиданіи) подавали мнѣ далекую и темную надежду; потомъ, никакое чувство не естественно безъ надежды, какъ бы ни была несбыточна подобная надежда; но я никогда не питалъ увѣренности, и въ то же время всегда ожидалъ отрицательной развязки; но несмотря на то, слова Боткина болѣзненно потрясли меня. Дня три я былъ сосредоточенъ, грустенъ, носилъ въ душѣ своей страданіе и, вмѣстѣ съ нимъ, вѣру, силу, мощь какую-то, а на четвертый почувствовалъ припадокъ чувственности, дни два блѣднѣлъ, дрожалъ, трясся въ жгучей лихорадкѣ сладострастія и кончилъ тѣмъ, что поѣхалъ къ Никитскимъ воротамъ. Хорошъ,—не правда ли? Боже мой, неужели душа моя неспособна къ глубокимъ и долговременнымъ впечатлѣніямъ? Или—и это еще хуже—неужели я такъ ужасно загрязненъ, развращенъ, обезсиленъ ненормальною

жизнію, неестественнымъ развитіемъ, что неспособенъ къ истинному чувству? Или, можетъ быть, необходимое слѣдствіе любви безъ взаимности это — колебаніе между небомъ и землею? Но въ такомъ случаѣ, осталось страданіе, а страданіе есть путь къ блаженству, есть блаженство въ сравненіи съ жизнію покоя. Но, будемъ продолжать. Итакъ, я поѣхалъ къ Никитскимъ воротамъ, но уже это было не такъ, какъ прежде. Цѣлые полгода не имѣлъ я женщины, цѣлые полгода душилъ я въ себѣ нечистые порывы, и думалъ, что послѣ такого продолжительнаго воздержанія умру отъ наслажденія. И что же? Мнѣ было грустно, почти со слезами наслаждался я, и увидѣлъ ясно, что это мнимое наслажденіе, что я уже выше его Прекрасно, превосходно! Но что же далѣе? А то, что недѣли черезъ три я повторилъ ту же исторію, только едва ли еще не хуже: я взялъ на содержаніе дѣвку. Поздравь меня, Мишель! Чтобъ докончить тебѣ мою исповѣдь, скажу еще, что не только моя пошлая жизнь, но и высшая-то призрачна, потому что я создалъ себѣ какой-то фантастическій міръ и живу въ немъ. Міръ этотъ прекраснъ; входя въ него, я чувствую себя человѣкомъ, ощущаю въ себѣ любовь и энергію; но выходя изъ него, я съ отвращеніемъ смотрю на дѣйствительность, и вижу, что это жизнь ложная, призрачная, что въ истинной жизни духа есть одна только прекрасная дѣйствительность, и что для самонаслажденія духа не нужно ставить себя въ разныя невозможныя положенія. Но въ чемъ же твой прогрессъ-то? спросишь ты меня. А вотъ въ чемъ: я глубже понимаю истину, живѣе чувствую необходимость и потребность труда, какъ единственнаго выхода, предчувствую скорую перемѣну своей жизни, больше нахожу въ себѣ вѣры и силы. Какъ прежде просилъ или желалъ я блаженства счастливой любви (увы—не заслуживши его), семейственнаго счастья и пр. и пр., такъ прошу и жажду я теперь страданія. Въ Петербургѣ, въ Петербургѣ — тамъ мое спасеніе. Мнѣ надо войти въ себя, разлучиться со всѣмъ, что мило—и страдать. Знаю, что ты будешь спорить противъ этого; но исключительность твой давній порокъ: ты весь міръ хочешь лѣчить однимъ лѣкарствомъ. Можетъ быть, тебѣ еще хочется узнать, что же мое чувство теперь, въ настоящую минуту: такъ же призрачно, какъ и прежде; но съ того разговора съ Боткинымъ, я больше полюбилъ его и тѣ часы, которые провожу съ нимъ въ разговорѣ о Прямухинѣ и прочемъ, считаю блаженнѣйшими. Если ты пріѣдешь, я, для прили-

чія, попрежнему покраснѣю, даже не ручаюсь за то, что и не поблѣднѣю; если ты заговоришь со мною объ этомъ, я задрожу, у меня займется духъ, снова начну грустить и—жить? Надолго ли? До слѣдующаго случая, при которомъ ты или кто другой, словомъ или намекомъ, вызоветъ снова живое воспоминаніе. И это любовь, это жизнь? Нѣтъ, чортъ возьми такую жизнь—мнѣ мало ея. Трудъ и страданіе, страданіе и трудъ—вотъ чего мнѣ надо.

Вотъ тебѣ мои признанія—они труднѣе твоихъ, потому что ты теперь находишься въ состояніи гармоніи и благодати, а я въ состояніи какой-то пустоты, наполненной призраками. Но довольно объ этомъ.

Я не могъ понять твоего письма ко мнѣ на Кавказъ, потому что никогда не подозрѣвалъ, чтобы наши связи были такъ слабы. Но согласись и ты, что только послѣ твоего послѣдняго письма становится все ясно. Насчетъ аккуратности скажу тебѣ, что ты опять не совсѣмъ меня понялъ; но я уже не досадую на тебя за это, но даже радуюсь этому. Что всему источникъ—любовь, объ этомъ нечего спорить. Что любовь можетъ предотвратить неаккуратность, но что аккуратность не даетъ любви—это тоже святая и непреложная истина. Да, я это понимаю; но въ то же время, я допускаю большое вліяніе внѣшности, по крайней мѣрѣ, на слабые характеры, каковъ мой. Аккуратность не дастъ мнѣ любви, но неаккуратность убиваетъ во мнѣ любовь и жизнь. Кромѣ того, что всякая мысль о долгахъ убиваетъ во мнѣ всѣ порывы къ жизни, одно то, что, напримѣръ, теперь три дня сряду ложусь въ 2 часа, а встаю въ 9 противъ обыкновенія, вредя моему здоровью, отнимаетъ у меня силу для занятія, въ которомъ все мое спасеніе. Ты говоришь, что безалаберность нашей жизни произошла отъ отсутствія въ насъ благодати. Такъ—но обрати вниманіе на то, почему мы, понимая все такъ хорошо, не могли ничего осуществить нашею жизнію: причина кроется въ воспитаніи, въ которомъ мы нисколько не виноваты. Человѣкъ тѣмъ и отличается отъ животныхъ, что онъ весь зависитъ отъ развитія. Ему надо привыкнуть не горбиться, не класть пальцевъ въ ротъ. Есть вещи неважныя, повидимому, но которыя не оставляютъ и просвѣтленнаго человѣка, если привычка сдѣлала свое дѣло.

Третьяго дня я увидѣлся съ И. И. Лажечниковымъ, который мнѣ сказалъ, что ты былъ у него, и что ты, вѣроятно, пріі-

ѣдешь по первому пути. Пріѣзжай скорѣе, Мишель. Твой пріѣздъ оживитъ меня, да и сверхъ того, можетъ быть, намъ уже недолго жить вмѣстѣ. Желалъ бы написать тебѣ и болѣе, но чувствую, что не кончу. Нашъ споръ теперь выяснился, и мы кончимъ его на словахъ. Прощай.

Къ М. А. Бакунину. 21 ноября, 1837.

Москва. 1837. Ноября 21 дня.

Любезный Мишель, сейчасъ получилъ отъ Ефремова еще твое письмо, въ которомъ ты грозишься новою тетрадью. Если это—новыя хлопоты объ аккуратности, то, пожалуйста, не хлопочи—чортъ съ нею: она надоѣла мнѣ, какъ горькая рѣдька. Да и теперь же я ясно вижу, что мы оба не понимали другъ друга. Ты совершенно правъ, что духъ свободенъ отъ внѣшности, и что только черезъ внутреннее просвѣтлѣніе можно избавиться отъ ея враждебнаго вліянія, но что разсчитывать свое возстаніе на аккуратности—нелѣпо. Вижу, что я увлекся моею мыслію, или, лучше сказать, сознаніемъ глубокости моего паденія, и зашелъ слишкомъ далеко. Но и въ моей мысли есть основаніе—и вотъ тутъ-то, въ свою очередь, ты не понялъ меня. Ты не обратилъ вниманія на два обстоятельства.

1) Наша неаккуратность доводила насъ до безчестныхъ поступковъ, но мы нисколько не были безчестны, даже дѣлая ихъ.

2) Сознаніе моихъ ошибокъ, или, вѣрнѣе, моей зависимости отъ людей и ложнаго положенія въ общественномъ смыслѣ, убиваетъ во мнѣ порывы къ высшей жизни и рѣдкія минуты гармоніи превращаетъ въ апатію.

3) Вопросъ о слѣдствіяхъ неаккуратности относится только ко мнѣ, а не къ тебѣ.

Объясню, какъ понимаю, эти обстоятельства—и ты увидишь, что мы не понимали одинъ другого и спорили по пустому, такъ что нашъ споръ произвелъ слѣдствія благія и важныя, но только не въ томъ смыслѣ и совсѣмъ иначе, нежели какъ мы ожидали. Въ жизни человѣка, то-есть въ его развитіи, главное заключается во внутреннемъ, какъ данномъ, но несмотря на то, нельзя отвергнуть какого-то взаимнодѣйствія и со стороны внѣшняго. Только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать здоровая

душа—противъ этого нѣтъ спора. Конечно, и больной человѣкъ можетъ блаженствовать духовно, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы его блаженство не было полнѣе и совершеннѣе, когда бы его тѣло было здорово. Не хочу говорить о тебѣ—тебѣ другой путь. Вспомни, что если мы оба развивались ненормально, то ты имѣешь передо мною то преимущество, что ты до 20 лѣтъ находился въ совершенной пустотѣ, а я съ 14 лѣтъ (если еще не ранѣе) сталъ жить въ призрачной полнотѣ, если можно такъ выразиться, т. е. уже чувствовалъ, что̀ очень хорошо, и разсуждалъ, что̀ очень худо, потому что въ лѣта дѣтства надо учиться и чувствовать, и что разсужденія безъ содержанія есть пустыя фразы. Кто развивался нормально, для того нужна только осторожность въ отношеніи къ внѣшности. Кто развивался ненормально, тому необходима борьба съ внѣшностію, потому что привычки цѣлой жизни глубоко въѣдаются въ наше существо. Напрасно ты думаешь, что если ты будешь жить жизнью духа, то не будешь дѣлать ошибокъ. Возьму въ примѣръ наши долги денежные: какъ мы ихъ надѣлали? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, съ сознаніемъ, что это худо? Совсѣмъ не то: мы довѣрялись пустымъ надеждамъ, тогда какъ даже простой опытъ увѣряетъ насъ, что ни на какія надежды въ мірѣ полагаться нельзя, и что только надежды на свой трудъ, и то въ настоящемъ, не обманчивы. Ты думалъ, что Шмитъ принесетъ тебѣ вѣрныхъ тысячъ десять, что-жъ было предосудительнаго въ томъ, что ты входилъ въ долги—вѣдь ты бралъ съ тѣмъ, чтобы отдать. Итакъ, худо совсѣмъ не то, что ты дѣлалъ долги, а то, что ты надѣялся на то, что̀ еще только должно было быть, но еше не было. Теперь, чтобы перевести Шмита, для этого должно было жить не въ жизни духа, но пожить нѣсколько времени въ жизни долга, и такъ какъ этотъ переводъ былъ предпріятіемъ чисто спекулятивнымъ (въ чемъ нѣтъ ничего худого, потому что удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей неизбѣжно), то для исполненія его нужны были—точность, усиліе, постоянство и аккуратность, а не жизнь въ духѣ. Я понадѣялся на грамматику: мой разсчетъ былъ вѣрнѣе твоего, потому что я ее писалъ и, наконецъ, написалъ, былъ увѣренъ (такъ же, какъ и теперь), что моя книга, сравнительно съ другими того же рода, имѣетъ большія достоинства и должна имѣть большой расходъ: что же было худого, если я входилъ въ долги, будучи увѣренъ, что буду въ состояніи уплатить ихъ?

Опять худо не то, что я входилъ въ долги, а то, что надѣялся на расходъ книги, которая еще только должна была разойтись, но еще не разошлась. Опытъ жестоко подтвердилъ эту житейскую, опытную истину. Ты теперь читаешь Егора Ѳедорыча и говоришь, что ты блаженствуешь—вѣрю, потому что понимаю возможность этого. Но ты блаженствуешь потому, что уже начинаешь одолѣвать Ѳедорыча; а сперва ты только трудился въ ожиданіи будущихъ благъ, дѣлалъ себѣ усиліе, которое то же, что насиліе, словомъ, прежде, нежели ты достигъ до желаннаго царства блаженства, ты перешелъ черезъ скучное, сухое царство долга. Я самъ сталъ бы читать Гегеля, но та бѣда, что не знаю по-нѣмецки, и что въ мои лѣта пріискивать въ словарѣ слова, биться надъ смысломъ предложенія и періода, надъ значеніемъ слова, справляться съ грамматикою очень скучно и гадко. А между тѣмъ это необходимо. Что же меня поддержитъ въ этой призрачной, но неизбѣжной борьбѣ съ внѣшностію? Конечно, мысль о наградѣ. А что же дастъ возможность кончить ее? Тоже мысль о наградѣ, скажешь ты. Нѣтъ, другъ мой, эта мысль сама по себѣ, но одной ея недостаточно: тутъ нужно еще простое, практическое понятіе о долгѣ, о необходимости, о честности и аккуратности, наконецъ; тутъ нужно умѣть посидѣть дома, когда чувствуешь потребность оживиться бесѣдою съ другомъ или чтеніемъ какого-нибудь изящнаго произведенія; тутъ нужно (на время, разумѣется) расчесть время по часамъ, и сдѣлаться машиною, а то ни въ чемъ не успѣешь. Возьми-ка ты себѣ на воспитаніе мальчика, да не распредѣли его занятій по часамъ, когда ему заниматься по-латыни, когда по-нѣмецки, когда исторіею,—то и увидишь, что онъ не будетъ знать ни по-латыни, ни по-нѣмецки, ни исторіи. Нѣтъ, братъ, какъ хочешь, а есть внѣшность, которая требуетъ, чтобы ей покорялись, если хотятъ быть отъ нея свободны. Духъ свободенъ, но и онъ развивается въ границахъ времени: Гегель могъ явиться только въ наше время, а не въ XV или XVI вѣкѣ. Самая свобода есть не произволъ, но согласіе съ законами необходимости. Ты правъ, приписывая свою безалаберную жизнь внутренней пустотѣ; но, Мишель, неужели ты думаешь, что для тебя было бы хуже, если бы ты, при своей пустотѣ, послушался аккуратности и положилъ бы себѣ за правило каждый день переводить хоть по полулисту (печатному) Шмита, давно бы его кончилъ и наслаждался плодами своего труда? Конечно, ты отъ этого все бы

жилъ въ призракѣ, но не приготовилъ бы себѣ горькихъ минутъ раскаянія, и мое письмо не произвело бы на тебя такого ужаснаго вліянія. Я понимаю, въ чемъ состоитъ конкретность жизни; понимаю, что основа и причина нашего совершенства, а слѣдовательно, и блаженства, есть благодать Божія. Хорошо! Вотъ пришла ко мнѣ минута: я глубоко созналъ пошлость и призрачность моей жизни, глубину моего паденія; сердце мое полно, мнѣ грустно, я плачу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствую въ себѣ новыя силы: это минута возстанія, минута ощущенія въ духѣ благодати Божіей. Что-жъ я долженъ дѣлать послѣ этого? Вѣдь эта минута есть все-таки только минута, а не полная абсолютная жизнь, потому что эта послѣдняя есть уже награда за подвигъ, побѣда послѣ борьбы. Минута эта кончится, и за нею долженъ слѣдовать трудъ, стремленіе, а въ этомъ трудѣ много скучнаго, мучительнаго, много механическаго, внѣшняго. И вотъ тутъ-то аккуратность есть святое дѣло. Кто достигъ высшей жизни,—для того она не существуетъ; но пока человѣкъ еще въ области прекраснодушія, она необходима, какъ одно изъ средствъ для достиженія. Я знаю, что безъ побужденія, безъ внутренняго стремленія всѣ средства безплодны; но знаю, что и безъ средствъ то и другое также безплодно. Прекрасная душа живетъ минутами, и когда она бываетъ внѣ своихъ прекрасныхъ минутъ, ее можетъ спасать и поддерживать только чувство долга. Горька истина! Но если и въ жизни цѣлаго человѣчества былъ такой огромный и продолжительный періодъ долга, котораго послѣднимъ выраженіемъ былъ Кантъ, и отъ котораго эманципировалъ человѣчество первый Фихте, то и въ жизни человѣка онъ необходимъ. Не вздумай заключить по этому о моемъ паденіи, Мишель. Я понимаю долгъ, какъ необходимый переходъ, какъ неизбѣжную степень сознанія, но не какъ абсолютную истину, и знаю, что конкретная жизнь только въ блаженствѣ абсолютнаго знанія, и что человѣкъ—самъ себѣ цѣль. Впрочемъ, ты поймешь это: ты самъ говоришь, что въ эпохи твоего паденія тебя спасалъ только одинъ стоицизмъ; такъ и долгъ я считаю спасеніемъ въ минуты жизни внѣ Бога.

Но довольно. Я много говорилъ, но мнѣ все кажется, что я еще не все сказалъ. При свиданіи объяснимся обстоятельнѣе. Можетъ быть, и теперь я неправъ, но все увѣренъ, что мои понятія объ аккуратности небезосновательны. Очень естественно, что я утрировалъ эту мысль—такъ сильно она меня поразила.

Моя ошибка состояла въ томъ, что я слишкомъ много ожидалъ себѣ отъ перемѣны моей внѣшней жизни, но я все-таки не отвергалъ, что только благодать есть основа и условіе истинной жизни. Безъ любви жизнь можетъ быть только благоразумна, но не разумна, а благоразумная жизнь для меня тождественна съ подлою жизнію. Но еще разъ—довольно. Если будешь писать объ этомъ—не стану отвѣчать; поговоримъ лучше при свиданіи.

Не могу сказать тебѣ, сколько обрадовали меня строки, написанныя рукою Любови Александровны, и не удивительно: эта рука рождена для благословеній больше, нежели рука всякаго архіерея и митрополита, если благословлять значитъ давать душѣ любовь, миръ и гармонію. Въ самомъ дѣлѣ, на меня повѣяло прямухинскою гармоніею, и я невольно задумался о лучшемъ времени моей жизни; мой восторгъ былъ бы полонъ, если бы его не ослабило бѣшенство на твою неграмотность: надъ этими строками, написанными четко и красиво, стоятъ двѣ твои строки, написанныя по твоему [1]): какъ ни бился я разобрать ихъ, но не могъ, а мнѣ этого сильно хотѣлось, потому что онѣ, какъ видно изъ первыхъ строкъ, имѣютъ отношеніе къ тѣмъ строкамъ. Я могъ разобрать только вотъ что: «Сестры сдѣлали замѣчаніе, что ( )...» и только—проклятая твоя рука! Поблагодари Прямухинскихъ жителей за память обо мнѣ; поклонись имъ всѣмъ по разу, а Любови Александровнѣ три раза, и скажи имъ отъ меня, что если они «воспоминаютъ пріятное время, проведенное со мною», воспоминаютъ его, какъ довольно пріятный случай въ цѣпи пріятныхъ случаевъ, изъ которыхъ состоитъ вся жизнь ихъ, то могу ли я не вспоминать о пріятномъ времени, проведенномъ мною съ ними, времени, которое представляется мнѣ цвѣтущимъ оазисомъ на безплодной степи моей жизни? Пожалуйста, Миша, постарайся выразиться въ этомъ случаѣ какъ можно деликатнѣе, и хоть ты не имѣешь такого слога, какъ я, но когда захочешь, то говоришь не совсѣмъ дурно.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣднее письмо твое написано не совсѣмъ дурно: оно подѣйствовало на меня сильнѣе прежнихъ, и

---

[1]) Бога ради, Мишель, пиши поразборчивѣе: читать твои письма—истинная пытка. Очень досадно, что человѣкъ, который такъ хорошо сочиняетъ, пишетъ такъ дурно. Лангеръ на тебя бѣсится: онъ бросилъ твое письмо, потому что ничего не могъ разобрать въ немъ. — *Примѣчаніе Бѣлинскаго.*

мнѣ кажется, что ты воскресъ, будучи для меня давно умершимъ. Даже въ самомъ себѣ замѣчаю я больше жизни. Теперь только бы и дѣлалъ, что писалъ къ тебѣ. Вотъ и теперь, хотѣлъ написать нѣсколько строкъ, а вышла цѣлая тетрадка. Обо многомъ подумалъ я поглубже и понялъ лучше. Даже мнѣ сдается, что твое письмо ускорило мое возстаніе, и что оно уже начинается. И это начало кажется мнѣ тѣмъ надежнѣе, и тѣмъ болѣе меня радуетъ, что оно выразилось не вспышкою, сильною и мощною, но всегда для меня безплодною, но какимъ-то грустнымъ углубленіемъ въ самого себя. И право, уже есть факты какого-то улучшенія, которые поражаютъ самого меня. Теперь я смотрю на письмо твое уже съ другой точки зрѣнія, и нахожу, что въ немъ нѣтъ только снисхожденія, не къ моей личности, но къ моей слабости, что ты, пиша его, не понялъ моего положенія, но что оно продиктовано любовію къ истинѣ и искреннимъ желаніемъ поднять меня. Но главное недоразумѣніе все-таки произошло отъ того, что между нами не были уяснены наши прежнія отношенія, и въ прошедшемъ не было истинной дружбы. Поэтому, очень естественно, что твое первое письмо я могъ понять только послѣ послѣдняго. Теперь, любезный Мишель, должна наступить новая эпоха нашей дружбы. Впрочемъ, будь безпристрастенъ: много было прекраснаго и въ прежней нашей дружбѣ. До моего пріѣзда въ Прямухино, ты былъ для меня какимъ-то призракомъ, какимъ-то добрымъ малымъ, котораго я любилъ за то, что онъ добрый малый; но когда я пріѣхалъ въ Прямухино, и когда, при помощи другого вліянія, ты открылъ мнѣ новый міръ — міръ мысли, я былъ изумленъ, подобно Мольерову «Мѣщанину въ дворянствѣ», который удивился, когда онъ узналъ отъ учителя, что онъ говорилъ прозою. Я написалъ нѣсколько статей, обратившихъ на меня вниманіе, и никакъ не подозрѣвалъ, чтобы развитыя въ нихъ идеи были—идеи a priori. Ты первый показалъ и доказалъ мнѣ, что мышленіе есть нѣчто цѣлое, нѣчто одно, что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго и случайнаго, но все выходитъ изъ одного общаго лона, которое есть Богъ, самъ себѣ открывающійся въ твореніи. Тогда я самъ собою отбросилъ въ моихъ понятіяхъ многое, что не вязалось съ цѣлымъ и потому было ложнымъ, было остаткомъ прежнихъ убѣжденій, сдѣлавшихся теперь предубѣжденіями. Съ твоей стороны, ты самъ говорилъ мнѣ, что я помогъ тебѣ къ уясненію идеи творчества. Итакъ, если въ нашихъ отношеніяхъ

было много ложнаго, пошлаго, то было много и прекраснаго: дай же Богъ, чтобы теперь было въ нихъ одно прекрасное, безъ всякой примѣси ложнаго и пошлаго.

Ты говоришь, что внѣшнихъ, практическихъ грѣховъ у тебя было втрое больше моего: мое письмо (прошлое), вѣроятно, покажетъ тебѣ, что мнѣ принадлежитъ честь этого первенства. . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Теперь ты имѣешь еще и то великое преимущество передо мною, что, въ своихъ признаніяхъ, показалъ мнѣ гнусныя рубища, въ которыхъ нѣкогда ходилъ, но которыя теперь сбросилъ съ себя, чтобы облечься въ одежды свѣтлыя, а я показалъ тебѣ рубища, которыхъ остатки и теперь еще мотаются на моемъ тѣлѣ. Когда-жъ и я одѣнусь въ одежду свѣтлую и нетлѣнную?.. Право, мнѣ въ иныя апатическія минуты бываетъ досадно на природу, что она дала мнѣ такія превосходныя начала, что я уже не могу удовлетвориться грязью жизни, въ которой валяюсь; а не дала столько силы воли, чтобъ я могъ вырваться изъ нея. Иногда приходитъ мнѣ мысль, очень подлая, если она есть глухой голосъ моего эгоизма, мысль, что, такъ какъ развитіе человѣка во времени и обстоятельствахъ общественныхъ, то ужъ не должно ли мнѣ быть именно такою дрянью, каковъ я есть, чтобы жить недаромъ для общества, среди котораго я рожденъ? Вѣдь все, что ни есть, есть вслѣдствіе законовъ необходимости, и должно быть такъ, какъ есть? Но для чего же я знаю настоящую истину? Развѣ она не должна бъ была освободить меня? Чортъ знаетъ, что такое! Вотъ ужъ именно такое, что только поплевать на него да и бросить.

Жду отвѣта отъ Полевого. Этотъ отвѣтъ рѣшитъ мою участь. Впрочемъ, едва ли состоится это дѣло: остается только одинъ мѣсяцъ до новаго года, а о программахъ «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества» и не слышно. Если это дѣло не состоится, тогда останется мнѣ одинъ источникъ содержанія — уроки! Горькая

участь! Она грозитъ и душѣ и тѣлу, потому что то и другое тупѣетъ отъ насильственныхъ занятій. Слишкомъ много любви и совершенства, слишкомъ много внутренней жизни надобно будетъ, чтобы не пасть отъ такой жизни. А мнѣ надобно будетъ много давать уроковъ: не говоря уже о томъ, что я долженъ уплатить всѣ свои долги и долженъ имѣть все нужное для жизни, мнѣ надо скопить порядочную сумму денегъ, во первыхъ, для обезпеченія брата, а во вторыхъ, для того, чтобы имѣть какую-нибудь возможность посмотрѣть Европу.

Въ Москвѣ затѣвается новый журналъ «Москвитянинъ», редакторы—Шевыревъ и Погодинъ. Можешь представить, что это такое? Мнѣ стороною предлагалось сотрудничество, но чортъ возьми этихъ подлецовъ и идіотовъ, не надо мнѣ ихъ и денегъ, хоть осыпь они меня золотомъ съ головы до ногъ. Представь себѣ: Шевыревъ хочетъ писать—о чемъ бы ты думалъ?—о бездѣлкѣ—объ эстетикѣ Гегеля! Но что ни говори о Шевыревѣ, а я благодаренъ ему: онъ одинъ доказываетъ мнѣ, что во мнѣ еще есть жизнь: между многими причинами, заставляющими меня желать переѣзда въ Петербургъ, онъ (Шевыревъ) не послѣдняя. Надѣюсь 23 числа получить отвѣтъ изъ Петербурга: что-то будетъ?

Когда ты, Миша, пріѣдешь? Пожалуйста, напиши опредѣленнѣе. Ты все говорилъ, что въ ноябрѣ, но вотъ ужъ и ноябрь на исходѣ, а тебя нѣтъ, какъ нѣтъ. Я такъ давно не видалъ тебя, что боюсь не узнать тебя въ лицо. Что же я за глупецъ! Когда меня мучило сомнѣніе на счетъ твоего положенія, то не зналъ, къ кому обратиться,—а И. И. Лажечниковъ? Да я могъ бы съѣздить къ нему, и думаю, что если бы эта мысль тогда пришла мнѣ на умъ, то думаю, что я катнулъ бы.

Сообщаю тебѣ, можетъ быть, неожиданную для тебя новость: К. Бееръ и И. Станкевичъ вкусили отъ древа познанія добра и зла. Первый краснѣетъ ужасно, и не знаю почему-то нападаетъ на тебя за твою дурную привычку читать проповѣди... видно, ожидаетъ отъ тебя большой; а второй говоритъ объ этомъ дѣлѣ прехладнокровно. Напр., его кто-то спросилъ, сколько онъ далъ, т. е. заплатилъ—«о, нѣтъ, это по любви», отвѣчалъ онъ съ комическою важностію. Странный молодой человѣкъ—не знаю, какъ и понимать его.

Прощай, Мишель. Жду не отвѣта на мое письмо, но самого тебя, собственною твоею особою.

Твой В. Б.

Мой адресъ: на Стоженкѣ, въ приходѣ Воскресенія, въ Савеловскомъ переулкѣ, въ домѣ полковницы Ефремовой.

Не знаю, гдѣ ты остановишься по пріѣздѣ; по крайней мѣрѣ, на всякій случай скажу тебѣ, что если ты можешь жить въ большой комнатѣ и притомъ залѣ, то у меня есть такая комната, и ты нисколько не стѣснишь меня, занявши ее. Равнымъ образомъ, если бы у тебя не было денегъ, то и на счетъ стола ты нисколько не стѣснишь меня, и мнѣ очень было бы пріятно, если бы ты остановился у меня.

Къ сестрамъ Бакунинымъ. 9 декабря, 1837.

1837 года, декабря 9-го [1]).

Виссаріонъ Григорьевичъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе прямухинскимъ жителямъ и проситъ ихъ быть увѣренными, что пока Мишель будетъ у него жить, то его дѣятельность въ перепискѣ съ ними не ослабѣетъ.

Къ сестрамъ Бакунинымъ. Конецъ 1837.

Да, въ самомъ дѣлѣ, вы поступаете не хорошо, но совсѣмъ не потому, чтобы это меня огорчало, какъ личность на меня; но потому, что въ этомъ виденъ недостатокъ патріотизма. Въ самомъ дѣлѣ, все по французски да по нѣмецки, и еще безъ грамматическихъ ошибокъ, а по русски почти не пишете... Что же касается до причинъ моего огорченія въ этомъ отношеніи, изложенныхъ вашимъ глупымъ братцемъ, то онъ лжетъ, ей Богу, лжетъ; не только люблю, я обожаю нѣмецкій языкъ, и только мое глубочайшее къ нему уваженіе мѣшаетъ мнѣ приняться за него покруче. Мишель же нападаетъ на меня за то, что не умѣетъ ни говорить, ни писать по русски: какъ будто я виноватъ въ этомъ. Но я за это хочу окритиковать его въ моей литературѣ. Хоть Иванъ Александровичъ и другъ мнѣ, но правда дороже всего.

---

[1]) Писано карандашомъ, чужой рукой.—*Прим. А. П.*

Къ М. А. Бакунину. 1837 или 1838.

Мишель, еслибъ ты умиралъ, и для твоего спасенія нужно было 30 (а не 300) рублей—и тогда бы я ничего не могъ сдѣлать, какъ бы ни желалъ и какъ бы ни почиталъ себя обязаннымъ сдѣлать это. Попробую, постараюсь, но ничего не обѣщаю и впередъ говорю, что надежда очень призрачна. Если можно—завтра узнаешь; если—что вѣрнѣе—нѣтъ—мое молчаніе будетъ лучшимъ отвѣтомъ тебѣ.

Ахъ, Мишель, Мишель, еслибъ было хоть какое-нибудь средство—я бы все, все готовъ былъ сдѣлать. Но—ты знаешь, какъ и чѣмъ я живу. Еслибъ не князь, тогда бы Боткинъ, еслибъ не Боткинъ—то хоть умирай: вотъ мое положеніе. Нужно ли говорить больше?

В. Бѣлинскій.

Къ М. А. Бакунину. 1 января, 1838.

Москва. 1838 года, генваря 1 дня.

Здравствуй, любезный Мишель—съ новымъ годомъ поздравляю тебя. Новый годъ—дѣло не шуточное, братъ. Изъ всѣхъ праздниковъ онъ для меня краснорѣчивѣйшій. Годъ новый, а я все старый, все тотъ же—тутъ есть о чемъ подумать—можно статейку написать. Вчера вечеромъ былъ я у Боткина, и этотъ вечеръ былъ для меня прекраснѣйшимъ. Вчера получилъ я и эти письма. Не нужно говорить, что мы ихъ прочли. Больше всѣхъ намъ понравилось письмо Александры Александровны: въ немъ такъ много истинной, глубокой твердости и такой вѣрный взглядъ на вещи: она превосходно понимаетъ и дражайшихъ родителей, и почтеннѣйшаго N. Но письмо Варвары Александровны опечалило насъ. Какъ, неужели она до сихъ поръ еще не понимаетъ N? Словомъ, ты очень кстати поѣхалъ. Жду отъ тебя письма съ нетерпѣніемъ. Любовь Александровна—ангелъ божій, и я горжусь тѣмъ, что понялъ ее. Она не можетъ не любить своихъ недостойныхъ родителей, но ихъ недостоинство убиваетъ ее: это очень понятно во всякой дѣвушкѣ—въ ней особенно. Въ письмѣ Татьяны Александровны видна сила и твердость духа; она понимаетъ все, какъ должно; но ея убѣжденіе въ необходимости отъѣзда въ Ивановское показываетъ въ этомъ случаѣ недально-

видность, и Александра Александровна понимаетъ это глубже и вѣрнѣе. Мишель, не показывай имъ ихъ писемъ. Боткинъ замаралъ одно изъ нихъ масломъ изъ своей дрянной лампы, которую я недаромъ всегда терпѣть не могъ. «Гамлетъ» былъ вчера отмѣненъ. Послѣ твоего отъѣзда мнѣ сдѣлалось мучительно грустно, хотѣлось плакать, но слезъ не было. Ты нынче, Мишель, сталъ славнымъ малымъ, а я люблю тебя больше прежняго. Если бы ты не такъ больно дрался и позволялъ иногда безнаказанно дать тебѣ колотушку, то я не видѣлъ бы въ тебѣ никакихъ недостатковъ. Боткинъ безъ ума отъ тебя, только ты не восхищайся этимъ: Basile немного глупъ. Не знаю, Мишель, до того ли теперь тебѣ, чтобы читать мои глупости. Да благословитъ тебя Богъ на доброе и святое дѣло. Услышать о его успѣхѣ было бы для меня истиннымъ счастіемъ. Жду отъ тебя второго письма, въ которомъ, вѣроятно, будетъ что-нибудь положительнѣе извѣстія о твоемъ пріѣздѣ. Прощай—кланяйся всѣмъ, кому слѣдуетъ.

Твой В. Б.

Къ М. А. Бакунину. 14 января, 1838.

1838, генваря 14 дня.

Третьяго дня, любезный Мишель, получилъ я отъ Костиньки письмо Александры Андреевны и черезъ полчаса отправилъ его къ тебѣ, а черезъ два часа получилъ твое и даже—разобралъ его все, кромѣ двухъ словъ—ну, да вѣдь нельзя же безъ того. Высокій слогъ въ томъ и состоитъ, что его никто не понимаетъ, а хорошій почеркъ въ томъ, что его никто не разбираетъ. Впрочемъ, ты молодецъ: заочно глажу тебя по головкѣ и цѣлую въ лобъ. Ты—умница, однимъ словомъ. Мнѣ совѣстно понуждать тебя скорымъ отъѣздомъ изъ Прямухина, гдѣ твое присутствіе такъ счастливитъ многихъ, тогда какъ для меня оно даже невыгодно по причинѣ крутости твоего нрава и неуступчивости при моихъ попыткахъ показать тебѣ мой военный геній. Но несмотря на все это, я бы желалъ, чтобы ты пріѣхалъ поскорѣе: въ слѣдующую пятницу (21 числа) бенефисъ Мочалова. Вчера я былъ у него, и онъ спрашивалъ, скоро ли ты пріѣдешь. Я сказалъ, что, вѣроятно, ты поспѣешь къ его бенефису.

Отъ Лангера я получилъ тетрадку Шмита, но другой не знаю

гдѣ взять. У Аксакова цѣла книга, которую онъ отдалъ переплесть.

Отъ Станкевича я получилъ письмецо, на мое, твое и Ключникова имя. Оно написано очень забавно, да жаль, что преисполнено обидными личностями на мою особу. Иванъ и Александръ Станкевичи прибыли вчерашній день и были у меня—славные ребята! Къ Боткину все сбирался писать въ ожиданіи твоего письма, а теперь и ему пишу.

Вышла 1 книжка «Сына Отечества»—славный будетъ журналъ. Что за дивныя вещи Пушкина въ послѣднихъ двухъ книжкахъ «Современника!» Кстати: Кольцовъ пріѣхалъ въ Москву, и я прилагаю при семъ его стихотвореніе:

Лѣсъ.

(Посвящено памяти А. С. Пушкина) [1])

Къ В. П. Боткину. 18 января, 1838.

Москва. 1838 года, января 18 дня.

Страхъ какъ не хочется писать, но я далъ тебѣ слово, любезный Василій, и долженъ сдержать его. Мишель теперь живетъ въ Прямухинѣ. Онъ пріѣхалъ сначала въ Казицино; тетка приняла его холодно и начала было читать ему поученія на счетъ его семейства. «Пора итти къ обѣднѣ, тетушка,—сказалъ онъ ей,—сперва помолимся, а тамъ Богъ устроитъ все къ лучшему». Тетушка тотчасъ перемѣнила свою холодность на ласковость. Пріѣзжаютъ сестры; тетушка завоевала и открыто беретъ ихъ сторону. Лишь только сестры Мишеля уѣхали обратно въ Прямухино, какъ пріѣхалъ Дьяковъ. Тетушка совѣтуетъ Мишелю не показываться Дьякову, какъ человѣку, который его ненавидитъ; Мишель увѣряетъ ее, что, напротивъ, Дьяковъ очень его любитъ; выходитъ къ нему и заставляетъ его обнять и поцѣловать себя, а черезъ полчаса нашъ Дьяковъ началъ бѣгать по комнатѣ и кричать, что Мишель его истинный другъ. Къ вечеру пришло письмо отъ дражайшихъ родителей, въ которомъ они просятъ у Мишеля прощенія и самымъ недобросовѣстнымъ образомъ увѣряютъ его, что онъ не понялъ ни ихъ письма, ни ихъ намѣреній, что они

[1]) Далѣе слѣдуетъ стихотвореніе, безъ конца; и письмо безъ конца. *Прим. А. П.*

хотѣли только уговорить Варвару Александровну, а отнюдь не думали принуждать ее силою жить съ своимъ мужемъ. Мишель отправился въ Прямухино, и теперь тамъ все идетъ чудесно. Хотя родители и просятъ Варвару Александровну жить у нихъ, но Миша хочетъ перевезти ее въ Казицино.

Каковъ молодецъ! Да, братъ, этотъ человѣкъ достоинъ того, чтобы лучшая на землѣ женщина забыла и себя и міръ въ любви къ нему.

Ну, теперь надо сказать тебѣ что-нибудь о себѣ — вѣдь ты любишь меня, хоть я не знаю, за что. (Замѣчаешь ли ты, что я вызываю тебя на комплименты? Будь же догадливъ и увѣрь меня, что меня есть за что любить, хоть бы и не тебѣ). Ты помнишь, какъ мы провели съ тобою послѣдній вечеръ, помнишь, кто былъ у насъ третьимъ, не говорю тебѣ, какое впечатлѣніе произвело все это на меня. Когда насъ было еще двое, и когда разсуждали о необходимости для меня имѣть какую-нибудь человѣческую связь съ женщиною для избѣжанія разврата, ты напомнилъ мнѣ о гризеткѣ? Что же? вѣдь я съ нею видѣлся! Хороша, какъ была, и не измѣнилась ни крошечки. Я вошелъ для свиданія съ нею въ сонмище нечестивыхъ, въ которомъ она живетъ, поилъ все окружающее виномъ и самъ пилъ. Говорилъ ей о своей любви и, такъ какъ говорилъ о томъ, чего у меня въ душѣ не было, то и удачнѣе прежняго. Въ такой любви —

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей.

Мой пріятель выпросилъ у ней свиданіе, но оно не состоялось, вѣроятно, потому, что сонмище перемѣнило квартиру. Все это повергло меня въ какое-то неопредѣленное состояніе. Боюсь неудачи, но боюсь и удачи. Впрочемъ, чему быть—да будетъ!

Мочаловъ подарилъ мнѣ билетъ на свой бенефисъ. Читалъ ли ты «Сынъ Отечества» и «Пчелу?» Пріѣзжай поскорѣе. Боже мой, сколько разговоровъ, новостей, радости, блаженства! Мишка будетъ въ Москвѣ на дняхъ. Прощай.

Твой В. Б.

Къ И. И. Панаеву. 26 апрѣля, 1838.

Москва. 1838 г., апрѣля 26.

Любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ, не могу вамъ выразить того удовольствія, которое доставило мнѣ ваше милое письмо. Я давно

знаю васъ, давно полюбилъ васъ: во всемъ, что ни писали вы, видна такая прекрасная, такая человѣческая душа. Вы одинъ доказали мнѣ, что можно быть человѣкомъ и петербуржскимъ литераторомъ. Я не старался узнать, каковы вы на самомъ-то дѣлѣ (какъ говорятъ опытные люди, раздѣляющіе жизнь на идеальную и реальную): я слишкомъ вѣрю моему чувству, чтобы имѣть нужду наводить справки для его оправданія. Вѣря моему чувству, я былъ увѣренъ, что и вы любите меня, точно такъ же, какъ былъ увѣренъ, что меня терпѣть не могутъ разные петербуржскіе поэты, прозаики—и знакомые и незнакомые со мною, и даже журналисты, переписывавшіеся со мною,—Вашу руку—я жму ее, какъ руку друга! Вы не обманулись, оставивши въ сторонѣ и пустыя приличія, и ложный стыдъ. Благодарю, сердечно благодарю васъ за ваше предложеніе — быть мнѣ полезнымъ по журналу. Эта помощь важна для меня. Теперь мнѣ во что бы то ни стало, хоть изъ кожи вылѣзть, а надо постараться не ударить лицомъ въ грязь и показать, чѣмъ долженъ быть журналъ въ наше время, показать это издателямъ изящныхъ афишъ и издателямъ толстыхъ журналовъ съ афишкою на придачу; но молчаніе — скоро увидите сами и, надѣюсь, заочно погладите по головкѣ. Горе вашей петербуржской братіи, горе всѣмъ этимъ маленькимъ геніямъ, которые, послѣ смерти Пушкина, напоминаютъ собою слова Гамлета: «отчего маленькіе человѣчки становятся великими, когда великіе переводятся?» Итакъ, помогите по мѣрѣ возможности, а то васъ тамъ разрываютъ по частямъ, по клочкамъ, литературныя воронья, собиратели чужихъ трудовъ. Литература наша теперь хромаетъ, какъ никогда не хромала: самъ Полевой, этотъ богатырь журналистики, самъ онъ только портитъ дѣло и добросовѣстно вредитъ ему, хуже Сенковскаго.

Первый № «Наблюдателя» позамедлился отъ разныхъ обстоятельствъ, которыя могли встрѣтиться только при первомъ №; но онъ выйдетъ въ Москвѣ, когда вы будете читать мое письмо; второй уже печатается, третій начнется печатаніемъ завтра.

Прощайте и пишите ко мнѣ чаще, а я не останусь у васъ въ долгу.

Письма адресуйте на мое имя—въ домъ Межевого института (Константиновскаго).

Добрый А. В. Кольцовъ вамъ кланяется.

Вашъ В. Бѣлинскій.

между 9 и 27 мая

Къ М. А. Бакунину. Вѣроятно, середина 1838.

Любезный Мишель, съ удивленіемъ и радостію узналъ я, что ты съ Боткинымъ объяснился. Почему же ты не хочешь объясниться со мною? Ты боишься, что я пущусь въ мелочи? Стыдно, Мишель, тебѣ такъ грубо не понимать меня: не я ли писалъ къ тебѣ (въ томъ письмѣ, изъ котораго ты увидѣлъ, что я люблю тебя истинно), что «съ тѣхъ поръ, какъ ты сознался въ своей непросвѣтленной непосредственности, я уже не почитаю себя вправѣ говорить тебѣ объ ней, потому что всякія съ моей стороны повторенія на этотъ предметъ показали бы не любовь къ истинѣ и не желаніе добра къ тебѣ, а желаніе оскорблять и мучить тебя». Ясно ли? Ежели я тебѣ высчитывалъ по мелочамъ факты твоей непросвѣтленности—я дѣлалъ это съ цѣлію: я хотѣлъ подать тебѣ такое зеркало, въ которомъ бы ты увидѣлъ не только пятна, но и едва замѣтныя крапинки души своей. И я достигъ моей цѣли: ты написалъ ко мнѣ, что все, въ чемъ я ни обвинялъ тебя, правда, что твоя непосредственность гадка, но что все это я высказалъ тебѣ съ любовію, почему ты ничѣмъ этимъ и не оскорбился. Нынче ты Боткину сказалъ, что твоя непосредственность была точно гадка. Но что ты это сознаешь глубоко въ самомъ дѣлѣ, это доказывается всего лучше твоею благородною рѣшимостію исправиться, что̀ очень видно. Не правъ ли же я? А между тѣмъ, повторяю тебѣ: если я въ письмѣ не повторялъ тебѣ однажды высказаннаго (потому что ты въ этомъ согласился со мною), то за какого же ты скота почитаешь меня, думая, что я буду столько неделикатенъ, грязенъ, чтобы говорить тебѣ въ глаза о такихъ мелочахъ, которыя совершенно пусты и ничтожны, но только потому важны, что принадлежали тебѣ. Что я не отвергалъ въ тебѣ ни глубокой души, ни глубокаго ума, однимъ словомъ, какого-то глубокаго основанія—это также ясно, и если ты утверждаешь противное, значитъ, что ты не читалъ моихъ писемъ или не понялъ ихъ. Что я тебя любилъ—этому лучшимъ доказательствомъ служитъ мое противъ тебя возстаніе: изъ чего я стану сердиться и говорить рѣзкія истины (т.-е. то, что̀ мнѣ кажется истиною) такому человѣку, который мнѣ чуждъ? Нѣтъ, Мишель, ты не понялъ меня. Не хочу изслѣдовать—кто въ этомъ виноватъ—время обнаружитъ это; но мнѣ больно, обидно встрѣчаться

съ тобою pour sauver les apparences. Я и теперь еще слишкомъ люблю и уважаю тебя, чтобы выдерживать съ тобою такую пошлую, свѣтскую роль. Загляни къ себѣ въ сердце, спроси себя—значу ли я что-нибудь для тебя: если получишь отрицательный отвѣтъ, то скажи или напиши мнѣ, что между нами все кончено; если же наша прежняя дружба имѣла истинную основу, хотя и нелѣпую форму, и если я для тебя что-нибудь значу: то не ребячься со мною—поступи, какъ взрослый человѣкъ. Прежняго не воротить, да его и не нужно; но для насъ предстоитъ лучшее новое. Наша ссора для всѣхъ насъ имѣла благодѣтельныя послѣдствія: мы теперь можемъ жить вмѣстѣ, не мѣшая другъ другу, мы оглянулись на себя, много съ себя свергли дряннаго, лучше поняли и себя и жизнь. Знаю, что отношенія не устраиваются людьми, а возникаютъ сами собою, и потому не хочу условливаться съ тобою въ нашихъ отношеніяхъ: смотри на меня, какъ на добраго малаго, у котораго есть общія съ тобою стороны, въ которыхъ онъ можетъ съ тобою дѣлиться: я буду смотрѣть на тебя такъ же. Выйдутъ изъ этихъ отношеній новыя лучшія, или мы останемся все при нихъ—что намъ до этого? Пусть все будетъ такъ, какъ будетъ. По крайней мѣрѣ, мы оба поступимъ не какъ дѣти, а какъ люди взрослые. Ты говоришь, что мнѣ необходимо объективное наполненіе; я говорю, что необходимо только то, что является, какъ потребность, необходимо условливающая собою удовлетвореніе: останемся каждый при своемъ мнѣніи. Я нападалъ на тебя не за твой образъ мыслей объ этомъ предметѣ, а за то, что ты не позволялъ мнѣ имѣть своего и презиралъ меня за него. Но теперь это кончено: я могу съ тобою даже говорить объ этомъ и буду съ уваженіемъ слушать твои доводы, только требую и отъ тебя того же. Трудно было первое свиданіе мое съ тобою, трудно по двумъ причинамъ, очень хорошо тебѣ извѣстнымъ. Когда ты ушелъ отъ Боткина—я былъ радъ, съ меня спала тяжесть. Это оттого, что я увидѣлъ, что ты пришелъ къ намъ для аппарансовъ, которые я ненавижу больше явной и безстыдной подлости, когда они употребляются съ людьми, а не съ скотами. Но второе свиданіе (въ паркѣ) было для меня лучше: ты былъ проще. Но когда ты былъ у меня, когда ты сказалъ мнѣ, что твои пріѣдутъ въ Москву послѣ отъѣзда Варвары Александровны, то у меня вся душа встрепенулась отъ какого-то сладкаго, дружелюбнаго чувства къ тебѣ; мнѣ показалось, что ты спѣшилъ меня обрадовать

извѣстіемъ, что они остановятся не у Полторацкихъ, что̀ освобождало меня отъ адской муки. Не знаю, вѣрно ли было мое чувство, и не обманулся ли я въ значеніи твоихъ словъ и намѣренія, съ какимъ они были сказаны: но вотъ тебѣ фактъ: мое сердце быстро повернулось къ тебѣ. Но твои отношенія съ Аксаковымъ набрасывали ужасную тѣнь на тебя: намъ всѣмъ казалось, что ты его ненавидишь. Теперь я узналъ, что ты и съ нимъ хочешь объясниться—и мнѣ стало легче.

Мишель, полно ребячиться—приходи ко мнѣ завтра пораньше. Я буду одинъ, а встаю я рано. Объяснимся. Увѣряю тебя, что еслибъ ты самъ заговорилъ о мелочахъ, то я остановилъ бы тебя. И намъ есть въ чемъ объясниться: ты во многомъ меня и всѣхъ насъ не понялъ. Я не буду нападать на тебя—я буду защищаться. Но главное не въ вопросѣ—кто правъ и кто виноватъ: вопросъ этотъ рѣшитъ время. Все ложное и призрачное исчезнетъ, а истинное останется и войдетъ въ жизнь. Знаю, что и мы передъ тобою были неправы (иначе и быть не могло), я написалъ къ тебѣ два оскорбительныя письма, оскорбительныя и по содержанію и по формѣ: ты знаешь причину этого—она извинительна, Мишель, но отъ этого тебѣ не легче. Итакъ, мы всѣ еще находимся подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого событія, всѣ еще больны ранами, которыя оно нанесло намъ: поэтому мы всѣ не можемъ еще быть судьями въ этомъ дѣлѣ: судъ требуетъ безпристрастія, а больные всегда пристрастны. Итакъ, къ чорту всѣ разбирательства правоты и неправоты; объяснить кое-что непонятое съ той или другой стороны—это другое дѣло. И въ такомъ случаѣ, я тебѣ предоставляю роль обвинителя, а на себя беру роль отвѣтчика, и не позволю себѣ говорить ни о чемъ, что тебя оскорбляетъ. Не прошедшихъ, но настоящихъ отношеній уясненіе—вотъ что̀ всего важнѣе. Э, Мишель, право мы всѣ не такъ худы, какъ думаемъ другъ о другѣ; мы всѣ другъ друга любимъ и уважаемъ—такъ къ чему же пустымъ ребячествомъ ставить между собою преграды? Все хорошо, все благо—и наша ссора—хвала ей. Ты уже входишь въ истинную дѣйствительность, ты себя переработываешь дѣятельно и сильно; а вслѣдствіе чего? Будь наши письма тихи, кротки—и что̀ бы вышло? длинная, безконечная и безплодная переписка. Но довольно: можетъ быть, завтра переговоримъ больше. Жду тебя часовъ въ 7 утра, и увѣренъ, что ты пріѣдешь.

Твой В. Б.

Отрывокъ изъ письма къ брату Константину. Іюнь, 1838.

Любезный братъ, мое письмо предупредило твое: изъ этого ты можешь ясно видѣть, что я чуждъ всѣхъ ссоръ и неудовольствій. Не я завелъ ихъ съ тобою, а твои поступки. Но что было, то прошло—дай руку.

Поздравляю тебя съ сыномъ. Я теперь поступаю учителемъ въ Константиновскій межевой институтъ. Мѣсто для меня довольно выгодно: 1,300 р. жалованья, черезъ 4 года утвержденіе въ IX классѣ. Сверхъ того, инспекторъ института, князь Козловскій, по дружбѣ своей ко мнѣ, уступилъ мнѣ лучшую половину своей квартиры, и я пользуюсь и дровами, и свѣчами казенными... Классы мои за стѣною, подъ бокомъ. Учу 9 часовъ въ недѣлю, по 3 часа черезъ день. Покуда я вольнонаемнымъ и еще не утвержденъ. Надо выхлопотать грамоту. Для этого пришли ко мнѣ не медля слѣдующее: 1) копію съ формулярнаго списка покойнаго отца; 2) бумагу, которою Е. И. В. Константинъ Павловичъ изъявилъ свое согласіе на воспріемничество; 3) копію съ твоей грамоты... Получилъ ли ты «Московскаго Наблюдателя»? Это подарокъ твоему сыну—пусть читаетъ по субботамъ. Можетъ быть, мои дѣлишки съ будущаго новаго года поправятся, а покуда все еще плоховаты.

Къ М. А. Бакунину. 20 іюня, 1838.

20 іюня, понедѣльникъ.

Чудная вещь жизнь человѣческая, любезный Мишель! Никогда такъ не стремилась къ ней душа моя и никогда такъ не ужасалась ея. Въ одно и то же время я вижу въ ней и очаровательную дѣвушку, и отвратительный скелетъ. И хочется жить, и страшно жить, и хочется умереть, и страшно умереть. Могила то манитъ меня къ себѣ прелестью своего безпробуднаго покоя, то леденитъ ужасомъ своей могильной сырости, своихъ гробовыхъ червей, ужаснымъ запахомъ тлѣнія.

Тебя удивляетъ, Мишель, эта прелюдія? Она и меня удивляетъ, и не знаю, съумѣю ли я высказать тебѣ все, что занимаетъ теперь мою душу. Не думай, чтобы это относилось только къ пріѣзду въ Москву давно ожидаемыхъ Прямухинскихъ гостей: нѣтъ, въ моей душѣ теперь большая сложная исторія. Она такъ

запутана, что я не знаю, какъ и распутать ее. Но начало ея скрывается въ моихъ къ тебѣ отношеніяхъ, въ нашей недавней размолвкѣ. Съ нея и начну я.

Не думай, Мишель, чтобы я хотѣлъ завести снова старые споры и счеты. Нѣтъ, это будетъ новое, хотя и о старомъ, потому что все старое только теперь предстало мнѣ объективно.

Мишель, я былъ, я стоналъ подъ твоимъ авторитетомъ. Онъ былъ тяжелъ для меня, но и необходимъ. Я освободился отъ него только 16 числа этого мѣсяца, т. е. почувствовалъ мое освобожденіе. Въ полемическихъ письмахъ моихъ къ тебѣ я гордо, съ наслажденіемъ, съ похвальбою, повторялъ, что твой авторитетъ свергнутъ съ меня: я обманывался. Я походилъ на мальчишку, который не можетъ безъ ненависти вспомнить о своемъ учителѣ, хотя уже и знаетъ, что этотъ учитель не смѣетъ болѣе драть его за уши. Я сердился, и потому былъ неправъ.

Мишель, мы оба были неправы другъ къ другу. Мы нападали другъ въ другѣ не на опредѣленіе, не на тѣ недостатки и пошлости, которыя сбрасываются и стряхаются, какъ пыль; но на наши субстанціи. Мы заглянули въ таинственное святилище сокровенной внутренней жизни одинъ другого, и заглянули съ тѣмъ, чтобы плюнуть туда, на этотъ святой алтарь. Ты отрицалъ во мнѣ святость моего чувства; взбѣшенный этимъ, я, безсознательно, не замѣчая этого самъ, отрицалъ въ тебѣ всякую основу достоинства.

Это была болѣзнь. Теперь я здоровъ. Это письмо пишу къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы узнать, здоровъ ли и ты. Мишель, ты исключилъ меня изъ круга твоихъ друзей, ты увѣрилъ себя, что у тебя со мною все кончено, что мы разошлись навсегда. Ты обманываешься, Мишель. Ты несправедливъ къ себѣ. О, повѣрь мнѣ, что ты лучше, нежели ты о себѣ думаешь, что ты любишь меня, любишь глубоко и горячо...

И я люблю тебя, Мишель, люблю тебя глубоко и горячо.

Не надо говорить тебѣ, какое впечатлѣніе произвело на меня первое письмо твое къ Боткину. Сначала я взбѣсился, потомъ успокоился. Второе письмо твое, посланное съ Егоромъ, попалось ко мнѣ: я читалъ его блѣдный, трепеща всѣми членами. Но не письмо, а видъ Егора привелъ меня въ такое состояніе. Письмо не могло произвести новаго впечатлѣнія, но еще болѣе укрѣпило старое. Это было въ середу (15), я поѣхалъ къ твоимъ; безумный воротился я къ Боткину и сказалъ ему: «Теперь-то

я вижу, что моя дружба съ Мишелемъ была мечта, отрывокъ изъ фантастической повѣсти Гофмана, дьявольское навожденіе; теперь-то я вижу, что между нами все кончено—и очень этому радъ—мнѣ легче».

Проснувшись на другое утро, я увидѣлъ въ новомъ свѣтѣ и себя, и тебя, и все прошедшее. Но некогда. Пріѣхалъ Ефремовъ. Сейчасъ ѣдемъ къ твоимъ, чтобы съ ними итти въ Кремль, въ Оружейную Палату.

Чудное дѣло письмо, Мишель: его надо или кончить за одинъ разъ, или совсѣмъ за него не приниматься. Теперь надо мнѣ продолжать начало, а начало-то и не годится.

Сейчасъ воротился я съ прогулки. Были въ Оружейной Палатѣ и на Иванѣ Великомъ. Я былъ и счастливъ, и несчастливъ, и все отъ одной и той же причины. Нѣтъ, братъ—

Недоступно свята для людскихъ вожделѣній,
Дорога для земли и ея наслажденій!

Грустно!..

Нѣтъ, никакую женщину въ мірѣ не страшно любить, кромѣ ея. Всякая женщина, какъ бы ни была она высока, есть женщина: въ ней и небеса, и земля, и адъ, а это—чистый, свѣтлый херувимъ Бога живаго, это—небо, далекое, глубокое, безпредѣльное небо, безъ малѣйшаго облачка, одна лазурь, осіянная солнцемъ!

Но буду продолжать, что̀ началъ. Да, Мишель, я теперь совершенно освободился отъ твоего вліянія—и снова люблю тебя, только люблю глубже, горячѣе прежняго. Любовь есть пониманіе: это я недавно постигъ. Простая истина, а я не зналъ ея!

Наша ссора была благотворна. Причина ея заключалась въ нашемъ взаимномъ требованіи истинной дружбы и неспособности удовлетвориться призрачною. Взаимныя наши призрачности производили ревущіе, болѣзненные диссонансы въ прекрасной гармоніи, которую мы образовали взаимнымъ влеченіемъ другъ къ другу, взаимною потребностію другъ въ другѣ. Надо было, чтобы все ложное, такъ долго скоплявшееся, прорвалось, какъ чирей. Я и теперь предвижу возможность такихъ переломовъ и потрясеній въ нашей дружбѣ, но уже въ другихъ формахъ. Нѣтъ, никогда не позволю я теперь сказать правды моему другу, если

мнѣ пріятно или весело будетъ ее сказать. Кромѣ любви, все призракъ и ложь, а любовь страдаетъ за недостоинство своего предмета, и, плача, съ кротостію, произноситъ свои приговоры. Кто не уважаетъ чужой личности, чужого самолюбія, тотъ можетъ только осуждать, а не исправлять. Ложно всякое слово, всякій звукъ, вырывающійся изъ страсти, а любовь не есть страсть; ея упрекъ есть жалоба, ея обвиненіе есть увѣщаніе, ея совѣтъ есть мольба. Да, Мишель, я чувствую, что я глубоко оскорбилъ тебя. Я не щадилъ твоихъ ранъ, я выбиралъ изъ нихъ самыя глубокія; я высказывалъ то, о чемъ достаточно было намекнуть, и съ подробностію высчитывалъ то, о чемъ самый намекъ горекъ. Но я не раскаиваюсь въ прошедшемъ: оно было выраженіемъ момента моего духа. Мнѣ надо было перейти черезъ этотъ моментъ, чтобы достичь до того, въ которомъ нахожусь теперь. Мы оба были въ ложномъ состояніи, и потому не понимали другъ друга; хотѣли рѣшить вопросъ, и только больше запутывали его. Въ тебѣ было много пошлаго и гадкаго— правда; но ограниченность есть условіе всякой силы — это сказалъ нашъ добрый, нашъ святой Василій, и сказалъ великую истину. Что такое Германія? Съ одной стороны Фаустъ, Гете, Бетина, а съ другой Вагнеръ, Менцель, Реттель; съ одной— Вертеръ, а съ другой—monsieur Пикаръ Либерофонкъ. Что такое Россія? Съ одной стороны богатырь, которому море по колѣно, а съ другой пьяный мужикъ, который валяется въ лужѣ. Такъ и человѣкъ: его достоинство есть условіе его недостатковъ, его недостатки есть условіе его достоинствъ. Меня оскорбляло твое безграничное самолюбіе, а теперь оно для меня — залогъ твоего высокаго назначенія, доказательство глубокости твоей субстанціи. Ты никогда не былъ доволенъ своимъ настоящимъ опредѣленіемъ, ты всегда его ненавидѣлъ и въ себѣ и въ другихъ. Переходя въ новый моментъ, ты требовалъ, чтобы и мы переходили въ него, и ненавидѣлъ насъ, видя, что мы въ своемъ моментѣ, а не въ твоемъ. Это субъективность, ограниченность съ твоей стороны, но сколько прекраснаго, святого, великаго въ этой субъективности, въ этой ограниченности. Въ моихъ глазахъ, ты теперь есть не что иное, какъ выраженіе хаотическаго броженія элементовъ. Твое я силится выработаться, но какъ ему суждено выработаться въ огромныхъ формахъ, то естественно, что эта разработка для тебя болѣзненна: въ ней разрушеніе дѣлается для созданія, гніеніе для но-

вой производительности. Твои странности, дѣтство, легкомысліе, пошлость—все это теперь для меня понятно. Ты былъ во многомъ неправъ ко мнѣ, но не по личности, какъ я думалъ прежде, а вслѣдствіе моментальнаго состоянія твоего духа. Теперь я глубоко понимаю тебя и потому глубоко люблю тебя: любовь есть пониманіе, то святое и органическое пониманіе, гдѣ одно чувство безъ выговариванія, а если выговариваніе, то уже не отвлеченное, а такое, которое есть въ то же время и ощущеніе. Да, я теперь люблю тебя такимъ, каковъ ты есть, люблю тебя съ твоими недостатками, съ твоею ограниченностію, люблю тебя съ твоими длинными руками, которыми ты такъ граціозно загребаешь въ минуты восторга, и изъ которыхъ одною (не помню—правою или лѣвою) ты такъ картинно, такъ образно, сложивши два длиннѣйшихъ перста, показываешь и доказываешь мнѣ, что во мнѣ спекулятивности нѣтъ «вотъ на эстолько»; люблю я тебя съ твоею кудрявою головою, этимъ кладеземъ мудрости, и дымящимся чубукомъ у рта. Мишель, люби и ты меня такимъ, какъ я есть. Желай мнѣ безконечнаго совершенствованія, помогай мнѣ итти къ моей высокой цѣли, но не наказывай меня гордымъ презрѣніемъ за отступленія отъ нея, уважай мою индивидуальность, мою субъективность, будь снисходителенъ къ самой моей непросвѣтленности. Люби меня въ моей сферѣ, на моемъ поприщѣ, въ моемъ призваніи, каковы бы они ни были. Другъ Мишель, мы оба не знали, что такое уваженіе къ чужой личности, что такое деликатность, въ высшемъ, святомъ значеніи этого слова. Я теперь понимаю, какъ грубы, грязны, неделикатны были мои письма, какъ должны были они оскорбить тебя. Прости меня за нихъ—я умоляю тебя именемъ той святой любви, которая теперь такъ сладостно потрясаетъ и волнуетъ все существо мое. Въ благодатномъ царствѣ любви нѣтъ памяти оскорбленія—въ ней она замѣняется сладостію прощенія. Я простилъ тебя за все, потому что понялъ необходимость всего, что было. Мое сердце горитъ любовію къ тебѣ, и съ какимъ бы упоеніемъ обнялъ я тебя въ эту минуту, какъ страстно поцѣловалъ бы я тебя! Ты нуженъ мнѣ въ эту минуту, я хотѣлъ бы опереться на твою мощь, попросить тебя, чтобы ты объяснилъ мнѣ самого меня, поддержалъ бы меня. Я боленъ, я страдаю — и чувствую въ тебѣ всю нужду, и понимаю всю безконечность твоего значенія въ отношеніи ко мнѣ. Послѣ Станкевича, я тебѣ больше всѣхъ обязанъ. По моей природѣ, я противоположенъ тебѣ, но

потому-то ты и необходимъ для меня. Для меня истина существуетъ, какъ созерцаніе въ минуту вдохновенія, или совсѣмъ не существуетъ. Ты, ты сдѣлалъ ее для меня представленіемъ, подъ которымъ я разумѣю выговоренное созерцаніе. Ты внесъ въ мою жизнь мысль, которой я не люблю, но безъ которой нельзя жить, безъ которой чувство переходитъ въ хаосъ противорѣчій, пожираетъ само себя. У меня всегда была потребность выговариванія и бѣшенство на эту потребность. Результатомъ этой борьбы должно было быть отчаяніе, оскудѣніе жизни, судорожное проявленіе жизни, въ проблескахъ, восторгахъ мгновенныхъ и дняхъ, недѣляхъ апатіи смертельной. Такъ и было со мною въ Прямухинѣ. Тамъ я лицомъ къ лицу, въ первый разъ, столкнулся съ мыслію — и ужаснулся своей пустотѣ. Это былъ ужасный періодъ моей жизни, но я теперь понимаю его необходимость и начинаю мириться даже съ моими статьями, въ которыхъ выразилась моя тогдашняя отвлеченность. Я страдалъ, потому что былъ благороденъ, я принесъ въ жертву моимъ конечнымъ опредѣленіямъ всѣ мои чувства, вѣрованія, надежды, свое самолюбіе, свою личность. Это было нужно: тотъ не любитъ истины, кто не хочетъ для нея заблуждаться и приносить ей въ жертву, какъ Молоху, все, чѣмъ живешь и радуешься...

Прощай, Мишель. Шесть часовъ. Иду къ Лангеру. У него концертъ. Всѣ будутъ слушать слышимую музыку, а я буду созерцать видимую...

И я созерцалъ ее—но что-жъ? Вотъ уже половина перваго—все спитъ, а я не хочу и не могу спать. Мнѣ грустно — я хотѣлъ бы плакать, рыдать, да нѣтъ слезъ. Мишель, зачѣмъ не могу я поговорить съ нею хоть четверть часа, хоть десять минутъ, о чемъ-нибудь, хоть о пустякахъ, лишь бы слова мои были выраженіемъ состоянія духа, а не наоборотъ, лишь бы они шли отъ души, а не прибирались мною. Съ нею говорилъ Ефремовъ и много другихъ, всѣ, кромѣ меня. Грустно, Мишель. Хочется умереть. Для меня существуетъ гармонія, есть своя доля, свой участокъ жизни, данный мнѣ добрымъ Богомъ, но только не тогда, когда я ее вижу... Боже мой, какъ я былъ счастливъ, блаженъ съ четверга Пасхи до твоего отъѣзда, сколько жизни, могучей жизни кипѣло во мнѣ во время бранной переписки съ тобою, а теперь?—то вниканіе, то смертельная тоска. Каждый день ее вижу, и для чего?.. Я не могу выйти изъ созерцанія моего

я, я не могу любоваться ею объективно, какъ чуднымъ, прекраснымъ созданіемъ божіимъ: я могу или смотрѣть на нее безчувственно, апатически, или съ смертельною тоскою. Неужели не видѣть ее — есть условіе того небольшого счастія, которое еще дано на мою долю?..

Я скоро заснулъ, но сонъ мой былъ тревоженъ. Ничего не видалъ во снѣ, но что-то безпрестанно безпокоило воображеніе. Я рѣшительно въ ложномъ положеніи: или въ состояніи равнодушія, очень похожаго на бездушіе, или въ тоскѣ безотрадной, въ какомъ-то плаксивомъ созерцаніи своего дряннаго я. Надо выйти изъ этого состоянія—но какъ?

Соловьемъ залетнымъ
Молодецъ засвищетъ,
Безъ пути, безъ свѣта
Свою долю сыщетъ!

Хорошо бы такъ! Истинное блаженство состоитъ въ умѣніи все имѣть, всѣмъ обладать, ничего не имѣя, ничѣмъ не обладая. Какъ ничѣмъ? А развѣ не мое—это прекрасное небо, это лучезарное солнце, эта живая природа? Развѣ не мое все, что̀ ни написалъ Пушкинъ, развѣ не мой Гамлетъ? Только надо умѣть сдѣлать это все своимъ. Вотъ тутъ-то и запятая. Вчера, напримѣръ, я, варваръ и профанъ въ музыкѣ, слушалъ septuo Бетховена съ слезами восторга на глазахъ, трепеталъ отъ звуковъ, которые такъ неожиданно и такъ сильно заговорили моей душѣ; а въ иное время въ Пушкинѣ и Гамлетѣ вижу однѣ буквы — и больше ничего. Охъ, эти проклятые интервалы! Минуты созерцанія и промежутки одеревянѣнія! Долго ли еще продолжится это? Да, Мишель, хочу попробовать опытомъ, тяжкимъ опытомъ, рѣшить нашъ споръ: возстань моя воля и возьми сама собою то, что̀ не дается, какъ благодать! Буду работать—примусь за объективное наполненіе, какъ другіе принимаются за пьянство, за разгулъ, чтобы найти какой-нибудь выходъ. Если это будетъ безплодно, если я въ послѣдній разъ удостовѣрюсь, что воля — призракъ, то буду жить какъ-нибудь, утѣшая себя мыслію, что когда-нибудь не буду же жить.

Обращаюсь, Мишель, къ прерванной матеріи—къ моимъ отношеніямъ къ тебѣ. Тебя удивитъ или раздосадуетъ, можетъ быть,

то, что я сказалъ, что ненавижу мысль. Да, я ненавижу ее, какъ отвлеченіе. Но развѣ можетъ она пріобрѣтаться, не будучи отвлеченною, развѣ мыслить должно всегда только въ минуты откровенія, а въ остальное время ни о чемъ не мыслить? Я понимаю всю нелѣпость подобнаго предположенія, но моя природа враждебна мышленію, и только ты какъ-то могъ овладѣть мною и заставить меня обо многомъ подумать и подумать. Это было для меня и необходимо, и благодѣтельно. Вотъ твое на меня вліяніе, вотъ чѣмъ ты вошелъ въ мою жизнь. Нѣтъ, Мишель, ты не навязалъ на меня свой авторитетъ: его наложило на меня могущество твоей мысли, безконечность твоего созерцанія. Многое понимаю я теперь глубоко, и понимаю черезъ тебя. Теперь это мнѣ ясно. Мое ожесточеніе противъ тебя произошло частію отъ личностей, а частію отъ того, что я не хотѣлъ видѣть въ тебѣ никакихъ недостатковъ, и, видя ихъ, хотѣлъ видѣть въ нихъ достоинства. Незаслуженное уваженіе ненадежно и ломко. Это и случилось. Конечно, въ этомъ виноватъ только одинъ я. Твоя вина состояла въ излишней субъективности, въ излишней сосредоточенности въ себѣ и въ желаніи видѣть въ другихъ то, что происходило въ тебѣ. Теперь я знаю твои достоинства, знаю и твои недостатки: на первыя смотрю съ любовію и уваженіемъ, на вторые съ снисхожденіемъ, какъ на зло необходимое и — я вѣрю этому—преходящее. Мало того: ты достолюбезенъ для меня во многихъ изъ твоихъ недостатковъ, и то, что въ тебѣ такъ недавно приводило меня въ бѣшенство, теперь восхищаетъ меня своею достолюбезностію.

Мишель, любить можно только субстанцію—я понимаю это; но вѣдь субстанція сама по себѣ—призракъ: она узнается чрезъ опредѣленіе. Въ человѣкѣ можно любить только его опредѣленіе, какъ выраженіе субстанціи. Какъ бы ни было пошло опредѣленіе человѣка, но если въ немъ хоть проблесками высказывается глубокая и могущая субстанція — оно и любезно и достолюбезно. Знаешь ли, отчего я обнаруживаю такое сильное ожесточеніе ко всѣмъ пошлымъ людямъ? Оттого, что не могу говорить съ ними о пустякахъ, о вздорахъ. Съ человѣкомъ, котораго я почитаю человѣкомъ, я готовъ цѣлый день врать глупости, потому что знаю, что отъ глупостей могу перейти съ нимъ къ высшимъ интересамъ жизни, а отъ нихъ опять къ чему угодно — и во всемъ у меня съ нимъ будетъ интересъ. Я это говорю къ тому, чтобы показать тебѣ, что требую отъ человѣка не идеальности,

а существенности, чтобы любить его. Если я люблю его — его форма мнѣ мила, и она заслоняетъ въ немъ содержаніе, какъ въ художественномъ произведеніи. Когда я былъ на Кавказѣ и съ грустію воспоминалъ о Боткинѣ, онъ всегда представлялся мнѣ съ своею лысиною, въ своемъ бархатномъ камзолѣ, съ своимъ веселымъ и добрымъ смѣхомъ, даже съ своимъ заносчивымъ «извинитесь». Въ его лысинѣ для меня тьма прелестей—я влюбленъ въ его лысину и его достолюбезность. Ты знаешь меня, знаешь, какъ много во мнѣ пошлаго и гадкаго. Но въ чемъ оно заключается? Подумай хорошенько, и увидишь, что въ пустякахъ. Моя непосредственность гадка оттого, что я имѣю привычку говорить, когда ни о чемъ не хочется говорить, и потому прибѣгаю къ остроумію, котораго мнѣ не далъ Богъ, и которое у меня является въ плоскостяхъ. Теперь это у меня исчезаетъ и скоро совсѣмъ исчезнетъ, потому что я учусь молчать, когда надо молчать, учусь дорожить словомъ, какъ выраженіемъ разума, и не смотрѣть на него, какъ на празднословіе. Но когда, одушевленный негодованіемъ, я, съ обычною моею энергіею, выражаюсь сравненіями, которыя беру гдѣ ни попало, и которыя не пропустила бы никакая общественная цензура, то Боткинъ отъ меня въ восторгѣ и видитъ въ этомъ мою достолюбезность и любитъ меня за нее. Тоже и Станкевичъ. Я понимаю это: оно такъ и должно быть. Только выраженіе пустоты въ человѣкѣ оскорбительно, и то по своей не эстетической формѣ. Да, Мишель, ты правду сказалъ, что мы всѣ — славные ребята. Между нами не было той дружбы, которой намъ нужно, но всегда была сильная потребность ея — и она-то соединяла насъ. Кого соединитъ Богъ, того ничто и никто не разлучитъ, а насъ соединилъ Богъ. Въ біографіи Гофмана я вычиталъ, что Гофманъ не читалъ критикъ и рецензій на свои сочиненія и былъ къ нимъ совершенно равнодушенъ. Написавъ сочиненіе, онъ читалъ его своимъ друзьямъ; если оно нравилось имъ, его весь міръ не могъ переувѣрить, что оно дурно. Не то же ли и въ нашемъ кругу? У насъ нѣтъ пристрастія другъ къ другу — мы говоримъ другъ о другѣ, что чувствуемъ, и потому цѣнимъ взаимнымъ судомъ и мало заботимся, что о насъ думаютъ другіе. Когда я вамъ читаю мои статьи, мнѣ бываетъ страшно — я трепещу за участь написаннаго мною; вы хвалите — я въ восторгѣ; вамъ не нравится, и я преспокойно отношу мое сочиненіе къ неудавшейся попыткѣ. Вы ко мнѣ находитесь въ такомъ же отношеніи. Ко-

нечно, у меня есть ареопагъ пострашнѣе вашего... но—молчаніе, молчаніе! Да, Мишель, еще разъ: мы любимъ другъ друга на зло намъ самимъ, на зло нашей конечности, нашей ограниченности. Есть нѣчто существенное, что связываетъ насъ. Раздѣляютъ насъ призраки. Надо имѣть силу тотчасъ сознавать ихъ и убивать. Я вѣрю твоему прекрасному призванію, вѣрю, что ты достигнешь своей высокой цѣли. Въ тебѣ играетъ глубокая, могучая жизнь; твое созерцаніе безконечно; твоя сила — громадна. Я всѣхъ васъ хуже, я даже не знаю, что̀ я такое. Есть много такого, что̀ увѣряетъ меня въ моей дѣйствительности; но какъ же еще много и такого, что̀ увѣряетъ меня, что я—дрянь, такъ поплевать только да и бросить.

Вчера я сказалъ Татьянѣ Александровнѣ, что посылаю съ ними огромное посланіе къ тебѣ, въ родѣ посланій св. Павла. «Стало быть, грозное,—отвѣчала она мнѣ,—въ такомъ случаѣ, мы не повеземъ его». Чистыя, святыя созданія, какъ онѣ любятъ тебя. Нѣтъ, не любятъ — онѣ боготворятъ тебя! И я понимаю это — оно такъ и должно быть — ты много для нихъ сдѣлалъ. Я и теперь думаю то же, что нѣкогда сказалъ тебѣ: въ твоихъ отношеніяхъ къ нимъ есть примѣсь лжи и призрачности, но теперь это не смущаетъ меня, потому что я увѣрился, что это необходимо и неизбѣжно (вспомни сравненіе Марбаха съ киноварью) и что это преходяще. Истина должна побѣдить ложь, и это уже дѣлается. Опытъ—великое дѣло; жизнь—великая школа.

Мишель, ты — злодѣй, счастливецъ, каналья! Тебѣ есть кого любить всѣми силами твоей сильной, могучей души, у тебя есть золотая связь съ жизнію; тебѣ есть кому отдать все — и душу, и жизнь, и кровь. Люби ихъ—это счастіе, блаженство. Я знаю тебѣ цѣну, —она велика; но имъ я не знаю цѣны. Я никого не знаю выше Станкевича—но что онъ передъ ними—ничто, меньше, въ тысячу разъ меньше, нежели ничто.

Въ пятницу я провелъ часа два съ Татьяной Александровной (мы пріѣхали съ Ефремовымъ и не застали ни Варвары Александровны, ни Александры Александровны). Что за чудное, за прекрасное созданіе Татьяна Александровна! Въ первый еще разъ предстала она передъ моимъ созерцающимъ, понимающимъ и любящимъ внутреннимъ я во всей безпредѣльности своего значенія, со всѣмъ ароматомъ букета своей души. Я смотрѣлъ на нее, говорилъ съ ней— и сердился на себя, что говорилъ—надо было смотрѣть, любить

и молиться. Эти глаза, темно-голубые и глубокіе, какъ море, этотъ взглядъ, внезапный, молніеносный, долгій, какъ вѣчность, по выраженію Гегеля, это лицо, кроткое, святое, на которомъ еще какъ будто не изгладились слѣды жаркихъ моленій къ небу — нѣтъ, обо всемъ этомъ не должно говорить, не должно смѣть говорить.

Ты хорошо сдѣлалъ, что не пріѣхалъ, хорошо для меня. Дѣло по внѣшности обошлось лучше, нежели я думалъ. Пріѣхавъ въ середу къ вечеру, я встрѣтилъ въ первой комнатѣ Александру Александровну, срѣзался ужасно, но теперь утѣшаюсь тѣмъ, что одна она видѣла крайнее мое смущеніе, потому что я уже нѣсколько оправившись вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣла madame съ Татьяной Александровной. Однако я все-таки былъ еще такъ смущенъ, что препочтительно поклонился двумъ горничнымъ, принявши ихъ за гостьевъ, и не знаю, какъ не подошелъ къ нимъ къ рукѣ. Но этимъ и кончилось мое рѣзанье; я даже, во все это время, не покраснѣлъ хорошенько, а только слегка, и то разъ или два. Все вышло не такъ, какъ я думалъ. Въ середу я былъ въ волненіи, въ четвергъ тоже; тутъ замерла вся жизнь, вмѣсто того, чтобъ разыграться. Напало вниканіе, сухость, апатія, словомъ, почти прямухинское состояніе. Еслибы, подъѣзжая къ ихъ дому, или дожидаясь ихъ у Лангера, я не чувствовалъ замиранія сердца, еслибы иногда, взглянувъ, не чувствовалъ какого-то волненія, то не зналъ бы, что̀ и подумать, но по крайней мѣрѣ рѣшилъ бы вопросъ. Въ понедѣльникъ сухость моя разрѣшилась въ тоску — мнѣ стало легче. Вниканіе убило было меня, но я утѣшился мыслію, что, можетъ быть, ты и правъ, говоря, что вниканіе можетъ быть благодѣтельно. Смотря на нее, постигая всю гармонію, всю свѣтлость и ясность этой чистой, глубокой, младенческой души, я обернулся на себя: мнѣ стало гадко. Оставалось бы наслаждаться объективнымъ созерцаніемъ и блаженствовать имъ, оставалось бы читать про себя эти чудные стихи—

Ужель не можно мнѣ
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселый миръ души, безпечные досуги,
Все—даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

Но—увы! мнѣ приходили на память другіе стихи, вотъ эти—

Я не могу скитаться одинокимъ,
Въ страданьяхъ жить надеждою одной,
Духъ обольщать наградъ вѣнцомъ далекимъ
Я не могу... Увы! я весь земной!
Мнѣ грудь нужна, мнѣ надобны объятья,
Мнѣ надо сердца вѣрнаго отвѣтъ,
Чтобъ темные разсчеты, предпріятья,
Грѣлъ, освѣщалъ души невинной свѣтъ!

Это думалъ я—животное, пошлякъ! Грустно, Мишель—хочется умереть.

Скажи мнѣ: зачѣмъ такія противорѣчія въ жизни: зачѣмъ мнѣ дано понять достоинство того, чего я не стою, чѣмъ бы я могъ быть счастливъ, но чему я не могу дать счастія, а слѣдовательно, чѣмъ и самъ не могу быть счастливъ. Вѣдь счастіе-то жизни для меня навсегда убито. Гдѣ вы, золотыя мечты о жизни вдвоемъ, хоть какой-нибудь, только вдвоемъ! Простите навсегда. Чувствую, какъ я вралъ, фантазируя о возможности для меня какого-нибудь счастія—помнишь въ тотъ вечеръ, когда на мой счетъ такъ мило фантазировалъ Боткинъ. Счастливое время, тогда въ мечтѣ существовало хоть какое-нибудь счастіе, представлялся хоть какой-нибудь выходъ!..

Въ четвергъ вечеромъ онѣ были у Лангера, пошли въ садъ, гдѣ Лангеръ представилъ имъ Боткина. Потомъ опять пошли въ комнаты; ужъ смерклось, а Александра Александровна исчезла. Я понялъ, гдѣ она—она убѣжала въ садъ и упивалась имъ. Боже мой! Что значитъ, какъ, по какимъ законамъ бытія, возможенъ этотъ безпрестанный отзывъ на призывъ природы и жизни, это безпрестанное кроткое, безмятежное волнованіе такой глубокой, такой прекрасной жизни? И столько прелести, очарованія, святости!

Оставалось бы безкорыстно, ничего не желая, созерцать, молиться и блаженствовать, но—

Увы! я весь земной!

Читалъ я имъ сцены изъ «Ромео и Юліи», но прочелъ такъ пошло, безжизненно, что теперь досадно, зачѣмъ я испортилъ въ ихъ глазахъ это дивное созданіе. Читалъ я имъ «Пѣсню о купцѣ Калашниковѣ», но лучше бы у меня отсохнулъ языкъ, нежели такъ гадко читать. Только нѣкоторыя пѣсни Кольцова

я прочелъ, какъ должно. Приписываю мою неудачу тому, что при чтеніи я долженъ былъ обращаться къ madame votre mère. Кстати: она очень любезна со мною—приглашала въ Прямухино—я сконфузился и отказался или почти отказался, и она на другой день при всѣхъ (и при мнѣ) изъявила свое удовольствіе отъ моего отказа, разумѣется, въ видѣ сожалѣнія. Приглашала Лангера, Боткина, особенно Ефремова. Весь этотъ народъ волнуется, сбирается, фантазируетъ, зоветъ меня, а я... да чортъ знаетъ, что такое я.

Прощай, мой милый, крѣпко, крѣпко обнимаю тебя. Утѣшь меня хорошенькимъ письмецомъ. Подъ словомъ хорошенькое я разумѣю такое, въ которомъ ты занялся бы преимущественно мною и попробовалъ бы объяснить мнѣ самого меня. Не знаю, стоитъ ли это труда.

Твой В. Б.

Вотъ тебѣ Мишель, еще—не письмо, а приписка. Чудная вещь душа человѣческая! Было мнѣ тяжко, грустно. Кончивши письмо, поѣхалъ я обѣдать къ Боткину. Онъ теперь блаженствуетъ—и на столѣ у него стоитъ бутылка рейнвейну, а лицо такъ и сіяетъ. Нынче опять музыка, такъ удивительно ли, что гармонія заранѣе посѣтила его. Я далъ ему прочесть мое письмо. Оно ему понравилось, мы потолковали—и мнѣ стало легче. Пришелъ Лангеръ, и Боткинъ началъ объясняться въ любви къ нему. У Лангера такое чудное лицо—оно такъ и сіяетъ удовольствіемъ. Печаль спала у меня съ сердца, и я возликовалъ. Теперь пять часовъ, черезъ полчаса надо ѣхать за Москворѣцкій мостъ. Ты, чай, думаешь, не поѣду, нѣтъ поѣду, ей богу же, поѣду, такъ-таки и поѣду. Право, какъ славно стало на душѣ, и свѣтло и размашисто—море по колѣно. Я ужъ не рефлектирую, но живу органическою духовною жизнію. Славная минута! Отчего не всѣ минуты въ жизни такія? Мнѣ остается полчаса до выѣзда, а свѣтлое небо покрывается облаками, какъ будто гроза хочетъ разыграться. Вотъ тебѣ и разъ! Въ восемь часовъ онѣ хотѣли быть у Лангера, а въ 6 Варвара Александровна имѣла благосклонность пригласить меня къ себѣ: если Богъ пошлетъ грозу, то не хорошо: нарочно съѣзжу на Стоженку объясниться съ нимъ. Кстати: Иванъ Петровичъ сказалъ Ефремову, когда тотъ говорилъ ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ Прямухино съ Петромъ Петровичемъ: «Вы все хлопочете о человѣческой помощи, а меня и не думаете попросить».

Кольцовъ вчера познакомился съ твоими. Варвара Александровна осыпала его комплиментами и ласками, была съ нимъ любезна, какъ нельзя больше.

Василька Боткинъ—славный малый: блаженствуетъ и пьетъ рейнвейнъ.

Мишель, поклонись отъ меня Александру Михайловичу и Любови Александровнѣ. Что она? О, какъ я люблю ее, какъ я желаю ей здоровья и счастія! Прощай.

Къ И. И. Ключникову. Начало іюля, 1838.

Любезнѣйшій Петръ Петровичъ, дѣло идетъ о жизни или смерти сестры Мишеля Бакунина. У ней открылась водяная, и Мишель убѣжденъ, какъ и всѣ мы, что только вы можете спасти ее, если еще можно спасти ее. Петръ Петровичъ, ради Бога и всего святого, если вамъ есть какая-нибудь возможность, не кончивъ всѣхъ своихъ дѣлъ, ѣхать—то не медлите ни часа, ни минуты, ни секунды. Мы получили отъ Мишеля эштафету, и къ вамъ послали эштафету—видите, какъ важно дѣло.

В. Бѣлинскій.

Отрывокъ изъ письма къ М. А. Бакуниной. Конецъ іюля, 1838.

....мнѣ то, что̀ для тебя дороже всего въ мірѣ; ты возжегъ во мнѣ новое пламя, развилъ въ ростокъ то, что̀ во мнѣ было зерномъ. Этотъ фактъ невольно просится теперь подъ перо мое. Ты не далъ мнѣ никакой положительной надежды, но превратилъ въ надежду совершенную безнадежность. Я былъ увѣренъ, что тебѣ, какъ брату, и еще въ такихъ отношеніяхъ съ ними, невозможно не знать положительно—да или нѣтъ, что ты знаешь, но только не имѣешь духу сказать мнѣ горькую истину. И что же?—ты мнѣ сказалъ: «не могу сказать ни того, ни другого, но ты теперь перемѣнился—вотъ увидишь, и тогда—можетъ быть». Мишель, это не упрекъ: что было—то̀ прекрасно, и еслибъ въ моей волѣ было воротить прошедшее — я не захотѣлъ бы; если много горя, много страданій дали мнѣ твои слова, то много и блаженства узналъ я черезъ нихъ, много дивныхъ и совершенно

новыхъ дотолѣ созерцаній они же дали мнѣ. Благословенъ законъ судьбы. За будущее не боюсь: люди гибнутъ безъ возврата отъ страсти, а я питалъ чувство—и не безплодно было для меня это чувство, и самое страданіе отъ него есть блаженство, высокое блаженство, въ сравненіи съ прежнею прозябательною жизнію. Но обращаюсь къ тому, что̀ подало мнѣ поводъ къ этому воспоминанію. Чтобы полюбить мужчину—женщинѣ не нужно дожидаться его просвѣтленія. Если его настоящее опредѣленіе безконечно ниже его субстанціи, если оно нелѣпо, дико, гадко—она будетъ страдать отъ этого, будетъ плакать, что любитъ скотину, но все будетъ любить этого скотину. Да—таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ, и волтеріанцы напрасно вооружаются противъ этого. Ему даже не нужно и высказывать себя передъ нею: она и безъ того узнаетъ въ немъ то, чего нужно ей, по русской поговоркѣ—душа душѣ дастъ вѣсть. Мы были съ тобою волтеріанцами и—щелкнулись о дѣйствительность, которой не умѣли понять. Боткинъ для этого второе доказательство. У тебя были фантазіи на его счетъ, но какъ ты съ ними срѣзался! Знаешь ли ты, что онъ, мошенникъ такой, обоихъ насъ надулъ. Онъ умѣлъ понимать и цѣнить письма Татьяны Александровны, какъ выраженіе души глубокой, энергической и поэтической, но любилъ письма Александры Александровны за эту неопредѣленность, за этотъ ароматъ женственности. Она являлась ему во снѣ прежде, нежели онъ ее увидѣлъ, и когда онъ повѣрилъ видѣніе съ подлинникомъ, то нашелъ сходство во взглядѣ. Она поразила его съ перваго взгляда, и съ перваго свиданія онъ уже положительно созналъ въ себѣ чувство, въ которомъ ни одной минуты не сомнѣвался. До дня обморока онъ плавалъ въ эфирѣ блаженства, безъ тоски, безъ порываній. Да, онъ не таковъ, какъ я. Пушкинъ для меня написалъ этотъ стихъ—

Ты любишь горестно и трудно.

Да, я не могу и не умѣю иначе любить, какъ горестно и трудно, и на нѣсколько минутъ блаженства я получилъ отъ моего чувства цѣлые мѣсяцы страданій, горя, апатіи. Я завидую ему. Обморокъ ея показалъ ему всю глубину его чувства, перевернувъ все существо его. Это еще болѣе было усилено тѣмъ, что я пересказалъ ему твой разговоръ. Къ этому еще надо присовокупить мучительную ревность и ненависть къ Лангеру. Но

теперь онъ снова вошелъ въ свою обычную гармонію и изъ мокрой курицы снова сдѣлался орломъ. Онъ написалъ къ тебѣ сердитое письмо, но не вѣрь ему—онъ въ меланхоліи. Онъ приписываетъ свое распаденіе твоему неделикатному допросу. Допросъ твой точно былъ неделикатенъ, и я понимаю—почему. Ты видѣлъ кругомъ себя осуществленіе таинства жизни, видѣлъ его и въ Боткинѣ, почему не пустое любопытство заставило тебя допрашивать его, т. е. ты хотѣлъ узнать, какъ онъ тамъ ревизуетъ,—больше сущность и поступки его. Но ты зналъ, что это дѣло щекотливое, и, не зная, какъ приняться за него, рѣшился сдѣлать это шутливымъ образомъ, а не прямо, какъ бы слѣдовало. Въ этомъ твоя ошибка, но я понимаю ея причину и извиняю тебя: когда хочешь хитрить, то всегда перехитришь. Причина же его распаденія совсѣмъ не въ этомъ; онъ еще самъ себя не понимаетъ — глупъ, мой отецъ. Вотъ мы такъ люди опытные—мы все знаемъ. Чувствительные поэты не даромъ сравниваютъ любовь съ розою, у которой есть шипы. Даромъ ничто не дается; онъ поблаженствовалъ и за это долженъ былъ поплатиться. Душа его по преимуществу гармоническая, но такъ какъ она, въ то же время, и глубокая и энергическая, то еще и не того отвѣдаетъ—погоди. Мы старые воробьи—насъ на мякинѣ не надуешь.

Теперь еще немного обо мнѣ. Не бойся за меня—я не паду. Мнѣ только не надо видѣть, не надо встрѣчаться, а то огонь снова уляжется подъ пепломъ. Теперь я вижу ясно, что я питалъ не страсть, а чувство, чувство же не убиваетъ, а страданіе для нашего брата—вещь хорошая. Стерпится-слюбится и впередъ пригодится. Недаромъ вчера заставилъ я себя писать къ тебѣ это письмо: вотъ ужъ другой день (теперь 10 часовъ вечера), какъ пишу я его безъ отдыху и совершенно вышелъ изъ моего апатическаго состоянія. Болѣзнь моя кончилась. Это былъ не флюсъ, не укушеніе мухи, а угорь внутри носа—отъ него и опухоль на лицѣ, и легкая лихорадка во всемъ тѣлѣ. Теперь—присохъ, совсѣмъ присохъ, только пока небольшая нашлепка на носу, да вотъ у Христіана Ивановича попрошу пластыря. Третьяго дня былъ въ театрѣ Петровскаго парка—видѣлъ тамъ одну ложу, но въ ней были другія лица... Давали «Артиста», Степановъ божественно передражнивалъ Каратыгина, публика хохотала, и я хохоталъ, не столько за себя, сколько за другихъ. Мой смѣхъ былъ грустенъ, и смѣшной водевиль повергъ меня въ грусть, но я радъ чужой

радости, веселъ чужому веселію. Нѣтъ, Мишель, еслибы въ моей рукѣ былъ мечъ и власть карать и миловать людей, я не сказалъ бы ей—

И все губилъ, все ненавидѣлъ,
За то, что я тебя любилъ.

Нѣтъ, я бы только миловалъ, счастливилъ, и все во имя ея... Нѣтъ, только страсть губитъ и искажаетъ человѣка, но чувство, во всякомъ случаѣ, возвышаетъ его. Сознаю въ себѣ силу жить и находить прелесть въ жизни. Хочу работать, и чувствую къ этому и охоту и силы. У мужчины должно быть дѣло въ жизни—ему стыдно быть мокрою курицею. Страдай, и дѣлай, грусти, но не унывай—вотъ мой девизъ отнынѣ. Ложная надежда ставила меня въ ложное положеніе. Завтра же принимаюсь за нѣметчину—ужъ не вырвется теперь проклятая. То-то раздѣлаюсь съ другомъ моимъ—Федоромъ Иванычемъ—задамъ же ему! Да, Мишель, еще разъ—все будетъ хорошо. Но знаешь ли, двѣ вещи пугаютъ меня: апатія, но отъ нея буду отдѣлываться напряженною работою. Но—другое—ты знаешь, что: отъ него работа не защита—это я ужъ знаю по опыту. И оно тѣмъ болѣе страшитъ меня, что я постоянно въ какомъ-то донжуановскомъ расположеніи. То, что прежде у меня бывало порывомъ отчаянія, что я считалъ грѣхомъ, подлостью, преступленіемъ—теперь, лишь представься случай—не поколеблюсь ни минуты воспользоваться. И это у меня перешло въ какое-то постоянное убѣжденіе. Въ самомъ дѣлѣ, если скупая жизнь не даетъ ничего—надо вырвать у нея хоть что-нибудь, насладиться хоть чѣмъ-нибудь. Мишель, меня не любила ни одна, никакая женщина, ни высокая, ни пошлая—ни отъ одной и ни отъ какой не видѣлъ я себѣ ни малѣйшаго предпочтенія. Мнѣ кажется, что на моемъ лицѣ лежитъ печать отверженія, и что за него меня не можетъ полюбить никакая женщина. Тяжело такъ думать, а дѣлать нечего—приходится такъ думать. Хочется жить, а жить значитъ чувствовать, испытывать, ощущать жизнь. Боткинъ разсказалъ мнѣ сцену, которою начинается «Вильгельмъ Мейстеръ»,—и у меня душа содрогнулась отъ дикаго восторга. Надо же узнать, что оно тамъ такое и какъ—т. е. больше сущность и поступки, а я ничего. И самая чувственность, выходящая изъ полноты жизни, представляется мнѣ таинствомъ, отъ котораго трепещетъ душа моя, жадная упоенія. Богата жизнь,

много сокровищъ скрываетъ она, да не всѣмъ даетъ ихъ, такъ отнимемъ же у нея хоть что-нибудь. А результаты, а раскаяніе?— А, чортъ возьми! все, все давай сюда, все возьмемъ на себя, все понесемъ, только бы жить, чортъ возьми, жить!..

Но нѣтъ, что бы ни было, а ужъ не паду до конца, до невозможности возстанія. У меня есть ангелъ хранитель, свѣтлый ангелъ—это воспоминаніе о томъ раѣ, гдѣ я былъ недавно. Туда, туда буду я удаляться моею фантазіею, чтобы жить высокою и таинственною жизнію, чтобы освѣжаться и очищаться отъ пыли жизни. Въ Прямухинѣ у меня была фантазія, которая часто занимала меня, когда я бродилъ по саду, по берегу рѣки и по Кутузовой горѣ. Вотъ она—я думалъ: еслибы я разбогатѣлъ, то купилъ бы себѣ помѣстье, съ такимъ мѣстоположеніемъ, которое было бы копіею съ Прямухина. Развелъ бы такой же садъ, построилъ бы такую же мельницу, такую же фабрику, такую же кузницу, церковь, наконецъ, такой же домъ. Внутреннія покои, неизвѣстные мнѣ, заколотилъ бы наглухо, чтобы никогда ни моя и ничья нога не вступала въ это святилище, а остальныя убралъ бы такъ же, какъ въ Прямухинѣ, и жилъ бы одинъ, и бродилъ бы по саду и по всѣмъ завѣтнымъ мѣстамъ и, забывшись, ожидалъ бы встрѣчи съ кѣмъ-нибудь. То—вотъ не отворится ли дверь святилища, и не выйдетъ ли кто-нибудь разливать чай, то—вотъ не мелькнетъ ли за деревьями розовое платье съ бѣлымъ корсажемъ, то—не услышу ли мелодическіе голоса, которые кличутъ другъ друга этими родственными именами, которыя я не смѣю произнести самому себѣ, въ тиши моего кабинета... То-то было бы роскошное упоеніе тоскою и грустью!..

На другой день по пріѣздѣ въ Москву накупилъ себѣ цвѣтовъ—цѣлыхъ пятнадцать горшковъ—два резеды, три левкоя трехъ цвѣтовъ, одинъ гвоздики, одинъ жасмина; но у рабочаго стола моего стоятъ четыре растенія, каждое аршина въ два вышины: ежемѣсячный розанъ, геранiумъ, Волькамерія и—прямухинскій знакомецъ—Агапандусъ, лиловые цвѣтки котораго я каждое утро щипалъ и разрывалъ у васъ съ какою-то досадою на балконѣ сада. Хочу купить еще какое-нибудь животное—кролика или ежа, чтобъ было что-нибудь любить, за чѣмъ-нибудь ходить и что-нибудь ласкать. Птицъ въ клѣткахъ не терплю. Но цвѣты будутъ состоять подъ особымъ моимъ покровительствомъ, и я накуплю еще новыхъ. Все это въ воспоминаніе Прямухина.

Букетъ довезъ въ жалкомъ положеніи, и такъ какъ я самъ былъ въ жалкомъ положеніи и физически и нравственно, то только въ субботу вечеромъ вспомнилъ, что ихъ надо посадить въ воду. Опавшіе листы съ благоговѣніемъ собралъ и завернулъ въ бумагу, чтобы предать всесожженію. Опавшіе цвѣтки розы и маку разложилъ по книгамъ. Но букетъ, какъ ни завялъ, а нѣкоторые цвѣты ожили, особенно гвоздики, которыя и теперь—какъ сейчасъ сорваны, желтые всѣ воскресли, а синіе всѣ завяли, но чеснокъ, данный мнѣ Александрой Александровной, здравствуетъ, а какое-то колючее растеніе съ синими цвѣточками, данное мнѣ ею же, завяло совсѣмъ. Каждый день самъ перемѣняю въ стаканѣ воду и грустно иногда любуюсь букетомъ. Когда онъ совсѣмъ завянетъ, разложу его по книгамъ, и ни на одинъ листокъ его не ступитъ ничья нога. Такъ какъ я и твой букетъ смѣшалъ съ этимъ, то и онъ въ чести.

Иванъ Петровичъ говоритъ, что онъ неохотно отпускалъ Петра въ Прямухино, думая, что его звалъ одинъ ты, а не по желанію всего семейства и особенно его старшинъ, но теперь благословляетъ его, и какъ братъ и какъ—ѳ—, на пребываніе тамъ, сколько будетъ нужно. Онъ говоритъ, что у него есть предчувствіе, что онъ вылѣчитъ ее. Мишель, его можно затащить въ Прямухино—теперь у него вакаціонное время, и онъ самъ говоритъ, что если лѣченіе пойдетъ успѣшно, то готовъ ѣхать. Ему бы это было очень полезно. «Поѣзжай», говорю я ему нынче.—«А зачѣмъ?—развѣ чтобъ освѣжиться. Есть больные, которыхъ выносятъ на солнце, но одни изъ нихъ выздоравливаютъ, а другіе только загораютъ,—я боюсь только загорѣть», отвѣчалъ онъ мнѣ.

Кланяйся отъ меня всѣмъ. Александру Михайловичу буду самъ писать. Ефремова и Петра облобызай за меня. Петру скажи, что Иванъ только ждетъ отъ него письма, чтобы отвѣчать ему. Да еще скажи ему, что князь надѣется успѣть въ опредѣленіи его въ институтъ.

Въ Черной Грязи мы ѣли малину—въ Москвѣ давно ужъ продается, а у васъ въ саду еще и не поспѣвала. Разницы градуса два—а въ климатѣ есть ужъ значительное измѣненіе. Прощай—пора спать—12 часовъ ночи. Обнимаю тебя.

Твой В. Б.

Ухъ, какъ рука устала! И сколько намахалъ!

Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя письма и здѣсь прилагаю

извѣстное тебѣ письмо Станкевича. Въ письмѣ къ Ивану Петровичу онъ такъ пишетъ о своемъ адресѣ: Во Франкфуртъ, на имя Метцлера и комп., съ передачею ему; но присовокупляетъ къ этому—не знаю, почему—«адресъ дадутъ тебѣ братья».

Къ А. П. Ефремову. 1 августа, 1838.

Москва, 1838, августа 1 дня.

Душенька Ефремовъ, тысячу разъ благодарю тебя за твое милое письмо: оно доставило мнѣ нѣсколько сладостныхъ минутъ. Ты все жалуешься — ободрись! Ты боленъ — зато есть Петръ Ключниковъ, который въ медицинѣ — собаку съѣлъ, и о которомъ, если онъ вылѣчитъ Любовь Александровну, я хочу написать статью въ «Наблюдатель», чтобы доставить ему безсмертіе (т. е. Ключникову, а не «Наблюдателю»: послѣдній и такъ уже безсмертенъ, хотя статья Мишеля и ввергла было его въ неизлѣчимую болѣзнь). Чтобъ быть здоровымъ душевно — вотъ тебѣ рецептъ: бери у жизни то малое и бѣдное, которое она тебѣ даетъ, и дѣлай видъ, что больше ничего не хочешь: авось надуешь. Главное дѣло, бойся фантазій. Оно бы ничего—фантазія краситъ жизнь, да мы-то съ тобою глупы: судьба хочетъ намъ дать оплеуху, а мы подставляемъ рожу, думая, что она хочетъ поцѣловать насъ. Къ черту всѣ мечты. Хорошо только то, что подъ носомъ, что можно рукой достать. Самая ограниченная, самая пошлая дѣйствительность лучше жизни въ мечтахъ. Послушай, Ефремовъ: еслибы судьба сдѣлала тебя нищимъ и заставила бы тебя ѣсть хлѣбъ съ водою — вѣдь у тебя достало бы столько гордости, чтобы не плакать о соусахъ (такъ ты въ Новочеркасскѣ плакалъ объ ужинѣ): почему же у тебя недостаетъ гордости, чтобъ быть довольнымъ тою жизнію, которая тебѣ дана: ѣшь ее и не морщись. Будь всегда веселъ, иногда и сгрустни для разнообразія—только не будь мокрою курицею. Стрѣляй, ѣшь, пей, читай, переводи, пиши, гуляй — развѣ этого мало? Надобно только каждую минуту быть занятымъ—чѣмъ бы то ни было—вотъ и все. Поѣзжай въ Италію: знатная земля, меня и самого такъ вотъ и тянетъ туда: въ одномъ ухѣ кричитъ поѣзжай, въ другомъ не ѣзди, пропадешь, какъ курица. А я поѣду, ей богу, вотъ такъ-таки и поѣду. Денегъ нѣтъ, да судьба

дастъ, а не дастъ—я скажу ей—не нужно: ей же будетъ досадно. Ты увѣдомляешь меня, что тетка Мишеля назвала его за столомъ, съ необыкновеннымъ чувствомъ и выраженіемъ, дуракомъ, и что съ этимъ большая часть публики была согласна: я пристаю къ большинству—большинство никогда не обманывается. Поцѣлуй трижды Петра и скажи ему, что сочиненная имъ мнѣ настойка ни къ чорту не годится: отъ нея у меня сдѣлалась постоянная боль подъ ложечкою, которая теперь проходитъ, какъ я пересталъ пить. Нельзя ли придумать другого пьянства? Всѣ пьютъ, отчего же я, чортъ меня возьми, не пью, развѣ они лучше? Пиши ко мнѣ чаще: я теперь совершенно одинъ. Я буду тебѣ отвѣчать, и каждое письмо мое будетъ наполнено разными остроумными колкостями на счетъ Мишеля.

Твой В. Б.

Къ А. М. Бакунину. 1 августа, 1838.

Милостивый Государь,
Александръ Михайловичъ!

За мною Вамъ старый долгъ, который тяготитъ меня: два раза былъ я у Васъ въ домѣ, и только теперь собрался высказать Вамъ, какъ много обязанъ я Вашему знакомству и какъ много я благодаренъ Вамъ за него. Это было бы еще не большая бѣда, еслибы дѣло шло только о соблюденіи приличія: приличіе должно уважать, но есть нѣчто и выше и лучше его. Давно уже знаю, что я худо зарекомендовалъ себя Вамъ въ мой первый пріѣздъ въ Прямухино и что не совсѣмъ пріятное воспоминаніе о себѣ оставилъ я Вамъ, и только недавно узналъ, что многое, очень многое, оправдывало Ваше обо мнѣ понятіе и Ваше ко мнѣ чувство. Прошедшаго не воротишь, и я не буду говорить о немъ. Жизнь есть великая школа, и благо тѣмъ, которые умѣютъ понимать ея мудрые, хотя иногда и жестокіе уроки! Старецъ живетъ опытомъ цѣлой жизни, и потому его завтрашній день есть продолженіе вчерашняго, и одинъ годъ похожъ на другой. Не такова жизнь молодого человѣка: цѣлые вѣки изживаетъ онъ въ одинъ годъ и съ каждымъ годомъ измѣняется. Не удивляйтесь же, почтенный старецъ, если и во мнѣ Вы нашли значительную перемѣну, не видавши меня почти два года. Вѣрьте моей искренности: я не умѣю притворяться. Въ эти два года я узналъ много

такого, чего прежде и не подозрѣвалъ. У меня есть убѣжденія, за которыя я готовъ отдать жизнь мою, но чужой образъ мыслей возбуждаетъ во мнѣ уже не досаду, а любопытство, и я уже умѣю уважать чужія убѣжденія и любить людей каждаго на его мѣстѣ и въ его сферѣ. Но довольно объ этомъ: Вамъ не надо много словъ, чтобы понять меня.

Благодарю Васъ за Вашъ ласковый, радушный пріемъ: я вполнѣ оцѣнилъ его. Даю полную волю рукѣ моей писать то, чего никогда не сказалъ бы Вамъ мой языкъ, потому что я чувствую, что мнѣ такъ же бы трудно было хвалить Васъ въ глаза, какъ и оскорбить; но—epistola non rubescit,—слыхалъ я отъ латинистовъ, и потому спѣшу Вамъ сказать, что безконечно и глубоко люблю и уважаю я Васъ. Въ мою послѣднюю поѣздку въ Прямухино, Вы предстали мнѣ во всемъ своемъ свѣтѣ, и я проникъ въ Вашъ духъ всею силою пониманія, которая есть та же сила любви. Я видѣлъ Вашъ духъ во всемъ и вездѣ,—и въ этомъ простомъ и прекрасномъ саду, съ его аллеями, дорожками и лугами, его величественными огромными деревьями, его прозрачными бассейнами и ручьями, и въ этой простой и прекрасной церкви—этомъ свѣтломъ храмѣ, гдѣ душа радостно трепещетъ присутствіемъ Божества, и въ тишинѣ этого мирнаго сельскаго кладбища, съ его поэтическою полуразвалившеюся часовнею и унылыми елками, и во всемъ этомъ раѣ, который создала Ваша живая и возвышенная любовь къ природѣ, и который Вы назвали Прямухинымъ. Я понялъ эту ясную, самодовольную улыбку, съ которою Вы, сидя въ уголку, прислушиваетесь къ говору другихъ; эту снисходительность, съ которою Вы всякаго выслушиваете, это удовольствіе, съ какимъ бесѣдуете съ молодымъ поколѣніемъ, подаете Ваше мнѣніе, никому не навязывая его и не дѣлая изъ него закона; это ободряющее и лестное любопытство и вниманіе, съ какими Вы выслушиваете мнѣніе всѣхъ и каждаго. Но довольно: простите за откровенность—она отъ души и сердца.

Я не думаю скоро увидѣться съ Вами, но увижусь или нѣтъ, скоро или нескоро—во всякомъ случаѣ воспоминаніе о Васъ будетъ для меня однимъ изъ лучшихъ даровъ жизни.

Прошу Васъ засвидѣтельствовать мое душевное уваженіе, мою искреннюю преданность Милостивой Государынѣ Варварѣ Александровнѣ, и прошу Васъ передать ей мою благодрность за ласковое приглашеніе въ Прямухино и радушный пріемъ въ немъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщанныхъ Вами записокъ о Кавказѣ и Вашихъ стиховъ «Къ Осугѣ».

Прощайте и не забывайте преданнаго Вамъ всею душою и готоваго къ услугамъ Вашимъ

Виссаріона Бѣлинскаго.

Москва. 1838, августа 1 дня.

Къ И. И. Панаеву. 10 августа, 1838.

Москва. 1838, Августа 10.

Любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ! Долго ждалъ я вашего письма, но мое долгое ожиданіе было съ избыткомъ вознаграждено: ваше письмо показало мнѣ, что я пріобрѣлъ еще спутника на пути жизни къ одной цѣли. Я не умѣю понимать ни любви, ни дружбы иначе, какъ на взаимномъ пониманіи истины и стремленіи къ ней. Увѣренъ, что, когда съ вами увидимся, то возможность осуществится, и стремленіе къ дружбѣ сдѣлается дружбою. Не нужно больше словъ—пусть все развивается само собою, изъ времени и обстоятельствъ. Для зерна нужна земля, чтобъ сдѣлаться деревомъ; для дружбы, какъ и для всякаго чувства,—возможность дружбы. Я сказалъ, что я разумѣю подъ возможностію: для насъ эта возможность уже слишкомъ ясна — остальное довершитъ время.

Вы пишете, что желали бы видѣть меня издателемъ журнала съ 3,000 подписчиковъ, а я бы охотно помирился и на половинѣ; «Телеграфъ» никогда не имѣлъ больше, а между тѣмъ его вліяніе было велико. «Библіотека для Чтенія» издается человѣкомъ умнымъ и способнымъ, и издается имъ для большинства, и потому очень понятенъ ея успѣхъ. Журналъ съ такимъ направленіемъ, которое я могу дать, всегда будетъ для аристократіи читающей публики, а не для толпы, и никогда не можетъ имѣть подобнаго успѣха. Но я не знаю, почему бы мнѣ не имѣть 1,500 или около 2,000 подписчиковъ. Но видите ли: для этого нужно объявить программу передъ новымъ годомъ, а не въ мартѣ или маѣ, и программу новаго журнала съ новымъ названіемъ, потому что воскресить репутацію стараго, и еще такого, какъ «Наблюдатель», такъ же трудно, какъ возстановить потерянную репутацію женщины. Сверхъ того, въ Москвѣ издавать журналъ не то, что въ Петербургѣ: въ нашей цензурѣ

(московской) царствуетъ совершенный произволъ: вымарываютъ большею частію либеральныя мысли, подобныя слѣдующимъ: 2 × 2 = 4, зимою холодно, а лѣтомъ жарко, въ недѣлѣ 7 дней, а въ году 12 мѣсяцевъ. Но это бы еще ничего—пусть маракотъ, лишь бы не задерживали. VI № могъ бы выйти назадъ тому двѣ недѣли, но 5 листовъ пролежали больше недѣли въ кабинетѣ Государя, Снегиревъ и самъ могъ бы вычеркнуть все, что̀ ему угодно, но онъ хочетъ казаться предъ издателями добросовѣстнымъ, а передъ начальствомъ исправнымъ, а мы должны терпѣть. Въ 6 № я помѣстилъ переводную статью: «Языческая и христіанская литература XVIII вѣка. Авзоній и св. Паулинъ»: языческой и христіанской, и святого цензоръ намъ не пропускаетъ: каково вамъ покажется? Вы знаете, что владѣлецъ «Наблюдателя»—Н. С. Степановъ; у него есть всѣ средства, сверхъ того—хорошая своя типографія. Если бы ему позволили объявить себя издателемъ, какъ Смирдину, начать журналъ съ новаго года и въ 12 книжкахъ, какъ «Библіотека для Чтенія» и «Сынъ Отечества»,—то дѣло бы пошло на ладъ. Эти три обстоятельства: объявленіе имени издателя, который по своимъ средствамъ можетъ имѣть право на кредитъ публики, новой планъ журнала и настоящее время для его начала—могли бы дать содержаніе для программы и изъ стараго журнала сдѣлать новый. Конечно, если бы къ этому еще позволили перемѣнить его названіе — это было бы еще лучше, но на это плоха надежда. Еще лучше, если бы ко всему этому мнѣ позволили выставить свое имя, какъ редактора, потому что В. П. Андросовъ охотно бы отказался отъ журнала и всѣхъ правъ на него. Но зачѣмъ говорить о невозможномъ? По крайней мѣрѣ, мы хотимъ попробовать насчетъ первыхъ трехъ перемѣнъ—имени Степанова, 12 книжекъ и начала съ новаго года. Надо сперва прибѣгнуть къ графу Строганову. Пока объ этомъ не говорите рѣшительно никому. Я увѣренъ, когда придетъ время, и если вы что можете тутъ сдѣлать чрезъ свои связи и знакомства, то сдѣлаете все.

Ваши вкусо-вводители точно люди добросовѣстные и благонамѣренные — они немножко и дерутъ, зато ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ. Шевыревъ—это Вагнеръ. Онъ на лекціи объявилъ, что любитъ букву... Хочу написать исторію русской литературы для нѣмцевъ—пошлю въ Германію къ Аксакову, онъ переведетъ и напечатаетъ. То-то раззадорю нашъ народъ. Ужъ дамъ я же знать суфлеру Кенига!

Я понялъ о какомъ великомъ драматическомъ геніи пишете вы ко мнѣ: этого генія я разгадалъ еще въ 1834 г. У меня очень вѣренъ инстинктъ въ литературныхъ явленіяхъ; издалека узнаю птицу по полету и рѣдко ошибусь...

Совершенно согласенъ съ вами насчетъ философскихъ терминовъ, что дѣлать—погорячились. Говорите мнѣ правду смѣло, только этимъ вы можете доказать мнѣ свое дружеское расположеніе. Первая ваша правда мнѣ понравилась, но оговорки были напрасны. Кланяйтесь отъ меня Николаю Ивановичу Надеждину. Радъ, что вамъ понравился Аксаковъ. Это душа чистая, дѣвственная, и человѣкъ съ дарованіемъ. Когда вы пріѣдете въ Москву, то увидите, что въ ней и еще есть юноши. Какъ жаль, что Бакунинъ живетъ въ деревнѣ! Какъ мнѣ хотѣлось познакомить васъ съ нимъ. Но я познакомлю васъ съ В. Боткинымъ, котораго музыкальныя статейки, вѣроятно, вамъ понравились. Онъ же перевелъ «Донъ-Жуана» Гофмана и передѣлалъ статью «Моцартъ». Еще я познакомлю васъ съ Ключниковымъ—очень интересный человѣкъ. Элегія въ IV № «Опять оно, опять былое»—его. Стихотвореніе Красова «Не гляди поэту въ очи» не относится ни къ Пушкину и ни къ кому, а его «Дума» относится къ Жуковскому. Понравилась ли вамъ позѣсть въ 1 №? Она принадлежитъ Кудрявцеву, автору «Катеньки Пылаевой» и «Антонины». Это человѣкъ съ истиннымъ поэтическимъ дарованіемъ и чуднѣйшею душою. И съ нимъ я познакомлю васъ. Онъ далъ мнѣ еще прекрасную повѣсть «Флейта». Странно, что вы прочли еще только два № «Наблюдателя», когда ихъ вышло уже пять. Романъ Степанова разругаю, потому что это мерзость безнравственная — ядъ провинціальной молодежи, которая все читаетъ жадно. Если бы это было только плохое литературное произведеніе, а не гнусное въ нравственномъ смыслѣ, то я уважалъ бы пословицу—de mortuis aut bene aut nihil. Благодарю васъ за обѣщаніе разнаго товара—жду его съ нетерпѣніемъ—нельзя ли поскорѣе. Харьковскій профессоръ Кронебергъ изъявилъ свое согласіе на участіе. Въ 6 № его статья «Письма»; статья очень невинная, но ужаснувшая нашего цензора. Читали ли вы въ 5 № статью «О музыкѣ»? Такихъ статей не много въ европейскихъ, не только русскихъ журналахъ. Серебрянскій — другъ Кольцова, который и доставилъ мнѣ статью. Представьте себѣ, что этотъ даровитый юноша (Серебрянскій) умираетъ отъ изнурительной лихорадки. Очень радъ, что вамъ понравилась моя статья о

«Гамлетѣ». Въ 3 № самая лучшая: я самъ ею доволенъ, хотя она и искажена: Булыгинъ вымарывалъ слово святой и блаженство, а на концѣ отрѣзалъ цѣлые полъ-листа. Напишите, какъ вамъ понравилась моя статья объ «Уголино». Жаль Полевого, но вольно жъ ему на старости изъ ума выжить. Что тамъ за гадость такую онъ издаетъ! «Библіотека для Чтенія» во сто разъ лучше: для большинства это превосходный журналъ. Нѣтъ ли слуховъ о Гоголѣ? Какъ я смѣялся, прочтя въ «Прибавленіяхъ», что Гоголь, скрѣпя сердце, рисуетъ своихъ оригиналовъ. Во время оно и я самъ то же вралъ... Скажите мнѣ, что за человѣкъ Струговщиковъ? У него есть талантъ, онъ хорошо переводитъ Гете, по крайней мѣрѣ, получше во 100 разъ Губера, который просто искажаетъ Фауста. И не мудрено: онъ понимаетъ Вагнера, какъ классика, а Фауста, какъ романтика. Я хочу растолковать ему, что онъ вретъ. Если вы знакомы съ Струговщиковымъ, то попросите у него чего-нибудь для меня; я съ благодарностью (разумѣется, невещественною) помѣстилъ бы. Увѣдомьте меня, что за человѣкъ Бернетъ. У него есть талантъ, который можетъ погибнуть, если онъ не возьмется за умъ заблаговременно. Я желалъ бы съ нимъ познакомиться. Обѣщалъ мнѣ Ѳ. К. отдать для цензуры г. Корсакову двѣ статьи, но что-то о нихъ ни духу, ни слуху. Не знаете ли вы чего-нибудь объ этомъ? Прощайте. Жду отъ васъ скораго отвѣта и съ нетерпѣніемъ ожидаю васъ самихъ въ Москву. Я и самъ собираюсь въ Питеръ и весною думаю непремѣнно побывать, если будутъ средства.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ М. А Бакунину. 13—14 августа, 1838.

Москва. 1838. Августа 13.

Другъ Мишель, предчувствія не обманываютъ: они тайный голосъ души нашей. Когда я уѣзжалъ изъ Прямухина, мнѣ сильно, очень сильно захотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на нее. «Скоро ли мы увидимся?» спросила она меня, и я потерялся при этомъ вопросѣ, грудь моя сжалась, а на глазахъ чуть не показались слезы. Нынѣшній день я отослалъ къ тебѣ мое письмо, вмѣстѣ съ письмомъ Василья; послѣ обѣда поѣхалъ

съ Катковымъ къ нему. Душа моя перенеслась въ Прямухино и глубоко страдала. Съ Катковымъ я поѣхалъ къ Левашевымъ, отъ нихъ пришелъ въ половинѣ одиннадцатаго; увидѣлъ на столѣ твое письмо. Почему-то я не бросился распечатывать его, хотя давно и жадно ждалъ отъ тебя письма. Я раздѣвался, ходилъ по комнатѣ, придумывалъ себѣ разныя дѣла, которыми надо заняться прежде прочтенія письма. Наконецъ, распечаталъ, прочелъ—въ глазахъ у меня потемнѣло, закапали слезы... Я побѣжалъ наверхъ, къ моему доброму князю; для меня было счастіемъ, что подлѣ меня былъ человѣкъ, къ которому я могъ побѣжать. «Умерла!» вскричалъ я, бросивъ ему твое письмо; «письмо изъ Прямухина; она умерла», повторилъ я. На лицѣ князя изобразилось умиленіе; онъ набожно перекрестился и сказалъ: «царство небесное!» Другъ, я вѣрю твоей вѣрѣ въ безсмертіе, вѣрю, что ты теперь находишься въ состояніи глубокаго созерцанія истины. Отчаиваться, мучиться отъ ея смерти было бы грѣхомъ: тихо грустить, молиться—вотъ что надо дѣлать. На этой землѣ она была вѣстницею другого міра, и смерть ея есть не отрицаніе, но доказательство этой другой жизни. Смерть знакомаго человѣка всегда наводитъ на меня суевѣрный ужасъ, такъ что я вечеромъ и ночью боюсь быть одинъ. Только гордость помѣшала мнѣ заставить спать въ моей комнатѣ брата, племянника и мальчика, когда я услышалъ о смерти Вологжанинова. Но теперь, теперь меня оскорбило бы присутствіе человѣка. Я чуждъ страха. Пусть явится она мнѣ во снѣ, пусть явится она мнѣ на яву: въ томъ и другомъ случаѣ я увижу кроткое, ангельское лицо, услышу небесный голосъ, который дастъ мнѣ вѣру и надежду, что не тщетны и не призрачны мои порывы къ блаженству, что оно будетъ моимъ, хотя здѣсь я и не найду его. Да, ея смерть—это откровеніе таинства жизни и смерти. Зачѣмъ не былъ я свидѣтелемъ ея послѣднихъ минутъ? Нѣтъ, не напрасна была моя послѣдняя поѣздка въ Прямухино: я вижу въ этомъ волю неба, доказательство, что и я имѣю отца, который печется обо мнѣ. Мнѣ надо было усвоить себѣ это блѣдное, кроткое, святое, прекрасное лицо, съ выраженіемъ страданія, не побѣдившаго силы духа, силы любви благодатной; этотъ голосъ, котораго нельзя лучше назвать, какъ голосомъ съ того свѣта... Да, благодарность небу! я зналъ, я видѣлъ ее,—я зналъ великое таинство жизни, не какъ предчувствіе, но какъ дивное, гармоническое явленіе. Нѣтъ, если несчастіе когда ни-

будь одолѣетъ меня, и я паду подъ его бременемъ, я, который нѣкогда видѣлъ ее, еще здоровую, прекрасную, гармоническую, полную вѣры въ блаженство жизни, въ осуществленіе лучшихъ, святѣйшихъ мечтаній души своей, а потомъ, блѣдную, больную, и все прекрасную, все гармоническую—что я тогда буду? Мишель, слова не клеятся, хоть душа и полна; кладу перо. Скоро полночь. Буду ходить по комнатѣ и мечтать о жизни и смерти. Завтра воскресенье, письма послать нельзя. Можетъ быть, завтра и еще что-нибудь напишу тебѣ. *В. Б.*

Нѣтъ, Мишель, не хочу спать, не хочу ходить—хочу бесѣдовать съ тобою, съ твоимъ духомъ, который невидимо присутствуетъ при мнѣ. Я плачу—слезы льются безпрерывно—и онѣ святы, эти слезы. Душа моя расширилась, и я причастился таинству жизни. Не страдаю я, а болѣю, и не за нее—это было бы грѣшно, это значило бы оскорблять ея святую тѣнь; нѣтъ, мнѣ представляется этотъ святой старикъ, тихо плачущій, кротко несущій тяжкій крестъ ужаснаго испытанія. О, въ эту минуту, я сталъ бы передъ нимъ на колѣна, какъ ты пишешь ко мнѣ, я поцѣловалъ бы его руку, обнялъ бы его колѣна и пролилъ бы на нихъ мои слезы. Мнѣ представляется эта бѣдная мать, которая была чужда для всего остального и не выходила изъ комнаты своей милой, угасающей надежды, любимѣйшаго дитяти своего сердца. Я не сомнѣваюсь, что Варвара Александровна любитъ горячо всѣхъ своихъ дѣтей, но, въ то же время, понимаю возможность этой исключительной, субъективной любви къ одной изъ всѣхъ. Любовь есть связь изъ тысячи явныхъ, открытыхъ нитей и милліона тайныхъ, невидимыхъ. Надо, какимъ бы то ни было образомъ, лишиться для себя любимаго человѣка, чтобы самому для себя узнать силу своей любви къ нему. Половина сердца оторвана съ кровью, лучшая мечта, самый благоуханный цвѣтъ жизни исчезъ навсегда. Какая потеря—бѣдная мать! Передай ей, Мишель, мои слезы, мои рыданія, которыя задушаютъ меня. А та, которая не видала ея послѣднихъ минутъ, которая отдѣлена была отъ нея такимъ пространствомъ, та другая бѣдная мать, которая съ слезами обойметъ своего сына, который съ изумленіемъ посмотритъ на на нее и самъ заплачетъ, не зная о чемъ... Я теперь вышелъ изъ себя, изъ этого болѣзненнаго созерцанія своихъ утратъ,

своихъ страданій, я вижу все твое семейство, еще болѣе соединенное общею потерею, вижу васъ всѣхъ, грустныхъ, но спокойныхъ, несчастныхъ, но твердыхъ... Мишель, чувствуешь ли ты около себя мое незримое присутствіе? Мой милый, какъ безконечно, какъ глубоко люблю я тебя въ эту минуту. Не говори мнѣ, что мы разошлись съ тобою, не вѣрь этому. Мы живемъ въ одномъ; насъ раздѣляютъ частности, призрачности, насъ соединитъ общее, святое. Крѣпка наша связь, неразрывна, пока мы будемъ расходиться только въ болѣзняхъ нашихъ индивидуальностей. Неужели ты повѣрилъ мнѣ, моимъ письмамъ, когда я себѣ ни въ чемъ не вѣрю, когда я безпрестанно перехожу изъ одного состоянія въ другое? Но довольно, у меня охоты нѣтъ говорить о себѣ. До другого времени. Мишель, если ты въ силахъ это сдѣлать, опиши мнѣ всѣ подробности ея кончины: послѣ подробностей смерти нашего Божественнаго Спасителя, для меня всего интереснѣе, всего священнѣе подробности ея смерти. У меня были утраты въ жизни, и много могилъ представляется моему воображенію въ часы грустнаго раздумья; но истинную, дѣйствительную потерю я перенесъ только одну—она общая съ тобою и со всѣмъ твоимъ семействомъ.

Августа 14 дня.

Сейчасъ былъ у Лангера и принесъ ему горькую вѣсть—онъ принялъ ее къ сердцу. Чудесный человѣкъ! я провелъ съ нимъ часа два; не нужно говорить тебѣ о предметѣ нашего разговора. Кромѣ того, мы говорили объ искусствѣ и жизни. Лангеръ глубокая душа! Мнѣ стало легче послѣ бесѣды съ нимъ. Жена его тоже съ участіемъ приняла извѣстіе: за это она показалась мнѣ прекрасною. Я ужасно люблю Эдку, и потому въ болтовнѣ съ нимъ нашелъ какое-то грустное удовольствіе.

— Я опять поѣду въ Прямухино.

«Зачѣмъ? къ кому?

— Къ Сасѣ—къ невѣстѣ.

«Развѣ ты любишь ее?

— Люблю, она хорошая.

«Нѣтъ, она не хороша.

— Нѣтъ, она нарядная.

«Нѣтъ, не нарядная.

— А ты дуракъ.

«Такъ ты только къ ней поѣдешь?

— Нѣтъ, и къ Титанѣ.
Бѣдный Коля страдаетъ золотухою.

А, Мишель, такъ вотъ въ чемъ былъ тотъ выходъ, о которомъ мы такъ часто съ тобою толковали! Смерть развязала Гордіевъ узелъ. Теперь еще остается узелъ. Бѣдный Николай! Ты говоришь, чтобъ я не писалъ къ нему: мудрено и писать-то! Впрочемъ, объ этомъ надо подумать. Вѣдь онъ долженъ же узнать.

Во вторникъ пишу къ Боткину. Впрочемъ, ты и самъ написалъ къ нему. Онъ будетъ глубоко огорченъ. Но ни Лангеръ, ни онъ не могутъ такъ живо чувствовать этой потери, какъ я. Они жалѣютъ о ней больше за живыхъ, они не знали ее самое, какъ зналъ ее я. Для меня она—святая. Я не могу и не умѣю опредѣлить моего къ ней чувства. Любить, какъ сестру — здѣсь не имѣетъ смысла: безъ родства и родственныхъ отношеній нѣтъ родственной любви. Всему должно быть свое имя. Сверхъ того, въ моемъ чувствѣ слишкомъ много благоговѣйнаго, святого обожанія. Она для меня—святая: лучше не умѣю выразиться. Но и это не все выражаетъ. Безъ тоски и горя, безъ—ревности и жажды взаимности—нельзя больше любить женщину. И нѣтъ болѣе прекраснаго, живого образа—осталась прекрасная, поэтическая мечта. Не оставляй же меня, прекрасная мечта, будь яркою звѣздочкою, когда небо будетъ облачно, а дорога незамѣтна и сбивчива!

Досадно, что изъ писемъ нельзя дознаться, котораго числа скончалась она. Конечно, тебѣ было не до аккуратности въ числахъ. Какъ досадно, что письмо можно послать только завтра. Пиши, Мишель, ко мнѣ, пиши больше и подробнѣе. Если мои письма могутъ доставить тебѣ какую-нибудь отраду—скажи: ты часто будешь получать ихъ. Видно, у васъ всѣ хороши, если Петръ нуженъ, какъ лекарь. Я теперь съ маленькою лихорадкою буду распечатывать твои письма.

Августа 14.

Вотъ уже въ четвертый разъ принимаюсь говорить съ тобою, любезный Мишель; и не знаю, о чемъ говорить, и не могу побѣдить желанія говорить—такъ и тянетъ. Значитъ, что мнѣ хотѣлось бы видѣть тебя, быть вмѣстѣ съ тобою, сидѣть и глядѣть на тебя, не говоря ни слова. Воображаю живо твое грустное

лицо, которое я всегда такъ любилъ. Въ грусти особенно являешься ты мнѣ просвѣтленнымъ и сливаешься духомъ съ моимъ духомъ. Въ грусти ты имѣешь для меня особенное значеніе, котораго не умѣю выразить. Въ грусти твое лицо для меня—модель для скульптора, для живописца. Если бы кто на портретѣ твоемъ уловилъ бы это таинственное выраженіе, столь мнѣ знакомое и любезное, я былъ бы счастливъ, имѣя такой портретъ. Это былъ бы истинный портретъ — портретъ духа твоего. Бывая въ грусти, ты молчишь, но твое молчаніе такъ много, такъ краснорѣчиво говоритъ мнѣ; или поешь—и тогда твое пѣніе для меня лучше всякой музыки въ мірѣ. И такимъ-то теперь я вижу тебя. Но я знаю, ты теперь тверже, сильнѣе, нежели когда-нибудь; ты за всѣми смотришь, читаешь въ душѣ всѣхъ, и твое сильное слово готово поддержать всякаго. Ты глубоко вѣришь въ жизнь: я это знаю. И потому-то ты имѣешь надъ всѣми такое вліяніе. Въ минуты слабости, я ни къ кому бы не обратился, кромѣ тебя. Да, Мишель, что за дѣло до разности мнѣній: мы разно думаемъ, но думаемъ объ одномъ, а это одно—бытіе въ его безконечности, его глубинѣ. Зачѣмъ намъ радоваться, что полемическій тонъ для насъ уже невозможенъ: это хорошо, какъ шагъ впередъ, но это еще бѣдная сторона нашей дружбы. Она дала намъ лучшій даръ: когда ударъ судьбы отяготѣетъ надъ однимъ изъ насъ, мы всѣ принимаемъ его, всѣ чувствуемъ его на себѣ, и страдающій не остается одинъ въ своемъ страданіи, непонятый, чуждый участія. И за то удары судьбы не лишаютъ насъ силы, но даютъ намъ новую. Вотъ самый пышный, самый благоухающій цвѣтъ нашей дружбы. Мы такъ богаты ея дарами, что не должны обращать вниманіе на многое, что̀ другихъ могло бы обогатить. Что же до разности мнѣній,—это не должно смущать насъ. Теперь, когда я нахожусь въ созерцаніи безконечнаго, теперь я глубоко понимаю, что всякій правъ, и никто не виноватъ, что нѣтъ ложныхъ, ошибочныхъ мнѣній, а есть моменты духа. Кто развивается, тотъ интересенъ каждую минуту, даже во всѣхъ своихъ уклоненіяхъ отъ истины. Пошлы только тѣ, которыхъ мнѣнія и мысли не есть цвѣтки, плоды ихъ жизни, а грибы, наростающіе на деревахъ. Но и эти люди мнѣ теперь не пошлы, даже не жалки, въ презрительномъ смыслѣ этого слова. Имъ не дано жить въ духѣ: я не скажу, чтобы ихъ должно было жалѣть, но смѣло скажу, что ихъ не должно ни ненавидѣть, ни презирать. Когда въ душѣ любовь, то и ихъ любишь объек-

тивно, какъ необходимыя явленія жизни. Зачѣмъ же говорить, какъ о чемъ-то грустномъ и непріятномъ, о разности понятій съ человѣкомъ, роднымъ себѣ по духу? Я знаю, что должно стремиться къ освобожденію отъ субъективности, къ абсолютной истинѣ; но что-жъ мнѣ дѣлать, когда для меня истина существуетъ не въ знаніи, не въ наукѣ, а въ жизни? Много прошелъ я курсовъ, но важнѣйшимъ была первая поѣздка въ Прямухино. Съ этихъ поръ я подружился съ тобою, и съ этихъ поръ тебѣ извѣстна моя жизнь, какъ своя собственная. Ты сообщилъ мнѣ фихтіянскій взглядъ на жизнь—я уцѣпился за него съ энергіею, съ фанатизмомъ; но то ли это было для меня, что̀ для тебя? Для тебя это былъ переходъ отъ Канта, переходъ естественный, логическій; а я—мнѣ захотѣлось написать статейку—рецензію на Дроздова и для этого запастись идеями. Я хотѣлъ, чтобы статья была хороша,—и вотъ вся тутъ исторія. По возвращеніи съ Кавказа, я былъ въ переходномъ состояніи,—духъ утомился отвлеченностію и жаждалъ сближенія съ дѣйствительностію. Катковъ, сколько могъ, удовлетворилъ этой жаждѣ Гегелемъ, но тутъ былъ нуженъ ты—и ты снова явился мнѣ провозвѣстникомъ истины. Это былъ второй курсъ. Онъ бѣденъ результатами—это все были сѣмена. Третій мой курсъ—помнишь вечеръ у Боткина? Все существо мое было потрясено въ основаніи. Въ первый разъ лучъ счастія, блаженства разсѣялъ для меня мракъ лжи, въ первый разъ черезъ счастіе узналъ я много истины; но не такова моя натура, чтобы черпать въ источникѣ счастія. Наступила новая эпоха: я горько плакалъ въ полночь, когда все спало, и узналъ много, чего не могъ узнать черезъ мое полусчастіе, которое предшествовало этой эпохѣ. Вчера я опять горько и вмѣстѣ сладко плакалъ, тоже въ полночь—и это для меня новый курсъ, новый шагъ на пути къ истинѣ. Видишь ли, какъ я созданъ: каждый мой прогрессъ въ знаніи есть повѣсть, прекрасная, поэтическая повѣсть, то съ улыбкой, но больше съ слезами и страданіемъ. Ты скажешь, что и у тебя такъ же точно; такъ же, Мишель, но только и не такъ. Я слишкомъ далекъ отъ мысли, чтобы ты жилъ въ отвлеченномъ мышленіи, внѣ созерцанія, внѣ вліянія со стороны жизни: такъ живутъ Вагнеры; но для тебя жизнь есть повѣрка знанія, для меня наоборотъ. Другими словами, ты въ жизни раціоналистъ, я эмпирикъ. Тебя можетъ удовлетворить истина только въ сознаніи, въ философскомъ развитіи, въ логической необходимости; для меня она существуетъ

не столько сама по себѣ, сколько по способу, какимъ она мнѣ представляется: если она блеститъ радужнымъ блескомъ образа — она моя. Ты никогда не доволенъ своими опредѣленіями; я удовлетворяюсь ими вполнѣ. Ты всегда хлопочешь, всегда безпокоишься о дальнѣйшемъ проникновеніи въ истину; я перехожу въ новый моментъ тогда только, когда старый опошлится, начнетъ тяготить, мучить меня. Въ этомъ случаѣ ты похожъ на дѣятельнаго купца, который чѣмъ богатѣе, тѣмъ больше хлопочетъ о пріобрѣтеніи; я—бѣдный лѣнтяй, котораго голодъ и холодъ заставляетъ взяться за дѣло, но который, пока есть въ карманѣ грошъ, не тронется съ мѣста. Двѣ разныя натуры, два разныя явленія. Я теперь дѣлаю, работаю, тружусь; но что̀ меня заставило приняться такъ дѣятельно за занятіе? Не думай, чтобы живое стремленіе къ истинѣ—нѣтъ: сознаніе, что теперь я погибъ безъ дѣла — ты знаешь, вслѣдствіе чего. Я дѣятельно занимаюсь журналомъ, но это оттого, что природа дала мнѣ живую потребность практической дѣятельности, или, лучше сказать, это отъ того, чего я не знаю. Это такъ—мнѣ нравится, мнѣ хочется—больше ничего. Такова моя индивидуальность, и другою быть не можетъ. Ты доходишь обстоятельствами жизни до извѣстнаго опредѣленія, и тотчасъ изслѣдуешь, не субъективное ли оно, и хлопочешь, какъ изъ него выйти; я сижу въ немъ—и доволенъ. Когда ты отдохнешь и будешь въ состояніи отвлечься отъ тоски по своей утратѣ, то перечти снова всѣ мои письма послѣ отъѣзда изъ Прямухина въ послѣдній разъ: ты увидишь въ нихъ бездну противорѣчій, которыя выразили мое состояніе. У меня всѣ убѣжденія сильны, потому что я не умѣю вполовину предаваться имъ. Иная мысль живетъ во мнѣ полчаса, но какъ живетъ? — такъ, что если сама не оставитъ меня, то ее надо оторвать съ кровью, съ нервами. Нѣтъ, другъ мой, всякій человѣкъ есть явленіе самобытное и можетъ жить и развиваться только въ своихъ формахъ. Я много разъ принималъ истины по ихъ логической необходимости, но онѣ никогда не входили въ меня глубоко, а приставали ко мнѣ снаружи и тотчасъ отваливались. И потомъ жизнь меня наводила на нихъ—и тогда я принималъ ихъ съ убѣжденіемъ. Тебя должно удивлять, что я иногда съ важностію и многословіемъ говорю въ моихъ письмахъ о такихъ истинахъ, о которыхъ ты часто отъ меня слышалъ: это значитъ, что я почувствовалъ то, что̀ прежде только зналъ—а въ этомъ большая разница. Я понимаю, что значатъ твои слова, что ты прежде

только зналъ о существованіи нашей дружбы, а теперь чувствуешь это. Тебѣ логика и діалектика помогаютъ конкретно уловлять истину, а мнѣ для этого нужно или непосредственное передаваніе, или вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ, которое бы настроило мой духъ къ состоянію, въ которомъ можно принять эту истину. Я совершенно понимаю, почему ты не хочешь писать въ журналѣ; ты правъ, и я глубоко уважаю тебя за это. Но я—если я совралъ—мнѣ это ни по чемъ; меня одно можетъ привести въ дисгармонію — это, если я холодно совралъ. Въ этомъ случаѣ мы съ тобою всегда будемъ расходиться; но это не помѣшаетъ намъ любить и уважать другъ друга. Знаешь ли, что ты для меня особенно интересенъ именно этою противоположностію мнѣ? Ты дополняешь меня, и потому я не умѣю представить себя безъ тебя. Между нами слово «мы» имѣетъ особенное значеніе. Наше «мы» образуетъ какое-то «я». Пора намъ въ этомъ убѣдиться. Бога ради, прошу тебя остерегаться дѣлать о мнѣ заключенія по моимъ письмамъ. Если бы тебѣ случилось получить отъ меня письмо рѣшительно пошлое — не бойся за меня: я не могу оставаться долго во лжи, и можетъ случиться такъ, что въ то время, когда ты читаешь мое пошлое письмо, я пишу прекрасное, которое опровергаетъ первое. Все дѣло въ томъ, что для меня моментъ есть истина, далѣе которой я ничего не могу и не хочу видѣть. Такія исторіи съ тобою, въ отношеніи ко мнѣ, думаю, не . . . . . [1])

Къ М. А. Бакунину. 16—17 августа, 1838.

Августа 16.

Поутру отослалъ я свое большое письмо на почту, а теперь, вечеромъ, принимаюсь за другое къ тебѣ, любезный Мишель. Другъ, я ничего не могу дѣлать, какъ только думать о ней, или писать къ тебѣ. Душа рвется къ тебѣ, къ вамъ. Вѣдь я твой, вашъ, родной всѣмъ вамъ?—Да, теперь я узналъ это очень ясно. Ваша потеря—моя потеря. Я разорванъ; не могу ничего дѣлать; всѣ интересы замерли въ душѣ. Письмо Ефремова отъ мертвой оборотило меня къ живымъ. Я вижу все твое семейство. Отецъ тихо плачетъ—слезы старца—это что-то рвущее душу и вмѣстѣ

[1]) Конца письма не достаетъ.—*Прим. А. П.*

умиляющее ее. Святой старикъ! Мать смѣялась—это побѣда горести надъ духомъ, высшее страданіе, какое только можетъ быть. А сестры?—одна нѣсколько дней не принимала пищи, была въ какомъ-то обморокѣ; другая удивляла своею твердостію. Другъ, я понимаю, вполнѣ понимаю, глубоко понимаю то и другое явленіе. Это одна и та же сила,—только въ различныхъ проявленіяхъ. Сила страданія происходитъ отъ силы любви, и отъ той же любви происходитъ и сила терпѣнія. Здѣсь и слабость съ одной стороны, и сила съ другой—были одно и то же явленіе. Страшно подумать, что это можетъ имѣть вліяніе на ихъ здоровье, и безъ того слабое и разстроенное. Вотъ теперь-то, Мишель, употреби всѣ силы, все свое вліяніе на нихъ. Не вѣрь увѣреніямъ въ спокойствіи. Для нихъ долго не будетъ спокойствія. Боже, какой день, какая картина! И мнѣ жаль, что я не былъ тамъ, мнѣ кажется, что я бы долженъ былъ у васъ быть эти дни. О, какъ бы я упился страданіемъ, и съ какою бы ненасытимою жаждою пилъ его! Зачѣмъ былъ на землѣ этотъ свѣтлый Божій ангелъ? Неужели только для того, чтобы научить людей страдать съ терпѣніемъ? Люди отъ этого въ выигрышѣ, а она?—Живетъ общее, гибнутъ индивиды.—Но что же такое это общее?—Сатурнъ, пожирающій собственныхъ дѣтей? Нѣтъ, безъ личнаго безсмертія духа жизнь—страшный призракъ. Нѣтъ, она жива и блаженна, и мы будемъ нѣкогда живы и блаженны. Мишель, не думай, чтобы я предавался крайности. Нѣтъ, понимаю цѣну здѣшней жизни. Жизнь вездѣ одна и та же. Вопросъ не во времени, не въ мѣстѣ, а въ конечности или безконечности. Если мое я вѣчно—для меня нѣтъ страданій, нѣтъ обманутыхъ надеждъ; не тамъ, но всегда—вотъ въ чемъ мое вознагражденіе. Человѣкъ и при жизни умираетъ нѣсколько разъ. Развѣ ты теперь то самое, чѣмъ былъ назадъ тому 20, 10, 5 лѣтъ; но развѣ ты помнишь переходы изъ одной эпохи въ другую? Ты не видѣлъ, не замѣчалъ, какъ ты росъ физически, но выросъ, и очень помнишь, даже и теперь, что былъ гораздо ниже. Сформировалась организація—духъ началъ жить—и безконечное развитіе, безъ перерывовъ, безъ переходовъ, но съ измѣненіями, съ переходами, будетъ жизнію. И кто здѣсь, на землѣ, исчерпаетъ всю жизнь, по крайней мѣрѣ, въ той возможности, какая дана ему? А гдѣ мѣра этой возможности? Безконечное—безконечно въ буквальномъ смыслѣ. Нѣтъ старца, который бы взялъ съ жизни полную дань. Что же юноша? цвѣтокъ, еще не распу-

стившійся. И будто его жизнь кончилась? Кончилась—ничто не кончается, но безконечно развивается, безконечно углубляется въ жизнь. Нѣтъ смерти! Только мертвые хоронятъ мертвыхъ. Воскресеніе Христа не есть же символъ чего-нибудь другого, а не воскресенія! Наша конечность боится этихъ вопросовъ и оставляетъ ихъ въ сторонѣ. Чего мы не постигаемъ, то для насъ—темныя мѣста въ Евангеліи. Нѣтъ, тамъ каждая буква есть міръ мысли, и скорѣе прейдетъ земля и небо, нежели одна іота изъ книги жизни! Я вѣрю и вѣрую! Сколько было мѣстъ, которыя съ торжествующею улыбкою пропускала безъ вниманія, какъ бы изъ снисхожденія, наша конечная, слѣпая мудрость, и въ которыхъ послѣ мы же открыли глубокій смыслъ. Что̀ мы знаемъ? Не скажу, что ничего — ничего не знать, значитъ ничего не имѣть, а мы уже пріобрѣли нѣчто. Чего мы еще не постигли—то должно быть свято: придетъ время, прозримъ, и непонятное будетъ понятно, и неестественное естественно. Да—живъ Богъ—жива душа моя! Тайны гробы—самыя глубокія тайны; ихъ разрѣшаетъ смерть, и смерть не должна быть страшна.

Августа 17.

Засыпаю съ мыслію о ней и просыпаюсь съ тѣмъ же. Иногда и самъ не знаю, о чемъ именно думаю, знаю только, что о чемъ-то важномъ, вникаю—и вижу, что все о томъ же. Что̀ бы я ни дѣлалъ, хоть бы даже, забывшись, засмѣялся надъ шуткою Ивана Петровича—у меня всегда на сердцѣ какая-то грустная arrière pensée. Петръ теперь рѣшительно ближе ко мнѣ, чѣмъ его братъ. Съ Петромъ у меня теперь есть неисчерпаемое общее. Всю жизнь будетъ онъ мнѣ разсказывать одно, и никогда не разскажетъ. Нынче посылаю письмо къ Боткину, гдѣ зову его скорѣе въ Москву и жалуюсь на мое одиночество. Да, я теперь одинъ, совершенно одинъ, и это минутами тяготитъ меня. Князь и Ключниковъ вчера вздумали доказывать мнѣ, что грусть по миломъ умершемъ есть эгоизмъ. Чудаки! Я заговариваю съ ними о ней, но не клеится какъ-то, и становится досадно на себя. Вѣдь они не знаютъ ея, не знаютъ ихъ, однимъ словомъ, не знаютъ Прямухина, а его содержаніе, его сущность не передаваемы; надо видѣть само явленіе, чтобы понять его. Знаешь ли, что мнѣ жалко тѣхъ людей, которые не видѣли ея. Мнѣ все представляется, что живыхъ они, можетъ быть, и увидятъ; но кто же дастъ имъ вѣрное понятіе о ней? Явленіе для меня есть

по преимуществу откровеніе истины; никогда мысль не откроетъ мнѣ того, что открыли явленія. Кто не видѣлъ этихъ явленій, тотъ мнѣ представляется какъ будто лишеннымъ духовнаго крещенія, и я прощу ему невѣріе въ жизнь.

Пушкинъ, какъ будто, зналъ ее; эти стихи написаны, какъ будто, къ ней—

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной нѣжной красотой?
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ, жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Счастливый кругъ семьи своей,
Безпечной, милой остротою
Бесѣды наши оживлять,
И тихой ясною душою
Страдальца душу услаждать.
Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И насмотрѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

Да; въ 36 году она напоминала эти стихи: тогда она была и весела и безпечна и проливала вокругъ себя воздухъ рая. Бывало, сѣсть противъ нея, смотрѣть на ея ангельское лицо, на ея граціозныя движенія—значило забыть всякое свое горе и безпечно, сладко забыться въ какой-то поэтической дремотѣ. А ея пѣніе, эти тонкія, посинѣлыя уста...

Кстати о стихахъ. Вотъ еще стихотвореніе:

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,

Съ такою нѣжною томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей.
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени.

Когда онъ былъ боленъ, Константину съ чего-то вздумалось прочесть эти стихи: онъ содрогнулся и сказалъ: да, бываютъ такія странныя охлажденія!

Боже, не имѣла ли она всѣхъ правъ на жизнь, на счастіе, на блаженство? Кто же достоинъ всего этого, если не она? И что же? она-то и выпила всю чашу страданій и мукъ. Гдѣ же справедливость? Умъ оскорбляется, сердце возмущается. Нѣтъ—не обманчивы таинственныя предчувствія сердца: она живетъ и блаженствуетъ. Смерть была для нея не прекращеніемъ страданій, но наградою за нихъ, новою, лучшею жизнію.

Возстань, съ лучемъ преображенья
Въ твоихъ лазоревыхъ очахъ.
Лети, лети въ края отчизны,
Оковы тлѣна въ прахъ сорви,—
И съ нимъ пребудь въ единой жизни,
Въ единой зиждущей любви!

Это его стихи. Да, съ нимъ въ единой жизни. Я знаю, онъ не будетъ больше любить. Теперь онъ будетъ развязанъ и свободно начнетъ свою жизнь страданія, которой онъ всегда такъ жаждалъ. Кто глубокъ духомъ,—тотъ откажись заранѣе отъ счастія жизни. Глубина духа есть страшный даръ—она вѣнецъ, но терновый. Такой человѣкъ не промѣняетъ своего страданія на счастіе людей обыкновенныхъ, но не разъ воскликнетъ—

Охъ, тяжела ты шапка Мономаха!

Ты великую истину сказалъ: жизнь и прекрасна, и ужасна вмѣстѣ.

Какъ-то легче становится, когда я пишу къ тебѣ. Душа рада страдать: есть какое-то упоеніе для нея въ страданіи; но организмъ утомляется, и потому, если я не пишу, то впадаю на минуты въ сухость, въ скуку; тогда вдругъ вспоминаю слово, движеніе — и на глазахъ навертываются слезы, а рука тянется невольно къ перу.

Она вспоминала обо мнѣ наканунѣ смерти: спасибо тебѣ, что ты не забылъ объ этомъ сказать мнѣ.

Прежде она любила фантазировать о своей смерти, а передъ смертію стала бояться ея, стала бояться даже заснуть. Я понимаю это такъ: прежде еще была надежда на выздоровленіе, безсознательная надежда; надежда кончилась—и страхъ овладѣлъ душою. Этотъ страхъ, для меня, есть доказательство, что неестественно душѣ помириться съ мыслію объ уничтоженіи, и любовь къ жизни здѣсь есть любовь вообще къ жизни, къ безпрерывному, нескончаемому существованію. Равнодушіе къ смерти есть конецъ жизни. Безстрашное спокойствіе неестественно. Таинство гроба ужасно: передъ нимъ содрогается все живущее, всякая душа, какъ бы ни была она огромна, глубока и просвѣтлена. Великій переходъ совершается съ страданіемъ. Въ страданіи родится человѣкъ, въ страданіи и умираетъ. Право существованія должно купить дорогою цѣною. Въ этомъ я вижу доказательство того, что жизнь есть великое благо. Что достается легко, то ничего и не стоитъ. Желаніе смерти показываетъ самое ложное и призрачное состояніе духа. Тѣ жестоко ошибаются, которые думаютъ, что умереть легко, когда сильна вѣра въ личное безсмертіе: жизнь должна быть дорога каждую минуту, потому что и тамъ и здѣсь — жизнь одна, и кто не любитъ здѣшней жизни, тотъ не найдетъ и будущей. Отверженіе здѣшней жизни есть отверженіе всякаго бытія. Для духа нѣтъ мѣста, нѣтъ отечества: духъ вездѣ равенъ самому себѣ. Человѣку сродно желать лучшаго; стремленіе туда понятно, какъ моментъ; какъ моментъ, понятно и охлажденіе къ здѣшней жизни. Но кто приметъ моментъ за непреложную истину, за нормальное состояніе — тотъ жестоко заблуждается. На краю могилы, занесши одну ногу въ гробъ, въ страшныхъ мученіяхъ и съ полною вѣрою въ безсмертіе, буду скорбѣть о земной жизни, и смерть не уведетъ, а оторветъ меня отъ ней. Безъ глубокой, страдальческой любви къ земной жизни, мнѣ непонятна жизнь по ту сторону гроба.

«Жить, жить—во что бы то ни стало!» восклицалъ съ страшнымъ движеніемъ умирающій Гофманъ. Во времена оны — это было бы для меня признакомъ души слабой и ничтожной: теперь я вижу въ этомъ силу.

Надо подумать, какъ поступить съ Николаемъ. Вѣдь ему надо же все узнать; вѣдь онъ узнаетъ же все и самъ. Приго-

товлять его къ этому—странно: онъ все пойметъ. Не знаю, написать ли къ Константину Аксакову, который теперь въ Люцернѣ, или написать въ Удеревку, къ Саничкѣ. Что тутъ дѣлать?

Боже, что будетъ съ бѣдною Варварою Александровною, и какъ вы увѣдомите ее объ этомъ? Ей будетъ тяжелѣе всѣхъ васъ: есть какое-то утѣшеніе быть при послѣднихъ минутахъ умирающаго, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ничего мучительнѣе и ужаснѣе, какъ мысль — я былъ тогда далеко — онъ умеръ безъ меня!..

Повѣсть «Флейта» нынче будетъ переписана, а завтра пошлется.

Прощай, мой милый. Скажи мнѣ — въ какомъ ты состояніи находишься.

Къ М. А. Бакунину. 10 сентября, 1838.

Москва. 1838. Сентября 10 дня.

Любезный Мишель, чѣмъ больше живу, тѣмъ глубже сознаю и постигаю справедливость многихъ твоихъ мыслей, отъ тебя перваго мною услышанныхъ. Я мало принесъ жертвъ для мысли, или, лучше сказать, только одну принесъ для нея жертву — готовность лишаться самыхъ задушевныхъ субъективныхъ чувствъ для ней. Но я сдѣлалъ въ сферѣ мысли великое движеніе (великое для меня) — и этимъ преимущественно обязанъ тебѣ. Я бралъ мысли готовыя, какъ подарокъ; но этимъ не все оканчивалось, и при одномъ этомъ я ничего бы не выигралъ, ничего бы не пріобрѣлъ: жизнію моею, цѣною слезъ, воплей души, усвоилъ я себѣ эти мысли, и онѣ вошли глубоко въ мое существо и сообщили мнѣ ту разумную прозрачность, о которой ты говоришь мнѣ въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Мнѣ скоро тридцать лѣтъ — важное обстоятельство! Есть русская пословица: кто въ 20 лѣтъ не силенъ, а въ 30 не уменъ, тотъ ни сильнымъ, ни умнымъ никогда не будетъ. Великая истина! Замѣчая важный прогрессъ мысли въ моемъ развитіи, ты упустилъ изъ виду это обстоятельство и не далъ ему должнаго значенія. Много, много мыслей услышалъ я отъ тебя перваго. Одна изъ нихъ: «жизнь великая школа» — и ее-то теперь повторяю я каждый день съ грустнымъ раздумьемъ. Ты первый уничтожилъ

въ моемъ понятіи цѣну опыта и дѣйствительности, втащивъ меня въ фихтіянскую отвлеченность, и ты же первый былъ для меня благовѣстникомъ этихъ двухъ великихъ словъ. Сначала я ихъ услышалъ отъ тебя съ удивленіемъ и остался только при нижайшемъ почтеніи къ нимъ, смутно подозрѣвая въ нихъ какой-то таинственный и важный смыслъ, но не сознавая его. Такова моя натура: съ напряженіемъ, горестно и трудно, принимаетъ мой духъ въ себя и любовь, и вражду, и знаніе, и всякую мысль, всякое чувство; но принявъ, весь проникается ими, до сокровенныхъ и глубокихъ изгибовъ своихъ. Такъ въ горнилѣ моего духа выработалось самобытно значеніе великаго слова дѣйствительность. Я бы сказалъ ложь и глупость, сказавъ, что я дѣйствителенъ и постигъ дѣйствительность; но я скажу правду, сказавъ, что сдѣлалъ новый великій шагъ въ томъ и другомъ. Теперь болѣе, нежели когда-нибудь ощущаю въ себѣ недостатокъ дѣйствительности и въ жизни, и въ понятіи, и въ то же время, теперь больше, нежели когда-нибудь, ощущаю и великій успѣхъ въ томъ и другомъ, и возможность полнаго и скораго перехода въ то и другое (для себя): я гляжу на дѣйствительность, столь презираемую прежде мною, и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея ничего нельзя выкинуть, и въ ней ничего нельзя похулить и отвергнуть. Я думаю точно такъ же о жизни, о бракѣ, о службѣ, словомъ, о всѣхъ человѣческихъ и общественныхъ отношеніяхъ, какъ и всѣ практическіе люди, столько еще недавно презираемые и ненавидимые мною, и, въ то же время, я думаю обо всемъ этомъ совершенно не такъ, какъ они. Да — такъ и не такъ! Долгъ, нравственная точка зрѣнія, самоотверженіе, пожертвованіе собою, благодать, воля, свобода въ благодати, прямота дѣйствій, политика, бракъ по любви, бракъ по разсчету, чувство въ изящномъ, вкусъ въ изящномъ, чувство, приличіе — словомъ, всѣ самыя противоположныя понятія получили для меня какой-то цѣлостный смыслъ и уже не дерутся между собою, но образуютъ цѣлое зданіе со многими сторонами, одну общую картину изъ разныхъ красокъ, жизнь изъ безконечно-разнообразныхъ элементовъ. Теперь я понимаю, что искусственное, отвлеченное сознаніе есть просвѣтлѣніе естественнаго, но что результаты ихъ одни и тѣ же, потому что истинное сознаніе есть естественное, просвѣтленное искусственнымъ. Часто, часто приходитъ мнѣ на мысль Александръ Михайловичъ, и я

думаю, какъ бы теперь-то могъ я съ нимъ сойтись, какъ бы еще много принужденъ я былъ сдѣлать ему уступокъ, но уже какъ бы много и у него выторговалъ ихъ. Я бы ему не сказалъ ничего новаго, но примирилъ бы нѣкоторыя изъ его созерцаній съ его понятіями. Онъ знаетъ жизнь, и жизнь знаетъ его; во многомъ уже оправдала она его передъ тобою, но еще несравненно въ бо̀льшемъ оправдаетъ — это ты увидишь и, можетъ быть, очень скоро. Онъ никогда не былъ съ тобою недобросовѣстенъ, но, сознавая могущественную силу въ логикѣ и діалектикѣ твоихъ мыслей и рѣшительно не видя ни того, ни другого въ твоей жизни, онъ принужденъ былъ противопоставлять отвлеченности отвлеченность и часто говорить и дѣйствовать вопреки своихъ убѣжденій. Но объ этомъ послѣ, а сперва скажу, что это мое письмо есть окончаніе предшествовавшаго, въ которомъ я далеко не все высказалъ, что̀ хотѣлъ высказать. Постараюсь это сдѣлать, какъ можно полнѣе, удовлетворительнѣе, чтобы не родить недоразумѣній. Тѣмъ болѣе почитаю это нужнымъ сдѣлать, что не увѣренъ — буду ли, по полученіи отъ тебя отвѣта, писать тебѣ въ этомъ духѣ.

Дѣйствительность!—твержу я, вставая и ложась спать, днемъ и ночью,— и дѣйствительность окружаетъ меня, я чувствую ее вездѣ и во всемъ, даже въ себѣ, въ той новой перемѣнѣ, которая становится замѣтнѣе со дня на день. Давно ли я спорилъ съ тобою, что не хочу и не обязанъ терять времени и принуждать себя съ людьми чуждаго мнѣ міра? Помнишь нашъ споръ втроемъ, при четвертомъ—каменномъ гостѣ? И что же? Я теперь каждый день сталкиваюсь съ людьми практическими, и мнѣ уже не душно въ ихъ кругу, они уже интересны для меня объективно, а я не въ тягость имъ. Захочу ли я высказать горькую правду человѣку, мнѣ чуждому, то чѣмъ я враждебнѣе ему по моей натурѣ и моей сформировкѣ, чѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ горькой и рѣзкой правды, — тѣмъ голосъ мой тише, трепетнѣй, но отъ любви къ нему на эту минуту, тѣмъ слова мои деликатнѣе, полнѣе любви, и потому дѣйствительнѣе. Есть люди, которые только виною могутъ пробудить во мнѣ мгновенную любовь къ себѣ, если только я долженъ говорить имъ правду о ихъ винѣ. Это перемѣна — и большая. Дикость моей натуры со дня на день исчезаетъ: грусть смягчила и просвѣтлила ее. Я конь рьяный, горячій, но уже выѣзженный. Мои сношенія съ людьми только одно дѣлаетъ еще тягостными, но

именно потому, что это одно есть болѣзнь, отъ которой я еще только хочу начать выздоравливать. Это то горькое, мучительное, какъ раскаленнымъ желѣзомъ прожигающее душу чувство, которое наслано на меня судьбою, какъ насылаются бури на засохшую почву, чтобы увлажилась и принесла плодъ свой сторицею. Да, я снова начинаю вѣрить, что и моя буря пройдетъ мимо, чтобы ярче засіяло солнце моего духа, и при одной этой мысли, его лучи, еще слабые и блѣдные, пробиваются сквозь мглистыя тучи, заволокшія его. Но еще надо потерпѣть, пострадать. Будь такъ! Моя натура крѣпка, и нужны тяжкіе удары молота судьбы, чтобы пробить ее и дать ей истинную форму. Поступленіе въ институтъ, сближеніе съ княземъ имѣло для меня безконечныя слѣдствія въ постиженіи дѣйствительности. Съ ненасытимымъ любопытствомъ вглядываюсь я въ эти пружины, въ эти средства, по наружности столь грубыя, пошлыя и прозаическія, которыми созидается эта польза, неблестящая, незамѣтная, если не слѣдишь за ея развитіемъ во времени, неуловимая для поверхностнаго взгляда, но великая и благодатная своими слѣдствіями для общества. Пока есть сила, я самъ рѣшаюсь на все, чтобы принести на алтарь общественнаго блага и свою лепту. Къ намъ пріѣхалъ попечитель, назначилъ у себя въ комнатахъ экзамены выпускаемымъ ученикамъ; я ожидалъ своего экзамена безъ робости, безъ безпокойства, сдѣлалъ его со всѣмъ присутствіемъ духа, смѣло, хорошо; попечитель меня обласкалъ, я говорилъ съ нимъ и—не узнавалъ самого себя. Онъ просилъ меня, чтобы я въ моихъ ученикахъ видѣлъ больше людей практическихъ и преподавалъ бы имъ мою науку, примѣняя ее къ жизни, т.-е. уча ихъ складно и ловко писать дѣловыя бумаги по межевой части, приготовившись для этого самъ. Я все обѣщалъ искренно, и выполню добросовѣстно. Да, дѣйствительность вводитъ въ дѣйствительность. Смотря на каждаго не по ранѣе заготовленной теоріи, а по даннымъ, имъ же самимъ представленнымъ, я начинаю умѣть становиться къ нему въ настоящихъ отношеніяхъ, и потому мною всѣ довольны, и я всѣми доволенъ. Я начинаю находить въ разговорѣ общіе интересы съ такими людьми, съ какими никогда не думалъ имѣть чего-либо общаго. Требуя отъ каждаго именно только того, чего отъ него можно требовать, я получаю отъ него одно хорошее и ничего худого. Нѣтъ ничего идеальнѣе (т.-е. пошлѣе), какъ сосредоточеніе въ какомъ-то кругѣ, похожемъ на тайное общество и непохо-

жемъ ни на что остальное и враждебномъ всему остальному. Всякая форма, поражающая людей своею рѣзкостію и странностію и пробуждающая о себѣ толки и пересуды,—пошла, т.-е. идеальна. Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ. Кто удивляетъ своею оригинальностію (разумѣется, такою, которая большинству не нравится), тотъ похожъ на человѣка, который пріѣхалъ на балъ въ платьѣ страннаго или стариннаго покроя для показанія своего пошлаго презрѣнія къ условіямъ общества и приличія. Недаромъ общество заклеймило такихъ людей именемъ опасныхъ и безпокойныхъ; впрочемъ, если бы оно назвало ихъ пустыми, то было бы правѣе. Теперь единственное мое стараніе, чтобы всякій, знающій меня по литературѣ и увидѣвшій въ первый и во сто-первый разъ, сказалъ: «это-то Бѣлинскій, да онъ, какъ всѣ!» Простота, и если сила и достоинство, то все-таки въ простотѣ — вотъ главное. Простота, соединенная съ внутреннимъ достоинствомъ, если возбуждаетъ толки, то всегда въ пользу человѣка, потому что она всѣхъ располагаетъ къ нему; но возбудить о себѣ толки чѣмъ-то страннымъ, непохожимъ на ежедневность, обыкновенность—теперь это для меня хуже, чѣмъ прославиться пьянствомъ, буйствомъ и тому подобными добродѣтелями. Страсть рисоваться свойственна не однимъ Хлестаковымъ: это болѣзнь почти всѣхъ людей, даже сильныхъ и глубокихъ духомъ, но еще находящихся въ состояніи идеальности, еще не понявшихъ значеніе дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, я о себѣ скажу, что рисовался не на животъ, а на смерть, безъ всякаго желанія рисоваться. Такъ Шиллеръ въ большей части своихъ произведеній фразёръ, не будучи фразёромъ. Ложное положеніе всегда ставитъ на ходули, отъ которыхъ спасаетъ или природное чувство простоты, или выходъ въ дѣйствительность. Недавно узналъ я еще великую истину, бывшую для меня тайною, хотя я и думалъ понимать ее. Я узналъ, что нѣтъ людей падшихъ, измѣнившихъ своему призванію. Я теперь не презираю человѣка, погубившаго себя женитьбою, затершаго свой умъ и дарованія службою, потому что такой человѣкъ нисколько не виноватъ. Дѣйствительность есть чудовище, вооруженное желѣзными когтями и желѣзными челюстями: кто охотно не отдается ей, того она насильно схватываетъ и пожираетъ. Вотъ почему прекраснѣйшіе люди, подававшіе о себѣ блистательнѣйшія надежды, часто опошляются. Иной всю жизнь мечталъ о какой-то небесной женщинѣ, а женился на тряпкѣ;

иной всю жизнь мечталъ о благѣ общественномъ, а потомъ преспокойно, добившись тепленькаго мѣстечка, беретъ взятки. А между тѣмъ оба эти человѣка могли бы далеко уйти. Но видишь ли, въ чемъ дѣло: есть коллизія, родъ полиціи или смирительнаго дома судьбы, которая наказываетъ за отпаденіе отъ господствующей идеи общества; она-то женитъ и выдаетъ замужъ, она-то опредѣляетъ къ службѣ, потому что общество требуетъ, чтобы всѣ женились, выходили замужъ, служили. Чѣмъ выше были мечты человѣка, чѣмъ важнѣе былъ бунтъ человѣка противъ общества, къ которому онъ принадлежитъ,—тѣмъ ужаснѣе смиреніе и наказаніе за это. Да, вмѣсто женщины—тряпка, вмѣсто подвизанія на поприщѣ общаго блага—взяточничество. Дѣйствительность мститъ за себя насмѣшливо, ядовито, и мы безпрестанно встрѣчаемъ жертвы ея мести. Личное свободное стремленіе, не примиренное съ внѣшнею необходимостію, вытекающею изъ жизни общества, производитъ коллизіи. Это для насъ то же, что fatum древнихъ. Да, живи не какъ хочется, не какъ кажется должнымъ, а какъ начальство велитъ, а это начальство—общество гражданское. Тамъ, гдѣ женитьба и замужество есть что-то въ родѣ непремѣнной обязанности—тамъ женись и выходи замужъ (послѣднее особенно), или по неволѣ, и не зная какъ, и не помня какъ, стремглавъ слетишь въ эту пропасть. То же и служба въ Россіи. Спроси падшаго человѣка—какъ дошелъ онъ до своего опошленія, и увидишь, что оно было неизбѣжно, необходимо, и что онъ совершилъ его, какъ бы съ завязанными глазами. Кромѣ коллизіи, въ этомъ важную роль играетъ еще и идеальность. Человѣкъ мечталъ о небесной женщинѣ, но эта женщина была идея, а не живой образъ, одностороннее отвлеченіе въ родѣ шиллеровскихъ женщинъ. Онъ мечталъ объ общемъ благѣ и личномъ своемъ участіи въ немъ; но это благо было мечтательное, а не дѣйствительное. Стремленіе къ нему было рисующееся, ходульное, а не простое, гдѣ человѣкъ хочетъ только дѣлать что-нибудь, чтобы не быть безъ дѣла, хочетъ дѣлать безъ претензій, и дѣлаетъ добросовѣстно. Изъ крайностей переходятъ въ крайности. Есть фактъ, что многіе самые ужасные, самые фанатическіе инквизиторы испанскіе смолоду были отчаянными вольнодумцами, невѣрами и кощунами; есть также факты, что изъ изувѣрства переходятъ въ невѣріе. Идеальный человѣкъ, не встрѣчая нигдѣ своей идеальной женщины, потому что ея нигдѣ нѣтъ, приходитъ въ отчая-

ніе и увѣряется, что грязная и пошлая дѣйствительность есть истинная дѣйствительность. Вотъ тутъ-то судьба и ставитъ свою ловушку или свой капканъ, куда идеальный человѣкъ и попадаетъ, какъ мышь. Обыкновенно онъ женится на судомойной тряпкѣ, и часто еще безъ всякихъ выгодъ для обезпеченія жизни; часто его жена — дурна, глупа, пошла и бѣдна. И это очень естественно. Онъ не понималъ дѣйствительности, не понималъ, что не всѣмъ суждено любить (т.-е. влюбиться), быть любимымъ и жениться по любви, почувствованной и сознанной прежде, чѣмъ вошла въ голову мысль о женитьбѣ; но онъ не понималъ и того, что выходъ есть совсѣмъ не противоположность, что кромѣ пошлаго разсчета есть еще разсчетъ человѣческій, имѣющій въ виду удовлетвореніе лучшей стороны своей человѣческой природы, что разсудокъ не есть единственный выходъ изъ состоянія чувства, но что и то и другое можетъ дѣйствовать въ ладу, не мѣшая одно другому. Боюсь опошлить мою мысль словами: она у меня въ созерцаніи и еще не сознана, но я глубоко чувствую ея истинность. Если же онъ останется упрямо при своихъ мечтахъ, даже не вѣря имъ,—тогда дѣйствительность казнитъ его иначе, но только все-таки отнимая, сокрушая его силу, его достоинство. Обманутый въ своихъ стремленіяхъ, онъ скажетъ, что здѣсь юдоль плача и испытанія, но что все тамъ, и самый лучшій его выходъ будетъ—мистицизмъ. Я начинаю понимать, наконецъ, Марью Аѳанасьевну, эту необыкновенную и геніальную женщину. Среди проблесковъ ея великаго ума промелькиваетъ какое-то идіотство—это общая участь дѣвственной старости; тутъ дѣйствуютъ причины физіологическія. Она на старости лѣтъ кокетничаетъ, дѣлаетъ гримаски, приличныя только четырнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, начинающей сознавать, что она дѣвушка и прекрасна: желаніе нравиться не проходитъ въ женщинахъ и съ сѣдиной и морщинами: изъ этого закона не исключена ни одна женщина, какъ бы ни глубока она была; такова ужъ натура женщины, таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ, и волтеріянцы напрасно противъ этого вооружаются. И очень понятно, что болѣзнь старости, страшно издѣвающаяся надъ дѣвственницами, дѣлаетъ кокетство такъ отвратительнымъ. Съ пламенною, безконечною любовію Марья Аѳанасьевна соединяетъ враждебность и ненависть ко всѣмъ женщинамъ и только съ мужчинами можетъ ладить. Наталія Андреевна осмѣлилась любить Николая, несмотря на то, что

Марья Аѳанасьевна оставила его за собою,—и она возненавидѣла эту дѣвушку, достойную всякой любви, всякаго уваженія. Восторгъ мужчинъ отъ твоихъ сестеръ есть личная, кровавая ей обида, которой она не проститъ до гроба. Понятно мнѣ и ея отрицаніе материнскаго чувства, ея отвращеніе къ дѣтямъ. Всѣ эти противорѣчія въ глазахъ моихъ такъ конкретно слились, проникнули и условили одно другое, что я скорѣе бы не понялъ отсутствія такихъ дикихъ, чудовищныхъ противорѣчій. Это казнь дѣйствительности, казнь, которая лютѣе съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ сѣдымъ волосомъ. Казацкая жизнь сдѣлала ея платье чѣмъ-то похожимъ вмѣстѣ и на юбку и на штаны. Дѣвическая старость, какъ отрицаніе естественнаго и самобытнаго развитія женщины, поселила въ ея душѣ: подлѣ любви—эгоизмъ, подлѣ ума—идіотство; понимая гадость претензій въ другихъ, она не видитъ ихъ въ себѣ. Все это должно быть такъ и не можетъ быть иначе. Но я говорю это не съ тѣмъ, чтобы судить и осуждать ее: нѣтъ, пусть отнимется у меня языкъ, которымъ я говорю, рука, которою я пишу, если я тѣмъ или другимъ изреку приговоръ падшему ближнему. Вездѣ виновата одна необходимость, разумная необходимость. Понимаю мужчинъ, сдѣлавшихъ пошлую партію, и еще болѣе понимаю женщинъ, сдѣлавшихъ пошлую партію; прощаю тѣхъ и другихъ, но женщинъ особенно, и въ обоихъ случаяхъ—въ несчастномъ бракѣ и искаженіи вслѣдствіе дѣвственной старости. Знаешь ли что?—Женщина холодная, безъ души и сердца,—такая женщина менѣе способна ошибиться въ бракѣ и выйти за пошляка, если она сама умна; но чѣмъ женщина глубже, выше, святѣе, тѣмъ возможнѣе для нея такой faux pas. Это противорѣчитъ логикѣ, но здѣсь невольно вспомнишь слова велемудраго мужа Шевырева—«по логикѣ-то такъ, да на самомъ-то дѣлѣ иначе». Развитіе женщины по преимуществу—въ жизни, въ живой дѣйствительности; мысль для нея имѣетъ гораздо меньшую важность, хотя также до извѣстной степени необходима и для нея. Для нея бракъ—единственный разумный опытъ жизни, единственная дѣйствительность. У насъ, въ Россіи, это особенно. Дѣвушка у насъ лишена всякой свободы, и на ея свободу общество смотритъ, какъ на своеволіе, которое предосудительно и въ мужчинѣ, а въ ней тѣмъ болѣе. Ей нельзя итти гулять, нельзя быть въ театрѣ, въ обществѣ, нельзя предаться свободно никакому чувству, никакой мысли: эгидъ ма-

тери нуженъ ей каждую минуту. Бракъ для нея есть освобожденіе, начало самобытности. Какъ ни предавайся она своимъ фантазіямъ, а общество возьметъ свое, и рано или поздно она почувствуетъ на себѣ его удары, а выходомъ будетъ или ранняя смерть, или искаженіе и уродливый бракъ. Повторяю: дѣйствительность есть чудовище, вооруженное желѣзными когтями и огромною пастью съ желѣзными челюстями. Рано или поздно, но пожретъ она всякаго, кто живетъ съ ней въ разладѣ и идетъ ей наперекоръ. Чтобы освободиться отъ нея и, вмѣсто ужаснаго чудовища, увидѣть въ ней источникъ блаженства, для этого одно средство—сознать ее. Вижу, Мишель, торжествующую улыбку на устахъ твоихъ: ты лукаво усмѣхаешься, видя, что я выдаю тебѣ за новость твои же идеи и развиваю мысль, которая составляетъ сущность твоей жизни и прелесть твоихъ порываній и усилій. Но погоди улыбаться: до сихъ поръ, за исключеніемъ приложеній, въ которыхъ я отчаиваюсь когда-нибудь сойтись съ тобою, мы согласны: но отсюда-то, т.-е. отъ заключенія и достиженія цѣли, мы и разойдемся. Что значитъ сознать дѣйствительность? Есть два рода людей, совершенно противоположныхъ и заключающихъ въ своемъ промежуткѣ множество родовъ, о которыхъ мнѣ не нужно говорить, какъ о не идущихъ къ предмету рѣчи. Первый родъ—это люди, одаренные отъ природы инстинктомъ истины, простотою, нормальностію. Иногда они совсѣмъ не разсуждаютъ о дѣйствительности, иногда очень пошло разсуждаютъ, но дѣйствуютъ всегда въ духѣ ея, постигаютъ ее инстинктомъ и сами суть не иное что, какъ олицетворенныя дѣйствительности. Но есть люди другого рода: эти превосходно понимаютъ дѣйствительность въ мысли, но живутъ совершенно внѣ ея. Я не принадлежу ни къ той, ни къ другой категоріи, но ближе къ первой, хотя и испорченъ идеальностію и ходулями. Ты—совершенно, съ ногъ до головы, есть представитель людей второго рода. Я не знаю никого равнаго тебѣ въ силѣ и могуществѣ мысли. Ты—голова свѣтлая, логическая. Ты превосходно мыслишь о дѣйствительности, и на этомъ поприщѣ я отказываюсь отъ всякой борьбы съ тобою, заранѣе признавая себя побѣжденнымъ. Твое мышленіе не хитросплетенія, не слова безъ содержанія, но выговариваніе широкаго и глубокаго созерцанія. Если бы это было не такъ, то въ твоихъ идеяхъ не было бы общности, цѣлости, органической соотвѣтственности. Ты можешь, какъ и всѣ мы, не оцѣнить, не по-

нять истинно художественнаго произведенія, но не можешь восхититься вздоромъ и фразами. Конечно, увлекаясь построеніями, ты впадаешь иногда въ субъективность и въ Орлеанкѣ видишь не фразу на ходуляхъ, но поэзію; но что до этого— у кого нѣтъ субъективныхъ пристрастій, вслѣдствіе заранѣе составленныхъ теорій? Я самъ въ этомъ грѣшенъ еще больше тебя. Но что̀ много говорить объ этомъ! Вѣрь, что я искренно уважаю твою мыслительность и почитаю ее выговариваніемъ глубокаго созерцанія. Итакъ, что ты ни говоришь о дѣйствительности—все это любо слушать, и всему этому я многимъ, многимъ обязанъ. Но когда дѣло дойдетъ до примѣненія, до осуществленія жизнію своихъ понятій—ты тутъ не борись со мною, потому что, въ этомъ отношеніи, ты никогда не зналъ дѣйствительности. Хочешь доказательствъ? Я буду выбрасывать ихъ тебѣ полными горстями, а пока ограничусь однимъ фактомъ, очень рѣзкимъ и вполнѣ тебя характеризующимъ. Вѣроятно, ты уже прочелъ письмо Боткина, изъ котораго и увидѣлъ, что возстаніе Лангера существовало только въ твоей мысли, а больше нигдѣ. Не влеченіе къ нему, вслѣдствіе слитія твоего духа съ его духомъ, указало тебѣ на это мнимое возстаніе, а логическія построенія, вслѣдствіе которыхъ оно тебѣ казалось необходимымъ. Не думай, чтобы въ этихъ словахъ высказывалось отрицаніе въ тебѣ чувства: нѣтъ, въ нихъ высказывается твое недовѣріе къ своему чувству, вслѣдствіе идеальности и отсутствія простоты въ твоей жизни. Это результатъ добровольнаго отторженія отъ живой дѣйствительности въ пользу отвлеченной мысли, отъ жизни въ пользу книги. Добрый Лангеръ не думалъ и падать, не только возставать, а былъ просто самимъ собою. Онъ—художникъ, и можетъ любить сто разъ въ жизни, и любить вдругъ нѣсколько субъектовъ. Я понимаю такія натуры: онѣ называются не всегда Красовыми и Лангерами, но иногда Пушкиными и Гёте. Лангеръ любитъ по своему, и я ничего не вижу въ этомъ худого, хотя и сознаю себя рѣшительно неспособнымъ любить мимоходомъ такихъ женщинъ, какъ каждая изъ твоихъ сестеръ, а не отдать себя одной, всего и навсегда. Чувство, внушенное Лангеру Варварою Александровною было глубже и святѣе, но и оно носило на себѣ характеръ его страстной, художнической души. Онъ разсказывалъ Боткину, что однажды, оставшись съ нею наединѣ, почувствовалъ мурашки по тѣлу отъ мысли—не будетъ ли чего?—разумѣя подъ этимъ пожатіе руки, поцѣлуй и

подобную тому ласку. Прежде меня это взбѣсило бы и навсегда убило бы въ глазахъ моихъ Лангера, но теперь, кладя руку на сердце, признаюсь, что еще я не увѣренъ, чье чувство проще и нормальнѣе—мое или его, и на которое взаимность и отвѣтъ женщины возможнѣе—на мое или на его. Чувство Лангера къ Александрѣ Александровнѣ въ Прямухинѣ (въ Москвѣ онъ былъ занятъ Татьяною Александровною) было еще проще, только уже не въ святомъ значеніи этого слова, потому не въ святомъ, что эта дѣвушка кажется мнѣ слишкомъ святою для возбужденія до такой степени простого чувства; но Лангеръ этимъ нисколько не унизился, а Александра Александровна нисколько этимъ не унижена въ моихъ глазахъ, и чѣмъ святѣе для меня Александра Александровна, тѣмъ достолюбезнѣе Лангеръ съ своимъ чувствомъ къ ней. Чистое потому и чисто, что не можетъ замараться ничѣмъ чуждымъ ему и внѣ его находящимся. Когда Александра Александровна замѣтила ему, что онъ опошлился,—то онъ не понялъ ее даже и воротился въ Москву съ враждебностію къ ней за то, что ея сантиментальность и романическая чувствительность заставляла ее искать счастія гдѣ-то далеко, тогда какъ, по его мнѣнію, оно было подлѣ нея—въ особѣ Лангера съ селадонскою фризурою. Онъ такъ понялъ эту глубокую и могучую субстанцію, что не догадался, что ей сантиментальность гораздо несвойственнѣе, чѣмъ ему селадонство. Но такъ понялъ онъ ее: что̀ дѣлать—у всякаго свой образъ мыслей, своя манера понимать дѣйствительность, и если ты рѣжешься на этомъ по своему—почему же ему не рѣзаться по своему? Когда Боткинъ растолковалъ ему ея сантиментальность, т. е. какъ она смотрѣла на его ухаживанія (иначе не умѣю выразить его чувства) и что̀ она ему говорила,—то Лангеръ былъ болѣе удивленъ и раздосадованъ (разумѣется, не на себя), нежели усовѣщенъ и уличенъ въ чемъ-то не худомъ, а мелкомъ, и теперь утѣшаетъ себя гризеткою, съ которою возобновилъ свою интригу. Все это очень достолюбезно, и за все это я отъ души люблю Лангера. Именно, я его полюбилъ недавно, съ тѣхъ поръ, какъ изъ этой исторіи узналъ его дѣйствительно. Вотъ тебѣ и возстаніе! Это такъ мило смѣшно, что мысль объ этомъ заставляетъ меня добродушно смѣяться иногда въ самыя тяжелыя мои минуты. А вотъ тебѣ кстати и другой фактъ, доказывающій твое не-присутствіе въ дѣйствительности: когда онѣ пріѣхали въ Москву, ты при-

слалъ съ ними письмо къ Боткину, въ которомъ, намекая на меня, говорилъ, что ни отъ кого не хочешь земной дружбы, но чувствуешь небесную къ Николаю, Боткину и Лангеру: Лангеръ же къ тебѣ никогда, и особливо въ то время, не чувствовалъ не только никакой дружбы, ни земной, ни небесной, но даже и ни малѣйшаго расположенія. Онъ этого давно ужъ и не скрываетъ. Ему съ его полною, простою и притомъ нисколько не развитою природою труднѣе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь, сойтись съ тобою. По моему, такъ ошибаться въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, и тѣмъ болѣе отношеніяхъ человѣческихъ въ высшемъ значеніи этого слова, значитъ: не знать дѣйствительность, а щолкаться и стукаться объ нее, и во всемъ этомъ нѣтъ нисколько простоты, но все это ужасно мудрено, и все это вслѣдствіе отрѣшенія отъ простого инстинктивнаго чувства и стремленія рѣшать мыслію и мышленіемъ то, что понимается просто и легко. Изъ всего этого я вывожу слѣдствіе, что можно превосходно понимать дѣйствительность мыслію и, въ то же время, быть совершенно внѣ ея. Вся жизнь твоя — доказательство этого. Я даже готовъ остановиться на мысли, что ты будешь философомъ, профессоромъ, будешь другимъ пояснять дѣйствительность, будешь другимъ давать возможность познавать жизнь и пользоваться ею, а самъ пропустишь ее мимо носа и только, зажмуривъ глаза, воскликнешь: какое амбре! Въ самомъ дѣлѣ, ты совсѣмъ не жилъ, ты еще не знаешь того, что хорошо извѣстно всякому, даже и не бывавшему въ семинаріи [1]): акта жизни, который есть таинство даже внѣ чувства любви. Это нисколько не согласно съ твоею любознательностію. Любознательность смѣла до торжества надъ естественнымъ сознаніемъ, и самое грѣхопаденіе ее не только не ужасаетъ, но еще заманчиво увлекаетъ. Отъ этого тебѣ чего-то недостаетъ, и этотъ-то недостатокъ ужасно способствуетъ твоей отвлеченности и призрачности. Онъ придаетъ тебѣ что-то странное, чтобъ не сказать—нелѣпое. Этого нельзя доказать, но это видно. И что вся твоя жизнь? Ты еще и не намѣревался начать жить. Жизнь есть: въ дѣтствѣ—шалости, рѣзвости; въ юности—любовь, упоеніе, кипѣніе страстей, разгаръ чувственности (въ высокомъ и въ обыкновенномъ значеніи этого слова), въ лѣта возмужалости — потребность чего-то болѣе глубокаго, болѣе существеннаго. Ты

[1]) Нѣсколько словъ зачеркнуто.—*Прим. А. П.*

въ восторгѣ отъ Вильгельма Мейстера, отъ кутилы Эгмонта—видишь въ нихъ откровеніе жизни, но самъ и не чувствуешь охоты жить хоть сколько-нибудь похоже на нихъ. Твоя субъективность и отвлеченность приходитъ въ бѣшенство, замѣчая въ комъ-нибудь изъ друзей минуту подобнаго разгула жизни—ты тотчасъ въ этомъ увидишь паденіе. Я самъ, обращаясь назадъ, вижу въ своей жизни одни страданія, апатію, паденіе, возстаніе, грѣхъ, покаяніе, и все это вслѣдствіе отвлеченности, идеальности, пошлаго шиллеризма, натянутости, претензій на геніальность, боязни быть простымъ добрымъ малымъ. Но я хватился за умъ и теперь за поцѣлуй, за улыбку охотно плюну на философію, на науку, журналъ, мысль и на все. Ощущеній, волнованія жизни—это главное; а тамъ можно и пофилософствовать—этакъ, какъ выкинется—иногда прозой, а иногда и стишками. Ты какъ-то не мыслію повѣряешь жизнь, а жизнію мѣришь мысль и жизнь вѣчно подводишь подъ мысль. У тебя жизнь—забота, и отсюдова эти безпрестанныя повѣрки, справки, выговариваніе каждаго своего движенія, виканіе. Впрочемъ, я еще думаю о тебѣ—и это мнѣ пріятнѣе думать,—что ты еще не выработался, ты еще слишкомъ молодъ, слишкомъ мало зналъ жизнь, а какъ она обхватитъ тебя, да начнетъ теребить, такъ ты и узнаешь, что такое дѣйствительность, не только въ мысли, но и на дѣлѣ, а это у тебя какъ-то слишкомъ рѣзко раздѣлено. Сознаніе моментовъ своего духа внѣ дѣйствительнаго волнованія жизни—не далеко ведетъ. Кажется, бѣжишь, а въ самомъ дѣлѣ—ни съ мѣста. Ты возразишь, что ты пережилъ много бурь семейныхъ; но, во первыхъ, такая жизнь односторонняя, а во вторыхъ, ты много обстоятельствъ создавалъ, думая бороться съ дѣйствительными обстоятельствами. Повторяю еще разъ: глубоко уважаю твою мыслительность, твои понятія, твой взглядъ на многія стороны жизни, вижу во всемъ этомъ, или въ бо̀льшей части всего этого, глубину, истину, какъ выраженіе глубокаго, обширнаго созерцанія; но въ жизни твоей ничего не вижу, кромѣ какого-то фантастическаго скачка черезъ дѣйствительность. И это-то навело меня на сознаніе того, что знаніе дѣйствительности состоитъ въ какомъ-то инстинктѣ, тактѣ, вслѣдствіе которыхъ всякій шагъ человѣка вѣренъ, всякое положеніе истинно, всѣ отношенія къ людямъ безошибочны, ненатянуты. Всякій ко мнѣ стоитъ такъ, какъ поставила его ко мнѣ дѣйствительность, и я ко всякому такъ же. Разумѣется, кто къ этому инстинкту-

альному проникновенію присоединитъ сознательное, черезъ мысль, тотъ вдвойнѣ овладѣетъ дѣйствительностію; но главное—знать ее, какъ бы ни знать, а этого знанія нельзя достигнуть одною мыслію—надо жить, надо двигаться въ живой дѣйствительности, быть естественну, просту, походить на всѣхъ, походя только на одного себя. Если моя непосредственность произведетъ на другого рѣзкое впечатлѣніе въ мою пользу—это меня порадуетъ; но если на меня всѣ будутъ пялить глаза, видя во мнѣ что-то необыкновенное, не похожее на пошлую ежедневность порядочныхъ людей, что-то странное, то лучше хочу быть пошлякомъ, нежели чѣмъ-нибудь примѣчательнымъ. Я въ первый пріѣздъ въ Прямухино обратилъ на себя вниманіе всѣхъ и каждаго и сдѣлался въ вашихъ краяхъ притчею во языцѣхъ, пошли толки, что я тебя порчу, что мы философы и пр. и пр.—все это вслѣдствіе того, что я былъ пошлъ до гадости, рисовался, походилъ на семинариста, который, въ первый разъ вырвавшись изъ своей бурсы на свѣтъ Божій, по своимъ ученическимъ тетрадямъ сталъ переучивать весь свѣтъ и на всѣхъ людей сталъ смотрѣть съ высоты своего бурсацкаго величія. Ты скажешь, что это былъ моментъ духа: такъ, я согласенъ, но все то же могло бъ быть иначе, еслибъ не было недобросовѣстности, ходуль, фразерства, рисованія, отсутствія простоты, вслѣдствіе претензій быть необыкновеннымъ человѣкомъ. Нѣкогда я очень великодушно и снисходительно снабдилъ тебя именемъ Хлестакова, а теперь вижу, что я жестоко нарушалъ права собственности во вредъ себѣ, и что, по крайней мѣрѣ, надо было бы подѣлиться безъ обиды другъ другу этимъ характеристическимъ названіемъ.

Да, Мишель, я уже не тотъ — говорю это смѣло. Со мною воспослѣдовалъ новый великій переворотъ. Дѣйствительность, дѣйствительность! Жизнь есть великая школа!—восклицаю я, вставая и ложась спать, днемъ и ночью. Эти слова мною были услышаны отъ тебя перваго. Но у меня есть еще слово, которое я твержу безпрестанно, и это слово мое собственное, и притомъ великое слово. Оно — простота. Боже мой, какъ глубокъ его таинственный и простой смыслъ! Это океанъ, безъ дна и береговъ, и, въ то же время, мелкій, свѣтлый ручеекъ, который насквозь виденъ. Кто снова не пріобрѣлъ простоты, утраченной идеальностію, тотъ не живетъ и не знаетъ жизни, и жизнь того не знаетъ. Вся его жизнь—парадъ и рисованіе; содержаніе само по себѣ, а форма сама по себѣ. Послѣ этого нашему брату не

мудрено увидѣть во снѣ свою отвлеченность. Понимаю Николая, понимаю эту великую, геніальную душу: онъ давно тосковалъ по этой простотѣ, онъ первый объявилъ гоненіе претензіямъ и, въ этомъ отношеніи, я безконечно обязанъ ему: при немъ я всегда былъ проще. Онъ чувствовалъ себя не довольно простымъ, а жаждалъ простоты: вотъ почему онъ такъ завидуетъ людямъ, можетъ быть, недалекимъ, но дѣйствительнымъ, которые, поэтому, въ самомъ дѣлѣ лучше и выше его. Вотъ почему онъ и мнѣ отдавалъ преимущество передъ собою. Если однажды, когда я ему сказалъ, что сѣсть подлѣ любимой женщины и приклониться головою къ ея плечу есть блаженство, онъ отвѣтилъ мнѣ, что его блаженство выше, и я не въ состояніи понять его; — то какъ часто послѣ онъ говорилъ мнѣ чуть не со слезами, что я нормальнѣе, простѣе его въ понятіяхъ о любви. Онъ готовъ былъ всегда и написать и перевести статью для журнала, но не терпѣлъ, чтобы его и въ шутку называли литераторомъ. Это означаетъ глубокое чувство простоты. Я—литераторъ, потому что это мое призваніе и мое ремесло вмѣстѣ. Если я въ себѣ замѣчу какія-нибудь литературныя замашки, даже маленькое литературное кокетство—это меня не огорчитъ, потому что это не что иное, какъ значокъ цеха. Но разныя штучки не литератора, а человѣка—бить, чортъ возьми, бить ихъ безъ милосердія. Чувствую, что со дня на день глубже понимаю дѣйствительность и глубже вхожу въ нее самъ. Когда до нея достигну совершенно—до этого мнѣ дѣла нѣтъ — сдѣлается само собою, выработается и вытанцуется изъ жизни, а я не хочу дѣлать изъ жизни урока къ сроку, заботы. Но что меня всего болѣе радуетъ—это какая-то самобытность, спокойная и твердая увѣренность въ себѣ, которая выражается не въ однихъ словахъ, но и въ дѣлахъ. Начинаю — и успѣваю: все выходитъ такъ, какъ думалъ, потому что думалъ вѣрно. Что ненадежно, о томъ не говорю, что сбудется, а говорю—можетъ быть. Съ людьми практическими лажу вслѣдствіе знанія ихъ; въ каждомъ изъ нихъ съ интересомъ изучаю родъ, типъ, а не индивида. Все это хорошо. Много еще старинки, оставшейся по преданію, по воспоминаніямъ, по привычкѣ: все это колотится безъ пощады, особенно по идеальной части. Каждый день что-нибудь замѣчаю и щолкаю. Но и прогрессъ очевиденъ: каждый день замѣчаю что-нибудь новое и хорошее. Одно... но это болѣзнь — Богъ милостивъ — вылѣчусь, еще буду жить. Главное дѣло — не заноситься, брать, что

подъ руками, и, за неимѣніемъ лучшаго, пировать чѣмъ Богъ послалъ.

Чѣмъ больше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ,—говоритъ мудрая пословица русская. Въ самомъ дѣлѣ такъ. Мои отношенія къ ней и къ нимъ съ часу на часъ поясняются все болѣе и болѣе. Я давно все почувствовалъ и ощутилъ, я теперь сознаю—ходъ естественный, и тутъ ошибка, конечно, возможна, потому что невозможнаго ничего нѣтъ, но болѣе невозможна, нежели возможна. Чувствую, что въ прошедшемъ письмѣ я слишкомъ жестоко напалъ на тебя за твое молчаніе о томъ, о чемъ бы мнѣ хотѣлось знать и о чемъ ты нѣсколько разъ обѣщалъ меня подробно увѣдомить. Можетъ быть, ты и въ самомъ дѣлѣ хочешь быть моимъ другомъ во всемъ, кромѣ одной стороны твоей жизни, не почитая меня достойнымъ посвященія въ ея таинства, даже уже извѣстныя мнѣ и имѣющія ко мнѣ прямое отношеніе; но еще скорѣе можетъ быть, что я и ошибаюсь, но что тебѣ просто-на-просто нечего было писать ко мнѣ объ этомъ предметѣ. Что касается до моихъ вопросовъ о нихъ, внѣ отношеній ко мнѣ, то я подозрѣваю, что ты не могъ потому отвѣчать на нихъ, что самъ растерялся, видя во всѣхъ отношеніяхъ противные твоимъ идеямъ и дѣйствіямъ результаты, видя, что дѣйствительность не лошадь, которою можно управлять по волѣ, но кучеръ, который правитъ нами и преисправно похлестываетъ своимъ бичемъ. Это должно быть такъ и не можетъ быть иначе, и если еще не было, то будетъ—и очень скоро, что ты съ ужасомъ остановишься передъ развязкою, которую присочинитъ оскорбленная тобою дѣйствительность къ сочиненной тобою завязкѣ. Отвѣчать же на вопросы о нихъ и ней по отношенію ко мнѣ ты не могъ потому, что нечего было отвѣчать, и ты, чтобъ не остаться въ неизвѣстности на счетъ дѣйствительности, сочинилъ, или вывелъ изъ разума, свою, увѣряя меня, что «я имъ родной по духу, и духъ мой сталъ ближе къ ихъ духу, и онѣ замѣтили и почувствовали это приближеніе». Можетъ быть, это и такъ, только я ничего этого не замѣтилъ и не почувствовалъ. Слитіе духомъ, какого бы рода оно ни было, всегда найдетъ себѣ форму, въ которой и выразится. Для этого довольно слова, взгляда, движенія; но я ничего этого не видѣлъ, а что̀ видѣлъ, то и теперь заставляетъ меня глубоко и тяжко страдать. Люди въ моемъ положеніи часто говорятъ: «я не хочу состраданія — оно оскорбило бы меня». Это вопль души, стонъ отъ тяжкой

раны, и въ этомъ имъ никто не долженъ вѣрить, тѣмъ болѣе, что въ этомъ они и сами себѣ не вѣрятъ. Нѣтъ! есть безконечно-мучительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечно-отрадное блаженство узнать, что насъ не любятъ, но тѣмъ не менѣе цѣнятъ, намъ сострадаютъ, признаютъ насъ достойными любви и, можетъ быть, въ иныя минуты, живо созерцая глубину и святость нашего чувства, горько страдаютъ отъ мысли, что не въ ихъ волѣ его раздѣлить. Да—есть, есть упоеніе, вмѣстѣ горькое и сладкое, грустное и радостное, есть безграничный Wollust узнать, что, не имѣя значенія любимаго человѣка, мы тѣмъ большее противъ прежняго имѣемъ значеніе просто человѣка, что къ намъ питаютъ не холодное уваженіе, которое хуже, обиднѣе презрѣнія, но уваженіе, въ которомъ есть своего рода живая, трепетная любовь, вслѣдствіе живого слитія съ нашимъ духомъ, живого проникновенія въ нашу сущность, и даже чувства эгоизма, столь понятнаго въ такомъ случаѣ. Такое къ намъ отношеніе трепетно, свято боготворимаго нами предмета особенно важно для насъ и для того, чтобы, переживъ эпоху испытанія, успокоивши и уровнявши порывы мучительной страсти, мы могли бы, какъ магометанинъ къ Меккѣ, обращать на этотъ боготворимый предметъ взоры нашего духа съ грустнымъ, но сладостнымъ чувствомъ, и въ святилищѣ своего духа носить его образъ свѣтлымъ, безъ потемнѣнія, всегда достойнымъ обожанія, во всемъ лучезарномъ, поэтическомъ блескѣ его святого значенія; чтобы, при воспоминаніи объ немъ въ минуту грустнаго раздумья, у насъ въ душѣ было свѣтло, легко, блаженно, а не возставало какое-то жгучее чувство обиды, оскорбленія... Это, Мишель, понятно и безъ объясненій. И что же?—мое чувство, возбужденное во мнѣ впечатлѣніемъ ея непосредственности въ отношеніи ко мнѣ, говоритъ мнѣ, что не мой удѣлъ даже и эта печальная радость, и это грустное утѣшеніе. Какъ нарочно Боткинъ подкрѣпилъ во мнѣ это чувство фактомъ. Ты сказалъ ему, что она писала къ тебѣ изъ Москвы, что мой приходъ смутилъ ее, и что, зная о моемъ къ ней чувствѣ, ей непріятно (или тяжело, можетъ быть) было меня видѣть. Понятно! Такъ непріятно видѣть человѣку собаку, которую онъ изуродовалъ пулею, подстрѣливъ ее по ошибкѣ, вмѣсто зайца. Боткинъ утѣшалъ меня, говоря, что изъ этого факта еще ничего нельзя вывести положительнаго, что онъ могъ переврать слова, которыя и ты самъ могъ сообщить ему невѣрно. Все это такъ; но мое чув-

ство... я вѣрю ему; притомъ же, еслибъ это было не такъ, еслибъ тебѣ было писано и говорено что-нибудь такое, въ чемъ бы высказалось ко мнѣ это уваженіе, въ которомъ есть своего рода живая любовь, это святое, небесное чувство состраданія женщины, которая имѣла несчастіе внушить достойному человѣку чувство, котораго не можетъ раздѣлить; еслибы все это было,—то неужели, Мишель, ты, имѣя человѣческую душу, понимая все человѣческое, любя и уважая меня, не поспѣшилъ бы тотчасъ же, даже не дожидаясь моихъ вопросовъ, полу-вопросовъ и намековъ, сообщить мнѣ все и тѣмъ оживить минутою горькаго счастья бѣдное, разбитое и одинокое въ своихъ страданіяхъ сердце и влить въ его зіяющія раны этого жгучаго и вмѣстѣ прохлаждающаго бальзама? Ты бы это и сдѣлалъ: уважая тебя, я не могу въ этомъ сомнѣваться, но тебѣ нельзя было этого сдѣлать по недостатку фактовъ, и чтобы потѣшить себя и меня, ты вывелъ изъ разума слитіе духа, какъ прежде вывелъ возстаніе Лангера и небесную дружбу его къ тебѣ. Знаю, Мишель, что это выраженіе покажется тебѣ горько, ядовито, обидно, и что я долженъ бы сказать то же, да не такъ; но вѣдь это выраженіе сказалъ не я, а глубокія, зіяющія раны избитаго, истерзаннаго, на тысячи кусковъ разорваннаго сердца. Это вопль души, тяжко страждущей. Помню: мой приходъ жестоко смутилъ ее, такъ жестоко, что я не могъ не замѣтить этого, хотя мое смущеніе было еще больше, такъ что я едва держался на ногахъ, и мнѣ казалось, что полъ подо мною колеблется, и домъ валится на бокъ. Это смущеніе я принялъ въ хорошую сторону; но чувство всегда вѣрно, никогда не обманываетъ въ дѣлахъ сердца: во мнѣ было только смутное движеніе радости, какое-то не вытанцовывающееся ощущеніе, какъ будто мысль недоговоренная, прекрасные стихи безъ конца. На другой день я вспоминалъ объ этомъ смущеніи уже безъ всякаго движенія, какъ о встрѣчѣ съ знакомымъ—не больше, и выводилъ изъ этого, что моя любовь мелка, пошла и недостойна даже меня самого. А дѣйствительность, ты мудра и премудра — ты знаешь, что дѣлаешь. На 4 день были онѣ у Лангера, сидимъ мы всѣ въ гостинной, кто-то, вошедши изъ залы, сказалъ, что пріѣхалъ Поль, — и я очень хорошо замѣтилъ смущеніе, какъ будто бы краску въ лицѣ — она вышла въ другую комнату, откуда явилась черезъ минуту, но уже безъ смущенія. Съ этой минуты я все понялъ, и съ этой минуты началась моя пытка. Да, человѣку нельзя видѣть безъ

смущенія кошки, собаки, которую онъ не нарочно поранилъ. Вѣдь это тоже состраданіе! Смѣшно жаловаться, но я не жалуюсь: я только хочу обогатить тебя фактомъ дѣйствительности; смѣшно просить, чего не хотятъ дать, но я ничего и не прошу: я только хочу показать тебѣ, что не все то бываетъ, что̀ бы, казалось, должно быть по всѣмъ законамъ необходимости. Всякій чувствуетъ, мыслитъ и поступаетъ, какъ знаетъ и какъ хочетъ: смѣшное на сторонѣ того, кто этимъ огорчается и хочетъ для себя перевернуть дѣйствительность. Но я ничего этого не хочу. Я не плакса — я умѣю страдать и не падать, я много могу вынести, и въ страданіи мнѣ измѣнитъ скорѣе организмъ, нежели духъ. Въ самомъ теперешнемъ безотрадномъ моемъ положеніи у меня бываютъ минуты свѣтлыя, минуты разгула души, и я субъективно умѣю читать эти стихи:

Я пилъ—и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ.
Меня смѣшила ихъ измѣна,—
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Предъ зашипѣвшею струей!

Я умѣю субъективно читать еще и другіе стихи:

Когда король комедій не полюбитъ—
Такъ онъ—да просто—онъ комедіи не любитъ.

Но я худо бы отрекомендовалъ себя, еслибы умѣлъ только съ жгучимъ чувствомъ оскорбленія и ненависти читать эти два стиха, и еслибы я умѣлъ видѣть ее только съ одной стороны. Нѣтъ, благодарность ей, благодарность имъ: она и онѣ возбудили всѣ силы моего духа, открыли самому мнѣ все богатство моей природы, привели въ движеніе всѣ таïные, сокровенные родники заключенной во мнѣ безконечной силы безконечной любви и заставили ихъ бить и разливаться обильными волнами. Она и онѣ — открыли глазамъ моимъ таинство жизни, просвѣтлили, освятили храмъ духа моего; черезъ нее и черезъ нихъ я прозрѣлъ, и узналъ жизнь и возлюбилъ жизнь, узналъ истину и возлюбилъ истину. Пусть онѣ меня забудутъ, вычеркнутъ мое имя и мой образъ изъ списка своихъ воспоминаній—что нужды?—

Оно во мнѣ, хотя и не со мной!

Таинство совершено, великій актъ духа свершился — остальное не такъ важно. Моего у меня никто не отниметъ, потому что мое въ духѣ. Да, въ моемъ духѣ, въ его невѣдомыхъ, сокровенныхъ глубинахъ и она и онѣ, и я буду носить ихъ въ душѣ моей, доколѣ буду жить, доколѣ будетъ биться и трепетать и пламенѣть огнемъ жизни горячее сердце. Но, Мишель, я страдаю не за себя, хотя въ то же время и за себя: я хотѣлъ бы, чтобы тотъ образъ, который для меня имѣетъ бо̀льшее значеніе, сохранился въ душѣ моей во всей своей просвѣтленности, во всей безконечности своего глубокаго значенія, безъ потемнѣнія, безъ малѣйшаго пятнышка, и чтобы его божественное, святое достоинство ослѣпляло мои взоры, какъ сверкающая одежда серафима. Я могу о себѣ думать и меньше, чѣмъ сто̀ю, и больше, чѣмъ сто̀ю, но какъ бы то ни было, но у меня душа человѣческая, и она сто̀ила бы лучшаго отзыва, бо̀льшаго вниманія. Вѣдь онѣ всѣ для меня — какіе-то образы, подсмотрѣнные мною на небѣ, въ пророческомъ снѣ. Все, что я высказалъ тебѣ о нихъ противъ нихъ—все то я высказалъ по праву, потому что купилъ это право дорогою цѣною... А она—она имѣетъ для меня двойное значеніе, я вижу въ ней два предмета: одинъ изъ нихъ я называю она, а другой включаю въ словѣ онѣ—не умѣю лучше выразить моей мысли. Да, пусть она уважаетъ меня—что мнѣ за дѣло до этого—

Оно во мнѣ, хотя и не со мной!

Этотъ образъ, для изображенія котораго нѣтъ словъ, нѣтъ красокъ, нѣтъ образовъ, это созданіе, очаровательное и небесное въ самыхъ уклоненіяхъ своихъ отъ дѣйствительности, это лицо, этотъ голосъ, эти волны темныхъ локоновъ—и все, и все—все это никогда не оставитъ меня, потому что я могу еще представить себя счастливымъ или несчастливымъ новымъ чувствомъ, но встрѣтить въ жизни что-нибудь, не высшее, не равное, но подобное—нѣтъ, это невозможно! Это было откровеніе тайнъ бытія, озарившее меня въ живомъ поэтическомъ образѣ. И это относится не къ одной ней, но и къ нимъ. Да, нельзя, невозможно больше, выше цѣнить ихъ. Но цѣнить значитъ понимать, а понимать значитъ видѣть не призракъ, отвлеченный отъ живого образа, а самый живой образъ. Тебя, вѣрно, изумило мое прошлое письмо и не менѣе изумитъ это: мой языкъ покажется тебѣ новъ, неожиданъ, смѣлъ. Ты слышалъ отъ меня однѣ во-

сторженныя похвалы, видѣлъ одно восторженное удивленіе—сочувствовалъ моему восторгу и раздѣлялъ его, не видя лжи въ самой его истинности. Да, теперь-то я вижу и сознаю, что нераздѣленная любовь есть чувство истинное и въ то же время ложное. Любить значитъ понимать конкретно, дѣйствительно, видѣть всѣ стороны любимаго предмета, не отдѣляя ихъ и не дѣлая изъ каждой изъ нихъ отдѣльнаго образа, но во всѣхъ нихъ видя одинъ образъ. Я боготворилъ въ нихъ ихъ субстанціи, глубокія, геніальныя, ихъ могучія природы, которыя и теперь буду боготворить до тѣхъ поръ, пока сохраню мое человѣческое достоинство, мою способность понимать и чувствовать прекрасное жизни. Но я забылъ, что, кромѣ субстанціи, еще нужно опредѣленіе, что это опредѣленіе, особенно у женщинъ, формируется жизнію, и что чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ безконечнѣе въ немъ возможность совершенствованія и искаженія. Я принималъ на вѣру всякое ихъ слово, всякій поступокъ. Я не смѣлъ судить—я смѣлъ только удивляться. Моя идеальность и призрачность видѣла великое въ ихъ идеальности и призрачности, и поэтому меня часто смущало и мнѣ не нравилось то, что дѣйствительно было въ нихъ просто, нормально и велико. Варвара Александровна была особенно камнемъ преткновенія для моей пошлой мудрости. Я холодно удивлялся ей, когда думалъ о ней, и глубоко любилъ ее, когда смотрѣлъ на нее, не думая, въ нѣмомъ созерцаніи. Да, и у меня бывали минуты простоты, но я упрекалъ себя за нихъ, какъ за паденіе, начиналъ мыслить и—дѣлался осломъ. Болѣе всего смущало меня ея замужество. Теперь я понимаю ясно, что такая ошибка можетъ быть удѣломъ двухъ крайностей—или пошлой женщины или великой женщины. Да, Варвара Александровна — великая женщина, и въ этомъ я уже никогда не перемѣню моего образа мыслей. Ея ошибка теперь не смущаетъ меня и не только не унижаетъ ее въ моихъ глазахъ, но безконечно возвышаетъ. Не умѣю отдать отчета въ моей мысли, но для меня она ясна. Ея письмо ко мнѣ изумило меня: что-то пахнуло на меня великимъ, но непонятнымъ мнѣ, а я имѣлъ похвальное обыкновеніе не уважать, чего не понимаю—поэтому я многаго святого и великаго въ жизни не умѣлъ оцѣнить. Я взиралъ на Варвару Александровну съ высоты моего паяснического, шутовского величія и осмѣлился осуждать ее за слабость въ дѣлѣ развода съ мужемъ. Ей попалась моя записка. Вотъ начало ея письма ко мнѣ: «Она (записка) дала

мнѣ то спокойствіе, котораго давно уже искала тщетно — вы отдали мнѣ справедливость — я благодарю васъ за это — вы не знаете и не можете знать, какое добро вы сдѣлали мнѣ этимъ— давно уваженіе людей тяготитъ мнѣ душу. Да, Бѣлинскій, я слабое, падшее твореніе»... Надо списать все письмо отъ слова до слова, чтобъ дать понятіе о безконечномъ величіи, безконечной глубинѣ этой громадной души, отрицающей въ себѣ всякую истинную сущность. Но письмо только удивило меня; чудилось мнѣ въ немъ что-то таинственное, но я не былъ въ состояніи понять: дѣло было слишкомъ просто, и потому показалось мнѣ мудрено. Чтобъ понять его, надо было пройти чрезъ длинный рядъ мученій, пережить цѣлую бурную эпоху страданія и столкнуться съ дѣйствительностію. Теперь мнѣ понятно это сомнѣніе въ себѣ, эта скромность: это есть мучительное стремленіе къ дѣйствительности души, еще чувствующей себя внѣ дѣйствительности. Ей не дали силы твои мысли, она была ими запугана, но не приняла ихъ въ себя — отъ этого ее спасла ея крѣпкая, самобытная натура и невольное пребываніе въ дѣйствительности, а не въ мечтахъ и фантазіяхъ о дѣйствительности. Она мать, и созерцала многое такое, о чемъ еще и не мечтала наша пошлая мудрость. Она чувствовала, что есть узы, которыя развязать совсѣмъ не то, что сбросить башмакъ съ ноги. Я понимаю, почему она чувствовала такое состраданіе къ Дьякову и почитала себя виноватою передъ нимъ. Я теперь многое понялъ. Огородникъ Крылова точно умнѣе философа. Прочти эту басню—въ ней глубокій смыслъ. Я хочу сказать,— кто чего не испыталъ, тотъ можетъ объ этомъ прекрасно разсуждать, но понять—это другое дѣло. Передо мною теперь носится образъ Варвары Александровны, я вижу это робкое выраженіе лица, слышу этотъ робкій голосъ—когда она выговаривала о чемъ-нибудь свое мнѣніе или спрашивала чужого мнѣнія— даже моего. Это было дитя, скромное дитя, которое всѣхъ почитаетъ умнѣе себя — даже меня, Бѣлинскаго 36 года. Я всегда буду знать мое мѣсто при ней, но тогда я при ней былъ просто пошлякъ въ буквальномъ значеніи этого слова, И. А. Хлестаковъ, который самому Загоскину готовъ сказать, что «Юрій Милославскій» его сочиненіе. Но я понимаю это дѣтство, эту дѣтскую робость. Тогда она была принадлежностію всѣхъ ихъ, но въ ней выражалась рѣзче, потому что она всѣхъ ихъ выше. Змѣиная мудрость и голубиная простота есть удѣлъ величія. Нѣчто по-

добное есть и въ Николаѣ, сколько это можетъ быть въ мужчинѣ. 36 годъ, зачѣмъ прошелъ и никогда уже не воротишься! Нѣтъ, я вѣрю, что воротится не только 36, но и 34, который былъ еще лучше (я имѣю важныя причины такъ думать)—я вѣрю этому. Если я не увижу его, то услышу о немъ, можетъ быть, и его гармоническое, благоухающее, простое вѣянье прольетъ блаженство въ мою душу! Ложь непрочна, и истина должна восторжествовать. Спасеніе только въ сферѣ истины,

Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой.

Ихъ души сильны и могучи. Но если это, съ одной стороны, есть ручательство за выходъ въ дѣйствительность, то, съ другой, это же можетъ грозить и ужасною коллизіею: сильныя души, по недостатку упругости, иногда ломаются и находятъ свой выходъ тамъ. Сильная душа имѣетъ свойство желѣза—закаляться и дѣлаться булатомъ: хорошо, если форма истинна, но получивши ложную, онъ ломается, а не измѣняется. Свинецъ можно въ день перелить во 100 различныхъ формъ. Да, чѣмъ глубже душа, тѣмъ безконечнѣе въ ней возможность и совершенствованія и искаженія.

Петръ мнѣ говорилъ, что ощущеніе запаха ладана и присутствія умершей сестры въ груди, какъ всякое ясновидѣніе, есть признакъ дурной: дѣло можетъ кончиться ужасною и скорою катастрофою. Возьми свои мѣры, Мишель. Ты ихъ ввелъ въ царство мысли и далъ имъ новую жизнь, но я имѣю сильныя причины думать, что имъ сильно, сильно хочется туда. Когда еще онѣ не знали достоинства мысли, ихъ спасало отъ этого желанія простое чувство покорности Провидѣнію. Послѣднее мнѣ лучше нравится. Такой ужъ у меня образъ мыслей теперь. Татьяна Александровна писала въ Москвѣ къ Лангеру письмо, въ которомъ съ грустію жаловалась, что ей не дано понимать музыку, потому что она (по ея мнѣнію) не такъ поняла одно мѣсто изъ квартета. Это сомнѣніе въ себѣ, выраженное со всѣмъ простодушіемъ и всею силою глубокой души, живо и глубоко тронуло меня и Боткина. Однажды, въ Прямухинѣ, онъ сказалъ ей, что она напрасно не довѣряетъ своему чувству, что мѣста въ квартетѣ нельзя было понять вѣрнѣе и глубже, какъ поняла она (Боткинъ забылъ, что онъ еще не такъ далекъ въ мысли, чтобы вѣрить своему чувству въ дѣлѣ музыки и оправды-

вать чужое чувство). Татьяна Александровна отвѣчала ему: «что я знаю?—надо все знать не чувствомъ, а мыслію». Они оба замолчали. Я бы сдѣлалъ то же. По крайней мѣрѣ, я радъ, что не слышалъ этого самъ, и жалѣю, что Боткинъ разсказалъ мнѣ это. Не сердись на меня, Мишель: это мое субъективное мнѣніе—плюнь на него. Можетъ быть (чего не можетъ быть?—я всего ожидаю), можетъ быть, ты скажешь мнѣ, что я могъ бы поберечь свои мнѣнія про себя. Не могу—видитъ Богъ—не могу! Для меня любить значитъ имѣть право высказывать всякую мою задушевную мысль. Всѣ отношенія должны основываться на истинѣ. Кто мнѣ не скажетъ правды, тотъ мнѣ не другъ, а кто обидится ею отъ меня, называя меня другомъ, тому я буду въ состояніи простить это, не сердясь на него, а рѣшась впередъ не подавать ему никакихъ поводовъ оскорбляться мною. Великій Боже! дѣвушка, такая глубокая, въ такой степени доступная изящному, отказывается добровольно отъ того, что̀ составляетъ ея сущность—отъ своего чувства, и для чего же? Для какой-то мысли, которая никогда не будетъ ея удѣломъ, если она не захочетъ промѣнять своего значенія прекраснаго, поэтическаго, небеснаго созданія на значеніе femme savante! Стало быть, онѣ увѣрены, что для нихъ теперь не существуетъ наслажденія искусствомъ, потому что онѣ еще далеко не проникли его мыслію, для чего нужно огромное изученіе, множество ученыхъ сочиненій! Для женщины искусство не существуетъ во всей полнотѣ и сущности своего значенія: въ этомъ согласны всѣ великіе люди, и я и Гегель. Этихъ двухъ авторитетовъ и для тебя должно быть достаточно. Но женщина можетъ многое въ искусствѣ глубоко понимать непосредственно, своимъ чувствомъ, особенно такія произведенія, которыхъ субъективное пониманіе есть въ то же время и объективное. Музыка для женщины доступнѣе всѣхъ искусствъ, потому что менѣе прочихъ уловимо мыслію, и я понимаю, отчего онѣ музыку̀ любятъ больше поэзіи. Онѣ, Мишель, многія произведенія, особенно музыкальныя, могутъ чувствовать такъ, что ихъ ощущеніе можетъ перевести на понятіе развѣ какой-нибудь Рётшеръ. И онѣ отрекаются отъ своего пониманія, отъ своей глубокой, безконечной способности наслаждаться тѣмъ, что̀ должно составлять высочайшее ихъ наслажденіе!.. Да это значитъ отрекаться отъ самого себя, отъ своей сущности, отъ своей дѣйствительности!.. Непонятно! Или это блужданіе въ пустыхъ пространствахъ, населенныхъ образами

безъ лицъ, или я поглупѣлъ, опошлился. Не знаю—голова кружится. Если онѣ правы, то, видно, истина не для меня, и я не для истины, и мнѣ надо съ нею раскланяться. Мудрено, не просто... Я помню, какъ онѣ шутили надъ словами субъективный и объективный, почитая ихъ невыговариваемыми для себя и странными даже въ нашемъ мужскомъ разговорѣ; я помню, какъ онѣ шутили надъ Натальей Андреевной, которая въ своихъ письмахъ часто употребляла слово абсолютъ: въ этихъ шуткахъ, въ этомъ отчужденіи отъ подобныхъ терминовъ высказывалась глубокая, нормальная природа, вѣрное женственное чувство, а между тѣмъ, онѣ вздыхаютъ о знаніи, о мысли! Въ ложномъ положеніи человѣкъ всегда противорѣчитъ себѣ.

Въ прошедшемъ письмѣ я намекалъ тебѣ объ одномъ фактѣ, доказывающемъ ихъ рѣзкую перемѣну: я не хотѣлъ говорить о немъ, потому что больно мнѣ вспоминать его; но теперь разскажу и его, чтобы уже не осталось ничего разсказывать и повторять одного и того же, если мы еще будемъ продолжать переписываться объ этомъ предметѣ, и чтобы я не могъ упрекнуть себя въ недосказанности, если это письмо будетъ послѣднимъ объ этомъ предметѣ. Ты былъ въ Торжкѣ, мы гуляли. Пропускаю хожденія по доскамъ и бревнамъ, хожденія, оправдываемыя авторитетами Бетины и Гёте, слѣдовательно, не оригинальныя и потому, какъ думаю я, неумѣстныя. Зашелъ разговоръ о порывѣ, который увлекаетъ летать по звѣздамъ. Какъ-то, не помню, замѣчено было, что смерть удовлетворитъ вполнѣ этому порыву. Я замѣтилъ Александрѣ Александровнѣ, что нельзя опредѣлить, какъ мы будемъ безсмертны, хотя и можно вѣрить, что будемъ безсмертны, и что будемъ безсмертны въ тѣлѣ, при условіи пространства и времени, и что, слѣдовательно, летаніе по звѣздамъ есть—мечта, но не мысль. Вдругъ отвѣчаютъ на мое замѣчаніе, но отвѣчаютъ не мнѣ и никому, а всякому и каждому, кто бы ни почелъ это отвѣтомъ себѣ. Отвѣтъ, или возраженіе, состояло въ томъ, что ничего нельзя и не должно опредѣлять, потому что когда что-нибудь опредѣлить, то станетъ самому гадко и пошло, какъ говоритъ Мишель. Этотъ отвѣтъ мнѣ, адресованный безлично, былъ совсѣмъ не возраженіемъ, потому что я именно это-то и замѣтилъ—но что нужды, отвѣтъ, или возраженіе, было тѣмъ не менѣе сказано такимъ тономъ, въ которомъ высказывались и совершенное уничтоженіе моей мысли, безъ всякаго уваженія къ

ней, и совершенное убѣжденіе въ справедливости своей мысли, и, наконецъ, какая-то жалость, какое-то состраданіе къ моей слѣпотѣ, и что-то въ родѣ наставленія мнѣ, и что-то такое, какъ будто нелѣпость моего мнѣнія оскорбительна для слуха другихъ. Но я никогда не съумѣю выразить всего, что̀ было лестнаго для меня, моей личности и моего самолюбія въ этомъ тонѣ, а въ немъ было много, много... И говоря все это, были такъ прекрасны, такъ очаровательны, что тяжелое и непріятное впечатлѣніе, смутившее и поразившее меня всею своею силою, было тѣмъ тяжелѣе и непріятнѣе. Я обвинялъ себя въ мелкомъ самолюбіи и даже согласился, что моя мысль была нелѣпа, хотя моя мысль именно была та же самая, которою мнѣ и возразили такъ сильно. Я еще тогда только чувствовалъ перемѣну, но не сознавалъ ее: сознаніе озарило меня въ Москвѣ, и уже давно, но смерть Любови Александровны на время закрыла отъ меня совершенно эту сторону моей жизни, которая теперь тѣмъ въ бо̀льшемъ свѣтѣ снова предстала мнѣ. Да, теперь ясно вижу несомнѣнную пользу въ развитіи въ мысли: оно даетъ, особенно женщинѣ, самобытность и увѣренность въ себѣ. Прогрессъ очень очевиденъ: простыя дѣвушки, которыхъ вся жизнь была любовь и вѣра, но любовь и вѣра простыя, вытекавшія изъ ихъ простыхъ, святыхъ и глубокихъ непосредственностей, уже не только чувствуютъ, но и знаютъ. Конечно, краеугольный камень этого знанія есть два магическія слова: «Мишель говоритъ», но женщины иначе и не могутъ знать. Для нихъ слова любимаго мужчины не потому истинны, что въ самомъ дѣлѣ истинны, но потому, что они его; для нихъ поступокъ любимаго человѣка не потому прекрасенъ, что въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ, но потому, что онъ его поступокъ. Прежде я презиралъ такую любовь и съ состраданіемъ говорилъ, что Любовь Александровна не можетъ любить другою любовію, и что ея любовь никогда бы не удовлетворила меня; а теперь я чувствую и знаю, что только такая любовь женщины могла бы меня удовлетворить, и что всякая другая любовь, основанная на сознательномъ пониманіи любимаго субъекта, есть порожденіе логическихъ хитросплетеній и самолюбивыхъ, эгоистическихъ потребностей. Женщина не мужчина, и, чтобы понимать и любить ее, надо понимать и любить ее, какъ женщину, просто, а не какъ идеалъ или героиню. Кто видѣлъ въ любимой женщинѣ идеалъ, того любовь могла заключать въ себѣ много глубоко истинныхъ элементовъ, но въ

своей цѣлости была что-то уродливое, неестественное. Впрочемъ, въ моей природѣ много нормальности, и мое состраданіе къ Любови Александровнѣ было въ мысли, а чувство мое, на зло мысли и къ величайшему моему огорченію, восхищалось ея любовію, простою, тихою, но глубокою и сильною, какъ это лучше всего доказала трагическая катастрофа... Да, мысль много глупостей заставляла меня говорить, и теперь, вспоминая прошедшее, я часто восклицаю:

О, философія! ты срѣзала меня!

И иначе не могло быть, потому что всѣ ощущенія были искажены воспитаніемъ. Еще не чувствуя потребности любви, я, будучи мальчикомъ, уже составилъ себѣ идеалъ любви и любилъ сообразно инструкціи, данной этимъ идеаломъ. Прочтя біографію Александра Македонскаго, я готовъ былъ три дня ходить, скривя шею, чтобы походить на македонскаго героя. Прочтя «Разбойниковъ», я готовъ былъ заткнуть за жилетъ деревянный кинжалъ. Все это естественно, но ничего бы этого не было, если бы мое отрочество и часть юности были проведены въ ученіи, за грамматиками и словарями, а не за романами, если бы я все прочелъ въ свое время. Натура, предоставленная самой себѣ, должна исказиться. Воспитаніе—великое дѣло. Теперь, разбирая мои чувства, самыя святыя, самыя истинныя, и которыя есть признакъ и доказательство, что у меня есть истинная и глубокая сущность, что природа была мнѣ не злою мачихою, но доброю, нѣжною матерью,—я нахожу въ нихъ еще такъ много ложнаго, натянутаго, пошлаго, оставшагося отъ чтенія даже первыхъ романовъ, прочтенныхъ мною, и отъ ощущеній, сформировавшихся еще въ дѣтствѣ и безсознательно, по преданію, живущихъ во мнѣ. Идеальность есть моя хроническая болѣзнь, которая глубже засѣла въ мой организмъ, чѣмъ геморрой. Простота во мнѣ была, когда я забывался, переставалъ мыслить, или даже когда и мыслилъ, но самъ собою, безъ вліянія авторитетовъ, или подъ вліяніемъ бунта противъ авторитетовъ. Теперь вдругъ настало время раздѣлки за старые грѣхи. Я какъ будто спалъ и проснулся отъ удара грома. Значитъ—зерно принесло свой плодъ, и плодъ созрѣлъ—настало время жатвы. Все вышло и выработалось изъ жизни. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствую свою недѣйствительность и болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствую свою къ ней близость. Надо хорошенько раз-

счесться съ прошедшимъ и совершенно разрушить его для будущаго и совершенно освободить будущее отъ прошедшаго. Надо начать новую жизнь,—жизнь простоты, жизнь не необыкновеннаго существа, рожденнаго на диво міру, а простого добраго малаго, который живетъ, какъ живется, и думаетъ, и мыслитъ, и сознаетъ, какъ умѣетъ, жизнь, но въ то же время знаетъ, гдѣ надо послѣдовать простому [1]) . . . . . .

. . . . . .

блескъ потока, изъ-за черныхъ кустовъ, при фантастическомъ блескѣ луны, когда ночью ѣдешь дорогою, и душа лелѣется и сладко дремлетъ на колыбели мечтаній, колокольчикъ прерывисто и заунывно побрякиваетъ, а усталыя лошади медленно всходятъ на гору... Да, все, всѣ явленія жизни, гдѣ только слышится душѣ незримое присутствіе Бога живаго. Онѣ—святыя,—имъ нѣтъ другого имени. Ихъ природы ангельскія. Я это знаю, чувствую, глубоко чувствую, хотя, въ то же время, и вижу, что онѣ уклонились отъ своей первобытной простоты, которая дѣлала ихъ такъ высокими, такъ великими, отъ своей святой непосредственности, которая поражала всѣхъ — и умныхъ и глупыхъ, и добрыхъ и злыхъ. Желаю и надѣюсь, что этотъ докторскій плащъ мысли, который такъ не пристaлъ къ нимъ, скоро спадетъ съ нихъ, и онѣ снова возвратятся къ своей первобытной, святой и милой простотѣ. Ихъ счастіе—мое счастіе, и я горячо желаю, чтобы судьба усыпала путь ихъ цвѣтами и дала имъ то счастіе, котораго онѣ вполнѣ достойны.

Вотъ тебѣ, Мишель, моя исповѣдь. Можетъ быть, ты замѣтишь въ ней враждебность къ себѣ. Эта враждебность точно есть, но она уже не прежняя, не та, что была во время нашей полемической переписки: она не къ лицу, а ко лжи; она не вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, а вслѣдствіе любви къ истинѣ. Ложь есть во всякомъ, но правда для того и говорится, чтобы убивать ложь и водворять истину. Я не боюсь, не раскаиваюсь, не упрекаю себя, что высказалъ то, что думаю о нихъ: отнынѣ я не стыжусь моихъ ощущеній, не боюсь нанести оскорбленіе своему самолюбію ошибкою. Думай, что хочешь, и пусть думаютъ онѣ, что хотятъ, о моемъ теперешнемъ заблужденіи, если оно точно заблужденіе, или покажется тебѣ и имъ заблужденіемъ. Не должно

---

[1]) Кончается, по помѣтѣ, 7-й листъ письма; 8-го недостаетъ; затѣмъ слѣдуетъ 9-й листокъ.—*Прим. А. П.*

допускать ложныхъ отношеній, а для того надо быть искренними и не бояться оскорблять чужое самолюбіе. Лучше никакія, чѣмъ ложныя отношенія. Я почелъ бы себя подлецомъ, еслибы не высказалъ всего, что̀ просилось изъ души съ такимъ напряженіемъ. Пока я писалъ къ тебѣ это письмо, а я писалъ его нѣсколько дней, я ничего не могъ другого дѣлать и ни о чемъ другомъ думать.

Почему ты не хотѣлъ побольше написать ко мнѣ о Варварѣ Александровнѣ, что̀ она, какъ она, спокойна ли, счастлива ли, и все, все, что можетъ дать понятіе о ея положеніи?

Вѣрно ты не получилъ повѣсти Кудрявцева, что ничего не сказалъ о ней? Для меня прочтеніе ея было шагомъ впередъ. Такая глубина въ такой простотѣ?

Катерина Гавриловна просила меня передать тебѣ свой поклонъ и свое участіе о твоей потерѣ. Я познакомился съ Петромъ Яковлевичемъ. Прощай. Рука устала, и духъ утомился—не могу ни писать, ни думать—надо разсѣяться, а послѣ приняться за свою работу, которую запустилъ вслѣдствіе этихъ двухъ огромныхъ писемъ. Прощай.

Твой В. Б.

Къ В. П. Боткину. Осень 1838.

. . . . . [1])

высказать этого вслухъ. Прежде я бывалъ минутами самонадѣяннѣе, но скрывалъ это тщательно, равно какъ и минуты самаго жестокаго разочарованія въ себѣ. Результатъ всего этого—мои слова должны имѣть для тебя вѣсъ. Моя дружба (т. е. мое непосредственное чувство къ тебѣ) выдержала важную пробу: вспомни нашу бранную переписку съ Мишелемъ. Мнѣ даже смѣшно, что я такъ утѣшаю тебя. Но я понимаю твое состояніе и понимаю цѣну такого утѣшенія, какъ мое. Я помню, что подобныя утѣшенія со стороны моихъ друзей (и сколько разъ отъ тебя!) выводили меня изъ отчаянія. Недаромъ наша дружба такъ крѣпка, не даромъ мы такъ любимъ другъ друга и такъ нуж-

[1]) Окончаніе письма; одинъ листокъ.—*Прим. А. П.*

даемся одинъ въ другомъ. Ободрись, ты боленъ, и скоро выздоровѣешь. Ты становишься на колѣни передъ моими глубокими интересами: я тебѣ скажу ихъ—жажда блаженства въ любви—вотъ всѣ мои глубокіе интересы. Знаю, что есть и другіе, столь же сильные, но въ нихъ для меня видна какая-то ясность, противоположная таинству жизни. А ты, развѣ твое броженіе не есть требованіе жизни? Развѣ ты не страдаешь? Радуйся — ты страдаешь, а блаженни плачущіе—тіи бо утѣшатся. Нѣтъ, мой глупый Васинька, въ тебѣ я вижу много, много интересовъ, больше, чѣмъ въ себѣ, и глубже. Не думай, что это можетъ быть опровергнуто моею же мыслію, что я къ себѣ неправъ, потому что не могу себя знать. Если я неправъ, то кто же поручится за твою правоту, а взаимная наша неправота въ этомъ случаѣ—добрый знакъ! Въ тебѣ тоже есть черти, по крайней мѣрѣ, я знаю одного чертенка, который стоитъ добраго чорта и который мнѣ очень не по сердцу. Вотъ онъ-то все и кутитъ. Да плюнь на него. Я съ своимъ бился, бился, а онъ отъ рукъ отбился, и я далъ ему волю. Впрочемъ, отъ него есть славный ладанъ—работа. Въ минуты отдыха можно давать ему волю кутить, только надо держать его въ рукахъ. Пусть бѣсится, но съ позволенія. Вотъ твое положеніе относительно конторки и [illegible] не знаю, что и сказать, хоть за Иваномъ Александровичемъ послать, такъ въ ту же пору. Это ужъ рѣши собственнымъ умомъ, а я только могу сказать, что понимаю всю гадость твоего положенія. Это хуже, чѣмъ мое учительство, которое ограничивается 9-ю часами въ недѣлю. Безъ субъективнаго интереса всякое дѣло—наказаніе Божіе.

Музыка, музыка, чортъ съ тобою! Хотѣлъ бы любить тебя, но долженъ ненавидѣть, потому что ты меня не любишь. Меня не любитъ все, что я люблю. Пока, впрочемъ, я могъ бы помириться съ жизнію, еслибъ одно—хоть что-нибудь похожее на чувство. Это сведетъ меня съ ума. Я теперь понялъ источникъ всѣхъ моихъ страданій, всѣхъ золъ моей жизни, отчего я такъ часто и такъ низко падалъ, падаю и буду падать. Это отъ ложнаго удовлетворенія истинной потребности. Пока не будетъ для меня хоть сколько-нибудь истиннаго, хоть временнаго удовлетворенія этой жажды—заперто для меня царство Духа. Мишель тотъ [illegible] закричитъ, что не должно ограничивать своей жизни ничѣмъ [illegible] ѣшнимъ—да кричи, сколько угодно, хоть раздери горло, а я знаю, что знаю. Законы общаго одни, но общее является

подъ условіемъ индивидуальности. Надо влѣзть въ мою шкуру, чтобъ узнать, чего мнѣ нужно. Только поэтамъ предоставлена завидная участь вполнѣ высказывать себя, а нашему брату и то хорошо, коли удастся намекнуть.

Увѣдомь меня, скоро ли ты пріѣдешь—буду считать часы и минуты. Сколько новостей! Ухъ! Стихи Кольцова дрянь. Кстати новость: нелѣпый бранитъ французовъ хуже меня, на чемъ свѣтъ стоитъ: конечный народъ, у котораго не было искусства, который не понимаетъ искусства. Каково? Иванъ Петровичъ со дня на день становится лучше. Катковъ—славный малый, но я всѣхъ лучше. Къ Кронебергу отослалъ письмо. Прощай.

Твой В. Б.

Въ Москвѣ другой ужъ день, какъ хорошая погода — право, не лгу. Скоро 12 часовъ. Небо мрачно, но звѣзды блещутъ ярко. Съ часъ назадъ прочелъ твое письмо, а вотъ ужъ готовъ и отвѣтъ. Завтра пошлется.

Пора спать и мечтать: чертенокъ начинаетъ возиться, озеро волнуется.

Къ Н. В. Станкевичу. Начало октября, 1838.

Москва. 1838, октября дня.

Другъ Николай, много и во многомъ и тяжко виноватъ я передъ тобою. Я къ тебѣ не писалъ, но въ этомъ не виню себя: я былъ въ себѣ, въ своихъ личныхъ интересахъ, своихъ радостяхъ, своихъ страданіяхъ, я пережилъ великую эпоху моей жизни, получилъ отъ судьбы самый важный урокъ; не могъ писать къ тебѣ,—мѣшали и обстоятельства, и судьба. Потомъ, я тебя осуждалъ, училъ, поучалъ: намѣреніе было похвально, исполненіе пошло. Это обыкновенное слѣдствіе добровольнаго отреченія отъ своей сущности, своей самостоятельности, по причинѣ разныхъ философскихъ вліяній. Кто пляшетъ подъ чужую дудку, тотъ всегда дуракъ. Прости, братъ—это послѣдняя глупость.

Наконецъ я собрался писать къ тебѣ — и въ первый разъ письмо къ тебѣ—для меня тяжелый долгъ. Я бы и не сталъ совсѣмъ писать, но вижу, что кромѣ меня этого сдѣлать некому. Приготовься услышать печальную вѣсть: ея ужъ больше нѣтъ: она умерла, какъ умираютъ святые—спокойно и тихо. Ката-

строфы не было: тайна осталась для нея тайною. Болѣзнь убила ее. За мѣсяцъ до смерти Петръ Ключниковъ лечилъ ее. Онъ говоритъ, что для спасенія ея опоздали пригласить его цѣлымъ годомъ. По крайней мѣрѣ, онъ облегчилъ ея страданія, и она такъ полюбила его, что ей становилось легче отъ его присутствія. Еслибы не Станкевичъ (говорила она ему за день до смерти), я вышла бы за васъ замужъ. Умерла она 6 августа. 15 іюля пріѣхалъ я въ Москву изъ Прямухина, гдѣ пробылъ 10 дней съ Боткинымъ. Въ это время три раза видѣлъ я ее: лицо желтое, опухшее отъ водяной, но все прекрасное и гармоническое. Съ ангельскимъ терпѣніемъ переносила она свои страданія. Тяжело быть вѣстникомъ такихъ новостей... но Богъ милостивъ — и сохранитъ тебя. Ахъ, Николай, зачѣмъ не могу я теперь быть подлѣ тебя и вмѣстѣ съ тобою плакать... Я плакалъ, много плакалъ по ней, но одинъ.—Будь твердъ.

Съ Мишелемъ я совершенно разошелся. Уважаю его, — но любить не могу. Много пользы сдѣлало мнѣ его знакомство, но дружба наша была призракъ, потому что не выработалась изъ жизни, а вышла изъ отвлеченныхъ понятій объ общемъ. Сказалъ бы тебѣ побольше и объ этомъ, и о себѣ, и о «Наблюдателѣ», и о всѣхъ нашихъ общихъ друзьяхъ, знакомыхъ и обо всемъ—но тебѣ теперь не до того. Боюсь оскорбить твою печаль. Если теперь тебѣ нужны мои письма, скажи скорѣе,—и къ тебѣ полетятъ тетради. Другъ,—великая перемѣна произошла во мнѣ: я наконецъ понялъ, что̀ ты называешь (и такъ давно называешь) простотою и нормальностію. Ты былъ пошлъ и идеаленъ не меньше насъ, но ты всегда носилъ въ душѣ живое сознаніе своей пошлой идеальности и идеальной пошлости и живую потребность выхода въ простую, нормальную дѣйствительность. Опытъ великое дѣло: онъ много растолковалъ мнѣ. Моя исторія кончилась не такъ, какъ твоя: на меня просто наплевали, и я благодарю за это судьбу: въ противномъ случаѣ, со мною повторилась бы твоя исторія.

Другъ, не предавайся отчаянію. Есть fatum, который, не отнимая нашей воли, играетъ нами. Наша воля должна состоять въ сознаніи необходимости всего и свободной покорности всему, чего не миновать.

Прощай. Обнимаю тебя.

Твой В. Бѣлинскій.

Къ М. А. Бакунину. 12—24 октября, 1838.

Москва. 1838, октября 12 дня.

Еще одно послѣднее сказанье — и лѣтопись окончена моя!

Сегодня, Мишель, получилъ я отъ Боткина, обѣдая у него, письмо твое; теперь уже вечеръ, а я только что прочелъ его, и тотчасъ же засѣлъ за отвѣтъ. Въ твоемъ письмѣ высказано предположеніе, что я не буду отвѣчать на него; и это предположеніе вполнѣ бы оправдалось, если бы не одно обстоятельство: въ твоемъ письмѣ я увидѣлъ два письма—одно къ ненавидимому и презираемому врагу, а другое—къ другу. Вѣрь мнѣ, Мишель, хотя я и жалкій добрый малый, котораго ожидаетъ скорая и неизбѣжная погибель въ пошлой дѣйствительности, но я умѣю (не хуже всякаго, даже лучше многихъ) отличить живое отъ мертваго, гнилое отъ свѣжаго, слабое отъ могучаго, хитросплетенія отъ выраженій души,—и я въ послѣдней половинѣ твоего письма увидѣлъ жизнь, движеніе, душу, любовь. Когда ты началъ говорить о томъ, къ чему ты стремишься, твое письмо изъ длинной диссертаціи о дѣйствительности и обо мнѣ, бѣдномъ, погибшемъ добромъ маломъ, превратилось въ живую, огненную импровизацію, которая дошла до моей души (потому что, хотя я и добрый малый, bon vivant и bon camarade, но до меня не можетъ не дойти ничто задушевное, горячее, чему причиною и то, что, будучи добрымъ малымъ, я еще и чиновникъ по части ощущеній и непосредственнаго чувства). Да, послѣдняя половина письма твоего примирила меня съ тобою, успокоила благотворно, сняла съ тебя проклятіе, которое послѣ твоего письма съ копіею, которому нѣтъ приличнаго имени, приличнаго эпитета, я холодно и спокойно изрекъ на тебя. Я остаюсь при моихъ убѣжденіяхъ, выраженныхъ мною въ моихъ трехъ длинныхъ диссертаціяхъ о дѣйствительности, и твоя длинная диссертація о дѣйствительности только еще болѣе убѣдила меня въ истинности моихъ убѣжденій; но что касается собственно до тебя, какъ до лица, то твое письмо (т. е. остальная половина его) заставило меня почувствовать, что у меня были противъ тебя предубѣжденія, и что въ чистомъ элементѣ моихъ длинныхъ диссертацій есть и ложные элементы. И до этого сознанія — повторяю — меня довела не твоя диссертація, а

та жизнь и энергія, которыми проникнуто каждое слово послѣдней половины твоего письма. Дружба наша, Мишель, кончилась: еще до полученія твоего письма я созналъ уже, что между нами никогда не было полной, истинной, а слѣдовательно, и никакой дружбы, а была какая-то странная связь, потому что мы любили другъ друга объективно, а не субъективно, сколько вслѣдствіе того, что насъ связала судьба (и ты знаешь—чѣмъ), столько и вслѣдствіе того, что мы не могли не признать другъ въ другѣ истиннаго человѣческаго достоинства. И потому, Мишель, эти объясненія будутъ послѣдними; они необходимы: я хочу оправдаться передъ тобою, какъ передъ человѣкомъ, если не какъ передъ другомъ, хочу самого тебя сдѣлать судьею нашего прошедшаго. И въ то же время, по чувству ли самолюбія, или по сознанію своей правости, хочу защитить себя отъ твоихъ нападокъ, которыя приписываю тому, что ты умышленно не понялъ меня.

Начинаю съ Петра. Не признаю ни неделикатности, ни безсознательнаго и никакого неблагородства въ его поступкѣ. Сдѣлай это я, поступокъ мой былъ бы просто подлъ и гадокъ, безъ всякихъ околичностей. Еслибы даже твои родители сами предложили мнѣ посредничество и потребовали моего мнѣнія въ семейномъ дѣлѣ,—и тогда даже, вслѣдствіе моихъ новыхъ понятій о дѣйствительности, я не выразилъ бы ясно моего убѣжденія, а постарался бы отдѣлаться такъ, чтобы не оскорбить обѣихъ сторонъ. И это оттого, что я слишкомъ хорошо (для посторонняго человѣка) знаю ваши семейныя отношенія, будучи введенъ въ нихъ тобою (а не самовольно вошедши въ нихъ, какъ наглецъ) и проживши у васъ въ домѣ три мѣсяца. Не умѣю выразить тебѣ яснѣе и лучше моей мысли, но глубоко чувствую, что подобный поступокъ съ моей стороны былъ бы или подлъ или глупъ. Но что касается до Петра, то извини, Мишель: въ его поступкѣ я ничего не вижу, кромѣ благороднаго, чистаго и святого. Петръ поступилъ въ этомъ случаѣ ни больше, ни меньше, какъ Петръ. Въ моихъ длинныхъ диссертаціяхъ я на его счетъ сдѣлалъ намекъ, который можетъ навести тебя на ложное заключеніе: тогда мнѣ такъ показалось, потому что тогда я весь сидѣлъ въ моей idée fixe; теперь я вижу все прямѣе и яснѣе, потому что на все смотрю спокойнѣе; сверхъ того, одинъ посторонній фактъ рѣшительно доказалъ мнѣ мою ошибку, то, что объективный восторгъ я принялъ за

субъективный. Но тѣмъ яснѣе для меня благоговѣйная любовь, религіозное уваженіе Петра къ твоимъ сестрамъ. Когда онъ говоритъ о нихъ, — его лицо просвѣтляется. Онъ даже сознадъ, что его поѣздка въ Прямухино будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на всю его жизнь. Правъ ли онъ, или ошибается, — но только онъ съумѣлъ соединить удивленіе къ нимъ съ сожалѣніемъ о нихъ, съ сожалѣніемъ, котораго онѣ, конечно, отъ него не требовали, и которое могло ихъ оскорбить, но которое онъ тѣмъ не менѣе почелъ себя вправѣ не только имѣть, но и изъявить. Желая имъ добра (по своимъ понятіямъ), онъ почелъ за священный долгъ осуществить это желаніе (опять таки сообразно съ своими понятіями, изъ которыхъ человѣкъ не можетъ выйти). И теперь ни ты, ни твое семейство, ни цѣлый міръ не въ состояніи его убѣдить, что онъ сдѣлалъ что-нибудь не только положительно худое, но даже отрицательно нехорошее. Почему же онъ почелъ себя вправѣ такъ фамильярно, такъ родственно войти въ объясненія съ Варварою Александровною, и на это есть достаточная причина: она со слезами жаловалась ему на тебя, что ты лишилъ ее и Александра Михайловича любви дочерей (въ чемъ сами онѣ ему признались—на счетъ матери — какъ въ вещи очень обыкновенной). Что же онъ сдѣлалъ худого или неприличнаго? Сообрази еще то, что онъ весь, съ головы до ногъ, медикъ, и что для него нарушеніе гигіены есть уголовное преступленіе, смертный грѣхъ, не прощаемый ни здѣсь, ни тамъ,—и дѣло покажется тебѣ еще проще. Напрасно ты сердишься на него за нарушеніе скромности, составляющей священную обязанность врача: онъ прочелъ мнѣ изъ своего письма только то, что могъ прочесть, не нарушивъ своихъ медицинскихъ обязанностей, т. е. выпустивъ все, что непосредственно касалось до ихъ здоровья или нездоровья. Тебѣ онъ не отвѣчалъ потому, что твое письмо взбѣсило его: онъ увидѣлъ въ немъ не дружеское письмо, котораго ожидалъ, а короткую диссертацію о жизни, и все сбирался отвѣтить тебѣ, что ни въ чьихъ совѣтахъ не нуждается и хочетъ жить просто, чтобъ прожить лѣтъ со сто. Прибавлю о Петрѣ еще то, что его посредственнаго вліянія на мои длинныя диссертаціи было едва ли не больше, чѣмъ моего посредственнаго вліянія на его взглядъ на нѣкоторые предметы. О письмѣ же его къ Варварѣ Александровнѣ я даже и узналъ только тогда, когда оно было уже отослано на почту. Петръ до всего дошелъ собственнымъ

умомъ. Отрекаюсь отъ всякаго участія въ его поступкѣ, хотя—повторяю—и не увѣренъ, чтобы отсовѣтовалъ ему его, если бы могъ: я боялся играть судьбою и оставлялъ все на волю дѣйствительности, сдѣлалъ laisser-aller. Что я имѣлъ съ нимъ частые разговоры (а не совѣщанія, какъ ты очень остроумно и очень не впопадъ выражаешься) — это правда, и мнѣ никакихъ разговоровъ, ни о комъ и ни съ кѣмъ, никто запретить не можетъ. Объ этомъ я даже не хочу и распространяться. Но вотъ о чемъ не могу умолчать—будто бы онѣ перестали быть для меня святынею. Тѣмъ болѣе не могу умолчать объ этомъ, что твой упрекъ сдѣланъ мнѣ съ грустію и любовію. Нѣтъ, Мишель, и теперь ихъ имена для меня святы, и я не употребляю ихъ всуе, не разглашаю о ихъ паденіи, и даже не говорю о нихъ и съ Иваномъ Петровичемъ, которому, разумѣется, и безъ меня многое должно быть извѣстно черезъ брата. Только съ однимъ человѣкомъ (кромѣ Петра) говорю я о нихъ, да это потому, что я говорю съ нимъ обо всемъ, что составляетъ главнѣйшіе интересы моей жизни. Повторяю тебѣ, Мишель, что несмотря на то, что ты называешь моими предубѣжденіями противъ нихъ, онѣ по прежнему остаются для меня святы. Если я приписалъ имъ (истинно или ошибочно) нѣчто призрачное, недостойное ихъ, то причину этого нашелъ въ тебѣ; а все святое, прекрасное приписалъ одной ихъ дивной субстанціи и божественной непосредственности. Непосредственность для меня и въ мужчинѣ есть мѣрка его достоинства, о женщинѣ нечего и говорить: вся ея сущность состоитъ въ непосредственности. Такихъ же непосредственностей, какія составляютъ сущность твоихъ сестеръ, — я еще не встрѣчалъ и съ грустію признаюсь, что сомнѣваюсь и встрѣтить. Да, по прежнему онѣ — лучшее видѣніе моей жизни, лучшее чудо ея, первѣйшій и главнѣйшій интересъ, и я люблю, уважаю ихъ и интересуюсь ими гораздо болѣе, нежели сколько то нужно для моего счастія и спокойствія. Перечти безъ предубѣжденія мои длинныя диссертаціи, — и ты убѣдишься, что для того, чтобы любить ихъ такъ, какъ я люблю ихъ, — надо быть именно тѣмъ и такимъ, чѣмъ и какимъ описалъ ты меня во второй половинѣ твоего письма, т. е. надо имѣть неизсякаемый, живой источникъ необъятной, святой, благородной любви. Да, Мишель, больше любить я не могу и не умѣю. У меня на это много доказательствъ, которыя, разумѣется, вполнѣ ясны и убѣдительны только для меня. Смерть твоей сестры на

этотъ счетъ много пояснила меня самому себѣ. Не хочу продолжать спора по предмету моихъ обвиненій противъ нихъ, не хочу по многимъ причинамъ: я уже все сказалъ и новаго ничего не могу сказать, это ни къ чему не повело бы; это и безъ того оскорбило ихъ и тебя. Но если бы и ты вызывалъ меня на новыя объясненія — этого мало; если бы (мнѣ нужно сдѣлать такое нелѣпое предположеніе, чтобы яснѣе выразить мою мысль) если бы и сами онѣ вызывали меня на него — то получили бы одинъ вѣжливый отвѣтъ человѣка, который, кромѣ любви, истины, имѣетъ еще понятіе и о приличіи. Во мнѣ, Мишель, тоже есть и самолюбіе, и гордость. Не только съ оправданіями и объясненіями, но даже и съ любовью, дружбою и даже простымъ знакомствомъ ни къ кому навязываться не буду. У меня есть даже и сила—это я недавно узналъ: я хоть съ кровью, но могу оторвать начисто отъ сердца все, что составляло его жизнь, оторвать навсегда. Если меня не поняли, если не умѣли или не хотѣли понять моего поступка, или, наконецъ, не хотѣли дать себѣ труда отдѣлить его отъ побужденія, если самъ по себѣ онъ показался дуренъ,—то жаль, а дѣлать нечего. Тутъ остается одно—сказать, махнувши рукой:

Когда король комедій не полюбитъ,
Такъ онъ—да просто онъ комедіи не любитъ.

Такъ точно, когда человѣкъ, введя меня въ семейныя тайны, самыя святыя и неприкосновенныя, послѣ скажетъ мнѣ, что-де неблагородно ввязываться въ чужія дѣла—и тутъ одинъ выходъ: эти же два прекрасные стиха. И потому, я пишу о нихъ въ послѣдній разъ, пишу съ тѣмъ, чтобы оправдаться передъ тобою, какъ передъ человѣкомъ, который, какъ человѣкъ, есть для меня и очень, очень нѣчто. Я не раскаиваюсь въ томъ, что высказалъ въ моихъ длинныхъ диссертаціяхъ: я дѣйствовалъ съ благородною цѣлію, чуждою всякихъ личныхъ разсчетовъ, дѣйствовалъ почти въ полной увѣренности не выигрыша, а проигрыша, наконецъ, дѣйствовалъ по глубокому убѣжденію. Жалѣю, если результатомъ всего этого было только то, что я ихъ оскорбилъ. Если бы я это зналъ, то не написалъ бы ни слова. Какъ человѣкъ, я могу, вслѣдствіе досады, писать къ другому человѣку только съ цѣлію оскорбить его; но ихъ—нѣтъ! кто могъ хоть на минуту подумать это, тотъ не зналъ и не знаетъ меня, мою сущность, индивидуальность, природу, тотъ отрицаетъ во мнѣ все человѣ-

ческое. Ты, Мишель, почитаешь причиною моихъ на нихъ нападокъ ревность къ тебѣ (да, ревность,—будемъ называть вещи собственными ихъ именами), и ты обвиняешь меня въ ней съ такою любовію, такъ человѣчески просишь, чтобъ я не обидѣлся. Мишель, Мишель, эти твои слова потрясли всѣ струны моей души и потрясли ихъ сладостно, отрадно. Нѣтъ, я не сержусь на предположеніе, хотя и ложное само по себѣ, но высказанное такъ человѣчески, такъ благородно—жму отъ души твою руку и повторяю тебѣ, что въ послѣдней половинѣ твоего огромнаго письма нѣтъ слова, за которое можно-бъ было обидѣться, потому что нѣтъ слова, которое не вышло бы изъ души, не трепетало бы любовью, жизнію, благодатью. Мишель, Мишель! Напиши мнѣ письмо въ сто листовъ, наполни его клеветами, ложью, обидами, подлостями—но пусть въ немъ будетъ 10 строкъ, вышедшихъ изъ души—и я пойму, оцѣню эти 10 строкъ. Не соглашаюсь съ тобою на счетъ подозрѣнія въ ревности—къ брату, но скажу, что твои отношенія къ нимъ и ихъ любовь къ тебѣ—нѣтъ, словами не выразить того, что̀ они производили во мнѣ: они были проклятіемъ моей жизни цѣлые два года. Но несмотря на это—не соглашаюсь на счетъ ревности—ея не было и не могло быть; тутъ были другія причины, которыя я тебѣ уже высказалъ. Но—кто знаетъ? можетъ быть, въ твоемъ предположеніи и есть часть истины. Знаешь ли что: полная и совершенная истина не есть удѣлъ человѣка (исключеніе остается за однимъ, но то не человѣкъ, а Богочеловѣкъ); мои отношенія къ твоимъ сестрамъ такъ странно-интересны для меня самого съ психологической стороны, что я могу смотрѣть на себя, какъ на объектъ. Въ человѣкѣ ложь и истина такъ слиты, какъ составныя части киновари, по прекрасному выраженію Марбаха. Кто въ самыхъ глубокихъ, самыхъ фанатическихъ убѣжденіяхъ своихъ не предполагаетъ возможности ошибки съ своей стороны,—тотъ чуждъ истинѣ и никогда въ ней не будетъ. Итакъ, я человѣкъ, и могу ошибаться, могу быть неправымъ въ самой правотѣ своей. Въ моихъ отношеніяхъ къ твоимъ сестрамъ такъ много личнаго, близкаго къ моему *я*, что—Богъ же знаетъ! можетъ быть, что-нибудь, какъ элементъ, и замѣшалось въ истину, чтобы подпортить ее. Но, Мишель, это предположеніе только, а не сознаніе.

О твоемъ предположеніи о причинахъ странности и запутанности нашихъ дружескихъ отношеній, столь полныхъ недоразу-

мѣній и отрицаній, буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Я созналъ причину этого явленія, вполнѣ созналъ. Теперь мнѣ ясно все въ нашихъ отношеніяхъ. Ты говоришь, что въ моихъ глазахъ, по моему понятію, ты—пошлякъ, подлецъ, фразеръ, логическая натяжка, мертвый логическій скелетъ, безъ горячей крови, безъ жизни, безъ движенія. Отвѣчаю—да, Мишель, къ несчастью, съ одной стороны, это правда. Ты въ моихъ глазахъ раздвоился, и въ тебѣ одномъ я видѣлъ два различныя существа: одно прекрасное и высокое, могучее и глубокое; другое—пошлое до нельзя, до невозможности. Движенія и жизни я никогда не отрицалъ въ тебѣ. Но теперь вижу, что дурная сторона твоя была преувеличена въ моихъ глазахъ, а почему — о томъ узнаешь ниже. Мы были въ ложныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, и потому не впопадъ и хвалили и бранили одинъ другого. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ началѣ твоего письма, проникнутомъ желчнымъ и бѣшенымъ остроуміемъ, есть фраза, повидимому, очень неважная, но крѣпко зацѣпившая меня. «Живая, существующая женщина—не трагедія Шиллера, которая, окруженная магическою сферою искусства, остается вѣчно-прекрасною, не смотря на всевозможныя нападки не понимающаго ея вниканія». Мишель, пора намъ оставить эти косвенныя и безличныя указанія на лица; пора дать волю другъ другу думать, какъ думается. Вѣрю твоему уваженію къ Шиллеру: повѣрь же и ты моему неуваженію къ нему. У каждаго изъ насъ есть свои причины, и оба мы правы. Разумѣется, истинное мнѣніе, или (вѣрнѣе) истинное пониманіе этого предмета должно быть,—и, можетъ быть, кто-нибудь изъ насъ уже и въ немъ; но пока нѣтъ возможности согласиться—оставимъ быть дѣлу, какъ оно есть. Можетъ быть, я и ошибаюсь (человѣку сродно ошибаться, говоритъ Евангеліе—и то же говоритъ толпа, руководствуемая простымъ эмпирическимъ опытомъ); можетъ быть, я и ошибаюсь, но—право—слесарша Пошлепкина, какъ художественное созданіе, для меня выше Теклы, этого десятаго, послѣдняго, улучшеннаго, просмотрѣннаго и исправленнаго изданія одной и той же женщины Шиллера. А Орлеанка—что же мнѣ дѣлать съ самимъ собою! Орлеанка, за исключеніемъ нѣсколькихъ чисто-лирическихъ мѣстъ, имѣющихъ особное, свое собственное значеніе, для меня—пузырь баранній—не больше! Повторяю, можетъ быть, я и ошибаюсь и, понимая Шекспира и Пушкина, еще не возвысился до пони-

манія Шиллера; но я не меньше тебя самолюбивъ и гордъ и не меньше тебя доволенъ и удовлетворенъ моимъ непосредственнымъ чувствомъ для воспринятія впечатлѣній искусства, безъ котораго невозможно пониманіе искусства. Когда дѣло идетъ объ искусствѣ и особенно о его непосредственномъ пониманіи, или о томъ, что̀ называется эстетическимъ чувствомъ, или воспріемлемостію изящнаго,—я смѣлъ и дерзокъ, и моя смѣлость и дерзость, въ этомъ отношеніи, простираются до того, что и авторитетъ самого Гегеля имъ не предѣлъ. Да, пусть Гегель признаетъ Мольера художникомъ: я не хочу для него отречься отъ здраваго смысла и чувства, даннаго мнѣ Богомъ. Понимаю мистическое уваженіе ученика къ своему учителю, но не почитаю себя обязаннымъ, не будучи ученикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, играть роль Сеида. Глубоко уважаю Гегеля и его философію, но это мнѣ не мѣшаетъ думать (можетъ быть ошибочно: что до этого?), что еще не всѣ приговоры во имя ея неприкосновенно святы и непреложны. Гегель ни слова не сказалъ о личномъ безсмертіи, а ученикъ его Гёшель эту великую задачу, безъ удовлетворительнаго разрѣшенія которой еще далеко не кончено дѣло философіи, избралъ предметомъ особеннаго разрѣшенія. Рётшеръ философски, съ абсолютной точки зрѣнія, разобралъ «Лира», а Бауманъ кинулъ на это гигантское созданіе царя поэтовъ, Христа искусства, нѣсколько своихъ собственныхъ взглядовъ, уничтожившихъ взгляды Рётшера (именно на характеръ Корделіи). Слѣдовательно, промахи и непониманіе возможны и для людей абсолютныхъ, гражданъ спекулятивной области, и, слѣдовательно, всему вѣрить безусловно не годится. Глубоко уважаю и люблю Марбаха, этого философа-поэта въ области мысли; но его прекрасныя объясненія второй части «Фауста» мнѣ кажутся логическими натяжками, мыслями, взятыми мимо непосредственнаго чувства, безъ всякаго его участія. Опять повторяю—понимаю возможность ошибки съ моей стороны и въ этомъ случаѣ; но символы и аллегоріи для меня—не поэзія, но совершенное отрицаніе поэзіи, униженіе ея. И знаешь ли, Мишель,—правду говоритъ пословица: нѣтъ глупца, который бы не нашелъ глупѣе себя: я не одинъ такой еретикъ. Кудрявцевъ, котораго эстетическое чувство и художественный инстинктъ имѣютъ тоже свою цѣну, и котораго свѣтлая голова больше моей доступна мысли, Кудрявцевъ, недавно прочетшій Марбаха и восхитившійся имъ, обрадовался, когда услышалъ отъ меня

эту мысль, потому что и самъ думалъ то же. Пріятно имѣть товарищей въ рѣзнѣ и ошибкахъ!

Не буду писать возраженій на твою антидиссертацію противъ моихъ диссертацій о дѣйствительности, не буду потому, что ты прошелъ молчаніемъ мои главные и фактическіе доводы, и отвѣтилъ кое на что, а болѣе всего на то, чего я и не думалъ говорить, или если и говорилъ, то не такъ и не въ томъ смыслѣ. Но сдѣлаю нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ и возраженій.

Совершенно согласенъ съ тобою въ опредѣленіи значенія и достоинства дѣйствительности: оно такъ хорошо, что я теперь лучше понимаю то, что̀ чувствовалъ и предчувствовалъ на этотъ предметъ.

Напрасно ты выводишь изъ моихъ словъ заключеніе, что «дѣйствительность легко понять—стоитъ только смотрѣть на нее безъ всякихъ предубѣжденій.» Оно и такъ, да не такъ. Я разумѣлъ дѣйствительность не въ ея общемъ и абсолютномъ значеніи, а въ отношеніяхъ людей между собою. Справься съ моими письмами, и увидишь, что ты не такъ понялъ меня. Разумѣется, всякій понимаетъ дѣйствительность потолику, поколику понимаетъ ее — ни больше, ни меньше; но много есть задачъ и поступковъ, къ которымъ идетъ стихъ Крылова: «А ларчикъ просто открывался», и ничего нѣтъ смѣшнѣе, какъ Хемницеровъ метафизикъ, разсуждающій въ ямѣ о времени и веревкѣ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться тѣмъ и другимъ для своего спасенія. Много есть вещей, на которыя стоитъ только взглянуть попростѣе, чтобы понять ихъ, и особенно много такихъ вещей въ житейскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Здѣсь должны бы слѣдовать факты, но я уже писалъ тебѣ о нихъ; но такъ какъ ты объ этомъ умолчалъ, то и не почитаю себя вправѣ возобновлять неконченшійся споръ, который сверхъ того и никогда не окончится. Безъ руля и компаса не годится пускаться въ море; но по моему мнѣнію лучше пуститься въ него совсѣмъ безъ руля и компаса, нежели, по невѣдѣнію, вмѣсто руля, взять въ руки утиное перо, а вмѣсто компаса—оловянные часы. Я уважаю мысль и знаю ей цѣну, но только отвлеченная мысль въ моихъ глазахъ ниже, безполезнѣе, дряннѣе эмпирическаго опыта, а недопеченный философъ хуже добраго малаго. Надо развиваться въ мысли, учиться; но, недоучившись, не надо перестроивать на свой ладъ дѣйствительность и другихъ людей.

Здѣсь опять должны бы слѣдовать факты—да ты уже слышалъ о нихъ отъ меня...

Напрасно ты твердишь безпрестанно, что я отложилъ мысль въ сторону, отрекся отъ нея навсегда и пр. и пр. Это доказываетъ, что ты невнимательно читалъ мои письма, создалъ себѣ призракъ и колотишь себѣ по немъ, въ полной увѣренности, что бьешь меня. Это наконецъ смѣшно и скучно. Повторяю тебѣ: уважаю мысль и цѣню ее, но только мысль конкретную, а не отвлеченную, и уважаю мысль, а не мою мысль; но чувство мое вполнѣ уважаю и вотъ почему: мое созерцаніе всегда было огромнѣе, истинныя мои предощущенія и мое непосредственное ощущеніе всегда было вѣрнѣе моей мысли. Однажды навсегда: человѣкъ, который живетъ чувствомъ въ дѣйствительности, выше того, кто живетъ мыслію въ призрачности (т. е. внѣ дѣйствительности); но человѣкъ, который живетъ мыслію (конкретною мыслію) въ дѣйствительности, выше того, кто живетъ въ ней только своею непосредственностію. Понятно ли? Ясно ли? Еще поясненіе—примѣромъ (безъ примѣровъ и фактовъ у меня ничего не дѣлается, потому что безъ нихъ я ровно ничего не понимаю). Петръ Великій (который былъ очень плохой философъ) понималъ дѣйствительность больше и лучше, нежели Фихте. Всякій историческій дѣятель понималъ ее лучше его. По моему мнѣнію, если понимать дѣйствительность сознательно, такъ понимать ее, какъ понималъ Гегель; но много ли такъ понимаютъ ее? Пятьдесятъ человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ; такъ неужели же всѣ остальные—не люди?

Мой эмпирическій опытъ, Мишель, не совсѣмъ эмпирическій; ты поторопился немного своимъ приговоромъ. А все оттого, что не понялъ меня. Я мыслю (сколько въ силахъ), но уже если моя мысль не подходитъ подъ мое созерцаніе или стукается о факты—я велю ее мальчику вымести вмѣстѣ съ соромъ. Объясню это фактомъ: нѣкогда я думалъ, что поэтъ не можетъ перемѣнить ни стиха, ни слова; мнѣ говорили, что черновыя тетради Пушкина доказываютъ противное, а я отвѣчалъ: если бы самъ Пушкинъ увѣрялъ меня въ этомъ—я бы не повѣрилъ. Такой мысли я теперь не хочу и не ставлю ее ни въ грошъ.

Напрасно ты также отрицаешь во мнѣ всякое движеніе: желаю всякому такъ подвигаться, какъ я двигался отъ масляницы (за день или за два до твоего отъѣзда къ Беерамъ) прошлаго года до минуты, въ которую пишу тебѣ это письмо. Мои письма къ

тебѣ, которыя тебя такъ восхитили, мой журналъ, въ которомъ ты также многимъ (собственно моимъ) восхищаешься,— показываютъ, что моего движенія довольно съ меня. Да, Мишель, меня не станетъ, то хватитъ для большаго движенія, и если впередъ пойдетъ такъ же—я доволенъ. Не бойся, что я сдѣлаюсь Шевыревымъ или Погодинымъ: твое опасеніе, конечно, внушенное тебѣ любовію ко мнѣ, совершенно излишне. Для меня это совершенно невозможно, и вотъ почему: эти люди опошлились оттого, что вышли изъ безконечной сферы благодатнаго созерцанія въ конечную сферу своей мысли. Нѣтъ, Мишель, я не буду любителемъ буквы, ни книжнымъ спекулянтомъ. Повторяю: оставь свою мысль, какъ ложную и несправедливую, что во мнѣ оканчивается или когда-нибудь окончится движеніе: я слишкомъ безпокоенъ для этого. Не боюсь за мою будущую участь, потому что знаю, что буду тѣмъ, чѣмъ буду, а не тѣмъ, совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ бы самъ захотѣлъ быть. Есть простая мысль, принадлежащая безсмысленной толпѣ: «все въ волѣ Божіей»; я вѣрю этой мысли, она есть догматъ моей религіи. «Воля Божія» есть предопредѣленіе Востока, fatum древнихъ. Провидѣніе христіанства, необходимость философіи, наконецъ, дѣйствительность. Я признаю личную, самостоятельную свободу, но признаю и высшую волю. Коллизія есть результатъ враждебнаго столкновенія этихъ двухъ воль. Поэтому— все бываетъ и будетъ такъ, какъ бываетъ и будетъ. Устою— хорошо; паду—дѣлать нечего. Я солдатъ у Бога: Онъ командуетъ, я маршируя. У меня есть свои желанія, свои стремленія, которыхъ Онъ не хочетъ удовлетворить, какъ ни кажутся они мнѣ законными: я ропщу, клянусь, что не буду Его слушаться, а между тѣмъ слушаюсь, и часто не понимаю, какъ все это дѣлается. У меня нѣтъ охоты смотрѣть на будущее; вся забота—что-нибудь дѣлать, быть полезнымъ членомъ общества. А я дѣлаю, что могу. Я много принесъ жертвъ этой потребности дѣлать. Для нея я хожу въ рубищѣ, терплю нужду, тогда какъ всегда въ моей возможности имѣть десять тысячъ годового дохода съ моей деревни—неутомимаго пера. Говорю это не для хвастовства, а потому, что ты задѣлъ меня за слишкомъ живую струну, не отдалъ мнѣ справедливости въ томъ, въ чемъ я имѣю несомнѣнное и не совсѣмъ незначительное значеніе. Я уже не кандидатъ въ члены общества, а членъ его, чувствую себя въ немъ и его въ себѣ, приросъ къ его интересамъ, влился

въ его жизнь, слилъ съ нею мою жизнь и принесъ ей въ дань всего самого себя. У меня тоже есть дѣло, которое не ниже и не хуже дѣла всякаго другого. Я знаю, что̀ будетъ со мною, добрымъ, несноснымъ и смѣшнымъ малымъ, если Богъ не дастъ мнѣ ни хорошей и доброй жены, ни малыхъ дѣтей, ни порядочнаго состоянія (почетнаго имени въ гражданствѣ я не желаю, потому что не сомнѣваюсь его имѣть, и даже теперь его имѣю въ извѣстной степени); да, я знаю, что̀ будетъ со мною, добрымъ, несноснымъ и смѣшнымъ малымъ: для меня не будетъ въ жизни блаженства, и жизнь не будетъ блаженствомъ, но всегда будутъ минуты блаженства—ложка меду, да бочка дегтю. И это оттого, что я есть я, что мимо этихъ смѣшныхъ идиллическихъ и непонятныхъ для великихъ людей условій, я не понимаю и не желаю никакого блаженства. Да, я по прежнему буду дѣлать, буду жить, чтобы мыслить и страдать, многимъ, можетъ быть, укажу на возможность блаженства, многимъ помогу дойти до него, многихъ заставлю, не зная меня лично, любить, уважать себя, и признавать ихъ обязанными мнѣ своимъ развитіемъ, минутами своего блаженства; но самъ, кромѣ минутъ, буду знать одно страданіе. Такъ, видно, Богу угодно. Не всѣмъ одна дорога, не всѣмъ одна участь. Въ этомъ случаѣ я позволю себѣ сдѣлать тебѣ указаніе на собственное твое семейство, потому что это указаніе не можетъ быть оскорбительно ни для него, ни для тебя. У тебя четыре сестры; всѣ онѣ, или каждая изъ нихъ представляетъ собою особное прекрасное явленіе, но одна отдѣлилась ото всѣхъ и отдѣлилась рѣзко. Это та, которой уже нѣтъ, и которую вы всѣ такъ справедливо называете святою. Она пользовалась блаженствомъ жизни, какъ своею собственностію: благодать, гармонія, миръ, любовь были не качествами, украшавшими ее, но, вмѣстѣ взятыя, представляли собою живое явленіе, которое вы всѣ называли сестрою своею. Страданіе вслѣдствіе внутренней разорванности и томительныхъ порываній было чуждо ея натурѣ, но другія: имъ хорошо знакомо страданіе, оно есть необходимое условіе ихъ индивидуальностей. Видишь ли, — не всѣ люди на одинъ покрой, и часто то, чѣмъ одинъ пользуется ежедневно, какъ пищей и воздухомъ, другому дается, какъ праздничное блюдо,—про воскресный день. Я знаю, что тебя это не приведетъ въ смущеніе, ты скажешь, что для всякаго естъ выходъ въ мысли, и всякій можетъ достигнуть абсолютнаго, полнаго,

безъ перерывовъ, блаженства посредствомъ мысли. На это я не возражаю тебѣ, потому что это выше моего понятія, моего созерцанія. У меня надежда на выходъ не въ мысли (исключительно), а въ жизни, какъ въ бо̀льшемъ или меньшемъ участіи въ дѣйствительности не созерцательно, а дѣятельно. Но не объ этомъ дѣло; обращаюсь къ моему сравненію. Но на землѣ—блаженство есть исключеніе, и эта святая, этотъ чистый небесный ангелъ долженъ былъ расплатиться дорогою цѣною за свое блаженство: то, что̀ должно было упрочить его блаженство, осуществить его таинственныя предчувствія, то и погубило его—и онъ въ страданіяхъ оставилъ эту прекрасную, но бѣдную землю, какъ прекрасно и вѣрно ты выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ,—и улетѣлъ туда, гдѣ лучше, чѣмъ здѣсь. Теперь другое сравненіе, которое еще ближе идетъ къ дѣлу. Вотъ два характера—Боткинъ и я. Онъ всегда въ гармоніи и всегда въ интересахъ духа: ко всѣмъ внимателенъ, со всѣми ласковъ, всѣми интересуется; читаетъ Шекспира, нѣмецкія книги, хлопочетъ о судьбѣ и положеніи книжекъ «Наблюдателя» часто больше меня, покупаетъ очерки къ драмамъ Шекспира, по субботамъ и воскресеньямъ задаетъ квартеты, въ которыхъ участвуетъ собственною персоною, съ скрипкою подъ подбородкомъ, ѣздитъ въ театръ, русскій и французскій,—словомъ, живетъ рѣшительно внѣ своего конечнаго я, въ свободномъ элементѣ бытія, всегда веселый, ясный, свѣтлый, доступный мысли, чувству, и ежели груститъ временемъ, то все-таки безъ подавляющаго духъ страданія. Смотрю на него—и дивлюсь. А я—не только мое страданіе, самое блаженство мое тяжело, трудно и горестно; любовь и вражда, новая мысль, новое обстоятельство—все это во мнѣ тяжело и трудно и горестно. Только въ немногіе минуты и часы, когда я бываю добрымъ малымъ и, чуждый всякой мысли, безъ видимой причины, бываю веселъ, въ какомъ-то музыкальномъ состояніи,—только тогда и дышу свободно и весело. Недавно сказалъ онъ мнѣ, что грустно было бы ему стоять надъ моею могилою, потому что въ ней было бы схоронено бѣдное разбитое сердце, жаждавшее жадно блаженства и никогда не знавшее его. Что-жъ съ этимъ дѣлать? Ему Богъ далъ, мнѣ нѣтъ—Его воля! Ты скажешь: надо мыслію достигнуть... а я отвѣчу... да нѣтъ, я ничего не отвѣчу тебѣ. Драма жизни такъ устроена, что въ ней нужны персонажи всѣхъ родовъ: видно, и моя роль нужна. Еслибъ зависѣло отъ меня, я попросилъ бы другой, да

видишь—этихъ просьбъ не уважаютъ—велятъ быть, чѣмъ имъ, а не мнѣ хотѣлось бы быть. Итакъ, буду играть роль, которая мнѣ дана, и буду подвигаться къ той развязкѣ, которая мнѣ предназначена. Что же касается до моего развитія,—если оно было до сихъ поръ, то будетъ и послѣ, и ты ошибаешься, думая, что оно остановилось. Нѣтъ, оно идетъ, какъ шло, и такъ же будетъ итти, если ты не лжешь, что оно шло. Мои отношенія къ мысли останутся тѣми же, какими были всегда. По прежнему, меня будетъ интересовать всякое явленіе жизни—и въ исторіи, и въ искусствѣ, и въ дѣйствительности; по прежнему, буду я обо всемъ этомъ разсуждать, судить, спорить и хлопотать, какъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Только уже никогда не буду предпочитать конечной логики своей своему безконечному созерцанію, выводовъ своей конечной логики—безконечнымъ явленіямъ дѣйствительности. Есть для меня всегда будетъ выше знаю, а премудрыя слова премудраго Шевырева: по логикѣ-то такъ, да на дѣлѣ-то иначе, всегда будутъ для меня премудры.

Только дурное расположеніе духа, яснѣе—злость, пробудившаяся вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, могли тебя заставить сказать о bon vivant и bon camarade и религію Беранже дѣлать моею религіею. Противъ этого не почитаю за нужное и оправдываться. Не только моими письмами не подалъ я повода къ подобному заключенію, но одной уже моей инстинктуальной, непосредственной и фанатической ненависти къ французамъ и всему французскому достаточно для того, чтобы защитить меня отъ подобныхъ комментарій.

Ты называешь мой взглядъ на дѣйствительность механическимъ. Я этого не думаю, но возражать тебѣ не буду. Въ логикѣ я не силенъ, а фактовъ ты не любишь. Впрочемъ, я понимаю, какъ труденъ и невозможенъ для рѣшенія между нами подобный вопросъ. Погодимъ, посмотримъ,—пусть теорію каждаго изъ насъ оправдаетъ наша жизнь. По моему ограниченному понятію дѣйствительность человѣка состоитъ въ его пребываніи въ дѣйствительности, которое выражается тождествомъ его слова и дѣла, успѣхомъ его въ томъ, въ чемъ онъ считаетъ себя необходимымъ успѣвать. Я видывалъ людей, которые такимъ, непосредственнымъ образомъ успѣвали не въ однихъ пошлыхъ житейскихъ предпріятіяхъ, но и въ томъ, что составляетъ человѣческую сущность ихъ жизни.

Нападая на меня за то, что я будто бы отвергаю необходимость распаденія и отвлеченности, какъ необходимыхъ моментовъ развитія,—ты опять колотишь по призраку, тобою же самимъ созданному, думая бить меня. Но отъ этакихъ побой больно не мнѣ,—а ты только устанешь и отколотишь себѣ руки. Отвергнувъ необходимость распаденія и отвлеченности, какъ моментовъ развитія, я отказался бы отъ здраваго смысла и показалъ бы себя человѣкомъ, съ которымъ нечего толковать и спорить, жалѣя времени, бумаги и чернилъ. Нѣтъ, ты меня не понялъ, или—что вѣрнѣе—не хотѣлъ понять, потому что это тебѣ было выгоднѣе, нужнѣе, нежели понять меня. Самый важный періодъ моего распаденія и отвлеченности былъ во время моего пребыванія въ Прямухинѣ, въ 1836 году. Но это распаденіе и эта отвлеченность были ужаснымъ зломъ и страшною мукою для меня только въ настоящемъ, а въ будущемъ онѣ принесли благодатные плоды, заставивъ меня серьезно подумать и передумать обо всемъ, о чемъ я прежде думалъ только слегка, и стремиться дать моему образу мыслей логическую полноту и цѣлость. Итакъ, меня нисколько не мучитъ мысль, что я былъ въ распаденіи, въ отвлеченности, во время моего пребыванія въ Прямухинѣ; но мнѣ горько и обидно вспомнить, что я, будучи въ этомъ распаденіи, въ этой отвлеченности, былъ еще въ недобросовѣстности, рисовался, становился на ходули. Ты помнишь, какую фразу отпустилъ я за столомъ, и какъ подѣйствовала она на Александра Михайловича; но знаешь ли что?—я нисколько не раскаиваюсь въ этой фразѣ и нисколько не смущаюсь воспоминаніемъ о ней: ею выразилъ я совершенно добросовѣстно и со всею полнотою моей неистовой натуры тогдашнее состояніе моего духа. Да, я такъ думалъ тогда, потому что фихтіанизмъ понялъ, какъ робеспьеризмъ, и въ новой теоріи чуялъ запахъ крови. Что было—то должно было быть, и если было необходимо, то было и хорошо и благо. Повторяю: искренно и добросовѣстно выразилъ я этою фразою напряженное состояніе моего духа, черезъ которое необходимо долженъ былъ пройти. Но когда я забылъ приличіе, за ласку и вниманіе почтеннаго старца началъ платить дерзкимъ и оскорбительнымъ презрѣніемъ его убѣжденій и вѣрованій, не почелъ нужнымъ, живя въ его домѣ и пользуясь его хлѣбомъ-солью, предложеннымъ мнѣ со всѣмъ радушіемъ, не почелъ нужнымъ, ради приличія и здраваго смысла, прибѣгнуть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ нейтралитету и внѣшно-

стію прикрыть мои внутреннія отношенія къ нему; когда учительскимъ тономъ и съ нѣкоторою ироническою улыбкою говорилъ съ твоими сестрами, которыя, безъ мыслей и разсужденій, своимъ глубокимъ и святымъ чувствомъ жили въ той истинѣ, которой я въ то время даже и не предчувствовалъ;— тогда я былъ недобросовѣстенъ, пошлъ, гадокъ. Но и это еще ничего бы, если бы все это проявлялось непосредственно и безсознательно—тогда это показало бы пошлое состояніе духа; но худо то, что я чувствовалъ и понималъ свои продѣлки и фигурки; совѣсть и здравый смыслъ (а это было одно изъ такихъ обстоятельствъ, гдѣ почтенный здравый смыслъ—все), совѣсть и здравый смыслъ громко кричали мнѣ въ оба уха, что я фарсеръ, фразеръ, шутъ, но я собственноручно затыкалъ себѣ уши хлопчатою бумагою гаерскаго величія. Боже мой! какъ живо, какъ глубоко чувствовалъ я, что чтеніе второй статьи было бы самымъ пошлымъ, дикимъ, шутовскимъ и мерзкимъ поступкомъ; но... мнѣ надо было блеснуть моимъ умѣньемъ пописать и почитать... Я бы могъ прочесть эту статью однимъ имъ, такъ что, кромѣ тебя и ихъ, никто о ней и не зналъ бы, или, еще лучше, дать имъ самимъ прочесть. И что же?—Я въ другой разъ читалъ ее особенно для Татьяны Александровны и Любови Александровны, воротившихся изъ Москвы; я видѣлъ, какъ трудно было выбрать время для этого проклятаго чтенія, видѣлъ ихъ нерѣшительность, чуть ли даже и неохоту, понималъ причину всего этого... но мнѣ надо было поддержать мою глупую роль, надо было итти наперекоръ моему непосредственному чувству и здравому смыслу, чтобъ не измѣнить теоріи, созданной не Фихте, а моимъ фразерствомъ, моею недобросовѣстностію, моею охотою рисоваться... Роль была противна моей природѣ, моей непосредственности, но я почелъ долгомъ натянуться, изнасиловать себя... И вотъ, я читаю во второй разъ мою статью—старикъ ходитъ изъ залы въ спальню черезъ гостинную (гдѣ я ораторствую съ напряженнымъ восторгомъ за отсутствіемъ свободнаго, вслѣдствіе сознанія пошлости своего поступка), ходитъ и покрякиваетъ,—а потомъ самымъ деликатнымъ, самымъ кроткимъ образомъ намекнулъ мнѣ, что это ему непріятно... мнѣ было гадко отъ самого себя,—но я былъ философъ и даже совѣсть и здравый смыслъ принесъ въ жертву философіи фразерства (потому что истинная мыслительность тутъ была невиновата). Итакъ, видишь ли, Мишель, я не упрекаю себя

за кровожадный образъ мыслей, потому что онъ былъ дѣйствительно моимъ убѣжденіемъ въ то время, былъ необходимымъ моментомъ моего развитія; я прощаю себѣ много пошлостей и съ другой стороны: тамъ, по крайней мѣрѣ, важна была причина и могла свести съ ума, хотя при большей добросовѣстности я избѣгъ бы большей части пошлостей и съ этой стороны. Но многаго я не могу простить себѣ, потому что это многое отнюдь не было моментомъ, а было просто недобросовѣстностію, которая оправдывалась логическими натяжками, и этого многаго легко бы было совсѣмъ избѣжать, слѣдуя внушеніямъ непосредственнаго чувства и здраваго смысла. Представь себѣ человѣка, который имѣетъ душу живу, чувство, умъ, понимаетъ пошлость громкихъ фразъ и живописныхъ положеній—вдругъ полюбитъ дѣвушку и, не позаботясь справиться о ея взаимности, при всѣхъ людяхъ подошелъ бы къ ней съ пышнымъ жанъ-полевскимъ объясненіемъ и клятвами въ вѣчной любви—и все это отъ презрѣнія къ обыкновеніямъ и приличію: не похожъ ли бы онъ былъ на Хлестакова, который говоритъ о себѣ, что «хочетъ заняться чѣмъ-нибудь высокимъ, а свѣтская чернь его не понимаетъ»?— Это я, Мишель, это моя исторія того времени и причина большей части моихъ тогдашнихъ мученій. А все отчего—оттого, что чувство говорило одно, а логика другое, и еще потому, что, льстя своему самолюбію, я насильно отвлекался отъ всего, въ чемъ видѣлъ себѣ щелкушку, и заставлялъ себя осуществлять пошлыя идеи. Неужели это моментъ? Если хочешь—моментъ, но вѣдь и пьяное состояніе есть тоже моментъ въ этомъ смыслѣ. Когда я говорилъ о головахъ,—у меня чувство и умъ были согласны въ чудовищномъ убѣжденіи, и отвлеченная мысль была, поэтому, конкретною,—и я въ этомъ не раскаиваюсь. Но натягиваться вѣрить тому, чему не вѣрится, отдаться мысли, которой нѣтъ въ созерцаніи и которая въ противорѣчіи съ созерцаніемъ — это значитъ предаться логическимъ хитросплетеніямъ. Отсюдова до недобросовѣстности, фразерства и ходули—одинъ шагъ, потому что, сдѣлавши разъ опытъ вертѣть по волѣ своими убѣжденіями и вѣрованіями черезъ логическія выкладки, послѣ ужъ ни по чемъ играть истиною, какъ воланомъ. Я нисколько не смущаюсь нашею общею охотою обращать всѣхъ на путь истины—и Вульфовъ и Дьякова: это даже достолюбезно, и именно потому, что было моментомъ. Воспоминаніе объ этомъ забавляетъ меня: но, чувствуя въ душѣ отсутствіе истины, благодати,

любви и ощущая въ ней пустоту и убожество, говорить учительскимъ тономъ и съ чувствомъ своего превосходства съ такими существами, которыя были полны любовію и благодатію и своею святою непосредственностію жили въ истинѣ:—это не моментъ, а пошлость, шутовство; потомъ дойти до забвенія приличій, до самыхъ смѣшныхъ глупостей, ораторствовать въ чужомъ домѣ и за пріязнь, ласку и хлѣбъ-соль платить дерзостями—это тоже не моментъ, а чортъ знаетъ что—только поплевать да бросить. Къ чести моей скажу, что ни Боткинъ, ни Ключниковъ и никто (не говорю уже о Станкевичѣ, котораго непосредственное чувство—мистицизмъ, какъ мы нѣкогда называли его, и вѣрный тактъ дѣлали рѣшительно неспособнымъ къ такой идеальности), и никто не дошелъ бы до такого момента. Моментъ условливается необходимостью, а призрачность—случайностію, и въ этомъ большая разница. Итакъ, Мишель, я и не думалъ нападать на моменты своего развитія. Я даже примирился и съ католическимъ періодомъ моей жизни, когда я былъ убѣжденъ отъ всей души, что у меня нѣтъ ни чувства, ни ума, ни таланта, никакой и ни къ чему способности, ни жизни, ни огня, ни горячей крови, ни благородства, ни чести, что хуже меня не было никого у Бога, что я пошлѣйшее и ничтожнѣйшее созданіе въ мірѣ, животное, скотъ безсмысленный, чувственный и отвратительный. Да, я призналъ и созналъ и необходимость и великую пользу для меня этого періода: теперешняя моя увѣренность въ себѣ и все, что̀ теперь есть во мнѣ хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ этому періоду, и безъ него ничего хорошаго во мнѣ не было бы. У Ивана Петровича Ключникова этотъ моментъ былъ еще ужаснѣе, потому что чуть не довелъ его до смерти или сумасшествія; но зато теперь Иванъ Петровичъ олицетворенная гармонія, благодать, святость. Фихтіанизмъ принесъ мнѣ великую пользу, но и много сдѣлалъ зла, можетъ быть оттого, что я не такъ его понялъ: онъ возбудилъ во мнѣ святотатственное покушеніе къ насилованію дѣвственной святости чувства и вѣру въ мертвую, абстрактную мысль. Кто понимаетъ дѣйствительность отвлеченно, но въ то же время и живо,—тому еще не за что клясть своего прошедшаго и даже можно благословлять; но кто, не понимая мысли, увлекается только ея логическою необходимостію безъ внутренняго чувственнаго убѣжденія въ ея истинности, тому есть за что сердиться на себя. И опять-таки скажу, твой фихтіанизмъ имѣлъ другое зна-

ченіе, нежели мой: ты и понималъ его глубже, и онъ для тебя былъ послѣдовательнымъ переходомъ изъ одного момента въ другой; а я прогулялся по немъ больше для компаніи, чтобы тебѣ не скучно было одному. Ты все твердишь, что ты и не думалъ насильно втаскивать меня въ него: правда, потому что и не могъ этого сдѣлать; вѣдь я не ребенокъ, а ты не сумасшедшій, сорвавшійся съ цѣпи изъ желтаго дома. Здѣсь я невольно дошелъ до другого вопроса, соприкосновеннаго съ этимъ, до вопроса о твоемъ авторитетѣ надо мною и Боткинымъ прошлою весною. Ты говоришь, что это обвиненіе такъ нелѣпо, что ты не хочешь и оправдываться. Понимаю твою тайную, заднюю мысль: ты хочешь сказать, что не твоя воля, стараніе и усилія, а твое превосходство надъ нами невольно наложило на насъ этотъ авторитетъ. Если хочешь, въ этомъ есть своя сторона истины: мы ставили тебя высоко, очень высоко, невольно увлекаясь сильнымъ движеніемъ твоего духа, могуществомъ твоей мысли, этимъ тономъ непоколебимаго убѣжденія въ своемъ образѣ мыслей,—и это было хорошо; но мы подгадили дѣло униженіемъ самихъ себя на твой счетъ, робкою, дѣтскою добросовѣстностію. Первое было истинно, потому что въ тебѣ все это есть, и за все это тебя нельзя не цѣнить очень, очень высоко,—и ты по праву пользовался нашимъ уваженіемъ и почиталъ его своею собственностію; но второе было ложно,—и твоя ошибка состояла въ томъ, что ты никогда не хотѣлъ дать себѣ труда вывести насъ изъ ложнаго понятія о нашемъ ничтожествѣ передъ тобою. Ты объ этомъ пунктѣ, можетъ быть, безсознательно, только умалчивалъ, и только своею непосредственностію высказывалъ истинное свое мнѣніе о насъ, которое было таково: «вы сами по себѣ люди съ вѣсомъ и достоинствомъ, люди не дюжинные, но я знаю свое превосходство надъ вами». Сверхъ того, во всѣхъ спорахъ на твоемъ лицѣ и въ твоей непосредственности выражалась (и очень ясно) такая задняя мысль: «ты можешь мнѣ и не повѣрить, можешь со мною и не согласиться,—вольному воля, спасенному рай, но въ такомъ случаѣ ты пошлякъ». А намъ не хотѣлось быть пошляками въ твоихъ глазахъ, потому что это значило для насъ въ самомъ дѣлѣ быть пошляками, — и мы заставляли себя убѣждаться въ непреложной истинности твоихъ идей. Разумѣется, это было тяжкимъ игомъ, которое самостоятельныя натуры не могли долго носить на себѣ. Такъ (отчасти, впро-

чемъ) принялъ я отъ тебя фихтіанизмъ; такъ Боткинъ убѣдился, что ему надо учиться философіи, бросить амбаръ и не смѣть писать о музыкѣ. Отсюда вѣчная враждебность въ нашихъ отношеніяхъ къ тебѣ. Я никогда не забуду (есть вещи, которыя никогда не забываются), какую явную холодность и какое явное презрѣніе сталъ ты мнѣ оказывать, когда я наотрѣзъ объявилъ тебѣ, что хочу жить своею жизнію, своимъ умомъ, развиваться самобытно, хочу издавать журналъ и судить и рядить въ немъ, ничего не зная, ничему не учась. Я никогда не забуду, какъ однажды, пришедши домой изъ бани и заставши меня у Боткина, ты не хотѣлъ сказать мнѣ слова, но со злою и насмѣшливо-презрительною улыбкою принялся за книгу, которую, по моемъ уходѣ, тотчасъ же бросилъ, по обыкновенію, для болтовни съ Боткинымъ. Вотъ въ чемъ заключалась гадкая сторона твоего авторитета (а въ немъ была и хорошая сторона) надъ нами, которая заставила насъ съ такимъ ожесточеніемъ и остервенѣніемъ возстать противъ тебя и произвела первую полемическую переписку. Я знаю и увѣренъ, что ты всегда обоихъ насъ и любилъ и уважалъ, но объективно, и какъ явленія, достойныя вниманія, любви и уваженія, но низшія въ сравненіи съ тобою. Это всегда высказывалось въ твоей непосредственности, и высказывалось такъ рѣзко, что даже добрый Кетчеръ, чуждый нашего круга и отношеній, одинъ разъ при тебѣ сказалъ (подъ видомъ шутки), что ты насъ надуваешь. И ты наконецъ это выговорилъ, или проговорился. Въ первый разъ, по пріѣздѣ въ Москву послѣ полемической переписки, обѣдая съ Боткинымъ вдвоемъ: «Васинька и Висяша вздумали меня учить». Въ самомъ дѣлѣ, съ нашей стороны это была непростительная дерзость! Намъ надо было только поучаться у тебя, а мы вздумали, въ свою очередь, поучить тебя! Въ другой разъ ты это выговорилъ (или проговорился) мнѣ, въ Прямухинѣ, у себя въ комнатѣ, вечеромъ, въ задушевномъ разговорѣ о важномъ для меня предметѣ... помнишь?...

Здѣсь кстати возразить на твою мысль о прозелитизмѣ. Ты говоришь, что я, вмѣстѣ съ тобою, бѣсновался этою, впрочемъ, очень понятною страстію, что мои письма къ тебѣ и мой журнализмъ выходятъ изъ нея же. Такъ, но дѣло часто не въ дѣлѣ, а въ манерѣ, съ которою оно дѣлается, или въ непосредственности человѣка, которая одна даетъ дѣлу колоритъ и характеръ и условливаетъ худое или хорошее дѣйствіе его на другихъ.

Потомъ, во всемъ есть мѣра и всему есть мѣра. Пока дѣло идетъ объ идеяхъ, внѣ ихъ примѣненія къ жизни, я былъ не меньше тебя смѣлъ на поприщѣ прозелитизма; но когда дѣло касалось до примѣненія—я имѣлъ благоразуміе—знаешь, этакъ немножко въ сторону, или по крайней мѣрѣ не имѣлъ никогда ни охоты, ни силы преслѣдовать человѣка въ качествѣ ментора и постоянно поддерживать и удерживать его на указанной ему мною дорогѣ. Нѣтъ, Мишель, только въ кровавый, безумный періодъ моей отвлеченности, въ 1836 году, я смѣло давалъ рецепты отъ всѣхъ душевныхъ болѣзней и подорожныя на всѣ пути жизни. Но и тогда, если бы попросили моего совѣта въ важномъ обстоятельствѣ жизни, и я зналъ бы, что мой совѣтъ рѣшитъ участь человѣка, я... нѣтъ, страшно подумать, что я далъ бы его; но если бы и далъ, то создалъ бы себѣ этимъ жгучій адъ. Начиная же съ моего возстанія противъ тебя еще въ великомъ посту нынѣшняго года, я уже сказалъ себѣ—ни! Журналъ—дѣло другое: его дѣйствіе общее, которое не разсчитываетъ на извѣстную индивидуальность извѣстнаго человѣка. Что же касается до писемъ къ тебѣ, то ниже ты увидишь объясненіе, почему я ими срѣзался, а я ими ужасно срѣзался...

«Я не стану доказывать ложности его (Ключникова) и твоего мнѣнія на счетъ сестеръ и на мой собственный счетъ; ты, можетъ быть, скажешь, что это былъ бы лишній трудъ, и что трудно и невозможно было бы разувѣрить тебя въ мысли, основанной на столькихъ данныхъ и на мнѣніи толпы, глупый голосъ которой, по твоей теперешней философіи, есть святой голосъ истины; почему знать?—можетъ быть, я нашелъ бы въ своемъ запасѣ трансцендентальностей и логическихъ штукъ такія доказательства, которыя могли бы потрясти даже твою страшную дѣйствительность, съ ея стальными зубами и когтями».

Мишель, это мѣсто въ твоемъ письмѣ такъ понравилось мнѣ, что я почелъ нужнымъ выписать его и на твою лирическую выходку отвѣтить таковою же. Во первыхъ: въ твоемъ длинномъ письмѣ, первая и бо̀льшая половина котораго, точно, богата трансцендентальностію и логическими штуками, я не нашелъ рѣшительно ничего, ни слова, ни буквы, что̀ бы могло потрясти мою желѣзную дѣйствительность съ ея стальными зубами и когтями; но нашелъ очень много такого, что̀ еще болѣе укрѣпило ее. Во вторыхъ: не хочу и не почитаю себя

болѣе вправѣ подтверждать своего мнѣнія на счетъ того, что я уважаю не меньше тебя, но не могу не замѣтить, что это мнѣніе было основано мною не на мнѣніи глупой толпы; а на мнѣніи и непосредственномъ впечатлѣніи моемъ и такихъ людей, которые, безъ всякаго сомнѣнія, далеко глупѣе и ниже тебя, но которые, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ моихъ люди достойные всякаго уваженія, и не только ничѣмъ не ниже и не хуже меня, но скорѣе, можетъ быть, что выше и лучше меня. Въ третьихъ: я никогда и не думалъ уважать мнѣніе толпы, которая толпа въ салонахъ и на площадяхъ, и въ кабакахъ, и которая убиваетъ безсмысленнымъ злословіемъ честь женщины, счастіе мужчины, благосостояніе семейства. Нѣтъ, но я всегда глубоко уважалъ и буду уважать тотъ народъ, о которомъ сказано «гласъ Божій—гласъ народа», и который есть живая, олицетворенная субстанція, которой образованные люди суть опредѣленія, есть резервуаръ идей, дѣйствій, осуществляемыхъ и сознаваемыхъ индивидами. Есть разница между толпою, обществомъ—и народомъ. Кстати выпишу тебѣ мнѣніе Гейне на этотъ счетъ:

«Масса, народъ не любитъ насмѣшки. Народъ, какъ геній, какъ любовь, какъ лѣсъ, какъ море, по природѣ важенъ; онъ чуждается остроумнаго злословія гостинныхъ и объясняетъ великія явленія глубокимъ, мистическимъ образомъ».

«Но добрый малый никакъ не долженъ позабывать, что терпимость, добродушіе и уваженіе къ чужимъ непосредственностямъ должны быть его главными свойствами; въ противномъ случаѣ онъ изъ добраго превращается въ несноснаго малаго».

Правда, Мишель, истинная правда. Это самое я уже давно хлопочу растолковать тебѣ и вижу, наконецъ, что ты начинаешь понимать...

«Добрый малый никакъ не долженъ позабывать, что его непосредственность не болѣе, какъ его собственная, частная, ограниченная непосредственность, и потому она не можетъ быть мѣркою, закономъ для другихъ непосредственностей, которыя имѣютъ точно такое же право на свободу и самостоятельность, какъ и она».

И это, Мишель, точно такая же святая и непреложная истина, какъ и та, еслибы *я* сказалъ: «Никто (добрый малый или недопеченный философъ—все равно) не долженъ забывать, что его

мышленіе есть не болѣе, какъ его собственное, субъективное, частное и ограниченное мышленіе, и что онъ не имѣетъ никакого права наказывать кого бы то ни было своимъ презрѣніемъ за право смѣть свое сужденіе имѣть, и что, въ противномъ случаѣ, отъ него могутъ отпасть всѣ люди, которые горячо его любили за его прекрасную, глубокую сущность, и сдѣлать удачную попытку, чтобъ не остаться въ долгу, помѣрять своею непосредственностію его непосредственность, для оправданія пословицы «какъ аукнется, такъ и откликнется», и изъ судьи сдѣлать его подсудимымъ, и съ судейскихъ креселъ, на которыхъ ему было такъ ловко и хорошо возсѣдать и произносить свои приговоры, ссадить его на скамеечку». Что правда, то правда!..

«Добрый малый не долженъ забывать, что, отказавшись отъ всякаго идеализма, т.-е. отъ всякой претензіи узнать истину, и отъ всякой самостоятельной и свободной мысли, онъ выходитъ изъ характера добраго малаго и дѣлается несноснымъ и смѣшнымъ, когда онъ позволяетъ себѣ изрекать анаѳему и посылать ватиканскіе громы на другихъ людей, во имя своей бѣдной, ограниченной непосредственности».

И это точно такая же святая истина, какъ и та, еслибы *я* сказалъ: «Никто (т.-е. ни добрый, несносный и смѣшной малый, ни недопеченный философъ) не долженъ забывать, что или не должно умышленно приписывать другимъ того, чего они не говорили и не дѣлали, или что должно лучше понимать ихъ слова и поступки, а не мѣрить ихъ на свой аршинъ. Да, онъ (т.-е. добрый малый или недопеченный философъ) не долженъ разумѣть подъ идеализмомъ стремленіе къ истинѣ, когда этимъ словомъ ему явно и ясно выразили фразерство, ходули, блужданіе внѣ дѣйствительности, рисованіе собою, романтическое и философское интересничаніе, желаніе своимъ положеніемъ, словами и поступками показывать свое величіе надъ чернію и толпою и каждый день твердить «хочешь заняться чѣмъ-нибудь высокимъ, а свѣтская чернь тебя не понимаетъ», словомъ, то пошлое прекраснодушіе, которое воспѣлъ великій поэтъ Шиллеръ въ «Разбойникахъ», «Коварствѣ и Любви», «Фіеско» и во многомъ другомъ, и которое Жанъ-Поль выразилъ, какъ клятвы друзей при лунѣ и пр. и пр. Онъ (т.-е. добрый малый или недопеченный философъ) не долженъ обращеніе къ разумной простотѣ и отсутствію прекраснодушныхъ претензій толковать обращеніемъ къ той простотѣ, которая просто ѣстъ и пьетъ и состоитъ въ невѣжествѣ и от-

сутствіи духовныхъ интересовъ, но, напротивъ, ему бы слѣдовало (по законамъ добросовѣстности) понять эту простоту, какъ желаніе, сознавши (напримѣръ) необходимость знанія нѣмецкаго языка, не кричать о своемъ намѣреніи скоро приняться за него, но приняться въ самомъ дѣлѣ, или не кричать совсѣмъ; взявшись сдѣлать дѣло, точно сдѣлать его, вмѣсто того, чтобы явиться къ тому, кто далъ дѣло, съ эффектными объясненіями и пр. и пр. Онъ (т.-е. добрый малый или недопеченный философъ) не долженъ забывать, что давши своему другу право писать обо всемъ, что получивши отъ него первую посылку ватиканскихъ громовъ, сказавши «между нами является новый предметъ полемики—будемъ спорить», ему бы слѣдовало, хоть изъ уваженія къ самому себѣ, не сердиться и не язвить за эти громы, но, если они ему не нравятся, просто сказать бы, что онъ ихъ не хочетъ больше получать».

Итакъ, вотъ тебѣ, Мишель, мои отвѣтные пункты на твои вопросные пункты. Согласись, что отвѣты стоятъ вопросовъ. Что дѣлать?—говоря со мною такимъ языкомъ, надо быть готовымъ услышать языкъ еще рѣзче. Я не люблю уступать, это не въ моей натурѣ. Построеніями и выводами меня не затуманишь и не запугаешь. Окончаніе письма твоего, чуждое выводовъ и построеній, но проникнутое силою, жизнію и любовію, гораздо больше озадачило меня; но начавъ писать отвѣтъ, я снова принужденъ былъ перечесть 15 листовъ твоего письма, написанныхъ по вдохновенію злости, возбужденной обиженнымъ самолюбіемъ, и я самъ воодушевился.... твои совѣты доброму малому очень хороши, но ты ближе попалъ бы, куда надо, если бы, вмѣсто ихъ, далъ слѣдующій:

«Добрый малый имѣетъ право говорить правду только друзьямъ и своимъ людямъ, а съ чужими и внѣшними себѣ, хотя бы то и прекрасными явленіями жизни, долженъ только разсуждать о правахъ дружбы и только отъ нихъ принимать дружбу».

Я не хотѣлъ говорить о томъ, о чемъ ты не хочешь (по извѣстнымъ тебѣ и не безъизвѣстнымъ мнѣ причинамъ), т. е. говорить о нихъ, но долженъ еще разъ упомянуть. Мои письма ихъ оскорбили — я не ожидалъ этого, — потому что былъ бы подлый и пошлый человѣкъ, если бы взялся за такое дѣло, зная впередъ, что результатомъ его будетъ только оскорбленіе. Но кто виноватъ, что я написалъ такія письма и заговорилъ о нихъ такимъ тономъ? Кто виноватъ во всѣхъ этихъ недора-

зумѣніяхъ, которыя вновь и съ такою силою возстали между нами? На этотъ вопросъ легко отвѣчать: ложность нашихъ взаимныхъ отношеній. Въ дружбѣ, какъ и въ любви, нѣтъ страха, потому что дружба, какъ и любовь, есть гармонія двухъ понимающихъ другъ друга субъектовъ, соединенныхъ общимъ въ ихъ частныхъ индивидуальностяхъ, обстоятельствами жизни и самою привычкою. Другъ мнѣ тотъ, кому все могу говорить. Я его обвиняю; обвиненія эти жестоки, но неосновательны: что-жъ изъ этого? — Мой другъ черезъ это еще больше сознаетъ свою правоту, свое превосходство передо мною въ вопросномъ дѣлѣ и выгодность своего положенія передо мною. Чѣмъ рѣзче, неприличнѣе тонъ моихъ писемъ, тѣмъ спокойнѣе и деликатнѣе онъ отвѣчаетъ; я ругаюсь—онъ совѣтуетъ не горячиться напрасно, чтобъ послѣ не было стыдно. Мои нападки становятся все рѣзче, жесточе, мои выраженія несноснѣе: онъ совѣтуетъ на время прекратить споръ или дѣлаетъ что-нибудь другое, только совсѣмъ не то, что сдѣлалъ ты со мною. Мои письма—смѣсь правды съ ложью (какъ это всегда бываетъ въ дѣлахъ человѣческихъ): мой другъ признается въ справедливыхъ обвиненіяхъ, благодаритъ меня за нихъ и проситъ впредь не скрывать отъ него правды; ложныя обвиненія отрицаетъ безъ желчи, злости и остроумія, именно потому, что они ложны. Я, Мишель, эмпирикъ, и потому бѣшенство за обвиненія или оскорбленія ихъ толкую простою русскою пословицею «правда глаза колетъ». Нѣтъ, не было и нѣтъ между нами дружбы: послѣдній твой поступокъ ясно доказалъ мнѣ это. Ложныя отношенія произвели ложныя слѣдствія. Надо, наконецъ, уяснить дѣло. Ты догадываешься, что мы не друзья: въ письмѣ ко мнѣ ты намекнулъ объ этомъ, въ письмѣ къ Боткину ты выговорилъ это. Давно пора! Но я сознался это тотчасъ по полученіи твоей записки съ копіею.

Было время, и ты говорилъ мнѣ: «Бѣлинскій, какъ любятъ тебя сестры: ты вошелъ въ жизнь ихъ». Недавно ты писалъ ко мнѣ, что онѣ еще болѣе любятъ меня теперь, и духъ ихъ теперь еще болѣе слился съ моимъ духомъ. Вижу, Мишель, что я дурно растолковалъ значеніе словъ твоихъ, что я худо понялъ мои отношенія къ нимъ, почтя себя вправѣ довести черезъ тебя мое мнѣніе о ихъ положеніи, которое показалось мнѣ странно: Мишель, прошу у нихъ прощенія въ моемъ поступкѣ, неумѣстномъ и пошломъ, какъ вижу теперь самъ; прошу прощенія и у тебя за поступокъ мой съ ними...

Но что касается до тебя,— съ тобою у меня другіе счеты и другія объясненія. Тутъ я имѣлъ право ошибиться, опираясь на твои слова, или—вѣрнѣе сказать—на твою ошибку того же рода.

Я познакомился съ тобою въ 36 году. Твоя непосредственность не привлекла меня къ тебѣ — она даже рѣшительно не нравилась мнѣ; но меня плѣнило кипѣніе жизни, безпокойный духъ, живое стремленіе къ истинѣ, отчасти и идеальное твое положеніе къ своему семейству,—и ты былъ для меня явленіемъ интереснымъ и прекраснымъ. Но задушевнаго, непосредственнаго, инстинктуальнаго влеченія, повторяю, у меня къ тебѣ не было. Двѣ другія причины завязали еще болѣе нашу дружбу. Тогда я думалъ, что не личность, не непосредственность человѣка завязываетъ узелъ дружбы: я стремился къ высокому, ты также, слѣдовательно, ты мнѣ другъ—вотъ тогдашнія (недавно, очень недавно сдѣлались они для меня прошедшими) мои понятія о дружбѣ. Сверхъ того, имя твоихъ сестеръ глухо и таинственно носилось въ нашемъ кружкѣ, какъ осуществленіе таинства жизни,— и я, увидѣвъ тебя въ первый разъ, съ трепетомъ и смущеніемъ пожалъ тебѣ руку, какъ ихъ брату. До отъѣзда твоего въ Прямухино, ты былъ занятъ Беерами, и обстоятельства не сближали насъ. Ты сталъ давать уроки — послалъ къ дядюшкѣ билетъ визитный «maître de mathémathique M. Bacouninn»,—такъ какъ я тогда любилъ идеальность, а не простоту,— этотъ поступокъ восхитилъ меня. Въ исторіи твоей съ Владиміромъ Константиновичемъ Ржевскимъ мое чутье чуяло больше шуму, нежели сущности, но понятіе восторжествовало надъ непосредственнымъ чувствомъ — и ты еще выше сталъ въ моихъ глазахъ. Я видѣлъ, что ты пристально читалъ Фихте и былъ отъ него въ восторгѣ: это еще болѣе подняло тебя въ моихъ глазахъ. Ты перевелъ нѣсколько лекцій Фихте для «Телескопа», и въ этомъ переводѣ я видѣлъ какое-то инстинктуальное, но сильное знаніе языка русскаго, которому ты никогда не учился, увидѣлъ жизнь, силу, энергію, способность передать другимъ свои глубокія впечатлѣнія. Я сталъ смотрѣть на тебя, какъ на спутника по одной дорогѣ со мной, хотя ты шелъ и своею. Все это еще болѣе возвысило тебя въ моихъ глазахъ, и должно было возвысить,— и я все болѣе и болѣе смотрѣлъ на тебя, какъ на друга. Станкевичъ уѣхалъ. Вскорѣ послѣ него и ты умчался въ Прямухино. Прощаясь со мною, ты звалъ меня къ себѣ: отъ этого приглашенія (какъ теперь

помню) у меня потемнѣло въ глазахъ, и земля загорѣлась подъ ногами. Но я не умѣлъ представить себя въ этомъ обществѣ, въ этой святой и таинственной атмосферѣ; но тѣмъ не менѣе, твое приглашеніе было доказательствомъ твоей любви и уваженія ко мнѣ. Это я умѣлъ оцѣнить. Ты уѣхалъ. У меня уже въ то время давно завязалась исторія съ гризеткою, дорого стоившая мнѣ. Финансовыя обстоятельства мои были гадки до нельзя. Ты прислалъ мнѣ семьдесятъ пять рублей своихъ денегъ. Здѣсь, Мишель, я остановлюсь, чтобы показать тебѣ, что не только твои худыя стороны не закрываютъ отъ меня хорошихъ, какъ ты думаешь, но что и на самыя худыя твои стороны, взятыя сами по себѣ, я смотрю безпристрастно, безъ враждебности, и что, при исчисленіи твоихъ пятенъ, эта мнимая враждебность есть не что иное, какъ глубокое, болѣзненное оскорбленіе, и оскорбленіе все за тебя же. Ты, Мишель, составилъ себѣ громкую извѣстность попрошайки и человѣка, живущаго на чужой счетъ. Въ самомъ дѣлѣ, ты много перебралъ и перепросилъ денегъ; но я—развѣ меньше тебя дѣлалъ того и другого?—думаю, что рѣшительно больше. Я долженъ даже Маріѣ Аѳанасьевнѣ, князю Голицыну, Н. Ф. Павлову, Аксакову-отцу (сыну — тоже, да это особая статья, которая, однако-жъ, тѣмъ непріятна, что извѣстна Аксакову-отцу). И что же? на меня никто не смотритъ, какъ на попрошайку, какъ на человѣка, живущаго на чужой счетъ, никто, даже и тѣ, на чей счетъ я дѣйствительно живу; а на тебя это обвиненіе пало, какъ проклятіе, даже со стороны твоихъ друзей. Отчего это?—Тутъ есть двѣ причины. Первая—ты просишь и берешь легко и легкомысленно; всѣ видятъ, какихъ мученій стоитъ мнѣ это, и какую важность придаю я всякому гривеннику, который я беру у другихъ. Вторая — я тружусь, и тружусь, какъ волъ, съ самоотверженіемъ, съ презрѣніемъ собственныхъ выгодъ, а между тѣмъ бѣдствую совсѣмъ незаслуженно, — это всѣмъ извѣстно, и за это мнѣ никто не ставитъ въ вину того, что въ самомъ дѣлѣ вина, потому что съ большею разсчетливостію, строгостію къ себѣ, ограниченіемъ себя я бы въ половину могъ избѣжать ужасной необходимости быть попрошайкою и жить на чужой счетъ. Ты, напротивъ, пальцемъ о палецъ не ударилъ для снисканія себѣ денегъ; твои труды неизвѣстны обществу — ты о нихъ только трубилъ и провозглашалъ. Но я понимаю самое твое легкомысліе и легкость въ попрошайствѣ—ихъ источникъ твое идеальное прекраснодушіе.

Для тебя спросить у другого «нѣтъ ли у тебя денегъ», — все равно, что спросить „нѣтъ ли у тебя щепокъ», и ты берешь деньги, какъ щепки. Я не помню, чтобы когда-нибудь, имѣя въ карманѣ десять рублей, ты не готовъ былъ отдать мнѣ пяти, а если я представлялъ крайнюю нужду, то и всѣхъ, за исключеніемъ полтины на четвертку табаку или двугривеннаго на извощика. Семьдесятъ пять рублей были не первыми и не послѣдними, какъ о томъ ниже слѣдуетъ. Этого мало: имѣя деньги, ты и не дожидался, чтобы я у тебя попросилъ, а спрашивалъ: «Висяша, не нужно ли тебѣ денегъ?» И ты давалъ, и тѣ, которыя бралъ у другихъ, и тѣ, которыя получалъ съ уроковъ. Это я помню, и умѣю этому дать настоящій смыслъ, прямое значеніе. И потому, когда я говорю о тебѣ съ друзьями, съ нашими, со стороны попрошайства—то моему краснорѣчію нѣтъ предѣловъ—въ немъ и филиппики и ватиканскіе громы; а когда чужой человѣкъ нападаетъ на тебя съ этой стороны, то я очень понимаю возможность оправдать тебя, и мнѣ и досадно, и больно, и этотъ чужой человѣкъ въ моихъ глазахъ — гадкій человѣкъ. Часто, бывало, видя, съ какою легкостью отдавалъ ты мнѣ послѣднія деньги, я спрашивалъ себя — такъ ли я готовъ отдавать тебѣ свои, и находилъ, что нѣтъ, и въ этомъ видѣлъ свою гадость, а твое величіе. Теперь я смотрю на это истиннѣе, потому что смотрю простѣе: все дѣло и вся разница была въ томъ, что я понималъ цѣну этого проклятаго металла, трудность доставать его, а ты нѣтъ; другими словами, безсознательно я былъ дѣйствителенъ въ этомъ отношеніи, а ты былъ олицетворенное прекраснодушіе. Недавно, вчера, узналъ я, какъ горько и тяжело мнѣ слушать нападки на тебя людей, прекрасныхъ, но не знающихъ тебя и судящихъ о тебѣ по твоей внѣшности (которая, точно, очень не хороша), а не по сущности твоей, которая прекрасна. Ты знаешь Дмитрія Щепкина. Онъ вчера заговорилъ со мною о тебѣ и признался, что ни къ кому не чувствовалъ въ жизни такой враждебности и ненависти, какъ къ тебѣ, и мало людей такъ высоко уважалъ, какъ тебя. Это твоя участь, Мишель, благодаря твоей непосредственности, которой ты не хочешь сознать. Ты оскорбилъ Щепкина тѣмъ, что, въ спорахъ съ нимъ, забывалъ его *я*, что въ твоемъ тонѣ было что-то гнетущее, оскорбляющее, какая-то претензія на авторитетъ, какое-то презрѣніе къ чужой личности, наконецъ, неделикатный и оскорбительный тонъ, и еще что-то пошлое,

кадетское, отталкивающее въ непосредственности. Это же впечатлѣніе производилъ ты и на покойника Барсова. «Когда Бакунинъ одушевлялся и говорилъ, я слушалъ, заслушивался и не могъ наслушаться его», говорилъ Щепкинъ; «когда батюшка сбирался и поручалъ мнѣ пригласить васъ всѣхъ къ себѣ,—первое мое попеченіе было, чтобы Бакунинъ былъ у насъ, но терпѣть его не могъ; вызывалъ его на споры, чувствовалъ глубокость и истину его доказательствъ, и не соглашался, чтобы только досадить ему». Это фактъ, Мишель,—подумай объ этомъ. Но не о томъ дѣло, а дѣло въ томъ, что во мнѣ вдругъ родилось сильное желаніе защитить и оправдать тебя, и я какъ будто почувствовалъ возможность этого, и въ самомъ дѣлѣ, во многомъ соглашаясь съ нимъ, я заставилъ его смотрѣть на тебя иначе, въ этомъ отношеніи. Потомъ онъ коснулся внѣшней стороны твоей жизни, о которой много слышалъ не худого, а гадкаго въ Петербургѣ, въ свою весеннюю поѣздку туда. Тогда мнѣ стало больно и досадно, и я сталъ съ жаромъ доказывать ему, что все это совершенная правда только для людей, знающихъ тебя съ одной внѣшней твоей стороны, а для тѣхъ, которые знаютъ твою внутреннюю жизнь, все это нисколько не уничтожаетъ твоего значенія, какъ человѣка съ глубокою и сильною душою, потому что они хорошо знаютъ источникъ твоихъ недостатковъ. Да, Мишель, здѣсь кстати сказать мнѣ, неужели ты думаешь, что я нападаю на тебя только изъ удовольствія нападать на тебя, оскорблять тебя? Мало же знаешь меня, если такъ думаешь. Я, Мишель, не мальчишка и не злой человѣкъ,—повѣрь мнѣ. Я хотѣлъ только указать тебѣ на твои темныя стороны и былъ вправѣ это сдѣлать по тѣмъ отношеніямъ, которымъ охотно вѣрилъ между нами. И неужели всѣ обманываются? Нѣтъ, Мишель, это фактъ: пожить съ тобою въ одной комнатѣ значитъ разойтись съ тобою. Но расходятся двоякимъ образомъ съ человѣкомъ: или признавая его не стоющимъ ни дружбы, ни пріязни, ни знакомства; или признавая въ немъ даже великое, но въ то же время видя въ немъ что-то чуждое ему, которое уничтожаетъ возможность связи съ нимъ, не уничтожая высокаго о немъ мнѣнія. Это твоя участь. Петръ пріѣхалъ изъ Прямухина съ враждебностію къ тебѣ, тщательно скрывая ее отъ всѣхъ, кромѣ брата, отъ меня особенно. Я хотѣлъ узнать его мнѣніе о тебѣ—и хвалилъ тебя: онъ холодно соглашался со мною; я перемѣнилъ тактику и замѣтилъ ему,

что въ тебѣ есть много и нехорошаго, которое всего рѣзче высказывается въ твоихъ отношеніяхъ къ людямъ, и особенно друзьямъ; Петръ встрепенулся тогда и сказалъ, что ты гнетешь чужія самостоятельности, оскорбляешь самолюбіе. Чѣмъ же?— спросилъ я его. Онъ почти не зналъ чѣмъ, и не нашелъ ни одного важнаго факта, но отвѣчалъ, что — всѣмъ. Изъ всего этого ты выведешь мудрое заключеніе, что я силюсь доказать тебѣ, что ты подлецъ, фразеръ, трупъ, логическій скелетъ и пр. и пр.,—не торопись, Миша. Такъ какъ послѣ этого письма я не предполагаю продолженія переписки между нами и такъ какъ я его пишу только потому, что ты обязалъ меня къ этому второю половиною твоего длиннаго письма, то и спѣшу пояснить мои къ тебѣ отношенія, и прошедшія и настоящія, и опредѣлительно и ясно высказать тебѣ мое о тебѣ мнѣніе, такъ, чтобы ты не имѣлъ возможности вкось и вкривь толковать его. Имѣй терпѣніе все это прочесть повнимательнѣе. Обращаюсь къ исторіи нашей дружбы.

Итакъ, въ то время у меня кипѣла исторія съ гризеткою. Я открылъ тебѣ ее, и ты принялъ въ ней искреннее участіе. Станкевичъ былъ тогда на Кавказѣ, и переписка съ нимъ шла бы медленно, а мои раны требовали скораго лѣченія. И ты лѣчилъ меня, лилъ на нихъ отрадный бальзамъ (сравненіе старое, но вѣрное). Ты смотрѣлъ на мою исторію, какъ на паденіе, но иначе тогда ты и не могъ смотрѣть на нее; ты призывалъ меня къ возстанію, говоря, что видишь во мнѣ зародышъ великаго. Не смотря на то, что ты не понималъ дѣла, твой голосъ былъ мнѣ полезенъ, по ходу и развязкѣ моей исторіи; тяжело было бы мнѣ безъ твоихъ писемъ, и если я не впалъ въ бѣшеное, изступленное отчаяніе или въ мертвую апатію, — этимъ тебѣ я былъ обязанъ. Ты началъ настоятельно звать меня въ Прямухино; отъ этого зову у меня мучительно и сладостно содрогалась душа,—она что-то предчувствовала... Я пріѣхалъ. Пропускаю всѣ обстоятельства до того дня, какъ я отпустилъ за столомъ мою рѣзкую фразу, черезъ недѣлю послѣ прочтенія моей первой статьи. Скажу только, что мнѣ было хорошо, такъ хорошо, какъ и не мечталось до того времени: событіе превзошло мѣру и глубину моего созерцанія и моихъ предощущеній. Это меня все болѣе и болѣе связывало съ тобою. Я видѣлъ твои старанія и усилія давать мнѣ средства выказать себя съ самой лучшей стороны. Но съ этого времени (съ знаменитой фразы) начались

диссонансы въ нашихъ отношеніяхъ. Я сталъ замѣчать въ тебѣ и любовь и ненависть ко мнѣ. Первая казалась мнѣ естественною, потому что я самъ искренно любилъ тебя; второй я и не подозрѣвалъ по простотѣ моей, а видѣлъ въ ней не больше, какъ дурныя манеры, вслѣдствіе дурныхъ привычекъ и легкомыслія. Это было ужасное время, Мишель. Тутъ вмѣшалась и моя собственная пошлость, грубая, дикая и чисто животная непосредственность, фразерство, ходули, хлестаковство, словомъ, натянутая идеальность, вслѣдствіе внутренней пустоты и стремленія замѣнить ее мишурною внѣшностію, отсутствіе нормальности, естественности и простоты. Но и этимъ не все кончилось: тутъ еще вмѣшалась ложность положенія, произвольно (или почти произвольно) себѣ данная, т.-е. ложное чувство, въ которомъ истинна была только потребность чувства, наконецъ (что грѣха таить?), чувство, которое часто, очень часто, я насильственно развивалъ въ себѣ, насильственно отвлекаясь отъ всего прочаго, чтобы дать призраку видъ дѣйствительности. Не виню себя за это: что было—должно было быть, и, кромѣ того, потребность-то была все-таки и сильна, и истинна. Да, чувство это не развивалось безсознательно, не закрадывалось въ сердце украдкою, непосредственно, нормально и просто. За это я и поплатился—и по дѣломъ: будь, дуракъ, простѣе и добросовѣстнѣе съ собою и самовольно не давай себѣ того, въ чемъ судьба отказываетъ. A force de forger on devient forgeron—правда, и потому жаль, что правда; но изъ кузнецовъ-то выходить тяжело,—и то правда,—но не шали бритвою — обрѣжешься, а иногда и зарѣжешься, а коли ужъ обрѣзался или зарѣзался — не жалуйся—не чортъ виноватъ. Я такъ и хочу дѣлать — и уже успѣваю. Но несмотря на все — эти три мѣсяца 36 года, всѣ до одного дня и часа, хотя они и были для меня адомъ, но и теперь отъ одного воспоминанія о нихъ, — я чувствую вѣяніе рая. Что дѣлать?—такова натура человѣка: есть—проклинаетъ, было—жалѣетъ, зачѣмъ не есть.

Мы уѣхали—торжественно; для насъ былъ отъ сей стороны громъ и отъ тоій стороны громъ,—ну, точь въ точь, какъ угнетенная невинность или поросенокъ въ мѣшкѣ. Въ Москвѣ началась новая эпоха нашей дружбы, дикая и чудная. Твоя враждебность ко мнѣ росла не по днямъ, а по часамъ, аки пшеничное тѣсто на опарѣ. Ты какъ будто взялъ, въ отношеніи ко мнѣ, въ руководство слова знакомаго тебѣ капитана: бью

тебя, когда мнѣ угодно и сколько мнѣ угодно, и въ самомъ дѣлѣ билъ, когда и сколько угодно, и билъ съ такой стороны, съ какой и враговъ не бьютъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что съ этой же щекотливой стороны ты въ иныя минуты лилъ въ мою болѣющую душу бальзамъ сладкаго, искренняго и святого участія и этими минутами выкупалъ недѣли и мѣсяцы. Я жаловался Станкевичу и сталъ находить особенное наслажденіе осуждать тебя и съ другими со стороны неделикатности, самой грубой и дикой. Но я все-таки былъ далекъ отъ мысли о твоей враждебности, и никогда сомнѣніе въ дѣйствительности нашей дружбы не тревожило меня ни сознательно, ни безсознательно: для меня дѣло шло просто о неделикатности, вслѣдствіе офицерскихъ привычекъ. Ты въ моемъ понятіи стоялъ высоко и былъ такъ выше меня, что твою дружбу я почиталъ болѣе снисхожденіемъ ко мнѣ, нежели чѣмъ-то такимъ, на что я имѣлъ право, и я приписывалъ ее какой-то безсознательной любви ко мнѣ, а не тому, чтобы ты увидѣлъ во мнѣ свое, родное. Наконецъ, мнѣ стало невыносимо, и только квартира Владиміра Константиновича Ржевскаго сводила меня съ тобою, а уже не внутреннее влеченіе. Николай заболѣлъ—страшная дѣйствительность вытанцовалась, и это поправило наши отношенія, заставивъ тебя обратиться ко мнѣ и раздѣлить со мной свое тяжкое горе. Мелочи и пошлости замерли (а не умерли) передъ ударомъ судьбы. То же самое обстоятельство поправило мои отношенія и къ Николаю: я сдѣлался необходимымъ для обоихъ васъ. Во мнѣ было маленькое чувствованьице противъ Николая: я обвинялъ его въ томъ, въ чемъ всѣ были равно виноваты, и собственно никто не былъ виноватъ. Мало по малу обстоятельства перевернулись снова: твоя непосредственность начала противѣть мнѣ уже безъ всякихъ личныхъ отношеній съ твоей стороны ко мнѣ. Я замѣчалъ то же самое чувство (только глубже и сильнѣе) и въ Николаѣ. По пріѣздѣ нашемъ изъ Прямухина, онъ назвалъ тебя Хлестаковымъ, но добродушно и въ шутку; тутъ онъ повторилъ это названіе, но только уже совсѣмъ не въ шутку. Я съ удивленіемъ узналъ, что со мною онъ былъ къ тебѣ еще очень милостивъ, но Ключникову и Каткову отзывался о тебѣ съ презрѣніемъ и ненавистью. Ты имѣлъ для меня глубокое и таинственное значеніе съ одной стороны (извѣстной тебѣ), и, сверхъ того, мой образъ мыслей и нѣкоторыя стороны характера были очень близки съ твоими: онъ это зналъ и остерегался меня. Но

тѣмъ не менѣе, собственное мое непосредственное чувство противъ тебя было подкрѣплено его враждебностію. Сверхъ того, еще съ самаго возвращенія изъ Прямухина у меня завязывался узелъ новой дружбы съ Боткинымъ, къ которому я старался приходить такъ, чтобы намъ можно быть только вдвоемъ, къ которому я всегда шелъ, какъ на свиданія любви, съ какимъ-то мистическимъ волненіемъ. Я не замѣчалъ въ немъ ни одного поступка, ни одной выходки, которые обнаружили бы въ немъ (по тогдашнимъ моимъ понятіямъ) огромную и глубокую душу, но въ которомъ я почему-то чувствовалъ ее и былъ въ ней увѣренъ. Эта новая связь была тогда для меня благодѣтельнымъ отводомъ. Наконецъ, ты поѣхалъ въ Прямухино—это снова подмазало скрипучія вереи нашей дружбы. По моему обыкновенію, отъ твоего пріѣзда я ожидалъ чего-то важнаго для себя, такого, въ чемъ не могъ сознаться самому себѣ. Все это было похоже на связь двухъ супруговъ, не любящихъ другъ друга, но по необходимости соединенныхъ общими выгодами, не въ сущности, а во внѣшности связи заключенными. Ты возвратился, и твоя поѣздка ничего не рѣшила для меня; но ты сказалъ, что онѣ любятъ меня, что я вошелъ въ ихъ жизнь. Это было новымъ подкрѣпленіемъ нашихъ дружескихъ отношеній. Наконецъ, насталъ часъ разлуки. Это было ужасное время для меня: физическія страданія, душевныя страданія, потомъ еще другія, безотрадныя страданія,—все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлало то, что во мнѣ человѣкъ умеръ,—остался одинъ самецъ. Холоденъ и ужасенъ былъ мой развратъ. Наконецъ, холодно простился я съ тобою, который долженъ былъ ѣхать въ Прямухино, холодно я простился со Станкевичемъ, который скоро долженъ былъ ѣхать за границу—и я заключилъ изъ этого, что я подлецъ.

До Воронежа мы видѣли осень, гадкую, холодную и грязную; за нимъ мы увидѣли чистое, безоблачное небо, ощутили вѣяніе весны. Душа моя растворилась для любви, послышавъ зовъ весны и встрепенувшись отъ чистаго неба и лучезарнаго солнца. Сидя въ бричкѣ, я читалъ «Годунова», и если теперь почитаю себя вправѣ судить о немъ, то обязанъ этимъ тому непосредственному чувству, которымъ глубоко воспринялъ въ себя это шекспировское созданіе. На Кавказѣ завязалась у меня съ тобою нравственная переписка. Сѣрныя ванны истощили мою жизненность, и я сталъ—живой трупъ; чувство умерло, и душа болѣла только сознаніемъ гадости прошедшей жизни. Безотрадная бу-

душность, стѣсненность положенія — представляли мнѣ возвращеніе въ Москву путешествіемъ въ гробъ. Хотѣлось умереть. Чужіе гривенники жгли мнѣ руки и душу. Это была раздѣлка за прошлое. Я пишу къ тебѣ о моихъ мученіяхъ, въ чаяніи утѣшенія отъ тебя, приписываю наши страданія дурной жизни, неаккуратности. Знаешь ли, Мишель, что эта нравственная переписка была началомъ нынѣшней, и что нынѣшняя есть ея продолженіе, или ея окончаніе. Да, это такъ. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя отвѣта—и получаю его. Съ полученіемъ этого отвѣта началась новая эпоха нашей дружбы. Ты вырвался изъ душной атмосферы конечнаго разсудка, конечнаго произвола и конечной воли — и перешелъ въ свободный элементъ благодати, и былъ гордъ своею новою жизнію. Но этотъ переходъ былъ не полонъ, и ты не разсчелся съ прошедшимъ, потому что впослѣдствіи много (хотя и меньше) повторилось прошедшаго, и сверхъ того въ тонѣ письма твоего мнѣ показалось много совсѣмъ не благодатнаго. Особенно поразила меня легкость, съ которою ты говорилъ въ немъ о своемъ намѣреніи разстаться съ нами передъ нашимъ разъѣздомъ и намекалъ, что это и всегда будетъ тебѣ легко сдѣлать, если мы не будемъ понимать другъ друга, и это у тебя значило—если не будемъ думать одно. Меня обдало холодомъ, и тутъ въ первый разъ проникло въ мою душу сомнѣніе въ дѣйствительности нашей дружбы. Я вспомнилъ, что за разность убѣжденій ты очень легко разрывалъ уже и не такія связи... вспомнилъ одно письмо... обморокъ... удовольствіе, съ какимъ ты писалъ это письмо и читалъ его мнѣ... и прочее. Въ первый разъ ясно представилось мнѣ, что идея для тебя дороже человѣка. На словахъ я и самъ часто думалъ то же; но на дѣлѣ всегда поступалъ иначе. Я началъ мои нравственныя письма къ тебѣ и, по случаю болѣзни Ключникова, выразилъ мои понятія о томъ, что человѣкъ дороже идеи, и что основаніемъ дружбы, какъ и всякой любви, должна быть безсознательная симпатія, влеченье—родъ недуга. Я возвратился въ Москву. Переписка моя съ тобою продолжалась. Наконецъ, я получилъ отъ тебя письмо, изъ котораго увидѣлъ ясно, что и ты умѣешь сознавать и признавать въ себѣ свои темныя и черныя стороны. Изъ него же я узналъ и причину твоей враждебности ко мнѣ — и простилъ тебя. Ты сталъ великъ въ глазахъ моихъ своимъ признаніемъ, и я только тогда убѣдился, что ты въ самомъ дѣлѣ находишься въ состояніи благодати. Благодатное

состояніе духа родитъ и благодатныя дѣйствія. Кромѣ того, я услышалъ отъ тебя такія признанія, которыя выговариваются только друзьямъ. Я заплатилъ тебѣ такимъ же признаніемъ. Отношенія наши опять пошли хорошо, и лучше, чѣмъ когда-либо, потому что я узналъ о твоей ко мнѣ дружбѣ по фактамъ, а не по разсужденіямъ, а вѣдь эти двѣ вещи часто разногласятъ. Въ своей же дружбѣ къ тебѣ я никогда не сомнѣвался. Ты пріѣхалъ, переѣхалъ ко мнѣ, раздѣлилъ со мною все, что у тебя было, и еще такъ, что бо́льшую часть предоставилъ мнѣ. Я тратилъ твои деньги, и это было для меня пыткою, но не потому, чтобы меня тяготило твое одолженіе, а потому, что меня тяготило твое положеніе, будущность котораго была очень плоха со стороны внѣшней жизни, въ которой безъ денегъ плохо. Ты предвидѣлъ поѣздку въ Прямухино и хотѣлъ уберечь нужную для нея сумму денегъ. Я тебѣ сказалъ, что ихъ нѣтъ, что намъ нечѣмъ жить, — и ты, вмѣсто того, чтобы сдѣлать хоть какую-нибудь гримасу, въ грустномъ раздумьѣ сталъ ходить по комнатѣ и пѣть «безъ разуму люди», что́ я очень любилъ слышать. Никогда я не видалъ отъ тебя столько любви ко мнѣ, въ твоей непосредственности столько благородства, въ твоей душѣ такого широкаго размета, во всей твоей индивидуальности, и внутренней и внѣшней, такой поэзіи, такой львообразности, какъ въ этотъ день. Воспоминаніе о немъ всегда будетъ живо во мнѣ, и подъ этою формою ты всегда будешь существовать для меня. Еще передъ этимъ у меня были съ тобою нѣкоторыя объясненія, въ которыхъ ты принялъ такое участіе, что я еще болѣе убѣдился въ твоей любви ко мнѣ. Словомъ, никогда наша дружба не была въ лучшемъ состояніи, какъ тогда. Не говорю уже о томъ благодѣтельномъ вліяніи, которое ты имѣлъ на меня уничтоженіемъ нравственной точки зрѣнія во имя благодати, сообщеніемъ идей, которыхъ я безъ тебя и теперь бы не зналъ. Повѣрь, Мишель, что мнѣ не только не тяжело и не трудно, но даже легко и пріятно признаваться въ этомъ. Одно только подгадило наши тогдашнія отношенія — это твоя шутка, въ которой выказалась вполнѣ вся дурная и грязная сторона твоей непосредственности, и отъ которой меня и теперь тошнитъ, — это нахожденіе большого сходства одной особы съ Бетиною, и никакого во мнѣ съ Гете. Конечно, это правда, но зачѣмъ же было это говорить, зная мои отношенія къ этой особѣ, какъ будто бы оно и безъ того такъ не стояло? Можетъ быть, ты,

Мишель, и забылъ объ этомъ,—я и самъ забылъ было, да вспомнилъ по случаю полученія отъ тебя извѣстной записки съ копіею. Переѣздъ мой въ институтъ былъ новою эпохою нашей дружбы. Ты оставилъ меня, не сказавши мнѣ объ этомъ, съѣхалъ отъ меня къ Боткину, какъ бы украдкою. Въ этомъ, конечно, было больше ребячества, нежели чего-нибудь дѣйствительно дурного, но я во второй разъ содрогнулся за нашу дружбу. Сверхъ того, я почувствовалъ, что противъ меня образуется сепаратная коалиція, что обо мнѣ начинаются толки и пересуды, что моя особа подвержена анализу. Мѣсяцемъ раньше — это меня зарѣзало бы; но во мнѣ уже совершился великій процессъ духа, и я въ первый разъ созналъ свою силу, самобытность и дѣйствительность (свою, Мишель). Ты приходишь ко мнѣ и объявляешь, что не имѣемъ права писать и печататься по недостатку объективнаго наполненія и дѣйствительности, а главное потому, что ни одинъ изъ насъ не можетъ опредѣлить ни музыки, ни поэзіи такъ, чтобы послѣ насъ никому не осталось объ этомъ сказать ни слова. Но ты поздно пришелъ ко мнѣ съ этими идеями и не разсчелъ, что онѣ могли быть истинны только для тебя, какъ выраженіе твоего моментальнаго состоянія; моя діалектика была слаба передъ твоею, но во мнѣ были уже слишкомъ сильны, глубоки и дѣйствительны нѣкоторыя убѣжденія,—и я дѣлалъ свое безъ помѣхи, съ жаромъ и энергіею, ни мало не чувствуя вліянія твоихъ построеній. Тутъ я сдѣлалъ одну ошибку: мнѣ бы, зная превосходство твоей діалектики надъ моею, не надо было входить съ тобою въ споры, но я не остерегся и часто предавался досадѣ и выходилъ изъ себя, приводимый въ бѣшенство твоими парадоксами и безсиліемъ поколотить тебя на нихъ. Ты дошелъ до того, что сталъ наказывать меня явнымъ презрѣніемъ и присоединилъ къ коалиціи Аксакова. Я все видѣлъ,—грустилъ, но уже не унывалъ, не предавался апатіи, потому что нашелъ силу опереться на самого себя. Тутъ я написалъ письмо къ Станкевичу, изъ котораго ты увидѣлъ, что немножко поспѣшилъ своимъ заключеніемъ обо мнѣ, что я не такой пошлякъ, какимъ ты меня хотѣлъ сдѣлать и для себя и для другихъ, и что, наконецъ, мое чувство было не такъ гадко и отвратительно, чтобы на него можно было плевать. Ты въ этомъ сознался; сказалъ мнѣ, что въ послѣднее время твоей жизни со мною наши отношенія опошлились; я далъ тебѣ замѣтить, что вольно же тебѣ было ихъ опошливать. Но вполнѣ ты не могъ

побѣдить своей ко мнѣ враждебности. Послѣ ораторіи «Paulus» были толки о томъ,—что бы значило, что музыка не производитъ на меня никакого впечатлѣнія, а такъ какъ впечатлѣніе отъ всякаго произведенія искусства есть не что иное, какъ музыкальное состояніе, то и должно быть, что у меня нѣтъ эстетическаго чувства. Я видѣлъ, что ужъ подбираются къ моей сущности и хотятъ ее немножко распечатать, чтобы увидѣть, не содержится ли въ ней доноса или просто переписки. По прежнему стихи Гете—

Лишь тотъ и жизни и любви достоинъ,
Кто каждый день ихъ съ бою достаетъ.

читались съ припѣвомъ: «Бѣлинскому это не нравится», и вообще съ нѣкоторою ироническою улыбкою на мой счетъ. Но я былъ въ новомъ для меня состояніи — я торжествовалъ свѣтлый праздникъ воскресенья, въ которомъ не было ни тѣни горя и грусти, но одна чистая, безграничная и святая радость, словомъ, это было лучшее время моей жизни, цвѣтъ моего бытія,—и былъ слишкомъ далекъ, чтобы обращать вниманіе на подобныя выходки и смущаться ими. Только ложное положеніе и мучительное состояніе Боткина минутами огорчало меня, но такъ какъ я слишкомъ хорошо понималъ источникъ его страданій и никогда не сомнѣвался въ его дружбѣ ко мнѣ,—то и сидѣлъ у моря и дожидался погоды. Предчувствія и ожиданія не обманули меня: съ грустію объявилъ ты мнѣ, что и съ Боткинымъ твои отношенія опошлились, что онъ питаетъ къ тебѣ какую-то враждебность. Я не обрадовался этому, но мнѣ стало тебя искренно жаль. Пришелъ Боткинъ—и на его лицѣ я прочелъ невыразимое страданіе духа, вслѣдствіе ложнаго положенія. Я подошелъ къ нему и сказалъ, что вылѣчу его. Я сдѣлалъ это съ такимъ движеніемъ, которое произвело на тебя эффектъ. Боткинъ послалъ къ тебѣ свое желчное письмо, въ которомъ довольно удачно и вѣрно объектировалъ для тебя нѣкоторыя твои стороны. Я послалъ комментаріи къ этому письму. То и другое было для тебя неожиданно, въ томъ и другомъ было много правды, но то и другое не испугало тебя за самого себя, а только взбѣсило. Ты сталъ доказывать, что со мною твоя дружба была основана на сродствѣ нашихъ сущностей, а Боткинъ къ тебѣ присталъ, «я его хвалилъ, а онъ меня», писалъ ты. Какъ мнѣ было понимать тебя? Какъ мнѣ

было понимать твою дружбу къ кому бы то ни было? Тогда я принялъ этотъ поступокъ за подлость: теперь въ немъ вижу доказательство, что у тебя съ Боткинымъ въ самомъ дѣлѣ никогда не было дружбы, и что онъ тебя, а не ты его любилъ; жаль только, что эту истину ты выговорилъ въ слишкомъ пошлой формѣ. Это обстоятельство накинуло тѣнь и на мои къ тебѣ дружескія отношенія и значительно посбавило съ нихъ цѣны. Кому легко развязаться съ однимъ,—тому не трудно раздѣлаться и съ другимъ. Кто играетъ такимъ словомъ, какъ дружба, тому ничего не стоитъ играть и друзьями, а согласись, что быть игрушкою очень не лестно. Наконецъ, ты пріѣхалъ въ Москву. По трепету, съ какимъ я встрѣчался съ тобою, я видѣлъ, что еще люблю тебя; но ты только узналъ, что меня не любишь. Въ этотъ-то пріѣздъ ты отпустилъ Боткину свою знаменитую фразу: «Васинька съ Висяшей вздумали меня учить»,—фразу, которая обнаружила, въ какихъ отношеніяхъ ты всегда считалъ себя съ нами. А почему же и не поучить, Мишель, если есть чему поучить? Вѣдь мы охотно учились у тебя. Авторитетъ и дружба—вода и огонь, вещи разнородныя и враждебныя; равенство—условіе дружбы. Пока мнѣ нуженъ былъ твой авторитетъ,—я несъ его и не почиталъ его авторитетомъ, а возставалъ только противъ непосредственности, когда она была несносна. Когда же авторитетъ болѣе сталъ не нуженъ, тогда онъ сдѣлался тяжкимъ, обиднымъ и унизительнымъ игомъ, и я сбросилъ, стряхнулъ его. Авторитетъ налагается непосредственно, безсознательно; когда же съ нимъ лѣзутъ, то становятся несносны и смѣшны. Станкевичъ никогда и ни на кого не налагалъ авторитета; а всегда для всѣхъ былъ авторитетомъ, потому что всѣ добровольно и невольно сознавали превосходство его натуры надъ своею. Въ этомъ смыслѣ авторитетъ иго благое и бремя легкое. Вообще, дѣло въ томъ, чтобы его признали другіе сами; когда же онъ навязывается, то лопается самъ собою. Равнымъ образомъ, и превосходство человѣка признается другими, а ему самому часто (если не всегда) менѣе всѣхъ бываетъ извѣстно.

Ты уѣхалъ, сталъ писать къ Боткину—ко мнѣ нѣтъ. Наконецъ, пріѣхало въ Москву твое семейство. Увидѣвшись съ ними, я тотчасъ отправился къ Боткину и прочелъ у него письмо о небесной дружбѣ, изъ которой я былъ выключенъ. Я имѣю причины и нераздѣленную любовь не почитать дѣйствительною; но

нераздѣленная дружба, гдѣ одинъ страдаетъ, другой не понимаетъ, показалась мнѣ даже чѣмъ-то смѣшнымъ и комическимъ. Но потому ли, что я все еще искренно любилъ тебя, или потому, что мнѣ (вслѣдствіе моей натуры) труднѣе, нежели кому-нибудь разрывать связи, которыя я почиталъ кровными, или по оскорбленному самолюбію, или, наконецъ, по всему этому вмѣстѣ взятому,—только выключеніе тобою меня изъ числа твоихъ друзей такъ живо тронуло и оскорбило, что Боткинъ сталъ меня утѣшать всѣми доводами логики. Можетъ быть, меня особенно оскорбило твое мнѣніе, что со мною можно имѣть только земную дружбу, какъ есть женщины, къ которымъ можно чувствовать только земную любовь,—и это тѣмъ болѣе могло оскорбить меня, что я чувствовалъ въ этихъ словахъ выговореніе твоего истиннаго мнѣнія обо мнѣ, какъ о явленіи. Но проснувшись на другое утро, я вдругъ ощутилъ себя въ свободномъ элементѣ жизни, гдѣ исчезаютъ всѣ мелочности, случайности, гдѣ все понимаешь, все любишь. Не знаю, было ли это пробужденіемъ моей прежней любви къ тебѣ, или объективное созерцаніе тебя, какъ чуднаго и прекраснаго явленія жизни, внѣ всякихъ отношеній ко мнѣ, только сердце мое забилось живою, трепетною любовію къ тебѣ, которая вполнѣ и выразилась въ моемъ письмѣ къ тебѣ, которое ты получилъ черезъ нихъ. Я пріѣхалъ въ Прямухино, не чувствовалъ къ тебѣ враждебности, но не чувствовалъ и любви; твое присутствіе сжимало, стѣсняло и смущало меня какъ-то странно. Вдругъ ты уѣзжаешь въ Торжокъ дожидаться тамъ Петра. Поѣздка эта была въ тебѣ порывомъ, и порывомъ благороднымъ и святымъ. Мы съ Боткинымъ получили отъ тебя по запискѣ. Ко мнѣ ты писалъ коротко, просто, но многозначительно, энергически и съ любовію. Ты избавилъ меня отъ утѣшеній, понявъ, что для человѣка въ моемъ положеніи и съ моею душою, они излишни; ты избавилъ меня и отъ разсужденій, потому что былъ въ элементѣ глубокаго созерцанія жизни. Ты писалъ, что, сидя въ комнатѣ трактира, обдумываешь свое предисловіе къ Бетинѣ, поешь, грустишь, понимаешь всю затруднительность дѣлъ, весь ужасъ будущаго—и счастливъ. Я это понялъ и оцѣнилъ—и ты предсталъ мнѣ во всей своей глубокой сущности, во всемъ свѣтѣ своего значенія, могущій, просвѣтленный, львообразный. Твою записку я берегу, какъ святыню, и такою она останется для меня навсегда. Ты пріѣхалъ, и въ тотъ же вечеръ я имѣлъ съ тобою разговоръ,

примѣчательный для меня по его содержанію и еще потому, что въ немъ ты проговорился своимъ истиннымъ мнѣніемъ объ насъ обоихъ. Мои чувства и понятія были въ то время такъ смѣшанны и находились въ такомъ хаотическомъ броженіи, что я былъ далеко не въ состояніи опредѣлить впечатлѣнія, произведеннаго на меня твоею обмолвкою, и вообще мои отношенія къ тебѣ превратились въ инфузорій. Помню только, что мнѣ были крайне не по сердцу твои похвалы и особенно проявленія твоихъ восторговъ при видѣ силы, съ которою я терпѣлъ то, что не всѣ терпятъ съ силою. Я чувствовалъ (но еще смутно), что любовь къ человѣку въ общемъ еще не есть любовь, что сливаться въ общемъ можно со всякимъ, для кого только существуетъ общее, но любить можно только нѣкоторыхъ, словомъ, что истинная любовь есть что-то мистическое, таинственное, и есть любовь къ индивиду, а не его достоинству, къ частности, а не къ общему, отвлеченно представляемому отъ частнаго. Это вѣрно и понятно. Ты знаешь Богданова: я до сихъ поръ не знаю, что̀ составляетъ сущность жизни этого человѣка, въ чемъ его общее, но горячо люблю его, чортъ знаетъ за что, и увѣренъ, что для нашей дружбы, для того, чтобы я не скрылъ отъ него никакой задушевной тайны, недостаетъ только вліянія обстоятельствъ внѣшнихъ, т. е. привычки, жизни вмѣстѣ и т. п. Но я очень хорошо понимаю, что могъ бы не сойтись и съ самимъ Пушкинымъ, какъ съ человѣкомъ, боготворя его, какъ поэта. Это такъ, а почему—не знаю, и не имѣю потребности знать. Думаю, что этого и нельзя, да и не нужно знать. Это таинство, мистерія духа. Наконецъ, мы стали собираться въ дорогу. Въ этотъ день я провелъ съ тобою нѣсколько сладкихъ минутъ, которыя навсегда останутся для меня памятны. Но простился съ тобою холодно, хотя ты прощался со мною и горячо. Можетъ быть, въ этомъ ты увидишь противо̀рѣчіе—но мнѣ что̀ до этого?—я вижу въ этомъ факты и хочу представить ихъ тебѣ добросовѣстно, не искажая; а что этимъ, можетъ быть, подамъ тебѣ оружіе на самого себя,—и до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Я хочу добраться истины, а не торжествовать побѣду,—это-то и есть теперешняя моя дѣйствительность съ желѣзными когтями. Передъ прощаньемъ ты какъ-то странно и загадочно говорилъ со мною о Боткинѣ, какъ-бы удивляясь тому, что онъ все еще дилетантъ, тогда какъ мы съ тобою уже опредѣлились въ нашемъ назначеніи. А съ нимъ говорилъ, что любишь меня объек-

тивно. Я понимаю цѣну всякой объективной любви,—твоей особенно. Замѣчу только, что во всемъ этомъ бездна противорѣчій, странностей и недоразумѣній, которыя всѣ вышли изъ ложности нашихъ отношеній. По возвращеніи въ Москву я писалъ тебѣ много и часто, и эти письма были диѳирамбами любви. Но въ нихъ я былъ весь въ себѣ, или въ той бурѣ, которая еще была въ самомъ сильномъ разгарѣ своемъ, и потому уясненіе моихъ отношеній не могло быть ихъ содержаніемъ. Но первая (которую я считаю второю и продолженіемъ нравственной) наша полемическая переписка была не кончена, а только прервана внѣшнимъ образомъ. Мира не было, а только перемиріе, наскоро сдѣланное. Поэтому, въ первыхъ моихъ письмахъ до смерти Любови Александровны уже скоплялась эта буря, которая разразилась въ длинныхъ диссертаціяхъ. Уже и тамъ я безсознательно, въ видѣ вопросовъ, выговорилъ многія сомнѣнія, тогда еще неясныя для меня, и письма неистощимой любви скоро бы превратились въ длинныя диссертаціи; но смерть Любови Александровны, которая глубоко и религіозно потрясла меня, снова отвлекла меня и отъ самого себя, и отъ тебя, и отъ всего прочаго. Утихла и эта буря, и вдругъ во мнѣ выговорилось то, что только прежде чувствовалось. Сухость твоихъ писемъ, выразившаяся въ обиліи разсужденій, возвращеніе Боткина изъ Нижняго и Петра изъ Прямухина помогли процессу совершиться окончательно. Я написалъ тебѣ первую мою длинную диссертацію и получилъ на нее въ отвѣтъ слѣдующія строки: «Любезный Виссаріонъ, сейчасъ получилъ твое письмо. Повѣрь мнѣ, оно меня не оскорбило: я принялъ его, какъ письмо человѣка, любящаго меня и не имѣющаго отъ меня никакихъ тайнъ. Отвѣтъ мой будетъ доказательствомъ истины моихъ словъ... Письмо твое требуетъ длиннаго, отчетливаго отвѣта,—и я буду отвѣчать тебѣ, буду говорить съ тобою, какъ съ самимъ собою. Выскажу все, что сумѣю высказать. Между нами явился новый предметъ для полемики; да, для полемики: будемъ называть вещи ихъ именами». Предчувствуя темно ложность нашихъ отношеній, я еще въ первой длинной диссертаціи намекалъ, что ты мнѣ другъ не во всемъ, что у тебя есть стороны жизни, закрытыя для меня, что ты не примешь моей правды, оскорбишься ею, и пр.; но несмотря на то послалъ тебѣ вторую длинную диссертацію, которую скорѣе можно назвать импровизаціею, мгновенно и безъ перерывовъ вырвавшеюся изъ взволнованной, потрясенной души.

Благодаря неистовству моей натуры, я весь сидѣлъ въ предметѣ моихъ диссертацій, забывъ все остальное, какъ чуждое мнѣ, отрѣшившись отъ всѣхъ интересовъ, составляющихъ сущность моей жизни, и мои диссертаціи были написаны, какъ бы безъ моего вѣдома, по какому-то вдохновенію. И вдругъ я получаю отъ тебя увѣреніе, что ты понимаешь источникъ и побудительныя причины моего поступка, что ты видишь во мнѣ человѣка, который тебя любитъ и который не имѣетъ отъ тебя никакихъ тайнъ. Тогда я написалъ третью длинную диссертацію, которую и началъ похвалами тебѣ, что второе отрицаніе ты выдерживаешь тверже, благороднѣе. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ прочихъ и многихъ причинъ, побудившихъ меня на подобную откровенность, было еще и желаніе—узнать, сдѣлать послѣдній и удовлетворительный опытъ: друзья ли мы или только играемъ комедію и фразами замѣняемъ дѣло, а комедія и фразы мнѣ уже крайне надоѣли и опротивѣли. И что же?—вдругъ я получаю ругательную, насмѣшливую записку, написанную вмѣсто чернилъ слюною бѣшеной собаки, упитанную желчью, злобою, всѣми гадостями, до которыхъ въ состояніи унизиться духъ человѣческій. Въ этой запискѣ все прошедшее было отринуто, сознано комедіей, фарсомъ, обманомъ. Положимъ, что мой поступокъ былъ бы подлъ, если бы я научилъ Петра написать его письмо къ Варварѣ Александровнѣ (я не боюсь, какъ ты, словъ подлый и подлецъ: всѣ люди подлецы, и истинная подлость состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать подлости, а въ томъ, чтобы, дѣлая ихъ, не сознаваться; только нравственно-французская точка зрѣнія можетъ изъ подлеца дѣлать такое ужасное слово, которое навсегда клеймитъ человѣка и не оставляетъ ему выхода ни въ любви, ни въ благодати); положимъ, говорю я, что мой поступокъ (если бы онъ былъ моимъ) былъ и подлъ: не долженъ ли бы онъ былъ оскорбить тебя вдвойнѣ, втройнѣ, и за себя, и за меня, и за нашу дружбу, и не должно ли бы въ твоемъ отвѣтѣ быть больше грусти, страданія, скорби, нежели злости и яду? Нѣтъ, Мишель, если бы ты любилъ меня хоть немного, то никогда не былъ бы въ состояніи сбросить связь со мною, какъ изношенный сапогъ или истасканный галстухъ; нѣтъ, ты написалъ бы мнѣ такъ: «Любезный Виссаріонъ, не ожидалъ я отъ тебя такого поступка: глубоко оскорбилъ онъ меня—я не заслужилъ его, Богъ съ тобою. Не могу признать всего прошедшаго за призракъ, не могу легко разстаться съ тобою; но, Бога ради, оставь меня со сто-

роны моего семейства; думая и разсуждая о немъ такъ, ты правъ въ отношеніи къ себѣ, но не къ нему». И что же? вмѣсто этого бѣшенство, злоба, толкованіе о томъ, что сестры для тебя слишкомъ святой предметъ, чтобы ты могъ говорить о нихъ со всякимъ. Какъ эти слова гармонируютъ съ тѣми, которыя выписалъ я изъ прошлаго письма? Злой человѣкъ, скажи мнѣ: что я сдѣлалъ худого, въ чемъ мое преступленіе? Неужели въ томъ, что я не хотѣлъ отъ тебя имѣть никакихъ тайнъ и почиталъ за подлость не сказать тебѣ и такихъ истинъ, которыя могли для тебя быть жестоки, но, какъ истины (по крайнему моему разумѣнію), были для тебя необходимы? Не говорю о нихъ: онѣ никогда не понимали меня, поэтому неудивительно, что не поняли и теперь. Я, можетъ быть, и виноватъ передъ ними тѣмъ, что не понялъ моихъ отношеній къ нимъ, тѣмъ болѣе, что онѣ никогда не говорили мнѣ, чтобы между мною и ими существовало какое-нибудь родство и дружескія отношенія. Онѣ оскорбились— и этимъ открыли мнѣ глаза на дѣйствительныя отношенія между мною и ими: быть такъ!—но я все-таки передъ ними чистъ и правъ и, кромѣ ошибки въ понятіи отношеній, ни въ чемъ не виноватъ передъ ними. Но и это вина не большая, если сообразить, что, во первыхъ, ты ввелъ меня въ эту ошибку, а во вторыхъ, что я писалъ къ тебѣ и говорилъ тебѣ, а не имъ. Но ты—куда дѣвалась твоя философія, твоя вѣра въ могущество истины и мысли? Ты, три года твердившій намъ, что истинно только то, что дѣйствительно, а дѣйствительно то, что выдерживаетъ всякое отрицаніе и не боится истины, но въ ней находитъ свое оправданіе и опору; что въ дружбѣ должны быть только истинныя отношенія и полная откровенность, что недобросовѣстно и подло намъ имѣть другъ о другѣ затаенныя и скрываемыя понятія; ты, позволявшій себѣ говорить намъ всякую правду, всякую истину? И это дружба? И ты еще не догадался, что никогда и никому не былъ ты другомъ, а слѣдовательно, и не имѣлъ друзей? Ты хотѣлъ смотрѣть на насъ сверху внизъ — и называлъ себя нашимъ другомъ? Вотъ тебѣ полная и подробная исторія нашей дружбы. Даю тебѣ факты—выводи результаты. А я скажу только то, что никогда не былъ ты мнѣ другомъ, но я тебѣ былъ имъ, потому что ничего завѣтнаго не было у меня отъ тебя, и ничто не могло оскорбить меня въ тебѣ до желанія разорвать связь, и что если я обвинялъ тебя во многомъ дурномъ, то съ цѣлью открыть тебѣ глаза, а не для разрыва, не для того, чтобы на-

слаждаться созерцаніемъ твоихъ черныхъ сторонъ. Ты пишешь къ Боткину, что я считаю тебя пошлякомъ и только мажу тебя по губамъ твоею субстанціею. Мишель, Мишель! горько мнѣ слышать это,—горько, какъ новое доказательство, что не было между нами дружбы, и что не понималъ и не понимаешь ты меня. Нѣтъ, всегда признавалъ и теперь признаю я въ тебѣ благородную львиную природу, духъ могущій и глубокій, необыкновенное движеніе духа; превосходныя дарованія, безконечное чувство, огромный умъ; но въ то же время признавалъ и признаю: чудовищное самолюбіе, мелкость въ отношеніяхъ съ друзьями, ребячество, легкость, недостатокъ задушевности и нѣжности, высокое мнѣніе о себѣ на счетъ другихъ, желаніе покорять, властвовать, охоту говорить другимъ правду и отвращеніе слушать ее отъ другихъ. Для меня эти противорѣчія представляютъ единое цѣлое, одного человѣка. Ты—богатое соединеніе самыхъ прекрасныхъ элементовъ, которые еще находятся въ броженіи и требуютъ большой разработки. Не мертвый абстрактъ, не логическій трупъ, а олицетворенная философія Спинозы: ты пламенѣешь неистощимою любовію къ Богу, но Богу, какъ субстанціи всего сущаго, какъ къ общему, оторванному отъ частныхъ явленій, и еще никогда не любилъ ты субъекты и образы индивидуальные. Какъ въ Индійскомъ пантеизмѣ живетъ одинъ Брама, все рождающій и все пожирающій, и частное есть жертва и игрушка Брамы—тѣни преходящія; такъ и для тебя идея выше человѣка, его образъ мыслей выше его непосредственности,—и ты приносишь его въ жертву всерождающему и всепожирающему Брамѣ своему. Вотъ мое мнѣніе о тебѣ, и мнѣніе искреннее. Не скрою отъ тебя, что не разъ ты глубоко падалъ въ моемъ понятіи; и именно во время первой полемической переписки и по. полученіи записки съ копіею; но и тогда представлялся ты мнѣ не мелкимъ и ничтожнымъ человѣкомъ, пошлякомъ безъ души, сердца и силы, а демономъ человѣческой природы, падшимъ ангеломъ,—и тогда, въ часы вечера, являлся мнѣ твой образъ, блѣдный, искаженный, въ видѣ вампира, по синимъ устамъ котораго струится теплая кровь,—и я чувствовалъ тотъ фантастическій ужасъ, который проникаетъ душу, когда слышишь во «Фрейшюцѣ» заклинанія Каспара и адскіе подземные хоры, глухо-рѣжущими диссонансами вторящіе имъ. Никогда не почту я пошлякомъ человѣка, котораго называлъ своимъ другомъ и которому признаю себя много обязан-

нымъ въ моемъ развитіи; мнѣ дико, странно и больно увѣрять тебя въ этомъ. Эти увѣренія давно бы должны быть лишними между нами. Я вѣрю, что теперь и ты меня высоко цѣнишь и глубоко понимаешь (внѣ отношеній къ себѣ), такъ вѣрю, что если бы ты сталъ увѣрять меня въ противномъ самыми оскорбительными словами и поступками, я бы уже не повѣрилъ тебѣ. Я увѣренъ, что мое письмо къ тебѣ послѣднее, потому что если бы ты и сталъ отвѣчать мнѣ (чего я, впрочемъ, не ожидаю), то у меня недостало бы больше ни желанія, ни охоты продолжать споръ, исполненный умышленныхъ недоразумѣній; но несмотря на то, я чувствую, что хоть мы и разстаемся, но ты всегда будешь ко мнѣ близокъ, потому что, такъ или сякъ, но ты глубоко вошелъ въ мою жизнь, и я не могу отрицать какого-то сродства съ тобою, основаннаго не только на сродствѣ субстанцій, но и на какомъ-то сходствѣ индивидуальностей, при всемъ ихъ несходствѣ. Еще замѣчаніе, которое со всякимъ другимъ было бы излишне, но съ тобою необходимо: твое прекраснодушіе, страсть къ авторитету и прозелитизму, словомъ, всѣ твои пошлыя стороны, не исключая и чудовищнаго самолюбія, въ моихъ глазахъ имѣютъ одинъ источникъ съ твоими человѣческими сторонами, но все дѣло въ томъ, что матеріалы требуютъ еще большой переработки—что̀ и заставило меня говорить тебѣ правду. Кстати, о сродствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, между нами есть что-то общее—это разрушительный элементъ; и въ то же время, въ насъ есть что-то противоположное, враждебное: что для меня составляетъ сущность, значеніе жизни, то для тебя—хорошо между прочимъ; основа и цѣль твоей жизни для меня—хорошо между прочимъ. Съ обѣихъ сторонъ—отчаянная субъективность, и много диссонансовъ производила враждебная противоположность нашихъ субъективностей. Сила, дикая мощь, безпокойное, тревожное и глубокое движеніе духа, безпрестанное стремленіе въ даль, безъ удовлетворенія настоящимъ моментомъ, даже ненависть и къ настоящему моменту, и къ себѣ самому въ настоящемъ моментѣ, порываніе къ общему отъ частныхъ явленій,—вотъ твоя характеристика; къ этому надо еще присовокупить недостатокъ задушевности (Gemüthlichkeit), нѣжности, если можно такъ выразиться, въ отношеніяхъ съ людьми близкими тебѣ. Отъ этого-то тебѣ такъ легко было всегда говорить и повторять: «коли не такъ, такъ и не нужно», и тому подобное; отъ этого-то такъ ты давилъ собою всѣхъ, и любовь къ

тебѣ всѣхъ и всякаго была какимъ-то трудомъ. По крайней мѣрѣ я не умѣю иначе выразить моего чувства къ тебѣ, какъ любовью, которая похожа на ненависть, и ненавистью, которая похожа на любовь. Такъ какъ ты, Мишель, имѣешь необыкновенную способность вкривь и вкось толковать чужія рѣчи и мысли, то почитаю нужною слѣдующую оговорку: не подумай, чтобы я отрицалъ въ тебѣ любовь; нѣтъ, я знаю, въ сокровенной глубинѣ твоего духа скрытъ неизсякаемый источникъ любви; но эта любовь пока еще устремлена на абсолютъ, какъ на субстанцію, а не на явленія. Твоя кровь горяча и жива, но она (если можно употребить такое сравненіе) течетъ у тебя не въ жилахъ, а въ духѣ твоемъ; у меня духъ живетъ въ крови, горячей и кипучей, и онъ тогда дѣйствуетъ во мнѣ, когда кипитъ моя кровь, и моя кровь часто закрываетъ собою, и отъ глазъ другихъ и отъ меня самого, мой духъ. Поэтому я или весь трепетная, страстная, томительная любовь, или просто ничто, дрянь такая, что только поплевать да и бросить, а такъ какъ любовь живетъ во мнѣ минутами, то, Мишель, я очень хорошо знаю себѣ цѣну въ остальное время.... отъ этого я ревнивъ въ дружбѣ, и всякая попытка любить для меня—адъ; отъ этого же страстность скрываетъ и закрываетъ мою глубокость, и я понимаю, какъ ты могъ весною ошибиться на мой счетъ съ извѣстной стороны моей жизни. Но дѣло въ дѣлѣ, и всѣ эти параллели между мною и тобою есть не что иное, какъ попытка уяснить стройность нашихъ отношеній. Изъ этой же противоположности съ тобою вытекаетъ и то, что отвлеченіе—не моя сфера, и мнѣ душно и гадко въ этой сферѣ, и въ мысли, какъ мысли собственно, я играю роль слишкомъ не блестящую; моя сфера—огненныя слова и живые образы—тутъ только мнѣ и просторно и хорошо. Моя сила, мощь—въ моемъ непосредственномъ чувствѣ, и потому никогда не откажусь я отъ него, потому что не имѣю охоты отказаться отъ самого себя и объявить себя призракомъ. Но я понимаю достоинство мысли и, сколько могу, служилъ и служу ей. Чувство—огонь, мысль—масло. Знаю, что въ моихъ длинныхъ диссертаціяхъ къ тебѣ есть, и непремѣнно должны быть, свои ложныя стороны, вслѣдствіе быстраго перехода моего въ новый моментъ, въ новую сторону жизни; субъективность тоже должна была взять свое; но въ то же время знаю, что ничего не вышло изъ подъ моего пера вслѣдствіе пристрастія, умышленнаго и сознательнаго иска-

женія истины, и—повторяю—мои диссертаціи должны были взволновать, огорчить тебя, но не могли и не должны были оскорбить тебя. Если онѣ произвели такой эффектъ на тебя—этому причина та, что въ нихъ много, много истины, которую тебѣ помѣшали принять и признать только одно изъ двухъ обстоятельствъ: или твое чудовищное самолюбіе, или то, что эта истина услышана тобою отъ человѣка, котораго ты никогда не любилъ, и которому никогда не былъ другомъ. Ты спросишь, можетъ быть, какъ позволилъ я себѣ, отрицая твою дружбу, написать въ этомъ письмѣ столько злого, оскорбительнаго для тебя? Отвѣчаю: мнѣ надобно бы отвѣчать тебѣ, если не съ любовью, то съ хладнокровіемъ, чтобы имѣть совершенный верхъ надъ тобою; но на этотъ разъ у меня не достало ни того, ни другого. На твою ругательную записку съ копіею я отвѣчалъ тебѣ въ началѣ письма съ хладнокровіемъ, а въ концѣ—съ любовію, и точно такъ же отвѣтилъ бы тебѣ и на послѣднее огромное письмо твое, если бы оно все состояло изъ одной злости, желчи и оскорбленій; но такъ какъ въ остальной половинѣ его я увидѣлъ силу, любовь, благодать, то на злость и отвѣтилъ злостью. На это я имѣю свои причины, которыя скрываются въ моемъ характерѣ: съ кѣмъ я ругаюсь, съ тѣмъ у меня еще не все кончено, тотъ не услышитъ отъ меня обиднаго слова. По полученіи твоей записки съ копіею, я рѣшилъ, что у меня съ тобою уже все кончено, и твое большое письмо крайне удивило меня. Первая половина его не бѣсила и даже не сердила меня, а только давала мнѣ какую-то дикую силу,—отвѣтить на злость злостью и доказать тебѣ, что въ бѣшенствѣ и ядовитомъ остроуміи я никому въ свѣтѣ не уступлю; вторая половина твоего письма привела меня въ умиленіе, и я началъ мой отвѣтъ тебѣ съ любовію; но когда сталъ вновь перечитывать твое письмо, чтобы возразить на главные пункты,—я снова вознеистовствовалъ.

Кончено ли между нами все или нѣтъ—суди самъ. Ты легко можешь рѣшить это по дѣйствію, которое произведетъ на тебя это письмо: если, несмотря на него, увидишь возможность дружбы, полной, истинной, какъ взаимнаго права говорить другъ другу все, не спрашивая себя, какъ это подѣйствуетъ, и что изъ этого выйдетъ,—давай руку—моя съ тобою. Если увидишь, что нѣтъ—скажи коротко и кротко— и ты будешь правъ; въ такомъ случаѣ не забывай меня, а я никогда не забуду тебя, благословляю твой путь и желаю тебѣ всего благого въ жизни... Въ

обоихъ случаяхъ, выполни мою самую искреннюю и задушевную просьбу: пришли мнѣ копію съ письма, которое ты получилъ отъ меня передъ моимъ пріѣздомъ въ Прямухино: это мнѣ нужно. Но, Бога ради, не вздумай возвратить мнѣ его: это до глубины души оскорбило бы меня, потому что, если бы ты съ ножемъ въ рукахъ потребовалъ отъ меня своихъ писемъ, я бы не отдалъ ихъ тебѣ. Прошедшее свято.

Слишкомъ двѣ недѣли назадъ я написалъ къ Станкевичу письмо, въ которомъ увѣдомилъ его о ея смерти... Что-то будетъ! Онъ пишетъ къ брату, что его обижаютъ, если хотятъ щадить; впрочемъ, кромѣ болѣзни, онъ ничего не предполагаетъ.

Пришли мнѣ два письма Боткина ко мнѣ изъ Нижняго. Да, Бога ради, пришли часть сочиненій Жуковскаго, гдѣ «Овсяный Кисель»; при моемъ отъѣздѣ изъ Прямухина ея не могли найти, и изъ за нея я перенесъ маленькую непріятность—книга чужая и требуется.

Въ 8 № «Наблюдателя», въ статьѣ «Петровскій Театръ», у меня есть выходка противъ людей, которые въ французскомъ языкѣ не уступаютъ французамъ, а русской орѳографіи не знаютъ: Чаадаевъ принялъ ее на свой счетъ и взбѣсился. Теперь самому стыдно стало. Онъ же говорилъ, что слышалъ отъ кого-то, или самъ читалъ, что въ одной нѣмецкой газетѣ пишутъ о тебѣ, Мишель, какъ о единственномъ человѣкѣ въ Россіи, который съ ревностію занимается нѣмецкою философіею. Дай-то Богъ; я этому радъ. Желалъ бы и о себѣ что-нибудь прочесть, хоть по англійски (для этого выучился бы). Да — чортъ возьми, очень хочется быть генераломъ, повѣсятъ тебѣ кавалерію черезъ плечо.

Вышла книга какого-то Гофмейстера «Жизнь Шиллера», — Боткинъ отъ нея въ восторгѣ. Гофмейстеръ умный и теплый человѣкъ, кажется, немного понюхалъ Гегеля. Жизнь Шиллера лучше всякаго романа, и въ жизни его нельзя не полюбить. Гофмейстеръ говоритъ о немъ съ любовію, но сочиненія его щелкаетъ безъ милосердія; «Донъ-Карлоса» ставитъ ниже «Разбойниковъ» и «Фіеско», называетъ аллегорическими представленіями отвлеченныхъ идей. «Объ Орлеанкѣ» и «Валленштейнѣ» будетъ говорить въ 3 и 4 томѣ, которые еще не вышли; что-то скажетъ— интересно. О Гете я узналъ штучку—въ молодости онъ учинилъ святотатственный и безбожный поступокъ: исказилъ «Ромео и

Юлію», т. е. передѣлалъ. Но раскаялся и не напечаталъ, не такъ, какъ Шиллеръ, который, исказивъ «Макбета», напечаталъ свое искаженье.

Прощай. Такъ или сякъ, но навсегда твой

В. Бѣлинскій.

Октября 24.

Пока писалъ это письмо, сдѣлался боленъ, но начинаю оправляться.

Къ Н. В. Станкевичу. 8 ноября, 1838.

Москва. 1838, ноября 8 дня.

Другъ мой Николинька, я не сомнѣвался, что мое письмо подѣйствуетъ на тебя такъ, какъ оно подѣйствовало, и только эта увѣренность и могла рѣшить меня написать его. Тяжело твое положеніе, но оно уже лучше прежняго — теперь страданіе для тебя жизнь, а не смерть. Понимаю твои слова: «но вины не снимаю съ себя». Было время, когда я назвалъ бы тебя за это мистикомъ, но теперь я уже не тотъ, и твой мистицизмъ для меня есть не слабость ума, испугавшагося истины, а трепетное ощущеніе таинства жизни, жизнь въ любви. Если бы ты зналъ, какъ подѣйствовали на меня слова Вердера, переданныя тобою въ письмѣ! Какъ глубоко понялъ я ихъ! Новый свѣтъ, новое откровеніе озарило меня при чтеніи ихъ. Вотъ такую философію я уважаю, хоть и никогда философомъ не буду. Она не отрицаетъ мистическихъ вѣрованій сердца, но разумомъ оправдываетъ ихъ, она не превращаетъ жизни въ сухое понятіе, въ мертвый скелетъ. Меня напугали философіею, во имя ея меня хотѣли увѣрить, что я пошлякъ, ничтожный человѣкъ, потому только, что моя кровь горяча, а сердце требуетъ любви и сочувствія. И я повѣрилъ добродушно. Но есть русская пословица: кто въ двадцать лѣтъ не силенъ, а въ 30 не уменъ, тотъ ни силенъ, ни уменъ никогда не будетъ. Мнѣ 28 лѣтъ, и я узналъ, что буду уменъ, и узналъ, что или философія вздоръ или ея не понимаютъ. Разумѣется, философія отстояла себя въ душѣ моей, а нѣкоторые авторитеты шлепнулись. Теперь дышу свободнѣе. Слова Вердера озарили меня еще больше и еще болѣе утвердили мою вѣру въ философію. Какой это долженъ быть человѣкъ! И какъ много должно

значить его участіе къ тебѣ! «Въ ея письмахъ, говорилъ онъ, вѣялъ ему духъ другой жизни»—не умѣю объяснить тебѣ, что вѣетъ мнѣ въ этихъ словахъ: тутъ и мысль глубокая, и музыка, и поэтическій образъ. Есть же на свѣтѣ такіе люди, которые однимъ выраженіемъ умѣютъ передать весь благоухающій букетъ своей непосредственности, всю сущность свою. Вердеръ для меня теперь не понятіе, но живой образъ—я какъ будто видѣлъ его гдѣ-то и когда-то. Онъ не отстаетъ отъ меня. Чудный, святой человѣкъ! О, еслибы я узналъ еще, что онъ съ грустцою отъ какихъ-нибудь воспоминаній, сердечныхъ мистерій, что міръ Божій хотя и такъ хорошъ для него, что онъ не находитъ въ немъ ничего, что̀ бы требовало его поправки, а между тѣмъ собственно для себя желалъ бы поправить что-нибудь, въ то же время сознавая разумную необходимость всего и такъ, какъ оно есть... Прекраснодушіе! Но къ чему философскія маски—будь всякій тѣмъ, что̀ есть.

Благодарю Грановскаго за письмо. Отвѣчать ему буду, а теперь некогда. И это письмо пишу для того больше, что завтра почта, а мнѣ хочется, чтобы ты получилъ отъ меня что-нибудь поскорѣй. Спасибо ему за его можетъ быть; однако, попроси его осуществить это можетъ быть. Нельзя ли ему написать что-нибудь въ родѣ бѣглаго очерка всѣхъ новыхъ сочиненій въ Германіи по части исторіи? Ужъ то-то бы поклонился ему!

Ну, Станкевичъ, право, что-то не пишется—я не совсѣмъ здоровъ, и одна мысль, что долженъ написать къ завтрему—лишаетъ меня силы писать. Въ пошлыхъ утѣшеніяхъ ты не нуждаешься, а любви во мнѣ на эту минуту что-то нѣтъ: должно быть, она побѣждена болью въ животѣ, легкою тошнотою и головокруженіемъ—обыкновенными моими болѣзнями по вечерамъ. Фразъ писать рука не поднимается. Буду лучше исподволь готовить тебѣ большое письмо.

Съ Мишелемъ я разстался. Чудесный человѣкъ, глубокая, самобытная, львиная природа—этого у него нельзя отнять, но его претензіи, мальчишество, офицерство, безсовѣстность и недобросовѣстность—все это дѣлаетъ невозможнымъ дружбу съ нимъ. Онъ любитъ идеи, а не людей, хочетъ властвовать своимъ авторитетомъ, а не любить. Съ весны я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я—самъ по себѣ, что ругать себя и кланяться другимъ на свой счетъ—глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни и пр. Ему

это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила, и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно—сшибу, да еще копытомъ лягну. Началась борьба—перепискою. Онъ былъ израненъ, выслушалъ горькія истины, выраженныя энергическимъ языкомъ. Примирился. Послѣ этого-то я былъ въ Прямухинѣ. Послѣ опять война. Онъ опять съ миромъ, а я пишу ему, что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ, въ смыслѣ bon vivant et bon camarade и пр. А я только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, а хочу со всѣми быть, какъ всѣ. Но это тебѣ непонятно. Я изложу тебѣ подробно всю кампанію—пришлю даже планы сраженій. Ты услышишь чудеса. Пока скажу немножко: тѣ чудныя существа высшей человѣческой и женственной природы—онѣ теперь хлопочутъ объ мысли, не довѣряютъ своему непосредственному впечатлѣнію въ наслажденіи музыкою и поэзіею, совѣтуютъ всѣмъ молодымъ людямъ заниматься объективнымъ наполненіемъ, преимущественно философіею... Что? Какъ тебѣ это покажется!

О, философія, ты срѣзала меня!

Да, Николай, простое, живое чувство, задушевность, преданность человѣческимъ интересамъ тамъ уже немного значатъ и мало цѣнятся: тамъ требуютъ мысли, знанія и вздыхаютъ о мысли и знаніи, безъ которыхъ (для нихъ!!!) нѣтъ любви, нѣтъ жизни. Я Мишенькѣ все и расписалъ откровенно и энергически; онъ взбѣсился и прислалъ мнѣ въ отвѣтъ анаѳему; я не струсилъ и повелъ дѣло такъ, что онъ растерялся, сталъ противорѣчить себѣ и запросилъ мира. Дѣйствительность вытанцовалась и колотитъ его нещадно. Ото всѣхъ, даже отъ Петра Ключникова, онъ услышалъ то же, что̀ отъ меня. Богъ съ нимъ. А я тебѣ все подробно изложу, ты вѣдь любишь прочесть иногда что-нибудь забавное. Это будетъ поэма, въ которой побивается Улиссъ самымъ нехитрымъ (но здоровымъ) витяземъ.

Помнишь ли, Николинька, мои дикіе вопли противъ скульптуры и вообще греческаго искусства? Порадуйся—я поумнѣлъ.

Новый свѣтъ озарилъ меня, и греки предстали мнѣ въ лучезарномъ блескѣ, какъ народъ, который больше евреевъ имѣетъ право на названіе Божьяго народа. Скульптура для меня теперь—божественное искусство. Съ Шиллеромъ я совсѣмъ разсорился. Богъ съ нимъ — потѣшился онъ надо мною, а теперь я не подъ закономъ, а подъ благодатію. Женщинъ его — очень не жалую. Вообще, какъ поэтъ — онъ потерялъ для меня всякое значеніе. Можетъ быть, тутъ проявляется дикость моей натуры,—такъ и быть—буду самъ по себѣ. Читалъ ли ты [1]) статью Ретшера «О критикѣ художественнаго произведенія». Она переведена въ «Наблюдателѣ» Катковымъ, переведена чудесно, и мы кое-что уразумѣли изъ нея. Статья важная—и я такихъ не писывалъ; только трудна для пониманья. Но сбо всемъ объ этомъ—послѣ, и очень скоро.

Посылаю тебѣ письма Ефремова ко мнѣ. Въ то время онъ былъ тамъ и все видѣлъ. Возврати мнѣ ихъ, также и записку Петра. Прощай, мой милый. Увѣдомь меня, долго ли ты намѣренъ пробыть въ Берлинѣ, не вздумаешь ли лѣтомъ къ намъ. Нельзя ли тебѣ прислать намъ твоего портрета—это общее желаніе всѣхъ насъ, и ты бы несказанно обрадовалъ насъ, исполнивъ его. Прощай. Прилагается при семъ письмо Мишеля. Теперь онъ пишетъ къ тебѣ уже не свысока, а очень скромно. Чтобы не оставалось пустой бумаги — вотъ тебѣ стихотвореніе Кольцова:

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее,
Да не грѣетъ оно молодца:
Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой.

Пала грусть-тоска глубокая
На кручинную головушку,
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

Я пошелъ къ людямъ за помочью—
Люди съ смѣхомъ отвернулися;
На могилу къ отцу, матери—
Не встаютъ они на голосъ мой!

Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ—
Я упалъ въ траву безъ памяти.
Въ ночь глухую буря страшная
На могилѣ подняла меня.

[1]) Зачеркнуто: «въ Jahrbücher». —*Прим. А. П.*

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ,
Безъ дороги въ путь отправился—
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться!

Къ И. И. Панаеву. 18 февраля, 1839.

Москва. 1839, февраля 18 дня.

Я такъ много виноватъ передъ вами, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ, что нельзя и оправдываться. Впрочемъ, въ моемъ столѣ и еще теперь лежитъ письмо къ вамъ отъ ноября 10 прошедшаго года, но — увы! недоконченное. Право, не до писемъ было. Въ письмѣ къ вамъ мнѣ хотѣлось бы означить опредѣлительно мое журнальное состояніе, но это было невозможнѣе, чѣмъ означить погоду. И теперь пишу къ вамъ коротко, но зато опредѣленно. Вотъ въ чемъ дѣло: я не могу издавать «Наблюдателя». Далеко бы завело меня объясненіе причинъ, и потому вмѣсто всѣхъ этихъ объясненій снова повторяю вамъ— я не могу издавать «Наблюдателя» и нахожу себя принужденнымъ нынѣ отказаться отъ него. Но между тѣмъ— мнѣ надо чѣмъ-нибудь жить, чтобъ не умереть съ голоду — въ въ Москвѣ нечѣмъ мнѣ жить — въ ней, кромѣ любви, дружбы, добросовѣстности, нищеты и подобныхъ тому непитательныхъ блюдъ, ничего не готовится. Мнѣ надо ѣхать въ Питеръ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Прибѣгаю къ вашему ко мнѣ расположенію, къ вашей ко мнѣ дружбѣ—похлопочите объ устроеніи моей судьбы? Краевскій заваленъ теперь дѣломъ—два журнала на рукахъ—думаю, что сотрудникъ, который въ состояніи ежемѣсячно поставлять около десяти листовъ оригинальнаго писанья или маранья—будетъ ему не малою подмогою. Я бы желалъ взять на себя разборъ всѣхъ книгъ чисто литературныхъ и даже нѣкоторыхъ другихъ,—въ такомъ случаѣ въ каждую книжку «Отечественныхъ Записокъ» я бы аккуратно поставлялъ отъ двухъ до пяти листовъ. Критика своимъ чередомъ, смѣсь тоже.—Коротко и ясно: почемъ съ листа? Но главное вотъ въ чемъ: безъ 2000 мнѣ нельзя даже и пѣшкомъ пройти заставу: около этой суммы на мнѣ самаго важнаго долгу, а сверхъ того, я хожу, какъ нищій, въ рубищѣ. Кромѣ г. Краевскаго, поговорите и съ другими, сами отъ себя или черезъ кого-нибудь: я продаю себя всѣмъ и

каждому, отъ Сенковскаго до (тьфу ты, гадость какая!) Булгарина, — кто больше дастъ, не стѣсняя при томъ моего образа мыслей, выраженія, словомъ, моей литературной совѣсти, которая для меня такъ дорога, что во всемъ Петербургѣ нѣтъ и приблизительной суммы для ея купли. Если дѣло дойдетъ до того, что мнѣ скажутъ: независимость и самобытность убѣжденіи или голодная смерть—у меня достанетъ силы скорѣе издохнуть, какъ собакѣ, нежели живому отдаться на позорное съѣденіе псамъ... Что дѣлать—я такъ созданъ.

Не замедлите отвѣтомъ. Жду его съ нетерпѣніемъ.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Кромѣ того, въ «Отечественныхъ Запискахъ» я готовъ взять на себя даже и черновую работу, корректуру и тому подобное, если только за все это будетъ платиться соразмѣрно трудамъ. Денегъ! денегъ! А работать я могу, если только мнѣ дадутъ мою работу. Итакъ, скорѣй отвѣтъ. Главное, чтобы при вашемъ письмѣ получилъ (если кто пожелаетъ взять меня въ работники) подробныя условія.

Еще разъ—не замедлите отвѣтомъ и—прощайте.

Къ И. И. Панаеву. 22 февраля, 1839.

Москва. 1839, февраля 22 дня.

Вотъ вамъ и еще письмо, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ. Предметъ его все тотъ же — просьба о скорѣйшемъ рѣшеніи моей участи. Я увѣренъ, что вы, съ своей стороны, сдѣлаете все, что можно, и прошу васъ только о скорѣйшемъ отвѣтѣ. Дѣло для меня очень важное. Мнѣ надо переѣхать въ Петербургъ, хоть на годъ, хоть на два, только непремѣнно надо: этого требуютъ и внѣшнія, и внутреннія мои обстоятельства. Быть сотрудникомъ журнала или даже журналовъ и получать за свои труды достаточное вознагражденіе, конечно, не Богъ знаетъ, какая важность и какая трудность; но дѣло въ двухъ тысячахъ, безъ которыхъ мнѣ невозможно и думать о поѣздкѣ—вотъ въ чемъ трудность, и вотъ что̀ меня безпокоитъ. Безъ этого обстоятельства, я давно бы ужъ сѣлъ въ дилижансъ и былъ въ Питерѣ. Вмѣстѣ съ полученіемъ этого письма вы увидитесь съ Н. В. Са-

вельевымъ, который, по своему ко мнѣ расположенію и дружбѣ, самъ вызвался хлопотать о моемъ дѣлѣ у Смирдина, Полевого, Греча, даже у Сенковскаго. Что дѣлать, пришло такое время, что кто ни попъ, тотъ и батька. Жалѣю только объ одномъ, что не раньше хватился за умъ.

Трудно оставить мнѣ Москву, гдѣ много милаго любилъ, гдѣ совершилось столько важныхъ переворотовъ и процессовъ моего духа; оставить кругъ, подобнаго которому для меня уже не будетъ въ жизни. Но судьба этого хочетъ—должно повиноваться. Она иногда даетъ отсрочки, но на своемъ всегда поставитъ. Такъ было и со мною. Я долго отнѣкивался, а теперь вижу, что стѣну лбомъ не прошибешь, а только развѣ лобъ расшибешь. Петербургъ представляется мнѣ пустынею безлюдною. Каменскій, Гребенка, Якубовичъ, Тимоѳеевъ, и пр. и пр. — Боже мой, что̀ за люди!... Если бы не вы, я бы скорѣе умеръ, чѣмъ бы поѣхалъ въ Питеръ. Надѣюсь еще сойтись съ г. Струговщиковымъ. Я не знаю его, какъ человѣка, ничего не слышалъ о немъ съ этой стороны; но кто такъ, какъ онъ, умѣетъ понимать Гете, тотъ тысячу разъ человѣкъ, и гдѣ еще есть такіе люди, тамъ можно жить. Кстати: его элегіи, пересланныя ко мнѣ черезъ васъ, — я обязанъ имъ такими минутами, какихъ немного бываетъ въ жизни. Въ этихъ прекрасныхъ гекзаметрахъ душа моя купалась, какъ въ волнахъ океана жизни. Жалкій г. Губеръ, двукратно жалкій—и по своему переводу, или искаженію «Фауста», и по пакостной своей философской статьѣ, которая ужасно воняетъ гнилью и плѣсенью безсмыслія! Право, ограниченные люди хуже, т.-е. вреднѣе, подлецовъ: вѣдь если бы не г. Струговщиковъ, то Губеръ еще на нѣсколько лѣтъ зарѣзалъ бы на Руси Гете. Впрочемъ, чортъ съ нимъ, съ этими бездарными Губерами — начхать имъ на голову, какъ говоритъ одинъ изъ героевъ Гоголя.

Если я буду крѣпко участвовать въ «Отечественныхъ Запискахъ», то—уговоръ лучше денегъ—Полевой—да не прикоснется къ нему никто, кромѣ меня! Это моя собственность, собственность по праву. Я, и никто другой, долженъ спихнуть его съ синтеза и анализа и со всего этого хламу пошлыхъ, устарѣлыхъ мнѣньицъ и чувствованьицъ, на которыхъ онъ думаетъ выѣзжать и которыми думаетъ запугать новое поколѣніе. Особенно, если выйдетъ окончаніе его «Аббаддонны»—это мой пиръ—какъ воронъ на падалище, спущусь я на это нѣщичко литературнаго

прекраснодушія, и исключю и истерзаю его. У меня уже готова въ головѣ статья. Люблю и уважаю Полевого, высоко цѣню заслуги его, почитаю его лицомъ историческимъ; но тѣмъ не менѣе постараюсь сказать и доказать, что онъ отсталъ отъ вѣка, не понимаетъ современности и сдѣлался тѣмъ Каченовскимъ, котораго онъ засталъ при своемъ выступленіи на литературное поприще. Ужасное несчастіе пережить самого себя—это все равно, что сойти съ ума.

Если я переѣду въ Питеръ, то къ тому году хочу издать альманахъ, и потому считаю за вами повѣсть, а за г. Струговщиковымъ нѣсколько переводовъ изъ Гете. Самъ напишу огромное «Обозрѣніе», которое—я увѣренъ въ этомъ—всѣ прочтутъ. Будутъ стихи Красова, Кольцова, —о—, переводы изъ Шекспира, Гете, Гейне, Рюкерта—Каткова, Аксакова.

Кланяйтесь отъ меня г. Владиславлеву. Я получилъ отъ него подарокъ и письмо—за то и за другое отъ души благодарю, но отвѣчать, по обстоятельствамъ, не могъ. Извините меня передъ нимъ.

Представьте себѣ — какая досада: въ Межевомъ Институтѣ одинъ ученикъ укралъ у меня тетрадь стиховъ Красова и переслалъ ее къ Сенковскому, а тотъ себѣ печатаетъ да печатаетъ. Нельзя ли объ этомъ пустить слухъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» и даже перепечатать всѣ эти стихотворенія, а я немедленно выхлопочу отъ автора право на эту перепечатку. Жду отъ васъ отвѣта. Не замедлите.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ Н. И. Надеину. 25 февраля, 1839.

Москва. 1839, февраля 25.

Я остаюсь въ Москвѣ, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ, и потому прошу васъ оставить хлопоты обо мнѣ и извинить меня за ложную тревогу. Различныя затрудненія до такой степени взбѣсили меня, что я твердо рѣшился перебраться въ Питеръ; но дѣло кое-какъ передѣлалось—и я опять москвичъ. Пока не могу много писать къ вамъ: я еще боленъ отъ этихъ передрягъ. Пожмите отъ меня руку г. Струговщикову... Не умѣю благодарить его за присланныя элегіи Гете: нѣсколько времени я обжирался ими: какъ въ волнахъ океана жизни, купался я въ

этихъ гекзаметрахъ. Прошу у г. Струговщикова извиненія въ томъ, что я имѣлъ глупость двѣ элегіи помѣстить въ 11 № за прошлый годъ, который только на дняхъ явится, хотя уже является четвертый мѣсяцъ. Переводъ «Прометея»—чудо! Прошу и умоляю г. Струговщикова не оставить меня и впередъ своими трудами.

Равнымъ образомъ, прошу васъ засвидѣтельствовать мое уваженіе г. Владиславлеву. Очень благодаренъ ему за его милый подарокъ. Не отвѣчалъ ему на письмо по двумъ причинамъ: не до того было, а сверхъ того, я и не знаю имени и отчества г. Владиславлева. Попросите его засвидѣтельствовать мое почтеніе М. М. Попову, моему бывшему учителю, который во время оно много сдѣлалъ для меня, и живая память о которомъ никогда не изгладится изъ моего сердца.

Представьте себѣ — какое горе: у меня украдена ученикомъ Межевого Института, нѣкіимъ М., тетрадь стиховъ Красова и попала въ руки Сенковскаго, который и распоряжается ею, какъ своею собственностью. Нельзя ли объ этомъ намекнуть въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ»?

Не стыдно ли Краевскому воскурять ѳиміамы такимъ людямъ, каковъ Каменскій, Гребенка и т. п.? Статья Губера о философіи обличаетъ въ своемъ авторѣ ограниченнѣйшаго человѣка, у котораго въ головѣ только посвистываетъ. Какая прекрасная повѣсть «Исторія двухъ галошъ» Гр. Соллогуба. Чудо! прелесть! Сколько душевной теплоты, сколько простоты, вездѣ мысль!

Бью вамъ челомъ—нижайше кланяюсь, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ: пока хоть чего-нибудь, а хорошаго и отличнаго, когда будетъ у васъ досугъ. Право, если вы для 4 № не дадите своей повѣсти—я разсорюсь съ вами.

Кланяйтесь отъ меня Савельеву и скажите ему, чтобы онъ уже не хлопоталъ. До будущаго 1840 года я—москвичъ, а тамъ—что̀ Богъ дастъ. Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. Весна 1839.

Васинька, Бога ради, пріѣзжай ко мнѣ поскорѣй; часовъ въ девять вчера вечеромъ я былъ у тебя. Жалѣю о Катковѣ, но отнюдь не почитаю себя столько виноватымъ, какъ ты и онъ

думаете. Но объ этомъ переговорю съ тобою лично, а пока скажу, что отъѣздъ въ Прямухино ужасно удивилъ меня—думаю, что и ты скоро сознаешь всю его несообразность. Бога ради, пріѣзжай ко мнѣ скорѣе—сейчасъ же—по крайней мѣрѣ, прежде отъѣзда—поговоримъ вмѣстѣ—можетъ быть, ты посовѣтуешь ему рѣшиться иначе.

В. Б.

Къ В. П. Боткину. Весна 1839.

Другъ Василька, спасибо за извѣщеніе. Вполнѣ понимаю твое состояніе и необходимость быть одному — не требую никакихъ объясненій. Бога ради, отошли къ Каткову мою записку. Мнѣ не съ кѣмъ. Мальчикъ усланъ, а мнѣ бы непремѣнно хотѣлось, чтобы онъ получилъ ее, какъ можно скорѣе.

Твой В. Б.

Къ И. В. Станкевичу. 19 апрѣля, 1839.

Москва. 1839 года, апрѣля 19 дня.

Мой милый Станкевичъ, много и много виноватъ я передъ тобою, больше, нежели кто-нибудь изъ твоихъ друзей и знакомыхъ. Не много написалъ я къ тебѣ писемъ, и въ каждомъ изъ нихъ обѣщалъ написать другое—ужъ большое, а не писалъ и малаго. Но не приписывай этого (Боже сохрани!) моей къ тебѣ холодности (чорта ли хорошаго было бы во мнѣ, если бы я охолодѣлъ къ тебѣ?), даже не приписывай и лѣности, хотя она тутъ немного и виновата. Дѣло въ томъ, въ каждомъ моемъ большомъ письмѣ мнѣ хочется познакомить тебя и съ моимъ настоящимъ моментомъ, и съ обстоятельствами, бывшими его источникомъ или слѣдствіями; но я теперь мчусь на почтовыхъ по дорогѣ (пока все еще по проселочной) жизни, и настоящій мой моментъ едва ли продолжается мѣсяцъ. Перейдя же въ другое состояніе духа, я уже не сержусь на прежнее (какъ это всегда бывало со мною прежде), потому что понимаю его необходимость и еще потому, что я становлюсь все менѣе и менѣе неистовъ. Процессы моего духа всегда осуществляются въ жизни и отражаются въ обстоятельствахъ, большею

частію потрясающихъ и ужасныхъ. Напримѣръ, недавно (мѣсяца два назадъ) со мною повторилась было твоя исторія, да такъ, что я хватился за голову, боясь—ужъ не сошелъ ли я съ ума, и подходилъ безпрестанно къ зеркалу, чтобы посмотрѣть—не посѣдѣли ли мои волосы. Слава Богу, все кончилось хорошо, и я за глупую фантазію поплатился только мѣсяцами двумя глупостей и пошлостей, да недѣлями двумя-тремя адскихъ мукъ. Не думай, чтобы дѣло шло объ извѣстной тебѣ фантазіи—то ужъ дѣло конченое, и я успѣлъ надѣлать еще новыхъ глупостей, которыя продолжались меньшее время, но стоили дороже. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я обѣщалъ тебѣ описать подробно всю мою ссору съ Бакунинымъ. Я было и думалъ приняться за него, но каково было мое изумленіе, когда, взявшись за перо, увидѣлъ, что ссоры не было, что я не знаю, за что я ссорился и за что сердился на этого человѣка. Все дѣло было въ томъ, что у насъ никогда не было дружбы, потому что природы наши враждебно противоположны. «Ты стремишься къ высокому, и я стремлюсь къ высокому—будемъ же друзьями»—вотъ начало нашей дружбы. Къ этому еще присоединилось призрачное чувство, прекрасная, но безплодная фантазія: ея братъ непремѣнно долженъ быть моимъ задушевнымъ другомъ. Время есть повѣрка всѣхъ склонностей, всѣхъ чувствъ, всѣхъ связей — дѣйствительность стала вытанцовываться, а мы принялись грызться, а когда перегрызлись, то увидѣли, что совсѣмъ не изъ чего было грызться, и, какъ умные люди, теперь разошлись мирно, съ уваженіемъ другъ къ другу. Въ Бакунинѣ много дурныхъ сторонъ: дружба простила бы его за нихъ, но я не былъ его другомъ, и потому теперь считаю себя въ правѣ говорить только о хорошихъ его сторонахъ, которыхъ онъ тоже очень не чуждъ. Изъ остальныхъ друзей, одинъ, на котораго я больше всѣхъ полагался, потому что болѣе всѣхъ любилъ его, поступилъ со мною предательски, но такъ какъ онъ это сдѣлалъ по слабости характера, то я и простилъ его въ душѣ моей. Ключниковъ изъ напряженнаго экстаза перешелъ опять въ ужаснѣйшую хандру, — и ему не до другихъ. Изъ старыхъ друзей, только добрый, благородный, любящій Аксаковъ все такъ же хорошъ со мною, какъ и прежде. Онъ давно уже сталъ выходить изъ призрачнаго міра Гофмана и Шиллера, знакомится съ дѣйствительностію, и, въ числѣ многихъ причинъ, особенно обязанъ этому здоровой и нормальной поэзіи Гете. Изъ новыхъ, меня особенно интересуетъ

Кудрявцевъ, и я съ нимъ все болѣе и болѣе схожусь. Это авторъ «Катеньки Пылаевой», который теперь уже авторъ нѣсколькихъ превосходныхъ повѣстей, обличающихъ въ немъ глубокую художественную натуру.

Да, братъ, наконецъ пришлось разсчесться за всякую ложь—и въ любви, и въ дружбѣ. Діалектика жизни довела до сознанія многихъ истинъ, казавшихся прежде неразрѣшимыми. Я теперь понимаю, что такое любовь и что такое дружба: то и другое есть воспринятіе въ себя однимъ существомъ другого существа вслѣдствіе необъяснимаго, мистическаго сродства ихъ натуръ. То и другое дается человѣку Богомъ,—и если человѣкъ, наскучивши ждать, вздумаетъ взять это самъ, то жестоко срѣжется. Да, все это теперь я понимаю, и потому самому обо всемъ этомъ у меня прошла охота разсуждать,—и я повторяю мудрое изреченіе твоего благороднаго, добраго и глубокаго Вердера: «если человѣкъ задаетъ себѣ вопросъ—значитъ, что онъ еще не созрѣлъ для отвѣта». Но, разочаровавшись въ предметахъ любви и дружбы, я тѣмъ больше еще вѣрю въ любовь и дружбу, и еще тѣмъ въ бо́льшемъ свѣтѣ представляются мнѣ эти два великія чувства. Я много страдалъ и много страдаю, но жить мнѣ вообще лучше, чѣмъ прежде. Я ужасаюсь моей прошлой жизни, такъ хорошо тебѣ извѣстной, сравнивая ее съ нынѣшнею. Больше всего даетъ мнѣ счастія и внутренней жизни расширеніе моей способности воспріемлемости изящнаго. Пушкинъ предсталъ мнѣ въ новомъ свѣтѣ, какъ одинъ изъ міровыхъ исполиновъ искусства, какъ Гомеръ, Шекспиръ и Гете. Тебѣ, знающему только его «Цыганъ», «Полтаву» и «Онѣгина», но не знающему его посмертныхъ сочиненій, можетъ показаться мое мнѣніе страннымъ, экзальтированнымъ. «Иліада», переведенная Гнѣдичемъ, для меня есть второй источникъ такого наслажденія, отъ силы котораго я иногда изнемогаю въ какомъ-то сладостномъ мученіи. О грекахъ (разумѣется, древнихъ) не могу думать безъ слезъ на глазахъ. Мнѣ доступна и сфера религіи, но болѣе родная мнѣ сфера—искусство,—и хорошій гипсовый снимокъ съ Венеры Медицейской стоитъ въ глазахъ моихъ больше того глупаго счастія, котораго я нѣкогда искалъ въ рѣшеніи нравственныхъ вопросовъ. Боже мой, какая это была ужасная жизнь! Нравственная точка зрѣнія погубила было для меня весь цвѣтъ жизни, всю ея поэзію и прелесть.

Что́ ты, какъ ты? Скоро ли увижу, обойму я тебя? То-то

бы поразсказалъ я тебѣ о твоемъ Виссаріонѣ неистовомъ! То-то бы посмѣялся ты! То-то бы послушалъ я тебя! О, еслибы ты опять сталъ жить въ Москвѣ, и мы, разрозненные птенцы безъ матери, снова слетѣлись бы въ родимое гнѣздо! Скоро ли—скажи.

Письмо это тебѣ доставитъ молодой человѣкъ, нѣкто Ховринъ, мать котораго очень желаетъ съ тобою познакомиться. Это премилая и преумная женщина, въ которой мнѣ особенно нравится то, что у ней есть живое чувство изящнаго: она понимаетъ Пушкина и Гоголя. Я познакомился съ ней недѣли за полторы до ея отъѣзда за границу. Посылаю тебѣ съ ними листки изъ «Наблюдателя», стихи и «Флейту», повѣсть Кудрявцева. Пожалуйста познакомься съ Марьею Дмитріевною Ховриною. Кланяйся Грановскому и Невѣрову. Прощай.

В. Б.

Хотѣлъ тебѣ послать нѣсколько стихотвореній изъ «Наблюдателя», да какъ сталъ разбирать, такъ и рѣшился выбрать изъ него всю «сущность и поступки»—это вмѣсто длиннаго письма.

Къ А. А. Краевскому. 5 іюля, 1839.

Милостивый государь,
Андрей Александровичъ!

Благодарю васъ за расположеніе, съ которымъ вы принимаете мое предложеніе трудиться для вашихъ журналовъ. Теперь отъ васъ самихъ зависитъ назначить мнѣ работу, кромѣ той, на которую я самъ вызвался. За мною статья о Менцелѣ и—если вамъ будетъ угодно—о «Горѣ отъ Ума»; нынѣшній день оканчиваю довольно обширное «похвальное слово» другу моему Николаю Алексѣевичу Полевому. Не нужно ли вамъ чего по части библіографіи,—въ такомъ случаѣ распорядитесь, чтобы мнѣ были доставлены книги—вотъ и все. Что касается до платы за статьи, то не нужно никакихъ особенныхъ условій, и я предоставляю этотъ пунктъ на ваше рѣшеніе, въ полной увѣренности, что вы не поставите меня ниже другихъ, но будете руководствоваться однажды принятыми вами правилами по этому предмету. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я желалъ бы принять подѣятельнѣе участіе въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ», чтобы способствовать ихъ оживленію, а теперь готовъ дѣлать, что можно

дѣлать, находясь въ Москвѣ. Что касается до «Отечественныхъ Записокъ», то онѣ могутъ желать участія всѣхъ порядочныхъ литераторовъ, но не нуждаются ни въ чьей помощи. Право, мнѣ кажется, онѣ были бы еще сильнѣе, еслибы легкая-то кавалерія лучше имъ служила. Ужъ я бы похлопоталъ для легкой-то кавалеріи, по пріѣздѣ въ Петербургъ! По крайней мѣрѣ, я снабжалъ бы ихъ преогромною библіографіею и преизобильною полемикою. Сверхъ того, я могъ бы быть вамъ полезнымъ и со стороны черновой работы—корректуры, прочтенія рукописныхъ статей и пр. Но все это въ Петербургѣ, а пока давайте такой работы, какою можно заняться въ Москвѣ.

Примите мое искреннее увѣреніе, что будете имѣть во мнѣ не работника, но самаго усерднаго участника, душою и сердцемъ преданнаго вашимъ журналамъ и не отдѣляющаго отъ ихъ интересовъ своихъ.

Готовый къ услугамъ вашимъ

Виссаріонъ Бѣлинскій.

Москва. 1839, іюля 5 дня.

Къ М. А. Бакунину. Лѣто 1839.

«Бакунину».

Оставь, Мишель, этотъ смѣшной тонъ—онъ не къ лицу ни тебѣ, ни мнѣ. Я знаю причину его и сознаюсь, что въ этомъ случаѣ я виноватѣе тебя, но это въ послѣдній разъ. Всѣ наши сплетни кончились—увѣряю тебя, и не хочу пояснять тебѣ послѣдней. Вѣрь одному, что я безъ причины не могу злиться на человѣка и говорить о немъ худо (дѣлая это, я плачу зломъ, равнымъ злу), а теперь я созналъ вполнѣ, что всѣ эти причины ужасно, какъ вздорны. Беру Бога въ свидѣтели моей искренности. Да, забудемъ прошедшее,—и пусть оно останется для насъ не больше, какъ урокомъ для настоящаго и будущаго. Наши съ тобою отношенія не должны такъ дѣтски разорваться — они должны продолжиться съ той минуты, въ которую мы съ тобою обнялись и поцѣловались въ домѣ Бееръ, въ твой послѣдній пріѣздъ. Мы не друзья и даже не близкіе пріятели, но намъ не за что ненавидѣть другъ друга и дичиться, и смѣшно говорить вы. Въ нашемъ прошедшемъ много хорошаго, — и теперь я не люблю твой образъ мыслей (во многихъ отношеніяхъ), но не

тебя. Если примиреніе Боткина со мною не было фразою или комедіею, то онъ пояснитъ тебѣ мои чувства, которыя для него будутъ ясны изъ этой записки. Письма твои, относящіяся къ послѣдней полемической перебранкѣ, я давно отдалъ Боткину—прочихъ не отдамъ, потому что они мнѣ напоминаютъ примѣчательную эпоху въ моей жизни и много хорошаго въ прошедшемъ: другого употребленія я не намѣренъ изъ нихъ дѣлать. Вотъ все. Вѣрь моей искренности и вѣрь тому, что мнѣ уже надоѣло прекраснодушное круженіе въ пустыхъ кругахъ ложныхъ отношеній, ложной дружбы, ложной любви и ложной ненависти. Благословимъ прошедшее, оставимъ другъ друга въ покоѣ и будемъ встрѣчаться безъ ненависти и холодности. Теперь я чувствую себя совершенно готовымъ для этого. Записку твою возвращаю къ тебѣ. Коли почтешь нужнымъ написать другую, то пиши безъ вы, а всего лучше скажи прямо въ глаза, если что имѣешь сказать мнѣ. Готовъ встрѣтить тебя съ удовольствіемъ вездѣ—у тебя, у себя, у Боткина.

В. Бѣлинскій.

Къ А. А. Краевскому. 19 августа, 1839.

Москва. 1839. Августа 19 дня.

Милостивый государь,

Андрей Александровичъ!

Благодарю васъ за ваше обязательное, милое письмо и спѣшу отвѣтить на него. Не смѣйтесь надъ моимъ «спѣшу»: я былъ очень боленъ и только недавно выздоровѣлъ. Меня постигла самая поносная болѣзнь, въ которой была и кровь, и спазмы, или судороги, и слизь, и стоны, словомъ, самое богатое содержаніе для повѣсти Каменскаго. Теперь я оправился; но болѣзнь задержала мои работы. На счетъ статьи о Менцелѣ я съ вами совершенно согласенъ: критикой она быть не можетъ, а должна итти въ отдѣленіе наукъ—я такъ и сдѣлаю. Что касается до статьи о «Горѣ отъ Ума»—въ головѣ она у меня вся готова, но вотъ бѣда—нигдѣ не могу найти книги, равно какъ и Алексѣй Дмитріевичъ. Вы не можете себѣ представить, какъ мы бѣдны средствами. У васъ въ Питерѣ есть духъ общительности, и книгопродавецъ съ литераторомъ какъ-то связаны: у насъ все развязано и все косо смотритъ другъ на друга. Хотѣлъ уже купить,

но, благодаря быстрому обращенію нашей книжной торговли, «Горя отъ Ума», которое уже больше мѣсяца какъ вышло въ Петербургѣ, у насъ еще нѣтъ; а я ходилъ и къ Смирдину. Теперь я ѣду на дачу къ Щепкинымъ, чтобы на свободѣ кончить о Менцелѣ, написать о «Горѣ отъ Ума», раздѣлаться съ «Галатеею», написать для г. Владиславлева о «Каменномъ Гостѣ» (кстати, увѣдомьте меня о послѣднемъ срокѣ доставленія этой статьи) и покончить другія не столь важныя дѣла. Къ 15 сентября увѣренъ, что покончу все это.

«Отечественныя Записки» и «Литературныя Прибавленія»— наше общее дѣло: отнынѣ я ихъ и душою и тѣломъ, ихъ интересы—мои интересы. По пріѣздѣ въ Питеръ докажу вамъ это на дѣлѣ. Пріѣду я съ Панаевымъ (отъ котораго недавно получилъ изъ Казани письмо—обѣщается быть въ Москву къ концу сентября, пробудетъ въ Москвѣ еще съ мѣсяцъ, а тамъ мы и къ вамъ).

Статья Каткова прекрасна по содержанію и не совсѣмъ удовлетворительна по формѣ: онъ въ ней похожъ на одного изъ тѣхъ богатырей, осиленныхъ и заброшенныхъ собственною силою, о которыхъ онъ говоритъ въ своей статьѣ. Словомъ, его статьѣ недостаетъ прозрачности; много повтореній и растянутостей; но содержаніе такъ богато, такъ сочно, мѣстъ поэтическихъ такъ много, что статья все-таки прекрасна, несмотря на всѣ недостатки. «Панъ Халявскій» для перваго чтенія потѣшенъ и забавенъ, но при второмъ чтеніи съ него немного тошнитъ. Это не творчество, а штучная работа, сборъ анекдотовъ, словомъ, возведеніе идеи малороссійской жизни до идеала, если подъ идеаломъ должно разумѣть, вмѣстѣ съ французами, собраніе во едино всѣхъ чертъ, разсѣянныхъ въ природѣ и относящихся къ одному предмету. Впрочемъ, для журнала «Халявскій» — кладъ: онъ найдетъ себѣ больше читателей и хвалителей, чѣмъ творческія произведенія Гоголя.

Бога ради, Андрей Александровичъ, какими судьбами попала въ «Отечественныя Записки» гнусная статья пошляка, педанта и школяра Давыдова? Помилуйте, если журналъ — поле, то онъ удобряется хорошимъ, а не навозомъ ослинымъ, какъ обыкновенныя поля. Извините за откровенность, но во мнѣ кровь заговорила. «Отечественныя Записки» журналъ теперь единственный въ Россіи по внутреннему достоинству: зачѣмъ же пятнать его такими нечистотами?

Что моя статья о Полевомъ? Боюсь, что не пропущена. Бла-

годарю васъ за перепечатку моей статьи изъ «Наблюдателя»: еще въ первый разъ меня будетъ читать большая публика.

Прошу васъ поклониться отъ меня Бакунину, съ которымъ вы вѣрно уже познакомились. Также и Межевичу мой поклонъ, хоть я и сердитъ на него за «Литературныя Прибавленія».

Прощайте, Андрей Александровичъ. Желаю вамъ не охладѣвать въ усердіи къ журналу и работать, какъ вы всегда работаете, а для того да подастъ вамъ Богъ терпѣнія и добраго здоровья.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ В. П. Боткину. Конецъ іюня, 1839.

Нѣтъ, я не могу, я не въ силахъ молчать. Чувствую и вижу, что, кажется, настаетъ для меня время, въ которое я долженъ буду сосредоточиться, запереться, замкнуться въ самомъ себѣ и забыть навсегда, что такое участіе людей, что такое участіе дружбы. Пусть настаетъ это время, если надо ему настать; но пока я еще не вполнѣ убѣдился, что оно настало — хочу, Васинька, поговорить съ тобою, какъ съ другомъ, какъ другу, открыть тебѣ истинныя мои страданія, истинныя раны моей души, которыхъ ты не знаешь, но о которыхъ ты, можетъ быть, только догадываешься, если еще догадываешься... Другъ Василій, великая и страшная тайна—личность человѣка; я узналъ это по себѣ, въ послѣднее время. Цѣль христіанской религіи есть—возведеніе личности до общаго, возвышеніе субъекта до субстанціи.—«Пріидите ко мнѣ всѣ обремененніи и нуждающіися, и азъ упокою вы»—говоритъ она, и въ этихъ словахъ заключается вся важность, какую христіанство даетъ личности. Потому-то прощеніе и неосужденіе предписываетъ оно, какъ одно изъ главныхъ своихъ основаній. Да, пока человѣкъ въ сферѣ общаго—я сужу его, я претендую знать его; но какъ скоро изъ сферы общаго уходитъ онъ въ сокровенные тайники своей индивидуальности—я могу о немъ только скорбѣть и молиться, могу его только прощать... Такъ предписываетъ абсолютная религія...

Послѣднее событіе особенно познакомило меня съ самимъ собою, рѣшило для меня множество вопросовъ на счетъ моей субъективности и рѣшило нѣсколько вопросовъ о жизни, вопросовъ глубокихъ, религіозныхъ. Да, до сихъ поръ, я еще и самъ

себя не зналъ: могу ли жаловаться, что другіе меня не знали? А меня никто изъ васъ не зналъ, и ты не больше другихъ, другъ Василій! Всѣ вы любили меня искренно, видѣли во мнѣ много хорошаго, даже гораздо болѣе, нежели сколько во мнѣ его было — и въ то же время не видѣли многаго такого хорошаго, что̀ дѣйствительно во мнѣ есть, что составляетъ мою сущность, и за что вы безсознательно любили и любите меня. Потомъ, вы же видите во мнѣ много худого, которымъ дѣйствительно надѣленъ въ соразмѣрномъ количествѣ; но истинныя раны моего духа едва ли кому-нибудь извѣстны изъ васъ.

Три года былъ я друженъ съ Бакунинымъ, исписалъ къ нему бездну почтовой бумаги, сходился, расходился съ нимъ. И что-жъ—знали-ль мы другъ друга?—Нѣтъ, я первый говорю, что не зналъ и не знаю его: знаніе другого совершается въ актѣ любви, и потому однажды навсегда отрекаюсь отъ всѣхъ сужденій о его сущности, которая можетъ быть безконечно глубока, но тѣмъ не менѣе и совершенно чужда моей. Зналъ ли онъ меня?—Письмо его къ тебѣ лучше всего отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Чувственность и животность почитаетъ онъ черною стороною моей жизни, главнымъ моимъ порокомъ и причиною всѣхъ несообразностей и нелѣпости моей непосредственности. Правда ли это?—Нѣтъ, это такая же ложь, какъ и та, еслибы мнѣ приписали сребролюбіе, алчность и хищничество. Я рѣшительно неспособенъ къ страсти, и въ порѣ страсти никогда не зналъ ея; я всегда стремился къ чувству—и вотъ здѣсь-то моя болячка, въ этомъ словѣ стремился. A force de forger я дѣлался forgeron—и непосредственность моя искажалась отъ неестественнаго положенія; но, въ такихъ случаяхъ, я былъ далекъ отъ чувственности—самые сны мои были чисты, какъ чисты были мои стремленія. И вотъ какъ понимаетъ меня этотъ человѣкъ, этотъ мой закадычный другъ трехъ лѣтъ! Неудивительно, мы сошлись съ нимъ не по потребности, а разошлись безъ уваженія другъ къ другу. Моя дружба къ нему было—стремленіе, натяжка, и я былъ бы очень радъ увѣрить его, что если въ ней было много дикости, зато не было нисколько ни чувственности, ни животности. Да, Васинька, тяжко виноватъ я передъ двумя великими и святыми словами—любовь и дружба: передъ первою согрѣшилъ я въ лицѣ двухъ прекрасныхъ, святыхъ созданій, но не чувственностью и не животностью, а тѣмъ, что объективный интересъ силился превратить въ субъективный;

передъ второю я согрѣшилъ въ лицѣ М. А. Бакунина, называя насильственную связь дружбою. Дики и нелѣпы были проявленія того и другого грѣха, но—повторяю—не отъ чувственности и животности, а оттого, что жажда блаженства захотѣла удовлетворить себя чрезъ посредство бѣдной, конечной воли, мимо благодати.

Есть еще человѣкъ — но этого я глубоко уважаю, дорого цѣню,—который также никогда меня не зналъ. Ключниковъ знакомъ со мною съ «Литературныхъ Мечтаній», хотя зналъ меня за годъ прежде нихъ. Мы съ нимъ столкнулись не вотще: долго онъ былъ для меня авторитетомъ, а я (это узналъ я отъ него въ твоей маленькой комнаткѣ) для него—значитъ, такъ или сякъ, но только мы вошли въ жизнь одинъ другого. Но между нами замѣшалась ложь, особенно съ моей стороны: это опять былъ грѣхъ передъ дружбою, хотя и гораздо меньшій—объективную дружбу я силился превратить въ субъективную. Проявленія были дики и нелѣпы по необходимости,—и я не удивляюсь, что Иванъ Петровичъ почитаетъ меня чувственнымъ и животнымъ человѣкомъ и адресуетъ ко мнѣ такія посланія, которыхъ я, по зрѣломъ соображеніи, вполнѣ не могу принять на свой счетъ.

Теперь дѣло доходитъ до тебя. Въ твоемъ лицѣ я не согрѣшилъ противъ дружбы, потому что сблизился съ тобою по самой глубокой потребности, съ перваго разу полюбилъ тебя страстно. Больше любить я не могу и не умѣю. Съ твоей стороны я всегда видѣлъ къ себѣ глубокую привязанность. Весна прошлаго года, съ помощію философіи и одного великаго философа, развела было насъ на время, но только для того, чтобъ послѣ тѣснѣе свести. Все послѣдовавшее за тѣмъ еще болѣе укрѣпляло наши отношенія. Я былъ свидѣтелемъ и первымъ довѣреннымъ твоей новой жизни, и важнѣйшее ея событіе такъ тѣсно связано со мною, что всякая малѣйшая подробность напомнитъ тебѣ меня невольно. Ты, наконецъ, принялъ живое участіе въ моей борьбѣ съ Бакунинымъ, и твое чувство стояло за меня. За мѣсяцъ до отъѣзда въ Харьковъ ты началъ питать ко мнѣ ужасную враждебность. Торжественно признаюсь, что враждебность твоя имѣла глубокую и вѣрную причину, и если бы проявленія ея иногда не были черезчуръ животны (въ собачьемъ смыслѣ), то слишкомъ тяжело было бы мнѣ воспоминать о ней. Но все это прошедшее—теперь о настоящемъ. Въ прошлый чет-

вертокъ ты сказалъ мнѣ, что чувствуешь, какъ будто вновь нашелъ ты меня. Да, эти слова были искренни—мнѣ самому было легко и отрадно съ тобою, я самъ какъ будто вновь нашелъ тебя для себя. Съ любовію судилъ ты меня—и судъ былъ легокъ: какъ цѣлебный ножъ, отрѣзывалъ онъ отъ тѣла зараженныя части. Но нынѣшній день, Василька, поразилъ меня глубокою скорбію: я увидѣлъ ясно, что или старая враждебность твоя ко мнѣ снова возвратилась, или родилась новая. Ты явно сторожишь за собою—но ты еще плохой актеръ, когда тебѣ надо скрыть свою враждебность къ кому-нибудь. Давича, за столомъ, ты грубо, неделикатно, варварски оскорбилъ меня, что̀ мнѣ тѣмъ прискорбнѣе, во первыхъ, потому, что Аксаковъ былъ свидѣтелемъ этого, а во вторыхъ, что я теперь нахожусь въ такомъ состояніи, которое требуетъ пощады, снисхожденія, участія, деликатности, въ которомъ бездѣлица убиваетъ и воскрешаетъ меня. Я вспыхнулъ—во мнѣ все оцѣпенѣло; но когда ты, желая ли замазать свой грубый поступокъ, или, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ восхитившись моими выходками, началъ показывать свой восторгъ ко мнѣ,—то я чуть не зарыдалъ. Боже мой, къ чему все это! Какъ будто я не стою и того, чтобы указать мнѣ дверь, безъ комедій, прямо?... Остальное твое обращеніе со мною было крайне внимательно и дружелюбно,—но, признаюсь, въ немъ я еще болѣе увидѣлъ что-то непріятное для себя, какую-то затаенную мысль съ твоей стороны. Не понимаю, что̀ это значитъ. Или ты меня не понимаешь (потому ли, что никогда не понималъ, или съ нѣкотораго времени разучился понимать), или въ самомъ дѣлѣ въ моей непосредственности есть что-нибудь непреодолимо отталкивающее. Во всякомъ случаѣ—къ чорту комедіи—надоѣли онѣ мнѣ! До сихъ поръ я говорилъ: лучше хоть немножко чего-нибудь, чѣмъ совсѣмъ ничего; теперь я говорю: лучше совсѣмъ ничего, нежели немножко чего-нибудь. Да, я теперь ясно вижу, что я не понималъ себя, не былъ къ себѣ справедливъ—нѣтъ, что-нибудь никогда не удовлетворитъ требованій моего духа. Нагибаясь до чего-нибудь, я самъ всегда дѣлался ничѣмъ. И потому, Василька, всякія отношенія хороши, кромѣ ложныхъ. Если, почему бы то ни было, я уже далекъ отъ твоего сердца—что-жъ дѣлать—пожалѣемъ объ этомъ оба—и покоримся необходимости, которая смѣется надъ нашею волею. Ты понимаешь меня? Что дѣлать?—я измученъ, избитъ, израненъ, въ моемъ сердцѣ нѣтъ мѣста живого, душа

разрывается, и глаза сухи—только нынче, благодаря тебѣ, я выжалъ изъ нихъ нѣсколько слезинокъ, которыя освѣжили мою душу, какъ кропинки дождя засохшую ниву... Не могу больше и дольше терпѣть... Давай все за одинъ пріемъ, а по капелькамъ—невыносимо. Ты дорогъ мнѣ—ты одинъ можешь мнѣ быть другомъ. Причина этого—твоя чудесная, богатая душа, твое любящее сердце, твоя нормальность, дѣйствительность (чего нѣтъ во мнѣ), твои лѣта, наши общія воспоминанія. Когда ты былъ въ Харьковѣ, когда я повѣрялъ Константину свои г . . . . . ощущенія, а тотъ, закрывая глаза, въ восторгѣ кричалъ—какое амбре!—я думалъ все о тебѣ, темное чувство говорило мнѣ, что ты поступилъ бы со мною жестоко, но тѣмъ бы самымъ и спасъ меня. Когда вмѣстѣ съ Костею я нападалъ на тебя, отыскивая на тебѣ и пятна и крапинки,—въ глубинѣ души моей я думалъ и чувствовалъ другое на счетъ тебя, и, увѣряя Костю въ своей дружбѣ, противъ своей воли слышалъ въ себѣ слова: скоро ли то пріѣдетъ Боткинъ?—Нѣтъ, никто не замѣнитъ мнѣ тебя, но если такъ надо — я на все готовъ, кромѣ ложныхъ отношеній. Можетъ быть, я поступаю въ этомъ случаѣ слишкомъ прекраснодушно; можетъ быть, мнѣ надо бъ было затаить въ себѣ мои чувства, мои подозрѣнія и непримѣтно отдаляться отъ тебя... Можетъ быть, но я не могу, я человѣкъ эксцентрическій, я часто выходилъ изъ ужаснѣйшаго состоянія только тѣмъ, что выговаривалъ его другому. Крикъ облегчаетъ боль. Вотъ и теперь, чѣмъ больше пишу это письмо,—тѣмъ легче становится мнѣ. Ужъ такая натура! Кромѣ того, я почелъ бы преступленіемъ съ своей стороны разойтись съ тобою, не объяснившись, не употребивши всѣхъ средствъ къ отвращенію подобнаго случая.

Васинька, прежде ты зналъ меня—зналъ, потому что любилъ, и любилъ, потому что зналъ. Никогда не забуду я твоихъ словъ обо мнѣ, что «грустно было бы стоять тебѣ надъ моей могилой». Этими немногими словами, какъ поэтическимъ образомъ, характеризовалъ ты всю жизнь мою,—и однихъ этихъ словъ слишкомъ достаточно для того, чтобы я вѣчно любилъ и помнилъ тебя. Да, грустно стоять на могилѣ человѣка, которому природа, какъ проклятіе, дала слишкомъ большія требованія на жизнь, чтобы ихъ могло удовлетворить что-нибудь легко получаемое, и который изо всѣхъ силъ рвался къ счастію—и зналъ одно горе, одно страданіе. Это исторія моей жизни. Ты же недавно сказалъ обо мнѣ, что любишь меня въ грусти, а не въ

радости, потому что (прибавилъ ты) радость моя всегда была ложная. Правда! исключая рѣдкихъ минутъ откровенія таинства жизни, вся жизнь моя — или глубокое страданіе, поэтическая грусть, или глупая, дикая радость. Неужели же мой удѣлъ— только страданіе, и никогда не узнаю я радости?... Можетъ быть... согласенъ и на то, если нельзя взять лучшаго рѣшенія,— но во всякомъ случаѣ—прощайте, о, навсегда прощайте, претензіи на счастіе, заботы и хлопоты устроить его себѣ, прощайте, ходульки и всѣ фокусъ-покусы фантазіи!... Грустно разстаться мнѣ и съ вами, потому что вы все же тѣшили меня хоть призраками счастія... Жалко, ничтожно было ваше счастіе, но все же безъ васъ я не зналъ бы никакого... Поклонъ вамъ—больше мы не увидимся... Да, не буду ужъ дѣлать я амбре изъ воли, чувствъ, изъ ощущеньицъ... Еще разъ, прощайте!... Духъ вѣчной истины—молюсь и поклоняюсь тебѣ, и съ трепетомъ, съ слезами на глазахъ, отнынѣ предаю тебѣ судьбу мою — устрой ее по разумной волѣ своей,—и если суждено мнѣ на землѣ высшее блаженство — отъ тебя приму я его, или никогда не узнаю его!...

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, мое послѣднее Werden было такъ сильно и велико, что ты, Васинька, поневолѣ пересталъ понимать меня. Въ такомъ случаѣ, постараюсь, сколько это возможно, вновь познакомить меня съ тобою. Для этого я долженъ высказать тебѣ кое-что о послѣдней исторіи. Знаешь ли что — какимъ-то откровеніемъ понялъ я для себя необходимость этой исторіи, и еслибъ мнѣ можно было снова пережить это время, чтобы избѣжать всѣхъ сдѣланныхъ глупостей, я не согласился бы на это. Все было необходимо. Эта исторія — мое спасеніе, искупленіе.

Начну съ того, что ты и не подозрѣваешь того, что вытерпѣлъ я эти дни и что терплю теперь. Это истинный адъ. Во всю жизнь мою не страдалъ я тяжелѣе. Да, этотъ постъ ужасенъ,—какимъ-то праздникомъ разрѣшится онъ? А у меня есть предчувствіе, что праздникъ близко, и что вся эта цѣпь страданій есть приготовленіе къ нему—очищеніе. Но прежде я долженъ сказать тебѣ о моихъ внутреннихъ отношеніяхъ къ Каткову. Какъ изъ моихъ словъ, такъ и изъ моего письма къ нему, ты не могъ заключить, чтобы я считалъ себя слишкомъ виноватымъ передъ нимъ и слишкомъ раскаивался передъ нимъ. Дѣйствительно, передъ нимъ я нисколько не виноватъ, а если вино-

ватъ, то передъ самимъ собою; но и передъ самимъ собою меня совершенно оправдываетъ разумъ, и оправдываетъ свободно, безъ всякихъ натяжекъ. Но я глубоко понялъ слова Вердера—разумъ оправдываетъ, а любовь все-таки производитъ сознаніе вины. И въ этомъ смыслѣ глубоко чувствую я мои вины передъ Катковымъ, и уже не разъ мысленно лежалъ я, рыдая, у ногъ его и, какъ рабъ, вымаливалъ себѣ его прощеніе, не почитая себя достойнымъ взглянуть на него... Я былъ передъ нимъ — пошлъ, низокъ, подлъ, гадокъ; темно чувствуя его превосходство надъ собою, я находилъ мою защиту отъ его могущества, неотразимо преслѣдовавшаго меня, въ гнилыхъ, о . . . . . построеніяхъ. Я самъ не понималъ, почему, но онъ безпокоилъ меня, онъ былъ мнѣ страшенъ, и я готовъ былъ спастись отъ его благородной непосредственности куда ни попало, хотя бы въ нужникъ или подъ подолъ первой попавшейся бабы, чтобы оттуда поддразнить его языкомъ, зная, что онъ слишкомъ святъ и благороденъ, чтобы преслѣдовать меня въ такомъ гнусномъ убѣжищѣ. Доволенъ ли ты, Василій? Можетъ быть, я не въ силахъ буду сказать всего этого въ глаза Каткову—я напишу къ нему это. Во мнѣ много гордости и самолюбія, но я умѣю и быть нецеремоннымъ съ собою, когда дѣло идетъ объ оскорбленной истинѣ.

Три исторіи было со мною: конецъ первой былъ началомъ второй, или—вѣрнѣе—начало второй было концомъ первой, начало третьей—концомъ второй. До сихъ поръ, не понимаю, что я чувствовалъ къ гризеткѣ; но — право — что-то чувствовалъ. Должно быть, что это была страсть, а не чувство, но въ этой страсти—я помню—было много святого, тихаго, грустнаго, трепетнаго, благоговѣйнаго. Моя натура во всемъ сказывается. Неуспѣхъ и дикость оной исторіи произошли оттого, что когда я чувствовалъ страсть — то хотѣлъ возбудить чувство, а когда находилъ въ себѣ это чувство — хотѣлъ возбудить страсть. Поэтому, въ моихъ отношеніяхъ къ ней не было ровности и единства. Къ самымъ рѣзкимъ воспоминаніямъ этой исторіи принадлежатъ два факта—первый: когда увлеченная страстію, чувствомъ, или чувственностію, она отдавалась мнѣ вся, — я, при всей моей чувственности и животности, такъ хорошо извѣстныхъ нѣкоторымъ философамъ, нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы не опрофанировать наслажденіемъ того, что я почиталъ въ себѣ святымъ чувствомъ, — и я вырвался изъ обаятельныхъ

объятій сирены и почти вытолкалъ ее отъ себя (въ эту минуту я безъ ненависти вспоминаю объ этомъ прекраснодушномъ поступкѣ). Второй: когда я прощался съ моею родственницею, бывшею свидѣтельницею этой исторіи, я шутилъ, смѣялся, паясничалъ — и вдругъ, упавши на стулъ, громко зарыдалъ... Это для меня служитъ еще убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что моя душа жаждетъ отъ женщины чего-то другого, нежели чувственность и животность.

Я поѣхалъ въ Прямухино. Эту исторію всю знаешь ты хорошо. Я не любилъ, но заставилъ себя любить, въ чемъ и успѣлъ. Сердце жаждало блаженства, а разсудокъ указалъ путь къ его достиженію — изо всего этого вышелъ ужасный вздоръ. Препятствія раздражили чувство, и безъ того ложное и напряженное. Мишенькино участіе подожгло—остальное ты помнишь. На Кавказѣ я видѣлъ сонъ — ты и это знаешь. Глубокое и таинственное значеніе имѣлъ этотъ сонъ: я ощутилъ таинство любви—сонъ превзошелъ дѣйствительность—мнѣ должно бъ было понять, что это откровеніе, что наяву я даже не подозрѣвалъ и возможности подобнаго ощущенія... Но я ничего не понялъ...

Осенью жажда любви превратилась во мнѣ въ какую-то томительную хроническую болѣзнь. Грудь была истерзана, глаза всегда влажны — всегда готовы для рыданій. Я не помню подобнаго состоянія въ жизни моей. Въ это-то время я увидалъ ее и—ничего не почувствовалъ, а надувать себя уже не имѣлъ силъ послѣ второй исторіи. Я сталъ мечтать о разумномъ бракѣ, забывши, что—какъ бы ни былъ онъ разуменъ, а для него нужны средства и средства. Ну, ты читалъ мое письмо—съ Дмитріемъ Щепкинымъ. Въ самомъ дѣлѣ, проявленій было много, и мое прекраснодушіе попало въ западню, самимъ же себѣ устроенную. Я раздѣлился: во мнѣ было два убѣжденія, совершенно равносильныя—люблю и не люблю. Теперь бы я сказалъ что-нибудь одно, а оба вмѣстѣ равны плюсу съ минусомъ; но для того-то и долженъ я былъ такъ жестоко срѣзаться, чтобы такъ дѣльно разсуждать теперь. Надежды было мало—это подстрекало. Наконецъ, мнѣ сказали нѣсколько словъ, на меня бросили нѣсколько взглядовъ, которыхъ я не смѣлъ еще рѣшительно растолковать въ свою пользу, но отъ которыхъ я ощутилъ въ душѣ безконечное блаженство и провелъ божественный день. Васинька, будь человѣкомъ и суди человѣчески: меня всегда томила жажда

любви, мнѣ натолковали, что моя рожа такъ отвратительна, что нѣтъ...

(Окончаніе допишется и вамъ доставится) [1]).

Къ И. И. Панаеву. 19 августа, 1839.

Москва. 1839. Августа 19 дня.

Ну, Иванъ Ивановичъ, насилу-то дождался я отъ васъ вѣсточки; ваше молчаніе заставило было меня живо безпокоиться на счетъ и вашего переѣзда черезъ Волгу, и вашихъ новыхъ отношеній къ дѣлящимся (чего добраго—думалъ я—пожалуй, зарѣжутъ). По сему резону вы выходите не благодѣтельный помѣщикъ, какъ изволите величать себя, а развѣ злокачественный дворянинъ и разбойникъ, какъ рѣзко выразился Иванъ Ивановичъ о Иванѣ Никифоровичѣ. Вотъ Авдотья Яковлевна—дѣло другое: она очень похожа на благодѣтельную помѣщицу: попробуйте отдать деревню въ полное ея распоряженіе—и увидите, что чрезъ полгода, благодаря ея добротѣ и благодѣтельности, благодарные ваши крестьяне—сіи брадатые Меналки, Даметы, а наипаче Титиры—сдѣлаются сами господами, а господа сдѣлаются ихъ крестьянами.

Записка ваша ко мнѣ отличается удивительною пустотою содержанія. Однако-жъ спасибо вамъ и за нее. Радъ, что вы обѣщаете пріѣхать къ концу сентября, но боюсь, чтобы вашъ пріѣздъ—какъ это часто бываетъ въ семъ непрочномъ мірѣ—не отодвинулся до конца октября. Знаю, что вы рветесь оттуда всей душою, да боюсь, что дѣла задержатъ. Пожалуйста, почтеннѣйшій, пріѣзжайте скорѣе: право, я жду васъ съ нетерпѣніемъ. Признаюсь, почему-то и съ Москвою мнѣ ужъ поскорѣе хотѣлось бы раздѣлаться.

Послѣ вашего отъѣзда со мной произошла бездна перемѣнъ и разныхъ разностей. Во первыхъ, я былъ боленъ... Убѣдительное письмо ваше къ Николаю Филипповичу не произвело никакого эффекта, потому, вѣроятно, что нужда убѣдительнѣе краснорѣчія. Но мнѣ досадно только, что онъ не давалъ никакого отвѣта. Около трехъ недѣль я и надѣялся, и отчаивался

---

[1]) Этого окончанія не находится ни въ бумагахъ Солдатенкова, ни въ бумагахъ Станкевича.—*Прим. А. П.*

(самое гнусное состояніе): наконецъ заболѣлъ и увидѣлъ необходимость не выходить изъ дому, но вдругъ почему-то рѣшился выйти въ послѣдній разъ, повидаться съ Боткинымъ. Иду—вдругъ ѣдетъ на встрѣчу Николай Филипповичъ (а, подумалъ я, вотъ зачѣмъ тянуло меня изъ дому!), вскакиваетъ съ дрожекъ и начинаетъ на тротуарѣ бесѣду. О томъ, о семъ, между прочимъ и о васъ — имѣю ли я отъ васъ извѣстія, наконецъ — къ дѣлу. Щепкинъ (Михаилъ Семеновичъ) долженъ ему 115 р., такъ онъ предлагалъ мнѣ поделикатнѣе попросить ихъ у него себѣ. Въ моемъ положеніи и это было благодѣяніемъ Божіимъ; а Николай Филипповичъ увѣрялъ, что у него нѣтъ ни копѣйки, и что самъ нуждается. Тотчасъ я увидѣлся на университетскихъ экзаменахъ съ Барсовымъ и попросилъ его передать Михаилу Семеновичу о семъ. На другой день спокойно жду денегъ, но не тутъто было. Константинъ Аксаковъ далъ 10 р., а то бы лѣкарства не на что было взять, а еще нужны были пьявки и другія подобныя мерзости, требующія денегъ. Я было и носъ повѣсилъ, но вдругъ является И. Е. Великопольскій, освѣдомляется о здоровьи и проситъ меня быть съ нимъ безъ церемоній и сказать, нужны ли мнѣ деньги. Я попросилъ 50 р., но онъ заставилъ меня взять 100. Вотъ такъ благодѣтельный помѣщикъ! На другой день, передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ деревню, опять навѣстилъ меня. Отъ Щепкина я получилъ деньги, когда уже выздоровѣлъ.

Я помирился съ Боткинымъ и Катковымъ. Между нами все опять по прежнему, какъ будто ничего не было. Да, все по прежнему, кромѣ прежнихъ пошлостей. Сперва я сошелся съ Боткинымъ, и безъ всякихъ объясненій, прекраснодушныхъ и экстатическихъ выходокъ и порывовъ, но благоразумно, хладнокровно, хотя и тепло, а слѣдовательно, и дѣйствительно. Теперь вижу ясно, что ссора была необходима, какъ бываетъ необходима гроза для очищенія воздуха: эта ссора уничтожила бездну пошлаго въ нашихъ отношеніяхъ. Причины ссоры, нѣсколько вамъ извѣстныя, были только предлогомъ, а истинныя и внутреннія причины только теперь обозначились и стали ясны. Боткинъ много былъ виноватъ передо мною, но и я въ этомъ случаѣ не уступлю ему. Надо быть безпристрастнымъ и справедливымъ. Впрочемъ— странно: я, который не находилъ удовлетворительнаго мщенія Боткину, я теперь не могу себѣ ясно представить, за что я на него такъ неистовствовалъ. Вообще, въ нашей ссорѣ много се-

меѣнаго, только для насъ понятнаго. Боткинъ—чудесный человѣкъ—теперь я могу это сказать, потому что говорю безъ пылу, въ которомъ, если много пламени, зато много и дыму, и чаду, но съ теплотою и благоразумно. Катковъ имѣетъ одинъ недостатокъ — онъ очень молодъ, а кромѣ этого, онъ одинъ изъ лучшихъ людей, какихъ только встрѣчалъ я въ жизни. Я радъ безъ памяти, что наши дрязги кончились, и что вы таки увидите насъ такъ, какъ хотѣли и думали увидѣть насъ, когда отправлялись изъ Питера въ Москву.

Константинъ Аксаковъ со мной какъ нельзя лучше. Его участіе ко мнѣ иногда трогаетъ меня до слезъ. Невозможно быть расположеннѣе и деликатнѣе, какъ онъ со мною. Славный, чудный человѣкъ! Но молодъ такъ, что даже Катковъ годится ему въ дѣдушки. Въ немъ есть все—и сила, и энергія, и глубокость духа, но въ немъ есть одинъ недостатокъ, который меня глубоко огорчаетъ. Это—не прекраснодушіе, которое пройдетъ съ лѣтами, но какой-то китайскій элементъ, который примѣшался къ прекраснымъ элементамъ его духа. Коли онъ во что засядетъ, такъ, во первыхъ, засядетъ по уши, а во вторыхъ,—во сто лѣтъ не вытащите его и за уши изъ того ощущеньица, или понятьица, которое отъ праздности забредетъ въ его, впрочемъ, необыкновенно умную, голову. Вотъ и теперь сидитъ онъ въ глупой мысли, что Гете (далеко кулику до Петрова дня!) выше Шекспира. Но пока онъ сидѣлъ да посиживалъ въ этой мысли, если только нелѣпость можно назвать мыслію, случилось происшествіе, отъ котораго на лицѣ Аксакова совершилось страшное applatissement, ибо это происшествіе накормило его грязью, какъ говорятъ безмозглые персіане. Грязь эту раздѣлили съ нимъ Бакунинъ и Боткинъ.

Еще давно, прошлою осенью, узнавши нѣчто изъ содержанія 2 части «Фауста», я съ свойственною мнѣ откровенностію и громогласностію провозгласилъ, что оная 2 часть не поэзія, а сухая, мертвая, гнилая символистика и аллегорика. Сперва на меня смотрѣли, какъ на богохульника, а потомъ, какъ на безумца, который вретъ, что ему взбредется въ праздную голову. Новое поколѣніе гегелистовъ основало журналъ въ pendant къ берлинскому «Jahrbücher,» основанному Гегелемъ—«Gallische Jahrbücher», и въ этомъ журналѣ появилась статья нѣкоего гегелиста Фишера о Гете, въ которой онъ доказываетъ, что 2 часть «Фауста» мертвая, пошлая символистика, а не поэзія,

но что 1 часть—великое произведеніе, хотя и въ ней есть непонятныя, а потому и непоэтическія мѣста, ибо (это же самое говорилъ и *я*) поэзія доступна непосредственному эстетическому чувству, и отнюдь не требуется для уразумѣнія художественныхъ произведеній посвященія въ таинства философіи, и что все непонятное въ ней принадлежитъ къ области символизма и аллегоріи. Фишеръ разбираетъ всѣ разборы «Фауста» и нещадно издѣвается надъ ними; достается отъ него и первому поколѣнію гегелистовъ, которые, говоритъ, ослѣпленные яркимъ свѣтомъ Гегелевой философіи, пустились сгоряча все подводить подъ нее и во 2 части «Фауста» особенно мнили видѣть полное осуществленіе системы Гегеля въ сферѣ искусства. Больше всѣхъ срѣзался Марбахъ, который, въ своей дѣйствительно прекрасной популярной книгѣ, напоролъ о 2 части «Фауста» такой дичи, что Боткинъ, прекрасно переведшій изъ нея большой отрывокъ, ничего не понялъ, и когда хотѣлъ помѣстить этотъ отрывокъ въ «Наблюдателѣ», то принужденъ былъ вычеркнуть бо́льшую часть того, что сказано тамъ о 2 части «Фауста», которую Марбахъ называетъ «Книгою съ семью печатями» для непосвященныхъ. Каково срѣзались ребята-то? И каковъ я молодецъ! Не правда ли, что необыкновенно умный человѣкъ... А?.. Какъ вы думаете?.. (спросите и Авдотью Яковлевну, какъ она о семъ разумѣетъ—я думаю, дивится моей скромности).

Въ этомъ же «Gallische Jahrbücher» есть статья о Данте, въ которой доказывается, что сей мужъ совсѣмъ не поэтъ, а его «Divina Comedia»—просто символистика. Я то же и давно думалъ и говорилъ, ну, и послѣ этого вы еще не станете на колѣни передъ моимъ эстетическимъ геніемъ?..

Вотъ какимъ длиннымъ письмомъ заплатилъ я за вашу записку. Получилъ я письмо на ваше имя и прилагаю его при семъ. Также прилагаю и письмо Андрея Александровича ко мнѣ—оно очень интересно. Пожалуйста пишите ко мнѣ.

Константину (Аксакову) еще не отдавалъ вашего письма, не видался съ нимъ. А какъ онъ будетъ радъ ему—какъ дитя! Да, славное дитя Константинъ; жаль только, что движенія въ немъ маловато. Я и теперь почти каждый день разсчитываюсь съ какимъ-нибудь своимъ прежнимъ убѣжденіемъ и постукиваю его, а прежде такъ у меня--что ни день, то новое убѣжденіе. Вотъ ужъ не въ моей натурѣ засѣсть въ какое-нибудь узенькое опредѣленьице и блаженствовать въ немъ. Кстати, послѣ статей

о 2-й части «Фауста» и Данте, я сталъ еще упрямѣе, и теперь мнѣ пусть лучше и не говорятъ о драмахъ Шиллера, я давно уже узналъ, что онѣ слабоваты. Пушкинъ меня съ ума сводитъ. Какой великій геній, какая поэтическая натура! Да, онъ не могъ по своей натурѣ написать ничего вродѣ 2-й части «Фауста». Я обѣщалъ Владиславлеву въ альманахъ статью о «Каменномъ гостѣ» въ формѣ письма къ другу. Хочется попытаться на нѣчто похожее на философскую критику à la Ретшеръ. У меня теперь три бога искусства, отъ которыхъ я почти каждый день неистовствую и свирѣпствую: Гомеръ, Шекспиръ и Пушкинъ...

Поблагодарите отъ меня Авдотью Яковлевну за память обо мнѣ и ударьте ей за меня низко челомъ.

Прощайте. Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» перепечатана моя статья о Полевомъ, а новая еще не напечатана.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Къ А. А. Краевскому. 24 августа, 1839.

Москва. 1839. Августа 24 дня.

Милостивый Государь,
Андрей Александровичъ!

Посылаю вамъ тетрадь рецензій и прошу васъ обратить вниманіе на первую рецензію о рѣчахъ университетскихъ: я писалъ ее съ задоромъ. Прошу васъ, напечатайте въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» литературное извѣстіе, что въ Москвѣ составилось общество для изданія «Библіотеки Романовъ», не имѣющей ничего общаго съ Глазуновскою. Сперва будутъ переведены (съ англійскаго) Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ, отъ перваго романа до послѣдняго, всѣ — и переведенные, и не переведенные; Гофманъ весь (съ нѣмецкаго), словомъ, все, что найдется истинно художественнаго у англичанъ и нѣмцевъ, и истинно хорошаго у французовъ. Главные переводчики (это извѣстіе не для печати, а для васъ)—Катковъ и Кетчеръ. У послѣдняго уже готовы два романа Купера, а первый принимается за «Степи». Печатать берется на свой счетъ одинъ богатый человѣкъ (г. Высотскій). Если предпріятіе будетъ неудачно, переводчики рискуютъ ничего не получить за большой и тяжкій трудъ: согласитесь, что только въ Москвѣ возможно такое безкорыстіе. Пожалуйста возвѣстите о немъ погромче и попышнѣе, чтобы расшевелить вниманіе публики,

и накричать, натвердить ей, что это предпріятіе (какъ оно и въ самомъ дѣлѣ) великое, полезное, и пр. и пр.

Теперь перелистываю 8 № «Отечественныхъ Записокъ». Повѣсти Корфа боюсь, а прочту. Стихотвореніе Лермонтова «Три Пальмы» чудесно, божественно. Боже мой! Какой роскошный талантъ! Право, въ немъ таится что-то великое. Переводъ Аксакова изъ «Фауста» на этотъ разъ прекрасенъ. Пѣсни народныя интересны. Современная библіографическая хроника вся, отъ первой до послѣдней страницы, жива и интересна. Ученыя и по части искусствъ статьи, смѣсь—все это возбуждаетъ живѣйшее любопытство однимъ уже оглавленіемъ. Славный №! Славный вашъ журналъ, дай ему Богъ здоровья! 8 № «Отечественныхъ Записокъ» и 6 № «Сына Отечества» — Боже мой, какая чудовищная разница!

Съ удовольствіемъ пересмотрѣлъ мои статейки въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» и «Отечественныхъ Запискахъ». Небольшія измѣненія, сдѣланныя вами въ нихъ, очень хороши, и я вполнѣ доволенъ ими. Вообще, я все больше и больше убѣждаюсь, что мы съ вами поладимъ, какъ нельзя лучше.

Что вы раздумали къ намъ въ Бѣлокаменную? А мы было васъ ждали, ждали, ждали. Богъ съ вами!

Скажите Межевичу спасибо за его письмецо ко мнѣ — буду отвѣчать ему, какъ только удосужусь.

Заключаю мое посланіе просьбою къ вамъ, которая, можетъ быть, покажется вамъ странною. Доставитель моей тетради и этого письма—наборщикъ изъ типографіи Степанова, прибывшій къ вамъ въ Питеръ искать счастія, котораго для художниковъ, какъ и для литераторовъ, въ Москвѣ нѣтъ. Вы коротко знакомы съ Гуттенберговою типографіею, почему и рѣшаюсь утруждать васъ моею покорнѣйшею просьбою—помочь сему юношѣ опредѣлиться въ оную, на выгодныхъ для него условіяхъ, для чего, я думаю, достаточно одной вашей рекомендаціи, одного слова, и чѣмъ вы меня премного обяжете. А а ручаюсь вамъ за него, какъ за человѣка, отлично знающаго свое дѣло, усерднаго, прилежнаго и притомъ прекраснаго поведенія. Я отъ души желаю ему счастія: онъ добрый малый, а сверхъ того онъ окрестилъ меня въ печать, набирая мои «Литературныя Мечтанія», да и конкретно-прекраснодушныя статьи онъ же набиралъ. Прошу о немъ и Межевича, да возьметъ онъ его подъ свое покровительство. Сдѣлайте милость—похлопочите.

Трепещу за участь моей статьи о Полевомъ. Я писалъ ее долго и съ задоромъ, одна переписка замучила меня: досадно будетъ, если не пропустятъ, или слишкомъ исказятъ. Увѣдомьте меня (или попросите сдѣлать это Межевича) тотчасъ о ея судьбѣ.

Прощайте.

Вашъ В. Бѣлинскій.

«Горя отъ ума» все еще нѣтъ въ Москвѣ. Бога ради, пришлите мнѣ его, чрезъ А. Д. Галахова, въ счетъ платы за статьи— я уже рѣшился купить его.

Къ И. В. Станкевичу. 29 сентября—8 октября, 1839.

Москва. 1839, сентября 29 дня.

Наконецъ-то я собрался писать къ тебѣ, мой милый, мой любезный Николай! Пріѣздъ Грановскаго и письмо твое наполнили меня тобою—съ недѣлю я былъ не что иное, какъ воплощенная мысль о тебѣ. Я воображалъ тебя во всевозможныхъ положеніяхъ—и какъ ты слушаешь лекціи и читаешь «Логику» или «Феноменологію» Гегеля, и какъ ты пьешь шампанское и глотаешь устерсы, и какъ, въ рубашкѣ и подштанникахъ (о видъ, угодный небесамъ!), при созерцающей тебя Бертѣ, принимаешь позы то Аполлона Бельведерскаго, то Венеры Медичейской. Послѣднее твое положеніе восхитительнѣе всѣхъ прочихъ — я смѣялся до слезъ, но въ моемъ смѣхѣ было умиленіе: передо мною носился букетъ твоей непосредственности, и ты предсталъ мнѣ во всей своей цѣлости, и я вспомнилъ тебя всего, отъ первой минуты, когда увидѣлъ тебя впервые, до сего часу. Ахъ, Николай, Николай, когда я увижу тебя, мнѣ это представляется чѣмъ-то невозможнымъ, фантастическимъ. Не сердись на меня, что рѣдко и мало пишу къ тебѣ. Я самъ было осердился на себя за это, и даже испугался, подумавъ, какъ рѣдко я бываю занятъ тобою, мнѣ показалось, что я пересталъ любить тебя, а убѣдиться въ этомъ—для меня все равно, что убѣдиться въ томъ, что я не человѣкъ, а скотина. Но я скоро вышелъ изъ своего прекраснодушнаго опасенія: я понялъ, что у всякаго человѣка своя жизнь и свои личные интересы, а я, сверхъ того, во все это время нахо-

дился въ ужасныхъ внутреннихъ передѣлкахъ, въ мучительныхъ процессахъ выхода изъ дѣтства въ мужество, со всѣми переругался, былъ истерзанъ, исколесованъ такъ, что на душѣ моей не осталось ни одной цѣлой струны, ни одного здороваго мѣста. И лишь только я началъ выходить изъ этого экзамена жизни, и выходить (говорю безъ самолюбія) немножко съ честію для себя, какъ вдругъ—Грановскій и твое письмо: тутъ я вполнѣ убѣдился, что мнѣ нечего опасаться за мою любовь къ тебѣ. Вотъ тебѣ, прежде всего, самый обстоятельный и подробный отвѣтъ на твое посланіе.

Способъ, какимъ ты рекомендуешь мнѣ Грановскаго, заставилъ меня смѣяться до слезъ: ароматъ твоей милой, непостижимо чудной непосредственности такъ и вѣялъ вокругъ меня. Портретъ Грановскаго вѣренъ, какъ нельзя больше: ты великій живописецъ! Но опасеніе, что мы не сойдемся, которое невольно высказывается въ твоихъ словахъ, оказалось совершенно ложнымъ: мы сошлись, какъ нельзя лучше и ближе, и безъ всякихъ прекраснодушныхъ восторговъ и натяжекъ, а совершенно свободно. Грановскій есть первый и единственный человѣкъ, котораго я полюбилъ отъ всей души, несмотря на то, что сферы нашей дѣйствительности, наши убѣжденія (самыя кровныя) — діаметрально противоположны, такъ что — бѣлое для него черно для меня, и наоборотъ. Ухъ, какимъ онъ идіотомъ воротился! Стоило зачѣмъ ѣздить на три года въ Берлинъ, да еще на казенный коштъ: поглупѣть до такой степени можно бъ было и въ Москвѣ, на собственномъ иждивеніи! (Какова острота — Грановскій инда зашипѣлъ и выставилъ впередъ ногу—что, дѣйствительно, очень не хорошо, какъ ты самъ это справедливо замѣчаешь въ письмѣ своемъ). А полюбилъ я его вотъ за что: во первыхъ, за его милую, младенчески-простодушную, дѣвственную непосредственность, за теплоту души, которая электрически сообщается другой душѣ; во вторыхъ, за то, что онъ любитъ тебя до обожанія и, какъ ни глупъ, но глубоко понимаетъ и вѣрно цѣнитъ тебя. Послѣ этого, что бы я былъ за скотина, если бы до смерти не полюбилъ его! Да, это одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми мнѣ всегда и тепло, и свѣтло, и которые никогда не могутъ притти ко мнѣ не во время, но всегда—дорогіе гости. Но, Боже мой! можно ли быть противоположнѣе въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ мы и онъ! Что за сужденія объ искусствѣ, что за вкусъ—верхъ идіотства! Уландъ выше Гейне, Шиллеръ... но погоди—за

Шиллера я задамъ ему вытаску вмѣстѣ съ тобою, а пока расправлюсь съ нимъ съ однимъ. На Руси явилось новое могучее дарованіе—Лермонтовъ; вотъ одно изъ его стихотвореній:

Три пальмы.

(Восточное сказаніе).

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой;
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ...
Не правъ твой, о, небо, святой приговоръ!..»

И только замолкли,—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И съ крикомъ и свистомъ носясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданыхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь продолжалъ караванъ;
И слѣдомъ песчанымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ;
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ,—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Какая образность!—такъ все и видишь передъ собою, а, увидѣвъ разъ, никогда ужъ не забудешь! Дивная картина — такъ и блеститъ всею яркостію восточныхъ красокъ! Какая живописность, музыкальность, сила и крѣпость въ каждомъ стихѣ, отдѣльно взятомъ! Идя къ Грановскому, нарочно захватываю новый № «Отечественныхъ Записокъ», чтобы подѣлиться съ нимъ наслажденіемъ—и что же? — онъ предупредилъ меня: какой чудакъ Лермонтовъ — стихи гладкіе, а въ стихахъ чортъ знаетъ что — вотъ хоть его «Три Пальмы»—что за дичь!— Что на это было отвѣчать? Спорить? — но я потерялъ уже охоту спорить, когда нѣтъ точекъ соприкосновенія съ человѣкомъ. Я не спорилъ, но, какъ майоръ Ковалевъ частному приставу, сказалъ Грановскому, разставивъ руки: «Признаюсь—послѣ такихъ съ вашей стороны поступковъ, я ничего не нахожу» — и вышелъ вонъ. А между тѣмъ, этотъ человѣкъ, со слезами восторга на глазахъ, слушалъ «О царѣ Иванѣ Васильевичѣ, молодомъ опричникѣ и удаломъ купцѣ Калашниковѣ». Не значитъ ли это того, что у него, для

искусства, есть только непосредственное чувство, не развившееся и не возвысившееся до вкуса? А какъ онъ понимаетъ Пушкина — да здравствуетъ идіотизмъ! Куда Пушкину до Шиллера! А по нашему, такъ Шиллеру до Пушкина — далеко кулику до Петрова дня. Какая полная художественная натура! Небось, онъ не впалъ бы въ аллегорію, не написалъ бы галиматьи аллегорико-символической, извѣстной подъ именемъ 2-й части «Фауста», и не былъ способенъ писать рефлектированныхъ романовъ въ родѣ «Вертера» или «Вильгельма Мейстера». Куда ему! Его натура художественная была такъ полна, что, въ произведеніяхъ искусства, казнила безпощадно его же рефлексію: въ лицѣ Алеко, который враждуетъ противъ условій общества, а между тѣмъ хочетъ ихъ же наложить на бѣдныхъ дѣтей дикой вольности и вноситъ къ нимъ убійство и мщеніе, торжественно обличенный потомъ глубокимъ старцемъ цыганомъ (ты для себя лишь хочешь воли),—Пушкинъ безсознательно бичевалъ самого себя, свой образъ мыслей и, какъ поэтъ, черезъ это художественное объектированіе, освободился отъ него навсегда. Какое міровое созданіе! А «Моцартъ и Сальери», «Полтава», «Борисъ Годуновъ», «Скупой Рыцарь» и, наконецъ—перлъ всемірно-человѣческой литературы—«Каменный Гость!» Нѣтъ, пріятели, убирайтесь къ чорту съ вашими нѣмцами—тутъ пахнетъ Шекспиромъ новаго міра!.. А между тѣмъ, не забудь, что онъ умеръ съ небольшимъ какихъ-нибудь 35 лѣтъ, въ самой порѣ своего созрѣвшаго генія: что бы онъ еще сдѣлалъ?..

Теперь о «Наблюдателѣ». Ты правъ, сказавши, что стихотворное отдѣленіе въ немъ—хорошо, но чтобы оно было лучше не по количеству превосходныхъ пьесъ, а по качеству—ты ѣшь грязь. Аксаковскіе переводы изъ Гете («Богъ и Баядера», «Утреннія жалобы», «Перемѣна»—Лежу я въ потокѣ на камняхъ, «Тишина на морѣ»)—больше, нежели хороши—превосходны; но изъ Шиллера—дрянь, кромѣ одного—«Вечеръ», художественнаго въ оригиналѣ и художественно переведеннаго. Переводы Каткова изъ Гейне — еще выше; изъ «Ромео и Юліи» ты знаешь не лучшія мѣста; драму эту онъ перевелъ всю, и перевелъ превосходно, но все еще недоволенъ своимъ переводомъ. Пѣсни Кольцова—чудеса творитъ, братцы, чудо-богатырь! Ключникова пьесы прекрасны, особенно «Я не люблю тебя» — до сихъ поръ ты судилъ по человѣчески; но отсель начинаются плоды твоего пребыванія въ Берлинѣ, въ которомъ хотя ты живешь и на собственномъ ижди-

веніи, но достигъ (очень успѣшно) тѣхъ же результатовъ, какъ и Грановскій. Я васъ обоихъ поздравляю и низко вамъ кланяюсь. Какъ! — бенедиктовское, риторическое, не только лишенное цѣлости, которую даетъ пьесѣ идея, но даже и внѣшней связи здраваго смысла, стихотвореніе Ключникова къ Петру — превосходно, а «Флейта», это дивно-художественное произведеніе, въ которомъ вполнѣ исчерпана вся его идея и воспроизведена въ такихъ чудныхъ, граціозныхъ формахъ — такъ, ни то, ни се?.. Признаюсь—послѣ такихъ идіотскихъ съ вашей стороны поступковъ, я ничего не нахожу! Нѣтъ, братъ Николай, видно ты читалъ «Флейту» вмѣстѣ съ Бертою, потчуя ее пилюлями, и потому не замѣтилъ, что это одно изъ тѣхъ художественно-конкретныхъ созданій, которыя легки только на взглядъ, но не даются тому, кто ихъ перелистываетъ, а не читаетъ. Вещица дѣйствительно легонькая, но вѣдь и «Цыганы» Пушкина легки, а «Россіяда» Хераскова—тяжела. Вѣдь есть же люди, которые о «Цыганахъ» отзываются еще съ уваженіемъ, а въ мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина видятъ не больше, какъ легонькіе стишки. Но потому-то они и тяжелы для уразумѣнія, что слишкомъ легки. Простота содержанія при художественной формѣ—камень преткновенія для многихъ, и потому-то, для Грановскаго, Уландъ выше Гейне, а для нашихъ московскихъ Грановскихъ—Жуковскій выше Пушкина. Нѣтъ, братъ Николай, ты на сей разъ срѣзался, наѣлся грязи. Что ты врешь о людяхъ съ поэтическимъ чувствомъ безъ творческаго дара, у которыхъ всегда остается что-нибудь изъ сказаннаго ими, которые не могутъ отдать всей идеи во внѣшность, и въ личности которыхъ близкій человѣкъ находитъ то, что̀ въ нихъ осталось недосказаннаго? Это правда, но только это совсѣмъ не впопадъ примѣнилъ ты къ Кудрявцеву. Я знаю такихъ людей съ поэтическою душою, но безъ творческаго дара, но отъ ихъ сочиненій я не могу приходить въ восторгъ. Мнѣ ужасно смѣшны отношенія Вердера къ Девріенту, которыми ты хотѣлъ меня вывести изъ заблужденія. Актеръ можетъ мнѣ сказать, какъ онъ понимаетъ роль, но мнѣ отъ этого легче не будетъ, потому что дѣло актера не сказать, а показать, и для выраженія одной и той же идеи вдохновеніе даетъ ему неисчислимо-разные способы и формы. Вообще, твое указаніе на Вердера показало только, что его созерцаніе драматическаго искусства не слишкомъ-то широко. Потомъ, ты ошибаешься на счетъ моихъ отношеній къ Кудрявцеву. Этотъ

человѣкъ вообще очень не разговорчивъ, и они о чемъ не говоритъ съ такою неохотою, краткостію и такъ отрывисто, какъ о своихъ сочиненіяхъ, потому что очень мало даетъ имъ цѣны, и уже послѣ, когда общіе отзывы убѣдили его, что онъ не ошибся, онъ сказалъ однажды: «Да, «Флейта» вытанцовалась». Онъ не открывалъ мнѣ своихъ тайнъ, и если я открылъ ему нѣкоторыя, то больше потому, что меня восхищалъ его художественно-объективный интересъ, съ какимъ онъ слушалъ мои разсказы, какъ будто чтеніе повѣсти. Мы сошлись съ нимъ хорошо только на искусствѣ: что ему кажется художественнымъ, то и мнѣ, и наоборотъ — разногласіе между нами по этому невозможно, если исключить его собственныя произведенія, какъ я уже говорилъ. Надобно тебѣ сказать, что у этого человѣка чудная непосредственность, а въ отношеніи къ болтливости онъ— живая противоположность мнѣ. Нашъ разговоръ состоитъ всегда изъ потока моихъ рѣчей, изрѣдка перерываемыхъ его короткими фразами. Для меня высочайшее наслажденіе прочесть ему новую пѣсню Кольцова, новый переводъ Каткова, новое стихотвореніе Ключникова; прочтя, я не спрашиваю его — каково? Но молча взгляну на него, онъ улыбнется, и мнѣ вполнѣ понятно это юпитеровское осклабленіе. Если ему что не нравится, онъ молчитъ, не улыбаясь, и, что̀ хочешь, дѣлай, спорить не станетъ, а только разъ скажетъ, что или «онъ не понимаетъ», или «ему не нравится». Вообще, онъ совершенно неспособенъ къ внѣшнему выраженію восторга, и его наслажденіе можно прочесть только на просіявшемъ лицѣ и довольной улыбкѣ; но когда я читалъ съ нимъ «Иліаду», онъ закрывалъ руками лицо и стоналъ, если только этимъ словомъ можно выразить то, что̀ я хочу сказать. Никогда не забуду я той минуты, когда я прочелъ съ нимъ «Бородинскую Годовщину» Пушкина, или той, — когда я (самъ въ первый разъ) прочелъ вотъ эти стихи:

(Изъ Ксенофана Колофонскаго).

Чистый лоснится полъ; стекляянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладана сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой—все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о, други,

Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно же и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться, но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо.

Чтобы окончательно характеризовать тебѣ Кудрявцева, а вмѣстѣ показать и мою теперешнюю точку зрѣнія на искусство, скажу тебѣ, что для него было предметомъ безконечно-глубокаго наслажденія, эстетическаго блаженства, вотъ это стихотвореніе Пушкина:

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почію, безмятежный,
Пока дохнетъ веселый день,
И двигнется ночная тѣнь.

Послѣдній стихъ, по нашему, даетъ художественный колоритъ всей пьескѣ и принадлежитъ къ немногому числу такихъ стиховъ, которые, повидимому, ничего не заключая въ себѣ, заключаютъ въ себѣ цѣлые міры. Шекспира и все прочее для меня наслажденіе читать со всякимъ; но Гомера и Пушкина—высочайшее наслажденіе читать съ Кудрявцевымъ. Пластическая красота древнихъ, особливо Гомера, съ его простодушными, упоительными до опьяненія эпитетами, въ высшей степени родственна художническому духу Кудрявцева. Изъ Пушкина съ нимъ особенно пріятно читать мелкія стихотворенія и «Каменнаго Гостя»,— и изъ мелкихъ—чуждыя завлекающей прелести содержанія, но обаяющія художественною формою. Да, люблю, глубоко люблю этого человѣка, за его художественную натуру, за его въ высшей степени художественный тактъ, который въ немъ доходитъ даже до крайности, такъ что самое обаятельное могущество содержанія, возвышающагося до поэтическаго патоса, но чуждое или недостаточное по художественной формѣ, почти не трогаетъ его. Впрочемъ, собственно дружескихъ отношеній между нами нѣтъ, потому что дружескія отношенія развиваются исторически, а онъ чуждъ всѣмъ событіямъ моей жизни, съ которыми такъ неразрывно переплетенъ ты, Боткинъ, (теперь Кат-

ковъ), а по тебѣ Грановскій. Слѣдовательно, дополнить своего созданія собою онъ мнѣ никакъ не можетъ. И если его «Флейта»— художественное произведеніе, въ высшемъ и глубочайшемъ значеніи этого слова, для всѣхъ насъ, то я и всѣ мы дошли до этого собственнымъ умомъ. А ежели она для меня выше всѣхъ рефлектированныхъ драмъ Шиллера, то на это у меня свои причины, о которыхъ смотри ниже.

Октября 2.

«Наконецъ, въ твоихъ статьяхъ, о, Висяша, прежнія достоинства и недостатки: въ прежнихъ ты резонируешь передъ публикою, какъ у себя съ друзьями за трубкою, и при всякомъ теоретическомъ положеніи приводишь длинные примѣры и выписки, хочешь въ нѣсколькихъ словахъ Гоголя привести образцы творчества... это только странно; но...» Хоть это говоришь и ты, но не могу согласиться съ тобою—вотъ по какой причинѣ: во первыхъ, между моимъ резонерствомъ съ публикою было нѣсколько и такого, что̀ выходило изъ полноты натуры и возвѣщало ей (публикѣ) такія истины, которыя для нея были очень новы, потому что она слышала ихъ въ первый разъ и отъ перваго человѣка. Что за дѣло, если эти истины читала она въ кучѣ вранья и резонерства? Что за дѣло, если эти истины говорилъ ей выгнанный изъ университета за лѣность студентъ, съ трубкою во рту, неумытый,—онѣ для нея остались все-таки истинами, задушевно, горячо и понятно для нея высказанными? Неужели она захочетъ промѣнять на такого чудака какого-нибудь идіота Шевырева за то только, что, безъ трубки во рту, которая такъ оскорбляетъ твое уваженіе къ приличіямъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ графиномъ засахаренной воды, поролъ ей приличную дичь и кормилъ ее гнилью и пылью своего скопечества? Э, братъ, Николай, мнѣ очень грустно, что резонерство и трубка (вѣроятно облака дыма—я тогда затягивался на смерть) закрыли отъ тебя частичку истины, которой присутствія въ моихъ писаніяхъ ты, по крайней мѣрѣ тогда, не отрицалъ. Не думай, Николай, чтобы я не видѣлъ смѣшныхъ сторонъ моего телескопскаго ратованія, но я никакъ не могу понять, чтобы онѣ могли заслонять его истинную, его дѣйствительную сторону. Истина—какъ золото: для одного зернышка возятся съ пудомъ песку. Мнѣ сладко думать, что я, лишенный не только наукообразнаго, но и всякаго образованія, сказалъ первый нѣсколько

истинъ, тогда какъ премудрый университетскій синедріонъ поролъ дичь. Истина не презираетъ никакихъ путей и пробирается всякими. Что же касается до смѣшной стороны, то не только въ «Телескопѣ», я давно уже вижу ее и въ «Наблюдателѣ». Я довольно непосиденъ и не долго сижу на одномъ мѣстѣ, и потому я давно уже дальше «Наблюдателя». Смѣшная и дѣтская сторона его совсѣмъ не въ нападкахъ на Шиллера, а въ этомъ обиліи философскихъ терминовъ (очень поверхностно понятыхъ), которые и въ самой Германіи, въ популярныхъ сочиненіяхъ, употребляются съ большою экономіею. Мы забыли, что русская публика не нѣмецкая, и, нападая на прекраснодушіе, сами служили самымъ забавнымъ примѣромъ его. Статья Бакунина погубила «Наблюдатель» не тѣмъ, что она была слишкомъ дурна, а тѣмъ, что увлекла насъ (особенно меня—за что̀ я и золъ на нее), дала дурное направленіе журналу и на первыхъ порахъ оттолкнула отъ него публику и погубила его безвозвратно въ ея мнѣніи. Что же до достоинства этой статьи, которая тебѣ показалась лучшею въ журналѣ, такъ же, какъ стихотвореніе Ключникова къ Петру превосходнымъ,—я опять несогласенъ съ тобою: о содержаніи не спорю, но форма весьма неблагообразна, и ея непосредственное впечатлѣніе очень невыгодно и для философіи, и для личности автора. Человѣкъ хотѣлъ говорить о такомъ важномъ предметѣ, какъ философія Гегеля, въ значеніи сознанія разумной дѣйствительности, а не произвольнаго и фантазерскаго построенія своей дѣйствительности—и началъ говорить размашисто, хвастливо и нагло, какъ въ кругу своихъ друзей, съ трубкою во рту и въ халатѣ—не выкупивъ этихъ достолюбезностей ни популярностію, ни представительною образностію изложенія. Вмѣсто представленій въ статьѣ одни понятія, вмѣсто живого изложенія одна сухая и крикливая отвлеченность. Вотъ почему эта статья возбудила въ публикѣ не холодность, а ненависть и презрѣніе, какъ будто бы она была личнымъ оскорбленіемъ каждому читателю. Въ моихъ нападкахъ на Шиллера видно, если не ожесточеніе, то нѣсколько дикая радость, что я могу законно колотить его. Тутъ вмѣшались личности—Шиллеръ тогда былъ мой личный врагъ, и мнѣ стоило труда обуздывать мою къ нему ненависть и держаться въ предѣлахъ возможнаго для меня приличія. За что эта ненависть?—За субъективно-нравственную точку зрѣнія, за страшную идею долга, за абстрактный героизмъ, за прекраснодушную войну съ

дѣйствительностію, за все за это, отъ чего страдалъ я во имя его. Ты скажешь, что не вина Шиллера, если я ложно, конечно и односторонне понялъ великаго генія и взялъ отъ него только его темныя стороны, не постигши разумныхъ: такъ, да и не моя вина, что я не могъ понять его лучше. Его «Разбойники» и «Коварство и любовь», вкупѣ съ «Фіеско»—этимъ произведеніемъ нѣмецкаго Гюго, наложили на меня дикую вражду съ общественнымъ порядкомъ, во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, построеннаго на воздухѣ. Его «Донъ-Карлосъ»—эта блѣдная фантасмагорія образовъ безъ лицъ и риторическихъ олицетвореній, эта апотеоза абстрактной любви къ человѣчеству безъ всякаго содержанія—бросила меня въ абстрактный героизмъ, внѣ котораго я все презиралъ, все ненавидѣлъ (и еслибъ ты зналъ, какъ дико и болѣзненно!), и въ которомъ я очень хорошо, несмотря на свой неестественный и напряженный восторгъ, сознавалъ себя—нулемъ. Его «Орлеанская Дѣвственница»—эта драма съ двумя элементами, рѣзко отдѣлившимися одинъ отъ другого, какъ отдѣляется вода отъ масла, налитыя въ одинъ сосудъ,—съ элементомъ мистическимъ и католическимъ (а я теперь поохолодѣлъ къ первому и всегда дико ненавидѣлъ второй, съ чѣмъ и умру)—и потомъ съ элементомъ плохой и блѣдной драмы,—(гдѣ является Анна д'Аркъ—тамъ мистицизмъ и католицизмъ и—признаюсь—могучая романтическая поэзія; гдѣ являются другія лица—тамъ скука, блѣдность и мелочность, вслѣдствіе безсилія Шиллера возвыситься до объективной обрисовки характеровъ и драматическаго дѣйствія) — «Орлеанская Дѣва» ринула меня въ тотъ же абстрактный героизмъ, въ то же пустое, безличное, субстанціальное, безъ всякаго индивидуальнаго опредѣленія—Общее. Его Текла, это десятое, улучшенное и исправленное изданіе шиллеровской женщины—дало мнѣ идеалъ женщины, внѣ котораго для меня не было женщины (теперь для меня твоя Берта въ 100,000 разъ выше, потому что живое, дѣйствительное лицо, а не абстрактная идея). До чего довелъ меня Шиллеръ? Помнишь ли, Николай, какъ для всѣхъ насъ было рѣшено, что подло и безчестно завести связь con amore съ дѣвушкою, ибо-де, если оная дѣвица невинна, то лишить ее невинности—злодѣйство, а если не невинна, то можетъ родить (новое злодѣйство!), можетъ надоѣсть, и надо будетъ ее бросить (еще злодѣйство!); а какъ человѣку нельзя жить безъ

жинки, и всѣ порядочные люди—падки до скоромнаго,—то мы логически дошли до примиренія и выхода—въ . . . . . и . . . . . , и со всѣми ихъ меркуріальными послѣдствіями. Видишь, куда завелъ насъ идеальный Шиллеръ! И куда самъ онъ заходилъ, запутываясь своими противорѣчіями! Влюбившись въ дѣвушку и женившись на ней, онъ скоро охладѣлъ къ ней, дурно съ нею обращался и написалъ свои «Die Ideale», гдѣ распрощался со всѣми призраками жизни—поэзіею, знаніемъ, славою, любовію, и остался только съ дружбою и трудомъ. Въ «Resignation» онъ принесъ въ жертву общему все частное—и вышелъ въ пустоту, потому что его общее было Молохомъ, пожирающимъ собственныхъ чадъ своихъ, а не вѣчною любовію, которая открываетъ себя во всемъ, въ чемъ только есть жизнь. Въ своемъ «Der Kampf» онъ прощается съ гнетущею его добродѣтелью, посылаетъ ее къ чорту и, въ дикомъ изступленіи, говоритъ—хочу грѣшить! Что это за жизнь, гдѣ рефлексія отравляетъ всякую блаженную минуту, вышедшую изъ полноты жизни, гдѣ общее велитъ смотрѣть, какъ на грѣхъ, на всякое человѣческое наслажденіе, гдѣ религія является католицизмомъ среднихъ вѣковъ, стоицизмъ катоновскій—искупленіемъ! Я теперь понимаю фразу Гейне, что христіанская религія отдаетъ все духу, и что надо ее аболировать, чтобы тѣло вступило въ свои—права: помню, эта фраза привела тебя въ бѣшенство противъ Гейне, а чудакъ былъ правъ съ своей точки зрѣнія, потому что христіанская религія представлялась ему въ абстрактной формѣ среднихъ вѣковъ. Вотъ почему я возненавидѣлъ Шиллера: чаша переполнилась—духъ рвался на свободу изъ душной тѣсноты. Пріѣзжаю въ Москву съ Кавказа, пріѣзжаетъ Бакунинъ—мы живемъ вмѣстѣ. Лѣтомъ просмотрѣлъ онъ философію религіи и права Гегеля. Новый міръ намъ открылся: сила есть право, и право есть сила:—нѣтъ, не могу описать тебѣ, съ какимъ чувствомъ услышалъ эти слова—это было освобожденіе. Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей, я понялъ, что нѣтъ дикой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайности,—и кончилась моя тяжкая опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ. Я раскланялся съ французами. Передъ этимъ еще Катковъ передалъ мнѣ, какъ умѣлъ, а я принялъ въ себя, какъ могъ, нѣсколько результатовъ «Эстетики»—Боже мой! Какой новый, свѣтлый, безконечный

міръ! Я вспомнилъ тогда твое недовольство собою, твои хлопоты о побіеніи фантазій, твою тоску о нормальности. Слово «дѣйствительность» сдѣлалось для меня равнозначительно слову «Богъ». И ты напрасно совѣтуешь мнѣ чаще смотрѣть на синее небо—образъ безконечнаго, чтобы не впасть въ кухонную дѣйствительность: другъ, блаженъ, кто можетъ видѣть въ образѣ неба символъ безконечнаго, но вѣдь небо часто застилается сѣрыми тучами, и потому тотъ блаженнѣе, кто и кухню умѣетъ просвѣтлить мыслію безконечнаго. Безконечное должно быть въ душѣ, а когда оно въ душѣ—человѣку и въ кухнѣ хорошо. Есть люди, которые говорятъ, что въ Шеллингѣ больше геніальности и величія, чѣмъ въ Гегелѣ, въ католицизмѣ, чѣмъ въ лютеранизмѣ, въ мистицизмѣ, чѣмъ въ раціональности (разумности), въ битвахъ Гомера, съ ихъ колесницами, щитами, копьями и стрѣлами, чѣмъ въ Бородинской битвѣ, съ ея куцыми мундирами и прозаическими штыками и пулями: отчего это? Оттого, что въ простомъ труднѣе разгадать безконечную дѣйствительность, чѣмъ въ поражающей внѣшнею грандіозностію формѣ, оттого, что въ небѣ легче увидѣть образъ безконечнаго, чѣмъ въ кухнѣ... Но буду продолжать тебѣ мою внутреннюю исторію. Бакунинъ первый (тогда же) провозгласилъ, что истина только въ объективности, и что въ поэзіи субъективность есть отрицаніе поэзіи, что безконечнаго должно искать въ каждой точкѣ, что въ искусствѣ оно открывается черезъ форму, а не чрезъ содержаніе, потому что само содержаніе высказывается черезъ форму, а гдѣ наоборотъ—тамъ нѣтъ искусства. Я освирѣпѣлъ, опьянѣлъ отъ этихъ идей—и неистовыя проклятія посыпались на благороднаго адвоката человѣчества у людей—Шиллера. Учитель мой возмутился духомъ, увидѣвъ слишкомъ скорые и слишкомъ обильные и сочные плоды своего ученія, хотѣлъ меня остановить, но поздно, я уже сорвался съ цѣпи и побѣжалъ благимъ матомъ. Извѣстно, что Шиллеръ совѣтовалъ Гете поставить въ углу герцога Альбу, когда его сынъ говорилъ съ Эгмонтомъ, дабы оный злодѣй или умилился и покаялся, или востерзался отъ своего неистовства—верхъ прекраснодушія, образецъ драматическаго безсилія! Мишель хотѣлъ отъ меня скрыть этотъ фактъ и, по обыкновенію, самъ же проболталъ мнѣ его—я взревѣлъ отъ радости. Въ это же время начались гоненія на прекраснодушіе во имя дѣйствительности. Въ это же время пошли толки о Гете—и что со мною стало, когда я прочелъ «Утреннія жалобы», а потомъ—

Лежу я въ потокѣ на камняхъ... какъ радъ я!
Идущей волнѣ простираю объятья, и пр.

Новый міръ! новая жизнь! Долой ярмо долга, къ дьяволу гнилой морализмъ и идеальное резонерство! Человѣкъ можетъ жить— все его, всякій моментъ жизни великъ, истиненъ и святъ! Тутъ подоспѣли для меня переводы милаго Гейне, и скоро мы прочли «Ромео и Юлію», чтобы узнать, что такое женщина... Бѣдный Шиллеръ!.. Тутъ началась моя война съ Мишелемъ, война на смерть, продолжавшаяся съ лишкомъ годъ и кончившаяся совершенно мѣсяца съ три назадъ. Дѣло было вотъ въ чемъ: мы очень плохо поняли «дѣйствительность», а думали, что очень хорошо ее поняли. Въ самомъ дѣлѣ, мы разсуждали о ней, для начала, очень недурно, даже изрядненько и пописывали, но ужасно недѣйствительно осуществляли ее въ дѣйствительности. Мишель — это абстрактный герой. Онъ владѣетъ могуществомъ мысли, сильною діалектикою, въ душѣ его есть глубокость, созерцаніе его широко, у него есть жажда движенія, онъ ищетъ бурь и борьбы — это мое теперешнее, совершенно свободное и безпристрастное о немъ мнѣніе. Но я же думаю о немъ, что, когда у него дѣло доходитъ до осуществленія своихъ идей, онъ— совершенный абстрактъ, потому что лишенъ всякаго такта дѣйствительности—и что ни шагъ сдѣлаетъ, то споткнется. Желая эманципировать сестеръ своихъ отъ непосредственнаго повиновенія родительской власти, простирающагося до пожертвованія своимъ счастіемъ, онъ довелъ ихъ до крайности, потому что точкою отправленія его трудовъ по сей части было больше жажда какой-нибудь дѣятельности, желаніе рисоваться героемъ, чѣмъ любовь къ нимъ и ихъ счастіе. Поэтому онъ дѣлалъ то же, да не такъ: гдѣ можно было тихо, тамъ съ трескомъ, а гдѣ просто, тамъ съ блескомъ, и очень часто у него выходило много шуму изъ пустяковъ, а между тѣмъ результаты этого шума были, къ несчастію, очень не пустяшны. Не говоря уже о поколебленномъ до основанія семейственномъ счастіи и гармоніи, онъ привелъ своихъ прозелитокъ въ какое-то напряженное и несвойственное ихъ святымъ женственнымъ непосредственностямъ состояніе геройства и бетинства; онъ повлекъ ихъ по всѣмъ моментамъ или, лучше сказать, мытарствамъ развитія своего духа, забывъ, что онѣ женщины, и что имъ это совсѣмъ не нужно. На покойницу онъ всегда смотрѣлъ съ нѣкоторою ироническою улыбкою, потому что ея простота и дѣйствительность

были слишкомъ не подъ силу его разумѣнію—и разъединилъ ее съ ними. Я все это смѣтилъ, сообразилъ прошедшее съ настоящимъ, да и давай его тузить. Надобно тебѣ сказать, что весною 1838 года онъ опрокинулся на меня за то, что я издаю журналъ, а не занимаюсь объективнымъ наполненіемъ; я его не послушался — онъ сталъ меня ругать заочно, подкапываться подъ мою сущность, чтобы объявить ее конечною, наконецъ, не сталъ скрывать отъ меня своего презрѣнія. Сначала мнѣ было досадно и больно, а потомъ я пришелъ въ какое-то экстатическое состояніе, въ какомъ и написалъ къ тебѣ письмо, гдѣ вралъ о какомъ-то своемъ небѣ, на что ты отвѣчалъ мнѣ — керата таурисъ. Письмо это заставило его признать меня святымъ человѣкомъ — на письмѣ. Въ это время онъ жилъ у Боткина и своею непосредственностію и абстрактностію успѣлъ довести его до враждебности къ себѣ. Тутъ онъ уѣхалъ въ Прямухино, и между нами завязалась первая полемическая переписка — мы съ Боткинымъ сражались съ нимъ остервененно, онъ защищался недобросовѣстно, Боткинъ сталъ утихать [1]), а я все больше и больше ярился. Вдругъ пріѣзжаетъ въ Москву его мать съ Татьяною и Александрою. Боже мой! Тутъ цѣлая прекраснодушная исторія съ дѣйствительно тяжелыми страданіями и кровавыми слезами съ моей стороны. Мы миримся съ Мишелемъ. Онъ зоветъ насъ въ Прямухино. Вдругъ вѣсть, что Любовь опасна, что у него одна надежда на Петра Ключникова, который въ то время служилъ въ Тульской губ., въ г. Веневѣ—я ѣду туда, Боткинъ, черезъ нѣсколько дней, въ Прямухино, куда и я пріѣхалъ. Что тутъ было — это длинная исторія, отъ которой я пощажу тебя. Мишель смотрѣлъ торжественно. Мы окончательно экстатически примирились, и я уѣхалъ другомъ его, но вскорѣ затѣялъ новую войну, которую—признаюсь—велъ слишкомъ безчеловѣчно. Разумѣется, верхъ былъ на моей сторонѣ, потому что на моей сторонѣ была правда, но также на моей сторонѣ были и крайности, безъ которыхъ я не умѣю обходиться. Мишель пришелъ въ ужасъ отъ моихъ нападокъ и въ первый разъ испугался за себя. Снова миръ, снова война—опять миръ, опять война; наконецъ рѣшили, что наши натуры враждебны другъ другу, и что намъ надо разойтись. Весною было опять примиреніе и опять война, но въ которой *я* уже игралъ жалкую роль,

[1]) Неясно написано.—*Прим. А. П.*

въ чемъ и сознался передъ нимъ. Теперь мои отношенія къ нему ясны и опредѣленны: я его уважаю, я къ нему расположенъ, общія воспоминанія дѣлаютъ необходимымъ пріятельство между нами; что же до задушевности и дружбы—неужели внѣ дружбы между людьми не можетъ быть никакихъ отношеній? Не обширныя, но дѣйствительныя отношенія лучше самыхъ нѣжныхъ и горячихъ, но призрачныхъ. Мы оттого такъ часто и ссорились съ нимъ, что не понимали этой истины. Итакъ, когда моя съ нимъ брань кончилась, я ощутилъ въ себѣ безконечную пустоту, тѣмъ болѣе, что и вопросъ о прекраснодушномъ чувствѣ, которое я питалъ къ его сестрѣ, былъ окончательно рѣшенъ для меня съ извѣстной стороны. Предмета для призрачной дѣятельности не стало — и внутреннія силы пожирали сами себя. Представь себѣ только то, что я каждую недѣлю посылалъ къ Мишелю по тетрадищѣ—и вдругъ не съ кѣмъ грызться до остервенѣнія. Журналъ шелъ плохо — и это была не моя (редактора), а издателя (Степанова) вина—я сталъ къ нему охладѣвать. Устремить свою дѣятельность въ міръ знанія, — но я не былъ для этого способенъ по внѣшнимъ обстоятельствамъ, которыя съ своей стороны гнели меня жестоко, и не былъ готовъ для этого, потому что нужно было сперва разыграть еще нѣсколько драмъ, чтобы оправдались слова Вердера: «Когда человѣкъ дѣлаетъ себѣ вопросъ, значитъ — онъ не созрѣлъ для отвѣта». Я впалъ въ какое-то состояніе, больше похожее на отчаяніе, чѣмъ на апатію. Меня преслѣдовала мысль, что природа заклеймила лицо мое проклятіемъ безобразія, и что потому меня не можетъ полюбить ни одна женщина, такъ какъ для меня внѣ любви женщины нѣтъ жизни, нѣтъ счастія, нѣтъ смысла въ жизни. Внутри меня былъ адъ, потому что внутри меня было пусто—ни одного объективнаго интереса—однѣ субъективныя фантазіи. Мои отношенія къ Боткину стали портиться. Цѣлый день, съ 10 часовъ утра до 6 вечера, сидитъ онъ въ своемъ амбарѣ и вращается съ отвращеніемъ въ совершенно чуждой ему сферѣ. Это одна изъ тѣхъ натуръ, которыя созданы, чтобы жить внутри себя, а между тѣмъ судьба велитъ ему бо́льшую часть его времени жить внѣ себя. Поэтому, естественно, онъ дорожитъ своими вечерами, чтобъ побыть наединѣ съ своимъ горемъ, съ своею радостію, или подѣлать что-нибудь, ибо онъ человѣкъ образованный и любитъ почитать и пописать что-нибудь—когда прозою, когда стишками, какъ выкинется. И вдругъ къ нему, измученному днемъ и только что

начинающему отдыхать въ тиши вечера за тихою работою, входитъ человѣкъ и, по какому-то абстрактному праву дружбы, начинаетъ въ 1001-й разъ говорить, что ему нѣтъ счастія въ мірѣ, что законъ бытія несправедливъ и жестокъ, или толковать о своемъ прекраснодушномъ чувствѣ, и тому подобное. Естественно, это должно было становиться Боткину тяжело и несносно. Къ этому еще присоединилось то, что я жилъ почти на его счетъ: я привыкъ брать, онъ привыкъ давать, такъ что въ нашихъ отношеніяхъ осуществилось сенъ-симонистское общество. Конечно, онъ давалъ по доброй волѣ и охотно, но невозможно, чтобы безпрестанныя лишенія себя вслѣдствіе абстрактныхъ понятій о дружбѣ временами не тяготили его сильно. Ко всему этому присоединилось и его собственное горе, его собственныя страданія, которыя—такъ какъ они были дѣйствительны—требовали его постояннаго пребыванія въ самомъ себѣ. Сверхъ того, разумѣется, онъ очень не чуждъ и своихъ темныхъ сторонъ. И вотъ возникаетъ у него противъ меня сильная враждебность — онъ часто оскорбляетъ меня очень чувствительно, и безъ видимыхъ поводовъ съ моей стороны; замѣтивши это, хочетъ поправиться, и изъ одной крайности переходитъ въ другую. Тутъ я сочинилъ себѣ новую гисторію. Ты самъ поймешь, что такой любящей и идеальной (несмотря на свою quasi-дѣйствительность) душѣ, какъ моя, невозможно не имѣть предметъ обожанія,— о, Николай, понимаешь? (Эти слова надо прочесть нѣсколько въ носъ). Барышня нашлась. Я стараюсь возбудить въ себѣ чувство къ ней, а между тѣмъ рефлектирую днемъ и ночью о разумномъ бракѣ и семейственномъ счастіи. A force de forger on devient forgeron — во мнѣ начало рождаться какое-то тяжелое чувство, пробудились ревность, тоска, пошли соображенія, толкованія словъ, взглядовъ, жестовъ. Боткину пришлось пить горькую чашу, во имя дружбы. Барышня любила другого, а этотъ другой любилъ ее, но велъ себя такъ дѣйствительно, что она, думая, что онъ ее не любитъ, и заключая по моимъ дикостямъ, что я ее обожаю, рѣшилась полюбить меня, въ той мысли, что если я женюсь на ней, то со мною, какъ съ человѣкомъ благороднымъ и любящимъ ее, она можетъ быть счастлива, сколько можно быть счастливою въ бракѣ безъ любви. Драматическое положеніе! Все это еще куда бы ни шло. Но вотъ горе—барышня, изъ уваженія ко мнѣ, стала возбуждать въ себѣ чувство ко мнѣ, и, по той же мудрой французской пословицѣ, успѣвала на нѣ-

сколько минутъ надувать и себя и меня, такъ что въ ея взглядахъ на меня я видѣлъ нѣчто такое, отъ чего мнѣ казалось, что внутри меня совершилось наконецъ свободно великое таинство. Но когда она почти ясно выговорила мнѣ, что любитъ меня, завѣса спала съ глазъ моихъ, и я узналъ, что такое адъ, и что такое истинное страданіе, страданіе безъ грусти, безъ всякой влажности, но съ однимъ сухимъ, жгучимъ отчаяніемъ. Я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ ея братомъ—человѣкомъ необыкновенно глубокимъ, энергическимъ и, несмотря на свою молодость, удивительно чуждымъ эксцентрическаго прекраснодушія — я рѣшился ему открыть дѣло; онъ принялъ это, какъ умный и благородный человѣкъ, выспросилъ сестру, и она сказала ему, что ей невыразимо пріятно, когда она видитъ меня, но, какъ скоро я ухожу, она тщетно напрягается удерживать меня въ своей мысли. Ну, слава Богу, — спасенъ; однако, я выслушалъ это съ ужасною досадою. При свиданіи (котораго невозможно было избѣжать) я замѣтилъ, что мною грустно-оскорблены, и что въ отношеніи ко мнѣ прибѣгаютъ къ искусственной гордости, худо выдерживаемой. Чортъ знаетъ какъ, но опять вышла исторія, и дѣло дошло даже до переписки. Тутъ снова повязка съ глазъ упала—и я снова въ аду, еще ужаснѣйшемъ, чѣмъ прежде. Вдругъ получаю отъ Боткина записку, гдѣ онъ увѣдомляетъ меня, что мой неистовый соперникъ, понявши все, вчера валялся въ судорогахъ по дивану, и что была сцена ужасная, которая измучила его, что, глядя на него, онъ плакалъ. Это была любовь юношеская, романтическая и экстатическая, но, какъ моментъ, дѣйствительная. Боткинъ принялъ въ юношѣ возможное участіе, которое усиливала его враждебность ко мнѣ, и чрезъ которое она еще болѣе усилилась. Еще и передъ этимъ, онъ въ отношеніи ко мнѣ доходилъ до крайности, то унижалъ и язвилъ меня желчно и ядовито, отнималъ у меня всякую высшую дѣйствительность, то со слезами говорилъ о своей ко мнѣ любви и моихъ высокихъ качествахъ. Развязка моей трогательной гисторіи съ барышнею воспослѣдовала очень непріятно для меня. Конечно, я ничего не сдѣлалъ подлаго—ты самъ знаешь, что я человѣкъ необыкновенно благородный и до всего унижусь, только не до подлости,—но я былъ изряднымъ пошлячкомъ—надо сказать правду. Барышня наша—дѣвушка страстная,—и потому, что я не могъ быть безпрестанно вмѣстѣ съ нею и приходить, когда она прикажетъ,—я былъ свидѣтелемъ обмороковъ — Боже! спаси и по-

милуй отъ подобныхъ зрѣлищъ всякаго православнаго христіанина. Ты самъ знаешь, что мы не греки и не римляне, но мы также и не итальянцы и не испанцы. Представь себѣ положеніе человѣка, который боится отойти на шагъ отъ дѣвушки, чтобы она не усумнилась въ его пламенной любви и не сомлѣла (не упала въ обморокъ), и который не догадывается о томъ, что у оной подобныя выходки не болѣе, какъ минутные напряженные порывы, и что, не отходя отъ нея, онъ тяготитъ и компрометтируетъ ее, а самъ или рефлектируетъ на свое чувство, или заботится скрыть свою зѣвоту и, почитая необходимымъ занимать любезнымъ разговоромъ милую воровку своего покоя, вретъ пошлости, которыхъ въ то же время ему самому стыдно и гадко: адское положеніе! Таковая моя молодецкая поведенція возбудила въ сердцѣ брата ея болѣзненную ко мнѣ ненависть и презрѣніе, а свирѣпому моему сопернику открыла глаза на ея ко мнѣ отношенія, вслѣдствіе чего оный злополучный любовникъ и началъ свирѣпствовать. Тогда болѣзненная ненависть Боткина ко мнѣ дошла до крайнихъ своихъ предѣловъ. Юношу (это Катковъ) онъ выпроводилъ въ Прямухино, чтобы утишить его свирѣпство, а самъ позвалъ брата барышни, чтобы узнать достовѣрнѣе, точно ли она отдала мнѣ навѣки свое страстное сердце, ибо юноша, несмотря на очевидность, никакъ не умѣлъ повѣрить, чтобы она его не любила. Братъ объяснился съ сестрою и допытался истины; тогда Боткинъ, противъ своей воли увлекаемый своею враждебностію противъ меня, позволилъ себѣ, въ разговорѣ съ братомъ, такъ плюнуть во святая святыхъ души моей и такъ отринуть во мнѣ мое, неотъемлемое отъ меня, что братъ изъ истца сдѣлался моимъ адвокатомъ. Я ничего этого не зналъ, объяснился съ барышнею, и послѣ, пріѣхавши къ Боткину, горько плакалъ о заблужденіяхъ своего празднаго сердца и весьма, если не пустой, то опустѣлой головы, на лбу которой было крупно и четко написано: «свободенъ отъ постоя». Нѣтъ, никогда не забыть мнѣ этого ужаснаго времени въ моей жизни: лишенный всякаго истиннаго содержанія, я былъ полонъ хотя призраками — и вдругъ — совершенная пустота! Осталось бы, воспользовавшись урокомъ, засѣсть за дѣло, но я еще не былъ къ этому готовъ: гисторія еще далеко не кончилась. Притомъ же, развѣ я семинаристъ какой-нибудь, чтобы учиться: я даже не швабскій нѣмецъ — я русскій дворянинъ (неслужащій, слѣдовательно, недоросль—въ 30 лѣтъ). Катковъ возвратился,

я запискою ему въ ноги, онъ этого не понялъ и покаяніе передъ истиною принялъ за униженіе передъ нимъ (я и въ отношеніи къ себѣ такъ же увлекаюсь крайностями, какъ и въ отношеніи къ другимъ, и бью себя такъ же безпощадно, какъ и другихъ) — и не отвѣчалъ; я другую, въ которой гордо намекнулъ, что не передъ нимъ, а передъ истиною смиряюсь, тогда онъ отвѣтилъ патетической запиской, которой, разумѣется, не осуществилъ, потому что не могъ побѣдить своей ко мнѣ враждебности, хотя его отношенія съ барышнею и установились, какъ должно. Понимаю теперь, какъ все это дѣтски, но тогда—нѣтъ, во мнѣ слишкомъ много силы, если эти духовныя истязанія не раздавили меня. Съ Боткинымъ у меня, повидимому, установились прежнія отношенія, но что-то все было не такъ, не ловко. Дѣло было въ великомъ посту, въ это всегда грустно-поэтическое для меня время; нестерпимыя муки оскорбленнаго самолюбія и сознанія прошлой пошлости своей поведенціи стали превращаться въ какую-то глубокую, болѣзненную, но и сладостную грусть—я походилъ на медленно выздоравливающаго отъ тяжкой болѣзни. Тутъ пріѣхалъ Мишель съ Татьяною; съ нимъ мы вели себя холодно, но прилично, съ Татьяною Александровною тотчасъ какъ-то установился у меня дружественный тонъ (не забудь, что онѣ читали мои письма къ Мишелю, гдѣ я неистово и съ свойственною только одному мнѣ откровенностію и умѣренностію нападалъ на нихъ). Это было мнѣ истинною отрадою. Съ братомъ барышни мои отношенія пришли въ прежній видъ, какъ будто между нами ничего не было: Я говорю ему разъ о Боткинѣ съ любовію и экстазомъ: онъ пересказываетъ мнѣ бывшій у него съ Боткинымъ обо мнѣ разговоръ—я обомлѣлъ. Конечно, самая дурная сторона поступка Боткина была та, что онъ чужого человѣка хотѣлъ поставить судьею семейной ссоры, и тотъ юноша имѣлъ полное право взглянуть на его поступокъ, какъ чужой человѣкъ, т. е. признать его безчестнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ, по своимъ лѣтамъ, находится еще въ рыцарскомъ періодѣ понятій о чести. Я былъ раздавленъ и чувствовалъ въ груди физическую боль; повелъ себя съ Боткинымъ холодно и грустно-прилично. До сихъ поръ онъ былъ передо мною виноватъ, я велъ себя въ отношеніи къ нему благородно, потому что тяжело страдалъ, но не позволилъ себѣ ни малѣйшей выходки противъ него. Такъ я долго еще крѣпился; но наканунѣ отъѣзда Мишеля, благодаря святому вліянію на меня сестры его, я пришелъ въ

умиленіе, у насъ произошло объясненіе, объятія, поцѣлуи, — и я не могъ удержаться, чтобы мимоходомъ не бросить нѣсколько язвительныхъ выраженій о характерѣ Боткина. Теперь я долженъ воротиться нѣсколько назадъ и вывести на сцену новыя дѣйствующія лица (по французски персонажи) этой траги-комедіи съ водевильными куплетами. Первый изъ нихъ — Аксаковъ. Ты его знаешь; онъ, коли хочешь, много перемѣнился, но, впрочемъ, все тотъ же. Въ немъ есть и сила, и глубокость, и энергія, онъ человѣкъ даровитый, теплый, въ высшей степени благородный, но, благодаря своему китайскому элементу, лишающему его движенія впередъ путемъ отрицаній, онъ все еще обрѣтается въ мірѣ призраковъ и фантазій, и даже и не понюхалъ до сихъ поръ дѣйствительности. Давно уже рѣшился онъ разстаться съ своею невинностью, но сколько ни представлялось случаевъ и въ Германіи и въ Россіи, его идеальное прекраснодушіе, на зло его волѣ, рѣшимости и страшной охотѣ, не даетъ ему столкнуться съ дѣйствительностью хотя въ . . . . . (изъ уваженія къ приличію замѣняю слово точками). Въ Германіи онъ отыскивалъ слѣдовъ Шиллера, и въ восторгѣ, что пилъ кофе изъ той самой чашки, изъ которой пилъ творецъ Теклы. Боткинъ былъ съ нимъ очень хорошъ, но внутреннихъ отношеній у него съ нимъ не было, а Аксаковъ пріязнь принялъ за дружбу, т. е. за право отнимать у Боткина вечера, толкуя о томъ, что Пушкинъ и Гоголь—великіе поэты, а Каролина Карловна Павлова (жена Николая Филипповича, урожденная Яницъ) превосходно переводитъ Пушкина на нѣмецкій языкъ. Это возстановило Боткина на Аксакова, и Боткинъ въ спорахъ съ нимъ часто высказывалъ досаду, похожую на злость, и имѣлъ неосторожность высказывать при немъ свою враждебность ко мнѣ. Аксаковъ былъ повѣреннымъ моего обожанія барышни, принималъ въ немъ живѣйшее участіе и цѣлые вечера проводилъ со мною въ болтовнѣ объ этихъ пошлостяхъ, такъ что мнѣ самому отъ этого становилось гадко самого себя. Послѣ объясненія съ братомъ, Аксаковъ началъ говорить со мной о Боткинѣ и новыми фактами о его предубѣжденіяхъ противъ меня и выходкахъ еще болѣе раздулъ огонь моего остервенѣнія противъ него. Надо тебѣ сказать, что, разошедшись съ Бакунинымъ, онъ ужасно возгордился тѣмъ, что освободился отъ всѣхъ авторитетовъ и созналъ свою самостоятельность, и его радость очень похожа на радость школьника, который, освободившись отъ ферулы, можетъ безнаказанно вы-

совывать языкъ своему бывшему наставнику. Онъ началъ доказывать, что Боткинъ человѣкъ безъ характера, безъ способности самостоятельнаго и самодѣятельнаго убѣжденія, что въ немъ все чужое. Мнѣ того и нужно было, и скоро въ нашихъ глазахъ на Боткинѣ не осталось ни одной нитки своей и ничего, кромѣ срамной наготы. Сдѣлавши опредѣленіе, Аксаковъ умретъ и не разстанется съ нимъ, боясь упасть въ собственныхъ глазахъ: онъ и теперь того же мнѣнія о Боткинѣ; оставляю его сидѣть тамъ, замѣтивъ, что во все продолженіе ссоры онъ игралъ одну и ту же роль. Теперь о другомъ персонажѣ—это И. П. Ключниковъ, so genannte θеосъ. Этотъ человѣкъ — олицетворенная двойственность глубокой и богатой натуры и самой пошлой рефлексіи. Сверхъ того, онъ всегда былъ чуждъ объективнаго міра и человѣческихъ субъективныхъ интересовъ, поэтому ни одинъ изъ насъ не повѣрялъ ему своихъ тайнъ. И какъ открыть ему свои задушевныя обстоятельства, когда онъ, бывало, или опрофанируетъ ихъ ледяно-ядовитою насмѣшкою, или создастъ изъ нихъ свою фантазію, которая на то, что̀ ты открылъ ему, столько же похожа, какъ хлопчатая бумага на вареную рѣпу? Лѣтомъ 1837 года, когда я былъ на Кавказѣ, онъ впалъ въ ужасную психическую болѣзнь, такъ что былъ близокъ къ сумасшествію; осень всю рефлектировалъ и путался въ противорѣчіяхъ своихъ, даже не разсудочныхъ, но какихъ-то произвольныхъ и случайныхъ до безсмыслія положеній, между которыми проскривали и свѣтлыя идеи, странно перемѣшанныя со вздорами. Весною прошлаго года онъ пришелъ въ религіозный экстазъ—сталъ здоровъ, свѣтелъ, остеръ до невозможности, началъ писать прекрасные стихи. Лѣтомъ остроты кончились, экстазъ возросъ до чудовищности: онъ не могъ ни о чемъ говорить, какъ о высокомъ и прекрасномъ, и все съ религіозно-мистической точки зрѣнія, и не могъ говорить безъ трепета и слезъ изступленія на глазахъ. Бетина и Марья Аѳанасьевна — не годились даже въ тѣни ему. Написавши стихотвореніе, онъ разъѣзжалъ съ нимъ и читалъ его всѣмъ своимъ знакомымъ, и если они слушали его безъ восторга, то сердился. Я сказалъ ему, что его стихотвореніе къ Петру не то, что пакость, а только не художественное произведеніе—вышла исторія, съ объясненіями, экстазами; результатъ ея былъ тотъ, что онъ почелъ себя глубоко-оскорбленнымъ мною, и съ тѣхъ поръ началъ питать ко мнѣ враждебность. Онъ написалъ еще «Поэта» и думалъ опре-

дѣлить его вполнѣ—я и этого стихотворенія не призналъ художественнымъ по отсутствію тоталитета, хотя и призналъ превосходными частности: Иванъ Петровичъ готовъ былъ воскресить мертвыхъ, чтобы судить меня. Наконецъ, онъ сталъ очень откровенно поговаривать, что онъ выше Пушкина (sic!..), ибо-де Пушкинъ поэтъ распаденія, а онъ (Ключниковъ!..) поэтъ примиренія. Я молчалъ, но дѣлалъ страшныя гримасы, которыхъ онъ не могъ не замѣтить. Не скрою и того, что я иногда не бралъ въ соображеніе его экстаза и оскорблялъ его грубою моею непосредственностію. Напечатавъ нѣсколько его стихотвореній, я не досмотрѣлъ небольшія типографскія опечатки и даже надѣлалъ небольшія ошибки: Боже великій! крикъ, вопль—можно было подумать, что я сожегъ Москву, наругался надъ святынею. Кончилось тѣмъ, что отказался давать въ «Наблюдатель» стихотворенія. Катковъ былъ лично мною оскорбленъ съ одной стороны, и вообще онъ имѣлъ право негодовать на меня со многихъ сторонъ, потому что онъ держалъ себя въ отношеніи ко мнѣ благороднѣйшимъ образомъ, а я въ отношеніи къ нему дичилъ. Итакъ, все на меня возстало. Въ то время, какъ у меня была первая гисторія съ барышнею, Иванъ Петровичъ вдругъ началъ ко мнѣ часто ходить и стараться обратить меня на путь истинный. «Смотри,—говорилъ онъ,—всѣ оскорблены тобою, всѣ въ негодованіи на тебя — первый Боткинъ: согласись, что онъ выше, глубже тебя — вѣдь ты человѣкъ конечный, чувственный, съ грубо-животною непосредственностію, ты не понимаешь ни религіи, ни любви» и пр. и пр. Хоть я былъ и убитъ моими обстоятельствами, но эта милая наивность не оскорбила меня: я смѣялся надъ нею отъ души, какъ надъ достолюбезностію. Вдругъ Иванъ Петровичъ, со слезами изступленія на глазахъ, отдаетъ мнѣ огромное письмо, прося, чтобы я, прочтя его, вникнулъ въ себя безпристрастно. Сцена была патетическая—я самъ былъ тронутъ до слезъ — сумасшествіе заразительно. Читаю письмо—и что же? Это была длинная обвинительная проповѣдь противъ меня, написанная въ религіозно-сатирическомъ духѣ; въ ней объяснялись причины общаго противъ меня негодованія, исчислены были мои вины и преступленія, изъ которыхъ ни одного истиннаго—ты знаешь самъ, какъ умѣетъ Иванъ Петровичъ попадать въ цѣль! Мало этого, онъ взвелъ на меня такія вины, гнусныя по своей сущности и никогда не бывалыя. Вотъ образчикъ одной: еще въ 1837 году я взялся править корректуру «Дѣяній Петра Великаго» Голикова,

издаваемыхъ Ксенофонтомъ Полевымъ, по 50 р. за томъ, и онъ далъ мнѣ 500 р. впередъ; корректура мнѣ смертельно надоѣла— я же сталъ къ тому издавать «Наблюдатель», — я предложилъ моему родственнику Иванову взять на себя эту корректуру, съ тѣмъ, чтобы онъ даромъ выправилъ три или четыре тома, а за послѣдующіе томовъ восемь бралъ деньги; любя меня, будучи одолженъ мною и видя въ будущемъ отъ этой работы выгоду себѣ, онъ охотно взялся, но однажды, въ минуту досады, сказалъ при Ключниковѣ, что эта работа иногда бываетъ ему тяжка. И вотъ Иванъ Петровичъ пишетъ въ своемъ посланіи, что я надулъ бѣднаго человѣка и родственника своего, навязавъ ему работу, за которую деньги, взятыя мною впередъ, давно всѣ снесены въ . . . . . къ Марьѣ Ивановнѣ. Изъ этого ты можешь заключить, какимъ слогомъ было написано все посланіе. Въ самомъ дѣлѣ, оно состояло изъ язвительнѣйшихъ сарказмовъ, самооскорбленія, мистицизма, текстовъ изъ Евангелія и стиховъ Ключникова; въ числѣ преступленій было поставлено и то, что я не понялъ конкретной идеи ни одного стихотворенія Ключникова, а что онъ разумѣлъ подъ конкретною идеею—этого никто тогда же не разумѣлъ. Я тогда ратовалъ противъ нравственной точки зрѣнія въ искусствѣ и исторіи въ пользу объективнаго пониманія—Иванъ Петровичъ сказалъ, что я проповѣдую безнравственность и азіатскій матеріализмъ; я говорилъ, что въ поэзіи составляетъ все художественный образъ — онъ сказалъ, что это азіатскій взглядъ на искусство, потому что на Востокѣ одни символы. Наконецъ, онъ ясно выговорилъ, что только одинъ онъ понималъ тебя, такъ же, какъ и ты только его цѣнилъ, а на насъ всѣхъ смотрѣлъ съ нѣкоторою ироническою улыбкою, какъ на добрыхъ пошляковъ, особенно на меня, что ты ему все открывалъ, отъ насъ таился, и пр. Въ заключеніе, повторилъ, что онъ совершенно примирился съ Богомъ, живетъ духомъ въ духѣ, что для него нѣтъ ничего таинаго ни на землѣ, ни на небѣ, въ подтвержденіе чего приводилъ свои стишки; наконецъ, просилъ, чтобы я понялъ его поступокъ и не оскорбился рѣзкостію тона. Я отвѣчалъ ему, что люблю рѣзкій тонъ, что, говоря съ другими энергически, долженъ любить, когда и со мною такъ же говорятъ; что не признаю ни одного изъ его обвиненій, кромѣ мелочей о грубости моей дикой непосредственности, но что сознаюсь въ справедливости общаго на меня возстанія. Тогда Иванъ Петровичъ принялъ со мною тонъ спасителя, и — признаюсь — я

немножко поддался ему, потому что это было въ эпоху ужаснѣйшаго испытанія, когда я очевидно увидѣлъ свою пустоту, призрачность и пошлость. Боткинъ въ это время былъ въ Харьковѣ, откуда прислалъ ко мнѣ письмо, полное дружбы и довѣренности. И что же? недѣли черезъ двѣ послѣ религіозно-сатирическаго посланія ко мнѣ, Иванъ Петровичъ однажды легъ спать въ экстазѣ, а проснулся трезвымъ и съ страшною головною болью отъ хмѣля. Страданія его были ужасны; вмѣстѣ съ экстазомъ, продолжавшимся слишкомъ полгода, отъ него отлетѣла и поэзія, а онъ началъ проклинать то и другое. Прежде всего его поразило письмо ко мнѣ — и онъ ужаснулся его. Экстазъ свой сталъ онъ называть помѣшательствомъ, чисто нервною болѣзнію; стихотворенія свои—ужъ чортъ знаетъ чѣмъ, не упуская, впрочемъ, случая прочитывать ихъ тѣмъ, кому бранилъ ихъ. Приходитъ къ Боткину и проситъ его, ради дружбы и всего святого, чтобы тотъ позволилъ ему ходить къ себѣ и на время перелома отяготился имъ. Суди самъ, каково было няньчиться съ человѣкомъ, уже не распившимся, а расклеившимся, и который искалъ выхода внѣ себя. Онъ резонерствуетъ — надо съ нимъ спорить; ты разгорячаешься, доказывая ему истину, а онъ перебиваетъ тебя вопросомъ, сколько разъ ты ходишь на дворъ, или по чемъ ты бралъ сукно на штаны; ты начинаешь говорить въ этомъ тонѣ, а онъ снова дѣлаетъ вопросъ, надъ рѣшеніемъ котораго ты уже десять разъ надрывалъ грудь. Такъ прошелъ весь великій постъ — тяжкое для меня время. Надобно тебѣ сказать, что въ это время у меня былъ еще источникъ страданія. Я питалъ къ барышнѣ чувство глубокаго религіознаго уваженія, которое уже по одному тому было ложно, что носило характеръ экстаза. Я мучился прекраснодушнымъ желаніемъ что-нибудь да значить для нея и установить съ нею дружественныя отношенія. Страстная, она была безпокойно ревнива, и когда юноша долго не являлся, то мучилась мыслію, что онъ любитъ другую (именно Татьяну Бакунину, которая въ то время была въ Москвѣ съ Мишелемъ). Она высказала мнѣ свои опасенія—я старался силою мысли дать лучшее направленіе ея дико-страстному чувству, нападалъ на его характеръ, какъ недостойный ея высокой души и пр.—и радъ до смерти былъ, что наконецъ съ нею въ дружбѣ и могу быть полезенъ для ея внутренняго развитія. Братъ узналъ о новомъ подвигѣ моей прекрасной души, понялъ его неумѣстность, далъ сестрицѣ нагоняя; барышня подумала, что я разсказалъ ея

брату мой разговоръ съ нею, надула губки и стала держать себя въ отношеніи ко мнѣ гордо и холодно, а я взбѣсился и самъ не говорилъ съ нею ни слова. Новое дѣтское несчастіе, но сила, съ какою я его чувствовалъ, была, къ несчастію, слишкомъ мужская. Я не могъ видѣть безпокойства и тревоги, съ какими она поджидала своего юношу, какъ, почувствовавъ его приходъ, она выбѣгала изъ комнаты, чтобы скрыть свое волненіе, какъ потомъ они говорили другъ съ другомъ, съ лицами, сіяющими блаженствомъ. Мнѣ казалось, что моя истерзанная грудь не выдержитъ этой пытки; но то была не ревность и не зависть — я очень хорошо сознавалъ, что еслибы она и любила меня, мнѣ отъ этого не легче бы было, я обоимъ желалъ имъ счастія, обоихъ любилъ ихъ—и все-таки тяжко страдалъ и между тѣмъ упивался моимъ страданіемъ, какъ пьяница въ запоѣ, потому что въ немъ много было человѣческаго. И потому, какая-то сила непреодолимая влекла меня въ этотъ домъ, чтобы насладиться страданіемъ. Такъ шло время. Душа моя была въ раздраженномъ состояніи — воспріемлемость впечатлѣній доходила до высочайшей степени,—и я зналъ минуты безграничнаго блаженства, читая съ Кудрявцевымъ «Иліаду» и Пушкина. Прошелъ праздникъ, барышня уѣхала на время изъ Москвы съ своимъ семействомъ, Катковъ уѣхалъ на время въ Петербургъ. Еще въ посту я вздумалъ бросить «Наблюдатель», который давалъ мнѣ слишкомъ мало выгодъ, бралъ все мое время и былъ причиною ужаснѣйшихъ огорченій. Во первыхъ, владѣлецъ его, Степановъ, хотѣлъ угодить и нашимъ и вашимъ, т.-е. получать прибыль отъ журнала и не лишить свою типографію другихъ работъ, дававшихъ ему вѣрную выгоду— и погубилъ то и другое. Поэтому журналъ тянулся медленно, отставалъ книжками, и я былъ редакторомъ двухъ журналовъ (за 1838 годъ я выдалъ только 10 №№). Участіе пріятелей моихъ прекратилось — я остался одинъ; цензура тѣснила. Во 2 № запретили статью Варнгагена о Пушкинѣ и еще одну оригинальную статью; 2-мъ № кончилось участіе Каткова, перешедшаго въ «Отечественныя Записки». Я совершенно оправдывалъ поступокъ Каткова, потому что бѣдному человѣку не для чего тратить труды и время безъ всякаго вознагражденія для себя, и сверхъ того видѣть свои труды искаженными не цензурою, а пристрастіемъ и невѣжествомъ цензора, и, написавши статью въ генварѣ, увидѣть ее въ печати въ маѣ; но Каткову слѣдовало бы сдѣлать это по человѣчески, объяснившись со мною и изъявивши

свое сожалѣніе, что необходимость заставляетъ его оставить меня, но онъ сдѣлалъ это какъ будто предательски, что̀ было новою раною на мое и безъ того страшно истерзанное сердце. Это рѣшительно ожесточило меня противъ Каткова. Но когда я сказалъ Степанову, что отказываюсь отъ журнала—онъ пришелъ просто въ отчаяніе, говоря, что онъ остается подлецомъ передъ публикою и что онъ для журнала заложилъ домъ и вошелъ въ долги. Короче, они съ Андросовымъ дали мнѣ тысячу рублей, чтобы я остался — я имѣлъ глупость согласиться, тогда какъ Панаевъ приготовилъ мнѣ въ Петербургѣ 2,000, чтобы я могъ расплатиться въ Москвѣ съ долгами. Съ Боткинымъ, хотя и холодно, но все еще поддерживались мои отношенія, и онъ искренно обрадовался, что я развязался съ безплоднымъ предпріятіемъ и съ Москвою, въ которой мнѣ рѣшительно нечего было дѣлать, и очень огорчился, узнавши, что я прорыцарствовалъ и, изъ великодушія, снова закабалилъ себя на иксіоновскую работу. Вообще, я велъ себя съ Боткинымъ холодно, но благородно. Тутъ пріѣхалъ Панаевъ, котораго не буду тебѣ ни описывать, ни хвалить, какъ абстрактное для тебя лицо, а скажу только, что это одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми, узнавши разъ, не захочешь никогда разстаться, и которые глубокость души умѣютъ соединить съ нормальностію и тактомъ дѣйствительности. Мы сошлись съ нимъ, и это было не малымъ утѣшеніемъ въ моемъ болѣзненномъ состояніи. Но между тѣмъ, я безсознательно глубоко чувствовалъ мою связь съ Боткинымъ; его хулы на меня брату барышни казались мнѣ предательствомъ, и мысль, что онъ забылъ объ этомъ предательствѣ или считаетъ его слишкомъ неважнымъ, чтобы сохранить со мною дружественныя отношенія, не признавшись и не покаявшись въ немъ,—терзала меня до того, что я стоналъ, думая объ этомъ наединѣ съ собою. Наконецъ, я рѣшился объясниться, и почелъ для этого нужною пошлую форму обвинительнаго письма въ религіозно-сатирическомъ родѣ à la Иванъ Петровичъ. Въ немъ я излилъ всю свою желчь, и какъ у меня противъ Боткина было столько же фактовъ (и истинныхъ и мнимыхъ), сколько и у него противъ меня, то письмо вышло оскорбительно въ высшей степени. О его разговорѣ съ братомъ барышни я только намекалъ, какъ о предательствѣ. Онъ мнѣ скоро отвѣчалъ, и его письмо было исполнено противорѣчій: то онъ говорилъ, что ни въ чемъ не виноватъ передо мною, то говорилъ, что жестоко оскорбилъ

меня, и я вправѣ плевать на него и топтать его въ грязь. Этому противорѣчію была глубокая причина: чувствуя свою враждебность ко мнѣ, онъ спрашивалъ себя о ея причинѣ — и не находилъ никакой причины. Но я принялъ это, какъ доказательство слабости и ничтожности его характера, и еще больше возъярился. Тутъ Иванъ Петровичъ началъ новую роль. Онъ ходилъ къ Боткину, чтобы наблюдать за нимъ, и мнѣ извѣстно было каждое слово Боткина, каждый его жестъ, которые мы съ Иваномъ Петровичемъ подводили подъ одну точку зрѣнія. Однажды мнѣ Боткинъ сказалъ, что у него съ Иваномъ Петровичемъ нѣтъ никакихъ внутреннихъ отношеній, и что, вѣроятно, Иванъ Петровичъ полюбилъ его за то, что онъ хвалилъ его стихи. Такъ какъ Иванъ Петровичъ въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ снабжалъ меня фактами прошедшей враждебности ко мнѣ Боткина, то и я его одолжилъ этимъ фактомъ. Сверхъ того, Иванъ Петровичъ вину своего экстаза свалилъ на Боткина, говоря, что онъ своими похвалами его стиховъ питалъ въ немъ самообольщеніе. Короче: Иванъ Петровичъ безсознательно сплетничалъ и служилъ мнѣ, какъ личный врагъ Боткина. Онъ пошелъ еще дальше меня: я лишилъ Боткина силы характера и самодѣятельности духовнаго движенія: онъ открылъ въ немъ еще низкую зависть ко всякому достоинству, ко всякому превосходству, забывши, что Боткинъ носился съ его стихами, какъ онъ самъ, и не зналъ предѣловъ ихъ достоинства. Впрочемъ, мы оба путались въ противорѣчіяхъ, потому что, какъ ни натягивались, но факты въ пользу Боткина были не менѣе дѣйствительны, какъ и противъ него. Отвѣтъ Боткина на письмо мое взбѣсилъ меня — и я дошелъ до того, что началъ намеками, впрочемъ, очень ясными, ругать Боткина Бееровымъ. Наталья пересказала Ефремову, сей—Боткину. Встрѣтясь съ Ефремовымъ на бульварѣ, я открыто началъ ему изливать мою желчь противъ Боткина и разсказалъ ему о разговорѣ его съ братомъ барышни. На другой день, получаю отъ Ефремова записку, въ которой онъ проситъ у меня позволенія объясниться съ Боткинымъ, что ему тяжело думать, какъ о подлецѣ, о человѣкѣ, котораго онъ любитъ. Хотя я и взялъ съ Ефремова честное слово въ молчаніи, но это была безсознательная штука съ моей стороны: хоть я и увѣрялъ себя, что отъ всей души презираю Боткина, но внутри меня жила страстно-мучительная жажда сближенія съ нимъ, что̀ могло, по моему мнѣнію, произойти только чрезъ полное объ-

ясненіе. Итакъ, я позволилъ Ефремову. Въ это время опять пріѣхалъ Мишель, котораго я ругалъ Бееровымъ еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, какъ человѣка, который всѣхъ насъ испортилъ своею абстрактною философіею (что было не совсѣмъ неправда), и въ особенности развратилъ Боткина. Вдругъ я получаю записку отъ Мишеля, въ которой онъ говоритъ мнѣ «вы» и проситъ, чтобы возвратилъ ему всѣ его письма, такъ какъ онъ не знаетъ, какое я сдѣлаю изъ нихъ употребленіе. Эта записка поразила меня хуже грому: я разстался съ Мишелемъ примиренный, онъ ничего не сдѣлалъ мнѣ худого, а я ругалъ его, какъ школьникъ. Я, вмѣсто отвѣта, искренно извинился передъ нимъ, просилъ у него прощенія и примиренія. Надобно тебѣ сказать еще, что я показалъ Ивану Петровичу письмо, полученное мною отъ Боткина изъ Харькова и содержавшее въ себѣ святыя тайны, которымъ я ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права измѣнять. Иванъ Петровичъ, и безъ того знавшій кое-что объ этомъ, сдѣлалъ изъ этого свойственное его характеру употребленіе. Его нравственная болѣзнь въ это время дошла до своего крайняго предѣла. Ему казалось, что всѣ мы призраки, что въ насъ отъ природы нѣтъ ничего дѣйствительнаго, что мы безвозвратно погубили себя стремленіемъ къ небывалому міру идеаловъ, вмѣсто того, чтобы жить, какъ всѣ и пр. и пр. Едва познакомившись съ Панаевымъ, онъ уже сталъ его выспрашивать—не было ли съ нимъ такого-то и этакого-то состоянія, чтобы чрезъ это объяснить себѣ свое и выйти изъ него. «Зачѣмъ,—говорилъ онъ ему,—мы отрѣшились отъ простой вѣры отцовъ нашихъ—не держимъ постовъ по средамъ и пятницамъ» и пр. Впослѣдствіи, онъ пошелъ дальше: сталъ ѣздить по монастырямъ, совѣтоваться съ попами, монахами о томъ, что такое хула на Духа, въ которой онъ обвинялъ себя, думая, что ему нѣтъ прощенія ни здѣсь, ни тамъ. Къ одному только Каткову онъ питалъ еще нѣкоторое уваженіе и со слезами умолялъ его не сбиться съ пути, какъ всѣ мы; узнавши, еще во время экстаза своего, о его исторіи, доказывалъ ему, что его чувство—ложь, потому что онъ питалъ ко мнѣ ненависть, не совмѣстную съ нимъ. Я забылъ сказать тебѣ, что въ письмѣ къ Боткину я облевалъ моею желчью и Каткова и, желая набросить на ихъ, очень простыя и нисколько не натянутыя отношенія, черную тѣнь, я сказалъ, что прежде на Боткинѣ ѣздилъ Бакунинъ, а теперь ѣздитъ Катковъ. Естественно, что Катковъ

еще болѣе остервенился противъ меня и отплатилъ мнѣ тою же монетою, т. е. сталъ выказывать обо мнѣ такое мнѣніе, которому самъ не вѣрилъ, и которое было такъ явно вздорно, что я, хотя и сказалъ: «Признаюсь, послѣ такихъ съ вашей стороны поступковъ, я ничего не нахожу», но уже не разсердился. По пріѣздѣ его изъ Питера, мы встрѣтились въ томъ домѣ, гдѣ, каждый по своему, отличились—дико взглянули другъ на друга, и съ тѣхъ поръ стали оборачиваться другъ къ другу ж . . . . . Впрочемъ, у меня къ нему уже не было не только враждебности, но и неудовольствія—я любилъ его, готовъ былъ сдѣлать умилительную сцену: послѣ оказалось, что и онъ тоже. А между тѣмъ, мы встрѣчались у Панаева, не говоря другъ съ другомъ ни слова и не узнавая въ лицо, что̀ мнѣ было крайне огорчительно, потому что я уже былъ все-таки выше этихъ смѣшныхъ и дѣтскихъ комедій и чрезъ Ивана Петровича не разъ намекалъ, что не худо бы было изъ уваженія къ приличію оставаться хоть въ формахъ прежнихъ отношеній. Обращаюсь къ нашей слезной комедіи. Въ такомъ-то состояніи Иванъ Петровичъ приходитъ къ Мишелю, который жилъ у Боткина, и начинаетъ ему объяснять свой взглядъ и на Боткина, и на него (Мишеля), вслѣдствіе котораго оба они—были пошляки и скоты, и—что̀ всего достолюбезнѣе — Иванъ Петровичъ былъ убѣжденъ, что они должны были согласиться съ нимъ и не имѣли права оскорбиться его откровенностію. Мало этого: онъ сказалъ Мишелю о письмѣ Боткина ко мнѣ изъ Харькова, о которомъ Мишелю больше чѣмъ кому-нибудь не слѣдовало говорить. Боткинъ узналъ и, разумѣется, взбѣсился. Иванъ Петровичъ пріѣзжаетъ ко мнѣ ночью, разсказываетъ и спрашиваетъ—что̀ онъ сдѣлалъ худого. Я ему отвѣтилъ, что онъ совершенно правъ, высказавши о Боткинѣ свой образъ мнѣнія, если онъ почиталъ нужнымъ его высказать, но что онъ не имѣлъ никакого права касаться до его личныхъ тайнъ. На другой день онъ отправился обѣдать къ Боткину и очень удивился, когда тотъ сказалъ ему: «Не могу понять, Иванъ Петровичъ, какъ ты послѣ вчерашняго могъ пріѣхать ко мнѣ». Да,—что Иванъ Петровичъ человѣкъ глубокій, что въ немъ много святого—нѣтъ спору; но другомъ онъ никому не можетъ быть: своею бабьею болтовнею, или своею оскорбляющею человѣческое чувство объективностію онъ легко можетъ разрушить даже семейное счастіе, и не будетъ никакой возможности убѣдить его, что онъ сдѣлалъ гнусное дѣло. Мой поступокъ про-

тивъ Боткина былъ гнусенъ, но онъ выходилъ изъ личнаго оскорбленія, изъ жажды мщенія и желанія оправдать себя; его же—изъ неспособности понять никакихъ субъективныхъ таинствъ души человѣческой. Во время этой-то каши, я получаю отъ Боткина записку, гдѣ онъ вѣжливо, черезъ вы, проситъ меня возвратить его письма. Я оцѣпенѣлъ: мысль, что мы навсегда разошлись, въ первый разъ поразила меня—сперва я вспыхнулъ, а потомъ почувствовалъ на лицѣ холодный потъ. Все прошлое воскресло—и Боткинъ во всей цѣлости своей предсталъ передо мною. Не теряя минуты, я пишу къ нему письмо, гдѣ, высчитывая его противъ меня несправедливости, приписываю ихъ тому, что мы вошли въ ложныя отношенія, что наша дружба была—невытанцовавшаяся попытка; но что намъ можно и должно остаться въ отношеніяхъ хорошихъ знакомыхъ, добрыхъ пріятелей. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это письмо раскрыло ему глаза, и что онъ со мною согласенъ. Пріѣзжаетъ Мишель—объясненія съ нимъ кончились, какъ нельзя лучше—я даже впалъ въ крайность, изъ которой—слава Богу!—послѣ вышелъ безъ объясненій, ссоръ и прекраснодушныхъ примиреній. Но вражда моя противъ Боткина не кончилась—пріятелемъ или хорошимъ знакомымъ ему быть я не могъ—противъ этого мучительно возставала вся полнота моей натуры. Мнѣ казалось, что письмо мое къ нему было искренно, но я оскорбился, противъ своей воли и сознанія, его согласіемъ съ нимъ. Я позволилъ себѣ нѣсколько выходокъ противъ него Мишелю, который, однако, остановилъ меня, сказавши притомъ, что Боткинъ проситъ меня до времени не ходить къ нему, потому что ему нужно отдохнуть отъ этихъ потрясеній, войти въ себя. Это снова взбѣсило меня, но я уже рѣшился вести себя умненько и не говорилъ о немъ ничего худого. Болѣе всего меня мучили отношенія къ Боткину и Каткову: всѣ знали, что мы друзья неразрывные, а между тѣмъ съ первымъ я видѣлся только разъ у Панаева и отъ другихъ узналъ потомъ, что онъ уѣхалъ въ Прямухино, со вторымъ встрѣчался, какъ со врагомъ, что̀ было тѣмъ несноснѣе, что я къ этому второму не питалъ никакой непріязни и хорошо понималъ все мальчишество подобныхъ комедій. Однажды, я ходилъ съ Панаевымъ смотрѣть Москву, и онъ вдругъ предложилъ мнѣ зайти къ Боткину—что̀ мнѣ было сказать—я сказалъ правду. Когда Боткинъ возвратился изъ Прямухина, я послалъ къ нему за книгою, и вмѣстѣ съ книгою получилъ отъ него записку, въ кото-

рой онъ увѣрялъ меня, что онъ увѣренъ, что мы не разошлись, и увѣренъ въ этомъ по себѣ, что онъ очень любитъ меня, а какъ я тогда снова отказался отъ «Наблюдателя» и сбирался въ Питеръ, то просилъ увѣдомить, чтобы проститься со мною, или зайти къ нему. Эта записка снова возбудила во мнѣ ярость, причина которой заключалась въ томъ, что я хотѣлъ отъ Боткина всего или ничего. Онъ приглашалъ меня проститься, но не изъявлялъ желанія видѣть меня у себя или быть у меня. Иванъ Петровичъ снова явился толкователемъ, и бѣдному Боткину снова порядочно досталось въ семъ двухъ-голосномъ мудромъ синедріонѣ. Конечно, оно немного прекраснодушно было поступлено со стороны Боткина, но основа его поступка была искренна и свята. Но вотъ мы уже приближаемся къ концу длинной исторіи. Панаевъ уѣхалъ въ Казань, откуда, воротившись въ Москву и поживши въ ней нѣсколько времени, долженъ былъ возвратиться въ Питеръ и взять меня съ собою. Я остался одинъ; мнѣ было тяжело, потому что съ Аксаковымъ я уже все переговорилъ, и больше не о чемъ было говорить. Помню, какъ однажды онъ сказалъ мнѣ съ грустію: ты сошелся съ Бакунинымъ — сойдешься и съ Боткинымъ. Я отвѣчалъ ему, что скорѣе рѣки двинутся вспять, и былъ отъ всей души убѣжденъ въ искренности моего отвѣта. Между тѣмъ, выходя изъ воротъ и видя закрытыя окна квартиры Панаева, я инстинктивно направлялъ шаги къ Маросейкѣ, думая, что надо увидѣться съ Боткинымъ, и потомъ вдругъ останавливался, изрыгая хулы и противъ него, и противъ себя. Въ это время пріѣхало въ Москву все семейство Бакунинхъ, кромѣ Мишеля, который уѣхалъ въ Питеръ, чтобы хлопотать о разводѣ Дьяковыхъ (едва ли онъ успѣетъ въ этомъ: всѣ его надежды основаны на фантазіяхъ, а отецъ какъ бы противъ воли далъ свое согласіе). Бакунины пріѣхали для опредѣленія трехъ юношей въ университетъ, куда они уже и поступили, а семейство пробыло въ Москвѣ едва-ли не около двухъ мѣсяцевъ. Я началъ отдыхать душою, потому что увидѣлъ съ ихъ стороны самую родственную, самую дружескую ласку, и увидѣлъ себя наконецъ въ истинныхъ отношеніяхъ къ нимъ. Разъ сижу у Ржевскаго въ кабинетѣ — входитъ Боткинъ и безъ всякихъ вычуръ начинаетъ со мною дружески разговаривать о прочитанной имъ недавно драмѣ Шекспира «Ричардъ II». Несмотря на все мое желаніе держать камень за пазухой и быть какъ можно холоднѣе, я съ досадою замѣчалъ,

что увлекся разговоромъ до одушевленія, и никакъ не могъ удержаться отъ спокойно-дружественнаго тона. Мы пошли ходить, Боткинъ заговорилъ о ссорѣ съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто бы дѣло шло о чьей-то чужой ссорѣ—я невольно впалъ въ тотъ же тонъ, и Боткинъ заключилъ, что мы, наконецъ, такъ поносили другъ друга, что сквернѣе другъ о другѣ говорить уже не можемъ, слѣдовательно, новой ссоры опасаться нечего,—и оба начали смѣяться. Вражда пожрала самое себя—и кончилась: все гадкое и дѣтское въ прежнихъ отношеніяхъ всплыло наверхъ. Оно-то и было причиною вражды, а то, что̀ казалось причиною, было только придиркою, потому что надо же было объяснять ее чѣмъ-нибудь, когда истинной причины понять не могли. Мы помирились съ прошедшимъ и благословили его, потому что и теперь каждый день видимъ новыя доказательства его разумной необходимости. Форма была гадка, но идея дѣлаетъ намъ честь, какъ доказательство, что наши отношенія основаны на одной истинѣ, и что только въ истинѣ мы можемъ любить другъ друга, а какъ скоро вмѣшается ложь—слѣдуетъ взрывъ, какъ отрицаніе ея. Идея драмы видна только по окончаніи пятаго акта, и объективный взглядъ есть ступень для ея уразумѣнія. Мы сошлись съ Боткинымъ безъ серьезныхъ объясненій, которыя могли бы повести къ новымъ неудовольствіямъ или охлажденію, простили другъ друга безъ всякихъ патетическихъ и прекраснодушныхъ объясненій, безъ всякаго экстаза, въ основаніи котораго всегда лежитъ зерно будущаго разрыва. Мало того: все сдѣлалось какъ бы само собою, безъ нашей воли, безъ нашего сознанія: процессъ совершился динамически. Боткинъ уѣхалъ въ Нижній—черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ назадъ. Я былъ въ дурныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ — племянника я давно уже сбылъ съ рукъ его брату, который, наконецъ, взялъ и моего брата, а я занималъ большую квартиру, держалъ кухарку и мальчика, по пусту тратился, входилъ все глубже и глубже въ тину долговъ; мнѣ надо было нанять какую-нибудь комнатку и жить скромно до отъѣзда въ Питеръ, но для этого надо было расплатиться съ долгами, а у меня не было ни копейки. Боткинъ помогъ, предложилъ у себя комнату, гдѣ я и пишу это длинное посланіе. Живемъ мы тихо, и хотя въ лавочку не должны ни копейки и, по причинѣ осени, носимъ суконные штаны, но къ намъ идетъ, по мелодіи стиховъ своихъ, вотъ эта пѣсенка:

Тихо жили они,
Въ лавочку были должны,
И ходили въ штанахъ
Трикотонныхъ и тонкихъ.

Теперь о прочихъ персонажахъ драмы. Долго съ Катковымъ вели мы себя прилично, хотя и были расположены другъ къ другу, какъ нельзя лучше; наконецъ, и съ нимъ переговорили о старинѣ. Любовь его была—религіозный экстазъ; барышня наша оказалась существомъ, въ объективномъ смыслѣ, прекраснымъ, страстная и, подъ характеромъ страсти, глубокая, но совсѣмъ не нашего міра, и мы оба увидѣли, что были дураки, грязоѣды. Онъ это узналъ первый,—сперва осердился на себя, ругалъ свое чувство на чемъ свѣтъ стоитъ, теперь смѣется. Ахъ, братъ, что это за человѣкъ! Ты зналъ его какимъ-то эмбріономъ. Онъ сердится на свое чувство и всю сію исторію, но это перевернуло его, пробило его грубую массу лучами свѣта, и теперь это прекрасный юноша [1]) (хотѣлъ сострить, да не вытанцовалось). Онъ еще дитя, но его дѣтство обѣщаетъ скорое и могучее мужество. Какая даровитость, какая глубокость, сколько огня душевнаго, какая неистощимая, плодотворная и мужественная дѣятельность! Во всемъ, что̀ ни пишетъ онъ, видно такое присутствіе мысли, его первые опыты гораздо мужественнѣе моихъ теперешнихъ. Насчетъ силы и энергіи мы не уступимъ (особенно по части краснорѣчія), но мысль,—но глубокость—подлецъ, с.[illegible] с.[illegible]—обиждательство терпимъ совсѣмъ понапрасну. Въ этомъ отношеніи, его статьи для русскаго журнала потому именно даже не хороши, что ужъ слишкомъ хорошо—имъ мѣсто въ «Jahrbücher.» И вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько задушевности въ этомъ юношѣ, какая прекрасная непосредственность! Когда ему говорятъ, что онъ еще дитя, онъ не сердится на это, какъ Аксаковъ, но улыбается и отшучивается, какъ человѣкъ, который понимаетъ сущность и поступки.

Съ Аксаковымъ мои отношенія хороши. Я вижусь съ нимъ съ удовольствіемъ и, когда увижу его, то люблю, а когда не вижу, то чувствую къ нему родъ какой-то враждебности. Чудный, прекрасный человѣкъ, богатая и сильная натура, но я не знаю, когда онъ выйдетъ изъ китайской стѣны своихъ ощущеньицъ и чувствъ, своей дѣтскости, въ которыхъ съ такимъ

---

[1]) Послѣ этого, словъ десятокъ зачеркнуто.—*Прим. А. П.*

упорствомъ и съ такою неподвижностію такъ мандарински пребываетъ. Чудакъ! онъ мечтаетъ о себѣ, какъ о человѣкѣ возмужаломъ!

Иванъ Петровичъ вышелъ, назадъ тому съ мѣсяцъ, изъ своей нравственной болѣзни, которую онъ называетъ хандрою, и которая продолжалась едва-ли не слишкомъ семь мѣсяцевъ; теперь онъ страждетъ физически, и Дядьковскій посылаетъ его на Кавказъ. Мы всѣ этому очень рады, желаемъ ему всего хорошаго; живо чувствуемъ его глубокость, его прекрасныя человѣческія стороны, съ удовольствіемъ съ нимъ видимся, но видимся рѣдко, потому что не чувствуемъ внутренняго стремленія видѣться даже и рѣдко, словомъ, чужой вмѣшался онъ въ семейную ссору и чужимъ остался, когда она кончилась. Онъ въ этомъ не виноватъ, но и мы правы: чувство не въ волѣ человѣка, и я не могу сказать—онъ стоитъ всей моей любви, слѣдовательно, я долженъ его любить; но я могу сказать—онъ стоитъ всей моей любви, а я ему чуждъ, слѣдовательно, такъ должно быть. Простая философія! Многихъ глупостей избѣжалъ бы каждый изъ насъ, еслибы раньше узналъ ее, но видно, что̀ одному (какъ напр., тебѣ) дается, какъ непосредственность, какъ природный тактъ, то другіе должны пріобрѣтать путемъ рѣзни, страданій и глупостей. Скажемъ же спасибо своей натурѣ, что она, хоть поздно, но пробуждается. Боже мой, еслибъ я такъ долго былъ въ такихъ отношеніяхъ съ Грановскимъ, какъ съ Иваномъ Петровичемъ, да я сросся бы съ нимъ всѣми корнями души моей!

Глупа вся эта исторія, но велики для меня ея результаты—я выросъ и возмужалъ ею, навсегда отрѣшился отъ многихъ темныхъ сторонъ своей личности, срѣзалъ съ себя много мозолей, которыя наросли на мнѣ, благодаря моей пустой и праздной жизни. Во первыхъ, я понялъ теперь, что дружескія отношенія не только не отрицаютъ деликатности, какъ лишней для себя вещи, но болѣе, нежели какія-нибудь другія, требуютъ ея; что они должны быть совершенно свободны въ своемъ развитіи и своихъ проявленіяхъ, что имъ мѣркою должна быть дѣйствительность, а не построенія. Вслѣдствіе этого, я вправѣ скрыть отъ друга всякую тайну, если не почитаю ее нужнымъ открыть ему, я не имѣю права сердиться за охлажденіе его ко мнѣ дружбы, ни на себя, если нѣтъ никакой видимой и предосудительной для той или другой стороны причины. Хорошъ онъ ко мнѣ—спасибо, хорошъ я къ нему—очень радъ; не клеятся наши от-

ношенія—значитъ, они вышли не изъ субстанціальнаго зерна, а извнѣ, и, значитъ, ихъ не нужно. Нѣтъ ничего гнуснѣе и мальчишественнѣе, какъ этихъ опредѣленій степени моей любви къ тому или другому, и наоборотъ—дружескія отношенія должны быть непосредственнымъ явленіемъ, должны чувствоваться, а не сознаваться. Слова и опредѣленія собственнаго чувства, въ минуту его присутствія, профанируютъ его. Всякое чувство свято и требуетъ уваженія къ себѣ; какъ милая шалость, какъ граціозная шутка дѣвушки, оно не терпитъ угрюмаго надсмотрщика; какъ цвѣтокъ, оно не терпитъ прикосновенія грубыхъ рукъ и вянетъ отъ него. Когда двѣ души понимаютъ себя въ мысли или прекрасномъ образѣ, или чувствуютъ свое родство чрезъ какое бы то ни было обстоятельство: внезапно встрѣтившіеся взоры ихъ скажутъ больше всякихъ словъ, и ихъ молчаніе будетъ священно. Всякое чувство должно быть свободно, иначе оно обращается въ долгъ. Я полонъ драмою Шекспира, и ко мнѣ приходитъ человѣкъ, погруженный въ эгоистическое созерцаніе своихъ скорбей и, во имя дружбы, требуетъ, чтобы я вышелъ изъ міра общаго въ міръ пошлыхъ частностей: по какому праву? Не справедливѣе ли будетъ ему уважить рѣдкую минуту блаженства и подождать, чтобы я самъ догадался о его горѣ и принялъ въ немъ участіе, или совсѣмъ затаить его? О, Боже мой! сколько эгоизма въ нашихъ жалобахъ на несчастіе, и какъ мало заслуживаютъ участія тѣ, щедрые и обильные на нихъ, которые носятся съ ними, какъ курица съ яйцомъ, и какъ благороденъ тотъ, кто все свое личное молча заключаетъ въ себѣ, какъ домашнее обстоятельство, которое никого не можетъ интересовать, и какого святого, глубокаго участія достоинъ онъ, когда о его горѣ догадываются изъ его непосредственности, а не изъ словъ, когда его усматриваетъ внимательный глазъ дружбы, какъ ни глубоко схоронено оно! Какое право имѣетъ человѣкъ навязывать мнѣ свое горе, когда у меня много своего, и когда я молчу о своемъ-то? Что за идіотская мысль—требовать того, что только свободно дается? Во мнѣ не принимаютъ участія—и правы, такъ же, какъ правы, если оказываютъ его. Только мелочной эгоизмъ ставитъ себя центромъ всего и думаетъ, что только ему знакомы страданія. Я иду къ другу отнять у него время—но чувствую ли я, что вознагражу его за эту потерю, принеся ему полную интересовъ душу, богатый содержаніемъ разговоръ? — Теперь другое обстоятельство: какое имѣю я право не уважать субъек-

тивныхъ убѣжденій моего друга и навязывать ему насильно свои, хотя бы и истинныя? Развѣ для убѣжденія достаточны одни доказательства, и развѣ до истины всякій не доходитъ своимъ путемъ, своимъ развитіемъ? Какое я имѣю право ругаться надъ заблужденіемъ, даже надъ паденіемъ друга? Конечно, по святому праву дружбы, я долженъ замѣтить ему его уклоненіе отъ прямого пути, но для этого нужна деликатность, манера, тактъ, но для этого нужна одна любовь, состраданіе, участіе, а не гордость собою, не холодная вѣрность долгу, словомъ, нужны тихія, нѣжныя убѣжденія, мольбы и слезы, а не анаѳемы, не проповѣди. Перестали понимать другъ друга—разойдитесь, господа; вамъ прискорбно, вы страдаете отъ потери друга—вамъ же лучше: ваша скорбь свята, а необходимости все-таки должно покориться, и бить въ стѣну лбомъ и смѣшно, и больно. Вотъ гдѣ скрывались истинныя причины нашей ссоры: каждый по своему, одинъ больше, другой меньше, но всѣ не понимали этихъ простыхъ истинъ, именно потому, что онѣ просты. Спасибо враждѣ: она открыла намъ глаза, мы простили другъ друга и благословили ее. Я теперь не стану просить у Боткина помощи въ затруднительномъ обстоятельствѣ; если онъ видитъ его, можетъ и хочетъ помочь—онъ самъ поможетъ, не можетъ — чѣмъ же мнѣ огорчаться на него; не хочетъ — онъ опять правъ, и я не имѣю права требовать, чтобы онъ для меня становился на ходули и приносилъ мнѣ жертву не любви, а долга, или, лучше сказать, самолюбія и эгоизма, или пошлыхъ, прекраснодушныхъ понятій о дружбѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если онъ не только не можетъ, но просто не хочетъ—деликатно ли съ моей стороны подвергнуть его непріятности отказа! Деликатность и свобода — вотъ основанія истинныхъ дружескихъ отношеній. Можетъ быть, тебѣ это покажется смѣшно, но для меня (да и для всѣхъ nous autres) рѣшилась великая задача.

Потомъ я узналъ, что любовь, братецъ ты мой, вещица очень заманчивая, — это, впрочемъ, я и всегда зналъ, къ несчастію, слишкомъ хорошо; но я не зналъ, что въ любви дѣйствительное есть возможность чувства, лежащая въ святая святыхъ духа нашего, это сродство двухъ душъ—тайна сія велика есть, но что осуществленіе возможности любить, встрѣча съ родною душою есть чистѣйшая случайность, и что отъ этой случайности блаженство не только не ниже, но еще выше, потому что, въ противномъ случаѣ, это была бы мертвящая душу невольническая

неизбѣжность. Кто не хочетъ дожидаться свершенія таинства, потому ли, что не желаетъ ожиданіемъ большого счастія лишиться какого-нибудь, но вѣрнаго, или потому, что не вѣритъ въ таинство и хочетъ жениться на дѣвушкѣ, которой не любитъ въ идеальномъ и мистическомъ значеніи этого слова, но которая ему нравится: тотъ пусть спроситъ себя, позволяютъ ли ему сдѣлать этотъ важный шагъ его внѣшнія обстоятельства, и можетъ ли онъ совершить его изъ полноты натуры, безъ рефлексіи: отвѣтъ благопріятенъ—женись; нѣтъ—откажись отъ незаконнаго счастія, которое должно сдѣлаться несчастіемъ и отравить жизнь. Такимъ точно образомъ, встрѣтилъ — бери, хватай, не упускай, истощи всѣ силы, всю энергію для достиженія блаженства; барышня еще не показывается — не трать жизни въ пустыхъ жалобахъ, идеальныхъ ожиданіяхъ при лунѣ и сальныхъ свѣчахъ. Нашелъ—твое; не нашелъ—и не ищи. Вообще, я только теперь — странное дѣло! и вѣдь, кажись, малый очень неглупый — понялъ, что только тотъ достоинъ блаженства, кто довольно силенъ духомъ, чтобы отказаться отъ него (resignation), когда его нѣтъ, или когда это велитъ не дѣтскій экстазъ, не идеальная выспренность, не резонерство, но разумность. Я все это и прежде еще и думалъ и даже говорилъ, но не вѣрилъ этому, а повѣрилъ только тогда, какъ надѣлалъ тьму глупостей, отъ которыхъ сердце то судорожно сжималось, то хотѣло разорваться, и текли слезы и бѣшенства, и отчаянія, и оскорбленнаго самолюбія, и чортъ знаетъ еще чего. Что̀ дѣлать— у всякаго свой путь къ истинѣ и свое развитіе. Выходъ въ мысли хорошъ, но я лучше люблю, когда человѣкъ уже не дѣлаетъ себѣ вопроса, потому что созрѣлъ для отвѣта на него. Въ самомъ дѣлѣ, у меня совершенно пропала охота болтать о любви, допытываться ея значенія и путаться въ своихъ построеніяхъ. Я не могу презирать человѣка, который только и дѣлаетъ, что хнычетъ о томъ, что онъ не зналъ любви, что его не любила ни одна женщина и т. п.—не могу презирать, потому что Богъ смирилъ мою гордость въ этомъ отношеніи кровавымъ униженіемъ; но я уже и не могу принять въ такомъ человѣкѣ слишкомъ сильнаго участія. Если бы я замѣтилъ, что онъ слабъ и дальше чувствительныхъ элегій итти не въ состояніи — я бы сталъ молчать; но если бы замѣтилъ въ немъ мощь и силу—то насмѣшка, сарказмъ, ругательство—словомъ, всѣ средства позволилъ бы себѣ, чтобы вытащить его изъ этого болота на свѣжій

воздухъ. Да, Николай, это великій, великій для меня шагъ. Весною 1836 года началась моя исторія съ гризеткою — и развязка ея заставила меня горько рыдать, какъ ребенка; лѣтомъ началась другая исторія, развязка которой воспослѣдовала лѣтомъ 1838 года — и я опять горько рыдалъ; послѣдняя исторія не стоила мнѣ ни одной слезы, но, Боже мой, сколько мукъ, подавляющихъ страданій, наконецъ, отчаянія, ужаса и униженія въ собственныхъ глазахъ! Три года безпрерывныхъ терзаній и нѣсколько дней не дѣйствительнаго счастія, а экстаза. Сколько силъ потрачено въ пустой борьбѣ! Да — гадкое дѣло бо́льшею частію лежать на кровати и думать объ испанскихъ дѣлахъ. По крайней мѣрѣ, теперь я не только освободился—отрѣзался отъ подобныхъ глупостей. Конечно, и теперь — хорошіе виды, или

...легкій шумъ плѣнительныхъ движеній
И музыка чарующихъ рѣчей—

да — не могу не вспыхнуть, не задрожать сладкимъ и тревожнымъ трепетомъ—но—вотъ тебѣ честное слово—это на минуту, пока еще на глазахъ туманъ, а въ головѣ посвистываетъ — на одну минуту, а тамъ закричимъ про себя «святители», да и за книгу или хоть за карты, только уже не дурачиться.

Недѣли двѣ послѣ отправленія этого письма ѣду въ Питеръ на житье. Зачѣмъ?

Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться.

Безъ фразъ — я узналъ теперь, что не годится порядочному человѣку отдавать свою жизнь и свое счастіе на волю случайностей, что для того и другого надо побороться, поработать. Если бы я пріобрѣлъ невозмущаемую ни въ горести, ни въ радости ровность духа, совершенное забвеніе самого себя, какъ частное, и—чего больше всего мнѣ недостаетъ—доброжелательство, участіе и ласку не къ однимъ слишкомъ близкимъ мнѣ людямъ, но и ко всякому человѣческому явленію—я бы это назвалъ своимъ царствомъ небеснымъ, а все остальное охотно отдалъ бы на волю Божію. Знаешь ли, Николай, я много измѣнился даже и во внѣшности: стучанье по столу кулакомъ—ужъ анахронизмъ въ твоемъ передразниваніи меня — шутка ли! — а внутри меня все переродилось: умѣрились дикіе порывы; нападая на дурную или ложную, по моему мнѣнію, сторону предмета, я

уже умѣю не потерять изъ виду хорошей и истинной; чувство мое уже не огненно, но тепло, и тѣмъ глубже, чѣмъ тише; я уже не боюсь разочарованія и охлажденія, не боюсь истощенія духовныхъ силъ (о физическихъ нечего и говорить—частію порастрясены, частію подгнили, а частію плохи отъ природы столько же, какъ и отъ свободныхъ искусствъ — ну, да чортъ съ ними, что̀ съ возу упало, то пропало), но знаю, что только теперь наступила пора ихъ полнаго развитія, и что еще долго онѣ будутъ итти возрастая, и хоть я не могу похвалиться кудрями, но часто твержу про себя эти чудные стихи Кольцова—

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!

Да, я въ тысячу разъ счастливѣе прежняго, глубже и сильнѣе чувствую блаженство жизни, какъ жизни, достоинство человѣка, доступнѣе впечатлѣніямъ искусства, словомъ—любящѣе, но все это неровно. Ты знаешь мое образованіе, знаешь, сколько потрачено времени, знаешь, что работа для меня — вдохновеніе, порывъ, или желѣзная нужда, а не фундаментъ жизни, не источникъ силъ. Да, я не пріучилъ ума своего къ дисциплинѣ системы, не подвергалъ его гимнастикѣ ученія, и не пріучилъ себя къ работѣ, какъ къ чему-то постоянному и систематическому. Я люблю искусство выше всего, и много міровыхъ интересовъ живетъ въ душѣ моей, но все это дилетантизмъ и добрая натура. Мишель весною 38 года даже оскорбилъ меня излишнимъ усердіемъ притащить меня за волосы къ объективному наполненію, но я слышалъ слова, видѣлъ внѣшнюю логическую очевидность, видѣлъ также, что мой наставникъ походилъ на дорожный столбъ—и только теперь—все благодаря оной же гисторіи, увидѣлъ, что мнѣ или надо примириться съ жизнію кое-на-чемъ, или приняться за себя и развить оставленный въ совершенномъ небреженіи элементъ воли. Тебѣ смѣшонъ покажется тонъ, эта важность, съ какою я разсуждаю о томъ, что $2 \times 2 = 4$. Видишь ли, въ чемъ дѣло: я уже много разъ давалъ себѣ обѣщаніе исправиться, приняться за дѣло, съ полною увѣренностью, что только стоитъ захотѣть, а теперь увидѣлъ, что нѣтъ—съ виду и легко, а какъ подойдешь поближе—нѣтъ, послать за Иваномъ Александровичемъ. И потому, мнѣ страшно самому себѣ выговорить мои намѣренія, не только другому. Чтобы привести ихъ

въ исполненіе, мнѣ надо оторваться отъ своего родного круга, мнѣ—робкой, запертой въ самой себѣ натурѣ—перенестись въ сферу чуждую, враждебную—страшно подумать, а время близко! Это послѣдній опытъ—не удастся, всѣ надежды къ чорту. Москва погубила меня, въ ней нечѣмъ жить и нечего дѣлать, и нельзя дѣлать, а разстаться съ нею—тяжелый опытъ.

Фу, чортъ возьми! усталъ—мочи нѣтъ—уходила проклятая гисторія, а между тѣмъ и половины не разсказалъ. Если встрѣтишься съ Ефремовымъ, и если это тебя интересуетъ—онъ пополнитъ. Канва дана мною, а онъ разукраситъ ее прекрасными узорами.

Октября 8.

Обращаюсь къ Шиллеру, отъ котораго отвлекла меня гисторія. Я сказалъ тебѣ, что когда я принялся за «Наблюдатель», я былъ помѣшанъ на идеѣ объективности, какъ необходимаго условія въ творчествѣ, и идеѣ искусства, понимаемаго не въ романтическомъ смыслѣ со стороны содержанія, а въ первобытномъ и чистомъ значеніи классической формы. Разумѣется, я неистово бросился въ новую открывшуюся мнѣ сферу мысли и на Шиллерѣ вымещалъ досаду на свою прошедшую слѣпоту. Но я вымещалъ ее . . . . . .
. . . . . [1]).

Записки къ А. И. Ефремову. 1838—1839.

Ефремовъ, спасибо, что хорошо держишь слово. Дѣло остановилось, благодаря тебѣ. Нѣтъ ли еще хоть листика вмѣсто пяти обѣщанныхъ: все не такъ совѣстно будетъ передъ Степановымъ.

Любезный Ефремовъ! Цензоръ тиранствуетъ, я въ лютомъ отчаяніи: приди, если можешь, утѣшить твоего бѣднаго друга.

В. Б.

Душенька Ефремовъ—Ж. П. теперь никакъ не могу достать. Полевой на дачѣ въ Архангельскѣ—у кого въ рукахъ, не знаю,

[1]) Конца письма недостаетъ.—*Прим. А. П.*

гдѣ живутъ. Аксаковъ ничего мнѣ не оставлялъ. Посылаю тебѣ статью «Тампліеры»: прочти ее хорошенько, и если тебѣ понравится, то переведи. Главное дѣло, чтобы было интересно и доступно для нашей публики.

Твой В. Б.

Ефремовъ, отработывай свой переводъ, какъ можно скорѣе. Да, пожалуйста, пошли своего человѣка или моего мальчика къ Келлеру [1])—онъ обѣщался мнѣ прислать стихи Красова—и надулъ, злодѣй! Пошли къ нему, и сдѣлай такъ, чтобы мой же мальчикъ принесъ мнѣ стихи Красова.

Любезный Ефремовъ, если любишь меня—одолжи меня безконечно: на приложенныя деньги возьми два дамскихъ билета на первый имѣющій быть маскерадъ. Сдѣлай это поскорѣе и, взявши, тотчасъ пришли ко мнѣ; если меня не будетъ дома, вели отдать моему мальчику. Бога ради, душа моя. Меня просили дамы, я далъ слово, такъ не хочется срѣзаться.

В. Б.

Ефремовъ! Сейчасъ одѣвайся, приходи ко мнѣ: я имѣю сообщить тебѣ нѣчто такое, что̀ тебя удивитъ и что касается равно и до тебя, и до меня; я немного въ досадѣ и потому жду тебя съ нетерпѣніемъ. Кучеру своему ты можешь приказать черезъ часъ пріѣхать къ моей квартирѣ.

В. Б.

Ефремовъ! я занятъ: Бога ради, забѣги ко мнѣ. Какова бы ни была эта новость и до кого бы ни касалась она,—она важная новость—и я горю нетерпѣніемъ узнать ее. Не случилось ли какого-нибудь несчастія въ Прямухинѣ? Хоть напиши—а тамъ, часа черезъ два, я, можетъ быть, и зайду къ тебѣ. Не получилъ ли письма Станкевичъ, или не пріѣхалъ ли его отецъ? Бога ради, увѣдомь скорѣе.

Выѣзжаемъ въ 3 часа ночи. Зачѣмъ вольныхъ лошадей до Тулы? Короче: нельзя ли тебѣ сію же минуту забѣжать ко мнѣ?

[1]) Неразборчиво: «Кетчеру»?—*Прим. А. П.*

Любезный Ефремовъ, благодарю за окончаніе перевода: титулъ дѣятельнаго принадлежитъ теперь тебѣ по праву. Нѣтъ ли, братъ, лишнихъ сапогъ? Завтра жду своихъ отъ сапожника, а нынче не въ чемъ выйти. Одолжи также и фрака.

Твой В. Б

P.S. Посылаю тебѣ книгъ, а вчерашнюю нельзя ли возвратить?

Я ждалъ этого, Ефремовъ—и дождался, хотя и слишкомъ поздно. Ты былъ слишкомъ деликатенъ, я былъ слишкомъ подлъ. Я надувалъ тебя и теперь долженъ дѣлать то же. Я очень понимаю, чего стоило тебѣ напомнить мнѣ о деньгахъ. Ефремовъ! хоть посади въ яму—не могу. Я ужъ сталъ откровенно под . . . . мъ [1]).

Ефремовъ, скажи ради Бога, что ты за свинья такая: если къ тебѣ не ходятъ каждый день, такъ ты думаешь, что это даетъ тебѣ право не казать къ тѣмъ людямъ своего чувствующаго носа? Зайди поболтать. Да къ этому еще не можешь ли сдѣлать и другого одолженія: нѣтъ ли у тебя лишней красненькой; если ты самъ очень бѣденъ, я тебѣ на дняхъ отдамъ, а если не очень нуждаешься, то впредь до разсчета. Но во всякомъ случаѣ, зайди теперь ко мнѣ—душа встосковалась о тебѣ.

---

[1]) Нельзя разобрать.—*Прим. А. П.*

ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 1. Отрывки изъ писемъ къ родителямъ и братьямъ вездѣ, гдѣ это не оговорено особо, печатаются по тексту, данному въ «Русской Старинѣ», 1876, янв. и февр. Въ распоряженіе «Русской Старины» кн. Н. Н. Енгалычевымъ было предоставлено, наряду со многими другими матеріалами, 42 собственноручныхъ письма Бѣлинскаго къ родителямъ и братьямъ за періодъ времени съ 1829 по 1834 гг. Редакція «Русской Старины» подробно изложила содержаніе этихъ писемъ, приводя изъ нихъ довольно обширныя извлеченія и сопровождая ихъ своими разъясненіями. Краткія свѣдѣнія, заимствованныя изъ этихъ же матеріаловъ, еще ранѣе были помѣщены въ «Моск. Вѣд.», 1859, № 293. Въ настоящее время подлинники этихъ писемъ считаются утраченными. Мы располагаемъ напечатанные въ «Русской Старинѣ» отрывки въ хронологическомъ порядкѣ, поскольку это возможно сдѣлать на основаніи данныхъ въ ней указаній.

— Къ А. З. Дурасову у Бѣлинскаго было рекомендательное письмо отъ одной его родственницы, пензенской помѣщицы, Лукерьи Савельевны Владыкиной.

— «Безъ свидѣтельства»—метрическаго.

— «Еслибъ на заставѣ я не сказался лакеемъ Ивана Николаевича»—Бѣлинскій пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ со своимъ богатымъ родственникомъ, И. Н. Владыкинымъ, который тоже думалъ о поступленіи въ университетъ.

— «Надежда потеряна совершенно»—на поступленіе въ университетъ; изъ-за отсутствія метрическаго свидѣтельства у Бѣлинскаго не было принято прошеніе о пріемѣ въ число студентовъ.

Къ стр. 2. Къ И. И. Лажечникову у Бѣлинскаго было рекомендательное письмо отъ его гимназическаго учителя въ Пензѣ, М. М. Попова. И. И. Лажечниковъ нѣкоторое время былъ директоромъ пензенской гимназіи, гдѣ учился Бѣлинскій и преподавалъ Поповъ.

— «двухъ профессоровъ» — именно: П. В. Побѣдоносцева и И. М. Снегирева.

Къ стр. 3. «Прошу Евфима» — одного изъ «честныхъ» служителей И. Н. Владыкина; о другомъ, Петрѣ, упоминается въ письмѣ къ Ивановымъ (стр. 16).

— Чумаковъ — Ѳедоръ Ивановичъ (1782 — 1837). О немъ см. статью проф. Брашмана во II части Біографическаго Словаря профессоровъ и преподавателей Имп. Моск. Унив. (М., 1855, стр. 556—557).

Къ стр. 5. «Рѣшеніе на мою просьбу»—о принятіи въ университетъ на казенный счетъ.

— «Это по-московски чрезвычайно дешево» — говорится о житьѣ на частной квартирѣ до поступленія на казенный коштъ. Бѣлинскій жилъ въ это время у нѣкоей Ольги Матвѣевны и сначала платилъ за комнату 25 руб. въ мѣсяцъ со столомъ, а потомъ только 15 руб., но при ухудшенномъ столѣ.

— Войтяховскій, Ефимъ Дмитріевичъ, былъ въ свое время очень извѣстенъ, какъ преподаватель математики и авторъ математическихъ учебниковъ.

Къ стр. 6. «Одолжаться Николаемъ Михайловичемъ и Лукерьею Савельевною»—Владыкиными.

«успѣхъ одного предпріятія»—надо полагать, литературнаго.

— «Н. Л. Григорьевъ»—землякъ Бѣлинскаго.

— «съ однимъ студентомъ»—вѣроятно, П. Я. Петровымъ.

— Письмо къ А. П. и Е. П. Ивановымъ отъ 20 декабря 1829 г. печатается по тексту собранія А. Н. Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Д. П. Иванова въ маѣ 1875 г. Извлеченія изъ этого письма впервые были приведены въ книгѣ Пыпина «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», Спб. 1876 (2-ое изд. Спб. 1908), составившейся изъ нѣсколько переработанныхъ и дополненныхъ статей его въ «Вѣстникѣ Европы» за 1874—1875 гг. Полностью настоящее письмо печатается впервые.

— Ивановы приходились Бѣлинскому родственниками. Родная племянница его отца, Григорія Никиф., двоюродная сестра В. Г., Ѳедосья Степановна, вышла замужъ за Петра Петровича Иванова. Ихъ старшія дѣти, приходившіяся Бѣлинскому двоюродными племянниками, Алексѣй, Дмитрій и Екатерина, были приблизительно однихъ лѣтъ съ нимъ; двое другихъ, Петръ и Вѣра, значительно младше. Алексѣй и Дмитрій Петровичи Ивановы были товарищами Бѣлинскаго по чембарскому уѣздному училищу. Въ пензенской гимназіи Бѣлинскій былъ классомъ старше Д. П. Иванова и жилъ съ нимъ на одной квартирѣ. Къ нему онъ былъ привязанъ больше, чѣмъ къ А. П., и до самой смерти сохранилъ съ нимъ дружескія отношенія. Въ 70-хъ годахъ Д. П. Ивановъ написалъ для А. Н. Пыпина двѣ біографическихъ записки о Бѣлинскомъ, отчасти использованныя Пыпинымъ въ его книгѣ. Въ приложеніяхъ къ III тому мы даемъ эти записки цѣликомъ.

Къ стр. 8. «Щетинина»—нѣкоего чембарскаго помѣщика.

— «съ ....ми» — точки въ подлинникѣ; трудно сказать съ увѣренностью, кого здѣсь имѣетъ въ виду Бѣлинскій.

— «Всѣмъ постылый, чужой» и т. д.—и въ позднѣйшихъ письмахъ не разъ Бѣлинскій приводитъ эти стихи Полежаева.

Къ стр. 9. Петровъ, Павелъ Яковлевичъ (1814—1875) — впослѣдствіи извѣстный оріенталистъ и санскритологъ, съ 1839 г. профессоръ Казанскаго университета, а съ 1852—Московскаго. Дружба Бѣлинскаго съ нимъ удержалась на многіе годы; въ руководимыхъ Бѣлинскимъ журналахъ всегда помѣщались переводы Петрова.

— «А. П. и Л. М.»—въ текстѣ собранія Пыпина имѣется на поляхъ помѣтка Пыпина: «неразборчиво, можетъ быть Л. Н.»

Къ стр. 10. Письмо къ А. П. и Е. П. Ивановымъ, относящееся къ концу 1829 года, напечатано впервые подъ заглавіемъ «Журналъ моей поѣздки въ Москву и пребываніе въ оной» въ статьѣ П. К. Шугаева «Изъ колыбели замѣчательныхъ людей» («Живописное Обозрѣніе», 1898, №№ 21—22 и 25), причемъ Шугаевъ считаетъ этотъ «журналъ» первымъ литературнымъ произведеніемъ Бѣлинскаго. Въ I томѣ редактируемаго имъ собранія сочиненій Бѣлинскаго С. А. Венгеровъ оспариваетъ это мнѣніе, не считая журналъ ни первымъ литературнымъ произведеніемъ Бѣлинскаго, ни литературнымъ произведеніемъ вообще, и относитъ его къ частнымъ письмамъ. Конецъ вышеприведеннаго письма къ Ивановымъ отъ 20 декабря 1829 г. подтверждаетъ взглядъ Венгерова. Вѣроятно, настоящій журналъ и есть обѣщанная въ этомъ письмѣ «повѣсть или, лучше сказать, разсказъ», но только при этомъ Бѣлинскій нѣсколько измѣнилъ свое намѣреніе и началъ свое описаніе не съ момента въѣзда въ Москву, а съ момента выѣзда изъ дому.

— Владыкино — находящееся недалеко отъ Чембара имѣніе Владыкиныхъ. Николай Михайловичъ Владыкинъ былъ женатъ на родственницѣ Бѣлинскаго, Лукерьѣ Савельевнѣ. Ихъ сынъ, Иванъ Николаевичъ, былъ сверстникомъ Бѣлинскаго, и осенью 1829 г. долженъ былъ ѣхать въ Москву для поступленія въ университетъ. Бѣлинскій воспользовался возможностью ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, чтобы тѣмъ весьма значительно сократить путевыя издержки. Въ Москву они прибыли 22-го августа.

Къ стр. 15. «Достойнымъ соперникомъ двухъ чембарскихъ» — подъ однимъ изъ этихъ «двухъ» Бѣлинскій, вѣроятно, разумѣетъ самого себя.

Къ стр. 16. «Петръ» — крѣпостной Владыкиныхъ, взятый И. Н. Владыкинымъ съ собой въ Москву.

— «Владиміръ Ѳедоровичъ и Надежда Матвѣевна» — вѣроятно, родственники Владыкина.

Къ стр. 18. Обѣщаніе описать кремлевскія зданія врядъ-ли было исполнено; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ такое письмо неизвѣстно.

Къ стр. 19. Въ письмѣ, очевидно, недостаетъ конца; трудно сказать, утраченъ ли этотъ конецъ, или и въ дѣйствительности письмо осталось недописаннымъ.

Къ стр. 21. «на которыхъ поставлены миски» — въ «Русской Старинѣ» слова «на которыхъ» заключены въ скобки, т. е. ихъ нѣтъ въ подлинникѣ.

— Перевощиковъ, Дмитрій Матвѣевичъ (1788 — 1880) — извѣстный астрономъ, съ 1818 г. преподаватель московскаго университета, съ 1826 г. профессоръ, съ 1851 г. академикъ. Оставилъ много научныхъ сочиненій.

— Къ началу 1830 г. относится и еще одна приводимая въ «Русской Старинѣ» выдержка, указывающая на крайне бѣдственное положеніе Бѣлинскаго: «принужденъ бы былъ ходить въ одномъ мундирѣ».

— Письмо къ М. М. Попову отъ 30 апрѣля 1830 г. впервые напечатано въ «Замѣткахъ для біографіи Бѣлинскаго» И. Лажечникова («Моск. Вѣстн.», 1859, № 17).

— Поповъ, Михаилъ Максимовичъ (ум. въ 1872 г.) — гимназическій

учитель Бѣлинскаго, много содѣйствовавшій его духовному развитію. Въ 30-хъ годахъ онъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ III Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Напечаталъ въ «Рус. Ст.» нѣсколько статей историко-литературнаго характера. Въ томъ же № 17 «Моск. Вѣстн.» за 1859 г. Лажечниковъ приводитъ выдержки изъ письма къ нему Попова, содержащія его воспоминанія о Бѣлинскомъ. Служба Попова въ III Отдѣленіи вызвала въ 1848 г. переписку между нимъ и Бѣлинскимъ.

— «моего родственника»—Д. П. Иванова.

— альманахъ, о которомъ идетъ рѣчь, назывался «Пожинки».

Къ стр. 22. Нѣкоторыя данныя для сужденія о литературныхъ взглядахъ Бѣлинскаго юношеской поры имѣются въ статьѣ Н. Рыбкина «Матеріалы къ біографіи Бѣлинскаго и Лермонтова» («Ист. Вѣстн.» 1881, № 10). Слѣдуетъ только замѣтить, что приписываемое въ этой статьѣ Бѣлинскому стихотвореніе принадлежитъ Баратынскому.

Къ стр. 24. Несмотря на всѣ затрудненія, Бѣлинскому все-таки удалось выѣхать изъ Москвы и провести лѣто въ Чембарѣ и даже побывать въ Пензѣ. Въ Москву онъ вернулся около половины сентября.

— Письмо къ П. П. и Ѳ. С. Ивановымъ отъ 13 января 1831 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Д. П. Иванова въ маѣ 1875 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

Къ стр. 25. «надоѣла»—въ подлинникѣ: «надолѣла».

«Я кончилъ свою трагедію» — «Дмитрій Калининъ». Отрывокъ изъ нея впервые былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ», 1876 г. Полностью напечатана въ «Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности» за 1891 г., откуда перепечатана въ I томѣ редактируемаго С. А. Венгеровымъ собранія сочиненій Бѣлинскаго. Трагедія эта, какъ извѣстно, не только не оправдала возлагавшихся на нее Бѣлинскимъ надеждъ, но была одной изъ главнѣйшихъ причинъ его исключенія изъ университета. Даже послѣ неудачи съ трагедіей Бѣлинскій все-таки надѣялся исправить ее и выпустить въ свѣтъ и такъ дорожилъ ею, что на просьбу брата прислать ее ему отвѣчалъ, что онъ скорѣе готовъ «отрубить себѣ руку и послать ее въ подарокъ» брату, чѣмъ на какое бы то ни было время разстаться съ своимъ произведеніемъ («Рус. Ст.» 1876).

Къ стр. 26. «графомъ Панинымъ»—помощникомъ попечителя.

— «Александръ Ефремовичъ»—фамилія неизвѣстна; одинъ изъ чембарскихъ земляковъ Бѣлинскаго.

Къ стр. 27. Куртенеръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ (род. въ 1795 г., умеръ въ концѣ 70-хъ гг.)—лекторъ французскаго языка въ Московскомъ университетѣ. Составилъ нѣсколько учебниковъ, получившихъ большое распространеніе и выдержавшихъ нѣсколько изданій.

— „вырученныя за оную деньги»—въ подлинникѣ: «вырученныя на оную деньги».

Къ стр. 28. «О Никанорѣ»—младшемъ изъ двухъ братьевъ Бѣлинскаго. Другого звали Константиномъ. Въ I томѣ сочиненій Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова нѣсколько разъ упоминается еще братъ Гри-

горій (напр., стр. 141), но это явный недосмотръ: всюду здѣсь подъ Григоріемъ надо разумѣть Константина.

Въ отрывкѣ изъ письма къ отцу отъ 22 января 1831 г. рѣчь идетъ о «Дмитріи Калининѣ». Въ словахъ: «Вы въ немъ увидите многія лица, довольно вамъ извѣстныя» С. А. Венгеровъ видитъ указаніе на пензенскихъ помѣщиковъ Мосоловыхъ, отличавшихся жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными. Близость къ Мосоловымъ вызвала и у Лермонтова протестъ противъ крѣпостного права, нашедшій себѣ выраженіе въ «Странномъ человѣкѣ».

— Въ отвѣтъ на это письмо отецъ Бѣлинскаго писалъ 6 февраля 1831 года: «мнѣ хотѣлось убѣдиться о расположеніи и полномъ удовлетворительномъ смыслѣ твоего сочиненія собственными глазами. Ты самъ пишешь, что пустился въ пространное море, а о глубинѣ ни слова не сказалъ.

Въ пространное ты пустился море,
Въ которомъ гадовъ нѣтъ числа,
Смотри—чтобъ не случилось горе
Тебѣ отъ сего ремесла».

Къ стр. 29. «воцарился новый инспекторъ»—Павелъ Степановичъ Щепкинъ (1793—1836), профессоръ математики.

Къ стр. 30. «Какъ только я пріѣхалъ»—съ лѣтнихъ каникулъ, изъ Чембара.

«ректору» — Двигубскому, Ивану Алексѣевичу (1771 — 1839), извѣстному профессору и популяризатору естествовѣдѣнія.

Къ стр. 31. «Любя своего брата» — братъ Бѣлинскаго, Константинъ, осенью 1830 г. пріѣзжалъ въ Москву и пытался тоже поступить въ университетъ на казенный счетъ, но ему это не удалось.

— «въ цензурный кабинетъ» — вѣроятно, описка, вмѣсто «комитетъ», какъ въ дальнѣйшемъ.

Къ стр. 32. «Катерины Петровны»—Ивановой.

— «Лукерью Савельевну»—Владыкину.

Къ стр. 34. «Невзгода на меня»—конечно, все изъ-за трагедіи.

слово «буду» заключено въ «Русской Старинѣ» въ скобки.

— Журналъ «Листокъ», совершенно ничтожный и по размѣрамъ и по содержанію, издавался въ 1831 г. кн. Д. В. Львовымъ. А. Н. Пыпинъ въ своей книгѣ говоритъ, что въ письмахъ Бѣлинскаго имѣются указанія на нѣкоего Артемова, издателя «Листка». Въ собраніи Пыпина ни одного такого письма не оказалось. Называетъ Артемова издателемъ «Листка» братъ Бѣлинскаго, Константинъ. (Въ собраніи Пыпина имѣется нѣсколько выдержекъ изъ писемъ къ Бѣлинскому его родителей и братьевъ).

Вотъ что писалъ о «Листкѣ» Константинъ: «Ты пишешь папенькѣ и мнѣ, что будешь присылать Листокъ черезъ почту на имя папеньки мнѣ, и въ которомъ ты участвуешь и помѣщаешь свои произведенія. Папенька помѣщенную въ 40 и 41 № Листка читалъ съ большимъ удовольствіемъ твою піесу Русская быль, и, можетъ быть, мысленно благодарилъ небо; равно маменька и я очень сему радуемся и не вѣримъ глазамъ своимъ. Я каждый день прочитываю твою піесу съ удовольствіемъ,

происходящимъ отъ любви. За сіе также очень, очень благодарю, ты симъ доставишь неизмѣнное мнѣ удовольствіе читать сей журналъ, и въ оном твои произведенія» (12 іюня, 1831); «по обѣщанію твоему присылать мнѣ каждую почту издаваемаго Артемовымъ журнала Листокъ, въ которомъ ты участвуешь, я къ сожалѣнію не имѣлъ счастія его получить» (16 іюня 1831); «Я читалъ въ 45 № Листка библіографію о Борисѣ Годуновѣ (трагедіи А. С. Пушкина) твоего сочиненія. Это для меня очень много пріятно: дай Богъ, чтобы ты съ такимъ удовольствіемъ и со всѣмъ жаромъ пламенѣющаго сердца ко всему изящному и высокому, и къ родному, столько много любимому мною брату, еще сочинялъ, какъ я оную читалъ, и присылалъ бы мнѣ и тѣмъ бы доставлялъ большое мнѣ удовольствіе» (17 ноября, 1831).

Въ №№ 40—41 «Листка» за 1831 г. напечатано стихотвореніе Бѣлинскаго «Русская Быль»—его первое выступленіе въ печати. Въ № 45 напечатана его же небольшая рецензія.

Къ стр. 35. «Тоже и сестру свою»—Александру Григорьевну.

Къ стр. 36. «Не безпокойся о немъ»—о журналѣ «Листокъ», прекратившемъ свое существованіе.

— Вотъ какъ отвѣчалъ Константинъ: «Твои совѣты, въ разсужденіи моей службы, довольно справедливы и основательны; я ихъ принялъ съ большимъ удовольствіемъ, равно какъ и читалъ; они всѣ нашимъ домашнимъ поправились и даже бабушкѣ».

Къ стр. 38. Въ отрывкахъ отъ 25 декабря 1831 г. говорится о необходимости пойти къ г-жѣ Горинъ за присланными матерью деньгами; о самомъ путешествіи разсказано въ слѣдующемъ отрывкѣ.

— «въ деньгахъ крайняя, смертельная надобность»—въ «Русской Старинѣ» слова «въ деньгахъ» заключены въ скобки.

— Письмо къ брату Константину отъ 27 января 1832 г. написано чужою рукою и только подписано самимъ Бѣлинскимъ. Это объясняется его болѣзнью, долгое время продержавшей его въ больницѣ.

Къ стр. 40. Письмо, изъ котораго приводится настоящій отрывокъ, помѣчено въ подлинникѣ, какъ указываетъ «Русская Старина», 1832 годомъ. Но, какъ увидимъ дальше, многія письма, несомнѣнно написанныя въ 1833 году, тоже имѣли помѣту 1832 года, и полагаться на такія помѣты надо поэтому очень осторожно. Содержаніе отрывка не даетъ никакихъ данныхъ для отнесенія его къ тому или другому году.

— Для характеристики отношеній въ семьѣ Бѣлинскаго приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ къ Бѣлинскому его матери: «отецъ твой недѣли съ три пьетъ въ мертвую голову и меня поноситъ и ругаетъ всячески, а Никаноръ.... въ нравственности нисколько не исправляется, мнѣ дѣлаетъ ужасныя грубости и непріятности, особливо тогда, когда отецъ дома, съ людьми воюетъ по прежнему...» (6 сент. 1831); «съ отцомъ не говорю уже другой день, потому что онъ дня три сряду буянилъ, ругалъ и поносилъ меня и маменьку... Никаноръ меня растревожилъ: я ему должна по несчастію полтинникъ; когда онъ на меня разсердится, начнетъ съ меня требовать долгъ и грозитъ жаловаться папенькѣ и говоритъ: папенька-то растрясетъ тебѣ брюхо-то. Каково же терпѣть матери отъ сына, отъ 11-лѣтняго» (10 дек. 1832); «онъ съ нами

никуда не ѣздитъ; отъ помѣщиковъ отъ всѣхъ отсталъ, съ этихъ поръ, какъ съ имъ случилось у Евреинова, не знаю, они думаютъ, что онъ о сю пору сумасшедшій, или они имъ презираютъ, всѣ ѣздятъ лѣчиться въ Пензу и въ Сердобскъ» (10 дек. 1832). «У нашего сокровища только и въ умѣ, что убьютъ или прибьютъ, а бѣдный Петръ Александрычъ (больной, къ которому Бѣлинскій отказался поѣхать изъ страха, что съ нимъ хотятъ сдѣлать что-то нехорошее) денъ черезъ пять и отправился въ вѣчное жилище» (10 дек. 1832). «Отецъ утопаетъ въ роскоши Бахуса» (17 іюня 1833). «Хоть всѣ со двора бѣги—Сашу и меня ревнуетъ ко всякому пробѣгающему кобелю; бѣдная Саша временемъ реветъ, а я у маменьки нѣсколько разъ ночевывала, а Дуньку со свѣта согналъ... а отъ Никанорки совершенно нѣтъ никому житья... отецъ до того его избаловалъ, не знаю, что изъ его и будетъ» (5 іюня 1834). «Я тебѣ вотъ что скажу: это происходитъ все оттого, что ты не имѣешь истинной вѣры на Бога и надежды на Создателя... обратись-ка лучше къ Богу... больше ходи въ церкву, оставь эти модныя фортуны» (1 іюля 1833). Вотъ еще одинъ отрывокъ изъ письма матери, съ соблюденіемъ орѳографіи: «атаришки (т. е. отъ Аришки) атецъ ацталъ благадарю моево создателя верна атецъ небеснай услышилъ маю грешнаю малитву» (10 дек. 1832).

Къ стр. 41. Письмо къ П. П. и Ѳ. С. Ивановымъ отъ 10 сентября 1832 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Д. П. Иванова въ маѣ 1875 г. Печатается впервые.

Къ стр. 43. «Вѣрочку»—дочь П. П. и Ѳ. С. Ивановыхъ.

Къ стр. 44. Константинъ Бѣлинскій внялъ совѣтамъ брата и не поѣхалъ въ Саратовъ, куда его обѣщалъ устроить на службу нѣкій Сокольскій.

Къ стр. 45. «пріѣзжаетъ премножество»—въ «Русской Старинѣ» слово «пріѣзжаетъ» заключено въ скобки.

Къ стр. 48. Приводя отрывокъ изъ письма къ родителямъ отъ 20 апрѣля, редакція «Русской Старины» относитъ его къ 1832 году. Такъ письмо помѣчено и въ подлинникѣ. Также къ 1832 году отнесены «Русской Стариной» и нѣкоторыя другія письма, трактующія объ университетскихъ дѣлахъ Бѣлинскаго и тоже помѣченныя 1832-мъ годомъ. Основываясь на этихъ помѣтахъ, «Русская Старина» приходила къ тому заключенію, что Бѣлинскій былъ исключенъ изъ университета въ сентябрѣ 1831 года, все начало 1832 г. скрывалъ этотъ фактъ отъ родителей, но въ письмахъ подготовлялъ ихъ къ сообщенію о немъ, и лишь въ маѣ 1832 г., наконецъ, написалъ имъ правду. Между тѣмъ, А. Н. Пыпинъ въ своихъ статьяхъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1874 г. высказалъ мнѣніе что исключеніе Бѣлинскаго изъ университета произошло въ сентябрѣ 1832 г., а, можетъ быть, даже и нѣсколько позже. Издавая свои статьи въ переработанномъ видѣ отдѣльной книгой въ 1876 г., уже послѣ напечатанія матеріаловъ «Русской Старины», Пыпинъ все-таки продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи, что исключеніе Бѣлинскаго изъ университета произошло не въ 1831, а въ 1832 г., и письма, помѣченныя 1832-мъ годомъ, считалъ написанными въ 1833 году, объясняя ошибочность помѣтки разсѣянностью Бѣлинскаго. Относительно нѣкоторыхъ писемъ это несомнѣнно такъ: будучи помѣчены 1832 годомъ, они сообщаютъ о фактахъ,

имѣвшихъ мѣсто лишь въ 1833 году, а на одномъ изъ писемъ къ брату Константину, помѣченномъ маемъ 1832, имѣется помѣтка Константина о полученіи 6 іюня 1833. Съ подобнаго рода разсѣянностью Бѣлинскаго намъ придется встрѣчаться и далѣе: одно изъ писемъ къ М. А. Бакунину, написанное несомнѣнно въ 1837 году, помѣчено имъ 1835-мъ годомъ. Наконецъ, впослѣдствіи документально было установлено, что исключеніе Бѣлинскаго изъ университета произошло въ 1832 году. Такимъ образомъ, для нѣкоторыхъ писемъ, носящихъ помѣту 1832 года, ошибочность помѣты устанавливается несомнѣнно, и эти письма слѣдуетъ относить къ 1833 году, для другихъ же остается невыясненнымъ, когда они написаны—въ 1832 или 1833 году.

— Князь Голицынъ—Дмитрій Владиміровичъ (1771—1844), московскій генералъ-губернаторъ.

Голохвастовъ — Дмитрій Павловичъ (1796 — 1849), родственникъ Герцена, впослѣдствіи попечитель Московскаго учебнаго округа.

Къ стр. 49. «Въ военную службу»—въ «Русской Старинѣ» слово «службу» заключено въ скобки.

— Въ отрывкѣ отъ 20 апрѣля 1833 года Бѣлинскій подготовляетъ родителей къ мысли о томъ, что его могутъ исключить; на самомъ же дѣлѣ онъ уже болѣе полугода былъ исключенъ изъ университета.

Къ стр. 50. «Проходитъ уже четвертый годъ»—изъ этого ясно, что письмо написано въ 1833 г., такъ какъ Бѣлинскій поступилъ въ университетъ въ 1829 году.

— «Вышедши изъ больницы»—въ началѣ 1832 г.

Къ стр. 51. «въ концѣ августа или въ началѣ сентября»—1832 года, а не 1831, какъ указывается въ «Русской Старинѣ».

— Письмо къ К. Г. Бѣлинскому отъ 21 мая 1833 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Д. П. Иванова въ 1874 году. Этого письма, повидимому, въ распоряженіи «Русской Старины» не было. Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые. Въ подлинникѣ и это письмо помѣчено Бѣлинскимъ 1832, вмѣсто 1833. Ошибочность помѣтки явствуетъ, какъ изъ содержанія письма, указывающаго на работы 1833 года, такъ и изъ отмѣтки К. Г. Бѣлинскаго о полученіи письма: «1833 года, іюня 6 числа, во вторникъ, ночью съ Петромъ Ивановымъ». Исправлена ошибка А. Н. Пыпинымъ.

Къ стр. 52. «въ Бѣлоруссію»—черезъ Надеждина Бѣлинскій познакомился съ попечителемъ бѣлорусскаго учебнаго округа Г. И. Карташевскимъ, который обѣщалъ устроить его на учительскомъ мѣстѣ въ своемъ округѣ; въ апрѣлѣ 1833 г. Бѣлинскій подалъ ему официальное прошеніе о принятіи на службу. Дѣло, однако, затянулось и кончилось ничѣмъ; лишь въ 1834 г. Бѣлинскому послѣ многихъ хлопотъ удалось вытребовать отъ Карташевскаго обратно поданныя имъ при прошеніи бумаги.

— «Магдалина» Поль-де-Кока въ переводѣ Бѣлинскаго вышла въ 1833 г.

— «Я познакомился недавно съ Сергѣемъ Васильевичемъ Великопольскимъ»—вѣроятно, родственникомъ И. Е. Великопольскаго, писавшаго подъ псевдонимомъ «Ивельевъ».

— «перечень моихъ переводовъ» — эти переводы напечатаны въ I томѣ соч. Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова, кромѣ статьи «Графъ

и Альдерманъ», которая переведена съ англійскаго и, слѣдовательно, не Бѣлинскимъ, который этого языка не зналъ.

— По недосмотру напечатано: (5 д. и 60 №); слѣдуетъ: (59 и 60 №).

Къ стр. 53. «Варварѣ Савельевнѣ» — вѣроятно, сестрѣ Лукерьи Савельевны Владыкиной.

— « Авениру Ивановичу»—Красовскому.

— «Татарина»—вѣроятно, прозвище П. П. Иванова, черезъ котораго, какъ видно изъ помѣтки К. Г. Бѣлинскаго, было доставлено письмо.

— «Сашеньку»—сестру.

— Письмо къ отцу отъ 21 мая 1833 въ подлинникѣ тоже помѣчено 1832.

— «любовь не въ словахъ» — въ подлинникѣ слово «въ» пропущено.

— «съ маменькой»—въ подлинникѣ: съ «менькой».

Къ стр. 54. «Къ Рождеству» — 1832 г., а не 1831, какъ указываетъ «Русская Старина». Этотъ отрывокъ относится къ переводу романа Польде-Кока «Монфермельская молочница». Переводъ Бѣлинскаго такъ и не увидѣлъ свѣта, и врядъ ли оправдалась его надежда «получить хоть 100 рублей».

— Въ «Русской Старинѣ» изъ письма къ отцу отъ 21 мая 1833 г. приводится еще одна фраза, говорящая о планѣ Бѣлинскаго поѣхать «на кондицію въ Вологду къ одному помѣщику за 600 р.»

Къ стр. 56. «Бѣдный мой братъ!»—рѣчь идетъ о любимомъ, младшемъ братѣ Бѣлинскаго, Никанорѣ. Бѣлинскій хотѣлъ взять Никанора въ Москву и просилъ А. П. Иванова принять его къ себѣ съ платою хотя по 300 руб. въ годъ, но Ивановъ категорически отказался отъ этого, опасаясь постояннаго безпокойства отъ дурного поведенія Никанора.

— «Завтра я посылаю»—весь этотъ отрывокъ относится къ хлопотамъ о пріисканіи учительскаго мѣста черезъ Карташевскаго.

— «любезнымъ Петровымъ»—уже упоминавшимся раньше П. Я. Петровымъ.

— «отборными по уму, образованности, талантамъ и благородству чувствъ молодыми людьми»—здѣсь имѣется въ виду кружокъ Станкевича. А. В. Станкевичъ сообщалъ Пыпину, что Бѣлинскій сблизился съ его братомъ, Н. В. Станкевичемъ, въ 1832 г., но первое знакомство произошло еще въ 1831 г.: съ Кольцовымъ Бѣлинскій познакомился въ 1831 г.,—это знакомство произошло черезъ Станкевича. Въ письмахъ Станкевича за 1834 г. Бѣлинскій упоминается уже, какъ одинъ изъ самыхъ близкихъ пріятелей, заслуживающій полнаго довѣрія.

Къ стр. 57. Письмо къ Александрѣ Михайловнѣ (фамилія неизвѣстна) отъ 7 декабря 1833 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ М. И. Семевскаго въ ноябрѣ 1873 г. Оно было полностью напечатано въ «Русск. Стар.», 1874, I. с. 142—144, причемъ редакція сопроводила его примѣчаніемъ, въ которомъ между прочимъ говорится слѣдующее: «подлинникъ письма В. Г. Бѣлинскаго сообщенъ намъ Д. И. Калугинымъ изъ г. Тюменя; г. Калугинъ получилъ его, въ свою очередь, отъ одного знакомаго, изъ Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи,— но къ кому оно писано, и кто тѣ лица, о которыхъ говорится въ письмѣ, г. Калугину не удалось дознаться. А. Н. Пыпинъ весьма обязательно со-

общилъ намъ, что «къ концу тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ Сибири жила одна родственница и хорошая пріятельница Бѣлинскаго, Екат. Петр. Иванова, по мужу Лопатина: быть можетъ, черезъ эту семью и очутилось въ Сибири это письмо Бѣлинскаго».

Къ стр. 59. Въ отрывкѣ изъ письма къ матери въ іюлѣ 1834 г. рѣчь идетъ объ отпускѣ на волю единственной крѣпостной Бѣлинскихъ. Хлопоты Бѣлинскаго въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ: въ письмѣ къ брату Константину отъ 9 апр. 1840 г. онъ осуждаетъ сестру за нежеланіе отпустить Авдотью и тѣмъ, наконецъ, исполнить послѣднюю волю матери.

— «на корректорское мѣсто»—эта просьба не имѣла успѣха.

Къ стр. 60. «домъ Сухово-Кобылина» — отца автора «Свадьбы Кречинскаго»; тамъ собирался цвѣтъ тогдашней московской интеллигенціи, видную роль играли молодые профессора московскаго университета; выдѣлялись Надеждинъ и Погодинъ.

— Письмо къ П. П. и Ѳ. С. Ивановымъ отъ 5 февраля 1835 года печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Д. П. Иванова въ маѣ 1875 г. Печатается впервые. Въ подлинникѣ послѣдняя цифра года стерта. Но по содержанію видно, что письмо относится къ 1835 году: Бѣлинскій сообщаетъ, что осенью узналъ о смерти матери, а мать его умерла въ августѣ 1834 г.

«что я не совсѣмъ похожъ»—въ подлинникѣ «я» пропущено.

Къ стр. 61. «долгоносаго»—Д. П. Иванова.

Къ стр. 62. Письмо къ Н. А. Полевому отъ 26 апр. 1835 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Н. Х. Кетчера въ октябрѣ 1873 г. Это письмо полностью напечатано въ книгѣ Пыпина. Въ апрѣлѣ 1874 г. Н. Х. Кетчеръ доставилъ Пыпину и слѣдующій черновикъ этого письма, содержащій кое-какія разночтенія:

«Милостивый Государь!

Николай Алексѣевичъ!

Я принимаюсь за изданіе журнала, принимаюсь не изъ дѣтскаго самолюбія, но и вмѣстѣ съ тѣмъ не по сознанію въ своихъ силахъ и своемъ назначеніи, а изъ увѣренности, что теперь всякій можетъ сдѣлать что-нибудь, если имѣетъ хоть искру способности и добра... Какъ бы то ни было, но мнѣ пріятно было бы имѣть читателемъ моимъ того человѣка, который съ такимъ благороднымъ и безпримѣрнымъ самоотверженіемъ старался водрузить на родной землѣ хоругвь вѣка, который воспиталъ своимъ журналомъ нѣсколько поколѣній и сдѣлался вѣчнымъ образцомъ журналиста... Мнѣ пріятно и лестно имѣть Васъ своимъ читателемъ, хотя, можетъ быть, Вамъ будетъ и некогда и скучно читать мое маранье, но Ваше вниманіе ко всякому благородному порыву, Ваша снисходительность къ слабости силъ при честныхъ намѣреніяхъ, Ваше расположеніе и ласковость къ молодымъ людямъ, придерживающимся книжнаго міра, въ чемъ я имѣлъ удовольствіе увѣриться собственнымъ опытомъ, заставляютъ меня надѣяться, что Вы не откажетесь принять моего приношенія и заглядывать по временамъ,

въ рѣдкіе часы досуга, въ мои труды. Николаю Ивановичу было очень пріятно исполнить мое желаніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь пребыть
Вашимъ, Милостивый Государь,
покорнымъ слугою
Виссаріонъ Бѣлинскій.

1835. Апрѣля 26 дня.»

— Въ книгѣ Пыпина напечатанъ отвѣтъ Н. А. Полевого на это письмо.

— «Я принимаюсь за изданіе журнала»—уѣзжая весной 1835 г. за-границу, Надеждинъ временно передалъ изданіе «Телескопа» и «Молвы» Бѣлинскому. Подъ руководствомъ Бѣлинскаго эти журналы издавались съ мая по декабрь 1835 г. За это время было выпущено шесть книжекъ.

— «Николаю Ивановичу»—Надеждину.

— Письмо къ Н. А. Полевому отъ 19 сентября 1835 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Н. Х. Кетчера въ апрѣлѣ 1874 г. Печатается впервые.

— «Мольеръ продержалъ четырнадцать дней» — остается неизвѣстнымъ, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь; можетъ быть, о какой-нибудь предназначавшейся для Полевого работѣ по Мольеру, можетъ быть, о книгахъ взятыхъ на прочтеніе.

— Чаттертонъ (1752 — 1770) — англійскій поэтъ, рано кончившій жизнь самоубійствомъ.

На оборотѣ этого письма Бѣлинскаго слѣдующій отвѣтъ на него Н. А. Полевого:

«Милостивый Государь,
Виссаріонъ Григорьевичъ!

Бѣда не велика, только бы годилось Вамъ. Касательно двухъ другихъ предметовъ, пріятель мой оба началъ ихъ, но—повремените немного. Столько хлопотъ и занятій. Какъ нарочно, все боленъ, и ко всему прочему другому прибавилась неожиданная дѣятельность Мануфактурнаго Отдѣленія, гдѣ теперь новый начальникъ, графъ С. Г. Строгановъ. Онъ хочетъ соединить просвѣщеніе съ промышленностью. Какъ отказаться отъ ласковаго привѣта? Посмотримъ, а между тѣмъ не забудемъ и того, что обѣщано, только повремените маленько.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.
Н. Полевой.

19 сент. 1835.»

Къ стр. 63. Письмо къ Н. С. Селивановскому отъ 27 октября 1835 г. печатается по тексту, который данъ въ сборникѣ «Помощь голодающимъ» (М. 1892), гдѣ оно помѣщено впервые.

Г. А. Джаншіевъ сопроводилъ его слѣдующими примѣчаніями: «1) Приведенное письмо написано на листкѣ (о двухъ страницахъ) малаго почтоваго формата, довольно грубаго качества, и нѣсколько рыжеватыми чер-

нилами. Возвращеніе этого письма къ Бѣлинскому указываетъ, повидимому, на отдачу долга. 2) Н. С. Селивановскій, сынъ извѣстнаго московскаго типографа, былъ, по словамъ А. Н. Пыпина, человѣкъ университетскаго образованія и съ достаточными средствами, имѣлъ литературные вкусы и любилъ собирать у себя представителей московской литературы. 3) Ниже (подъ подписью Бѣлинскаго) приписано красными чернилами и другою рукою: «октября 27 дано 250 р. ас.». 4) Передъ словами: «имѣлъ дурную привычку» зачеркнуто: «красн.».

— О вечерахъ у Селивановскаго Бѣлинскій не разъ вспоминаетъ въ своихъ письмахъ съ видимымъ удовольствіемъ, хотя къ самому Селивановскому у него и не было особаго расположенія.

— Какъ тяготилъ Бѣлинскаго долгъ Селивановскому, видно изъ письма его къ М. А. Бакунину отъ 16 авг. 1837 г. (стр. 118).

Къ стр. 64. «Epistolia non rubescit»—такъ напечатано въ сборникѣ; не знаемъ, такъ ли было и въ подлинникѣ, или это просто опечатка. Во всякомъ случаѣ, приводя то же выраженіе въ письмѣ къ А. М. Бакунину отъ 1 августа 1838 г. (стр. 209), Бѣлинскій пишетъ вполнѣ правильно: epistola.

— Записка къ К. С. Аксакову, какъ и всѣ дальнѣйшія письма къ нему, печатается по тому тексту, который былъ данъ въ «Руси» 1881, № 8, гдѣ они были впервые напечатаны. А. Н. Пыпину, во время написанія имъ своего труда о Бѣлинскомъ, эти письма, повидимому, не были извѣстны. Въ примѣчаніи редакція «Руси» записку эту относитъ къ концу 1836 или къ началу 1837 года.

«Погодинъ затѣваетъ журналъ»—«Москвитянинъ», который, на самомъ дѣлѣ, началъ издаваться лишь съ 1841 года.

— «то, извѣстное тебѣ, журнальное дѣло»—вѣроятно, тутъ имѣется въ виду предполагаемое участіе въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» Краевскаго.

— Бѣлинскій началъ работать надъ грамматикой еще въ 1834 г., но серьезно занялся ею лишь въ концѣ 1836 г., когда, по закрытіи «Телескопа» изъ-за «Философическаго письма» Чаадаева, остался совершенно безъ средствъ и думалъ ея изданіемъ поправить свои обстоятельства.

— Письмо къ М. А. Бакунину отъ 3 января 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Печатается впервые. Это—первое изъ сохранившихся писемъ Бѣлинскаго къ М. А. Бакунину. Несомнѣнно, ему предшествовали другія, но они до насъ не дошли. Въ 1836 г. Бѣлинскій провелъ три мѣсяца, съ августа по ноябрь, въ имѣніи Бакунинныхъ. Во время его пребыванія тамъ, въ Москвѣ разыгралась «Телескопская» исторія; у Бѣлинскаго на квартирѣ въ Москвѣ былъ обыскъ, онъ былъ предупрежденъ о грозящей ему опасности кѣмъ-то изъ друзей, кажется, Кетчеромъ, и спѣшно выѣхалъ отъ Бакунинныхъ въ Москву, чтобы не подвергнуть и ихъ обыску, котораго можно было ожидать въ томъ случаѣ, если бы Бѣлинскій остался въ Прямухинѣ. Вѣроятно, все-таки, въ ожиданіи обыска, были приняты кое-какія мѣры, заключавшіяся между прочимъ и въ уничтоженіи писемъ и бумагъ Бѣлинскаго, чѣмъ и объясняется большой пробѣлъ въ перепискѣ. Самъ Бѣлинскій на заставѣ былъ задержанъ и обысканъ, свезенъ къ допросу,

но все обошлось для него благополучно. Какъ бы то ни было, но письмо отъ 3 января 1837 г. написано, когда уже между Бѣлинскимъ и Бакунинымъ установились весьма короткія отношенія. Въ позднѣйшихъ своихъ письмахъ Бѣлинскій относитъ свое знакомство съ Бакунинымъ къ 1836 г. Такъ думалъ и Пыпинъ. В. А. Гольцевъ въ 1891 г. относилъ это знакомство къ 1835 г., исходя, однако, изъ невѣрныхъ соображеній; недавно А. А. Корниловъ въ своей работѣ «Семейство Бакунинныхъ» («Рус. Мысль», 1912, кн. 9) также высказалъ мнѣніе, что знакомство произошло въ 1835 г., но опираясь уже на другія основанія, чѣмъ Гольцевъ. Мы еще коснемся этого вопроса.

Къ стр. 65. Письмо къ А. А. Краевскому отъ 14 января 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Краевскаго въ октябрѣ 1873 г. Извлеченія изъ этого письма впервые помѣщены Краевскимъ въ «Голосѣ», 1869, № 204; другія выдержки изъ него—въ книгѣ Пыпина; полностью, съ подлинника, напечатано въ Отчетѣ Имп. Публ. Библіотеки за 1889 г.

— «Энциклопедическій Словарь» и «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду» издавались Плюшаромъ. Съ 1837 г. они переходили къ новому редактору—А. А. Краевскому. Отъ него Бѣлинскій получилъ предложеніе участвовать въ его журналахъ. Сношенія начались при посредствѣ друга Станкевича и одного изъ членовъ его кружка, Яннуарія Михайловича Невѣрова, жившаго тогда въ Петербургѣ. Они не привели тогда ни къ какому результату, и сотрудничество не состоялось. Упоминаемыя въ этомъ и слѣдующемъ письмахъ къ Краевскому статьи Бѣлинскаго не были напечатаны, а статья о «Гамлетѣ» появилась лишь черезъ годъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ» (часть ея въ «Сѣв. Пчелѣ»).

Къ стр. 67. Письмо къ Н. А. Полевому отъ 25 янв. 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ Н. Х. Кетчера въ апр. 1874 г. Печатается впервые.

Вронченко—Михаилъ Павловичъ (1801—1855), кромѣ «Гамлета» перевелъ «Макбета», 1-ую часть «Фауста», «Манфреда», «Праотцевъ» Мицкевича, и др.

— На оборотѣ этого письма Бѣлинскаго имѣется слѣдующій отвѣтъ на него Н. А. Полевого:

«Прилагаю все желаемое при семъ, любезнѣйшій Виссаріонъ Григорьевичъ, только Вронченки нѣтъ—чортъ знаетъ, куда задѣвалась—у меня былъ экземпляръ, я точно помню, но, вѣрно, кому-нибудь отдалъ и забылъ, что со мной безпрерывно случается. Думаю, впрочемъ, что у Н. Н. Глазунова или гдѣ-нибудь достать можно. Пошлите къ почтеннѣйшему нашему (Ратькову). Онъ достанетъ тотчасъ. Скажите, что я прошу его съ моей стороны, и что это очень нужно. А лучше напишите записочку къ брату Ксенофонту объ этомъ, чтобы достать.

Сегодня былъ у меня англичанинъ Бенкръ. Онъ въ восторгѣ отъ Мочалова и говоритъ, что удивительно игра его походитъ на Кинову, котораго онъ видалъ въ Лондонѣ. Есть же сочувствіе между душами? Мочаловъ какъ угадалъ игру Кина?—Это любопытно.

Вашъ Н. П.»

— «братъ и племянникъ»—Никаноръ и П. П. Ивановъ, жившіе у Бѣлинскаго съ 1836 г. П. П. Ивановъ приходился Бѣлинскому двоюроднымъ племянникомъ.

Письмо къ А. А. Краевскому отъ 4 февр. 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Краевскаго въ окт. 1873 г. Извлеченія изъ этого письма впервые помѣщены Краевскимъ въ „Голосѣ», 1869, № 204; другія выдержки изъ него въ книгѣ Пыпина; полностью напечатано съ подлинника въ «Отчетѣ Имп. Публ. Библіотеки за 1889 г.

Къ стр. 68. «Ивельевъ» — псевдонимъ Ивана Ермолаевича Великопольскаго (1797 — 1868), писателя посредственнаго, но человѣка очень добраго и отзывчиваго, охотно помогавшаго каждому нуждающемуся. Одно время онъ располагалъ очень большими средствами и устраивалъ пышные вечера, о которыхъ говорила вся Москва. На этихъ вечерахъ бывалъ и Бѣлинскій. Послѣднему Великопольскій не разъ оказывалъ денежную помощь (см. напр., письмо къ И. И. Панаеву отъ 19 авг. 1839 г., стр. 332).

«г-дъ Наблюдателей"—т. е. писателей, принимавшихъ участіе въ «Наблюдателѣ».

— «ни худого»—въ подлинникѣ: «ни худова».

Къ стр. 70. «Не былъ бы на васъ въ претензіи» — въ подлинникѣ: «не былъ на васъ въ претензіи».

Къ стр. 71. Письмо къ К. С. Аксакову отъ 21 іюня 1837 г. печатается по тексту, данному въ «Руси», 1881, № 8. Редакція «Руси» сопроводила его, между прочимъ, слѣдующими примѣчаніями: 1) Николай Степановичъ–содержатель типографіи Степановъ. С. Т. Аксаковъ уговорилъ Степанова напечатать «Грамматику» Бѣлинскаго въ долгъ; 2) Александръ Павловичъ Ефремовъ (котораго постоянно лѣчилъ отъ лимфы и впослѣдствіи чуть не залѣчилъ докторъ изъ своихъ же, т. е. принадлежавшій къ кружку и считавшійся чуть не геніемъ, кажется, П. П. Ключниковъ, братъ поэта), въ тотъ же конвертъ вложилъ и свое письмо къ Конст. Серг., гдѣ съ своей стороны такъ шутитъ о Бѣлинскомъ: «Читаю мало, много сплю, толкую иногда съ Бѣлинскимъ, который, странное дѣло, со дня на день становится глупѣе, валяется, ничего не дѣлаетъ, и, когда я его упрекаю за глупость, онъ отвѣчаетъ мнѣ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Въ самомъ дѣлѣ воды на него дѣйствуютъ такъ странно, что у него въ головѣ «фай! даже посвистываетъ»... такая простота. Бываютъ же натуры, такъ дивно Господомъ Богомъ устроенныя: что другимъ въ прокъ, то имъ во вредъ. Онъ у меня въ ногахъ валялся, чтобъ я никому объ этомъ не писалъ въ Москву, но «истина прежде всего!»

Къ стр. 72. «Въ Воронежѣ»—по дорогѣ на Кавказъ.

Къ стр. 73. Имя Александра Анѳимовича Орлова (ум. 1840) хорошо извѣстно по эпиграммамъ Пушкина. Краткія свѣдѣнія и литература о немъ приводятся въ IV томѣ сочиненій Бѣлинскаго изд. подъ ред. С. А. Венгерова (с. 494—499).

— «недоумочныя гаерства» — Надеждинъ подписывалъ свои статьи псевдонимомъ Надоумко («Ex-Студентъ Нікодимъ Надоумко. Съ Патріаршихъ Прудовъ»).

Къ стр. 75. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 21 іюня 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина; полностью печатается впервые.

– «Дарью Титовну»—квартирную хозяйку Бѣлинскаго, у которой онъ вѣчно былъ въ долгу и съ которой окончательно разсчитался уже много времени спустя, послѣ переѣзда своего въ Петербургъ.

«о книгѣ не было объявлено»—здѣсь и дальше рѣчь идетъ о «Грамматикѣ» Бѣлинскаго.

Къ стр. 76. «Бѣдный Николай»—кажется, говорится о Вологжаниновѣ.

– «Авениръ Ивановичъ»—Красовскій.

— Письмо къ Никанору Бѣлинскому и Петру Иванову написано на томъ же листкѣ, что и письмо къ Д. П. Иванову.

Къ стр. 77. «Петръ...»—точки въ подлинникѣ—вѣроятно, намекъ на какое-нибудь прозвище.

«Лангеръ занялся тобою»—вѣроятно, по музыкѣ, какъ можно заключить изъ письма къ М. А. Бакунину отъ 15 ноября 1837 г. (стр. 156).

Письмо къ М. А. Бакунину отъ 28 іюня 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ этого письма приведены В. А. Гольцевымъ въ его статьѣ въ «Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности» за 1891 г. Полностью печатается впервые.

Упоминаемаго Бѣлинскимъ письма, которое онъ отправилъ 26 іюня, не сохранилось.

Къ стр. 79. Вся семья Полторацкихъ была очень близка съ Бакунинымн. Одинъ изъ Полторацкихъ, Александръ Марковичъ, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Дормедонта Прутикова, былъ женатъ на Татьянѣ Михайловнѣ Бакуниной, родной теткѣ М. А. Бакунина. И. И. Лажечниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказалъ о томъ, какъ по его рекомендаціи Бѣлинскій поступилъ къ Прутикову для отдѣлки его литературныхъ произведеній, переѣхалъ къ нему въ домъ, но не поладилъ съ нимъ и почти сбѣжалъ отъ него. Впослѣдствіи Бѣлинскій далъ самый рѣзкій отзывъ о сочиненіяхъ Прутикова.

— Варинька Имберъ—сирота, воспитанница Бакунинхъ.

Къ стр. 80. «безрукій Скобелевъ»—Иванъ Никитичъ (1778—1849), комендантъ Петропавловской крѣпости. Подъ псевдонимомъ «Русскій Инвалидъ» писалъ произведенія въ «патріотическомъ» духѣ, подвергавшіяся, благодаря ихъ безграмотности, предварительному исправленію со стороны друга Скобелева, Н. И. Греча. Въ періодъ своего «примиренія съ дѣйствительностью» Бѣлинскій давалъ объ этихъ произведеніяхъ благосклонные отзывы.

— «каждый изъ нихъ»—въ подлинникѣ «нихъ» пропущено.

— «Никола Тарагинскій»—Н. В. Станкевичъ; онъ ѣздилъ на Кавказъ въ 1836 году.

— «Николаю Христофоровичу»—Кетчеру.

Къ стр. 81. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 3 іюля 1837 печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Печатается впервые. На письмѣ имѣется помѣтка: «получено въ среду, 14 іюля».

— «Кизеветтера»—въ подлинникѣ здѣсь и всюду дальше: «Кезеветтера». Кизеветтеръ (1766—1819) — извѣстный популяризаторъ Кантовой философіи. Его переведенный на русскій языкъ учебникъ логики былъ одно время въ Россіи въ большомъ употребленіи, особенно въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Планъ о написаніи «Полнаго курса словесности для начинающихъ», какъ извѣстно, не былъ приведенъ Бѣлинскимъ въ исполненіе.

— «Николай» — вѣроятно, Н. И. Вологжаниновъ.

Къ стр. 82. «въ твоемъ ко мнѣ расположеніи»—въ подлинникѣ очевидная описка: «въ твоемъ къ тебѣ расположеніи».

— «юноши»—Никаноръ Бѣлинскій и Петръ Ивановъ.

— «Ваню узнать нельзя»—какъ можно заключить изъ слѣдующихъ писемъ, этотъ Ваня былъ взятъ Бѣлинскимъ и Ефремовымъ на Кавказъ, какъ для его собственнаго лѣченія, такъ и для прислуживанія имъ.

Къ стр. 82. Письмо къ Д. П. Иванову отъ 7 августа 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича. Обширныя извлеченія изъ этого письма помѣщены въ книгѣ Пыпина. Всѣми позднѣйшими изслѣдователями оно комментировалось по этимъ извлеченіямъ. Полностью печатается впервые. На письмѣ имѣется помѣтка: «Августа 19-го получено».

— «офицеру»—т.-е. бывшему офицеру: Бакунинъ вышелъ въ отставку изъ военной службы въ декабрѣ 1835 года.

— Прямухино—имѣніе Бакунинныхъ, въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. А. А Корниловъ въ своей работѣ «Семейство Бакунинныхъ», печатающейся въ «Русской Мысли» съ 1909 г. и основывающейся на разработкѣ Бакунинскаго архива, въ которомъ вся переписка сохранилась въ точныхъ копіяхъ съ подлинниковъ, всюду пишетъ: Премухино. Въ копіяхъ Пыпина вездѣ: Прямухино.

Къ стр. 85. «какого-нибудь Кольцова»—съ Кольцовымъ Бѣлинскій познакомился черезъ Станкевича еще въ 1831 г., а коротко сошелся и подружился съ нимъ въ 1836 г., во время второго пріѣзда Кольцова въ Москву. О характерѣ отношеній между Кольцовымъ и Бѣлинскимъ ясное представленіе даютъ многочисленныя письма Кольцова къ Бѣлинскому, изъ которыхъ нѣкоторыя извлеченія были сдѣланы въ книгѣ Пыпина Полностью они напечатаны въ полномъ собраніи сочиненій Кольцова въ изданіи Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ (Спб., 1911). Къ сожалѣнію, писемъ Бѣлинскаго къ Кольцову, тоже, вѣроятно, весьма многочисленныхъ, не сохранилось.

— «Пачелма»—вѣроятно, усадьба Ивановыхъ или какихъ-нибудь ихъ родственниковъ, въ Чембарскомъ уѣздѣ.

Къ стр. 87. «Николаю Ивановичу»—вѣроятно, уже не разъ упоминавшемуся Вологжанинову.

— «по пріѣздѣ изъ Прямухина»—въ ноябрѣ 1836 года.

— «Алешу Владыкина»—брата того Ивана Николаевича Владыкина, съ которымъ Бѣлинскій въ 1829 г. пріѣхалъ въ Москву.

— «его мать»—Лукерью Савельевну Владыкину, родственницу Бѣлинскаго.

Къ стр. 88. «Катерины» сестры Д. П Иванова, Екатерины Петровны.

Къ стр. 90. «Но, не имѣя истины въ созерцаніи»—въ подлинникѣ «не» пропущено.

Къ стр. 94. «Lamennais»—въ подлинникѣ: «La Menais».

— «Меттерниха»—въ подлинникѣ: «Миттернихта».

Къ стр. 96. «ручается за наше»—въ подлинникѣ: «ручается на наше».

Къ стр. 99. «вѣры въ судьбу»—въ подлинникѣ: «вѣры въ судьбы».

Къ стр. 100. Какъ можно заключить изъ дальнѣйшихъ писемъ Бѣлинскаго, онъ въ дѣйствительности не былъ боленъ тою болѣзнью, отъ которой поѣхалъ лѣчиться на Кавказъ.

— «Николаю и Ивану Ивановичу»—вѣроятно, Вологжаниновымъ.

Къ стр. 101. Письмо къ К. С. Аксакову отъ 14 августа 1837 г. печатается по тому тексту, который былъ данъ въ «Руси», 1881, № 8.

Къ стр. 104. «Каковъ Николай Ивановичъ»—Надеждинъ.

— «Сергѣю Тимоѳеевичу»—Аксакову.

Къ стр. 105. Письмо къ М. А. Бакунину отъ 16 авг. 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ этого письма впервые помѣщены у Пыпина; одну изъ приводимыхъ Пыпинымъ выдержекъ далъ въ болѣе полномъ видѣ В. А. Гольцевъ (Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности, 1891). Наиболѣе существенныя дополненія были сдѣланы по тексту собранія Пыпина Е. А. Ляцкимъ при 2-мъ изданіи (1908) книги Пыпина (стр. 604—618; наконецъ, еще нѣкоторыя дополненія у А. А. Корнилова въ его работѣ «Семейство Бакунинныхъ» («Р. М.», 1912, кн. 9). Для полнаго пониманія отношеній между Бѣлинскимъ и Бакунинными эта послѣдняя работа чрезвычайно важна, такъ какъ въ ней приводятся выдержки изъ неизвѣстныхъ до того писемъ Бакунина къ Бѣлинскому и писемъ братьевъ и сестеръ Бакунинныхъ другъ къ другу.

Къ стр. 106. «Посмотри на своихъ сестеръ»—здѣсь и дальше имѣются въ виду четыре старшія изъ сестеръ Бакунинныхъ: Любовь (род. въ 1811), Варвара (р. 1812), бывшая уже замужемъ за Н. Н. Дьяковымъ, Татьяна (р. 1815) и Александра (р. 1816). Полное представленіе о нихъ даетъ указанная работа Корнилова. Въ книгѣ Р. В. Иванова-Разумника («Великія Исканія», 1911) нѣсколько разъ упоминается Лидія Бакунина (стр. 41, 63), но это явная ошибка или недосмотръ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ вмѣсто Лидіи должно разумѣть Любовь.

Къ стр. 109. «отъ Ивана Петровича»—Ключникова (1811—1895), довольно извѣстнаго въ свое время поэта, подписывавшаго свои стихотворенія буквой—Ѳ—. До сихъ поръ не установилось единообразное написаніе его фамиліи: чаще пишутъ Клюшниковъ, хотя встрѣчается и Ключниковъ. Въ собраніи Пыпина вездѣ: Ключниковъ.

Къ стр. 109. «Паденіе» Станкевича заключалось въ его отношеніяхъ къ Л. А. Бакуниной: они полюбили другъ друга, и онъ сталъ ея женихомъ, но вскорѣ сознался, что не питаетъ къ ней истиннаго и глубокаго чувства, и, не рѣшаясь ни на бракъ, ни на отказъ отъ него, подъ предлогомъ болѣзни уѣхалъ за границу, оставивъ вопросъ о свадьбѣ открытымъ. Объ истинномъ характерѣ его чувства къ Л. А. раньше всѣхъ узнали Бѣлинскій и М. А. Бакунинъ, а потомъ это стало извѣстно и всѣмъ членамъ семьи Бакунинныхъ, кромѣ самой Л. А. (см. «Семейство

Бакуниныхъ»). Тяжелое положеніе это разрѣшилось лишь смертью Л. А. Бакуниной въ 1838 году.

Къ стр. 110. «къ извѣстнымъ лицамъ»—т.-е. къ сестрамъ М. А. Бакунина, отъ которыхъ онъ скрывалъ истину объ отношеніи Н. В. Станкевича къ Л. А. Бакуниной (см. «Семейство Бакуниныхъ», «Р. М.», 1912, кн. 10).

— «она узнаетъ»—т.-е. Л. А. Бакунина.

Къ стр. 111. Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ (1796—1866), племянникъ извѣстнаго баснописца И. И. Дмитріева, былъ извѣстенъ не столько своими посредственными стихотвореніями, сколько оживленнымъ участіемъ въ литературной полемикѣ, вызванной выступленіемъ Пушкина; и впослѣдствіи онъ всегда былъ противникомъ всего новаго и свѣжаго въ литературѣ.

— Павловъ—Николай Филипповичъ (1805—1864); авторъ нѣсколькихъ имѣвшихъ очень крупный успѣхъ повѣстей. Въ 1846 г. сыгралъ значительную роль еще своими четырьмя замѣчательными статьями объ «Избранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» Гоголя.

— «меня и Николая!!!»—т.-е. Н. В. Станкевича.

Къ стр. 112. «избавиться отъ нея»—въ подлинникѣ: «избавиться ее».

— «въ ругательствахъ»—въ подлинникѣ слово «въ» пропущено.

Къ стр. 114. «я оканчивалъ письмо къ Станкевичу»—это письмо не сохранилось.

Къ стр. 116. «непріятныя для тебя вещи»—въ подлинникѣ слово «тебя» пропущено.

— «ты взялся для графа переводить книгу»—въ февралѣ 1836 г. попечитель Московскаго Учебнаго Округа гр. С. Г. Строгановъ, узнавъ отъ служившаго при немъ родственника Бакунинныхъ В. К. Ржевскаго о выдающихся способностяхъ Бакунина, предложилъ ему перевести съ нѣмецкаго учебникъ всеобщей исторіи Шмита.

Къ стр. 117. «вслѣдствіе самой святой потребности»—поѣздка Мишеля въ Прямухино была вызвана необходимостью «борьбы за освобожденіе Вареньки»; отношенія между Варварой Александровной и ея мужемъ, Н. Н. Дьяковымъ, къ этому времени окончательно разстроились, и все младшее поколѣніе Бакунинныхъ стремилось довести до полнаго разрыва, вопреки волѣ родителей.

— «у Печкина» — въ кондитерской Печкина собирались писатели, актеры и журналисты.

Къ стр. 118. «Лоттерею»—въ подлинникѣ: «лоторею».

— «объ извѣстныхъ ему и мнѣ 250 рубляхъ»—въ подлинникѣ: «рублей». Рѣчь идетъ о деньгахъ, занятыхъ еще въ 1835 г. (см. стр. 63).

Къ стр. 119. «экипировать»—въ подлинникѣ: «окопировать».

Къ стр. 120. «чтобы докончить»—въ подлинникѣ: «что докончить».

Къ стр. 123. «когда слышалъ извѣстное имъ»—т.-е. когда намекали на чувство Бѣлинскаго къ А. А. Бакуниной, ставшее очевиднымъ для всѣхъ окружающихъ.

Къ стр. 124. «отъ меня требуютъ невозможнаго» — рѣчь идетъ объ условіяхъ сотрудничества въ петербургскихъ изданіяхъ.

Къ стр. 125. «мое первое большое письмо»—оно не сохранилось.

— «Возвращеніе съ Кавказа»—въ подлинникѣ: «изъ Кавказа».

— Надежда Бѣлинскаго на грамматику не оправдалась; несмотря на благопріятные въ общемъ отзывы о ней, она расходилась очень слабо.

Къ стр. 126. «я не открылъ тебѣ новости»—здѣсь и далѣе рѣчь идетъ о чувствѣ Бѣлинскаго къ А. А. Бакуниной.

Къ стр. 127. «все открылъ всѣмъ, кромѣ ея» — М. А. Бакунинъ сообщилъ о томъ, что Станкевичъ не питаетъ серьезнаго чувства къ Л. А., всѣмъ своимъ сестрамъ, кромѣ самой Л. А.

— «Василіемъ Петровичемъ»—Боткинымъ.

Къ стр. 128. «по дѣламъ его торговли»—отецъ В. П. Боткина былъ основателемъ извѣстной чайной фирмы.

«Александру Михайловичу и Варварѣ Алексѣевнѣ»—родителямъ М. А. Бакунина.

Къ стр. 129. «Объ мои статьи»—въ Прямухинѣ Бѣлинскій написалъ двѣ статьи. Одна изъ нихъ, рецензія о книгѣ Дроздова «Опытъ системы нравственной философіи» въ очень сокращенномъ видѣ была напечатана въ «Телескопѣ», 1835, т. 30, № 24 («Телескопъ» очень запаздывалъ, и указанный № вышелъ въ свѣтъ въ октябрѣ 1836 г.); вторая статья такъ и не появилась въ печати, вслѣдствіе закрытія «Телескопа». Много интересныхъ данныхъ объ обстановкѣ, въ которой писались эти статьи, въ «Семействѣ Бакунинныхъ».

«надѣюсь увидѣться съ Николаемъ» — въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи у Станкевича было имѣніе «Удеревка».

Къ стр. 130. Письмо къ М. А. Бакунину отъ 21 сентября 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ этого письма впервые приведены въ книгѣ Пыпина; нѣкоторыя дополненія въ статьѣ В. А. Гольцева (Сборн. Общ. Люб. Росс. Слов., 1891). Полностью печатается впервые.

«Иваномъ Петровичемъ»—Ключниковымъ.

— «Васильемъ»—Василіемъ Петровичемъ Боткинымъ.

«Христофорычемъ»—Николаемъ Христофоровичемъ Кетчеромъ.

«во многихъ отношеніяхъ онъ настоящій ребенокъ»—въ подлинникѣ «онъ» пропущено.

Къ стр. 131. «въ своихъ созданіяхъ»—т. е. музыкальныхъ произведеніяхъ.

«Ксенофонтъ Полевой думаетъ купить у Андросова право на изданіе «Наблюдателя»—въ этомъ ему было отказано.

«отъ согласія Уварова»—Министра Народнаго Просвѣщенія.

— «Николай Полевой издаетъ «Пчелу», и я уже, разумѣется, приглашенъ къ участію»—въ октябрѣ 1837 г. Н. А. Полевой уѣхалъ въ Петербургъ; думалъ о переѣздѣ туда и Бѣлинскій, чтобы сотрудничать въ его журналахъ, но въ дѣятельности Полевого начиналъ совершаться тотъ поворотъ, который вскорѣ совершенно исключилъ возможность сотрудничества Бѣлинскаго съ нимъ. Полевой чувствовалъ это уже раньше и отвѣчалъ на предложенія Бѣлинскаго неопредѣленно и уклончиво. Много данныхъ для характеристики отношеній между Полевымъ и Бѣлинскимъ въ это время содержится въ письмахъ Кольцова къ Бѣлинскому.

Къ стр. 132. «Василія или Ивана Петровичей» — Боткина или Ключникова.

«къ К. Беру» — къ Константину Андреевичу Бееру, младшему брату Н. А. и А. А. Бееръ, объ отношеніяхъ которыхъ къ семьѣ Бакунинныхъ и Н. В. Станкевичу много интересныхъ данныхъ приводится въ «Семействѣ Бакунинныхъ» А. А. Корнилова.

Письмо къ М. А. Бакунину отъ 15 октября 1837 года печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Въ подлинникѣ оно помѣчено 1835 годомъ; но содержаніе письма указываетъ, что эта помѣтка явно ошибочна, и письмо должно быть отнесено къ 1837 году: въ немъ Бѣлинскій говоритъ о своей поѣздкѣ на Кавказъ, которая состоялась лѣтомъ 1837 года. Между тѣмъ, эта ошибка, вѣрнѣе, простая описка, ввела въ заблужденіе Гольцева, который, на основаніи ея, приходилъ къ заключенію, что знакомство Бѣлинскаго съ Бакунинымъ началось въ 1835 году. Пыпинъ, которому настоящее письмо тоже было извѣстно, относилъ это знакомство къ 1836 г., очевидно, считая помѣтку ошибочною. Исходя изъ другихъ соображеній, чѣмъ Гольцевъ, А. А. Корниловъ тоже думаетъ, что Бѣлинскій и Бакунинъ познакомились въ 1835 г., но и его доводъ въ пользу этого мало убѣдителенъ и во всякомъ случаѣ недостаточенъ: онъ указываетъ, что еще лѣтомъ 1835 г. Ефремовъ въ письмахъ къ Бакунину между прочими поклонами общихъ пріятелей передаетъ и поклонъ отъ Бѣлинскаго. Но Бѣлинскій могъ передавать Бакунину поклоны, еще не будучи лично съ нимъ знакомымъ, а питая къ нему расположеніе, благодаря толкамъ о Бакунинѣ въ кружкѣ Станкевича. Ниже будутъ напечатаны письма Бѣлинскаго къ Кронебергу, не дѣловыя или офиціальныя, а вполнѣ дружескія, написанныя, однако, до личнаго знакомства. Намъ кажется, нѣтъ достаточныхъ основаній опровергать вполнѣ опредѣленное заявленіе самого Бѣлинскаго въ письмѣ къ М. А. Бакунину отъ 12—24 октября 1838 г.: «Я познакомился съ тобою въ 36 году» (стр. 284). Извлеченія изъ этого письма по тексту собранія Пыпина приведены Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ въ его послѣдней работѣ о Бѣлинскомъ («Великія Исканія», СПБ., 1911).

«не сдѣлалось ли съ нимъ»—въ подлинникѣ «ли» пропущено.

Къ стр. 133. «В. А. Дьяковой»—замужней сестрѣ М. А. Бакунина.

Письмо къ М. А. Бакунину отъ 1 ноября 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ него впервые приведены у Пыпина. Новыя выдержки у Гольцева (Сб. Общ. Люб. Росс. Слов., 1891) и у А. А. Корнилова («Р. М.» 1912, кн. 9).

Къ стр. 134. «Старикъ»—отецъ М. А. Бакунина, Александръ Михайловичъ Бакунинъ.

«главное и важнѣйшее событіе въ его жизни»—подъ этимъ, вѣроятно, Бѣлинскій разумѣетъ пребываніе А. М. Бакунина за границей во время революціи, въ разгаръ террора, что̀ вызвало рѣзкій переворотъ въ міросозерцаніи А. М. Бакунина и превратило его въ убѣжденнаго консерватора.

— «мою вторую статью» — ненапечатанную и до сихъ поръ остающуюся неизвѣстною.

Къ стр. 136. «но не ненавидитъ»—въ подлинникѣ «не» пропущено.

«если это состоится»—какъ извѣстно, это не состоялось.

Кругъ (1770—1842)—популяризаторъ критической философіи; занималъ каѳедру философіи въ кенигсбергскомъ университетѣ, потомъ въ лейпцигскомъ.

Къ стр. 137. «Теперь я началъ «переписку двухъ друзей»—литературные замыслы, о которыхъ говоритъ здѣсь Бѣлинскій, не были приведены въ исполненіе. «Переписка двухъ друзей», повидимому, не была доведена до конца и не появилась въ печати.

«прекраснодушіе»—Пыпинъ въ своей книгѣ даетъ такое объясненіе этому слову: терминъ «прекраснодушіе», очень употребительный тогда между друзьями, означалъ въ буквальномъ переводѣ съ нѣмецкаго—Schönseeligkeit, особую ступень развитія, гдѣ пониманіе высшаго содержанія оставалось неполнымъ и не входило въ самую жизнь, вслѣдствіе недостатка воли или сильнаго чувства истиннаго и прекраснаго».

Къ стр. 139. «Боткинъ переводитъ Марбаха»—въ подлинникѣ: «Марбарха». Марбахъ (1810—1890)—нѣмецкій ученый и писатель, авторъ многихъ стихотвореній и драматическихъ произведеній. Писалъ также подъ псевдонимомъ Silesius Minor.

Къ стр. 141. «самому солнцу»—въ подлинникѣ: «на самое солнце»; написавъ «подобно», Бѣлинскій дальше строитъ фразу такъ, какъ будто написалъ «похоже».

«то не дѣйствительности»—въ подлинникѣ «не» пропущено.

Къ стр. 143. «въ которомъ ты звалъ меня въ Прямухино»—изъ этого письма приводятся выдержки въ работѣ А. А. Корнилова «Семейство Бакунинныхъ» («Рус. Мысль», 1912, X).

Къ стр. 144. Сатинъ — Николай Михайловичъ (1814—1873), членъ кружка Герцена. Въ 1835 г. изъ за герценовской исторіи былъ высланъ въ Симбирскую губернію, а въ 1837 г. переведенъ на Кавказъ, гдѣ и сошелся съ Бѣлинскимъ. Написалъ много оригинальныхъ стихотвореній, но преимущественно извѣстенъ своими переводами изъ Байрона и Шекспира.

Къ стр. 145. «Нельзя ли этихъ денегъ»—въ подлинникѣ «ли» пропущено.

Къ стр. 146. «Понятно ли для тебя это?» — въ подлинникѣ «тебя» пропущено.

* Точками замѣнено слово, неудобное для печати.

Къ стр. 147. «Бееровыми» — Натальею Андреевною и Александрою Андреевною Бееръ. Вездѣ въ перепискѣ вмѣсто Бееръ — «Бееровы», склоняемое во всѣхъ падежахъ. Объ ихъ отношеніяхъ къ семьѣ Бакунинихъ и Н. В. Станкевичу подробно у А. А. Корнилова («Семейство Бакунинихъ», «Рус. Мысль», 1912, V).

Къ стр. 149. «дѣтскій поступокъ тверскихъ юношей»—младшіе братья М. А. Бакунина, Илья, Павелъ, Александръ и Алексѣй, учившіеся въ тверской гимназіи, рѣшили самовольно бросить ее и уѣхать домой; въ самый послѣдній моментъ затѣя ихъ кончилась неудачей, вызвавъ, однако, цѣлый переполохъ въ семьѣ. Подробно объ этомъ эпизодѣ разсказано у А. А. Корнилова («Семейство Бакунинныхъ», «Рус. Мысль», 1912, IX).

— «графъ»—С. Г. Строгановъ, поручившій Бакунину переводъ учебника Шмита.

Къ стр. 151. «Санички Станкевича»—А. В. Станкевичъ родился въ 1821 году и, стало быть, былъ моложе Бѣлинскаго на 10 лѣтъ, Н. В. Станкевича на 8 лѣтъ и М. А. Бакунина на 7 лѣтъ.

Къ стр. 152. «его благородіе, ангелъ мой» — здѣсь имѣется въ виду Илья Александровичъ Бакунинъ (род. въ 1819 г.), только что произведенный тогда въ корнеты.

— «и у него хотя горячая кровь»—въ подлинникѣ «у» пропущено.

Къ стр. 153. «Съ Егоромъ Федоровичемъ»—не разъ въ письмахъ Бѣлинскій называетъ такъ Гегеля (Georg Friedrich).

— «Александръ Христофоровичъ»—Кетчеръ, братъ Николая Христофоровича.

Къ стр. 154. Письмо къ М. А. Бакунину отъ 15 ноября 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— Упоминаемаго Бѣлинскимъ письма къ Н. А. Полевому не сохранилось.

— «Ксенофонту Алексѣевичу отказали»—въ правѣ издавать журналъ (см. письмо отъ 21 сент. 1837 г., стр. 131).

— «Конечно, и это дѣло можетъ не состояться»»—оно, дѣйствительно, не состоялось.

Къ стр. 155. «Я познакомился съ Левашовыми»—Левашовы были родственниками Бакунинныхъ.

— «нашъ нелѣпый»—такъ звали въ кружкѣ Н. Х. Кетчера.

Къ стр. 157. Письмо къ М. А. Бакунину, помѣченное ноябремъ 1837 г., но безъ указанія на число, печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ него приведены впервые Пыпинымъ, новыя выдержки у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.», 1911). Письмо это написано Бѣлинскимъ послѣ полученія письма отъ Бакунина съ интимными признаніями и, значитъ, послѣ 15 ноября, когда Бѣлинскій писалъ къ Бакунину, еще не получивъ этого письма; съ другой стороны, въ письмѣ Бѣлинскаго отъ 21 ноября имѣется ссылка на настоящее письмо. Итакъ, письмо это написано между 15 и 21 ноября 1837 г.

— Точками въ этомъ письмѣ замѣнены мѣста, неудобныя для печати.

Къ стр. 158. «второе обстоятельство»—оно заключалось въ томъ, что Бакунинъ ревновалъ къ Бѣлинскому свою сестру, Татьяну Александровну, къ которой питалъ особое, не только братское чувство. Ревность эта на самомъ дѣлѣ не имѣла никакихъ основаній, и у Татьяны Александровны никакого чувства къ Бѣлинскому не было; самъ Бѣлинскій былъ увлеченъ Александрой Александровной. (См. «Семейство Бакунинныхъ», «Рус. Мысль», 1913, IV).

— «одна изъ нихъ»—именно Александра Александровна.

— «Н. Станкевичу» — въ подлинникѣ: «И. Станкевичу»; вѣроятно, это простая описка, такъ какъ врядъ ли съ И. Станкевичемъ, бывшимъ на много моложе, Бѣлинскій сталъ бы разсуждать о подобныхъ вещахъ.

Къ стр. 159. «Когда у васъ было освященіе» — прямухинской церкви, въ октябрѣ 1836 г.

— «Илья»—И. А. Бакунинъ.

— «вторую мою статью»—ту, которая осталась ненапечатанною.

— «итти туда» — т.-е. спускаться въ нижній этажъ прямухинскаго дома для встрѣчи съ сестрами Бакуниными. Бѣлинскій и прочіе гости помѣщались наверху.

Къ стр. 160. «По пріѣздѣ»—въ Москву, въ ноябрѣ 1836 г.

— «Я назвалъ тебя Александромъ Ивановичемъ» — это по ошибкѣ: такимъ названіемъ Бѣлинскій хотѣлъ упрекнуть Бакунина въ хлестаковствѣ, но Хлестакова звали Иваномъ Александровичемъ, какъ черезъ нѣсколько строкъ дальше правильно пишетъ и самъ Бѣлинскій.

— «осудилъ тебя за нихъ»—въ подлинникѣ: «за него».

— Къ стр. 161. «Вульфовъ» — въ 1844 году А. А. Бакунина вышла замужъ за П. Г. Вульфа.

— «кн. Козловскому» — въ подлинникѣ: «К—у». Впослѣдствіи Бѣлинскій былъ очень друженъ съ кн. К. П. Козловскимъ. Во время учительства Бѣлинскаго въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ, куда онъ попалъ черезъ С. Т. Аксакова, кн. Козловскій былъ инспекторомъ въ этомъ Институтѣ; бывая въ Петербургѣ, Козловскій нерѣдко останавливался на квартирѣ Бѣлинскаго. Во второмъ томѣ собранія сочиненій Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, помѣщенъ нарисованный кн. Козловскимъ акварельными красками портретъ Бѣлинскаго.

«съ Лангеромъ я впередъ зналъ, что должно было случиться» — что именно, становится ясно изъ письма къ М. А. Бакунину отъ 10 сентября 1838 г. (стр. 236—237).

Къ стр. 162. «Помню я, что ты не присутствовалъ»—въ подлинникѣ «ты» пропущено.

Къ стр. 163. «къ великому средство» — въ подлинникѣ описка: «въ великому средство».

«въ ней»—въ Татьянѣ Александровнѣ.

— «осуществленія» — въ подлинникѣ здѣсь и вездѣ дальше: «осущественія».

думали, что для каждой души»—въ подлинникѣ «для» пропущено.

Къ стр. 165. «третьяго дня»—въ подлинникѣ: «третьяго дни».

Къ стр. 166. «признакъ внутренней пустоты, отсутствія положительнаго достоинства»—въ подлинникѣ слова «отсутствія» нѣтъ, но пропускъ этого или какого-нибудь однороднаго слова очевиденъ.

— «о такомъ предметѣ»—т.-е. о своемъ чувствѣ къ А. А. Бакуниной. Эпизоду увлеченія Бѣлинскаго А. А. Бакуниной посвящена значительная часть статьи П. Н. Милюкова «Любовь у идеалистовъ 30-хъ годовъ» («Рус. Вѣд.» 1895, №№ 205, 312, 317 и 323; послѣ вошла въ его книгу: «Изъ исторіи русской интеллигенціи» Спб. 1902); матеріаломъ для этой статьи послужили письма Бѣлинскаго къ М. А. Бакунину, изъ которыхъ приведено много выдержекъ и отдѣльныхъ выраженій.

Къ стр. 170. «Съ И. И. Лажечниковымъ»—у Лажечникова было въ Тверской губерніи, на берегу Волги, неподалеку отъ Прямухина, имѣніе Коно-

плино. Съ И. И. Лажечниковымъ Бѣлинскій былъ довольно близокъ и состоялъ съ нимъ въ дружеской перепискѣ; въ своей книгѣ Пыпинъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Лажечникова къ Бѣлинскому. Писемъ Бѣлинскаго къ Лажечникову не сохранилось

Къ стр. 171. Письмо къ М. А. Бакунину отъ 21 ноября 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ него впервые приведены у Пыпина; новую выдержку даетъ Р. В. Ивановъ-Разумникъ («Вел. Иск.», стр. 108); существенныя добавленія въ работѣ А. А. Корнилова. Полностью печатается впервые.

Къ стр. 177. Точками замѣнено мѣсто, касающееся тѣхъ же интимныхъ признаній, о которыхъ шла рѣчь и въ предыдущемъ письмѣ.

— «только поплевать на него, да и бросить»—одна изъ часто встрѣчающихся въ письмахъ Бѣлинскаго Гоголевскихъ фразъ.

Къ стр. 178. «Въ Москвѣ затѣвается новый журналъ «Москвитянинъ»—на самомъ дѣлѣ «Москвитянинъ» началъ выходить лишь въ 1841 г.

«К. Бееръ» — братъ Н. А. и А. А. Бееръ (о семьѣ Бееръ см. «Семейство Бакунинныхъ», «Рус. Мысль», 1912, V).

Къ стр. 179. «если бы ты остановился у меня»—какъ видно изъ позднѣйшихъ писемъ Бѣлинскаго, Бакунинъ, дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Москву остановился у Бѣлинскаго.

— Записка къ сестрамъ Бакунинымъ отъ 9 декабря 1837 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получена Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Печатается впервые.

— Записка къ сестрамъ Бакунинымъ, относящаяся, вѣроятно, къ концу 1837 г., печатается по тексту собранія Пыпина. Получена Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Печатается впервые. Это приписка Бѣлинскаго къ написанному на французскомъ языкѣ письму М. А. Бакунина къ своимъ сестрамъ. Въ самомъ концѣ этого письма Бакунинъ пишетъ по-русски: «Виссаріонъ Григорьевичъ въ большой обидѣ. Онъ говоритъ, что вы поступаете нехорошо, пиша по-нѣмецки, несмотря на то, что знаете, что онъ ненавидитъ нѣмецкій языкъ, котораго никогда не будетъ знать по недостатку любви и по глупости.—Неправда ли, что онъ очень наивенъ?» Затѣмъ, на томъ же листкѣ, идетъ самая приписка Бѣлинскаго, а далѣе опять продолжаетъ Бакунинъ: «Виссаріонъ Григорьевичъ жалуется, что общественные законы помѣшали ему сострить надъ вами такъ же остро, какъ надо мною—а къ деликатной остротѣ онъ неспособенъ».

Къ стр. 180. Письмо къ М. А. Бакунину, относящееся, вѣроятно, къ концу 1837 г. или къ началу 1838 г., печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Печатается впервые

— «Князь»—К. П. Козловскій.

— Письмо къ М. А. Бакунину отъ 1 января 1838 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Печатается впервые.

— «N»—Н. Н. Дьяковъ, мужъ Варвары Александровны.

— «Ивановское» — имѣніе Н. Н. Дьякова, въ Тверскомъ уѣздѣ, недалеко отъ Твери. Въ подлинникѣ сокращено: «Ив.»

— Письмо это написано Бакунину въ Прямухино, куда онъ только что уѣхалъ. Дѣло въ томъ, что отношенія между Варварой Александров-

ной и ея мужемъ къ этому времени весьма испортились, и это раскололо семью Бакунинныхъ на два враждебныхъ лагеря: младшее поколѣніе стремилось довести дѣло до полнаго и открытаго разрыва, родители же всѣми мѣрами противились этому. Сама Варвара Александровна по временамъ обнаруживала слабость и колебанія, и поѣздка М. А. Бакунина была вызвана именно желаніемъ поддержать въ ней твердость и рѣшительность. Какъ относился ко всему этому Бѣлинскій, совершенно ясно изъ словъ «ты очень кстати поѣхалъ» и «Да благословитъ тебя Богъ на доброе и святое дѣло». Эта «борьба за освобожденіе Вареньки», какъ она называлась въ перепискѣ Бакунинныхъ, разрѣшилась отъѣздомъ В. А. Дьяковой за границу, въ іюнѣ 1838 года.

Къ стр. 181. Сюда по времени относится письмо Бѣлинскаго къ А. А. Бееръ, отъ 13 января 1838 г., напечатанное А. А. Корниловымъ въ его работѣ «Семейство Бакунинныхъ» («Рус. Мысль», 1912, XII). Мы приводимъ его въ III т., въ дополненіяхъ.

Письмо къ М. А. Бакунину отъ 14 января 1838 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Печатается впервые. Окончанія письма не сохранилось.

— «Отъ Костиньки»—К. А. Бееръ.

«Александры Андреевны»—Бееръ.

Къ стр. 182. Письмо къ В. П. Боткину отъ 18 января 1838 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (75—76). Впервые цитировалось по тексту Пыпина Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ («Вел. Иск.», стр. 165). Это самое раннее изъ уцѣлѣвшихъ писемъ къ Боткину; вѣроятно, были и болѣе раннія письма, но они не сохранились. Изъ отвѣтныхъ писемъ Боткина къ Бѣлинскому, которыхъ, конечно, должно быть очень много, до сихъ поръ въ печати извѣстна лишь очень незначительная часть.

«Казицино» — имѣніе тетки М. А. Бакунина, неподалеку отъ Прямухина.

Къ стр. 183. «о гризеткѣ» — «исторія съ гризеткой» неоднократно упоминается въ письмахъ Бѣлинскаго; она имѣла мѣсто въ 1836 г., до его увлеченія А. А. Бакуниной. О тяжелой развязкѣ именно этой исторіи говорится въ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ родственницы его г-жи Щ. (вѣроятно, Щетининой), записанныхъ съ ея словъ Погодинымъ («Русскій», 1868, № 15). Что г-жа Щ. дѣйствительно присутствовала при окончаніи этой, доставившей не мало мукъ Бѣлинскому, «исторіи», подтверждается письмомъ Бѣлинскаго къ В. П. Боткину, написаннымъ лѣтомъ 1839 г. (стр. 330).

— «Мишка» Бакунинъ.

Письмо къ И. И. Панаеву отъ 26 апрѣля 1838 г. впервые напечатано въ «Воспоминаніи о Бѣлинскомъ» И. Панаева въ «Современникѣ» 1860, кн. 1. Письмо это является отвѣтомъ на письмо Панаева къ Бѣлинскому отъ 29 марта 1838 г., изъ котораго нѣсколько строкъ приводитъ въ своей книгѣ Пыпинъ. Сношенія и переписка Бѣлинскаго съ Панаевымъ завязались черезъ посредство Кольцова, пріѣзжавшаго тогда въ Петербургъ; личное же знакомство между ними произошло лишь въ апрѣлѣ 1839 г.

Къ стр. 184. «быть мнѣ полезнымъ по журналу»—рѣчь идетъ о «Наблюдателѣ». Журналъ «Московскій Наблюдатель» съ 1835 г. издавался подъ редакціей В. П. Андросова. Въ 1837 г. право на изданіе этого журнала хотѣлъ пріобрѣсти у Андросова К. А. Полевой, но не добился на то разрѣшенія; весной 1838 г. изданіе «Наблюдателя» было разрѣшено имѣвшему въ Москвѣ собственную типографію Н. С. Степанову, который и пригласилъ Бѣлинскаго въ качествѣ негласнаго редактора своего журнала.

Къ стр. 185. Письмо къ М. А. Бакунину безъ года и даты печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Печатается впервые. Письмо это, какъ видно изъ его содержанія, написано въ 1838 г., въ концѣ первой половины его, вѣроятно, въ маѣ; въ немъ говорится объ ожидаемомъ вскорѣ пріѣздѣ въ Москву сестеръ Бакунинныхъ, а пріѣздъ этотъ состоялся въ серединѣ іюня.

— Того письма Бѣлинскаго, изъ котораго онъ выписываетъ нѣсколько строкъ, не сохранилось.

Къ стр. 186. «les apparences»—въ подлинникѣ: «les apperences».

— «мнѣ необходимо объективное наполненіе» — Пыпинъ въ своей книгѣ такъ объясняетъ этотъ терминъ: «этимъ терминомъ обозначалось, кажется, просто занятіе какимъ-либо фактическимъ изученіемъ—въ противоположность и въ дополненіе отвлеченной рефлексіи». М. А. Бакунинъ враждебно относился къ редакторству Бѣлинскаго, считая, что онъ не долженъ былъ браться за него по недостатку «объективнаго наполненія». По той же причинѣ онъ отрицательно относился и къ учительству Бѣлинскаго въ Межевомъ Институтѣ.

— «послѣ отъѣзда Варвары Александровны» — за границу, въ іюнѣ 1838 г.

Къ стр. 187. «остановятся не у Полторацкихъ»—рѣчь идетъ о домѣ А. М. Полторацкаго, женатаго на теткѣ М. А. Бакунина, который писалъ подъ псевдонимомъ Дормедонта Прутикова, и съ которымъ у Бѣлинскаго произошло столкновеніе еще въ 1834 г., о чемъ разсказалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» И. И. Лажечниковъ.

Къ стр. 188. Отрывокъ изъ письма къ брату Константину, относящійся къ іюню 1838 г., печатается по тексту, данному «Русской Стариной» (1876, I).

— «я чуждъ всѣхъ ссоръ и неудовольствій» — эти неудовольствія произошли еще въ 1835 г., когда, послѣ смерти отца, Бѣлинскій хотѣлъ взять къ себѣ въ Москву брата Никанора, а Константинъ задерживалъ его и не отпускалъ отъ себя почти цѣлый годъ.

— Письмо къ М. А. Бакунину отъ 20 іюня печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ этого письма приведены были Пыпинымъ и Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ. Полностью у А. А. Корнилова—«Семейство Бакунинныхъ» («Рус. Мысль», 1913, IV). Въ подлинникѣ не обозначенъ годъ, но письмо помѣчено: «20 іюня, понедѣльникъ», чѣмъ опредѣляется и годъ.

Къ стр. 189. «съ Егоромъ»—крѣпостнымъ Бакунинныхъ.

— «видъ Егора» — появленіе Егора означало пріѣздъ Бакунинныхъ, что и объясняетъ волненіе Бѣлинскаго.

Къ стр. 190. «очень этому радъ»—въ подлинникѣ описка: «очень это радъ».

— Стихи и весь слѣдующій отрывокъ относятся къ А. А. Бакуниной.

Къ стр. 191. «нашъ святой Василій»—В. П. Боткинъ.

— «Либерофонкъ»—въ подлинникѣ: «Либерфанкъ».

— «хаотическаго»—въ подлинникѣ: «хаостическаго».

Къ стр. 193. «нельзя жить»—въ подлинникѣ: «нельзя жизнь».

— «чѣмъ ты вошелъ въ мою жизнь»—въ подлинникѣ «ты» пропущено.

Къ стр. 194. «что-то безпрестанно» — въ подлинникѣ: «что безпрестанно».

— «septuo Бетховена»—знаменитый бетховенскій септетъ; Бѣлинскій употребляетъ не существующее слово «septuo» (по франц. septuor).

Къ стр. 195. «ненавижу ее, какъ отвлеченіе» — въ подлинникѣ «ее» пропущено.

Къ стр. 198. «Ты хорошо сдѣлалъ, что не пріѣхалъ»—М. А. Бакунинъ остался въ Прямухинѣ съ отцомъ и больною Любовью Александровною.

— «въ середу къ вечеру»—въ подлинникѣ „къ" пропущено.

Къ стр. 200. «Иванъ Петровичъ и Петръ Петровичъ»—братья Ключниковы.

— «Вы все хлопочете о человѣческой помощи, а меня и не думаете попросить»—больную Л. А. Бакунину лѣчилъ докторъ Циргъ, но когда ей становилось все хуже и хуже, рѣшено было вызвать въ Прямухино П. П. Ключникова, въ котораго, какъ врача, очень вѣрили. Иванъ же Петровичъ Ключниковъ въ это время, повидимому, всецѣло находился подъ вліяніемъ разныхъ мистическихъ идей, которымъ онъ былъ такъ подверженъ, о чемъ подробно въ письмѣ Бѣлинскаго къ Н. В. Станкевичу отъ 29 сент.—8 окт. 1839 г. (стр. 360, 365). Бѣлинскій, конечно, его фразу приводитъ съ ироніей.

Къ стр. 201. Письмо къ П. П. Ключникову печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Было напечатано у А. А. Корнилова («Семейство Бакунинныхъ», «Рус. Мысль», 1913, IV). Оно написано, вѣроятно, въ концѣ іюня или въ самомъ началѣ іюля 1838 г., до поѣздки Бѣлинскаго въ Прямухино, а Бѣлинскій, какъ видно изъ письма къ Н. В. Станкевичу въ октябрѣ 1838 г. (стр. 258), пріѣхалъ въ Прямухино 5 іюля.

Вслѣдъ за письмомъ Бѣлинскаго, на томъ же листѣ, идутъ приписки А. П. Ефремова, И. П. Ключникова и К. П. Козловскаго — все о томъ же.

— А. Н. Пыпинъ въ своемъ собраніи дѣлаетъ къ этому письму такое примѣчаніе: повидимому, самъ Бѣлинскій отправился за Ключниковымъ въ Веневъ, гдѣ тотъ находился: въ письмѣ И. П. Ключникова говорится—«Если уже никакъ нельзя, не подвергаясь отвѣтственности по службѣ, пріѣхать съ Бѣлинскимъ, то пріѣзжай, какъ только можно будетъ». Что Бѣлинскій, дѣйствительно, ѣздилъ въ Веневъ, подтверждается его письмомъ къ Н. В. Станкевичу отъ 29 сент.—8 окт. 1839 г. (стр. 351).

— Отрывокъ изъ письма къ М. А. Бакунину, безъ года и даты, печатается по тексту собранія Пыпина. Взятъ Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (285 — 288). Извлеченія изъ этого письма впервые приве-

дены, по тексту собранія Пыпина, Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ, причемъ онъ справедливо относитъ это письмо къ концу іюля 1838 г. Дѣйствительно, основываясь на содержаніи письма, можно утверждать, что оно написано до 1 августа, но не раньше 18 іюля. Въ собраніи Пыпина имѣется карандашная помѣтка: 1839; но, по всей вѣроятности, она сдѣлана не самимъ Пыпинымъ; если же она сдѣлана имъ, то онъ, очевидно, не считалъ ее достаточно обоснованной, и потому сдѣлалъ ее карандашомъ. Отрывокъ этотъ, какъ указываетъ въ своемъ собраніи Пыпинъ, написанъ на двухъ листкахъ въ 4°, которые помѣчены 5-мъ и 6-мъ, такъ что, повидимому, не сохранилась бо́льшая часть письма.

— Начало отрывка касается чувства Бѣлинскаго къ А. А. Бакуниной. Съ этого письма А. А. начинаетъ упоминаться въ письмахъ Бѣлинскаго еще и въ связи съ обнаружившимся чувствомъ къ ней В. П. Боткина.

Къ стр. 202. «и волтеріанцы напрасно вооружаются противъ этого»— еще одна изъ часто встрѣчающихся въ письмахъ Бѣлинскаго гоголевскихъ фразъ.

Къ стр. 204. «Раздѣлаюсь съ другомъ моимъ — Федоромъ Иванычемъ» — т.-е. Шиллеромъ (Іоганъ Фридрихъ); «другомъ моимъ»—конечно, сказано иронически, такъ какъ въ это время Бѣлинскій относился къ Шиллеру еще очень враждебно.

Къ стр. 205. «по пріѣздѣ въ Москву»—изъ Прямухина, гдѣ онъ пробылъ съ 5 до 15 іюля (см. письмо къ Н. В. Станкевичу въ октябрѣ 1838 г., стр. 258).

— О пристрастіи Бѣлинскаго къ цвѣтамъ разсказалъ и Панаевъ въ своемъ «Воспоминаніи о Бѣлинскомъ».

Къ стр. 206. — «и какъ братъ и какъ—о—»—И. П. Ключниковъ подписывалъ свои стихотворенія буквой—о—.

«Александру Михайловичу буду самъ писать»—это выполнено было 1 августа; отсюда ясно, что настоящее письмо написано до 1 августа; съ другой стороны оно написано черезъ нѣсколько дней по возвращеніи изъ Прямухина, т.-е. черезъ нѣсколько дней послѣ 15 іюля (стр. 258).

— «Князь»—К. П. Козловскій, инспекторъ Межевого Института.

— «опредѣленіе его въ институтъ»—въ качествѣ врача.

Къ стр. 207. Письмо къ А. П. Ефре́мову отъ 1 августа 1838 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ кн. Л. В. Шаховского въ февралѣ 1875 г. Печатается впервые. Въ книгѣ Пыпина имѣется лишь указаніе на это письмо, выдержекъ же изъ него не приводится.

— «статья Мишеля» — это предисловіе М. А. Бакунина къ переведеннымъ имъ же «Гимназическимъ Рѣчамъ» Гегеля. Она была напечатана въ XVI томѣ «Наблюдателя» 1838 г., т.-е. въ первомъ же томѣ, вышедшемъ подъ редакціей Бѣлинскаго. Эта статья Бакунина перепечатана въ IV томѣ редактируемаго С. А. Венгеровымъ собранія сочиненій Бѣлинскаго.

«въ Новочеркасскѣ» — очевидно, во время совмѣстной поѣздки на Кавказъ, въ 1837 году.

— Письмо это написано Ефремову въ Прямухино, гдѣ Ефремовъ остался и послѣ отъѣзда оттуда Бѣлинскаго и присутствовалъ при смерти Л. А. Бакуниной.

Къ стр. 208. Письмо къ А. М. Бакунину отъ 1 августа 1838 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Письмо это полностью напечатано въ работѣ А. А. Корнилова «Семейство Бакунинныхъ» («Рус. Мысль», 1912, IX).

— «два раза былъ я у васъ въ домѣ»—первый—осенью 1836 г., второй—въ іюлѣ 1838 г.

Къ стр. 210. «Вашихъ стиховъ «Къ Осугѣ»»—отрывки изъ стиховъ А. М. Бакунина «Къ Осугѣ» приводятся въ работѣ А. А. Корнилова (Осуга—рѣка, на которой стоитъ Прямухино, притокъ Тверцы).

— Письмо къ И. И. Панаеву отъ 10 августа 1838 г. печатается по тексту, который былъ данъ И. Панаевымъ въ его «Воспоминаніи о Бѣлинскомъ» («Современникъ», 1860, кн. I).

Письмо это является отвѣтомъ на письмо Панаева къ Бѣлинскому отъ 16 іюля, изъ котораго Пыпинъ приводитъ въ своей книгѣ нѣсколько строкъ.

— «Библіотека для Чтенія» издается человѣкомъ умнымъ и способнымъ»—именно, О. И. Сенковскимъ.

— «а не въ мартѣ или маѣ»—«Наблюдатель» перешелъ отъ Андросова къ Степанову весной 1838 г.

Къ стр. 211. «въ кабинетѣ Государя»—въ «Современникѣ»: «въ кабинетѣ Г.»

— «Снегиревъ»—въ «Современникѣ»: «Сн.»

«у него есть всѣ средства»—эта увѣренность Бѣлинскаго въ средствахъ Н. С. Степанова впослѣдствіи оказалась совершенно неосновательной.

«графу Строганову»—въ «Современникѣ»: «графу С.»

— «суфлеру Кенига»—Пыпинъ въ своей книгѣ къ этому мѣсту дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Бѣлинскій говоритъ о книжкѣ, вышедшей незадолго передъ тѣмъ: Literarische Bilder aus Russland. Herausgegeben von H. Koenig. Stuttg. u. Tübingen, 1837. Кенигъ не зналъ по-русски и написалъ свою книжку по разсказамъ и письменнымъ сообщеніямъ русскихъ, стоявшихъ болѣе или менѣе близко къ литературѣ, которыхъ онъ зналъ за границей. Главнымъ «суфлеромъ» его былъ Н. А. Мельгуновъ (умершій въ концѣ шестидесятыхъ годовъ). Это былъ человѣкъ очень образованный; въ книжкѣ Кенига дано должное мѣсто литературной дѣятельности петербургскихъ журналистовъ, какъ Гречъ, Булгаринъ, Сенковскій, которые потомъ и опрокинулись на Кенига; но Мельгуновъ, отличавшійся потомъ стараніемъ «примирять» враждебныя направленія, и, вѣроятно, имѣвшій и тогда эту наклонность, могъ не понравиться Бѣлинскому слишкомъ восхвалительнымъ отзывомъ о Шевыревѣ въ книжкѣ Кенига». О Мельгуновѣ Бѣлинскій упоминаетъ еще въ письмахъ 1847 г., которыя будутъ помѣщены въ III томѣ.

Къ стр. 212. «о какомъ драматическомъ геніи»—т. е. о Кукольникѣ.

— «еще въ 1834 г.»—въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ».

«она принадлежитъ Кудрявцеву» — Кудрявцевъ писалъ подъ псевдонимомъ: «А. Н.».

«романъ Степанова»—въ «Современникѣ»: «романъ С—ва». Пыпинъ говоритъ, что Бѣлинскій имѣетъ въ виду романъ Степанова «Тайна», о

которомъ, дѣйствительно, онъ потомъ помѣстилъ въ «Наблюдателѣ» неодобрительную рецензію.

«Харьковскій профессоръ Кронебергъ»—Иванъ Яковлевичъ (1788—1838), знатокъ классической филологіи, написавшій цѣлый рядъ научныхъ сочиненій и составившій весьма цѣнный и получившій большое распространеніе латино-русскій словарь. Черезъ посредство В. П. Боткина Бѣлинскій вступилъ съ нимъ въ переписку, но писемъ Бѣлинскаго къ нему не сохранилось. Въ собраніи Пыпина имѣется два слѣдующихъ письма И. Я. Кронеберга къ Бѣлинскому:

1838, 25 мая, Харьковъ.

Милостивый государь,

Не только не отказываться, но искать, по возможности, знакомство людей съ добрымъ сердцемъ, съ пылкою душою и съ истиннымъ стремленіемъ къ высшему—каковыхъ на свѣтѣ немного—было всегда моимъ правиломъ. Такая находка принадлежитъ къ итогу моего счастья. Принимаю съ благодарностью лестное предложеніе Вашего знакомства, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько безпокоюсь, не зная, въ состояніи ли буду поравняться съ Вашими ожиданіями. Во всякомъ случаѣ отдаюсь Вамъ во всей своей простотѣ, безъ прикрасъ и безъ претензій.

Въ «Наблюдателѣ» участвовать я готовъ, и посылаю съ этою же почтою въ Редакцію Вашу статью подъ названіемъ «Письма». Если эти письма будутъ найдены годными для помѣщенія въ журналѣ, то не замедлю выслать продолженіе. Объ условіяхъ Василій Петровичъ Вамъ, вѣроятно, уже сообщилъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть

Милостивый Государь

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Кронебергъ.

Покорнѣйше прошу кланяться отъ меня Василью Петровичу.

Харьковъ. 25-го мая 1838.

N. B. Если статья, которую къ Вамъ посылаю, будетъ помѣщена въ «Наблюдателѣ», то прошу Васъ покорно не выставлять моего имени, вымаравъ его и на самой тетради до отправленія ея въ цензуру.

1838. Авг. 20. Харьковъ.

Милостивый Государь,

Виссаріонъ Григорьевичъ!

Сегодня (18-го авг.) я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше (безъ числа отпуска). Спѣшу отвѣчать.—Уже давно доставилъ бы я къ Вамъ продолженіе «Писемъ»; но я находился нѣсколько времени въ Курскѣ, и до сихъ поръ не могъ сыскать писца; а самому переписывать черновыя

бумаги не всегда есть охота. Постараюсь въ скоромъ времени выслать.— Касательно отпечатанія моихъ статей особыми экземплярами, г. Степановъ, кажется, напрасно затрудняется; заглавнаго листа вовсе ненужно, и напечатаніе всякой статьи можно всегда такъ пригнать, что можетъ быть отдѣлена отъ цѣлаго, а текучая номерація страницъ достаточно докажетъ, что листы принадлежатъ къ другому цѣлому. Для примѣра прилагаю статью, напечатанную въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Цензура, думаю, одобривъ статью журнала, не можетъ воспретить отпечатать оной небольшое число экземпляровъ особо. Имѣть же экземпляръ съ началомъ или концомъ другой статьи на оборотѣ,—согласитесь, что это непріятно.

Здѣсь единогласно одобряютъ Вашъ журналъ. Онъ противъ прежнихъ лѣтъ несравненно лучше; и я увѣренъ, что онъ будетъ имѣть ходъ. Не теряйте терпѣнье. Побольше такихъ статей, какъ Донъ-Жуанъ, Іоганнъ Вахтъ, Моцартъ, да рѣшительное отраженіе петербургскихъ критиковъ, кои, право, не такъ страшны, чтобъ ихъ слѣдовало бояться, и кои знамениты только по знаменитости города, въ которомъ живутъ. Я еще ни одной дѣльной рецензіи не читалъ, вышедшей изъ подъ ихъ пера; а рецензіи въ «Библіотекѣ для Чтенія» просто шутовскія.

«Сына Отечества», издаваемаго Полевымъ, я очень рѣдко, и то отрывками, читаю и, слѣдовательно, не могу имѣть никакого мнѣнія о немъ. Мнѣ кажется, что, съ прекращеніемъ «Телеграфа», ослабѣла у насъ и литературная дѣятельность, и «Сынъ Отечества» не возбудитъ ее, если бы она вовсе остановилась. «Уголино» я не читалъ; этого произведенія во всемъ Харьковѣ нѣтъ. Столь быстро движеніе книжной торговли! Но я получилъ полное о немъ понятіе въ 5 № «Наблюдателя». Рецензія «Гамлета» слишкомъ снисходительна. Вы этотъ переводъ и хвалите и не одобряете. Я нахожу его чрезвычайно своевольнымъ; вездѣ только суррогатъ Шекспировыхъ мыслей, коимъ особенно богаты 4-е и 5-е дѣйствія. Въ предостереженіе тѣхъ, кои, обольстясь славою сего перевода, вздумали бы приступить къ подобному переводу другихъ піесъ Шекспира, слѣдовало бы показать всѣ недостатки его и погрѣшности: какъ онъ нарушилъ вѣрованіе въ привидѣнія, какъ онъ не понялъ характера Гамлета, Клавдія, Фортинбраса, Розенкранца и Гильденштерна, позволилъ себѣ сокращенія рѣчей, пропуски, измѣненія, слитіе явленій и сценъ, и какъ онъ неудаченъ и въ частностяхъ. Шекспира нельзя переводить à livre ouvert; его должно долго и подробно изучать; надобно умѣть читать не только то, что въ строкахъ, но и то, что за ними и между ихъ писано. Не могу съ Вами согласиться, чтобы переводъ г. Полевого былъ поэтическій. Переводъ сдѣланъ наскоро. На заглавномъ листѣ сказано: переводъ съ Англійскаго. Но я имѣю причины догадываться, что переводъ сдѣланъ съ перевода Шлегеля, по крайней мѣрѣ, мѣстами. Возьмемъ одинъ примѣръ! Во 2-мъ явл. 2-го д. Гамлетъ говоритъ: «Jou cannot, sir, take from me anything that I will more willingly part withal, except my life». Г. Полевой перевелъ: «Изъ всего, что вы можете взять у меня, ничего не уступлю я вамъ такъ охотно, какъ жизнь мою, жизнь мою, жизнь мою.» Можно ли такъ переводить? Можно ли не знать значенія слова except? Можно ли переводить на выворотъ? Въ оригиналѣ: «вы ничего не можете взять

у меня, я вамъ все уступлю охотно, кромѣ жизни моей». Въ переводѣ совершенно противное: «ничего не уступлю я вамъ такъ охотно, какъ жизнь мою». Какой вздоръ! Кто охотно уступаетъ жизнь свою?—Откуда такой превратный смыслъ въ переводѣ? Г. Полевой, по крайней мѣрѣ, это мѣсто, переводилъ съ нѣмецкаго Шлегеля, у котораго оно такъ выражено: Ihr könnt nichts von mir nehmen, Herr, das ich lieber fahren liesse—bis auf mein Leben. Г. Полевой, вѣроятно, не зналъ значенія частицы bis, и поэтому такъ перевелъ. Переводя съ Англійскаго, онъ не могъ бы никакъ ошибиться. Но довольно. Болѣе въ другой разъ, если Вамъ угодно.

Сынъ мой живетъ въ Маріинской больницѣ. Мнѣ очень пріятно было бы видѣть его въ числѣ Вашихъ хорошихъ знакомыхъ. Вы найдете въ немъ человѣка, съ которымъ можно разсуждать поглубже.

Я получилъ не 2 книжки «Наблюдателя», а 5, и ожидаю теперь 6-ю.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашимъ, Милостивый Государь,

покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Кронебергъ.

Къ стр. 213. «Булыгинъ»—цензоръ; въ «Современникѣ»: «Б.»

Корсаковъ, Петръ Александровичъ (1790—1844)—переводчикъ и писатель, издатель нѣсколькихъ журналовъ, въ 1835 г. назначенный на должность цензора.

— «Ѳ. К.»—затрудняемся указать, кого здѣсь имѣетъ въ виду Бѣлинскій.

— «Что за человѣкъ Бернетъ»—псевдонимъ Алексѣя Кирилловича Жуковскаго (1810—1864), поэта, одно время заставившаго очень много говорить о себѣ, но скоро забытаго.

— Письмо М. А. Бакунину отъ 13—14 августа 1838 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Извлеченія изъ него впервые приведены у Пыпина. Новыя выдержки у Гольцева (статья въ «Сборникѣ общ. люб. росс. слов.» за 1891 г.) и у Р. В Иванова-Разумника. Конца письма не сохранилось.

— «спросила она меня»—здѣсь и дальше рѣчь идетъ о Л. А. Бакуниной, только что скончавшейся.

— «Василья»—В. П. Боткина.

Къ стр. 214. «къ моему доброму князю»—К. П. Козловскому.

— «зачѣмъ не былъ я свидѣтелемъ ея послѣднихъ минутъ?»—Бѣлинскій вернулся изъ Прямухина въ Москву 15 іюля, а Л. А. Бакунина умерла 6 августа (см. пис. къ Н. В. Станкевичу въ окт. 1838 г., стр. 258).

Къ стр. 215. «та другая бѣдная мать»—сестра покойной, В. А. Дьякова, бывшая въ то время за границей со своимъ маленькимъ сыномъ Сашей.

Къ стр. 216. «охоты нѣтъ говорить о себѣ»—въ подлинникѣ «нѣтъ» пропущено.

Къ стр. 216. «я ужасно люблю Эдку»—сына Ѳ. Ѳ. Лангера.

— «къ Сасѣ»—т.-е. къ Сашѣ (А. А. Бакуниной).

Къ стр. 217. «къ Титанѣ»—т.-е. къ Татьянѣ (Т. А. Бакуниной).

— «Коля»—другой сынъ Ѳ. Ѳ. Лангера

— «выходъ»—изъ того тяжелаго положенія, которое создалось въ отношеніяхъ между Н. В. Станкевичемъ и Л. А. Бакуниною.

— «теперь еще остается узелъ»—онъ заключался въ необходимости сообщить Станкевичу о смерти Л. А. Бакуниной.

— «чтобъ я не писалъ къ нему»—въ подлинникѣ «къ» пропущено.

— «не до аккуратности»—въ подлинникѣ «до» пропущено.

Къ стр. 219. «Катковъ, сколько могъ, удовлетворилъ этой жаждѣ Гегелемъ, но тутъ былъ нуженъ ты»—дѣло въ томъ, что черезъ Каткова Бѣлинскій познакомился лишь съ эстетикой Гегеля, совершенно оставивъ въ сторонѣ и феноменологію и логику; поэтому понятно, что, какъ только пріѣхалъ Бакунинъ, какъ разъ въ это время упорно и основательно изучавшій логику и феноменологію Гегеля, его вліяніе совершенно вытѣснило вліяніе Каткова.

Къ стр. 220. «иная жизнь живетъ во мнѣ полчаса»—въ статьѣ Гольцева было напечатано: «подчасъ», что совершенно не передаетъ мысли Бѣлинскаго.

Къ стр. 221. «почему ты не хочешь писать въ журналѣ» — въ это время Бакунинъ пришелъ къ убѣжденію, что ему и его друзьямъ нельзя выступать въ журналѣ, по недостатку «объективнаго наполненія», и особенно враждебно сталъ относиться къ редакторству Бѣлинскаго, въ чемъ Бѣлинскій никогда не хотѣлъ признать его правымъ. Въ первое время редактированія Бѣлинскимъ «Наблюдателя» этой враждебности у Бакунина еще не было, и самъ онъ охотно помѣстилъ въ журналѣ свой переводъ и статью.

— Письмо къ М. А. Бакунину отъ 16—17 августа 1838 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Извлеченія изъ этого письма, по тексту собранія Пыпина, впервые были сдѣланы Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ.

— «Душа рвется къ тебѣ, къ вамъ»—вотъ что писала 27 дек. 1838 г. А. А. Бакунина къ А. А. Бееръ подъ впечатлѣніемъ этого вновь перечтеннаго ею письма Бѣлинскаго: «Сейчасъ читала старое письмо Бѣлинскаго, гдѣ онъ такъ много, съ такою любовью говоритъ про нашу Любашу,—это письмо я тогда же взяла къ себѣ. Да, я вѣрю, онъ любилъ ее, любилъ болѣе, истиннѣе, чѣмъ которую-нибудь изъ насъ. Но развѣ можно было не любить ее, развѣ можно было смотрѣть равнодушно на ея свѣтлое, ангельское личико. Мнѣ грустно думать, что Бѣлинскій не знаетъ насъ и, не зная, обвиняетъ. Грустно, но, видно, такъ надобно. Придетъ время—все откроется, все прояснится. Письмо его—святое, я никогда не разстанусь съ нимъ. Его фантазія ко мнѣ прошла, Alexandrine: Богъ услышалъ молитвы мои. Онъ теперь покоенъ, счастливъ, и Богъ пошлетъ ему ангела, который утѣшитъ, успокоитъ его въ этомъ мірѣ. Я страдала, глубоко страдала съ нимъ, за него. Богъ позволитъ мнѣ и радоваться, смотря на его счастье. «Душа рвется къ тебѣ, къ вамъ. Вѣдь я твой, вашъ, родной всѣмъ вамъ»—вотъ что онъ писалъ Мишѣ въ этомъ письмѣ, и эти слова истиннѣе всѣхъ тѣхъ, которыя онъ выговаривалъ послѣ. Да, я вѣрю, все разрѣшится, темное будетъ свѣтлымъ, и придетъ время гармоніи любви»... («Семейство Бакуниныхъ»,

«Рус. Мысль», 1913, VIII; тамъ же напечатано и неотосланное письмо А. А. Бакуниной къ Бѣлинскому отъ 11 сентября 1838 г.).

Къ стр. 222. «для меня нѣтъ страданій» — въ подлинникѣ «нѣтъ» пропущено.

Къ стр. 226. «когда онъ былъ боленъ»—т.-е. Н. В. Станкевичъ.

— «Константину»—вѣроятно, К. С. Аксакову.

— «достоинъ всего этого»—въ подлинникѣ: «достоинъ все этого».

Къ стр. 227. «Къ Саничкѣ»—къ А. В. Станкевичу, бывшему въ то время въ Удеревкѣ, воронежскомъ имѣніи Станкевичей.

— «Флейта»—повѣсть П. Н. Кудрявцева.

— Письмо къ М. А. Бакунину отъ 10 сентября 1838 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Большія извлеченія изъ этого письма были сдѣланы Пыпинымъ. Новая выдержка у Р. В. Иванова-Разумника. Полностью печатается впервые.

— А. А. Корниловъ считаетъ это письмо послѣднимъ изъ тѣхъ трехъ писемъ, которыя Бѣлинскій впослѣдствіи въ своихъ письмахъ называетъ «диссертаціями». Первыя двѣ «диссертаціи» А. А. Корниловъ считаетъ несохранившимися. 2-ая часть этого письма, или 3-ей диссертаціи, касающаяся сестеръ Бакуниныхъ, и вызвала «ругательную» записку Бакунина съ копіей, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ отъ 12—24 окт. 1838 г. (стр. 300).

— «жизнь великая школа»—А. А. Корниловъ указываетъ, что М. А. Бакунинъ, собственно, говорилъ: «жизнь есть великое таинство»,—и это конечно, совсѣмъ не одно и то же.

Къ стр. 229. «помнишь нашъ споръ втроемъ, при четвертомъ—каменномъ гостѣ»?—неясно, кто тутъ имѣется въ виду.

— «просвѣтлила ее»—въ подлинникѣ: «просвѣтила его».

Къ стр. 233. «Марью Аѳанасьевну»—родственницу Бакуниныхъ, которую Бѣлинскій зналъ по Прямухину; о ней еще упоминается въ письмѣ къ Н. В. Станкевичу отъ 29 сент. 1839 г. (стр. 258).

— «Наталія Андреевна»—Бееръ; въ подлинникѣ только: «Н. А.»

— «Николая»—Н. В. Станкевича; въ подлинникѣ: «Н.»

Къ стр. 237. «уже не въ святомъ значеніи» — въ подлинникѣ «въ» пропущено.

Къ стр. 238. А. А. Корниловъ указываетъ, что письмо Бакунина, гдѣ говорится о небесной дружбѣ къ Боткину, Станкевичу и Лангеру, не сохранилось.

Къ стр. 239. «пофилософствовать—этакъ, какъ выкинется—иногда прозой, а иногда и стишками»—гоголевская фраза.

Къ стр. 241. «Понимаю Николая»—Н. В. Станкевича.

Къ стр. 242. «Мои отношенія къ ней и къ нимъ»—т.-е. къ А. А. Бакуниной и ея сестрамъ.

Къ стр. 250. Ретшеръ (Генрихъ Теодоръ, 1803 — 1871) — нѣмецкій теоретикъ эстетики и драматическаго искусства. Сразу выдвинулся своей работой объ Аристофанѣ (1827), въ которой выказалъ себя приверженцемъ гегелевской философіи. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г. переведена статья Ретшера «Четыре новыя драмы, приписываемыя Шекспиру», о которой не разъ упоминается въ письмахъ Бѣлинскаго.

Къ стр. 251. «Натальей Андреевной»—Бееръ.

Къ стр. 255. «передать тебѣ свой поклонъ»—въ подлинникѣ: «передать тебѣ мой поклонъ».

— «а послѣ приняться» — въ подлинникѣ слова «послѣ» нѣтъ, но пропускъ этого или равнозначущаго слова очевиденъ.

— «Я познакомился съ Петромъ Яковлевичемъ» — Чаадаевымъ, у Левашевыхъ.

— Окончаніе письма къ В. П. Боткину, безъ указанія года, печатается по тексту собранія Пыпина. Начало письма не сохранилось. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (280). Извлеченія изъ этого письма, по тексту собранія Пыпина, впервые приведены у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.», 1911), причемъ г. Ивановъ-Разумникъ справедливо относитъ его къ 1838 г. Болѣе точно время написанія письма можно опредѣлить осенью 1838 г., временемъ пребыванія Бѣлинскаго въ Межевомъ Институтѣ, уже послѣ начала учебныхъ занятій. Письмо это, повидимому, написано Боткину во время пребыванія его въ Харьковѣ.

«Результатъ всего этого» — въ подлинникѣ: «Результатъ все этого».

Къ стр. 256. «Хоть за Иваномъ Александровичемъ»—т. е. Хлестаковымъ.

Къ стр. 257. «Къ Кронебергу отослалъ письмо» — этого письма не сохранилось.

— Письмо къ Н. В. Станкевичу, помѣченное октябремъ 1838 г., безъ указанія на число, печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (77—78). Извлеченія изъ него приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— Письмо это написано въ началѣ октября, такъ какъ въ письмѣ къ М. А. Бакунину, законченномъ 24 октября, Бѣлинскій пишетъ: «Слишкомъ двѣ недѣли назадъ я написалъ къ Станкевичу письмо, въ которомъ увѣдомилъ его о ея смерти» (стр. 306).

Къ стр. 258. «тайна осталась для нея тайною»—Л. А. Бакунина умерла въ увѣренности, что Станкевичъ ее любитъ.

— «тебѣ теперь не до того» – въ подлинникѣ «до» пропущено.

— «Есть fatum, который»—въ подлинникѣ: «Есть fatum, которая».

Къ стр. 259. Письмо къ М. А. Бакунину отъ 12—24 октября 1838 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Бакунина. Обширныя извлеченія изъ него приведены Пыпинымъ; новыя выдержки у В. А. Гольцева, Р. В. Иванова-Разумника, А. А. Корнилова.

— «въ моихъ трехъ длинныхъ диссертаціяхъ»—какъ уже указывалось, первыя двѣ не сохранились, подъ третьей же надо разумѣть письмо отъ 10 сентября 1838 г.

Къ стр. 260. «Начинаю съ Петра»—П. П. Ключникова.

— «три мѣсяца»—съ августа по ноябрь 1836 года.

— «я на его счетъ сдѣлалъ намекъ»—намекъ этотъ сдѣланъ въ одномъ изъ недошедшихъ до насъ писемъ, которыя Бѣлинскій называетъ «диссертаціями». Сущность намека, повидимому, состояла въ томъ, что П. П. Ключниковъ любитъ одну изъ сестеръ Бакунинныхъ.

Къ стр. 261. «съ Варварою Александровною» — матерью М. А. Бакунина.

Къ стр. 262. «только съ однимъ человѣкомъ»—В. П. Боткинымъ.

Къ стр. 269. «меня не станетъ, то хватитъ для бо́льшаго движенія» — такъ въ подлинникѣ; фраза неясна; вѣроятно, тутъ какой-нибудь пропускъ.

Къ стр. 273. «ты помнишь, какую фразу отпустилъ я за столомъ» достаточное понятіе о томъ, что это была за фраза, можно составить изъ дальнѣйшаго (робеспьеризмъ, запахъ крови, кровожадный образъ мыслей, когда я говорилъ о головахъ).

— «нейтралитету» — въ подлинникѣ здѣсь и вездѣ дальше: «неутралитету».

Къ стр. 274. «чтеніе второй статьи» — написанной въ Прямухинѣ, оставшейся ненапечатанной и до сихъ поръ неизвѣстной.

Къ стр. 278. «бросить амбаръ» — отецъ В. П. Боткина былъ уже старъ, и ему, какъ старшему сыну, приходилось руководить веденіемъ дѣла.

Къ стр. 283. «за обвиненія или оскорбленія ихъ» — т. е. сестеръ Бакунинныхъ.

Къ стр. 284. «Я познакомился съ тобою въ 36 году»—врядъ ли это категорическое утвержденіе можно оспорить на основаніи того только, что Бѣлинскій посылалъ Бакунину поклоны еще въ 1835 г., какъ это дѣлаетъ А. А. Корниловъ.

— «ты былъ занятъ Беерами»—сестрами Н. А. и А. А. Бееръ; объ этомъ см. «Семейство Бакунинныхъ», А. А. Корнилова. («Рус. Мысль», 1912, V).

— «въ исторіи твоей съ В. К. Ржевскимъ»—въ февралѣ 1836 г. Бакунинъ вызвалъ на дуэль двоюроднаго брата Н. А. и А. А. Бееръ, В. К. Ржевскаго, за распространеніе сплетенъ объ отношеніяхъ Н. В. Станкевича къ Н. А. Бееръ и Л. А. Бакуниной (объ этихъ отношеніяхъ подробно въ «Семействѣ Бакунинныхъ», «Рус. Мысль», 1912, X). Однако, дуэль не состоялась, и дѣло кончилось примиреніемъ.

— «Станкевичъ уѣхалъ»—на Кавказъ.

Къ стр. 285. «исторія съ гризеткой»—объ этой исторіи упоминается въ разсказѣ г-жи Щ. (Щетининой, дочери Л. С. Владыкиной), записанномъ съ ея словъ Погодинымъ («Русскій», 1868, № 15).

Къ стр. 286. «ты знаешь Дмитрія Щепкина»—сына знаменитаго актера, М. С. Щепкина.

Къ стр. 287. «Когда батюшка сбирался» — такъ въ подлинникѣ; вѣроятно, здѣсь какая-нибудь ошибка.

Къ стр. 288. «отъ этого зову»— въ подлинникѣ: «отъ этого зву».

Къ стр. 289. «Мы уѣхали»—тревожныя обстоятельства, которыми сопровождался отъѣздъ Бѣлинскаго изъ Прямухина, стояли въ связи съ закрытіемъ «Телескопа».

Къ стр. 290. «свое тяжкое горе»—когда М. А. Бакунинъ узналъ правду объ отношеніи Н. В. Станкевича къ Л. А. Бакуниной.

— «съ одной стороны»—т. е. какъ братъ А. А. Бакуниной.

Къ стр. 292. «и не такія связи... вспомнилъ одно письмо» — все это касается отношеній Бакунина къ Н. А. Бееръ, о чемъ см. «Семейство Бакунинныхъ» («Рус. Мысль», 1912, V).

Къ стр. 293. «одной особы»—А. А. Бакуниной.

Къ стр. 294. «тутъ я написалъ письмо къ Станкевичу»—это письмо не сохранилось.

Къ стр. 306. «которое ты получилъ отъ меня передъ моимъ пріѣздомъ въ Прямухино»—это, очевидно, письмо отъ 20 іюня 1838 г.

— Гофмейстеръ (1796—1844)—довольно извѣстный нѣмецкій филологъ. Его сочиненіе «Жизнь Шиллера» начало выходить съ 1832 года.

Къ стр. 307. Письмо къ Н. В. Станкевичу отъ 8 ноября 1838 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. В. Станкевича въ апрѣлѣ 1874 г. Извлеченія изъ этого письма приведены въ книгѣ Пыпина. Полностью печатается впервые.

— «мое письмо»—написанное въ началѣ октября 1838 г. (стр. 257).

«вотъ такую философію я уважаю» и т. д.—все это направлено противъ М. А. Бакунина.

— Вердеръ (р. въ 1806 г.) — нѣмецкій философъ и драматургъ; съ 1834 г. приватъ-доцентъ по каѳедрѣ философіи въ Берлинскомъ университетѣ; съ 1838 г. экстра-ординарный профессоръ того же университета. Н. В. Станкевичъ былъ его слушателемъ и другомъ. Его лекціи слушалъ также и И. С. Тургеневъ. Очевидно, Станкевичъ посвятилъ Вердера въ свои отношенія къ Л. А. Бакуниной и даже читалъ ему ея письма.

Къ стр. 308. «Отвѣчать ему буду»—неизвѣстно, было ли исполнено это обѣщаніе; ни одного письма Бѣлинскаго къ Грановскому не сохранилось. Во всякомъ случаѣ, здѣсь мы опять встрѣчаемся съ фактомъ дружественной переписки между людьми, еще не знакомыми лично.

Къ стр. 309. «погибаю»—въ подлинникѣ: «погибаюсь».

— «тамъ»—въ Прямухинѣ.

Къ стр. 310. «въ то время онъ былъ тамъ» — Ефремовъ былъ въ Прямухинѣ при кончинѣ Л. А. Бакуниной.

Къ стр. 311. Письмо къ И. И. Панаеву отъ 18 февраля 1839 г. печатается по тому тексту, который былъ данъ въ «Воспоминаніи о Бѣлинскомъ» И. Панаева («Современникъ», 1860, I, с. 339—340), гдѣ оно было впервые напечатано. Потомъ вошло въ книгу И. И. Панаева «Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ». СПБ. 1876. Это письмо является отвѣтомъ на нѣсколько писемъ Панаева къ Бѣлинскому, изъ которыхъ приведено нѣсколько выдержекъ въ книгѣ Пыпина.

— «далеко завело бы меня объясненіе причинъ»—въ примѣчаніи къ этому мѣсту Панаевъ указываетъ, что эти причины заключались въ строгости тогдашней цензуры и въ размолвкѣ между Бѣлинскимъ и нѣкоторыми его московскими друзьями. Наиболѣе важное значеніе для журнала изъ этихъ друзей имѣли, конечно, Боткинъ и Катковъ. Кромѣ указанныхъ Панаевымъ причинъ, играло нѣкоторую роль и отношеніе къ журналу его издателя, Степанова.

— «два журнала на рукахъ»—именно: «Отечественныя Записки» и «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду».

Къ стр. 312. Письмо къ И. И. Панаеву отъ 22 февраля 1839 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (79—80). Извлеченія изъ этого письма приводятся въ книгѣ Пыпина, причемъ Пыпинъ высказываетъ предположеніе, что письмо это не

было отправлено. Дѣйствительно, во-первыхъ, письмо къ Панаеву отъ 25 февраля повторяетъ содержаніе этого письма, а во-вторыхъ, этого письма не приводитъ Панаевъ въ своемъ «Воспоминаніи о Бѣлинскомъ», гдѣ напечатаны всѣ остальныя письма Бѣлинскаго къ нему.

Къ стр. 313. «нѣщичко»—по-малорусски: сокровище; здѣсь, конечно, иронически.

Къ стр. 314. Владиславлевъ — Владиміръ Андреевичъ († 1856), издатель альманаховъ «Утренняя Заря» (1839—1843, 5 книгъ), авторъ нѣсколькихъ повѣстей и разсказовъ, составитель имѣющихъ спеціальный интересъ сборниковъ по вопросамъ военнаго характера.

— Письмо къ И. И. Панаеву отъ 25 февраля 1839 г. печатается по тому тексту, который былъ данъ въ «Воспоминаніи о Бѣлинскомъ» И. Панаева («Современникъ», 1860, I, с. 341), гдѣ оно было впервые напечатано. Позднѣе вошло въ книгу И. И. Панаева «Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ». СПБ. 1876.

Къ стр. 315. Двѣ записки къ В. П. Боткину, безъ датъ, печатаются по тексту собранія Пыпина. Взяты Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (296 и 299). Печатаются впервые. Относятся, вѣроятно, къ веснѣ 1839 г., къ періоду осложненія отношеній между Бѣлинскимъ, Катковымъ и Боткинымъ. Нѣкоторыя данныя для сужденія о содержаніи этихъ записокъ даетъ письмо къ Н. В. Станкевичу отъ 29 сент.—8 окт. 1839 г. (стр. 353 и сл.).

Къ стр. 316. Письмо къ Н. В. Станкевичу отъ 19 апрѣля 1839 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (81 — 81а). Извлеченія изъ этого письма приведены у Пыпина. Полностью печатается впервые.

Къ стр. 317. «со мною повторилась было твоя исторія»—эта исторія подробно описана въ письмѣ къ Станкевичу же отъ 29 сент. — 8 окт. 1839 г. (стр. 353 и сл.).

— «объ извѣстной тебѣ фантазіи»—т. е. объ увлеченіи А. А. Бакуниной.

— «одинъ, на котораго я больше всѣхъ полагался» — это В. П. Боткинъ; въ чемъ заключалось его «предательство», выясняется изъ письма къ Станкевичу отъ 29 сент.—8 окт. 1839 г. (стр. 355).

Къ стр. 318. «неразрѣшимыми»—въ подлинникѣ: «неразрѣшенными».

— «въ какомъ-то сладостномъ мученіи»—въ подлинникѣ: «въ какомъ сладостномъ мученіи».

Къ стр. 319. Письмо къ А. А. Краевскому отъ 5 іюля 1839 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Краевскаго въ октябрѣ 1873 г. Впервые выдержки изъ этого письма были приведены Краевскимъ въ «Голосѣ», 1869, № 204; полностью оно было напечатано въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1889 г., приложеніе.

— «другу моему»—конечно, иронически.

Къ стр. 320. «пока давайте такой работы, какою можно заняться въ Москвѣ» — дѣйствительно, въ обоихъ журналахъ Краевскаго Бѣлинскій началъ сотрудничать уже въ Москвѣ, до переѣзда въ Петербургъ.

— Записка къ М. А. Бакунину безъ даты печатается по тексту собранія Пыпина. Получена Пыпинымъ отъ В. А. Крылова въ январѣ 1874 г. Печатается впервые. Относится, повидимому, къ лѣту 1839 г. Для ея по-

нианія надо имѣть въ виду письмо къ Станкевичу отъ 29 сент. — 8 окт. 1839 г.

Къ стр. 321. Письмо къ А. А. Краевскому отъ 19 августа 1839 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Краевскаго въ октябрѣ 1873 г. Извлеченія изъ него впервые помѣщены Краевскимъ въ «Голосѣ», 1869, № 204; новая выдержка приведена въ книгѣ Пыпина; полностью напечатано въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1889 г., приложеніе.

— «Алексѣй Дмитріевичъ — Галаховъ. На обязанности Галахова было доставлять въ «Отечественныя Записки» обзоры и рецензіи на выходящія въ Москвѣ книги. Онъ собиралъ все мало-мальски интересное и распредѣлялъ работу между Бѣлинскимъ, Катковымъ и собою.

Къ стр. 322. «Статья Каткова»—рѣчь идетъ о статьѣ, напечатанной въ 6—7 книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1839 г. и посвященной разбору «Пѣсенъ русскаго народа» Сахарова.

— «Панъ Халявскій»—повѣсть Основьяненки, тоже напечатанная въ 1839 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ».

«гнусная статья» — это статья И. И. Давыдова «О возможности эстетической критики».

Къ стр. 323. Письмо къ В. П. Боткину безъ даты и безъ конца печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Солдатенкова (289 — 294). Двѣ выдержки изъ этого письма приводитъ въ своей книгѣ («Вел. Иск.», 1911) Р. В. Ивановъ-Разумникъ, причемъ онъ относитъ это письмо къ марту 1838 г. Это невѣрно: 1) Бѣлинскій говоритъ въ этомъ письмѣ о трехъ годахъ дружбы съ Бакунинымъ, а, какъ видно изъ письма къ Бакунину отъ 12—24 октября 1838 г. (стр. 284), Бѣлинскій не только что дружбу, а простое знакомство съ Бакунинымъ относилъ къ 1836 году; 2) изъ содержанія письма ясно, что оно написано послѣ «гисторіи» съ «барышней» и съ Катковымъ, имѣвшей мѣсто весной 1839 г., и послѣ примиренія съ Боткинымъ, т. е., вѣроятно, въ концѣ лѣта 1839 г.

Къ стр. 324. «И въ порѣ страсти»—въ подлинникѣ «въ» пропущено.

Къ стр. 326. «что-нибудь непреодолимо отталкивающее»—въ подлинникѣ: «нибудь непреодолимо отталкивающее».

Къ стр. 327. «Константину» и далѣе «Костѣ»—К. С. Аксакову.

Къ стр. 328. «Кое-что о послѣдней исторіи» — о ней подробно въ письмѣ къ Н. В. Станкевичу отъ 29 сент.—8 окт. 1839 г. (стр. 353 и сл.).

Къ стр. 329. «я не въ силахъ буду сказать всего этого»—въ подлинникѣ: «я не въ силахъ буду все этого.»

Къ стр. 330. «когда я прощался съ моей родственницей»—Н. Н. Щетининой, дочерью упоминавшейся въ раннихъ письмахъ Бѣлинскаго Л. С. Владыкиной (см. «Русскій», 1868, № 15).

— «съ Дмитріемъ Щепкинымъ» — братомъ героини третьей исторіи (см. письмо къ Станкевичу отъ 29 сент.—8 окт. 1839 г.). Въ подлинникѣ: «Д. Щ.»

Къ стр. 331. Письмо къ И. И. Панаеву отъ 19 августа 1839 г. печатается по тому тексту, который былъ данъ въ «Воспоминаніи о Бѣлинскомъ» И. Панаева («Современникъ», 1860, I, с. 347—350). Позднѣе вошло

въ книгу И. И. Панаева «Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ». СПБ. 1876.

— Письмо это написано во время пребыванія Панаева въ Казанской губерніи, куда онъ отправился, чтобы принять участіе въ дѣлежѣ оставшагося послѣ одного изъ родственниковъ наслѣдства (см. «Воспоминанія» А. Я. Головачевой-Панаевой). Панаевъ пріѣхалъ въ Москву въ апрѣлѣ 1839 г. и передъ отъѣздомъ въ деревню нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Москвѣ. Въ это именно время онъ лично познакомился и близко сошелся съ Бѣлинскимъ; объ этомъ знакомствѣ онъ разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Такимъ образомъ, настоящее письмо является первымъ изъ писемъ, написанныхъ послѣ личнаго знакомства.

— «Авдотья Яковлевна»—жена И. И. Панаева, впослѣдствіи вышедшая замужъ за А. Ф. Головачева. Въ сотрудничествѣ съ Некрасовымъ написала нѣсколько романовъ, имѣвшихъ значительный успѣхъ; на литературномъ поприщѣ выступала подъ псевдонимомъ «Н. Станицкій»; написала извѣстныя «Воспоминанія» («Русскіе писатели и артисты»), напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1889 г. (отдѣльной книгой вышли въ 1890 г., СПБ.)

«къ Николаю Филипповичу»—Павлову.

Къ стр. 333. Фишеръ (Фридрихъ-Теодоръ, 1807 — 1888), какъ авторитетный эстетикъ, названъ и въ предисловіи къ переводу Ретшера въ «Наблюдателѣ».

Къ стр. 334. «Андрея Александровича»—Краевскаго.

Къ стр. 335. Письмо къ А. А. Краевскому отъ 24 августа 1839 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Получено Пыпинымъ отъ А. А. Краевскаго въ октябрѣ 1873 г. Извлеченія изъ него приведены А. А. Краевскимъ въ «Голосѣ» 1869, № 204; полнѣе въ книгѣ Пыпина. Полностью напечатано въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1889 г., приложеніе.

Къ стр. 337. Письмо къ Н. В. Станкевичу отъ 29 сент.—8 окт. 1839 г. печатается по тексту собранія Пыпина. Взято Пыпинымъ изъ собранія Станкевича. Извлеченія изъ этого письма впервые были сдѣланы А. В. Станкевичемъ въ его книгѣ о Грановскомъ (М. 1869, 2-е изд., СПБ., 1897); болѣе подробно въ книгѣ Пыпина; новыя выдержки, по тексту собранія Пыпина, у Р. В. Иванова-Разумника («Вел. Иск.», 1911). Полностью печатается впервые.

Къ стр. 338. Письмо Станкевича съ рекомендаціей Грановскаго, о которомъ говоритъ Бѣлинскій, повидимому, не сохранилось.

Къ стр. 340. «песокъ раскаленный заноситъ»—въ подлинникѣ: «разноситъ.»

Къ стр. 341. «чудо-богатырь!»—въ подлинникѣ: «чудо-богатыри!»

Къ стр. 342. «Стихотвореніе Ключникова къ Петру»—оно напечатано въ «Моск. Наблюд.», 1838, XVIII, кн. 10, подъ заглавіемъ: «Мѣдный Всадникъ. Сознаніе Россіи у памятника Петра Великаго».

— «къ Девріенту»—знаменитому нѣмецкому актеру.

Къ стр. 343. «Для меня высочайшее наслажденіе»—въ подлинникѣ «меня» пропущено.

Къ стр. 345. «Неужели она захочетъ промѣнять»—въ подлинникѣ «захочетъ» пропущено.

Къ стр. 346. «Статья Бакунина»—это предисловіе Бакунина къ переведеннымъ имъ же «Гимназическимъ рѣчамъ» Гегеля («Моск. Набл.» 1838, XVI, кн. 1).

Къ стр. 348. «И куда самъ онъ заходилъ»—въ подлинникѣ: «И и куда самъ онъ заходилъ.»

Къ стр. 349. «съ ихъ колесницами»—въ подлинникѣ: «съ его колесницами.»

Къ стр. 350. Стихотвореніе Гете «Лежу я въ потокѣ на камняхъ... какъ радъ я!» было напечатано въ «Московскомъ Наблюдателѣ», 1838, іюль, кн. 1.

— «на покойницу»—Л. А. Бакунину.

Къ стр. 351. Письма Бѣлинскаго къ Станкевичу, въ которомъ онъ «вралъ о какомъ-то своемъ небѣ», также, какъ и отвѣтнаго письма Станкевича, не сохранилось.

- «керата таурисъ» — въ переводѣ съ греческаго значитъ: «рога быкамъ!»

— «экстатическое»—въ подлинникѣ здѣсь и вездѣ дальше: «экстастическое.»

Къ стр. 353. «Барышня»—какъ ясно изъ другихъ, позднѣйшихъ писемъ, дочь М. С. Щепкина.

— «Барышня любила другого»—именно, Каткова.

Къ стр. 355. «Мы не греки и не римляне»--карамзинская фраза.

«которыхъ въ то же время ему самому стыдно»—въ подлинникѣ «время» пропущено.

Къ стр. 358. «so gennante θеосъ»—И. П. Ключниковъ печаталъ свои стихотворенія за подписью—θ—.

— «Марья Аѳанасьевна»—одна изъ родственницъ Бакуниныхъ, о которой Бѣлинскій много говоритъ въ письмѣ къ М. А. Бакунину отъ 10 сентября 1838 г. (стр. 233).

Къ стр. 359. «чтобы судить меня» — въ подлинникѣ: «чтобы судить на меня».

— «былъ лично мною оскорбленъ съ одной стороны»—въ подлинникѣ «съ одной» пропущено.

Къ стр. 360. «а на насъ всѣхъ»—въ подлинникѣ «на» пропущено.

Къ стр. 361. «ужъ чортъ знаетъ чѣмъ»—въ подлинникѣ «чѣмъ» пропущено.

Къ стр. 364. «Наталья»—Н. А. Бееръ.

Къ стр. 365. «святыя тайны» въ письмѣ Боткина къ Бѣлинскому изъ Харькова касались, вѣроятно, отношеній Боткина къ А. А. Бакуниной.

— «не было ли съ нимъ»—въ подлинникѣ «ли» пропущено

Къ стр. 366. «но другомъ онъ никому не можетъ быть»—въ подлинникѣ «быть» пропущено.

Къ стр. 369. «племянника»—П. П. Иванова, собственно, двоюроднаго племянника. Онъ и братъ Бѣлинскаго, Никаноръ, жили у Бѣлинскаго съ 1836 г. Въ 1839 г. ихъ взялъ къ себѣ Д. П. Ивановъ.

Къ стр. 370. «страстная... глубокая»—въ подлинникѣ: «страстное... глубокое.»

— «глубокость»—въ подлинникѣ: «глубость».

Къ стр. 371. «Дядьковскій»—онъ же лѣчилъ и Н. В. Станкевича и настаивалъ на его скорѣйшемъ отъѣздѣ за границу.

Къ стр. 373. «я не зналъ, что въ любви» — въ подлинникѣ «что» пропущено.

Къ стр. 376. «дилетантизмъ»—въ подлинникѣ: «диллентантизмъ».

— «послать за Иваномъ Александровичемъ» — Хлестаковымъ.

Къ стр. 377. «если встрѣтишься съ Ефремовымъ» — А. П. Ефремовъ въ то время тоже былъ за границей и, дѣйствительно, вскорѣ съѣхался съ Станкевичемъ.

— Записки къ А. П. Ефремову, безъ датъ, на клочкахъ бумаги, относящіяся всѣ къ московскому періоду жизни Бѣлинскаго, печатаются по тексту собранія Пыпина. Получены Пыпинымъ отъ кн. Л. В. Шаховского въ февралѣ 1875 г. Полностью были напечатаны въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго», М. 1898. Первыя изъ нихъ связаны съ редактированіемъ Бѣлинскимъ «Московскаго Наблюдателя».

— «совѣстно будетъ передъ Степановымъ» — издателемъ «Наблюдателя».

Къ стр. 378. 7-ая записка есть отвѣтъ на слѣдующую записку Ефремова къ Бѣлинскому: «Бѣлинскій! Посылаю тебѣ «Библіотеку для Чтенія». Пожалуйста, братецъ, пришли еще нѣсколько №№ оной. Видѣлъ ли ты вчера послѣ меня Станкевича или Мишу? Если нѣтъ, то приходи ко мнѣ, я сообщу тебѣ важную новость, и поиграемъ на бильярдѣ. А. Ефремовъ». Обѣ записки написаны на одномъ листкѣ.

— 8-ая записка есть отвѣтъ на слѣдующую записку Ефремова къ Бѣлинскому: «Бѣлинскій! Когда ты будешь у Бееровыхъ, спроси у нихъ, «Histoire de la Révolution française» Mignet, да напиши мнѣ, когда, въ которомъ часу мы выѣзжаемъ, потому что сегодня послѣ обѣда я долженъ нанять вольныхъ лошадей до Тулы.—Не забудь квартальнаго. А. Ефремовъ». Обѣ записки написаны на одномъ листкѣ. Приводя эти записки въ своей работѣ «Семейство Бакунинныхъ», («Рус. Мысль», 1913, IV), А. А. Корниловъ относитъ ихъ къ моменту выѣзда Ефремова и Бѣлинскаго на Кавказъ, т. е. къ лѣту 1837 г. Къ этому же времени отнесены онѣ и въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго», гдѣ онѣ впервые были напечатаны. Между тѣмъ, Пыпинъ полагалъ, какъ это видно изъ замѣтки въ его собраніи, что эти записки относятся ко времени поѣздки за докторомъ Ключниковымъ въ Веневъ, т. е. къ лѣту 1838 г. Намъ послѣднее мнѣніе кажется болѣе вѣрнымъ.

Къ стр. 379. 10-ая записка есть отвѣтъ на слѣдующую записку Ефремова къ Бѣлинскому: «Не можешь ли ты, любезнѣйшій Виссаріонъ, прислать мнѣ денегъ; я бы тебя не потревожилъ, но я самъ имѣю въ нихъ, какъ говорятъ французы, bon bésoin. Твой А. Ефремовъ». Обѣ записки написаны на одномъ листкѣ.

— «Я ужъ сталъ откровенно под....мъ»—въ сборникѣ «Памяти Бѣлинскаго напечатано: «Я ужъ сталъ откровенно подлъ и наглъ».

ПОПРАВКИ.

На стр. 52. Напечатано: «*5 д.* и 60 №». Слѣдуетъ: «*59* и 60 №».

На стр. 123. Напечатано: «слышалъ извѣстное имѕ». Можетъ быть, вѣрнѣе чтеніе: «слышалъ извѣстное имя». Въ текстѣ собранія Пыпина это мѣсто недостаточно отчетливо: можно прочесть «имя» и «имѕ», и редакторъ настоящаго изданія въ дополненіяхъ ко второму изданію книги Пыпина (стр. 614) напечаталъ «имѕ». Между тѣмъ, А. А. Корниловъ въ своей работѣ «Семейство Бакуниныхъ» («Рус. Мысль», 1912, IX, с. 59) даетъ чтеніе: «имя». Слѣдуетъ признать, что послѣднее чтеніе является болѣе вѣроятнымъ; впрочемъ, дѣлаемое на стр. 398 примѣчаніе къ этому мѣсту показываетъ, что и при первомъ чтеніи смыслъ мѣста остается тотъ же.

На стр. 400. Напечатано: «Ниже будутъ напечатаны письма Бѣлинскаго къ Кронебергу». Слѣдуетъ вмѣсто этого: «Во II томѣ будетъ напечатано письмо Бѣлинскаго къ А. Я. Кульчицкому». Письма Бѣлинскаго къ Кронебергу неизвѣстны, но это не измѣняетъ сущности высказаннаго здѣсь соображенія, такъ какъ фактъ переписки Бѣлинскаго съ Кронебергомъ до личнаго знакомства съ нимъ удостовѣряется слѣдующими словами изъ письма И. Я. Кронеберга къ Бѣлинскому отъ 20 августа 1838 г.: «Сегодня (18 авг.) я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше» (стр. 410).

Особенности правописанія Бѣлинскаго.

Въ родительномъ падежѣ отъ словъ, оканчивающихся на ударное *ой*, —*аго*, а не *ого*: другаго, Полеваго.

Приставки *воз*, *из*, *низ*, *раз* въ тѣхъ сочетаніяхъ, гдѣ въ настоящее время ихъ принято писать черезъ *с*, сохраняютъ *з*: возхищеніе, изчезать.

Ужь, ктожь, чтожь, однакожь; часто: мечь, лучь, зародышь, тысячь и т. д.

Часто: *также*, *тоже* и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ принято писать: *такъ же*, *то же*: также, какъ и онъ...

Непослѣдовательность въ написаніи предлоговъ-приставокъ: *кто*му же, *во*собенности, *вс*равненіи, *вр*азсужденіи, *ки*есчастію, *къ* стати, *въ* слѣдствіе, наряду съ написаніями: къ тому же, въ особенности и т. д.

Онъ въ отношеніи слова средняго рода: онѣ (сочиненія).

Часто: мѣлкій, мѣлочность, прилѣжный, мѣдлить, отрѣченіе, лезть, растѣніе, свѣденіе, пріобрелъ, поцалуй, цаловать, сертукъ, пожалуста, щастіе, сватьба, геніяльный, азіятскій, раскаѣваться, отчаѣваться.

Съ прописной буквы: обозначенія народовъ и производныхъ опредѣленій: Русскій, Французъ, Германецъ, по Арабски, по Персидски и т. д.

То же часто въ отдѣльныхъ словахъ, какъ: Литература, Писатель, Геній, и т. д.

Единичныя особенности оговариваются особо въ примѣчаніяхъ.

Наиболѣе часто встрѣчающіяся сокращенія: *м. б.* (можетъ быть), *п. ч.* (потому что), *ас.* или *асс.* (ассигнаціями), *ктрый* (который), *к.* (когда), *м.* (мужчина), *ж.* (женщина), *О. З.* (Отечественныя Записки), *Совр.* (Современникъ), *Набл.* (Наблюдатель). *Б.* (Боткинъ), *К.* (Катковъ), *Кр.* (Краевскій), *Ст.* (Станкевичъ), *Гр.* (Грановскій), *Кл.* (Ключниковъ), *Грц.* (Герценъ), *А. А.* (Андрей Александровичъ, Александра Александровна).

Содержаніе.

	стр.
Отъ редактора	I
Къ родителямъ. 1 сентября, 1829	1
Къ родителямъ. Начало сентября, 1829	1
Къ родителямъ. Конецъ сентября, 1829	2
Къ отцу. 2 октября, 1829	2
Къ родителямъ. 9 октября, 1829	4
Къ родителямъ. Конецъ 1829	5
Къ А. П. и Е. П. Ивановымъ. 20 декабря, 1829	6
Къ А. П. и Е. П. Ивановымъ. Конецъ 1829	10
Къ матери. Январь, 1830	19
Къ родителямъ. Начало 1830	20
Къ М. М. Попову. 30 апрѣля, 1830	21
Къ родителямъ. 7 мая, 1830	23
Къ родителямъ. 4 іюня, 1830	24
Къ матери. Лѣто 1830	24
Къ родителямъ. 24 сентября, 1830	24
Къ П. П. и Ѳ. С. Ивановымъ. 13 января, 1831	24
Къ отцу. 22 января, 1831	28
Къ родителямъ. 17 февраля, 1831	29
Къ родителямъ. 3 марта, 1831	33
Къ родителямъ. 24 мая, 1831	34
Къ отцу. Конецъ мая, 1831	34
Къ родителямъ. 29 сентября, 1831	34
Къ брату Никанору. 29 сентября, 1831	35
Къ брату Константину. 29 сентября, 1831	36
Къ брату Константину. 15 октября, 1831	38
Къ родителямъ. 25 декабря, 1831	38
Къ брату Константину. 27 января, 1832	38
Къ отцу. 21 мая, 1832	39
Къ брату Константину. 21 іюня, 1832 или 1833	40
Къ П. П. и Ѳ. С. Ивановымъ. 10 сентября, 1832	41

	стр.
Къ брату Константину. 15 октября, 1832	43
Къ матери. 20 февраля, 1833	45
Къ отцу. 20 февраля, 1833	47
Къ брату Константину. Начало 1833	48
Къ родителямъ. Начало 1833	48
Къ родителямъ. 20 апрѣля, 1833	48
Къ матери. 21 мая, 1833	49
Къ брату Константину. 21 мая, 1833	51
Къ отцу. 21 мая, 1833	53
Къ брату Константину. 19 іюля, 1833	55
Къ матери. 20 сентября, 1833	56
Къ брату Константину. 20 сентября, 1833	56
Къ Александрѣ Михайловнѣ. 7 декабря, 1833	57
Къ брату Константину. Январь, 1834	59
Къ брату Константину. Начало 1834	59
Къ матери. 25 мая, 1834	59
Къ матери. Іюль, 1834	59
Къ брату Константину. 17 августа, 1834	59
Къ П. П. и Ѳ. С. Ивановымъ. 5 февраля, 1835	60
Къ Н. А. Полевому. 26 апрѣля, 1835	62
Къ Н. А. Полевому. 19 сентября, 1835	62
Къ Н. С. Селивановскому. 27 октября, 1835	63
Къ К. С. Аксакову. Конецъ 1836 или начало 1837	64
Къ М. А. Бакунину. 3 января, 1837	64
Къ А. А. Краевскому. 14 января, 1837	65
Къ Н. А. Полевому. 25 января, 1837	67
Къ А. А. Краевскому. 4 февраля, 1837	67
Къ К. С. Аксакову. 21 іюня, 1837	71
Къ Д. П. Иванову. 21 іюня, 1837	75
Къ М. А. Бакунину. 28 іюня, 1837	77
Къ Д. П. Иванову. 3 іюля, 1837	81
Къ Д. П. Иванову. 7 августа, 1837	83
Къ К. С. Аксакову. 14 августа, 1837	101
М. А. Бакунину. 16 августа, 1837	105
А. Бакунину. 21 сентября, 1837	130
... Бакунину. 15 октября, 1837	132
М. А. Бакунину. 1 ноября, 1837	133
Къ М. А. Бакунину. 15 ноября, 1837	154
Къ М. А. Бакунину. Между 15 и 21 ноября, 1837	157
Къ М. А. Бакунину. 21 ноября, 1837	171
Къ сестрамъ Бакунинымъ. 9 декабря, 1837	179
Къ ...рамъ Бакунинымъ. Конецъ 1837	179
М. А. Бакунину. 1837 или 1838	180
Къ М. А. Бакунину. 1 января, 1838	180
Къ М. А. Бакунину. 14 января, 1838	181
Къ В. П. Боткину. 18 января, 1838	182
Къ И. И. Панаеву. 26 апрѣля, 1838	183

	стр.
Къ М. А. Бакунину. Середина 1838	185
Къ брату Константину. Іюнь, 1838	188
Къ М. А. Бакунину. 20 іюня, 1838	188
Къ П. П. Ключникову. Начало іюля, 1838	201
Къ М. А. Бакунину. Конецъ іюля, 1838	201
Къ А. П. Ефремову. 1 августа, 1838	207
Къ А. М. Бакунину. 1 августа, 1838	208
Къ И. И. Панаеву. 10 августа, 1838	210
Къ М. А. Бакунину. 13—14 августа, 1838	213
Къ М. А. Бакунину. 16—17 августа, 1838	221
Къ М. А. Бакунину. 10 сентября, 1838	227
Къ В. П. Боткину. Осень 1838	255
Къ Н. В. Станкевичу. Начало октября, 1838	257
Къ М. А. Бакунину. 12—24 октября, 1838	259
Къ Н. В. Станкевичу. 8 ноября, 1838	307
Къ И. И. Панаеву. 18 февраля, 1839	311
Къ И. И. Панаеву. 22 февраля, 1839	312
Къ И. И. Панаеву. 25 февраля, 1839	314
Къ В. П. Боткину. Весна 1839	315
Къ В. П. Боткину. Весна 1839	316
Къ Н. В. Станкевичу. 19 апрѣля, 1839	316
Къ А. А. Краевскому. 5 іюля, 1839	319
Къ М. А. Бакунину. Лѣто 1839	320
Къ А. А. Краевскому. 19 августа, 1839	321
Къ В. П. Боткину. Конецъ лѣта, 1839	323
Къ И. И. Панаеву. 19 августа, 1839	331
Къ А. А. Краевскому. 23 августа, 1839	335
Къ Н. В. Станкевичу. 29 сентября—8 октября, 1839	337
Къ А. П. Ефремову. 1838—1839. Записки	377
Примѣчанія	381
Особенности правописанія Бѣлинскаго	424

им. Горького
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У.

Z
94
1P
94

Т.1
1914